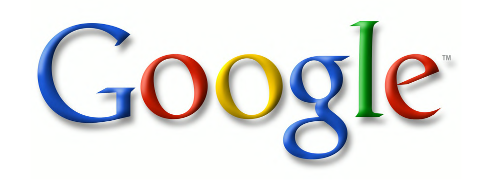
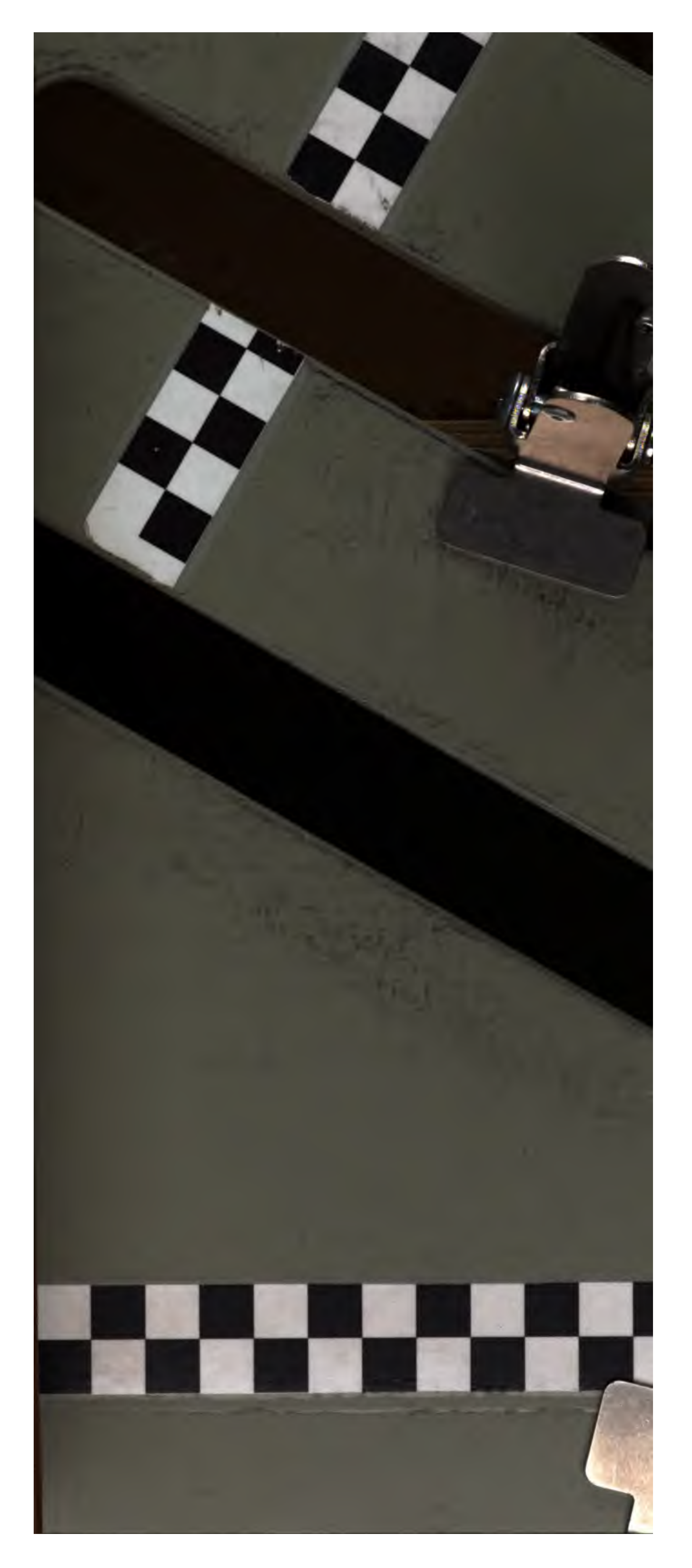
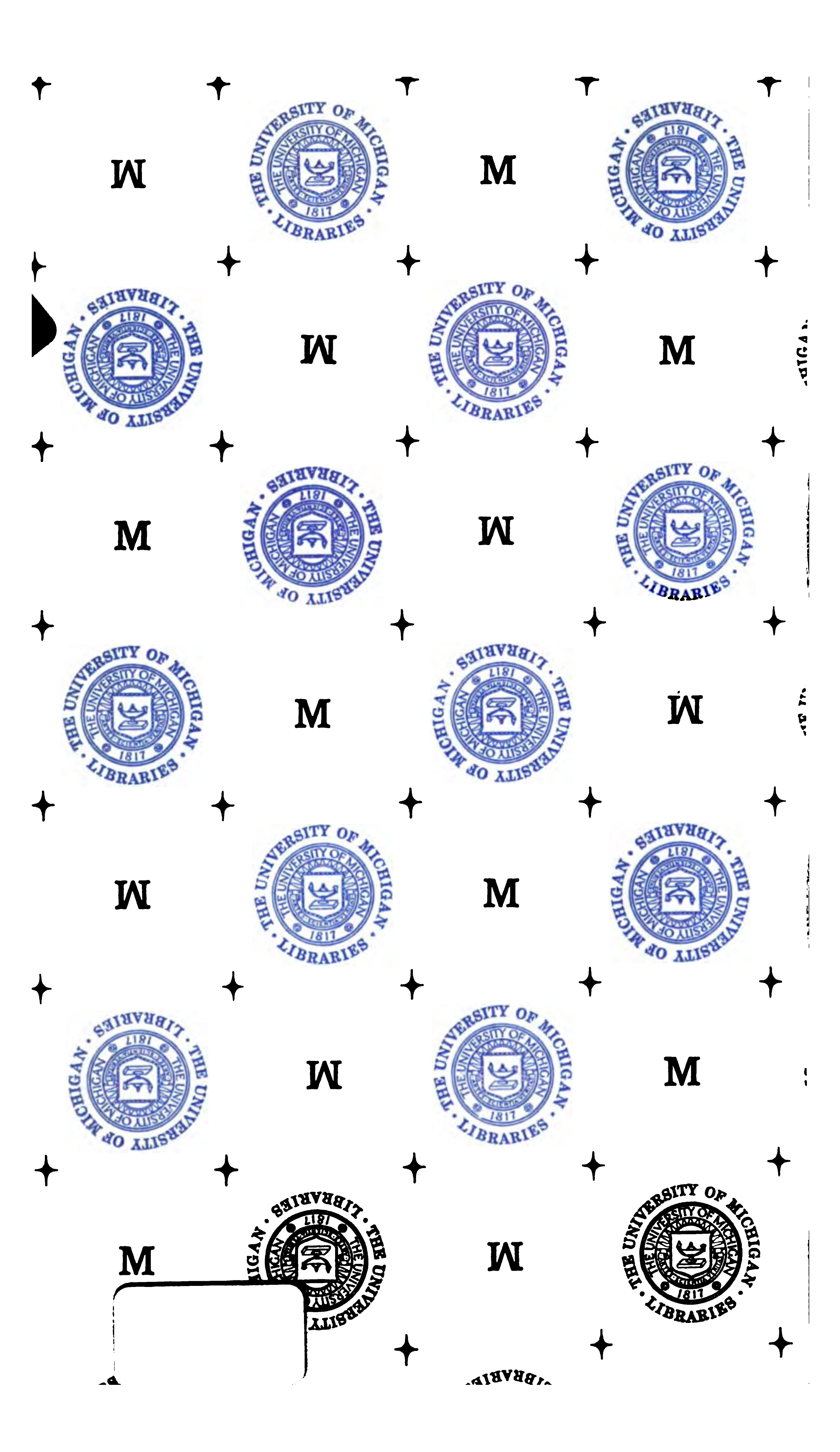
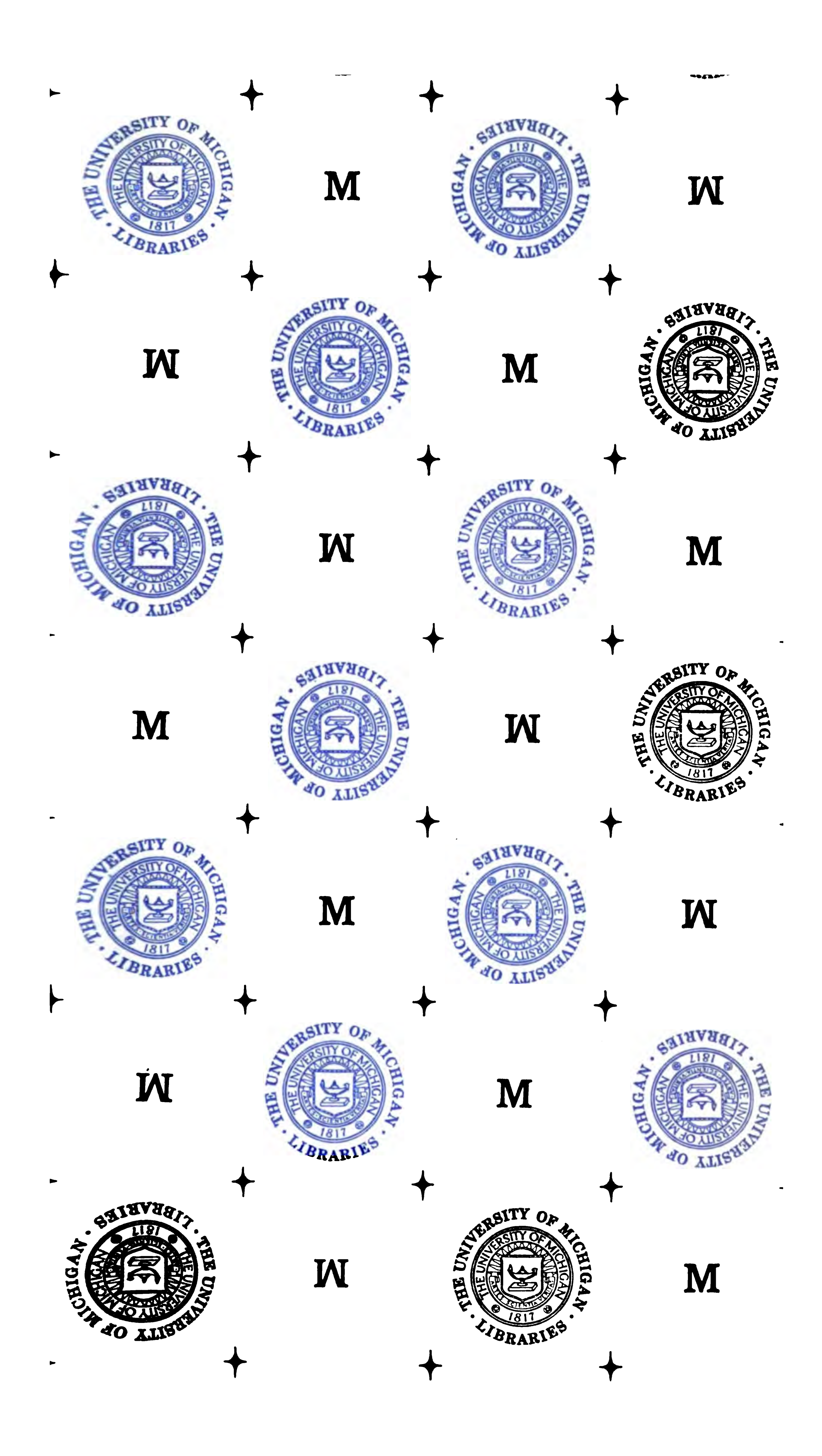

Google




M
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN • LIBRARIES •
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817



ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева.
1863.

Одобрено Цензурой. Москва, Іюня 5-го, 1863 года.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1862 года, Марта 6-го, LIII засѣданіе; пунктъ 6. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссіею для изданія «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» изготовленъ къ печатанію 5-й выпускъ. Положено: «Выпускъ 5-й, который будетъ заключать въ себѣ Былевыя пѣсни Новгородскія и Княжескія, «Приложенія,» какъ-то объяснительныя замѣтки, преданія, сказки, и «Указатель,» а слѣдовательно будетъ объемомъ приближаться къ 4-му выпуску, продавать также, какъ и сей послѣдній, по 1 руб. сер. за экземпляръ. — Всѣ распоряженія по печатанію 5 выпуска и продажѣ его, не ожидая новаго постановленія, возложить, на прежнемъ основаніи, на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1862-й годъ.

Выпускъ 5.

Пѣсни Былевыя: I. Новгородскія. — II. Княжескія.

Пѣсни Былевыя:

I.

Новгородовія.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

*

I.

1 *).

(Арханг. губ., Шенкурскаго уѣзда).

. . . .

Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
«Вались къ Васькѣ на широкой дворъ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька щанъ середи двора **),
Наливалъ щанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,

---

*) Начало пѣсни такое же, какъ ниже изъ Кирши Данилова.—*О.*
**) Вѣроятно стихи таковы:

Во ту же пору во то время
Поставилъ Васька щанъ середи двора...
Щанъ—чанъ.—*О.*

Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ,
Ко тому щану—зелену вину *)....
Вылѣзають добры молодцы изъ-подъ избицы,
Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
Бѣжатъ они, добры молодцы,
Ко Васькѣ Буслаеву.
Котельная Пригарина напередъ бѣжитъ,
Потанюшко Хроменькій позадѐ бѣжитъ,
Позадѐ бѣгучи, онъ одно **) спѣшитъ:
На праву ножку Потанюшко припадываетъ,
На лѣву ножку Потанюшко прихрамываетъ,
Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
Прибѣгали братаны ни широкій дворъ:
На широкомъ дворѣ три щанà вина.
Размахнули ребята на щанахъ зелено вино,
Выпивали ребята по пивнòму по ковшику,
А пивной-то ковшикъ полтора ведра.
Увидалъ Васька удалыхъ ребятъ,
Соходилъ Васька со красна крыльца,
Погонилъ братановъ со двора долой.
Замолилисъ братаны рѣчьми хорошими:
««Хоть ты дай намъ, Васька, опохмѣлиться.»»
Захватилъ онъ ихъ за бѣлы руки,
Потащилъ онъ ихъ во новỳ избу:
Тамъ онъ ихъ угощалъ, тамъ и чествовалъ.

Мужики Новогорòдчана, на питье они завидные,
Никола Зиновьевичъ, Ѳома Родіоновичъ,
Засмѣкàли они собирать братовщѝны Никольщины:
Насобирали они хлѣба семнадцать мѣръ,
Накурили они зелена вина;
Пьютъ-веселятся мужики Новогородчана.

Правятся Васька Буслаевъ сынъ

---

*) Отселѣ собственно начинается Шенкурское разнорѣчіе пѣсни.—*О.*
**) Одинаково; все таки.—*О.*

Съ Котельной Пригариной да съ Потанюшкой Хроменькимъ
На пиръ на трапезу *).
Тутъ они на пиру напивалися,
Тутъ они на пиру наѣдалися,
Тутъ они другъ другу поперечили.
Подходилъ Васька къ чану зелена́ вина,
Размахнулъ Васька въ чанѣ зелено вино,
Охлеснулъ Васька посудину полтретья ведра,
Самъ прогово́рилъ Васька таково слово:
«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичь,
«Не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичь,
«Не боюсь я всего Новго́рода!
«Лишо́ **) боюсь я крестоваго батюшка,
«Матераго Старчища Игнатьища,
«Да боюсь я крестоваго бра́телка,
«Молода Григорья Игнатьича:
«Имъ отъ меня и честь и почётъ;
«А что по чему пойдетъ ***),—такъ и всѣхъ не боюсь!»
И ударился Васька о великъ закладъ,
Не о́стѣ рублей, не о тысячѣ,
Ударился Васька о своей буйной головѣ:
За утро̀ биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

Пришелъ Васька Буслаевъ ко родимой ко матушкѣ,
Къ матеро́й вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Приводилъ съ собой товарищей,
Котельную Пригарину да Потанюшку,
Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ,
Учалъ онъ ихъ, Васька, чествовать,
Самъ сталъ матушкѣ своей разсказывать:
«Родна матушка, Амелѳа Тимоѳеевна!

---

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Правятся они на пиръ на трапезу.—*О.*

**) Лишь.—*О.*

***) А коли дойдетъ до настоящей расцѣнки, коли ужь на то пойдетъ.—*О.*

«Ударился я не о ма̀лъ закладъ,
«Съ Николой Зиновьевичемъ да съ Ѳомой Родіоновичемъ,
«Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
«Ударился о своёй буйной головѣ:
«За утро̀ мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ.»
Заплакала матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
Замыкала замками крѣпкими,
Заметывала рогатками булатными.

Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
Ото сна встаютъ, братаны, пробуждаются,
Умываются они бѣлешенько,
На востокъ они, братаны, Богу кланяются,
Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.
Сутки бьются они съ Новымъ-городомъ:
Не подходитъ Васька Буслаевичь;
Другія они бьются съ Новымъ-городомъ:
Не подходитъ Васька Буслаевичь;
Третьія они бьются съ Новымъ-городомъ:
Васьки Буслаева въ очью нѣтъ.
Говорятъ мужики Новогородчана:
««Еще что̀ же, братцы, Васька за дуракъ такой?
««Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ,
««Продалъ за̀ дешево, братцы, Васька своихъ товарищей:
««Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева,
««Молотами у нихъ головы испроломаны,
««Кушаками у нихъ головы испривя́заны,
««А Васьки Буслаева въ я́вѣ нѣтъ.
««Еще что̀ же, братцы, Васька за дуракъ такой?»»

Въ погребу учулъ Васька эту го́ворю поху́льную *),
Заторчалъ **) Васька за дверями дубовыми,
Тутъ броси́лся Васька на ободверины укла́дныя ***):

*) Рѣчь бранную, а вмѣстѣ похвальную—хвастливую.—*О.*
**) Рванулся.—*О.*
***) Изъ закаленнаго желѣза.—*О.*

Высадилъ онъ двери на́ пяту,
Разметалъ онъ рогатины булатныя.
Не па́ла Васькѣ никакая ура́зина *),
Захватилъ онъ оси́ще телѣжное,
Бѣжитъ онъ съ оси́щемъ на улицу:
«Садитесь вы, братцы, на лавочку!
«Продалъ васъ не я, добрый молодецъ,
«Продала васъ моя матушка родимая:
«Теперь я съ ними одинъ побра́таюсь!»
Заходило черне̂нное **) осище по мужикамъ Новогородчанамъ:
Побѣжали мужики Новгородчана,
На часу̀ одинъ всю силу выгубилъ.
Въ стрѣту палъ ему крестовый брателко:
На головѣ держитъ мѣдный колоколъ,
Не величекъ колоколъ—девяносто пудъ.
Засвѣти́лъ ***) Васька осью въ мѣдный колоколъ,—
Разбилъ колоколъ въ мелко жеребьё;
Тялъ ****) брата осью телѣжною,—
Зашибъ его до смерти до скорыя.
Идетъ Васькѣ въ стрѣту Старчище Игнатьище:
Къ землѣ Игнатьище покляпля́ется *****),
Костылемъ Игнатьище подпирается,
На головѣ несетъ мѣдный колоколъ,
Не величекъ колоколъ—полтораста пудъ.
Говоритъ Васька Буслаевичь:
«Ужь ты здравствуешь крестовый батюшко!
«Ты за чѣмъ идешь, старъ человѣкъ?»
Отвѣчаетъ Старчище Игнатьище:
—Ты молодой, Васька ******)!.............—

---

*) Орудіе битвы.—*О.*
**) Червленое, прозвище вяза, которымъ бились.—*О.*
***) Блеснулъ, махнулъ.—*О.*
****) Ударилъ.—*О.*
*****) Сгибается.—*О.*
******) Здѣсь записавшій пѣсню, къ сожалѣнію, изъ мнимаго приличія выпустилъ строки.—*О.*

Отвѣчаетъ Васька Буслаевъ сынъ:
«Не корись ты, старая шлея бросо́вая *),
«Не корись ты, корзина дертю́жная **),
«Дертю́жная корзина, вѣковалая!
«Колько я тебя Крёстнымъ ни называвалъ,
«На вѣку ты мнѣ яичка не давывалъ:
«Вотъ тебѣ красное яичко,—Христосъ воскресъ!»
Ударилъ онъ колоколъ осьёй телѣжною,—
Разкроилъ онъ колоколъ въ мелко же́ребьё;
Застегнулъ онъ Старчища Игнатьища,
Разъ ударилъ осью,—грязьёй сдѣлалъ.
Еще сердце въ емъ не уходилося,
Еще граѐтъ ***) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ:
«Лежи ты здѣсь, су́чище облѣзлое,
«Вотъ тебѣ яичко,—Христосъ воскресъ!»

(Записано А. Харитоновымъ, доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Тамъ же).

Наварилъ Васька пива пьянаго,
Накурилъ Васька зелена вина,
Разоставилъ чаны посередь двора,
Спускаетъ чару—полтора ведра,
Ко чарочкѣ приговариваетъ:
«Кто вы́здынетъ ****) чару единой рукой,
«Выпьетъ чару на единый духъ,
«Будетъ Васькѣ тотъ милый другъ,
«Милый другъ будетъ, названый братъ.»
Приходили мужики Новгородчана

---

*) Негодная, брось.—*О.*
**) Изъ драницы.—*О.*
***) Играетъ, насмѣхается. *О.*
****) *Выздынуть*—поднять.—*О.*

Ко Васькѣ на почестенъ пиръ:
Они на питье были завидные.
Не то *) имъ чарочка эта выпити,
Не могли они чарочку вы́здынуть;
Шатаются день до вечера.
Тутъ-то Васькѣ за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Пошелъ Васька на широкій дворъ,
Схватилъ Васька черненый вязъ,
Побѣгъ Васька на широкій дворъ,
Взялъ тутъ мужиковъ бить-оку́тывать,
За запло́ти **) взялъ—всѣхъ повыметалъ.
Пошли мужики—сами заплакали:
««Были у Васьки на честномъ пиру,
««Не упили мы, не уѣли,
««А въ безвѣчье ***) залѣзли у Васьки на вѣки!»»

Бѣжитъ на встрѣту Котельная Пригарина,
Говоритъ мужикамъ таковы рѣчи:
—Были вы у Васьки на честномъ пиру,
—Каково у Васьки упили,
—Каково у Васьки вы уѣли?—
««Мы не упили, не уѣли,
««Мы въ безвѣчье залѣзли на вѣки.
««Ты куда бѣжишь, ты куда спѣшишь?»»
Котельная Пригарина тому не бардуетъ ****),
Онъ одно бѣжитъ, онъ одно спѣшитъ.
Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
Зачерпаетъ чара *****)—полтора ведра,
Воздымаетъ чарочка единой рукой,

*) Не только что.—*О.*
**) *Заплотъ*—заборъ, ограда.—*О.*
***) Увѣчье.—*О.*
****) Не обращаетъ на то вниманія.—*О.*
*****) Весьма рѣдкое словосочиненіе.—*О.*

Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
Крутёхонько *) и во второй разъ—
Воздымаетъ чара единой рукой,
Выпиваетъ чара на единой духъ;
Онъ крутёхонько и въ третій разъ—
Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
И пошолъ Васька на широкій дворъ,
И схватилъ Васька черненый вязъ,
Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
Дѣтина стоитъ—не ворóхнется,
На ёмъ синь кафтанъ не колы́хнется,
Кудри черныя не тря́хнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплéщется;
Не мало ведро выпилъ,—полпятá ведра.
—Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичь,
—Окатилъ ты мнѣ ретиво сердце,
—Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
—Ужь ты дашь ли мнѣ опохмѣлиться?—
Онъ бралъ его за бѣлы руки
И повелъ его во свѣтлицу:
«Будь ты мнѣ милый другъ,
«Милый другъ да и названый братъ!»
Посадилъ его за дубовый столъ
И учалъ его въ тѣ поры чествовать.

Въ тѣ поры въ то времячко
Увидѣли мужики Новгородчана,
Бѣжитъ на встрѣту Потанюшко Хроменькій;
Спрошаетъ онъ у мужиковъ у Новгородчанъ:
—Были ли у Васьки на честномъ пиру?—
Онъ одно бѣжитъ, онъ одно спѣшитъ:
На праву ножку онъ припадываетъ,
На лѣву ножку онъ прихрамываетъ,
Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ,

---

*) *Крутёхонько*—скорёхонько, отъ *круто*—скоро.—О

Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
Зачерпаетъ чара—полтора ведра,
Выздынаетъ чарочка единой рукой,
Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
Крутёхонько и во второй разъ—
Выздынаетъ чара единой рукой,
Выпиваетъ чара на единой духъ;
Онъ крутёхонько и въ третій разъ—
Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
Пошолъ Васька на широкій дворъ
И схватилъ Васька черненый вязъ,
Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
Дѣтина стоитъ—не ворóхнется,
На ёмъ синь кафтанъ не колы́хнется,
Кудри черныя не тря́хнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплéщется.
Говоритъ дѣтина Васькѣ Буслаичу:
—Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичь,
—Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
—Хоть ты дай мнѣ, Васька, опохмѣлиться!—
Онъ бралъ его за праву руку
И повелъ его во свѣтлицу:
«Будь ты мнѣ милый другъ,
«Милый другъ да и названый братъ!»
Посадилъ его за дубовый столъ
И учалъ его въ тѣ поры потчивать.

Мужики Новгородчана,
На питье они были завидные,
Никола Зиновьевичь, Ѳома Родіоновичь,
Вздумали они сбирать бра́тщины Никольщины·
[illegible]рали они двѣнадцать мѣръ,
Наварили зелена вина;
Тутъ они запраздновали,
Никола Зиновьевичь, Ѳома Родіоновичь.
Тутъ Васька Буслаевичь съ своими товарищами,
Съ Котельной Пригариной, съ Потанюшкой Хромень-
кимъ,

Пошли на честной пиръ.
Тутъ на пиру наѣдалися,
Тутъ на пиру напивалися,
Тутъ они другъ другу перечили.
И говоритъ Васька Буслаевичь:
«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичь,
«Не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичь,
«Не боюсь я всего Нова-города,
«Окромѣ крестоваго батюшка,
«Старичища Игнатьища,
«И крестоваго брателка Григорья Игнатьича:
«А что по чему пойдетъ,—такъ и всѣхъ не боюсь!»
И ударился Васька о великъ закладъ,
Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ,
Ударился Васька о своей буйной головѣ:
За утро биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

Тутъ пришолъ Васька Буслаевъ къ матушкѣ родной,
Къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Пришолъ онъ со своими товарищими,
Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ;
Учалъ онъ ихъ потчивать-чествовать,
А самъ сталъ матушкѣ своей разсказывать:
«Родимая матушка, Амелѳа Тимоѳеевна!
«Ударился я съ Николой Зиновьичемъ и съ Ѳомой Родіоновичемъ,
«Ударился я о великъ закладъ,—
«За утро мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ!»
Тутъ матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна заплакала,
Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
Запирала замками крѣпкими,
Замётывала рогатками булатными.

За утро встаютъ Котельная Пригарина,
Потанюшко Хроменькій ранёшенько,
Умываются бѣлёшенько,
И идутъ добры молодцы—сряжаются

Со всѣмъ биться съ Новымъ-городомъ.
Дерутся они съ Новымъ-городомъ трои суточки:
Молотами у ихъ головы испроломаны,
Кушаками головы завязаны.
««Что̀ ты, Васька Буслаевичь,
««Измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!»»

Тутъ бросился Васька на двери съ ободвѐринами,
Бросился—двери высадилъ;
На пути Васькѣ не пало черненое вя́зище,
Не пала Васькѣ никакая ура́зина,
Схватилъ Васька телѣжное о́сище:
«Садитесь вы, братцы, на лавочку:
«Измѣнилъ вамъ не я, добрый молодецъ,
«Измѣнила вамъ моя ро́дна матушка;
«Теперь я съ ними побра́таюсь!»
На часу силу всю выгубилъ;
Онъ дошолъ до крестоваго брателка:
Идетъ онъ—несетъ колоколъ на головѣ сорокъ пудъ.
Ударилъ Васька Буслаичь въ мѣдный колоколъ,—
И расшибъ колоколъ въ мелки жѐребьи;
Тутъ его тяпъ о бѣлы груди осью телѣжною,—
Покатился за́ мертво крестовый брателко.
Идетъ Старичище Игнатьище:
Костылемъ онъ подпирается,
На головѣ несетъ колоколъ—девяносто пудъ.
«На что̀ ты идешь, крестовый батюшко?»
Говоритъ Васька Буслаевичь.
Отвѣчаетъ Старичище Игнатьище:
—Ты Васька, молодой ....не........!—
«[illegible]о я тебя Хрёстнымъ ни называвалъ,
«[illegible]ку̀ ты мнѣ яичка не давывалъ;
«Теперь мы съ тобой похристосуемся:
«Вотъ тебѣ красно яичко—Христосъ воскресъ!»
Васька ударилъ колоколъ осью телѣжною,—
Расшибъ колоколъ въ мелки жѐребьи;
Онъ застегнулъ Старичищу Игнатьищу,

Застегнулъ осью телѣжною,—
На единой разъ грязью сдѣлалъ.

(Записано г. Н. Борисовымъ въ 1844 г.).

3.

(Кирша Даниловъ).

Въ славномъ Великомъ Новѣ-градѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ;
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелѳа Тимоѳеевна,
И оставалося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичь.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣ-городѣ,
Супротивъ Василья Буслаева!

Поводился вѣдь Васька Буслаевичь
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми-добрыми молодцы:
До пьяна ужь сталъ напиватися;
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То изъ...... ногу выломитъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окарачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая.
А и мужики Новогородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить:
Журьба Васькѣ не взлюбилася.

Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
«Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
Н[illegible] улицы широкія
И [illegible] частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька чанъ середи двора *),
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

---

*) См. № 1-й.—*О.*

Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новотorженинъ;
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ:
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ; —
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя—не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся;
Говорилъ Василій сынъ Буслаевичь:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
«А и будь ты мнѣ названой братъ,
«И паче мнѣ брата родимаго!»
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей Дѣти Боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ:
Молодой Василій сынъ Буслаевичь
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена:
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Збродовичи.
Собиралися-сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ:
Какой зайдетъ,—убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.

Послышалъ *) Васинька Буслаевичь

*) Вѣроятно: „прослышалъ," заслышалъ.—*О.*

У мужиковъ Новгородскіихъ
Канунъ *) варенъ, пива ячныя:
Пошелъ Василій со дружиною.
Пришелъ во братчину въ Никольщину:
««Не малу мы тебѣ сыпь **) платимъ,
««За всякого брата по пяти рублевъ!»»
А за себя Василій даетъ пятдесятъ рублевъ.
А и тотъ-то староста церковной ***)
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василій сынъ Буслаевичь
Бросился на царевъ кабакъ
Со своею дружиною хораброю ****):
Напилися они туто зелена вина
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру:
Отъ малаго до стараго,
Начали ужь ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать:
А иной *****) дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ,—
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:

---

*) Церковное празднованіе извѣстнаго дня начинается съ вечера, съ вечерни, съ *канона* или *кануна*, откуда наше *на канунѣ*, а самыя кушанья и питья, за[redacted]нныя съ вечера подъ праздникъ, назывались—и называются—*сладкимъ,* [redacted]*имъ кануномъ*. Здѣсь разумѣется Николинъ день и то, что было заго[redacted]о къ Никольской братчинѣ, къ пиру, который дѣлали въ складчину со всего прихода.—*О.*

**) Доля складчины, ссыпаемая или сливаемая вмѣстѣ со всякого приноса.—*О.*

***) Начальникъ братчины.—*О.*

****) Должно быть: „хороброю.“—*О.*

*****) Одинъ, какой-то; случилось, что какой-то.—*О.*

«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ
«И Лука, Моисей, Дѣти Боярскіе!
«Уже Ваську меня бьютъ!»
Поскакали удалы-добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки-ноги переломали;
Кричатъ-ревутъ мужики посадскіе;
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичь:
«Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
«Напущаюсь я на весь Новгородъ
«Битися-дратися,
«Со всею дружиною хораброю;
«Тако *) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,—
«Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою,
«На всякой годъ по три тысячи;
«А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритеся,—
«То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая.
А мужики Новгородскіе,
И все купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера;
Молодой Василій сынъ Буслаевичь,
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новѣ-градѣ,

Прибили уже много до смерти.
А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки

---

*) Должно быть: „только," если.—*О.*

Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ:
««Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
««Прими у насъ дороги подарочки,
««Уйми свое чадо милое,
««Василья Буслаевича!»»
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Сохватала Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ:
А и та старуха неразмышлена
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

А его дружина хорабрая
Со тѣми мужики Новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера;
А и та-то дѣвушка-чернавушка
На Волхъ-рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
««Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!
««Не подай *) насъ у дѣла у ратнаго,
««У того часу смертнаго!»»
И тутъ дѣвушка-чернавушка,
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ Новогородскіимъ:
Прибила ужь много до смерти.

*) Не выдай.—О.

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
—А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
—Твою дружину хорабрую
—Мужики Новогородскіе
—Всѣхъ прибили-переранили,
—Булавами буйны головы пробиваны!—
Ото сна Василій пробужается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
Не попала палица желѣзная,
Что попала ему ось телѣжная;
Побѣжалъ Василій по Нову-городу,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ Старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ;
Кричитъ тотъ Старецъ Пилигримища:
—А стой ты, Васька, не попорхивай,
—Молодой глуздырь, не полетывай:
—Изъ Волхова воды не выпити,
—Во Новѣ-градѣ людей не выбити,
—Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
—Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!—
Говорилъ Василій таково слово:
«А и гой еси, Старецъ Пилигримища!
«А и бился я о великъ закладъ
«Со мужики Новогородскими,
«Опричь *) почестнаго монастыря,
«Опричь тебя, Старца Пилигримища:
«Во задоръ войду—тебя убью!»

Ударилъ онъ Старца во колоколъ
А и той-то осью телѣжною,—
Начается, Старецъ не шевелнится,—

*) Не считая въ уговорѣ.—*О.*

Заглянулъ онъ, Василій, Старца подъ колоколомъ,
А и во лбѣ глазъ—ужь вѣку нѣтъ *).

Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ.
А идетъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ,
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло;
Молодой Василій Буслаевичь
Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
Со тѣми мужики Новогородскими
Онъ дерется-бьется день до вечера;
А ужь мужики покорилися,
Покорилися и помирилися.
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ—покланяются:
««Осударыня матушка!
««Принимай ты дороги подарочки,
««А уйми свое чадомилое,
««Молода Василья со дружиною;
««А и ради мы платить
««На всякой годъ по три тысячи,
««На всякой годъ будемъ тебѣ носить
««С[illegible]бниковъ по хлѣбику,

---

*) *Качается*—есть исправленіе К. Ѳ. Калайдовича, очевидно противорѣчащее выраженію „не шевелнится;“ въ рукописи было, какъ оставляемъ и мы, *качается*, надѣется, думаетъ, полагаетъ; ударилъ Василій въ колоколъ и думаетъ, старецъ отъ того не шевельнется, а какъ заглянулъ подъ колоколъ,—глаза ужь закрылись давно, давно умеръ отъ удара.—Думаемъ также, что вѣрнѣе чтеніе—„старцу подъ колоколъ.“—*О.*

««Съ калачниковъ по калачику,
««Съ молодицъ повѣнечное,
««Съ дѣвицъ повалешное,
««Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
««Опричь поповъ и дьяконовъ *).»»

Втапоры матера вдова
Амелѳа Тимоѳеевна
Посылала дѣвушку-чернавушку
Привести Василья со дружиною.
Пошла та дѣвушка-чернавушка,
Бѣжавши та дѣвка запыхалася:
Не льзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
Что полтеи **) по улицѣ валяются
Тѣхъ мужиковъ Новогородскiихъ.
Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Сохватила Василья за бѣлы руки,
А стала ему разсказывати:
—Мужики пришли Новогородскiе,
—Принесли они дороги подарочки
—И принесли записи заручныя
—Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
—Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ.—
Повела дѣвка Василья со дружиною
На тотъ на широкой дворъ,
Привела-то ихъ къ зелену вину.
А сѣли они молодцы во единой кругъ,
Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу ***) молодецкаго
Отъ мужиковъ Новгородскихъ;
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:

*) Разряды древнихъ податей, исключая безподатныхъ церковниковъ: *повѣнечное*—подать съ брака, вѣнца; *повалешное*—съ валька, съ портомойни, съ плоту.—*О.*

**) Туши убитыхъ, половинки, окорока разорванныхъ: одинаково сродное и съ *пóлоть*, плоть, и *поло*, половина (корень словъ одинъ).—*О.*

***) Удара, побоища.—*О.*

««У мота и у пьяницы,
««У млада Васютки Буслаевича,
««Не упито, не уѣдено,
««Въ краснѣ хорошо *) не ухожено,
««А цвѣтнаго платья не уношено,
««А увѣчье на вѣкъ залѣзено **)!»»
И повелъ ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Втапоры мужики Новогородскіе
Приносили Василью подарочки,
Вдругъ сто тысячей;
И за тѣмъ у нихъ мирова ***) пошла;
А и мужики Новогородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

* *

II.

4.

(Оттуда же).

Подъ славнымъ Великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю,
Плаваетъ-поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ:
А плаваетъ-поплаваетъ червленъ корабль
Какъ бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья, со его дружиною хораброю ****),

---

*) Должно быть: „въ краснѣ-хорошѣ.“—*О.*

**) Пре[illegible] неосторожные издатели, какъ на примѣръ г. Сахаровъ, исправляли—„[illegible]о.“ Но „залѣзть“ значитъ—добыть, пріобрѣсть, и предыдущій обра[illegible] пѣсни доказываетъ, что такое чтеніе правильно: не выпить, не проѣсть всего, что есть у Васютки, не износить платья цвѣтнаго, за то и увѣчье добыто на вѣкъ!—*О.*

***) Мировая (сдѣлка).—*О.*

****) Стихи должны быть:

А и молода Василья со его дружиною,
Со его дружиною хороброю.—*О.*

Тридцать удалыхъ молодцовъ.
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василій-то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Свѣтъ моя дружина хорабрая,
«Тридцать удалыхъ-добрыхъ молодцовъ!
«Ставьте корабль поперегъ Ильменя,
«Приставайте, молодцы, ко Нову-городу.»
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ,
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому *),
И за нимъ идетъ дружинушка хорабрая,
Только караулы оставили.

Приходитъ Василій Буслаевичь
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Какъ вьюнъ около ее убивается **),
Проситъ благословеніе великое:
«А свѣтъ ты моя сударыня матушка,
«Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
«Дай мнѣ благословеніе великое,
«Итти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
«Со всею дружиною хораброю,
«Мнѣ ко Господу помолитися,
«Святой святынѣ приложитися,
«Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»
Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелѳа Тимоѳеевна:

---

*) Стихи должны быть:
Походилъ тутъ Василій ко своему двору,
Къ своему онъ двору ко дворянскому.—*О.*

**) Должно быть: „увивается."—*О.*

—Гой еси ты, мое чадо милое,
—Молодой Василій Буслаевичь!
—То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
—Тебѣ дамъ благословеніе великое;
—То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
—И не дамъ благословенія великаго,
—А и не носи Василья сыра земля!—
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару разтопляется:
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу-пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
—Побереги ты, Василій, буйну голову свою!—
Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются;
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю.

Бѣгутъ они ужь сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,
Въ стрѣчу имъ гости корабельщики:
««Здравствуй, Василій Буслаевичь!
««Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?»»
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичь:
«Гой еси вы, гости корабельщики!
«А мое-то вѣдь гулянье неохотное *):
«Съ молоду бито много, граблено,
«Подъ старость надо душа спасти **).
«А[illegible]ажите вы, молодцы, мнѣ прямаго путя
«К[illegible]ятому граду Іерусалиму?»
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
««А и гой еси, Василій Буслаевичь!

*) По неволѣ.—*О.*
**) Обычный древній оборотъ словосочиненія.—*О.*

««Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
««Бѣжать семь недѣль,
««А окольной дорогой полтора года.
««На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
««На томъ острову на Куминскіимъ,
««Стоитъ застава крѣпкая,
««Стоятъ атаманы козачіе,
««Не много, не мало ихъ—три тысячи:
««Грабятъ бусы-галеры,
««Разбиваютъ червлены корабли *).»»
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичь:
«А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
«А и вѣрую въ свой червленой вязъ:
«А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!»

И завидѣлъ Василій гору высокую,
Приставалъ скоро ко круту берегу,
Походилъ Василій сынъ Буслаевичь
На ту ли гору Сорочинскую,
А за нимъ летитъ дружина хорабрая.
Будетъ Василій въ полу-горѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость:
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова человѣческая:
—Гой еси ты, Василій Буславьевичь!
—Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
—Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
—Умѣю я, молодецъ, валятися;
—А на той горѣ Сорочинскія,
—Гдѣ лежитъ пуста голова,
—Пуста голова молодецкая,
—И лежать будетъ головѣ Васильевой!—
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
«Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,

*) Должно быть: „кáрабли."—*О.*

«Или нечистой духъ!»
Пошелъ на гору высокую.
На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ:
Въ вышину три сажени печатныя,
А и черезъ его только топоръ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
««А кто, де, у камени станетъ тѣшиться,
««А и тѣшиться-забавлятися,
««Вдоль скакать по каменю,—
««Сломить будетъ буйну голову.»»
Василій тому не вѣруетъ;
Приходилъ со дружиною хораброю,
Стали молодцы забавлятися,
Поперегъ того каменю поскакивати:
А вдоль-то его не смѣютъ скакать.

Пошли со горы Сорочинскія,
Сходятъ они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому
На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
А стары атаманы козачіе:
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
И скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
Червленымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики, удалы-добры молодцы,
[illegible]на караулѣ испугалися;
М[illegible]го его не дожидаются:
Побѣжали съ пристани корабельныя
Къ тѣмъ атаманамъ козачіимъ.
Атаманы сидятъ—не дивуются,
Сами говорятъ таково слово:
««Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,

««Не видали страху великаго!
««Это, де, идетъ Василій Буслаевичъ:
««Знать, де, полетка соколиная,
««Видѣть, де, поступка молодецкая *)!»»
Пошагалъ-то Василій со дружиною,
Гдѣ стоятъ атаманы козачіе;
Пришли они, стали во единой кругъ;
Тутъ Василій имъ поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы козачіе!
«А скажите вы мнѣ прямаго пути
«Ко святому граду Іерусалиму?»
Говорятъ атаманы козачіе:
««Гой еси, Василій Буслаевичъ!
««Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати **)!»»
Втапоры Василій не ослушался:
Садился съ ними за единой столъ.
Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра ***):
Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ;
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу-ведру пить.
И хлѣба съ солью откушали ****),
Сбирается Василій Буслаевичъ
На свой черленъ корабль,—
Даютъ ему атаманы козачіе подарки свои:
Первую мису чиста серебра,
И другую красна золота,

---

*) Замѣтно по полету сокола, видно по поступкѣ молодца.—О.
**) Стихи должны быть:
««Милости тебя просимъ за единой столъ,
««За единой столъ хлѣба кушати!»»—О.
***) Стихи:
Наливали ему чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра.—О.
****) Т. е. когда откушали.—О.

Третью скатнаго жемчуга.
За то Василій благодаритъ и кланяется,
Проситъ у нихъ до Ерусалима провожатаго:
Тутъ атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощалися.
Собрался Василій на свой червленъ корабль
Со своею дружиною хороброю,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.

Будутъ они во Ердань-рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичь,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ градъ.
Пришелъ во церкву соборную:
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ *),
[illegible]ъ золотой казны не считаючи;
[illegible]ходитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

Втапоры его дружина хорабрая

---

*) Богорадные старцы, въ богадѣльнѣ, страннопріимницѣ и больницѣ.—*О.*

Купалися во Ерданѣ рѣкѣ;
Приходила къ нимъ Баба Залѣсная,
Говорила таково слово:
—Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
—А некому купатися опричь Василья Буслаевича!
—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ *):
—Потерять его вамъ будетъ,
—Большаго атамана Василья Буслаевича **)! —
И они говорятъ таково слово:
««Нашъ Василій тому не вѣруетъ, ни въ сонъ, ни въ чохъ ***).»»
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань-рѣки.

Подняли тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго;
Приходили тутъ атаманы козачіе,
И стоятъ всѣ на пристани корабельныя;
А и выскочилъ Василій Буслаевичь
Изъ своего червленаго корабля,
Поклонились ему атаманы козачіе:
««Здравствуй, Василій Буслаевичь!

---

*) Стихи:

—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь,
—Самъ Господь Іисусъ Христосъ.—*О.*

**) Изъ другихъ разнорѣчій пѣсни знаемъ, что не купаться [illegible]рданѣ считалось грѣхомъ, а грѣхомъ было купаться „нагимъ тѣломъ,“ [illegible]бо такъ крестился только Господь; Баба догадывается, что некому было сдѣлать эту дерзость кромѣ Василья, и за то предсказываетъ, что путники потеряютъ своего атамана.—*О.*

***) Стихи:

«Нашъ Василій тому не вѣруетъ,
«Не вѣруетъ Василій ни въ сонъ, ни въ чохъ.»—*О.*

««Здорово ли съѣздилъ въ Ерусалимъ градъ?»»
Много Василій не баитъ съ ними,
Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за ихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ, молодцовъ;
Втапоры атаманы козачіе
Звали Василья обѣдати:
И онъ не пошелъ къ нимъ,
Прощался со всѣми тѣми атаманы козачими.
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому къ Нову-городу.

А и ѣдутъ недѣлю спорядy,
А и ѣдутъ уже другую,
И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую:
Захотѣлось Василью на горѣ побывать.
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору,
Пошелъ Василій со дружиною.
И будетъ онъ въ полъ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость *):
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
—Гой еси ты, Василій Буслаевичь!
—Къ чему меня, голову, попинываешь
—И къ чему побрасываешь?
—Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
—Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
—Гдѣ лежитъ пуста голова,
—Лежать будетъ и Васильевой головѣ!—
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.

---

*) Стихи:
И завидѣлъ Василій гору высокую,
Высокую гору Сорочинскую...
И на пути лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость.—*О*.

Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень:
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
««А кто, де, у каменя станетъ тѣшиться,
««А и тѣшиться-забавлятися,
««Вдоль скакать по каменю,—
««Сломить будетъ буйну голову.»»
Василій тому не вѣруетъ;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,—
Разбѣжался—скочилъ вдоль по каменю:
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой черленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали къ Нову-городу.

И будутъ у Нова-города,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ.
Прошли *) и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы-добры молодцы!
«У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;

*) Пришли?—*О.*

«Подите въ подвалы глубокіе,
«Берите золотой казны не считаючи!»
Повела ихъ дѣвушка-чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Возговорили таковы слова:
««Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна,
««Что поила-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ *)!»»
Втапоры матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
Подноситъ дѣвушка-чернавушка
Тѣмъ удалымъ-добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

*
* *

*) Стихи:

Прочитала письмо матера вдова,
Прочитала письмо, сама заплакала...
««Что поила-кормила, обувала-одѣвала,
««Обувала-одѣвала добрыхъ молодцевъ!»»—*О.*

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

I.

1.

(Олонецк. губ., Повѣнецк. уѣзда, деревни Кижениць).

Будучись Садко Купецъ, Богатый Гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ оными своей буйной головой,
Что «Я у васъ повыкуплю товары всѣ,
«Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу;
«Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
«Да на свои корабли повыгрузить,—
«Отдамъ отсѣчь свою буйную голову!»
И сталъ онъ въ Новѣ-городѣ гулять,
Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,
И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Дружги и братья корабельщики!
«Катайте-ко якори съ синя моря,
«Распущайте-ко парусы полотнянныи!»
И всѣхъ кораблей были тридцать три:
Единой корабль передомъ пошолъ,
На которомъ ѣдетъ Садко Купецъ, Богатый Гость.

И ѣдетъ Садке Купецъ, Богатый Гость, середи моря,
И остановился корабль Садки Купца Богатаго.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Дружьямъ-братьямъ корабельщикамъ:

«Ай же вы, дружги-братья корабельщики!
«Берите-ко щупы желѣзныи,
«Щупайте во синёмъ мори:
«Нѣтъ ли луды *) или каменя,
«Нѣтъ ли отмели песочныя?»
Они щупали во синёмъ мори:
Не нашли они ни луды, ни каменя,
И не нашли отмели песочныя.
Тутъ скрычалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Эй вы, дружья-братья корабельщики!
«Вы спускайте во синё морё якори мёртвыи
«И становитесь всѣ по по́ряди.»
Оны кидали якори мертвыи
И становились всѣ по по́ряди.
И собиралися на одинъ корабль,
И говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же вы, дружья-братья корабельщики!
«Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
«Другую насыпьте красна золота,
«А третью насыпьте скатна жемчуга,
«Положите на дощечку золоту казну
«И бросьте дощечку во синё морё:
«Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
«А Поддо́нному Царю пошлины не плачивалъ,—
«Вѣрно пошлины онъ отъ меня требуетъ!»
Положили на дощечку золоту казну:
Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголёмъ плыветъ.
Тутъ говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же вы, дружья-братья корабельщики!
«Вѣрно не пошлины Поддо́нной Царь требуетъ,
«А требуетъ онъ голову человѣческу!
«Возмите-тко дерево сосновое,
«Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«Подпишите подпись по отечеству,
«Бросьте жеребьи во синё морё

*) Подводнаго камня: который *лудитъ*, обманываетъ плывущихъ. — *О.*

«Ко тому Царю ко Поддóнному.»
Оны бросили жеребьи во синё морё:
Вси жеребьи гоголём плывуть,
А который жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошелъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это есть дерево не правое,
«Не правое дерево—сосновое!
«А возмите вы дерево еловое,
«Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«И подпишите подпись по отечеству,
«Бросьте жеребьи во синё морё
«Ко тому Царю ко Поддонному.»
Оны бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголём плывуть,
А который жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошелъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это дерево есть не правое,
«Не правое дерево—еловое!
«Возмите-ко дерево ольховое,
«Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
«И подпишите подпись по отечеству:
«Кому у насъ, братцы, итти во синё морё
«Ко тому Царю ко Поддонному?»
Оны бросили жеребьи во синё морё;
Всѣ жеребьи гоголём плывуть,
А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это есть дерево не правое!
«А возмите-ко дерево дубовое,
«Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«Подпишите подпись по отечеству.»
Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
И бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголём плывуть,

А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это есть дерево не правое,
«Не правое дерево—дубовое!
«А возмите-ко дерево кипарисное,
«И вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«И подпишите жеребьи по отечеству:
«На томъ вѣдь деревѣ Христосъ распятъ есть,
«Это есть дерево правое,
«Правое дерево—кипарисное.»
Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣза́ли жеребьи поимянно всѣмъ,
Подписали подпись по отечеству
И бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Видно, бѣда пришла мнѣ неминучая:
«Самому Садку, Купцу Богатому
«Иттить будетъ во синё морё!
«Насыпьте-ко, братцы, мису чиста серебра,
«Другу насыпьте красна золота,
«А третью насыпьте скатна жемчуга.»
Тутъ онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы Угодника,
А во лѣвую гусли яро́вчеты *),
Камочку **) Сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи наигрыши—Сибирскіи.
И приказалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Мисы класть на дощечечку,

*) Яворчеты, яворовыя.—*О.*
**) Вѣроятно ошибка пѣвца, соблазненнаго прозвищемъ „Сибирскую“: дѣло идетъ о гусляхъ и ихъ наигрышахъ.—*О.*

И самъ садился на тую же;
И будто въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменёмъ ко дну.

И принясло *) дощечку во синёмъ морѣ
Ко той полаты бѣлокаменны,
А корабли его всѣ въ ходъ пошли,
А онъ пришелъ въ полату бѣлокаменну
Ко тому Царю ко Поддонному.
Онъ ему съ Царицею билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся,
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонный Царь!
«За чѣмъ ты меня сюда требовалъ?»
Говоритъ Поддонной Царь:
—Я за тѣмъ тебя сюда требовалъ,—
—Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
—Что́ у васъ на Руси есть дорого:
—У насъ съ Царицею разговоръ идетъ,
—Злато или серебро на Руси есть дорого,
—Или булатъ-желѣзо есть дорого?—
Говоритъ ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Я скажу тебѣ и повѣдаю:
«У насъ злато-серебро на Руси дорого,
«А булатъ-желѣзо не дешевлѣя;
«Потому оно дорого,
«Что безъ злата-серебра сколько можно жить,
«А безъ булату-желѣза жить-то не́ можно,
«А не́ можно жить вѣдь никакому званію.»
Говоритъ ему Поддонной Царь:
—Что́ у тебя есть во право́й руки
—И что́ у тебя есть во лѣво́й руки?—
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Есть у меня во правой руки

---

*) Принесло: какъ въ языкѣ Сербскомъ.—*О.*

«Образъ Миколы Угодника,
«А во лѣвой руки гусли яровчеты.»
Тутъ беретъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Беретъ онъ гусельшки яровчеты:
Тутъ Поддонной Царь распотѣшился
И началъ плясать по полаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
Проигралъ Садко ровно три часу.
Говоритъ ему Царица Поддонная:
««Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
««Сломай-ко ты гусли яровчеты:
««Тебѣ кажется, что скачетъ по полатамъ Царь,
««А скачетъ Царь по крутымъ берегамъ;
««Отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ
««Безповинныя буйны головы.»»
Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И прирвалъ струны золочёныя.
Тутъ Поддонной Царь велитъ играть,
Велитъ играть друго три-часу;
Тутъ отвѣтъ держитъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«У меня сломались гусли яровчаты.»
Говоритъ ему Поддонной Царь:
—У насъ есть слесаря и починятъ ихъ.—
Говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Не починить здѣсь моихъ гусельшекъ яровчатыхъ:
«Надобно починить—на Русь сходить.»

Говоритъ ему Поддонной Царь:
—Не хочешь ли ты здѣсь пожениться?—
Говоритъ ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ.»
Тутъ пошелъ Поддонной Царь по хорошихъ дѣвицъ.
Говоритъ ему Царица Поддонная:
««Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
««Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонной Царь,—

««Такъ въ той толпы княгини *) ты не выбери,
««А скажи Царю ты Поддонному,
««Что «въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;»
««Такъ приведетъ Царь толпу другую,—
««И въ другой толпы княгини ты не выбери;
««А третью толпу приведетъ Поддонной Царь,—
««Въ третьей толпы княгину себѣ выбери,
««Которая идетъ позади всѣхъ,
««Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
««Тогда ты будешь на Святой Руси,
««Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
««Увидишь и солнце красное.»»
Тутъ привелъ Царь хорошихъ дѣвицъ
И потребовалъ Садка Купца Богатаго
Выберать себѣ княгину по разуму.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
И привелъ тутъ Поддонной Царь толпу другую,
И говоритъ онъ Садку Купцу Богатому:
—Выберай княгину ты по разуму.—
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
И привелъ тутъ Поддонной Царь
Толпу дѣвицъ третьюю,
И говоритъ Садку Купцу Богатому;
—Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
—Выберай теперь княгину ты по разуму.—
Въ этой толпы Садко Купецъ, Богатый Гость,
Сталъ выберать себѣ княгину по разуму,
И выбралъ дѣвицу по разуму,
Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
И говоритъ тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Эта мнѣ дѣвица полюбилася.»
И тую дѣвицу Царь за его отдалъ,

*) Молодой, молодицы въ бракъ.—*О.*

И далъ ему во приданыихъ
Одну бочку чиста серебра,
Другу бочку красна золота,
Третью бочку красна *) жемчуга.
Отвели Садка во ложню спать,
Заспалъ Садко Купецъ Богатый во крѣпкой сонъ.

Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу **),
На крутомъ крежу, у быстрой рѣки,
И бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его,
А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
И тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Съ имѣніемъ и домой пошелъ.

(Записано П. Н. Рыбниковымъ въ іюнѣ 1862 г. отъ Корѣляка, крестьянина Василья Лазарева).

*

2.

(Кирша Даниловъ).

Какъ по морю-морю по синему,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ Соколъ корабль
Самого Садки, Гостя Богатаго.
А всѣ корабли что соколы летятъ:
Соколъ корабль на морѣ стоитъ.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
«А ярыжки ***) вы, люди наемные,
«А наемны люди, подначальные!

---

*) Скатна?—О.
**) Каменистомъ берегу.—О.
***) Матросы, гребцы.—О.

«А въ мѣсто всѣ вы собирайтеся,
«А и рѣжте жеребья вы валжены,
«А и всякъ-то пиши на имена *),
«И бросайте вы ихъ на сине море.»
Садко покинулъ хмѣлево перо,
И на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
«А ярыжки, люди вы наемные!
«А слушай рѣчи праведныхъ **):
«А бросимъ мы ихъ на сине море,—
«Которые бы ***) по верху плывутъ,
«А и тѣ бы душеньки правыя;
«Что которые-то во морѣ тонутъ,
«А мы тѣхъ спихнемъ во сине море.»
А всѣ жеребья по верху плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ:
Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
Самого Садки, Гостя Богатаго.
Говорилъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
«А наемные люди, подначальные!
«А вы рѣжте жеребья ветляные,
«А пишите всякъ себѣ ****) на имена,
«А и сами къ нимъ приговаривай:
««А которы жеребьи во морѣ тонутъ,
««А и то бы душеньки правыя!»»
А и Садко покинулъ жеребій булатной,
Синяго булату вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.
И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ:
Единъ жеребій по верху плыветъ
Самого Садки, Гостя Богатаго.

---

*) По имени, поименно.—*О.*
**) Рѣчій, т. е. рѣчей, или „рѣчи праведны."—*О.*
***) Буде, будетъ, если.—*О.*
****) Кромѣ такого чтенія можно допустить: „себе, себя."—*О.*

Говоритъ тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
«А наемны люди, подначальные!
«Я, Садъ-Садко, знаю-вѣдаю:
«Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
«Тому Царю Заморскому
«Не платилъ я дани-пошлины
«И во то сине море Хвалынское
«Хлѣба съ солью не опускивалъ, —
«По меня, Садку, смерть пришла!
«И вы, купцы, гости богатые,
«А вы, цѣловальники любимые,
«А и всѣ прикащики хорошіе!
«Принесите шубу соболиную.»
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со тѣми дороги, вальящаты *).
И спущали сходню вѣдь серебряну,
Подъ краснымъ золотомъ:
Походилъ **) Садко Купецъ, Богатой Гость,
Спущался онъ на сине море,
Садился на шахматницу золоту;
А и ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные,
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
Ее на Соколъ корабль:
А Садко остался на синемъ морѣ,
А Соколъ корабль по морю пошелъ;
А всѣ корабли какъ соколы летятъ,
А единъ корабль по морю бѣжитъ,

---

*) См. вып. 2, стр. 85.—*О.*
**) Т. е. на сходню, пустился, отправился.—*О.*

Какъ бѣлъ кречетъ *),
Самого Садки, Гостя Богатаго.

Отца-матери молитвы великія **),
Самого Садки, Гостя Богатаго,
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, Гостя Богатаго,
Не видалъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Ни горы, ни берегу,
Понесло его, Садку, къ берегу,
Онъ и самъ Садко туто дивуется.
Выходилъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую—во все дерево,
Нашелъ онъ двери и въ избу пошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь Морской:
—А и гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
—А что душа радѣла ***), того Богъ мнѣ далъ:
—И ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
—А нынѣ Садко головой ****) пришелъ!
—Поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты.—
И сталъ Садко Царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты:
А и Царь Морской зачалъ скакать, зачалъ плясать *****).
И того Садку, Гостя Богатаго,
Напоилъ питьями разными;
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ,

---

*) Вѣроятно опущено „летитъ,“ „перепархиваетъ“ или что либо въ этомъ родѣ.—*О.*

**) По молитвамъ отца-матери Садка: подымалась погода тихая, и проч.—*О*

***) Чего душа желала.—*О.*

****) Лично, самъ.—*О.*

*****) Стихи:

А и Царь Морской зачалъ скакать,
Зачалъ скакать, зачалъ плясать.—*О.*

И уснулъ Садко Купецъ, Богатой Гость.
А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
Говоритъ ему таковы рѣчи:
««Гой еси ты, Садко Купецъ, Богатой Гость!
««А рви ты свои струны золоты
««И бросай ты гусли звончаты:
««Разплясался у тебя Царь Морской,—
««А сине море всколебалося,
««А и быстры рѣки разливалися,
««Топятъ много бусы-корабли *),
««Топятъ души напрасныя
««Того народу православнаго.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Изорвалъ онъ струны золоты
И бросаетъ гусли звончаты,
Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.

А по утру сталъ туто Царь Морской,
Онъ сталъ Садку уговаривать:
А и хочетъ Царь Садку женить,
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:
««Гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
««А станетъ тебя женить Царь Морской,
««Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ,—
««Не бери ты изъ нихъ хорошую **), бѣлыя-румяныя,
««Возми ты дѣвушку повареннную ***),
««Поваренную, что котора хуже всѣхъ.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,

---

*) *Бусы*—извѣстный видъ судна: см. Словарь В. И. Даля.—*О.*

**) Сообразно съ послѣдующимъ, вѣроятнѣе родительный: „хорошія,“ хорошей.—*О.*

***) Черную, чернавку.—*О.*

Онъ думался *)—не продумался,
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и туто Царь Морской
Положилъ Садку на подклѣтѣ **) спать,
И ложился онъ съ новобрачною.
Николай во снѣ наказывалъ Садкѣ
Не обнимать жену, ««не цѣлуй ее.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Съ молодой женой на подклѣтѣ спитъ,—
Свои рученьки ко сердцу прижалъ ***);
Со полуночи, въ просоньи, ногу лѣву
Накинулъ онъ на молоду жену:
Ото сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ.

И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго;
Перекрестился крестомъ своимъ,
И глядитъ Садко по Волхъ-рѣкѣ,—
Отъ того синя моря Хвалынскаго,
По славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самого Садки, Гостя Богатаго;
И встрѣчаетъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Цѣловальниковъ любимыихъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
И вышли цѣловальники на крутъ берегъ·
И тутъ Садко поклоняется:

---

*) *Ся* прибавлено по соотвѣтствію съ „не продумался (притяженіе, аттракція)."—*О.*

**) Гдѣ кладутъ обычно молодыхъ.—*О.*

***) Чтобъ не обнять.—*О.*

«Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
«И прикащики хорошіе!»

И тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей *):
По три дни не **) осматривали.

* *

II.

3 ***).

(Оттуда же).

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ:
Никакой надъ собой притки ****)
И скорби Садко не видывалъ,
А все молодецъ во здоровьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать во Новѣ-городѣ;
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!
«А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Никакой я притки-скорби не видывалъ надъ собой,
«И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ;
«А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.»

---

*) Т. е. вступивши въ городскую пристань.—О.

**) Ее, казну?.—О.

***) Эта былина, по нѣкоторымъ чертамъ содержанія, должна бы помѣститься первою: см. въ Приложеніяхъ „Замѣтку.“—О.

****) Лихой встрѣчи, несчастнаго случая, который наталкивается на человѣка или человѣкъ на него.—
Стихи должны быть:

Никакой надъ собой притки и скорби,
Притки и скорби Садко не видывалъ.—О.

Проговоритъ ему матка Волга рѣка:
—А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!
—Когда придешь ты во Новгородъ,
—А стань ты подъ башню проѣзжую *),
—Поклонися отъ меня брату моему,
—А славному озеру Ильменю.—
Втапоры Садко молодецъ отошедъ поклонился.

Подошелъ ко Нову-городу,
И будетъ у тоя башни проѣзжія,
Подлѣ славнаго озера Ильменя,
Правитъ челобитье великое
Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
Говоритъ таково слово:
«А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
«Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою **).»
Говорилъ самъ и кланялся.
Малое время замѣшкавши,
Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера
Удалой-доброй молодецъ,
Поклонился ему, добру молодцу:
—Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ!
—Какъ ты, де, Волгу сестру знаешь мою?—
А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ:
«Что, де, я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Со вершины знаю и до устья ее—
«А и нижняго царства Астраханскаго.»
А сталъ тотъ молодецъ наказывати,
Которой посланъ отъ Ильмень-озера:
—Гой еси ты, съ Волги удалъ молодецъ!
—Проси бошлыковъ ***) во Новѣ-городѣ,

---

*) Такъ доселѣ называется на Руси всякая башня съ воротами, черезъ которые проѣзжаютъ по суху ли, или по водѣ.—*О.*

**) Вдвойнѣ, двойное.—Здѣсь также, можетъ быть, ослышка записавшаго вмѣсто „мною,“ черезъ меня?—*О.*

***) Восточное: голова, атаманъ, особенно рыболовный, неводный; правильнѣе *башлыкъ*, отъ *башъ*—голова.—*О.*

—Ихъ *) со треия неводами
—И съ тѣми людьми со работными,
—И заметывай ты неводы во Ильмень-озеро
—Что будетъ тебѣ Божья милость.—

Походилъ онъ молодецъ
Къ тѣмъ бошлыкамъ Новогородскіимъ,
А пришелъ онъ, самъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
«А и дайте мнѣ тѣ три невода
«Со тѣми людьми со работными,
«Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:
«Я вамъ, молодцамъ, за труды заплачу.»
А и втапоры ему бошлыки не отказывалися,
Сами пошли бошлыки со работными людьми,
А закинули три невода во Ильмень-озеро:
Первой неводъ къ берегу пришелъ,—
И тутъ въ немъ рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая;
И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,—
Въ томъ-то рыба красная **);
А и третій неводъ къ берегу пришелъ,—
А въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая,
Бѣлая рыба въ три четверти.
Перевозился Садко молодецъ на гостинной дворъ
Со тою рыбою ловленою:
А и перву рыбу перевозили всю,
Клали они рыбу въ погребы;
Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,
Та была рыба вся красная;
Изъ третьяго невода возили они
Въ тѣ же погребы глубокіе,

*) Неловко. Вообще въ этой былинѣ стихи записаны дурно и раздѣлены неправильно.—*О.*

**) Извѣстное русское дѣленіе видовъ рыбы.—*О.*

Запирали они погребы на крѣпко,
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ.
А и отдалъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ.
А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ по три дни *),
На четвертой день погулять захотѣлось;
А и первой въ погребъ заглянетъ онъ,—
А на силу Садко туто двери отворитъ:
Котора была рыба мелкая,
Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя;
И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ:
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки—червонцы лежатъ.
Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко:
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежатъ.

Втапоры Садко Купецъ, Богатой Гость,
Сходилъ Садко на Ильмень-озеро,
А бьетъ челомъ, поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень-озеро!
«Поучи меня жить во Новѣ-градѣ?»
А и тутъ ему говорилъ Ильмень-озеро:
—А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!
—Поводись ты со людьми со таможенными,
—А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,
—Позови молодцовъ, посадскихъ людей:
—А станутъ те **) знать и вѣдати.—
Тутъ молодецъ догадается,

---

*) Стихи:

А не ходитъ Садко на тотъ на гостиной дворъ,
На гостиной дворъ не ходитъ по три дни.—*О*.

**) Вѣроятнѣе это не *та*, а *те*—тебя: будешь съ ними въ знакомствѣ, а они больше всего тебѣ нужны.—*О*.

Сдѣлалъ обѣдъ про таможныхъ людей,
А сталъ онъ водиться со посадскими людьми.
И будетъ *) во Новѣ-городѣ,
У того ли Николы Можайскаго **),
Тѣ мужики Новогородскіе сходилися
На братчину Никольщину,
Начинаютъ пить канунъ, пива ячныя ***);
И пришелъ тутъ къ нимъ удалой-доброй молодецъ,
Удалой молодецъ былъ Волгской суръ ****),
Бьетъ челомъ, поклоняется:
«А и гой вы еси, мужики Новогородскіе!
«Примите меня во братчину Никольщину:
«А и я вамъ сыпь *****) плачу не малую.»
А и тѣ мужики Новогородскіе
Примали его во братчину Никольщину:
Далъ молодецъ имъ пятдесятъ рублевъ.
А и зачали пить пива ячныя,
Напивались молодцы уже до пьяна,
А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
«А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
«Припасите вы мнѣ товаровъ во Новѣ-городѣ,
«По три дни и по три уповода ******):
«Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три уповода,
«Не оставлю товаровъ ни на денежку,
«Ни на малу разну полушечку;
«А то коли я товары не выкуплю,
«Заплачу казны вамъ сто тысячей.»

---

*) Случится, случилось.—*О.*

**) Рѣзной образъ Святителя, особенно чтимый въ народѣ: онъ есть во многихъ старыхъ городахъ, между прочимъ въ Можайскѣ, откуда и принялъ свое имя; впослѣдствіи Садко построилъ ему на свой счетъ церковь.—*О.*

***) Сличи выше.—*О.*

****) См. „Замѣтку" къ 4-му выпуску, стр. LXIV, LXV.—*О.*

*****) Сличи выше.—*О.*

******) Изъ многихъ значеній этого слова по областямъ, здѣсь оно, вѣроятно, имѣетъ смыслъ вообще—„въ три *пріема*," а пріемъ — разстояніемъ времени съ утра до обѣда или съ обѣда до вечера, сколько рабочій человѣкъ можетъ протянуть свой трудъ не ѣвши и не отдыхая.—*О.*

А и тутъ мужики Новогородскіе
Тѣ-то, де, рѣчи его записывали *).
А и выпили канунъ, пива ячныя,
И заставили Садку ходить по Нову-городу,
Закупати товары во Новѣ-городѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Нову-городу,
Закупаетъ онъ товары повольной цѣною:
Выкупилъ товары во Новѣ-городѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
А и шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Стефана Архидьякона,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по второй день по Нову-городу:
Во Новѣ-градѣ товару больше стараго;
Онъ выкупилъ товары и по второй дѣнь,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Софіи Премудрыя,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третій день,
По третій день по Нову-городу:
Во Новѣ-городѣ товару больше стараго,
Всякіихъ товаровъ заморскіихъ;
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,

*) Сдѣлали по его рѣчамъ запись, письменное условіе.— *О.*

Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Много у Садки казны осталося,
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
Во имя Николая Можайскаго,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по четвертой день,
Ходилъ Садко по Нову-городу,
А и цѣлой день онъ до вечера:
Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣ-городѣ
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
Зайдетъ Садко онъ во темной *) рядъ:
И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А всѣ горшки уже битые;
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
«Пригодятся—ребятамъ черепками играть,
«Поминать Садку, Гостя Богатаго!
«Что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ
«Всякими товарами заморскими
«И тѣми черепанами, гнилыми горшки!»

* *
*

*) Обычное прозваніе всякого русскаго торговаго ряда, который, какъ извѣстно, съ намѣренною цѣлію дѣлается темнымъ.—*О.*

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ.

(Оттуда же).

Въ стольномъ Новѣ-городѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жилъ-былъ богатой гость,
А по имени Терентьище.
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Ворота были вальящатые *),
Вереи хрустальныя,
Подворотина—рыбій зубъ **).
Середи двора гридня стоитъ:
Покрыша сѣдыхъ бобровъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
А и матица-то валженая ***),
Была печка муравленая,
Середа ****) была кирпичная;
А на середи кроватка стоитъ,
Да кроватъ слоновыхъ костей:
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена
Авдотья Ивановна.

---

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.—*О.*
**) См. тамъ же.—*О.*
***) Ср. вып. 4, стр. 81.—*О.*
****) Полъ.—*О.*

Она съ вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Разходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ *) въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу **),
. . . .
Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
«И по имени ***) Терентьище!
«Возми мои золоты ключи,
«Отмыкай окованъ сундукъ,
«Вынимай денегъ сто рублевъ,
«Ты поди—дохтуровъ добывай,
«Волхи-то ****) спрашивати.»
А втапоры Терентьище,
Онъ жены своей слушался
И жену-то во любви держалъ:
Онъ взялъ золоты ея ключи,
Отмыкалъ окованъ сундукъ,
Вынималъ денегъ сто рублевъ
И пошелъ дохтуровъ добывать.

Онъ будетъ *****), Терентьище,
У честна Вздвиженья ******),

---

*) Боль въ поясницѣ, чаще въ спинѣ, съ нервнымъ волненіемъ, особенно когда что-то словно бьется или переливается, иначе въ народѣ *живчикъ*.—*О.*

**) Хотя скромный издатель, К. Ө. Калайдовичъ, опустилъ въ слѣдъ за симъ нѣсколько стиховъ, за пропажею рукописи Кирши Данилова теперь для насъ также утраченныхъ, но, по сравненію съ другими былинами, мы можемъ предположительно возстановить ихъ:

Пустился недугъ къ сердцу (животу),
Опустился недугъ ниже пояса,
Во тѣ ли во нижни во черева.—*О.*

***) Вѣроятнѣе: „изъ-по имени."—*О.*

****) Тѣхъ, которые лѣчатъ волшебствомъ, заговорами, наузами.—*О.*

*****) По нынѣшнему: когда онъ будетъ, когда былъ онъ.—*О.*

******) Церкви или прихода.—*О.*

«А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
«Вы къ чему на дворъ идете,
«Что *) хозяина въ дому нѣтъ?»
Говорятъ Веселые Молодцы:
««А и гой еси, молодая жена
««Авдотья Ивановна!
««А и мы тебѣ челобитье несемъ
««Отъ гостя богатаго,
««И по имени Терентьища.»»
И она спохватилася за то:
«А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
«Гдѣ его видѣли,
«А гдѣ про него слышали?»
Отвѣчаютъ Веселые Молодцы:
««Мы его слышали,
««Сами доподлинно видѣли
««У честна креста Вздвиженья,
««У жива моста калинова:
««Голова по себѣ **) его лежитъ
««И вороны въ .... клюютъ.»»
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые Скоморохи!
«Вы подите во свѣтлую гридню,
«Садитесь на лавочки,
«Поиграйте во гусельцы
«И пропойте-ко пѣсенку
«Про гостя богатаго,
«Про стараго .... сына,
«И по имени Терентьища!
«Во дому бы его вѣкъ не видать!»
Веселые Скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,

---

*) Тогда какъ.— *О.*
**) Отдѣльно, оторванная.— *О.*

Запѣли они пѣсенку:
««Слушай, шелковой мѣхъ,
««Мѣхоноша за плечами *),
««А слушай, Терентій гость,
««Что про тебя говорятъ!
««Говоритъ молодая жена
««Авдотья Ивановна
««Про стара мужа Терентьища,
««Про стараго .... сына:
««—Во дому бы тебя вѣкъ не видать!—
««Шевелись, шелковой мѣхъ,
««Мѣхоноша за плечами,
««Вставай-ко, Терентьище,
««Лѣчить молодую жену,
««Бери червленой вязъ,
««Ты дубину ременчатую!
««Походи-ко, Терентьище,
««По своей свѣтлой гридни
««И по середи кирпищатой
««Ко занавѣсу бѣлому,
««Ко кровати слоновыхъ костей,
««Ко перинѣ ко пуховыя!
««А лѣчи-ко ты, Терентьище,
««А лѣчи-ко ты молоду жену
««Авдотью Ивановну!»»
Вставалъ же Терентьище,
Ухватилъ червленой вязъ,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту,
Походилъ онъ, Терентьище,
По своей свѣтлой гриднѣ,
За занавѣсу бѣлую,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Онъ сталъ молоду жену лѣчить
Авдотью Ивановну:

*) Слушай ты, шелковой мѣхъ, что висишь у мѣхоноши за плечами.—О.

Шлыкъ съ головы у нея сшибъ;
Посмотритъ Терентьище
На кровать слоновыхъ костей,
На перину на пуховую:
А недуго-тъ *) пошевеливается
Подъ одѣяломъ соболинымъ.
Онъ-то, Терентьище,
Недуга-то вонъ погналъ
Что дубиною ременчатою:
А недуго-тъ не путемъ въ окошко скочилъ:
Чуть головы не сломилъ,
На корачкахъ ползаетъ,
Одва отъ окна отполозъ.
Онъ оставилъ **), недужище,
Кафтанъ хрущатой ***) камки,
Камзолъ баберековой ****),
А и денегъ пятьсотъ рублевъ.

Втапоры Терентьище
Далъ еще Веселымъ другое сто рублевъ
За правду великую.

* *
*

---

*) Молодецъ, лежавшій съ Авдотьей Ивановной: ради него она, подъ предлогомъ недуга, выпроводила мужа; Скоморохи вскрыли тайну.—*О.*
**) Послѣ себя.—*О.*
***) См. прежніе выпуски.—*О.*
****) Шелковая парча; см. Словарь В. И. Даля. *О.*

Пѣсни Былевыя:

II.

Княжескія.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

Какъ идётъ-то Димитрій Князь ко заутрени;
Увидала его въ окно Домна Фалелеевна,
Закричала она громкіимъ голосомъ:
«Охъ вы мои нянюшки-мамушки!
«Ужь не этотъ ли Димитрій Князь,
«Ужь не этотъ ли жениха-тъ мой?
«Онъ идётъ ко заутрени—
«Онъ сутулъ-горбатъ,
«У него носъ курносъ, косые глаза,
«У него-то зубы—что соломенны нукли *),
«А ногами-то онъ загребаетъ,
«И весь-то снѣгъ по улицѣ заметаетъ!»

Какъ услыхалъ туто Димитрій Князь
Насмѣшку своей невѣсты Домны Фалелеевны,
Онъ пришелъ домой отъ заутрени,
И пошелъ ко своей сестрѣ ко Оленѣ Степановнѣ:
—Ты сестрица моя, Олёнушка!
—Ты сдѣлай для дѣвицъ пиръ
—И позови же туто Домну Фалелеевну.—
««Ты любезный, родимый мой братецъ!
««И я все для тебя могу сдѣлать.»»
Стала сестра его готовиться
И за своими подругами стала посылать пословъ,
Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.

---

*) Пучки или торчки отбитой соломы.—*О.*

Ужь какъ первый посолъ, онъ на дворъ взошелъ,
И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленѣ Степановнѣ,
««Хлѣба-соли къ ней кушати.»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олёнушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Другой посолъ на крыльцо взошелъ,
Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленѣ ко Степановной,
««Хлѣба-соли кушать.»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олёнушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Ужь какъ третій посолъ, онъ въ горницу взошелъ,
Шляпу скинулъ, поклонился:
««Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленѣ ко Степановнѣ,
««Хлѣба-соли кушати:
««Она безъ васъ хлѣба-соли не кушаетъ
««И бѣлаго лебедя на столѣ не разрушиваетъ *).»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олёнушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Услыхала ее родимая матушка:
—Ты поди, моё дитятко,
—Ты поди, моё чадо милое.—
«Государыня моя, родимая матушка!
«Не хорошь мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:
«Бархатная моя юпка вся изо́драная
«И золотъ-то мой перстень распаянъ лежитъ.»
—Ты дитё ль мое, дитятко!
—Ужь какъ нынче снамъ не вѣруютъ.—
Ужь какъ тутъ Домна Фалелеевна
Убралася-снарядилася
И пошла ко Оленѣ ко Степановнѣ.

*) Должно быть: „не рушаетъ.“—*О.*

Какъ встрѣчаетъ Олёна Степановна
Домну Фалелеевну,
Посадила Домну Фалелеевну по конецъ стола,
Ниже всѣхъ подруженекъ.
Ужь не сами-то двери растворялися:
Растворялъ двери Димитрій Князь.
Какъ возговоритъ Домна Фалелеевна:
«Охъ ты, Димитрій Князь!
«Ужь какъ ты сутулъ-горбатъ,
«У тебя носъ курносъ, косые глаза,
«У тебя-то зубы какъ соломенны пукли,
«И ты ногами-то загребаешь,
«И всѣ-то ковры въ кучу сметаешь!»
Ужь какъ взялъ-то Димитрій Князь
Домну Фалелеевну за правую руку,
Онъ повелъ ее во свою спальню,
И онъ билъ Домну до полусмерти.

Ужь какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,
Чтобъ прислала ей матушка три платьица:
Ужь какъ первое платье—дѣвичье,
А другое-то—подвѣнечное,
А третіе-то—смертное.
Ужь тутъ возговоритъ ея матушка:
—Ужь я буду нынче снамъ вѣровать!—

* *
*

ВАСИЛІЙ КНЯЗЬ.

(Арханг. губ., Шенкурскъ.)

На синёмъ было на́ морѣ,
На тихо́мъ было за́водьѣ,
Потонулъ тутъ Василій Князь
Отъ злата вѣнца идуци.
Оставалась молода Княжна:
«Ужь вы бо́яра, бо́яра!
«Воротите вы ко́моня *)
«На родимую сторону
«Ко родимому батюшкѣ,
«Къ государынѣ матушкѣ.»
Они пріѣхали къ батюшкѣ;
Посмотрѣла въ окошецко
Молодая невѣстушка:
—Богоданая матушка!
—Къ намъ не гостьюшка пріѣхала,
—Къ намъ пріѣхала подворниця,
—Вѣковая постельниця.—

«Ой вы гой еси, бояра!
«Воротите вы комоня
«Ко святому мона̊стырю,
«Къ самобольшёй игуменьѣ.—
«Ты цестна́я игуменья!

---

*) Коня.—*О.*

«Постриги меня въ ста́рици,
«Ты построй мнѣ-ка ке́лейку
«Просѣки три окошецька:
«Первое-то окошецько
«Ко святому Благовѣщенью,
«А второе-то окошецько
«На родимую сторону,
«А какъ третьё-то окошецько
«На синёе на́ море,
«На тихоё на за́водьё:
«Потонулъ тутъ мой вѣнцянной мужь,
«Мой вѣнцянной мужь—Василій Князь!»

(Доставлено г. Борисовымъ.)

* *
*

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

I.

1.

(Тульск. губ. и уѣзда, с. Покровское).

Какъ поѣхалъ Князь Михайло
Во царскую во службу,
Какъ приказывалъ Княгиню
Своей матушкѣ родимой:
«Береги жь мою Княгиню
«И корми мою Княгиню
«Бѣлъ-крупичатыми колачами,
«И ты пой мою Княгиню
«Сладкою сыто́ю.»

Не успѣлъ Князь Михайло
Съ широка̀ съ двора съѣхати,
Его матушка родима
Жарко мы́ленку *) топила,
Жарко мы́ленку топила,
Горючій камень разжигала:
—Ты пойдёмъ-ко, моя невѣстка,
—Въ мыленку—помою,
—Въ мыленку—помою,
—Твой животикъ поправлю.—
Какъ клала ее матушка

*) Баню.—*О.*

На бѣлую лавочку,
Какъ клала горючь камень
На бѣлу́ю грудь.

Ужь какъ первый разъ она закричала,—
Добрый конь его спотыкну́лся:
«Ахти, братцы, нездорово!
«Либо матушки не стало,
«Либо молодой Княгини!»

Какъ къ воро́тамъ подъѣзжаетъ,
Его слуги встрѣчаютъ:
«Охъ вы вѣрны мои слуги,
«Всё ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не са́мо *)!»»
На высо́ко крыльцё входитъ,
Его нянюшки встрѣчаютъ:
«Охъ вы няньки мои, мамки,
«Всё ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не са́мо!»»
Во новыя сѣни входитъ,
Сѣнны дѣвушки встрѣчаютъ:
«Охъ вы сѣнны мои дѣвушки,
«Всё ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не са́мо!»»
Во высокъ теремъ входитъ,
Его матушка встрѣчаетъ:
«Государыня матушка!
«Да гдѣ жь моя Княгиня?»
—Твоя Княгиня во свѣтлой свѣтлицѣ,
—Въ дубовой гробницѣ.—
Скоры ноги подгибались,
Бѣ́лы руки опущались,
Бѣлы руки опущались,
Ясны очи закрывались.

---

*) Не совсѣмъ, не очень, не весьма.—*О.*

Его матушка родима
Позили *) гуляеть:
—Ахти, братцы, согрѣшила,
—Я три души погубила:
—И я сына, я невѣстку,
—Молоденца я во чревѣ!—

(Записано П. В. К. отъ старухи).

*

2.

(Тульск. губ., Алексинскаго уѣзда).

Собирался Князь Михайло
Онъ во царскую во службу,
Онъ приказывалъ свою молоду Княгиню
Своей матушкѣ родимой:
«Не покинь мою молоду Княгиню
«Да при нужномъ при времѣ!»

Какъ съѣхалъ Князь Михайло
Со широкаго подворья,
Велѣла она банюшку топити,
Горючь камень разжигати:
Молодой Княгинѣ
На бѣлыя груди клала;
Она первый разъ закричала,
А въ другой-то застонала,
А въ третій замолчала.

---

*) П. В. К. оставилъ это слово съ знакомъ вопроса. Вѣроятно: *по зели; зель*—зелень, зеленя, могила, обросшая новой травою, иначе „буевка."—*О.*

Воротился Князь Михайло
Со пути ли со дорожки
Ко широкому подворью;
Его матушка встрѣчала,
Во сахарныя уста цѣловала:
«Охъ ты, мать ты мнѣ родная!
«Да гдѣ жь моя молода Княгиня?»
—Твоя молода Княгиня
—Съ нянькамп-мамками играетъ.—
Какъ кинулся Князь Михайло
Свою молоду Княгиню искати:
«Охъ ты, матушка мнѣ родная!
«Ты скажи, не утой,
«Гдѣ жь моя молода Княгиня?»
Какъ взговорятъ Князю
Красны дѣвушки:
««Мы бъ сказали тебѣ,
««Гдѣ твоя молода Княгиня,
««Да мы боимся
««Твоей матушки родимой?»»
«Охъ вы дѣвушки-голубушки!
«Вы скажите, не утайте,
«Гдѣ жь моя молода Княгиня?»
««Твоя молода Княгиня
««Въ грановитой *) во палатѣ:
««Тамъ твоя молода Княгиня!»»

Какъ кинулся Князь Михайло:
«Ужь не мать ты мнѣ, злодѣйка!
«Три души ты загубила:
«И ты сына со невѣсткой,
«И младенца во утробѣ!»

*

*) Гранной, угольчатой, т. е. въ гробницѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставленіе и съ граненою палатою, какая бывала у князей и осталась понынѣ въ Москвѣ.—*О.*

3.

(Шенкурскъ).

Какъ сбирался Князь Михайло
На грозную службу царскую;
Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
«Охъ ты матушка родимая!
«Береги мою молоду̀ Княжну:
«Клади ее спать во соборную вечерню,
«Подымай ее во соборную обѣдню:
«Ты корми ее крупичатыми калачами,
«Ты пой ее медово̀й сытой.»
Онъ садился на добра коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора.

Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
Его матушка родимая
Приказала жарко мыленку топити:
Горючь камень разжигала,
На бѣлыя груди Княгини клала.

Выѣзжаетъ онъ на чисто̀ поле,—
Подъ Княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой
Ясный соколъ встрепенулся,
Съ Князя шапочка свалилась;
Какъ возговоритъ Михаилъ Князь:
«Ахти, дома всѣ здоровы ль?
«Вѣрно матушки не стало
«Или молодой моей Княгини!»

Какъ воротился Князь Михайло,
Онъ въѣзжаетъ на широкій дворъ,
Ево матушка встрѣчаетъ:
«Ахъ ты матушка моя родная!
«Гдѣ моя молода Княгиня?»

—Пошла твоя Княгиня во высокъ теремъ,
—Во высокъ теремъ бѣлиться-румяниться.—
Пошелъ Князь Михайло во высокъ теремъ:
Бѣлилочки всѣ не тронуты,
Румяночки не ворохнуты,
Всѣ дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
Русы косы расплетены.
«Гдѣ моя молодая Княгиня?»
««Ахъ ты батюшко нашь, Михаилъ Князь!
««Мы не смѣемъ вамъ сказать:
««Наша молодая Княгиня преставилась,
««Она стоитъ во соборной церкви.»»

Какъ бросился Князь Михайло во соборну церковь,
Увидалъ свою молоду Княгиню.
Какъ взговоритъ Князь Михайло:
«Ахти, ты матушка родная!
«По родству-то ты мнѣ мать родная,
«По разлукѣ *) же змѣя лютая!»
Вынимаетъ шпагу острую **),
Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.
Его матушка раскаялась,
Со слезами слово молвила:
—Передъ Богомъ согрѣшила я,
—Три души я погубила вдругъ:
—Первую душеньку—сыновнюю,
—Другую душу—невѣсткину,
—А третью—младенца во утробѣ!—

(Записано г. Кузьмищевымъ.)

*

*) Что разлучила мужа съ женою.—*О.*
**) Позднѣйшая передѣлка.—*О.*

4

(Орловск. г., Малоархангельск. уѣзда, с. Сабурово).

Какъ женилси Князь Михайло
Онъ на душеньки на Княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.

Князь у службу собиралси,
Его матушка провожала:
«Ужь ты матушка родная!
«Ты корми мою Княгиню,
«Молоду душу Катерину!»

Во пути во дороженьки несчастіе случилося,—
Подъ нимъ воронъ конь споткнулся,
Пухова шляпа упала:
«Вы постойте жь, мои братцы,
«Знать, что дома нездорово:
«Жива ли моя Княгиня,
«Молода душа Екатерина?»

«Ужь ты матушка родная!
«Гдѣ жь моя Княгиня?»
—Ужь твоя, сударь, Княгиня
—Во бѣлыхъ палатахъ:
—Во тесовой во гробницѣ.—
Вынимаетъ Князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ.

—Ахти, Боже, согрѣшила,
—Я три души погубила:
—Я сына и невѣстку,
—А третьяго младенца!—

*

5.

(Вологодск. губ.).

Собирался Князь Михайло
Въ государеву во службу;
Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
Онъ приказывалъ своей государынѣ:
«Ужь ты матушка моя родная!
«Береги ты мою Княгиню,
«Береги мою молодую:
«Ужь ты пой-корми Княгиню,
«Ужь ты пой-корми молодую,
«Все сытою медовою,
«Все крупищатымъ калачами *).»

Это матушкѣ за досаду.
Со двора Князя проводили **),
Его матушка говорила:
—Ужь вы няньки, вы мамки!
—Истопите баню жарко,
—Накалите вы горючь камень!
—Ты пойдемъ-ко со мной, невѣстка,
—Мы пойдемъ съ тобой въ баню!—
Въ трои рученьки сноху держали,
Въ четвертыя грудь пороли,
Горючь камень опускали.

Она въ первой разъ возмолилась,—
У Князя Михайла шляпа спала,
На сажень прочь отлетѣла;
Она въ другой разъ возмолилась,—
У Князя Михайла конь споткнулся:

---

*) Начиная съ этого стиха и всѣ слѣдующіе повторяются по два раза.—*О.*
**) Проводила?—*О.*

«Ахти, братцы-государи!
«У меня въ домѣ нездорово:
«Либо матушки не стало,
«Либо молодой Княгини!»
Съ половины съ дорожки воротился.

Его матушка встрѣчаетъ,
И со нянькамъ, со мамкамъ,
А безъ молодой Княгини:
«Ужь ты мать моя родная!
«Ужь какъ гдѣ же моя Княгиня,
«Ужь какъ гдѣ моя молодая?»
—Что твоя-то ли Княгиня,
—Что твоя-то ли молодая
—Всю ноченьку не сыпа́ла,
—Все съ друзьями просидѣла;
—Она топеречи почиваетъ
—Что во свѣтлой во свѣтлицѣ:
—Во дубовой во гробницѣ.—

«Ужь вы няньки, ужь вы мамки!
«Вы подайте мнѣ саблю острую!»
Онъ срубилъ себѣ буйную голову.
Ево матушка закричала:
—Ахти, я, сука, согрѣшила,
—Ровно три души погубила:
—Ужь я сына со невѣсткой,
—Я младенца во утробѣ!—

(Ср. «Народныя пѣсни Вологодск. и Олонецк. губ., собран. Ѳ. Студитскимъ.» С. П. Б., 1841 г.).

* *

СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА.

II.

1.

(Тульск. губ., Чернскаго у.).

Изъ за горъ-то изъ за горъ кру́тыихъ,
Изъ за лѣсовъ-то лѣсовъ дремучіихъ,
Не красно́ солнушко выката́лося,
Выката́лися во́йска Рускія,
Во́йска Рускія—коза́ки Укра́инскіе;
Командиромъ былъ армеюшки Князь Михайло.
Ужь и взго́ворилъ Князь Михайло своимъ добрымъ воинамъ:
«Охъ вы братцы мнѣ родные, солдатушки бодрые!
«Не робѣйте вы—ступайте на злыхъ-чёрныхъ Молдаванъ,
«Вы рубите—не щадите злыхъ-безбожныихъ Татаръ!»
Какъ ни бились, ни рубились, не смогли ихъ одолѣть:
А самъ-то Князь Михайло во полонъ къ нимъ попалъ.
Какъ ни мучили, ни би́ли, души́ его не вы́няли:
И умеръ Князь Михайло на тридсятомъ на году.

* *

Король-Королевичь *).

III.

1.

(Орловск. губ. и уѣзда).

Поѣхалъ Королевичь на вое́ваньица.

Не доѣхалъ Королевичь до вое́ваньица,
Становился Королевичь на гореваньицѣ,
Ложился Королевичь спать на гореваньицѣ
Во бѣло́мъ шатрѣ.
Привидился Королевичу единъ дивенъ сонъ:
«Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей рученьки сѣрая утица.»
Поѣхалъ Королевичь къ старой бабѣ ворожить:
«Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истинну:
«Вечёръ я Королевичь ложился спать
«На крутой на горѣ, во бѣло́мъ шатрѣ;
«Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица?»
—Скажу тебѣ, Королевичь, правду-истинну:
—Вечёръ твоя Марусенька сына родила,
—По утру ранешенько сама померла.

---

*) Слѣдующія Безъимянныя пѣсни, тѣсно связанныя съ предыдущими о Князѣ Михайлѣ, помѣщены при нихъ для сравненія; см. ниже „Замѣтку.“—*О.*

—Косящеты окошечки всѣ въ траворѣ висятъ,
—Генералы твои всѣ въ тровурѣ стоятъ.—

Воротился Королевичъ съ воеваньица.

*

2.

Поѣхалъ же Королевичъ на гуляньеце,
Оставляетъ свою жену на гореваньеце.

Въѣхалъ же Королевичъ на круту гору,
Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатеръ,
Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ;
Не хороша-тъ сонъ Королевичу привидѣлся:
Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
Со лѣваго со плечика сѣрая уточка.
На встрѣчу же Королевичу старушка идётъ:
«Постой, постой, старушенька, я спрошу тебя,
«Разсуди мой сонъ:
«Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
«Со лѣваго со плечика сѣрая утица?»
—Будто твоя Королевна сына родила,
—Сама померла.—

Подъѣзжаетъ Королевичъ къ широку двору:
Стеколчатыя окошечки повыставлены,
Генералы-фельдмаршалы въ трубы трубятъ,
Всѣ нянюшки и мамушки въ троурѣ стоятъ,
Его жена Королевна во гробу лежитъ.

*

3.

Сбирается Королевичъ на воеваньице,
Оставляетъ жену свою на гореваньице.

Поѣхалъ Королевичь во чисто поле,
Раскинулъ Королевичь свой тонкой-бѣлый шатеръ,
Пустилъ своего добраго коня въ зелены луга,
Ложился спать Королевичь подъ бѣлымъ шатромъ.
Привидѣлся Королюшки дивнёхонекъ сонъ:
Изъ подъ праваго рукава соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣваго сѣра утушка.
Испугался Королюшка, вставалъ скоро отъ сна,
Сѣдлалъ онъ скоро, Королюшка, своего добраго коня,
Поѣхалъ же Королевичь въ зеленые луга.
На встрѣчу тутъ ему старушка идетъ:
«Старушинька, баушинька *), разсуди мой сонъ?»
—Королюшка молоденькой, разскажи мнѣ сонъ.—
«Изъ подъ правой руки соколъ вылеталъ,
«Изъ подъ лѣвой руки сѣра утица?»
—Королинька молоденькой, разскажу твой сонъ:
—Твоя жена, Королевна, сына родила,
—Ко бѣлой ко зореньки сама померла.—
Испугался Короленька, поѣхалъ домой.

Подъѣзжаетъ Короленька ко широкому двору:
Генералы-фельдмаршалы всѣ въ черномъ стоятъ,
«Одна моя Королева вся въ бѣломъ лежитъ.»
Сплеснулся Короленька бѣлыми руками,
Залился же Короленька горючьми слезами:
«Бывало, Королева встрѣчала меня,
«А нынче Марусинька не встрѣтила!»

4.

(Москва)

Какъ поѣхалъ Королевичь на воеваньице,
Оставилъ свою Королевну на гореваньице.

---

*) Бабушенька.—*О.*

Становился Королевичь при путі большой,
При путі большой становился, при крутой горѣ;
Пустилъ своего коня въ зелены луга,
Ложился спать въ бѣлôмъ шатрѣ,
Въ бѣлôмъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся Королевичу чуденъ-явенъ сонъ:
Изъ подъ правой его ручки соко́ликъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой изъ подъ бѣлой лебедь бѣлый.
«Поѣду я, Королевичь, къ старой бабѣ въ домъ!—
«Скажи, скажи, Марусенька *), всю правду мнѣ;
«Вечёръ я спалъ въ бѣлôмъ шатрѣ,
«Въ бѣло́мъ шатрѣ, на крутой горѣ:
«Привидѣлся мнѣ чуденъ-явенъ сонъ.»
—Вечёръ твоя Королева сына родила,
—По утру ранёхонько сама померла.—
«Ворочусь ли я, Королевичь, къ дому своему!»

Широкія воро́течки растворены стоятъ,
Всѣ красныя окошечки подъ бѣлымъ полотномъ,
Генералы-сенаторы всѣ въ троурѣ стоятъ,
«Одна моя Королева въ червóнныемъ лежитъ!»
Ударился Королевичь объ дубовый гробъ,
Заливался Королевичь горючыми слезми́:
«А свѣтъ моя хорошая Королева!
«Еслибъ зналъ, еслибъ вѣдалъ, не ѣздилъ бы я!
«Пущай моя Королевна при мнѣ бъ родила,
«Пущай моя хорошая при мнѣ бъ померла!
«Подломились Королевнѣ **) рѣзвы ноженьки её,
«Опустилися Королевнѣ бѣлы рученьки её,
«Закрылися Королевнѣ ясныи очи её!»

*

---

*) Ошибка вмѣсто „бабусенька."—О.
**) Вѣроятно „Королевькѣ," королевичу: рѣчь объ его смерти.—О.

5.

Отъѣзжаетъ Королевичь на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.

Пустилъ своего добраго коня во зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся Королевичу явношунёкъ сонъ:
Изъ подъ ручки изъ подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой изъ подъ ручки сѣрая утица.
Сказали вѣсть Королевичу—и радость, и печаль:
—Твоя жена Марусенька сына родила,
—По утрицу ранёшенько сама померла.—

Воротился Королевичь къ дому своему:
Широкіе воротички растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки повыставлены,
Генералы-полковнички въ черномъ убраны:
—Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убрана.—
Ударился Королевичь объ дубовый столъ:
«Ахъ свѣтъ моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
«Очи её прекрасныя не у́зрѣли меня,
«Ножки её рѣзвёшуньки не встрѣтили меня,
«Ручки ее бѣлёшуньки не обняли меня,
«Уста её саха́рныя не промолвили!»

*

6.

Сбирался Королюшка на воеваньицо,
Беретъ съ собой силы множество.

Выходилъ-выступалъ въ поле чистое,
Разкидывалъ-разметывалъ бѣлъ-танко́й шатеръ,

Ложился же Королюшка во шатрики спать.
Нехорошь-та Королюшки сонъ привидился:
Во снѣ изъ праваго рукавчика соколъ вылеталъ,
Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.
На встрѣчу же Королюшки старушка идетъ:
«Старушинька, бабушинька, разсуди-ка мой сонъ?»
—Королюшка, военной сынъ, разсказывай.—
«Изъ праваго у меня рукавчика соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.»
—Жена ль твоя хозяюшка сына родила,
—Въ третій день, Королюшка, сама померла;
—Воротись-ка ты, Королюшка, возвратно назадъ!—

Домой подъѣзжаетъ жа Королюшка къ широкому двору:
У воротъ-та притворщички печальны стоятъ,
Всѣ окошачки распечатаны.

*

7.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

Собирается Королюшка на гуляньице,
Оставляетъ свою хозяюшку на гореваньице:
«Прости, моя хозяюшка, до свиданьица!»

«Самъ я пошелъ, Королюшка, во чисто поле гулять,
«Пустилъ я, Королюшка, своего добра коня въ зеленые луга.»
А самъ пошелъ Королюшка на круту гору,
На крутенькой на горочкѣ раскинулъ шатеръ,
Подъ шатрикомъ Королюшка самъ легъ почивать;
Онъ спитъ—не спитъ, Королюшка, больше такъ лежитъ.
Привидѣлся Королюшкѣ дивнёшенекъ сонъ:
Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой сѣрая утица.
«И туто-то я, Королюшка, задумался,

«Садился я, Королюшка, на добра коня,
«Поѣхалъ я, Королюшка, во Питеръ городокъ.»
Во Питерѣ во городѣ старушка живетъ:
«Старушенька, бабушенька, разгадай мой сонъ?»
—Ты еси, Пруцкой Король, разсказывай свой сонъ.—
«Со правой со ручушки соколъ вылеталъ,
«Со лѣвой со бѣлой сѣра утица.»
—Въ твоемъ дому, Королюшка, есть радость и печаль:
—Твоя жена Королевна сына родила,
—Во третій день Королевна сама померла.—

Пѣхотны солдаты разставлены,
Генералы-половнички у гроба стоятъ,
«Моя жена во гробѣ лежитъ,
«Сыночикъ мой любезный на бѣлой груди!»

8.

(Саратовск. губ.)

Король молодой сбирался,
Королюшка во ину землю.
Покинулъ Королюшекъ
Молодую жену,
Какъ горькую кукушечку
Въ темныхъ лѣсу,
Какъ горькую полынушку
Въ чистомъ полѣ.

Подъѣхалъ Королюшка
Къ крутой горѣ,
Пристигла же здѣсь Королюшку
Здѣсь темная ночь;
Раскинулъ же Королюшка

Бѣлъ-тонкой шатеръ,
Ложился Королюшка
Внизъ бѣлымъ лицемъ.
Привидѣлся Королюшкѣ
Чуденъ-страшенъ сонъ:
Изъ правой его рученьки
Ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣваго изъ бѣлаго
Сѣра утушка.
«Знать, моя хозяюшка
«Сынка родила
«И сама померла!
«Знать, мнѣ Королюшкѣ
«Воротиться назадъ!»

Подъѣхалъ Королюшка
Къ широкому двору:
Широки воротички
Растворенныя,
Косящеты окошечки
Всѣ повскрытыя;
Коней шестерочка
Заложенная,
Всѣ кучера и форейторы
Приневеселые;
Сѣнны дѣвушки
Всѣ наряженыя,
Во черныхъ во платьицахъ,
Во печальныихъ.
«Знать, моя хозяюшка
«Впереди лежитъ
«Подъ черной тафтой!»

Взошелъ Королюшка
Въ нову гореньку,
Восплакнулся Королюшка
Горючими слезами.

А дѣвушки-служанушки
Разговариваютъ:
««Не плачь, не плачь, Королюшка,
««Не воротишь ее назадъ!»»

(Ср. „Бытъ Р. нар.,“ Терещенки, ч. II).

*

9.

(Тамъ же).

Поѣхалъ нашъ Королевичь на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.

Не доѣхалъ Королевичь до воеваньица,
Становился Королевичь середи пути,
Середь путь-дороженьки, близь крутой горы;
Какъ самъ пошелъ Королевичь на круту гору,
Пустилъ свово добра коня въ зеленые луга,
Раскинулъ же Королевичь свой бѣлый шатеръ,
Ложился спать Королевичь подъ бѣлымъ шатромъ.
Увидѣлъ же Королевичь явный сонъ во снѣ:
Изъ подъ правой пóлушки соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой пóлушки сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
—Въ твоемъ дому, Королевичь, несчастье случилось!—
Какъ тутъ же нашъ Королевичь призадумался:
«Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ!»

Пошелъ же нашъ Королевичь путемъ-дорогой,
На встрѣчу Королевичу старушка идетъ;
Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивати:
«Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ,
«Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ!»

—Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?—
«Изъ подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
«Изъ подъ лѣвой полушки сѣрая утица;
«Вылеталъ соколушка—онъ высвистывалъ,
«Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
«—Въ твоемъ дому, Королевичь, несчастье случилось!—»
—Королюшка, мой батюшка, не хорошь твой сонъ:
—Твоя жена Марьяшечка сына родила,
—Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.—

Поѣхалъ же Королевичь къ дому своему:
Въ саду его всѣ пташечки пріунывъ сидятъ,
Слуги его вѣрные всѣ въ черномъ траурѣ,
Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
Вся въ златѣ убрана и въ гробъ положена.
«Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка, не встрѣтила меня,
«За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
«За убраны за столики не посадила,
«Сахарными конфетами не потчивала *)!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.," Т. IV, запис. гг. Мордовцевой и Костомаровымъ).

* *

*) Такая же точно пѣсня поется со вставкою вмѣсто „Королевичь," „Королюшка,"—„*Козаченька:*" ср. тамъ же, „Лѣтоп. Р. лит. и др," Н. Костомарова въ „Современникѣ" за 1856 г. № 10 и въ „Пам. стар. Р. литер." вып, 1; см. также слѣдующій за симъ IV-й отдѣлъ пѣсенъ.—*О.*

Казаченька

IV.

1.

Военный казаченько
Во службу пошелъ.
Сходилъ казаченько
На широкій на дворъ,
Осѣдлывалъ-обратывалъ *)
Своего добраго коня,
Поѣхалъ же во чисто поле.

Пускалъ своего коня
Во зелены луга,
Самъ взошелъ
На высокъ бугоръ,
Раскидывалъ-развертывалъ
Бѣлъ-тонкой шатеръ,
Ложился спать
Во бѣломъ шатрѣ.
Дивнёхонекъ ему
Сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика
Соколъ солеталъ,
А изъ лѣваго рукавчика
Сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкою,

*) Отъ *обротать*, обуздать.— О.

На встрѣчу казаченькѣ
Старушка идетъ,
Онъ баитъ *) ее:
«Старушенька, стряпушенька,
«Разсудливая!
«Разсуди ты мой сонъ.»
—Военный сынъ, казачинька,
—Разскажи свой сонъ.—
«Старушенька, стряпушенька,
«Разскажу свой сонъ:
«Со права со плечика
«Соколъ солеталъ,
«Со лѣваго рукавчика
«Сѣра утушка.»
—Военный казачинька!
—Несчастье во домъ:
—Въ третій день жена твоя
—Сына родила,
—Черезъ часъ сама померла.—
Пошелъ казачинька
Во домикъ назадъ.

Подходитъ ко своему
Широкому двору:
Широкія воротишка
Растворенныя стоятъ,
Окошечки повыставлены;
Всходитъ казаченька
На высокъ крылецъ:
На встрѣчу ему
Жену-хозяюшку
Хоронить несутъ.
«Прости-прощай,»
«Жена моя Марусенька!»

*

---

*) Уговариваетъ. *О.*

2.

(Русь Юго-западная).

Поихавъ козакъ на полюваньня *),
Зоставывъ жону свою на горюваньня.

Пустывъ конываенька на попасаньня,
А самъ прилигъ къ сырий земли на спочиваньня.
Приснывся козакови дивнесенький сонъ:
Зъ-пидъ рученьки вылынувъ **) ясненький соколъ,
Зъ-пидъ другои билои сира утинка.
Поихавъ козаченько до вороженьки:
«Вороженько, голубонько, одгадай мий сонъ,
«Шчо вынувъ ***) зъ-пидъ рученьки ясненький соколъ,
«Зъ-пидъ другои билои сира утинка.»
—Бижи, бижи, козаченьку, и не стоючи ****),
—А вже твой мылинькои не застаючи:
—Учора изъ вечира *****) сына привела,
—Сама молоденька до гробу лягла.—

Приизжае козаченько къ новымъ воротамъ,—
Ажь выходить-выбигае найменьшая свисть ******)
И выносыть козакови недобрую вистъ:
—Чоломъ, чоломъ *******), пане зятю, чужый та не нашь!
—А уже твоеи мыленькои на свити не машь ********):
—А учора изъ вечира сына привела,
—Сама молоденька до гробу лягла.—

---

*) Полеванье—воеванье.—*О.*
**) Выскользнулъ, выпорхнулъ. *О.*
***) Вылынувъ?—*О.*
****) Не мѣшкая.—*О.*
*****) Изъ вечора, зъ вечора?—*О.*
******) Невѣстка.—*О.*
*******) Здраствуй, кланяюсь.—*О.*
********) Не имѣешь, нѣтъ ея.—*О.*

Приизжае козаченько на новенький двиръ:
Ударили по миленький у голосный дзвинъ *);
Увиходыть козаченько у нову свитлыцю:
Лежить его мыленькая на усю скамницю;
Няньки-мамки молоденьки за столомъ сидять,
Дытя его коханое **) на ручкахъ держать.
«Ножки мои походящии, чомъ ***) не ходыте?
«Ручки мои роботящии, чомъ не робыте?
«Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?
«Очьки мои чорненькыи, чомъ не глянете?»
—Не той же, козаченько, теперъ свитъ наставъ,
—Шчобъ умершый еще зъ навы ****) вставъ;
—А не тая, козаче, теперъ година,
—Шчобъ умершая еще говорила!—

(Ср. «Пам. стар. Р. литер.», вып. I, и «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» Т. IV).

*
* *

---

*) Громкій, церковный звонъ.—*О.*
**) Любимое.—*О*
***) За чѣмъ?—*О.*
****) Изъ мертвыхъ.—*О.*

КНЯЗЬ РОМАНЪ.

I.

1.

(Архангельской губ.).

Жилъ-былъ Князь Романъ Митріёвичь,
Съ женкой спалъ и ей прищавилось *) ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка съ мезёночка,
И разсыпался на мелкія зёрночка.
«Даемъ **) мы знать по всѣмъ землямъ,
«[По всѣмъ землямъ] по всѣмъ ордамъ,
«Чтобы твой сонъ разсудили,
«Чтобы твой сонъ разсказали ***)?»
—Я свой сонъ сама разсужу,
—Я свой сонъ сама разскажу:
—Прибѣгутъ ко мнѣ изъ за моря
—Три червленыехъ три корáбля ****),
—Увезутъ меня, Марью, за сине море,
—За сине море за Соленое,
—Къ тому Мануилу сынъ-Ягайлову.—
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи-мелки заводи,

---

*) Представилось.—*О.*
**) Дадимъ?—*О.*
***) По всему видно, что это слова Романа. *О.*
****) Скорѣе, по складу пѣсни всей, „кáрабля."—*О.*

Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ.

Она сѣла къ окошечку косивчиту *)
И глядитъ: бѣжатъ изъ за моря,
Изъ за моря изъ за синя,
Три чорныихъ три корабля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную.
И видитъ Марья—Увезутъ меня
—За сини моря за Соленыя!—
Она запирала окошечко ковшивчето **),
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно̀ крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ ***),
Съ дубоваго моста на тропиночку,
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле:
И засѣла подъ яблонь кудреватую.

И прибѣгали три кораблика три черныихъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали шеенки ****) шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны,
И искали Марью: не могу̀тъ найти.
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не иско̀мъ ищетъ—слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ да вырѣзываетъ:
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,

---

*) Косящету.—*О.*
**) Ошибка вмѣсто: „кошивчето, косивчето."—*О.*
***) Помостъ, мостовую.—*О.*
****) Отъ *шейма*: якорные канаты.—*О.*

Дѣтинушка повареный вырѣзываетъ:
И нашелъ ее подъ яблонью кудреватою.
««Ты ли есть Марья Юрьевна?»»
—Я не Марья Юрьевна,
—Я Марьина служаночка.—
««Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»»
—Я есть Марья Юрьевна, Лебядь Бѣлая.—
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя
И за тѣ ли перстни злаченыя,
И увозилъ на червленомъ на кораблѣ
За сине море за Соленое.

И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову.
Онъ встрѣчаетъ его съ честью съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченыя,
Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста;
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
—У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
—[Не цалуются,] не обнимаются.—
И ушелъ Мануйло Ягайловичь
На тихи-мелки заводи,
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи матери наказывалъ:
«Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
«Ежели она закручинится.»

Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату;
Вотъ мать его идетъ—спрашиваетъ:
««Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
««Чего плачешь-уливаешься?»»
—Сегодня у меня, на Руси, Великъ праздникъ,
—Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе,

—Гуляютъ жены христіанскія *),
—Купеческія, министерскія, крестьянскія,
—И послѣднія жены солдатскія,
—И голи кабацкія:
—А я сижу у окошечка,
—Проливаю свои слезы горючія!—
Мать дала ей нянечекъ-служаночекъ
[Нянечекъ-служаночекъ] въ сады гулять,
И дала напитковъ всякихъ разныхъ,
И дала козла любимова Моналинова **).
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами безъ себя;
Вотъ она взяла козла—зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидавала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку.
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка:
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ.
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
—Ой же ты, мать Дарья рѣка!
—Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ ***),
—Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
—Пропустите меня, Марью Юрьевну!—
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ,
Перебрела она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать ****):
И пришла ей больше того рѣка,
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ—плаваетъ на другой сторонѣ

---

*) Крестьянскія, хотя ниже онѣ и поминаются особо.—*О.*

**) Мануйлинова, мужняго; ср. „Замѣтку."—*О.*

***) Перебродищемъ по женскому, какъ бы можно было перебрести женщинѣ.—*О.*

****) Начала итти дальше.—*О.*

[Плаваетъ] колода бѣлодубова;
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
—Ой же ты, колода бѣлодубова!
—Перевези меня черезъ быстру рѣку:
—А выйду на Святую Русь,—
—Вырѣжу тебя на мелки кресты,
—[На мелки кресты] на чудны образы,
—И вызолочу червоннымъ-краснымъ золотомъ.—
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.

И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріёвичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
—Ой еси ты, Романъ Князь Митріёвичь!
—Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
—На Святую Русь:
—Вырѣжемъ на мелки кресты
—И на чудны образы,
—И вызолотимъ червоннымъ-краснымъ золотомъ.—
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь,
И вырѣзали на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ-краснымъ золотомъ,
И разослали по церквамъ.

(Запис. г. Максимовымъ, ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860, Апрѣль).

2.

(Калгалакша; на Бѣломъ морѣ).

Романъ Князь Митріёвичь младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле,

Сбирать дани за тѣ годы за старые;
И унимаетъ его Княгиня Марья Юрьевна:
«Душенька, Романъ Князь сударь Митріёвичь!
«Ни *) уѣдь ты въ далеко-чисто поле,
«Сбирать тѣ дани, сударь, пошлины;
«Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
«Мало спалось, много видѣлось,
«Много видѣлось, во снѣ грезилось:
«Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
«Съ меньшова перста, съ мизёночка,
«И разсыпался на мелкія зёрнотка **), на мушенки;
«Тутъ изъ да́леча-дале́ча, изъ чиста поля
«Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
«Расклевали мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень.
«Кто бы могъ мой сонъ теперь ро́зсудить?»
Говоритъ Князь Романъ сударь Митріёвичь:
—Ты не плачь, Княгиня Марья Юрьевна,
—Юрьевна ты, Лебедь Бѣлая!
—Я какъ съѣзжу въ далеко-чисто поле,
—Такъ сыщу тамъ много знахарей,
—Что могутъ тебѣ розсудить твой сонъ.—
Говоритъ Княгиня Марья Юрьевна:
«Ты душенька, Романъ Князь сударь Митревичь!
«Не надо мнѣ твоихъ много знахорей ***),
«Я могу этотъ сонъ сама весь ро́зсудить:
«Какъ ты уѣдешь въ далече-чисто поле,
«Такъ изъ той земли изъ бусурманскія
«Наѣдутъ многи поганы Татарове,
«На трехъ червленыхъ новыхъ кора́бляхъ,
«Увезутъ меня, Княгиню Марью Юрьевну.»
Ничего Князь Романъ не побаровалъ ****)
И уѣзжалъ въ да́лече-чисто поле.

*) Не?—*О.*
**) Зерночка?—*О.*
***) Знахарей?—*О.*
****) Не попротивился, не поспорилъ; не обратилъ вниманія, не внялъ. *О.*

Въ ту пору въ то время
Прiѣзжали поганы Татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ Княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока-нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкiй дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ,
Тамъ приздынула *) яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.

А тѣ поганы Татарове
Выѣзжали на крутой-красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Туто ходитъ Марьина протомойница;
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
««Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
««Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
И говорила имъ Марьина протомойница:
—Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
—Я есть Марьина протомойница.—
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
««Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
««Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
И говорила имъ Марьина клюшница:
—Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
—Я есть Марьина клюшница.—
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока-нова терема
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкiй дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую,

*) Приподняла.—*О.*

И нашли Княгиню Марью Юрьевну.
Стали Марьюшку допрашивать:
««Скажи: ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
«Нѣтъ, я не Княгиня есть Марья Юрьевна,
«Я есть Марьина постельница.»
Тутъ они брали плёточки шелковыя,
Стали ее бить не жалѣючись
И стали ее снова допрашивать:
««Скажи, скажи, не утай-скажи:
««Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
Тутъ она и сказалась имъ:
«Я есть Княгиня Марья Юрьевна.»
Взяли они Княгиню за бѣлы руки
И вели на пристань корабельную.

И привезили *) къ Батышу на червленъ корабль;
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки
И цалуетъ Княгиню въ сахарны уста;
Говоритъ Княгиня Марья Юрьевна:
«Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичь!
«Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
«Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ:
«Когда привезешь въ землю бусурманскую...»

(1-го августа 1856 г. записано тѣмъ же. Дальше пѣвецъ не зналъ, а ссылался на второй варіантъ. Ср. Отеч. Зап.).

* *

*) „Привозили“ или „привели?“—О.

КНЯЗЬ РОМАНЪ ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ.

II.

1 *).

(Москва).

Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ,
Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во тоё ль рѣку во Смородинку.
Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, младъ-сизой орёлъ;
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перстняхъ, въ золотыхъ перстняхъ.

---

*) Начало этой пѣсни такъ записано *М. П. Лисицынымъ* въ *Волховѣ*, Орловской губ.:

Во чистомъ полѣ подъ ивкою,
Подъ ивкою, подъ ракиткою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Пускалъ руду ***) во сыру землю,
Металъ тѣло по чисту полю.
Летѣлъ-пролетѣлъ тутъ яснóй соколъ,
Онъ взялъ-поднялъ праву руку,
Праву руку съ золотымъ перстнемъ...—*О*.

**) Губилъ.—*О*.

***) Кровь.—*О*.

Что пошла Марья дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка!
«Да и гдѣ же, гдѣ жь моя родна матушка?»
—Что твоя матушка во высокомъ терему,
—Она бѣлится и румянится,
—Она въ гости снаряжается
—Ко своему къ отцу, къ твоему дѣдушки.—
Какъ пошла Марья дочь Романова
Во высокъ терёмъ,
Она смотрѣть-глядѣть свою матушку:
Ужь и нѣтъ, и нѣтъ ея матушки.

Какъ пошла Марья дочь Романовна
Ко своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка!
«Да ужь гдѣ жь моя роднá матушка?»
—Твоя матушка поѣхала къ батюшки,
—Къ свому отцу, къ твоему дѣдушки.—
Какъ пошла Марья дочь Романовна
На [паратно] крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку:
Ужь и нѣтъ ея матушки.

Что летитъ-летитъ птица грозная,
Птица грозная, младъ-сизой орёлъ:
Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
Что праву руку въ золотыхъ перстняхъ.
Увидѣла Марья дочь Романовна,
Закричала она громкіимъ голосомъ:
«Ой же ты, птица грозная,
«Птица грозная, младъ-сизой орёлъ!
«И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
«Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?»
««Ой же ты, Марья дочь Романовна!
««Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ,
««Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ.
««Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
««Во тоё ль во рѣку во Смородинку.»»

Залилася Марья горючьмй слезмй,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка,
«Потерялъ-погубилъ мою матушку!»
—Ты не плачь, Марья дочь Романовна:
—Я сострою тебѣ новъ-высокъ терёмъ,
—Я складу тебѣ печь муравленую,
—Я солью тебѣ золотъ перстень,
—Я сошью тебѣ кунью шубу;
—Приведу я къ тебѣ молодую мать,
—Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты сгори, сгори, новъ-высокъ терёмъ,
«Провалися ты, печь муравленая,
«Растопися, мой золотъ перстень,
«Ты сотлѣй, моя шуба куньяя,
«Ты умри, моя молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань-проснись, родная матушка!»

(Отъ 70-тилѣтней старухи мѣщанки).

*

2.

(Тульск. губ., Чернскаго уѣзда).

Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Во Смородину бросалъ, во калинникъ.

Какъ встревожится и всплачется
Любезная дочка Аннушка:
«Родимый мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»

—Твоя матушка во чистомъ полѣ,
—Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
—Твоя матушка во чистомъ полѣ,
—Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Аннушка:
«Родимой же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?
«Цвѣточки растутъ нерватые,
«Вѣночки лежатъ невитые!»
—Твоя матушка во высокомъ теремѣ,
—Бѣлится-румянится, въ цвѣтно платье одѣвается.—
Вскидается-взбросается любезная Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?
«Бѣлилы стоятъ небѣленые,
«Румяны стоятъ нерумянные!»

Какъ летитъ тутъ орелъ-птица,
Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
««Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
««Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
««Во Смородину бросалъ, во калинникъ.»»
Какъ вскидается любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
—Не плачь, не тужи, дочка Аннушка:
—Сострою тебѣ высокой теремъ,
—Складу тебѣ хрущатую *) печь,

---

* Хрящеватую.—Подозрительно, не сбито ли это вмѣсто „сошью платье—хрущатую камку?"—*О.*

—Солью тебѣ золотую цѣпь,
—Приведу тебѣ молодую мать.—
«Сгори, сгори, мой высокой теремъ,
«Упади, упади, хрущатая печь,
«Растопись, растопись, золотая цѣпь,
«Ты умри, умри, молодая мать,
«А ты встань-проснись, моя матушка!»

*

3.

Жилъ Князь Романъ: жену терялъ,
Терялъ-терзалъ, во Двину бросалъ.

У него дочка была Марьюшка,
Она слезно заплакала:
«Ты сударь, ты мой батюшка!
«Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
—Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка:
—Я куплю тебѣ золотъ перстень,
—Золотъ перстень со алмазами.—
«Мнѣ не надо золота перстня,
«Золота перстня со алмазами:
«Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
—Твоя мать въ новой горницѣ,
—Она бѣлится и румянится,
—Во цвѣтно платье наряживатся.—

Пошла дочь въ нову горницу:
Въ новой горницѣ нѣту матушки,
Бѣлильчики стоятъ на окошечкѣ,
Румянички стоятъ на столикѣ,
Цвѣтно платье въ золотой казнѣ.
«Ты сударь, ты мой батюшка!
«Въ новой горницѣ нѣту матушки:
«Ты куды дѣвалъ мою матушку?»

—Ты не плачи, дочь Марьюшка:
—Я куплю тебѣ село крестьянъ.—
«Мнѣ не надо села крестьянъ:
«Ты куды дѣвалъ мою матушку?»
—Твоя мать въ зеленомъ саду,
—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—

Пошла дочь во зеленый садъ:
Въ зеленомъ саду нѣту матушки,
Всѣ цвѣточки на стебелечкахъ.
Э, пошла дочь къ своему батюшкѣ:
«Э, ты, сударь, ты мой батюшко!
«Ты куды дѣвалъ мою матушку?
«Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»
—Ты не плачи, дочи Марьюшка:
—Твоя мати во темнымъ лѣсу,
—Подъ зеленой сосною, гдѣ волки сидятъ,
—Гдѣ волки сидятъ, гдѣ львы ревутъ.—

Пошла дочь во темный лѣсъ;
На встрѣчу ей волки сѣрые,
Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ:
«Вы постойте же, волки сѣрые!
«Ужь вы гдѣ взяли руку бѣлую,
«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»
««Былъ Князь Романъ: жену терялъ,
««Терялъ-терзалъ, во Двину бросалъ.»»
«Вы подайте жь руку бѣлую,
«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»

Пришла дочка съ своему батюшкѣ:
«Ты сударь, ты мой батюшка!
«Въ темнымъ лѣсу [подъ зеленой сосною],
«Подъ зеленой сосною нѣту матушки.»
—Охъ ты, дочка моя Марьюшка!
—Твоя мать во быстрой рѣкѣ,
—Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!—

*

4.

Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ-терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину.

Прiѣхалъ къ своему широку двору,
Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ [изъ кареты] за бѣлы руки,
Стала у батюшки выспрашивать:
«Государь мой, родной батюшко!
«Куда ты дѣвалъ мою матушку?»
—Не плачь, не плачь, дочь любезная:
—Пошла твоя матушка во высокъ теремъ,
—Бѣлитися и румянитися,
—Во цвѣтное платье наряжатися.—

Пошла Княжна во высокъ теремъ,
Искать своей матушки родимыя:
Бѣлилочки *) стоятъ не бѣлены,
Румянечки и не тронуты,
Цвѣтно **) платье на грядочкѣ.
Идетъ Княжна—какъ рѣка льется:
«Государь ты мой, родной батюшко!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
—Не плачь, не плачь, дочь любимая:
—Поѣхала матушка въ чисто поле ***),
—Цвѣточки рвать, вѣночки вить.—

Выходила Княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:

*) Разнорѣчіе пѣсенника Чулковскаго: „бѣл[illegible]ки.“—*О.*
**) Чулк. „цвѣтное.“—*О.*
***) Чулк. „поѣхала твоя матушка въ чистое поле.“—*О.*

«Ахъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Запрягайте скорѣе коляеочку,
«Повезите меня къ матушкѣ родимой,
«Ахъ далече-далече, во чисто *) поле,
«Цвѣточки рвать, вѣночки вить.»
Прiѣхала далече во чисто поле:
Цвѣточки стоятъ не сорваны,
А вѣночки и не свиваны,
«Ахъ нѣтъ моей матушки родимыя!»
Какъ билася Княжна объ сыру землю,
Она плакала громкимъ голосомъ.
Надъ ней леталъ младъ орелъ-птица,
Орелъ-птица, птица царская,
Спущался къ ней на бѣлы руки,
Въ кохтяхъ держалъ руку бѣлую,
Со перстенями со алмазными;
Что возговоритъ **) орелъ-птица:
««Не плачь ***), молода Княжна,
««Не ищи ты своей родной матери:
««Какъ Князь Романъ жену терялъ,
««Терялъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
««Во ту рѣку во Смородину.
««Вотъ твоей матушки права рука
««Со перстьнями со алмазными!»»

Прiѣхала Княжна къ широкому ****) двору,
Восходила она во высокъ теремъ,
Она била руки о дубовой столъ.
Услышалъ ея *****) батюшка родимой,
Бѣжитъ къ Княжнѣ во высокъ теремъ:
—Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?—
«Государь ты мой, родной батюшко!

*) Чулк. „въ чистомъ.“—О.
**) Чулк. „взговбрит[illegible]—О.
***) Чулк.: „не плачь, [illegible] плачь.“—О.
****) Должно быть: „къ широку.“—Чулк. „къ широку.“—О.
*****) Чулк. „её.“—О.

«За что погубилъ мою матушку?»
—Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
—Не я терялъ, не мои руки:
—Потеряло ея *) слово противное,
—Приведу я тебѣ матушку любезную.—
Что возговоритъ молода Княжна:
«Не желаю матушки любезныя,
«Желала бъ свою матушку родимую!»

(Ср. Новиковскій пѣсенникъ, ч. II, 1780 г., № 128, стр. 143—145: то же въ Чулковскомъ, откуда приведены разнорѣчія, 1770, ч. II, № 128, стр. 177—179).

*

5.

(Кирша Даниловъ).

А Князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ—онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ—во рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравые **):
Откуль взялся младъ-сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Схватилася молода Княжна,
Молода Княжна Анна Романовна:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
«А Князь Романъ Васильевичь!
«Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?»
Отвѣтъ держитъ ей Князь Романъ,

---

*) Погубило ее. Чулк. „ее."—*О.*
**) Вѣроятно: „дубравные."—*О.*

А Князь Романъ Васильевичь:
—Ты гой еси, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна!
—Ушла твоя матушка мытися,
—А мытися и бѣлитися,
—А въ цвѣтно платье наряжатися.—

Кидалась молода Княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,
«А сѣнныя красны дѣвушки!
«Пойдемъ-то *) со мной на высокіе теремы,
«Смотрѣть мою сударыню матушку,
«Каково она моется-бѣлится,
«А въ цвѣтно платье наряжается.»
Пошла она, молода Княжна,
Со своими няньки-мамками:
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки.

Опять приступила къ батюшкѣ:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
«А Князь Романъ Васильевичь!
«А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
«Не могли мы сыскать въ высокіихъ теремахъ.»
Проговоритъ ей Князь Романъ,
А Князь Романъ Васильевичь:
—А и гой еси ты, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна
—Со своими няньками-мамками,
—Со сѣнными красными дѣвицами!
—Ушла твоя матушка родимая,
—Ушла гулять во зеленой садъ,
—Во вишенье, въ орѣшенье.—
Пошла вѣдь т[illegible] молода Княжна

*) „Пойдемъ-ко?—*О.*

Со няньками-мамками во зеленой садъ:
Весь повыгуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду *).
Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
Увидѣли новую диковинку:
Ниотколь взялся младъ-сизой орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
Уронилъ онъ, орелъ, бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Во тотъ ли зеленой садъ;
А втапоры нянюшки-мамушки,
Подхватили они рученьку бѣлую,
Подавали они молодой Княжнѣ,
Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ;
А втапоры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ-золотъ перстень
Ея родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
Закричала тутъ молода Княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки-мамушки,
«А сѣнныя красныя дѣвушки!
«Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
«На быстру рѣку Смородину:
«А что̀ тамо птицы слетаются,
«Дубравные звѣри сбѣгаются?»
Бросалися нянюшки-мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки:
По край рѣки Смородины
Дубравные звѣри кости дѣлятъ,
Сороки-вороны кишки тащатъ.

---

*) Стихи должны быть:

Зеленой садъ весь повыгуляли,
Никого не нашли въ зелено̀мъ саду.—*О.*

А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А носитъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
А только вѣдь нянюшки,
Нашли они пусту голову,
Сбирали они съ пустою головой
А всѣ тутъ кости и ребрушки:
Хоронили они и пусту голову
Со тѣми костьми, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

*

6.

(Саратовск. губ.).

Князь Демьянъ *) жену терялъ:
Отрубилъ у нея руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
Кидалъ-бросалъ во Неву рѣку,
Во Неву вѣку самородную **).
Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,
Унесъ-укралъ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

Хватилася молода Княжна:
«А папонька! Гдѣ же мамонька?»
—Твоя мамонька въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ убирается,
—Во цвѣтно платьице наряжается.—
Пошла Княжна въ нову горницу:
Цвѣтно платье [въ шкапу] виситъ.

---

*) Испорчено вмѣсто „Романъ."—*О.*
**) Ошибка вмѣсто „Смородину."—*О.*

Пошла Княжна—заплакала:
«Папонька, нѣту мамоньки!»
—Не плачь, не плачь, молода Княжна:
—Твоя мамонька въ Божьей церкви,
—Въ Божьей церкви Богу молится.—
Пошла Княжна въ Божью церковь:
Божья церковь пустымъ пуста.

Пошла Княжна—заплакала:
«А папонька, нѣту мамоньки!»
—Не плачь, не плачь, молода Княжна:
—Твоя мамонька во чистомъ полѣ,
—Во чистомъ полѣ *)—гулять пошла.—
«Заложите мнѣ легки дрожечки,
«Поѣду я во чисто поле,
«Погляжу-посмотрю свою мамоньку!»
Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,
Подаетъ Княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

«А папонька, все обманывалъ!»
—Не плачь, не плачь, молода Княжна:
—Я состою тебѣ новъ-высокъ теремъ,
—Я со красными со оконцами,
—Со хрустальными со стекольцами;
—Я возьму тебѣ молодую мать.—
«Возстань, возстань, моя мамонька!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.,“ Т. IV, запис. гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

* *

*) Во чисто поле?—О.

Донской Козакъ *).

III.

1.

Охъ ты матушка, раздикàя степь Саратовска,
Далекохонько протянулася,
Далѣ города и Саратова!

У ключа было у гремячаго
Донской Козакъ коня поилъ,
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.
Жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужь мой, батюшко, Донской Козакъ!
«Не теряй меня рано съ вечера,
«Потеряй меня во глуху полнòчь,
«Какъ добры люди спать полягутся,
«Наши дѣтушки угомòнются.»

Большая дочка Аннушка,
Дочка Аннушка догадалася:
««Ты родимый нашь батюшка!
««Гдѣ родимая наша матушка?»»
—Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
—Она бѣлится и румянится,

* Слѣдующія пѣсни, сами по себѣ Былевыя Безъимянныя, присоединены сюда по ближайшему родству: ср. „Замѣтку."—*О.*

—Во цвѣтно платье наряжается,
—Ко заутрени собирается.—
««Охъ ты батюшко, ты насъ обманываешь:
««Отъ чего же ты невеселъ ходишь,
««Невеселъ ходишь и нерадошенъ?»»
—Чѣму же мнѣ веселитися
—И на что глядя радоватися?
—Ваша матушка распутная:
—Пошла гулять съ полюбовникомъ.—

*

2.

(Новгородъ).

У колодезя у глыбокаго
Не Донской Козакъ коня поилъ,
Не коня поилъ *), онъ жену губилъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во скоры ноги поклонялася:
«Ахъ ты мужь ты, мужь мой, Донской Козакъ!
«Не губи меня съ вечера рано,
«Погуби меня со полуночи:
«Всѣ добры люди спать уляжутся,
«Малы дѣтушки поразоспятся,
«Поутру проснутся, матушки схватятся **).»

««Родный батюшко, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка
—Во высокомъ-новомъ теремѣ,
—Она бѣлится и румянится,

---

*) Отрицательный оборотъ: на самомъ дѣл[illegible]онской Козакъ“ и „коня поилъ.“—О.

**) Пѣсня постепенно забываетъ, что это слова жены и беретъ ихъ уже какъ разсказъ, послѣ коего выводятся дѣти.—О.

—Въ цвѣтно платьице надѣвается.—
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Посмотрите вы, гдѣ наша матушка?»»
«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ теремѣ.»

««Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»
—Ваша матушка во темнòмъ лѣсу,
—Во темнòмъ лѣсу, во сырòмъ бору,
—Во сырòмъ бору берётъ ягоды.—
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Вы сходите—посмотрите, гдѣ наша матушка?»»
«Вашей матушки нѣту въ темнòмъ лѣсу.»

««Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»
—Ваша матушка во сырòй землѣ,
—Во сырòй землѣ, въ гробовòй доскѣ,
—Въ гробовòй доскѣ, въ золотòй парчѣ.—

(Записано 10 Сент. 1834 г., отъ крестьянки Ѳёклы).

*

3.

(Москва).

У столба-столба новоточенаго,
У колодезя у студенаго,
Молодой-тъ Казакъ онъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.

Какъ жена-т[illegible]у возмолилася,
Во рѣзвыя ноги поклонилася:
«Не губи же ты меня, мужъ, со вечера:

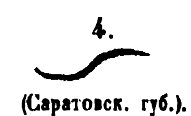
«Погуби со полуночи,
«Когда дѣтушки спать улягутся.»

Просыпалися малы дѣтушки,
Взыскались своей матушки:
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Ужь и гдѣ же наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ Богу молится.—
««Ужь и тамъ-то нѣту нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ высокомъ терему:
—Она бѣлится-румянится.—
««Ужь и нѣтъ тамъ нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ зеленомъ саду,
—Рветъ алы вишенья.—
««Ужь и тамъ нѣтъ нашей матушки!»»
--Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
—Съ ведрами по воду.—

Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку:
Изъ за горъ-горъ высокіихъ
Вылеталъ-то младъ-сизой орелъ,
Во когтяхъ-то несетъ правую ручиньку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
««Охъ вы нянюшки, наши мамушки!
««Ужь какъ несётъ-то орёлъ ручепьку,
««Несетъ рученьку нашей матушки
««И со перстнемъ обрученнымъ!
««Ужь и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
««Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»»

(Отъ мѣщанъ Рогожской части).

4.



(Саратовск. губ.).

На степи-то степи на Саратовской,
На другой-то степи на Камышинской,
У лѣсика было у дремучаго,
У ключа-то было у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ Донской Казакъ коня поилъ.
Коня чорнаго, возбочёнаго *).
Не коня-то онъ поилъ, онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ, погубить хотѣлъ.
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
«Ужь ты мужь мой, младъ Донской Казакъ!
«Не губи ты меня рано съ вечера:
«Погуби ты меня со полуночи,
«Когда дѣтушки спать полягутся,
«Шабры **) ближніе припокоются.»

Просыпáлися малы дѣтушки.
Хватилися они родной матушки:
««Ты скажи, скажи, родной батюшка,
««Гдѣ дѣвалася наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Она бѣлится и румянится,
—Во цвѣтно платье наряжается,
—Въ Божью церковь собирается.—
Пошли дѣтушки во Божью церковь:
А и всѣхъ людей они видѣли,
Ихней матушки тамъ нѣтъ какъ нѣтъ.

---

*) Крутобокаго.—О
**) Сосѣди. *О.*

««Охъ ты батюшка, ты родимой нашь!
««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Ваша матушка во сыромъ бору,
—Во сыромъ бору беретъ ягодки.—
Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ:
А и всѣхъ людей они видѣли,
Берутъ ягодки, берутъ красныя,
Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ.

Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
««Не обманывай насъ, родной батюшка:
««Наша матушка во темномъ лѣсу,
««Во темномъ лѣсу подъ колодою,
««Подъ колодою подъ дубовою.
««Ужь и Богъ тебѣ судья, родной батюшка:
««Ты убилъ-убилъ нашу матушку!»»
—Вы не плачьте, малые дѣтушки:
—Я сострою вамъ нову горницу,
—Я складу вамъ муравлену печь,
—Я собью вамъ дубовую дверь,
—Я собью *) вамъ золотую цѣпь,
—Я возьму вамъ молодую мать.—
««Загорись, загорись, нова горница,
««Развались, развались, муравлена печь,
««Расколись, расколись, дубовая дверь,
««Растопись, растопись, золотая цѣпь,
««Ты умри, умри, злая мачиха,
««Ты возстань, возстань, родна матушка!»»

Ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» т. IV, записанное гг. Костомаровымъ и Мордовцевой.

*

*) Солью.—*О.*

5.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Широка-долга протянулася,
Дальше города Саратова,
До того ключа до гремячаго,
До колодезя до студенаго!

У того ключа у гремячаго,
Тутъ Донской Козакъ коня поилъ,
Поилъ коня—выглаживалъ
И самъ коню наказывалъ:
«Ужь ты стой-постой, мой добрый конь,
«И до той поры, до бѣлой зари,
«Какъ красная дѣвка за водой пойдетъ.»

У того у ключа у гремячаго,
Тутъ Донской Козакъ жену губилъ:
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Въ рѣзвы ноженьки поклонилася.

*

6.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Далеко ты, степь, протянулася,
Далѣ города—далѣ Питера,
Далѣ матушки каменнои Москвы!
Ничего въ степи не уродилося:
Уродился тутъ частъ-ракитовъ кустъ,
Изъ подъ куста тутъ колодецъ бьетъ.

У ключа, у ключа у гремячаго,

У колодезя у студенаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ *):
«Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!»

Во кусту, во кусту во ракитовомъ,
Тутъ Донской Козакъ жену терялъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги поклонилася:
«Охъ ты гой еси, мужъ, Донской Козакъ!
«Не теряй меня поздо вечеромъ:
«Охъ ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»

Дочка Аннушка догадалася,
На шеюшку она кидалася:
««Охъ ты гой еси, родной батюшка!
««Нетеряй-ка ты родиму матушку:
««Возкуютъ тебя во желѣзушки,
««Отдадутъ тебя во солдатушки!»»

*

7.

Далекохонько степь протянулася,
Далѣ города—далѣ Питеру,
Далѣ матушки каменно̀й Москвы.

У ключа-то было у гремучаго,
У колодезя было у студенаго,
Добрый молодецъ коня поилъ:
Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ:

---

*) Долженъ быть еще стихъ:

Выхорашивалъ, выговаривалъ.—*О*.

«Охъ ты конь мой, конь,
«Ты добра лошадь!
«Что же ты, конь, спотыкаешься,
«За ковылъ-траву запинаешься?»
—То-то я, конь, спотыкаюся:
—Какъ со вечера мужь жену терялъ,
—Какъ жена мужу возмолилася,
—Ниже пояса поклонилася:
—«Охъ ты мужь мой, Донской Козакъ!
—«Не теряй меня, мужь, со вечера,
—«Теряй меня, мужь, близь полуночи:
—«Чтобы дѣти наши пріуснули,
—«А чужи люди не слыхали бы!»
—Потерялъ мужь жену близь полуночи *).—

Поутру малы дѣти догадалися,
Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:
««Ты сударь ты, нашь батюшко!
««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Охъ вы дѣти мои малые, глупые!
—Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.—
««Ты сударь ты, нашь батюшко!
««Все неправда ваша:
««Наша матушка во гробу лежитъ,
««Во сырой землѣ **).»»

*

8.

(Тульской губ., Чернскаго уѣзда).

Изъ-подъ бережку изъ-подъ крутова,
Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго

*) Стихъ этотъ изъ[illegible]и лица дѣйствующаго переходитъ въ разсказъ о событіи также, как[illegible]ше.—*О.*
*) Стихи во многомъ сокращены: какъ слѣдуетъ ихъ дополнить, указаны примѣры выше. *О.*

Течетъ рѣчка быстрая.
Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Во цвѣтно платье одѣвалася,
Она бѣлилася и румянилася,
Набѣлёмши она, нарумянивши, на гору взошла,
Диво видѣла—дивовалася:
Какъ Донской Козакъ коня поилъ,
Онъ коня поилъ, съ дѣвкой рѣчи говорилъ,
Съ дѣвкой рѣчи говорилъ, какъ жену погубить:
«Не губи жену рано съ вечера,
«Погуби жену ко полуночи:
«Малы дѣтушки спать поляжутся.»
Малы дѣтушки расплачутся:
««Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася *).—

* *

---

* Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ образцахъ, безпрерывно разсказъ переходитъ въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ и обратно.—*О.*

Добрый Молодецъ.

IV.

1.

На степи-степи на Саратовской,
У ключа была у гремячаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Поилъ-кормилъ, выглаживалъ,
Выглаживалъ, охорашивалъ:
«Охъ ты батюшка, конь, добра лошадь!
«Увези ты меня отъ побѣдушки *):
«Отъ худой жены—отъ любовницы!»

Онъ не коня поилъ,
Тутъ поилъ мужь—жену терялъ **).
Жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги ему поклонилася:
«Не губи ты меня, мужь, на дикой степи:
«Потеряй ты меня на большой дороженьки,
«Близъ кустика ракитова,
«Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»

Подъѣзжаетъ мужь ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки, голубятушки:
««Государь ты нашъ, родной батюшка!

---

*) Отъ бѣды.—*О.*
**) Сообразно ближайшимъ стихамъ, здѣсь должно быть: „губилъ."—*О.*

««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Охъ вы мои малые дѣти!
—Ваша матушка ушла во чисто поле,
—Во чисто поле, въ боръ по ягоды.—
Побѣжали же малы дѣтушки,
Искать свою матушку:
««Государь ты нашъ, родной батюшка!
««Не нашли мы свою матушку!»»
—Подите-ка вы во чисто поле:
—Ваша матушка лежитъ подъ кустикомъ,
—Подъ мостикомъ подъ калиновымъ.—
Побѣжали малые дѣти:
Нашли они свою мать убитую.

*

2.

Изъ подъ камушка-камня бѣлова,
Протекала тутъ рѣка быстрая,
Какъ по той ли по рѣченьки
Плыла легка лодочка, 2.
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ кораблечекъ,
Въ томъ ли кораблечкѣ
Душа красна дѣвица.
Она мылася и бѣлилася, 2.
И бѣлилася, и румянилася, 2.
Нарумянившись на гору взошла. 2.

Какъ увидѣла она Добраго Молодца 2.
У колодезя у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ, 2.
Не коня поилъ—онъ жену терялъ *)

*) Должно быть: „губилъ."—О.

Какъ жена мужу возмолилася: 2.
«Не губи ты меня со вечеру, 2.
«Потеряй меня ко бѣлу свѣту: 2.
«Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ
«[Малыхъ дѣтушекъ] прибаюкаю.» 2.

(Пѣсенникъ 1805 г.).

*

3.

(Саратовск. губ.).

Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ,
Во кохтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку,
Въ этой грамоткѣ есть написано,
[Есть написано,] нарисовано:
«Родной матушкѣ разнизкой поклонъ,
«Родному батюшкѣ на заботище,
«На заботище—на работище,
«Молодой женѣ на загульбище.»

Добрый Молодецъ коня поилъ,
Напоемши коня во луга пустилъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталъ,
За ворота сталъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
—Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
—Я убью жену не со вечера,
—Я убью жену со полуночи,
—Когда дѣтушки спать полягутся,
—Всѣ народушки пріугомонятся.—

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер[illegible]др.," т. IV, записанное гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Молодой Маіоръ.

V.

1.

Вы луга мои зелёные, вы колодези ключёвые!
Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоя коня сталъ думу думати,
Думу крѣпкую, съ красною дѣвкою:
«Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
«Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жену сгубить?
«Я со вечера со полуночи
«Малыхъ дѣтушекъ прилюлюкавши,
«Прилюлюкавши, прибаюкавши!»

Бóльшая дочь просыпалася,
Рóдной матушки взыскалася:
««Сударь батюшка, гдѣ наша рóдная матушка?»»
—Ваша матушка въ зеленóмъ саду,
—Въ зеленóмъ саду, въ новой горенки,
—Въ новой горенки, подъ краснымъ окномъ,
—Подъ краснымъ окномъ увивается *),
—Шелковымъ платкомъ утирается.—

(Пѣсня *тягольная*).

*

* Умывается?—*О.*

2.

(Москва).

У колодца у студенаго
Молодой Маіоръ коня поилъ,
Красная дѣвица воду черпала.

Добрый Молодецъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
«Погуби ты меня со полуночи:
«И ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ.»

Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
««Ты родимый-родной батюшка!
««Да и гдѣ же наша родна матушка?»»
—Вы не плачьте, малыя дѣтушки:
—Я сострою вамъ новъ-высокъ терёмъ,
—Я складу вамъ печь муравую,
—Я солью вамъ цѣпь серебряную,
—Приведу я къ вамъ молодую мать,
—Молодую мать, злую мачиху.—
««Ты родимый нашъ батюшка!
««Все-то ты говоришь намъ неправдушку!
««Ужь сгори, новъ-высокъ терёмъ,
««Провалися, печь муравая,
««Растопись ты, цѣпь серебряная,
««Ты умри, наша молодая мать,
««Молодая мать, злая мачиха,
««И ты встань-проснися, наша родимая матушка!
««Ужь мы безъ тебя холоднёхоньки,
««Холоднёхоньки, холоднёхоньки!»»

(Отъ мѣщанки, 70-тилѣтней старухи).

* *
*

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКІЙ
и
ВАНЯ КЛЮШНИЧЕКЪ.

I.

1.

Какъ у Князя было, Князя,
У Князя Волоконскаго,
Собиралася бесѣда,
Бесѣда веселая.
Они пили и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми женами
Князья похвалялися.
Выхвалялся Князь Волконскій,
Молодой Княгинею:
««Не хвалися, Князь Волконской,
««Ты своей Княгиней:
««Какъ твоя ли Княгиня
««Живетъ съ Ваней Ключникомъ,
««Живетъ–поживаетъ
««Ровно три годочка *).»»

На четвертый на годочикъ
Князечикъ довѣдался.
Какъ вышелъ Волконской Князь

*) Извѣстный изъ предыдущихъ примѣровъ переходъ отъ рѣчи къ событію.—*О.*

На свой на высокъ [балконъ],
Да кричалъ Волконской Князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги мои вѣрные,
«Вы послы мои, послочки,
«Послы мои скорые!
«Вы пойдите—приведите
«Ко мнѣ Ваню Ключничка;
«Ужь какъ стану я Ваню—
«Ванюшку допрашивать *):
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
«Скажи, варваръ мой!
«Со которой поры-времени
«Ты живешь съ Княгинею?»
—Ужь я знать тово не знаю,
—Вѣдать, Князь, не вѣдаю,
—Со которой поры-времени
—Живу я съ Княгинею.—
Закричалъ Волконской Князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги мои вѣрные,
«Вы послы мои, послочки,
«Послы мои скорые!
«Вы берите лопатки,
«Лопатки желѣзныя,
«Вы берите веревки,
«Веревки куровыя **),
«Ужь вы ройте-копайте
«Ямочки глубокія,
«Становите столбики,
«Столбики точёные,
«Вы кладите переклады,

*) То же.—О.
**) То же, что „суровыя," корявыя, жесткія.—О.

«Перекладины дубовыя,
«Вяжите петельку,
«Петельку куровую,
«Вѣшайте-цѣпляйте
«Ванюшку за ножку.»

Какъ возговоритъ Ванюша
Тихимъ голосомъ:
—Прикажи жь ты мнѣ, Волконской Князь,
—При смертной кончинѣ
—Заиграть въ послѣдній разъ
—Любимую пѣсню:
—«Во саду ли во садочкѣ,
—«Въ садику зеленомъ,
—«Съ молодой Княгиней
—«Было тамъ погуляно
—«И во сахарныя уста
—«Было поцѣловано!»—

Какъ со вечера Ванюшу—
Ванюшку повѣсили;
Сы полуночи Ванюша—
Ванюшка качается:
Молодая же Княгиня
Въ постели кончается.

*

2.

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

У славнаго Князя у Волхонскаго
Тутъ живетъ да поживаетъ Ваня Клю́шничёкъ,
Молодой его Княгини полюбо́вничёкъ.

Ваня годъ живётъ, онъ другой живётъ,—Князь не вѣдаетъ.
На третій годочикъ Князь навѣдался
Черезъ малую дѣвчёнку, черезъ чёрную,
Черезъ самую служку послѣднюю.
Видитъ Князь: ведётъ дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кроватушки;
Тутъ сзычáлъ-скрычалъ Князь громкимъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню Клюшника!»
За бѣлы́ руки взяли Ваню—подхватили,
Повели Ваню ко Князю во палатушки.

Идётъ Ваня широки́мъ дворомъ,
На всѣ стороны Ванюша поклоня́ется,
На головкѣ жёлты кудри разсыпаются,
На нёмъ синенькой кафтанчикъ раздуваётся,
На нёмъ красненька рубашка словно жаръ горитъ.
Привели Ванюшу во палатушки,
Сталъ тутъ Князь Ванюшу допытывати:
Ваня часъ стоялъ—не спокаялся,
Онъ другой стоялъ—не спокаялся,
На третій часочикъ спокаялся:
—Я живу со твоей Княгиней третій годъ,
—Третій годъ живу, кажный часъ хожу.—
Показалося Князю за досадушку:
Онъ ударилъ Ваню по бѣлу́ лицу,—
У Вани съ бѣла́ лица руда *) пробрызнула,
Изъ ясныхъ очей слёзы покатилися.
Говоритъ Князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, беритё у Вани золоты́ ключи,
«Беритё золоты́ ключи, отпирайте окованны́ ларцы,
«Пóдьтё-ко, слуги, на Дунай-рѣку,
«Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!»

*) Кровь.—*О.*

Построили столбы на Дунай-рѣкѣ,
Поставили верeюшки дубо́вые,
Заложили грядочки тало́вые *),
Повѣсили петелки шелко́вые,
Повели Ванюшеньку на ви́сѣльницу
Идётъ Ванюшенька на ви́сѣльницу,
Ступилъ Ванюшенька на пе́рву ступень,
Таково́ слово Ванюша прого́ворилъ:
—Вы позвольтё, братцы, но́ву пѣсню спѣть
—Про славнаго про Князя про Волхонскаго:
—««Какъ досе́лѣва я жилъ со Княгинею,
—««Какъ я жилъ съ е́ю, три годочка жилъ!—»»

Въ эту пору ходила молода́ Княгиня по новы́мъ сѣнямъ:
Она съ горя со кручины упала со новы́хъ сѣне́й
И сломила себѣ буйну голову:
Въ эту пору въ это времячко
Ванюшу повѣсили на шелко́выя петли.
Тутъ дался Князь Волхонскій во тоску во кручинушку.

(Записано г. Кузьмищевымъ).

*

3.

У нашего Князя у Волхонскаго
Солучилося несчастьицо великое,
Разбранилась красна дѣвица со Ключничкомъ:
««Ты собака, вѣрной Ключничекъ!

---

*) Гладкія перекладины.—*О.*

««Ты живешь, воръ-собака, непорядками,
««Ты и дѣлашь дѣла незаконныя,
««И живешь ты, воръ-собака, со Княгинею:
««Донесу на тебя самому Князю Волхонскому!»»
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
««Охъ ты гой еси, Волхонской Князь!
««У тебя ли есть вѣрной Клюшничекъ,
««Онъ живетъ, вѣрной Клюшничекъ, не порядошно,
««И дѣлаетъ дѣла-та незаконныя,
««И живетъ онъ со Княгинею.»»
Закидался-заметался нашъ Волхонской Князь:
«Ужь вы гой еси, слуги вѣрные,
«Слуги вѣрные и злые палачи!
«Ведите Клюшничка скоро-немедленно!»

Вѣрной Клюшничекъ по сѣночкамъ похаживаетъ:
Ево личико пермѣняется,
Миткалинова рубашечка тускнѣть стала;
Брали палачи за бѣлыя руки,
За тѣ ли перстни позлачоныя,
Повели ево въ палату бѣлокаменну
Къ тому ли Князю Волхонскому:
—Не прикажи казнить-вѣшать,
—Прикажите слово говорить:
—Поставленную хлѣбъ-соль кто не кушаетъ?
—Налитую чару и дуракъ пьетъ!—

*

4.

На зарѣ былю, на зорьки, на зарѣ утренней,
Ой утренней ой выходилъ Князь Волхонской
Со своею со Княгинею;
Ваня Ключничекъ

Молодой Княгини забавничекъ;
Выходилъ Князь Волхонской на высокъ [балконъ],
Закричалъ–завопилъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Копайте ямы глубокія,
«Становите столбы точеные,
«Вѣшайте петельки шелковыя!...»

*

5.

Долинка–долинушка!
На этой долинушки
Стояли палаты,
У этихъ у палатахъ
Живетъ Князь Волхонской;
У нево былъ Ванюша
Вѣрной Клю́шничикъ,
Молодой Книгини
Полюбовникъ её.
Жилъ Ванюша
Съ Княгиней три года;
У четвертомъ году вѣрной Князь
Довѣдалси
Черезъ тое черезъ шельму
Черезъ Ванюшину первую любовницу.
Посылаитъ къ Ванюши
Свово молодова хлопчика:
«Ты поди–сходи, молодой хлопчикъ,
«За Ванюшою,
«Ты скажи Ванюши:
«Тобе, Ваня, Князь зоветъ,
«Онъ хочитъ тобе, Ванюша,
«Подарить и пожаловать,

«По большимъ чинамъ Ванюшу—
«Сёлами-деревнями!»

Надѣвалъ Ванюша зеленъ кафтанъ
На распашачку,
Надѣвалъ сафьянъ сапогъ
На босу ножку,
Надѣвалъ красну шапычку
На одно ушечко:
Идетъ Ванюша вдоль по улицы—
Словно маковъ цвѣтъ твѣтетъ.
Входитъ Ванюша къ Князю Волхонскому;
Сталъ Князь Волхонской
У Вани допрашивать:
«Ты скажи, Ванюша,
«Скажи, злодѣй-варваръ мой:
«Много ли лѣтъ, Ванюша,
«Сы Княгиней жилъ?»
—Вольно́, сударь, Князь Волхонской,
—Людямъ сказать,
—Вольно́ жа имъ
—Понапраслину!—
Взялъ жа Князь Волхонской
Ваню за русы кудри,
Ударилъ объ дубовый полъ:
Прошибъ онъ Ванюши
Буйную голову;
Русы кудри по полу валяются,
Миткаливая рубашичка кровью заливается:
Молодая Княгиня слезьми обливается.
Закричалъ Князь Волхонской
Своимъ гордкимъ *) голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги вѣрнаи мои!
«Вы берите-ка заступы востры,

---

*) Высокимъ, громкимъ.—*О.*

«Вы ройте двѣ ямы глубоки,
«Становьте два столба дубовые,
«Вы вейте два мотка шалко́вые,
«Вы ведите Ванюшу во чисто́ поле,
«Вы стравите Ванюшу злыми собаками,
«Вы повѣсьте Ванюшу на релицы *)!»

—Позвольте, сударь, Князь Волхонской,
—При послѣднемъ концу мнѣ пѣсню спѣть:
—«Что попито было и поѣдино,
—«На кроватушкахъ съ Княгиней
—«Много посы́пано,
—«Въ садахъ съ нею много погулено!»—
Повѣсили жь Ванюшу на релицы.

Виситъ Ванюша—качаитца:
Молодая Княгиня на ножу кончаитца.

*

6.

Воздалече-воздалече, во чистомъ полю,
Стояли тамъ хоромы высокіе,
Во тѣхъ ли во хоромахъ жилъ-былъ младой Князь.
Сы мла́дою своею сы Княгинею.
Улюбился у Княгиню Ваня Ключничикъ;
Онъ и жилъ годъ сы Княгинею, онъ и два живетъ:
Вотъ на третій ли годочикъ Князь довѣдался,
Посылаетъ онъ хлопца сы новыхъ сѣней:
«Ты поди-ка ты, хлопецъ, пошли Клюшничка,
«Ты скажи же ему, что я жаловаѣ хочу.»

*) Качели, висячія петли.—*О.*

Приходилъ же ли хлопецъ сы новыхъ сѣней,
Говорилъ ли онъ Ванюшѣ громкимъ голосомъ:
««Ты поди-ка ты, Клюшникъ, тебе Князь зоветъ,
««Вотъ и хочетъ тебя ли Князь жаловать,
««Онъ такой тебе казною—все несмѣтною.»»
Вотъ идетъ же ли Клюшникъ—убирается,
Двумя мылами Клюшникъ умывается,
У сафьянные сапожки обувается,
Онъ зеленый свой кафтанъ на распашичку,
Соболью онъ шапку на бекрень держитъ.
Приходилъ же ли Клюшникъ на новы сѣни;
Вотъ какъ сталъ-та ево ли Князь жаловать,
Онъ во три во кнута во ременные,
Во четвертую плетку Калмыцкую;
Закричалъ ли вѣдь Князь-та громкимъ голосомъ:
«Отведите вы его, шельму, на конюшій дворъ!»

Вотъ идетъ оттыль Клюшникъ—утирается,
Свой зеленый кафтанъ за рукавъ тащитъ,
Сафьянные сапожки полны крови,
Онъ соболью онъ шапку подъ мышкой несетъ.
Закрычалъ же ли Клюшнйкъ громкимъ голосомъ:
—Не водите вы меня, братцы, на конюшій дворъ,
—Вы сведите вы меня, братцы, въ приворотную избу,
—Ну подайте мнѣ гусельки звончатые,
—Заиграю я пѣсню заунывную:
—«Што и то-то и попито, и погуляно,
—«Сы младою-та Княгинею поѣзжано,
—«За бѣлы груди Княгинины подержано!»—

*

7.

(Псковск. губ.).

Туто жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь,
У этого у Князя жилъ Ванюша Ключничикъ.

Ваня годъ живётъ, другой живётъ,
На третій годъ Князь довѣдался;
Закричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
«Вы подите—приведите вора Ваньку Ключничка!»

Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-та господинъ Волконскій Князь громкимъ голосомъ:
«Вы подите-ка,—вы выройте двѣ ямы глубокіихъ,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыихъ,
«Положите перекладецъ сосновыій,
«Повѣсьте двѣ петли шелко́выя:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!»

(Записано А. С. Пушкинымъ).

*

8.

Какъ на горкѣ на го́рушкѣ
Стоитъ новъ-высокъ теремъ, 2.
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ Бояринъ-Князь;
Не одинъ-то онъ живетъ, Князь-Бояринъ,—
Съ молодой съ Княгинею.
Какъ у этого ли Князя
Жилъ-былъ Ванька Ключничекъ,
Молодой его Княгини вѣрный полюбовничекъ;
Молодая его душа Княгиня

Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой да и не два года;
Какъ на третій годъ, Князь-Бояринъ,
Онъ только довѣдался,
Онъ дознался только, догадался
Черезъ красную дѣвушку.
Какъ и выходилъ Князь-Бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные!
«Вы подите—ко мнѣ приведите
«Охъ да ворона̀ коня,
«Охъ приведите ко мнѣ воронова
«Съ Черкасскими новыми сѣдлами,
«Да подите—ко мнѣ приведите
«Ивана Клюшничка:
«Ужь я его подарю ли
«Охъ да воронымъ конемъ,
«Воронымъ его конемъ ли
«Съ Черкасскими сѣдлами!»

Какъ идетъ-идетъ Ванюша,
Ваня усмѣхается:
Молодая его душа Княгиня
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, Князь-Бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
«Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
«Съ какихъ поръ съ Княгинею живешь?»
—Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
—Охъ да не два года.—
Какъ и вышелъ Князь-Бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные!
«Вы подите, мои слуги,

«Во кузницу новую,
«Вы возьмите, мои слуги,
«Лопатки острые,
«Вы поройте, мои слуги,
«Двѣ ямы глубокіе,
«А во ямы-то поставьте
«Столбики точеныя,
«На столбахъ на тѣхъ положьте
«Матицу кленовую,
«На матицу повѣсьте
«Мотки шолковые,
«А на этихъ на моткахъ повѣсьте
«Иванушку Ключничка!»

Какъ идетъ-идетъ Ванюша—
Ваня спотыкается:
Молодая его Княгиня
Слезьми обливается;
Охъ виситъ-виситъ Ванюша—
Ванюшка качается.

(Ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860 г., Апрѣль).

* *

II.

1.

Въ томъ ли во городѣ живетъ Ванька Ключничкомъ,
Во того ли живетъ во Князя, во Князя Волхонскаго;
Онъ не годъ живетъ Ванюша, Ванюшка другой живетъ,
Да на третій годъ-годочикъ самъ Князь довѣдался

Черезъ тую дѣвку-дѣвчонку Аннушку,
Черезъ такую подлость—самаго послѣдняго *);
Какъ воскрикнулъ Кньзь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
«Вы подите-ка, вы слуги, во чистое поле,
«Вы ройте, вы копайте, вы, ямы глубокія,
«Вы становьте столбочки дубовые,
«Вы кладите перекладины—кладите кленовыя,
«Да вы вѣшайте-цѣпляйте вы петельку шелковую,
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Да вы вѣшайте-цѣпляйте въ петельку шелковую!»

Какъ Ванюшкина головка качается:
Молода его Княгиня—Княгинья кончается.

*, *

III.

1.

Какъ во славной во Москвѣ было, на Большой на Дмитровкѣ,
Вотъ живетъ ли—поживаетъ, тамъ живетъ Волхонскій Князь.
У того ли было вѣдь у Князя—былъ Ванька Клюшничикъ,
Молодой его жены-Княгини Ваня полюбовничикъ.
Онъ и жилъ-былъ со Княгиней—онъ ровно й три года;
На четвертый ли годочикъ—Князь-то довѣдался,

---

*) Самую послѣднюю.—О.

Онъ черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ подлую паскуду, паскуду послѣднюю.
Приходила же та сѣнная дѣвка къ самому Князю,
Закричала же та дѣвка своимъ громкимъ голосомъ:
««Ужь ты батюшка, ты Князь нашь, покровитель мой!
««Ты отслушай отъ меня, дѣвки, усю правду сущую:
««Што живетъ твоя Княгиня со Ванюшей Клюшничкомъ.»»
«Ты послушай, ты разшельма, слушай, разканалья!
«Если правду ты сказала, буду жаловать тебя,
«Если правды не сказала мнѣ, повѣшаю.»
««Ужь ты батюшка, ты Князь нашь, ты отецъ ли мой!
««Когда хочешь ты, Князь,—жалуешь, хочешь,—вѣшаешь меня!»»
Закричалъ ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Вы подите, вы пошлите Ваньку Клюшничка мово,
«Вы поставьте его, шельму, супротивъ мово лица!»

Вотъ только и сталъ Князь Волхонскій Ваню допрашивати:
«Ты скажи же мнѣ, Ванюшка, Ванька Клюшничикъ,
«Ты скажи же, варваръ-воръ, со которыхъ любишь поръ?»
Отвѣчаитъ же Ванюша, Ваня Ключничикъ:
—Што и знать-то я не знаю и вѣдать не вѣдаю!—
Закричалъ тутъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы люди, мои слуги, слуги вѣрные мои!
«Ужь вы ройте, мои слуги, канавы глубокія,
«Вы становьте, мои слуги, вы столбы дубовые,
«Перекладинки кладите все ильмовыя,
«Вы идите—приведите Ваньку Клюшничка мово,
«Ну повѣсьте вы Ванюшку, Ваньку Клюшничка!»

Закричалъ же Ваня Клюшничикъ громкимъ голосомъ своимъ:
—Прикажите вы Ванюшѣ съ горя пѣсню спѣть:

—«Што ужь то-то и попито, и погуляно,
—«Ужь со младою Княгинею поѣзжано,
—«За бѣлы груди Княгинины подержано,
—«На пуховыхъ перинахъ со Княгинею полежано!»—

*

2.

Какъ въ Москвѣ-то было въ городѣ,
На Большой-то было—было на Дмитровкѣ,
Тамъ живетъ ли—споживаитъ да тамъ Волхонскій Князь.
Во ево-то живетъ, живетъ Ванька Ключничикъ;
Онъ и годъ Ванька живетъ, и другой идетъ,
Какъ на третій-то годочекъ Князь довѣдомъ сталъ
Черезъ самую разшельму да послѣднюю:
Даритъ дѣвку, дѣвку, да вотъ дѣвку...
Выходилъ-ли Князь Волхонскій да Князь на высокъ [балконъ],
Закричалъ-ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Да вы слуги мои, слуги, да вы слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваньку Ключничка,
«Молодой шельмы этой полюбовничка!»

««Ты поди, поди, Ванюша, да ко Князю Волхонскому:
««Какъ тибе, тибе, Ванюша, хочетъ Князь пожаловать
««Воронымъ тибе конемъ, золотымъ сѣдломъ!»»
Приходилъ-то Ванюша да ко Князю Волхонскому,
Какъ и сталъ-то Князь у Ваньки успрашивать:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ мой:
«Со которой поры-время, Ваня, въ полюбовь пришолъ?»
—Я ни знаю, я ни вѣдаю за собою ничево.—
Закричалъ-то Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

«Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
«Вы берите-тка лопаты, лопаты желѣзные,
«Ужь вы ройте-тка—копайте вы ямы глубокія,
«Становите-тка столбочки, столбочки точоные,
«Перекладочку кладите вы тонку-дубовую,
«Ужь вы вѣшайте моточикъ да шелковинькой,
«Ужь вы вѣшайте Ваньку за бѣлу шею!»

—Ты позволь-ка, Князь Волхонскій, позволь Ванькѣ пѣсню спѣть:
—«Тутъ было попито, погуляно,
—«Не одново ли съ тобой платья было поношено,
—«Молодую-то Княгиню за груди да подержано!»—

Какъ въ вечеру Ванюшу да Ваню повѣсили,
Со полуночи Ванюша-Ванюшка да кончаитца:
Молодая-то Княгиня слезьми заливаитца;
Какъ у Ванюшки рубашечка кровью наливалася:
Молодая ли Княгиня въ теремѣ кончалася.

«Если-бъ я зналъ Князь то, вѣдалъ, Ваньку-бъ я не вѣшалъ!»

*

3.

Какъ во славномъ было въ Москвѣ-городѣ,
Какъ по Дмитровской было по улицѣ,
Стояли палаты бѣлокаменныя,
Жилъ въ нихъ Князь Волхонскій со Княжною.
У нихъ былъ вѣрный слуга Ваня Клюшничекъ,
Его женѣ, шельмѣ, полюбовничекъ.
Любилъ ее годъ, и любилъ ее и два,
Но на третьемъ году Князь довѣдался
Отъ её ли отъ дѣвки отъ сѣнной.

Выходилъ Князь Волхонскій на крыльцы высокія,
Вскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе слуги вѣрные!
«Пошлите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Княгини шельмы полюбовничка!»

«Ты про то ли, Ваня, знаешь ли, вѣдаешь ли,
«Кто моей жены, шельмы, полюбовничекъ?»
—Я про то не знаю и не вѣдаю,
—Кто молодой Княгины, шельмы, полюбовничекъ!—
Выходилъ Князь на крыльцы высокія,
Воскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе мастеры!
«Дѣлали-бъ заступы желѣзные,
«Рыли бы ямы глубокія,
«Ставили бы столбы дубовые,
«Перекладины клали бы кленовые,
«Повѣсили бы Ваню Клюшничка!
«Позовите ко мнѣ Ваню Клюшничка!»

—Прикажите мнѣ спѣть пѣсеньку:
—«Попито было, погулено,
—«Во золотой-то колясочкѣ вмѣстѣ поѣзжано,
—«На пуховыя перины было вмѣстѣ полежано,
—«Во сахарныя уста было поцѣловано,
—«На бѣлой-то рукѣ на её было полежано!»—

Повѣсили Ваню Клюшничка.
Виситъ Ваня и качается:
А подъ окошечкомъ Княгиня рвется и мечается;
Къ вечеру Княгиня преставилась.

Ну а послѣ Князь Волхонскій спокаялся.

*

4.

Не далеча, не далеча, близко каменной Москвы,
Какъ на славной улицѣ, улицѣ на Дмитровкѣ,
Здѣсь живеть-поживаеть, живеть Волхонскій Князь.
У Волхонскаго у Князя былъ Ваня Ключничекъ,
Молодой моей *) Княгини вѣрный полюбовничекъ.
Онъ ни годъ живеть, и другой Ваня годъ живеть,
Какъ на третій годочикъ вѣрно Князь довѣдался,
Черезъ этаку дѣвчоночку, дѣвку сѣнную;
Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
«Вы подите—приведите вора Ваню Ключничка,
«Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!»

Што ведуть, ведуть Ванюшу,—Ваня спотыкается,
Надъ Ванюшиной головкой надругаются,
Што Ванюшина головка вся проломана,
Коленкорова рубашка вся на немъ изорвана,
Што сафьяновы сапожки кровью понаполнились.
Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
«Вы подите-ка—возмите лопаты желѣзнаи,
«Вотъ вы ройтя—вы копайтя двѣ ямы глубокія,
«Вы ставьтя—постановьтя два столба, два дубовые,
«Ужь вы вейтя—повивайтя двѣ петли шелковыя,
«Ужь вѣсьтя-ка—повѣсьтя вора Ключника,
«Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!
«Вотъ пущай, пущай Ванюша-Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня пущай попечалится!»

Вотъ Ванюша-то качается, Княгиня кончается.

*

*) Замѣченный выше переходъ отъ событія къ рѣчи лица дѣйствующаго.—*О.*

5.

(Новгородск. губ., Валдайск. уѣзда, деревни Сосница).

Какъ во городѣ было въ каменно́й Москвѣ,
Какъ во у́лочкѣ было во Дмитровской,
Жилъ тутъ—поживалъ тутъ батюшка Волконскій Князь
Со своей ли то вѣрною со Княгинею.
Жилъ тутъ—поживалъ тутъ Ванюшка Ключничикъ;
Онъ не годъ живё со Княгинею,
Онъ не годъ живё,—ровно два года;
Какъ на третій на годочикъ Князь-то все довѣдался
Черезъ сѣнну́ю дѣвчонку, черезъ сѣнную послѣднюю.
Какъ вышелъ-то Князь на крыльцё на (парадное),
Онъ вскричалъ-то громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы слуги мои вѣрные!
«Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
«Вы поскуйте ему ско́рые но́жёньки,
«Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»

Посковали Ва́нюшкѣ скорыя ножёньки,
Какъ связали ему назадъ-то бѣлыя ручушки,
Какъ ведутъ ли то Ванюшку подъ бѣлы́-то руки:
На Ванюшкѣ коленкорова рубашка вся изо́рвана,
Какъ буйная-то головушка въ трехъ мѣстахъ проло́млена,
Какъ у Ванюшки скорыя-то ножёньки поско́ваны,
Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены.
Вотъ стоитъ-ли то Князь на крыльцѣ-то (пора́тномъ),
Увидѣлъ же то Ванюшка Князя-то Волхонскаго:
—Ахъ ты батюшка, Князь ты Волхонскій!
—Ты прости меня большой-то виной,
—Я не буду, я не стану никакихъ я дѣлъ-то дѣлать!—
Какъ вскричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ го́лосомъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

««Твоя ли Княгинюшка невѣрная!
««Что живетъ она съ младымъ Клюшникомъ,
««Со твоимъ ли со харечникомъ,
««Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
««Что живетъ она не теперича,
««А не много, не мало—ровно девять лѣтъ.»»
На десятомъ-то году Князь довѣдался.
Посылаетъ онъ за Ключникомъ
Своего ли слугу вѣрнаго:
«Ты скажи: батюшка-Князь требуетъ,
«Ты скажи: хочетъ тебя дарить-жаловать.»

Какъ встаетъ Ключникъ съ постелюшки,
Собирается онъ, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до̀ долу *),
Шуба лисья словно лѣсъ шумитъ
И золотъ перстень ровно жаръ горитъ,
На немъ шапочка рытаго бархата,
Во правой рукѣ тонка тросточка,
А во тросточкѣ ала ленточка;
Идетъ Ключникъ—что соколъ летитъ.
Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
Отдаетъ Князю низкой поклонъ:
—Ужь ты здравствуй, нашь батюшка-Князь!
—Ты почто меня скоро требовалъ,
—Ужь чѣмъ хочешь меня дарить-жаловать?—
«Подарю я тебя хоромами высокими,
«Не мощенными, не свершенными **),
«Ты скажи мнѣ только правду-истину:
«Ты который годъ живешь со Княгинею?»
—Ужь ты батюшка нашь, Волконскій Князь!
—Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
—Много было попито, поѣдено,

*) Конечно: „до полу."—*О.*
**) Безъ верху, безъ крыши.—*О.*

—На пуховыхъ перинахъ полежано!—
Князь Волхонскій *) прогнѣвался,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!
«Вы берите лопатки желѣзныя,
«Ужь вы ройте-ка двѣ ямы глубокія,
«Вы постройте рельюшки **) высокія,
«Вы столбы-то дѣлайте точеныя,
«Перекладины положите вы кленовыя,
«Вы колечки ввернитє позлащенныя,
«А петелки повѣсьте вы шелковыя,
«Вы возьмите моего млада Ключника,
«Вы повѣсьте на рельи высокія:
«Да пускай же онъ, воръ, покачается,
«Молодая-то Княгиня на него покáзнится!»

Подхватили Ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокія,
Повѣсили на петельки шелковыя.
На петелькахъ виситъ Ключникъ—мотается:
А впереди-то лежитъ Княгинюшка—кончается.

Какъ ударится батюшка Волконскій Князь
Объ дубовый столъ:
«Ужь ты гой еси, дѣвушка сѣнная,
«Ты моя ли слуга вѣрная!
«Погубила ты младаго Ключника,
«Умертвила ты молоду мою Княгинюшку!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.,“ Т. IV, запис. гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

*

*) Волконскій?—*О.*
**) См. пѣсни выше.—*О.*

7.

(Орловск. губ.).

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли то Князя, Князя-Боярина.
Что и жилъ-то тамъ Князь со своей Княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, Князю Клюшничикъ,
Молодой его Княгини вѣрной полюбовничикъ.

Что и годъ живетъ Ванюша съ Княжней *), другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ Князь да довѣдался
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной-горьнишной.
Вотъ выходитъ Князь-Бояринъ на свой красенъ крылецъ,
Какъ возгаркнетъ Князь—воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
«Вы идите—приведите вора Ваньку Клюшника!»

Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ Княжій дворъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,
Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются.....
Какъ возговоритъ **) Князь—воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ, ...сынъ:
«Ты съ которой поры-время живешь со Княжнею?»
—Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
Какъ и сталъ-то Князь Ванюшу пытать—крѣпко спрашивать:
Не добился Князь-Бояринъ таей правды-истины.

*) Княгиней? И ниже то же.—О.
**) Возгаркнетъ?— О.

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
«Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
«Ужь вы ройтя-тко—копайтя двѣ ямы глубокія,
«Ужь вы ставьте-тко—ставьтя два столба точоныя,
«Перекладину кладитя, слуги, вы кленоваю,
«Вы идитя—приведитя вора Ваньку Клюшника!»

Вотъ ведутъ-ведутъ Ванюшу-Ваню черезъ Княжій дворъ,
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки-ноги въ Вани скованы, да все переломаны *).
Вотъ идетъ-идетъ Ванюша-Ванюшка—шатается:
А и Князь-то стоитъ—ухмыляется,
Молодая-то Княгиня въ теремѣ слезами заливается.
Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду-истину?»
—Ужь позволь ты, Князь-Бояринъ, позволь Вани пѣсню спѣть,
—Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднію:
—«Что и было, Князь-Бояринъ, попито-поѣдено,
—«Въ краснѣ было, Бояринъ, въ хорошѣ похожено,
—«На кроватушкѣ тесовой въ насъ **) было полежено,
—«Да за бѣлыя-то за груди въ насъ было похватано,
—«Во уста-то во сахарны было поцаловано,
—«Съ одного плеча было въ насъ поношено ***)!»—

---

*) Прибавка въ разнорѣчіи:

А сафьянные сапожки кровью понаполнены.—*Примѣчаніе записавшаго.*

**) У насъ.—*О.*

***) Въ разнорѣчіи прибавка:

Про твою ли, сударь, милость много было ругано.—*Примѣч. записавшаго.*

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:
«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
«Ужь вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку Клюшника!»

Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается:
Молодая-то Княгиня въ теремѣ кончается.

(Ср. сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860 г. Апрѣль).

* *

IV.

1.

Было въ городѣ, было на Митровкѣ,
Тутъ жилъ-проживалъ Волхонскій Князь.
Какъ во Князя во Волхонскаго былъ Ваня Ключничкомъ,
Молодой его Княгини полюбовничкомъ.

Онъ и годъ живетъ Ванюша, онъ и два года,
Какъ на третій годочикъ Князь довѣдался
Черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, черезъ п...ю *).
Закричалъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите Ваню Клюшничка,
«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

Все ведутъ-ведутъ Ванюшу къ самому Князю:
У него шубенка вся изорвана,

---

*) Послядню, послѣдню.—*О.*

Его буйная голова вся проломана,
А миткалева рубашка вся съ кровью помѣшана.
Приведутъ все Ванюшу къ самому Князю:
«Ты скажи, скажи, Ваню́ша, скажи, Ва́нюша:
«Со которыхъ поръ живешь со Княгиньею?»
—Ужь я знать того не знаю, сударь, не вѣдаю.—
Какъ простилъ всё Ванюшѣ Князь Волхонскій,

Какъ пошелъ Ванюша прочь отъ Князя,
Онъ пошелъ ли Ванюша вдоль и по двору,
Все запѣлъ Ванюша пѣсню новую;
Какъ услышала Княгиня Ванюшинъ голосокъ,
Выходила Княгиня, выходила на [балконъ]:
««Ты не вѣшай-ка, Ванюша, своей буйной головы!»»
Услышалъ ли Князь Волхонскій голосокъ Княгини той,
Закричалъ ли Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
«Вы берите-ка топоры желѣзные,
«Ужь вы ройте-ка, копайте ямы всё глубокія,
«Становите-ка столбы всё дубовые,
«Перекладины кладите всё кленовыя,
«Ужь вы вѣшайте ремни *) всё шелковые,
«Ужь вы вѣшайте Ванюшу вора Ключничка!»

Все ведутъ Ванюшу-Ваню вѣшати;
Какъ со всѣми-то Ваня кланяется,
Онъ со всѣми Ваня распрощается,
Распрощавшись Ваня, слово вымолвилъ:
—Вы позвольте вы, братцы, пѣсню нову спѣть:
—«То-то, братцы, было попито,
—«Было попито-поѣдено,
—«На тесовой на кроваткѣ было полежено,
—«У сахарны усточки было поцѣловано!»—

Какъ повѣсили Ванюшку—удавить хотятъ,

---

*) Ошибка вмѣсто «рельи,» петли. *О.*

Всё виситъ Ванюша, виситъ,—всё мотается:
Молодая Королевна *) всё кончается;
Молодой ли Ванюша удавляется:
Молодая Королевна по немъ перставляется;
Всё Ванюша удавился:
Молодая Княгиня всё перставилась.

Какъ и Князь Волхонскій по ней сумлѣвается:
«Скверная дѣвчовка! На что ты донашивала?
«Что и лучше бы тово—самъ Князь перенесъ бы я!»

*

2.

(Звенигородск. уѣзда, село Ильинское).

На улицѣ Вѣтро́вицѣ **)
Живётъ-проживаетъ Иванъ Клюшничикъ,
Молодой нашей Княгини полюбовничикъ.

Живётъ онъ годочикъ, живётъ онъ другой,
Спозналъ Князь, довѣдался.
Выходилъ же Князь Волхонскій на своё ново крыльцё,
Какъ воскрикнулъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Ой вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
«Молодой нашей Княгини полюбовничка!»

По двору широкому ведутъ Ванюшу,
У нашего Ванюшеньки ноженьки путля́ются:
А стоитъ же Князь Волхонскій—усмѣхается.
Закричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Принесите вы лопаты широкія,

---

*) Ср. ниже пѣсни.—*О.*
**) Митровицѣ, Митровкѣ.—*О.*

«Ужь вы ройте, вы копайте ямы глубокія,
«Становите вы столбо́чки точёныя,
«Вы давайте *) перево́ды ильмо́вые **),
«И вы вѣшайте-цѣпляйте пе́тельки шелко́выя,
«И вы вѣшайте-цѣпляйте Ваню Ключничка!»

Ваня Ключничикъ въ пе́телькѣ болтается:
Молодая-то Княгиня слезьми́ обливается;
Ваня Кнючничикъ въ петелькѣ болтается:
Молодая-то Княгиня въ перинахъ кончается.

Понапрасну Князь Волхонскій двѣ души́ загинулъ ***),
Черезъ самую такую дѣ́вочку скверную,
Черезъ самую такую подлячку послѣднюю.
Приказываетъ Князь Волхонскій сыграть пѣсенку,
. . . .
Что «Попито было—поѣдено,
«Съ молодой своей Княгиней въ коляскѣ поѣзжено,
«На тесо́вой кровати поле́жано
«И за бѣлыя за груди подержано!»

(Пѣсня *протяжная*; записано 5 Іюля 1831 г).

*

3.

(Москва).

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
Что у славнаго ли у Князя у Боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ Ключничкомъ:
««Ты не лайся, не бранися, младой Ключничекъ:
««Я пойду ли—донесу Князю-Боярину!»»

---

*) Дѣлайте?—*О.*
**) Ср. *Ulmus*, *Ulme*.—*О.*
***) Загубилъ.—*О.*

««Ужь ты батюшко ты нашь, ты Бояринъ-Князь!
««Ничево же ты не знаешь да не вѣдаешь:
««Что живетъ-то твоя Княгиня съ младымъ Ключникомъ!»»
Что возговоритъ нашь батюшка Бояринъ-Князь:
«Ужь какъ есть ли у меня да слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите млада Ключничка,
«Вы поставьте млада Ключника въ середи двора,
«Что подъ то ли подъ косящато окошечко;
«Ужь я стану младаго Ключника доспрашивать *):
«Ты скажи, скажи, младый Ключничекъ, не утай грѣха,
«Коли да правду ты мнѣ скажешь,—я помилую,
«А неправду ты мнѣ скажешь,—я подъ кнутъ да подъ кнутъ отдамъ:
«Что живетъ ли моя Княгиня съ твоей милостью?»
—Что живетъ ли твоя Княгиня со мною да три, ахъ да три года.—
Что возговоритъ нашь батюшка да Бояринъ, ахъ да Бояринъ-Князь:
«Ужь какъ есть ли у меня скорые конюхи!
«Ужь вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
«Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
«Перекладинку вы поставьте **) вы кленовую,
«Ужь вы петельку повѣсьте вы шелковую!»

Молодой Ключникъ на петелькѣ качается:
Молодой-то ли Княгини жизнь кончается ***).

(Записано А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап., 1860, Апрѣль).

* *

---

*) Отселѣ переходъ изъ рѣчи къ описанію самого событія, отъ перваго лица къ третьему.—*О.*

**) Положьте?—*О.*

***) Или:

Молодая ли Княгиня на ножѣ кончается.—*Примѣч. П. И. Якушкина.*

Г.

1.

(Сарат. губ., Сердобск. уѣзда, село Ивановское, Пяша тожъ).

Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ,
Въ улицѣ во Дмитровской,
Какъ тутъ живетъ-то—поживаетъ
Батюшка Волхонскій Князь;
Какъ у этого у Князя
Живетъ Ванька Клюшничкомъ.

Какъ и вышелъ батюшка Волхонскій Князь
На крылечко на новое,
Закричалъ-то батюшка Волхонскій Князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Клюшничка!»

Какъ ведутъ-то Ваню Клюшничка:
Бѣлыя куделюшки разчёсаны,
Бархатный кафтанчикъ раздувается;
Привели-то Ванюшу ко Князю Волхонскому:
«Ахъ ты Ванька, ... сынъ!
«Ты скажи, сколько лѣтъ со моей Княгиней жилъ?»
—Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій Князь?—
«Я узналъ отъ дѣвчонки сѣнной,
«Отъ самой послѣдней.»
—Скажу вамъ, батюшка Волхонскій Князь:
—Ровно только девять лѣтъ.—
Закричалъ-то Князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ слуги мои, служеньки, слуги вѣрные!
«Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не мшёныя,
«Совсѣмъ не свершёныя,

«Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки *) точеныя,
«Релюшки точёныя, петельки шелковыя,
«Вы подите—приведите сюда Ваню Клюшничка!»

Стали Ваню жаловать релюшками точёными,
Релюшками точёными, петельками шелковыми:
—Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
—Прикажи мнѣ слово молвити!....—

Какъ и Ванюшка-то на реляхъ качается:
Молодая Княгиня во теремѣ кончается.

*

2.

Какъ во славныемъ городѣ во Питерѣ,
Тутъ живетъ ли—поживаитъ
Батюшка Волконскій Князь;
Какъ у этого у Князя есть Ванюшка Ключничекъ,
Молодой его Княгинѣ вѣрный полюбовничекъ:
Какъ не годъ живетъ Ванюша и не два живетъ,
А живетъ-поживаитъ съ ней ровно три годочка;
На четвертыемъ на годочкѣ самъ Князёкъ довѣдался,
А не самъ узналъ Князёчикъ, сказала дѣвчёночка,
Дѣвчёночка сѣнная, самая послѣдняя.

*

3.

(Симбирск. губ., село Усть-Урень).

Какъ у Князя было у Волхонскаго
Солучилося большое несчастьице:
Повелась его жена съ Ваней Ключничкомъ.

---

*) См. выше.—О.

Во селѣ-то было во Измайловѣ,
Протекала рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, Волга матушка;
Какъ по рѣчушкѣ растетъ частъ ракитничекъ:
Разливалась Волга широкохонько,
Потопляла всѣ горы-долы и сухіе островы,
Оставлялся *) одинъ частъ-ракитовъ кустъ;
Какъ на кустикѣ сидитъ пташка вольная,
Пташка вольная, младъ-ясенъ соколъ:
«Полети-ко, младъ-ясенъ, на родимую сторону,
«Къ моему батюшкѣ на широкій дворъ,
«Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
«Родной матушкѣ челобитьице **)!»

(Отъ ратника Николая Картавенко, записано П. В. Шейномъ).

*

4.

(Той же губ., Буинскаго уѣзда, дер. Козловка).

Во селѣ-то во селѣ было Измайловѣ,
У Князя было у Волхонскаго,
Изъ терема было изъ высокова,
Изъ окошечка было изъ косящева ***),
Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
Вылеталъ тутъ вылеталъ младъ-ясенъ соколъ,
Младъ-ясенъ соколъ, пташка вольная.
За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная ****),
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты ой еси, младъ-ясенъ соколъ!
«За тебя ли меня, сокола, казнить хотятъ *****),

---

*) Оставляла?—*О.*
**) Слова Княгини или Ключника?—*О.*
***) Косящета?—*О.*
****) Ключникъ?—*О.*
*****) Вѣроятнѣе такъ:
«За тебя ли, сокола, меня казнить хотятъ.—*О.*

«Казнить-то хотять, хотять вѣшати.»
Онъ кричитъ-то ему кричитъ громкимъ голосомъ:
—Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
—Я теперь соколъ на своей волѣ;
—Вечеръ-то вы надо мною надругалися:
—Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,
—Поили сокола водою болотною!—

(Записано тѣмъ же отъ Максима Щербакова).

5.

(Болховъ).

Во городѣ было во Питерѣ,
Во главной улицѣ Митревской,
Живетъ тутъ—поживаетъ Волконскій Князь
Со своею молодою Княгинею.
Влюбился въ Княгиню Иванушка Ключничекъ,
Молодой моей *) Княгини, шельма, полюбовничекъ.

Ужь онъ годъ живетъ, Ванюша, и другой живетъ,
А на третій годъ Князь довѣдался,
Что на шельму на Ваню—на Ваню прогнѣвался,
Черезъ тоё черезъ дѣвку, дѣвчёнку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.
Закричалъ же Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,
«Ужь вы други мои, други неизмѣнные!
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

---

*) Перенесено со словъ Князя.—*О.*

««Ты поди, поди, Ванюша, тебя Князь зоветъ:
««Ужь онъ хочетъ тебя жаловать
««Селами-деревнями, третьими кнутами ременными.»»
«Слуги мои, слуги! Вы копайте-ка двѣ ямы,
«Двѣ ямки глубокія,
«Становите столбочки все точеные,
«Вбивайте-ка колечки, кольцы золочёныя,
«Вѣшайте моточки, моточки шелко́вые,
«Ужь вы вѣшайте Ванюшку и Ванюшу Клюшничка.»
—Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню спѣть:
—«Что во городѣ во Питерѣ,
—«На главной на улицѣ на Митревской,
—«У того ли Князя—у Князя Волконскаго,
—«Было попи́то, было и погу́ляно,
—«На пуховыхъ перинахъ было полежано,
—«За бѣлыя груди было подержано!—»

Какъ Иванушку повѣсили:
А молодая Княгиня въ хоромахъ зарѣзалась;
А Иванушка качается:
А молодая Княгиня во хоромахъ кончается.

(Записано М. П. Лисицынымъ).

* *

Молодецъ у Короля въ службѣ *).

VI.

Сравни выпускъ 3, пѣсни о богатырѣ Дунаѣ Ивановичѣ.

1.

(Новгородъ).

Молодецъ у Короля на вѣстя́хъ служилъ:
Что Король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.

Еще сталъ Молодецъ упиватися,
При хмѣлю̀ удало́й похвалятися:
«Много было хо́жено, погу́лено,
«И въ крашнѣ въ хорошѣ́ похо́жено,
«Много красныхъ дѣвушекъ цѣло́вано!
«Поцѣло́вана дочь прекрасная,
«Дочь прекрасная Королевская!»
За досаду Королю показалося,
За досадушку таку́ за великую;
Закричалъ тутъ Король на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
«Слуги вѣрные и неизмѣнные!
«Вы подите далече въ чисто́ поле:

---

*) Значеніе этихъ Пѣсень, тѣсно связанныхъ съ предыдущими, объяснено ниже въ „Замѣткѣ.“—*О.*

«Ужь вы ройте ямы глыбокія,
«Становите столбы дубовые,
«Перекладинку кладите кленóвую,
«Вы повѣсьте петли шелкóвыя,
«Вы повѣсьте Дóбра Мóлодца!»

Молодéцъ палачамъ по рублю сулитъ:
—Не ведите меня позадъ горницы,
—Поведите меня вдоль по̀ улицѣ,
—Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
—Дочь прекрасная Королевична!—

Попросилася дочь у батюшки:
««Ты пусти, пусти рóдный батюшка,
««Молодецкой смерти поглядѣти!»»
Молодéцъ на петляхъ качается:
Королевна подъ релью кончается.

(Записано 11 Сент. 1834 г. отъ Акулины).

*

2.

(Москва).

Какъ Короля-тъ Молодцá любилъ-жаловалъ,
Съ одного плеча платьице нáшивалъ.

Ужь и сталъ Молодѐцъ пьянъ упиватися,
Во хмѣлю сталъ Молодѐцъ похвалятися:
«Ужь и то-то попúто, братцы, погýлено,
«Въ хорошствѣ́-то въ краснѣ́ много хóжено,
«Что на мягкихъ перинахъ много лéжано,
«Королевну за ручку много дéржано!»
Донесли-то на Мóлодца своя братья.

Какъ Короля-тъ на Мо́лодца прогнѣвался,
Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги вы, слуги мои вѣрные!
«Вы подите дале́че во чисто́ поле,
«Ужь вы вы́ройте двѣ ямушки глыбокія,
«Становите вы релюшки высокія,
«Поведите Молодца̀ казнить-вѣшати!
«Не водите Молодца̀ впереди мого̀ дворца,
«Поведите Молодца̀ позадѝ мого̀ дворца.»

Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:
—Поведите Молодца̀ впереди меня дворца!—
Какъ увидѣла Молодца Королевна изъ окна,
Закричала Королевна громкимъ голосомъ:
««Ахъ ты батюшка, сударь мой, пусти меня гулять,
««Да двѣ ямушки глыбо́кія посмотрѣть!»
Какъ пошла Королевна въ чисто́ поле гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотрѣть;
Молоде́ца-тъ на релюшкахъ качается:
Королевна подъ релями скончалася.

(7 Октября 1834 г. отъ мѣщанки Татьяны Андреевны).

*

3.

(Симбирск. губ., село Головино).

Изошелъ я *) всеё землю Свято-Русскую,
Я сине море исплавалъ изъ края въ край,
Изъ самова изъ устья до вершиночки,
Я зашелъ-загулялъ къ самому Королю,

---

*) Извѣстное намъ перенесеніе событія на лицо или 3-го лица въ 1-е.—*О.*

Къ самому Королю ко Латинскому *).
А за то меня Король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ меня Король во вѣрны Клюшники:
Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
Служилъ Королю вѣрой-правдою **).

Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,
Только знаетъ одинъ маленькой дѣтинушка,
Одинъ маленькой дѣтинушка, поваренной;
Онъ дошолъ-донесъ собака самому Королю:
««Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
««Ничего, сударь, не знаешь и не вѣдаешь:
««Твой-то Клюшничикъ до пьяна напивается,
««Во хмѣлю Клюшникъ негоже похваляется,—
««Похваляется мизирной ***) твоей дочерью.»»
За досаду Королю показалося;
Выходилъ тутъ Король на красенъ крылецъ,
Воскликалъ онъ—возгаркнулъ громкимъ голосомъ:
«Ище есть ли у меня таки мастеры,
«А по нашему по русскому грозенъ палачь!
«Онъ бы ѣхалъ далече во чисто поле,
«Дѣлалъ бы релюшки высокіе,
«Становилъ бы онъ столбики дубовые,
«Перекладинки клалъ бы кленовые,
«А петельки вязалъ бы шелковыя,
«Онъ бы велъ мово Клюшника къ повѣшанью,
«Не водилъ бы онъ кремлемъ-городомъ ****),
«Провелъ бы онъ позадь города!»

Молодецъ молодцу *****) крѣпко кланялся:
—Ой ты гой еси, нашъ батюшка, грозенъ палачь!

---

*) Ляховинскому.—*О.*
**) Послѣ этого должно было слѣдовать затерянное въ пѣсни описа любви.—*О.*
***) Меньшою.—*О.*
****) Разумѣется не Московскій, а всякій кремль, вышгородъ, Burg.—*О.*
*****) Ключникъ палачу.—*О.*

—Дай ты мнѣ, Молодцу, звоньчаты гусли,
—Передъ смертью Молодцу наигратися!
—Не води ты меня, добрый молодецъ, позадь города,
—Проведи ты меня кремлемъ-городомъ,
—Мимо тѣхъ ли палатъ Королевниныхъ.—
Онъ повелъ Молодца кремлемъ-городомъ,
Мимо свѣтлинькой свѣтлицы Королевниной.
Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
—Бывало меня Король любилъ-жаловалъ,
—А ныньче на меня скоро прогнѣвался,—
—Ведетъ-то Молодца ко повѣшенью!—

Услыхала ево мила дочь мизиная,
Выходила она на красенъ крылецъ,
Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
««Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
««Ты за что на Клюшничка прогнѣвался?
««Я сама-то, красна дѣвица, пойду ко повѣшанью!»»
Услыхалъ то ея батюшка, Литонской Король:
«Еще Богъ его прощаетъ, Сударь жалуетъ!»

(Доставлено П. М. Языковымъ).

*

4.

(Тамъ же).

Изошелъ я Волгу матушку изъ конца въ конецъ,
Изплавалъ я сине море изъ краю въ край,
Не нашолъ я лучше-краше-краснѣй города *),—
Ой зашелъ я, Молодецъ, къ Королю въ Литву.

---

*) Т. е. Литовскаго, Литвы.—*О.*

Ой за то меня Король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ же Молодца въ вѣрны Клюшнички.

Онъ до пьяна, Молодецъ, напивается,
Во хмѣлю-то онъ негоже похваляется,—
Онъ и хвалится его мизирной дочерью.
За досаду Королю показалося;
Онъ выходитъ, Король, на красенъ крылецъ,
Онъ вскричалъ громкимъ своимъ голосомъ:
«Ище есть ли у меня такіе мастеры,
«А по вашему по русскому грозенъ палачь!
«Ище скоро бы онъ ѣхалъ во чисто поле,
«И сохи *) ты бы ставилъ дубовыя,
«Перекладн бы клалъ кленовыя,
«А петли бы вѣшалъ шелковыя,
«Не водите Молодца кремлемъ-городомъ,
«А ведите Молодца позадь гуменья!»

Увидала ево Королева дочь;
««Поведите ево кремлемъ-городомъ,
««Кремлемъ-городомъ, славой доброю!»»

(Доставлено тѣмъ же).

*

5.

Вотъ ходилъ ли я, Молодчикъ, по чистомъ я полю,
Я билъ я побивалъ я гусей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалый, сизаго голубя;
Опоздалъ ли я, Молодчикъ, иттить-ѣхати:
Всему городу воротички были заперты,
Караульщички молоденьки—они крѣпко спять.

---

*) Высокіе козлы, на которые кладутся перекладины.—*О.*

Што одна ли не спала ли—красная дѣвушка,
Она такая Перекраса Королевишна;
Вынимала изъ [комода] золоты ключи,
Успущала Добра Молодца, все наказывала:
««Ты дворомъ иди, Молодчикъ,—не закашляйся,
««Къ новымъ сѣнямъ подходи,—не застукайся,
««Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
««Не сказалъ бы онъ родимой моей матушкѣ;
««Ты на утрѣ жь ли, Молодчикъ, не упейся пьянъ,
««Во хмѣлю-та, разудалый, не похвастайся!»»

Какъ на утрѣ-та Молодецъ напивался пьянъ,
Во хмѣлю-та разудалый похваляться сталъ:
—Какъ вечоръ ли я, Молодчикъ, у гостяхъ гостилъ:
—Я въ такой ли Перекрасы Королевишны!—
Што по утру про удалова дознались;
Призывалъ Король Молодчика во палатушки:
«Ты скажи, скажи, Молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ гостилъ?
«Я за то тебя удалова пожалую,
«Я пожалую Молодчика все палатушками,
«Вотъ такими ли палатами—на двухъ столбахъ,
«Я построю тебѣ релюшки точеные,
«Я повѣшу тебѣ петельку шелковую.»

Ужь какъ Добрый Молодецъ сталъ качатися:
Перекраса во саду стала кончатися.

*

6.

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
Одолѣла крапивушка поле чистое!

Охочь былъ Молодецъ по полямъ ѣздить,
Онъ охочь былъ стрѣлять гусей-лебедей;

Опоздалъ же Молодецъ домой ѣхати.
Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:
Первая дорога къ отцу къ матери,
Вторая дорога къ роду къ племени,
Третья къ своему городу.
Въ городѣ вороты были заперты;
У воротъ караульщики крѣпко спятъ да не прóснутся;
Выходила Королевна на ново крыльце,
Отпирала Королевна городскіе ворóтечки,
Она впускала удалова-доброва Молодца:
««Ты иди со мной полегоничку,
««Говори со мной потихоничку.»»

Королева на утро стала спрашивати:
«Ужь ты дочь моя, дочь любимая!
«Ужь съ кѣмъ же ты нынче ночью разговаривала?»
««Ужь ты милая моя мать родимая!
««Нынче ночью мало мнѣ спалось,
««Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:
««Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,
««Предъ тобой стоятъ попы, дьяконы,
««Они поютъ память вѣчную.»»

У стола, стола государева
Служилъ Добрый Молодецъ.
Добрый Молодецъ хмѣленъ напивается,
Во хмѣлю Королевской дочерью похваляется:
—Ужь я спалъ-почивалъ съ Королевской дочерью
—На одной кроватушки!—
Были люди доносчики,
Доносили самому Королю;
Какъ вскричитъ Король громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите Доброва Молодца!»

Сталъ Король у него спрашивати:
«Сколько же ты жилъ съ моей дочерью?»
—Я не мало, не много,—ровно три года.—

Какъ вскричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите въ чисто поле,
«Копайте двѣ ямы глубокія,
«Становите два столба еловые,
«Кладите перекладины дубовыя,
«Вѣшай петельку шелковую,
«Вы возмите—приведите Доброва Молодца,
«Не ведите Молодца переди дворца,
«Вы ведите Молодца позади дворца!»

Молодецъ въ петелькѣ качается:
Королевская дочь въ терему кончается.

*

7.

(Тульск. губ. и уѣзда).

Ты крапиво ли крапиво, зла-стрекучая,
Одолѣла ты, крапива, поле чистое,
Что ни конному, ни пѣшему пройтить нельзя,
Что ни мнѣ ли, Доброму Мо́лодцу, проѣхати!

Проходилъ тутъ—проѣзжалъ удалъ-добрый Мо́лодецъ,
Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокіе,
Это въ тѣ ли во морозы въ Крещенскіе.
Загуляю я, Молоде́цъ, къ Королю въ гости.
Что Король то меня, Молодца, любилъ-жаловалъ,
Королевская дочка во любви жила.

Что у города были воро́ты крѣпко за́перты,
Караульные вкругъ города всѣ крѣпко спятъ;
Не спала только Елена дочь Королевская:
Отпирала у города воро́течки,
Что брала Добраго Молодца за руки,

Повела Добраго Молодца въ новую горницу,
Посадила Добраго Молодца въ новую спаленку...

(Отъ солдата, записано въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

8.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, село Языково).

Передрогъ-перезябъ Добрый Молодецъ,
За стѣною стоючи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаючи,
Что Прекрасную Елену, дочь Королевскую.
Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что Прекрасная Елена, дочь Королевская,
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла къ широкімъ воротамъ желѣзнымъ,
Отпирала ворота желѣзные,
Принимала Молодца за бѣлыя руки,
Вела его во высокъ терёмъ,
Вела да приказывала:
««Ты иди, мой миленькій, потихонечку,
««Говори, милъ-сердечный другъ, полегонечку,
««Чтобы не слыхали наши солдаты
««И всѣ наши караульщики,
««Не пробуди со сна мою матушку!»»

Какъ со сна-то ея матушка просыпалася:
«Ты дитё ль мое, дитятко,
«Ты дитё ль мое, чадо милое,
«Ты Прекрасная Елена, дочь Королевская!
«Ты кого называешь милымъ,
«Ты кого величаешь: милъ-сердечный другъ?»
««Ахъ, государыня моя матушка!

««Не хорошь-то мнѣ сонъ видѣлся:
««Будто ты, моя матушка, перестáвилася,
««Надъ тобою горятъ свѣчи воску яраго,
««Надъ тобою поютъ всё попы, дьяконы:
««Я тебя называла милымъ,
««Я тебя величала: милъ-сердечный другъ!»»

*

9.

Что гулялъ Молодецъ по Украины,
Загулялъ Молодецъ Королю въ Литву.
Онъ служилъ Королю вѣрой-правдою,
Онъ въ очью за очью неизмѣною.
Что Король Молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна любила паче Короля:
Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
Цвѣтно платьице носили одные парчи.

Загулялъ Молодецъ во трактирной домъ,
Еще пьетъ Молодецъ зелено вино,
Запиваетъ Молодецъ пивомъ пьянымъ,
Заѣдаетъ Молодецъ бѣлымъ сахаремъ,
Во хмѣлю онъ, Доброй Молодецъ, похваляется:
—Я живу съ Королевной, красной дѣвицой,
—Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
—Цвѣтное платьице носили одные парчи!—

Еще лихи на Молодца дѣвичьи братья,
Они скоро доносили самому Королю.
Что Король на Добра Молодца прогнѣвался,
Посадилъ Добра Молодца во темницу,
Еще призвалъ два плотничныхъ мастера:
«Вы подите во далече-чисто поле,
«Вы поставьте два столбичка дубовые,
«Перекладинку кладите вы кленовую,

«Вы вяжите двѣ петелки шелковыя,
«Вы ведите Добраго Молодца во чисто поле!»

Добрый Молодецъ во петелки качается:
Королевна скорой смертію кончается.

(Изъ рукописнаго сборника пѣсень, П. В. Кир.).

*

10.

Гулялъ Молодецъ по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ Молодецъ къ Королю въ Литву.

Король Молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна не могла наглядѣтися
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ Молодецъ упиватися,
Буйными словесами похвалятися:
—Ужь попито, братцы, поѣдено,
—Въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
—Съ одного плеча платья поношено,
—Королевну за ручку поВожено,
—Съ Королевной на перинушкѣ полежено!—

Ужь какъ злы-лихи на Молодца своя братья,
Доносили на Молодца самому Королю:
««Ты гой еси, нашъ батюшко, грозной Король!
««Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
««Живетъ Королевна съ Добрымъ Молодцемъ *).»»
Король на Молодца вдругъ прогнѣвался,
Закричалъ-завопилъ громкимъ голосомъ:

---

*) Чулковскій пѣсенникъ: „молодцомъ."—*О.*

«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?
«Вы возмите удалова-добра Молодца,
«Посадите его въ темну темницу,
«А сами подите во чисто поле,
«Вы ройте двѣ ямы глубокія
«И вы ставьте два столбичка высокіе,
«Перекладинку положите кленовую,
«Вы петельку повѣсьте шелковую,
«Поведите удалова-добра Молодца,
«Не водите вы его вдоль по улицѣ,
«Поведите вы его позади дворца,
«Не увидѣла бы Королевишна!»

На перву ступень ступилъ Молодецъ:
—Прости, прости, мой отецъ и мать!—
На другу ступень ступилъ Молодецъ:
—Прости, прости, весь родъ-племя!—
На третью ступень ступилъ Молодецъ:
—Прости, мой свѣтъ Королевишна!—
Далеко Королевна голосъ слышала,
Бѣжала во свой во высокъ теремъ,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала [шкатулу] серебрену,
Вынимала два ножичка булатные,
Порола свои груди бѣлыя.

Молодецъ въ чистомъ полѣ качается:
Королевишна на ноженькахъ *) кончается.

Пришолъ къ ней скоро родной батюшка,
Не успѣлъ Король лише возрити **),
Увидѣлъ убиту Королевишну.
И онъ билъ свои руки о дубовой столъ:

*) На ножичкахъ.—Такъ въ „Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ.“— У Сахорова: „на ножечкахъ.“—*О.*

**) Чулк.: „взозрити.—*О.*

«Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная!
«Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
«Что жила во любви съ Добрымъ Молодцемъ?
«Ужь я бы Доброва Молодца пожаловалъ,
«Отъ смерти бъ Добра Молодца помиловалъ!»
Закричалъ-завопилъ громкимъ голосомъ:
«Ужь есть ли у меня слуги вѣрные?
«Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
«Рубили бы головы доносчикамъ,
«Кто доносилъ на Королевишну *)!»

(Новиковскій пѣсенникъ, 1780 г., ч. III, № 58, стр. 60—62; то же у Чулкова, ч. III, № 58, стр. 77—79, и въ «Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ,» безъ года, стр. 311 № 376, ч. III; изъ обоихъ приведены разнорѣчія).

*

11.

(Сарат. губ.).

Я любилъ-то, любилъ дочь Королевскую,
Я не годъ ее любилъ и не два года,
Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.

На десятомъ году самъ Король довѣдался,
Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать рельюшки:
«Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
«Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
«На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
«Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»

---

*) Въ „Новѣйшемъ избран. пѣсенникѣ:“
«Тѣмъ, которы доносили мнѣ на дочь мою.» — О.

Въ перву петельку повѣсили,—петелька оборвалася;
Въ другу петельку повѣсили,—и эта оборвалася;
Въ третьей петлѣ удушился Ванюшка.

Узнавала его родимая матушка:
Она плакала—какъ рѣка лилась,
Слезы катятся—какъ ручьи текутъ,
Возрыдалася—что погоды бьютъ.

(Записано гг. Костомаровымъ и Мордовцевой, ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» т. IV).

* *

Князь Румянцовъ.

VII.

1.

(Симбирск. губ.).

У Князя Румянцова былъ слуга вѣрный, нелицемѣрный:
Поѣхалъ Князь Румянцовъ въ свою [девизiю],
Безъ него слуга вѣрный жилъ со Княгинею.

Прiѣхалъ Князь Румянцовъ,
Узналъ про свово слугу вѣрнова,
Что онъ живетъ со Княгинею;
Призвалъ Князь Румянцовъ свово слугу вѣрнова,
Ужь и сталъ Князь Румянцовъ его спрашивать:
«Со котораго числа-времяни живешь со Княгинею?»
—Я живу съ твоей Княгиней съ января перваго.—
Ударилъ Князь слугу вѣрнаго,
По бѣлому лицу, по румяной щекѣ,
И велѣлъ его весть въ присутствiе.

Сталъ губернаторъ его спрашивать:
««За што тебя Князь Румянцовъ
««Отдаетъ въ солдаты?»»
—За то меня Князь отдаетъ въ солдаты,
—Что я жилъ съ его Княгинею.—

* *

Камеръ-лакей.

VIII.

1.

(Оттуда же.).

Время проходитъ, время летитъ,
Время проводитъ, ничто не льститъ.

Любила Княгиня Камеръ-лакея *),
Любила она четыре года:
На пятыемъ году Князь догадался,
На Княгиню прогнѣвился:
«Слуги мои, слуги вы вѣрныя, нелицемѣрные!
«Вы поймайте Камеръ-лакея,
«Вы поймайте молодова,
«Руки вы ноги свяжите,
«И вы бросьте въ тоё рѣку,
«Въ тоё рѣку во Смородинку!»

Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины:
««Слуги мои вѣрные,
««Слуги мои нелицемѣрные!

---

*) И ниже, каждый стихъ повторяется дважды.—*О.*

««Возьмите вы шелковый неводъ,
««Поймайте мнѣ свѣжей рыбы,
««Свѣжей рыбы, бѣлужины!»»

Сколько ловили,—не изловили,
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло Камеръ-лакея,
Камеръ-лакея молодова.
««Не кладите вы на землицу,
««Вы положите на скамьицу,
««Вы несите во свѣтлицу,
««Отворьте–откройте двери, окошки!
««Подымитесь вы, буйные вѣтры,
««Вывѣйте изъ Князя душу,
««Вы вложите въ Камеръ–лакея,
««Вы вложите въ молодова!»»

Её вѣтры не послушались,
Изъ Князя душу не вывѣвали
И въ Камеръ-лакея не вдували,
Въ молодова не вдували.
««Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
««Знать–то вы ко мнѣ не находились!
««Охъ вы, мои бѣлыя руки,
««Знать-то вы меня не наобнимались!
««Охъ вы, мои очи ясныя,
««Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
««Охъ вы, мои уста сахарныя,
««Знать-то меня не нацѣловались!
««Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
««Знать-то мнѣ васъ не носити!
««Охъ вы, мои чёрныя платья,
««Знать-то мнѣ васъ надѣвати,
««Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидавати,
««Надѣвать-то мнѣ платье чёрное!»»

*

2.

Любила Княгиня Камеръ-лакея,
Любила ровно четыре года.
Увѣдалъ Князь про Княгиню,
Что любитъ Камеръ-лакея:
«Есть ли у меня вѣрные слуги,
«Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
«Берите вы, слуги, тугіе луки,
«Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
«Въ бѣлое тѣло—въ Камеръ-лакея,
«Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»

Увѣдала Княгиня *) про Камеръ-лакея:
««Есть ли у меня вѣрные слуги,
««Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
««Вязите **), вязите шелковы неводы,
««Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
««Ловите, ловите бѣлое тѣло,
««Бѣлое тѣло Камеръ-лакея,
««Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
««Несите вы тѣло во свѣтлу свѣтлицу!
««Вздуньте вы, вздуньте, буйные вѣтры,
««Выньте вы, выньте душу изъ Князя,
««Душу изъ Князя, изъ моего мужа,
««Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
««Въ бѣлое тѣло въ Камеръ-лакея,
««Камеръ-лакея, моего милова!
««Кого я любила, того бъ оживила,
««Кого не любила, того бъ погубила!»»

(Новик. пѣсен.. 1780, ч. III, № 168, стр. 168; то же у Чулкова, ч. III, № 168, стр. 216, 217).

* *
*

---

*) Подлинникъ: „Княгина."—О.
**) Вяжите.—О.

КНЯЗЬ ДАНИЛО.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. уѣзда).

Князь Данило ходитъ,
По дорожинькѣ онъ бродитъ,
На красныхъ *) поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
Сладки рѣчи говоритъ,
Фаты шелковы сулитъ:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
«Ой вы, молодицы!
«Спойте вы мнѣ пѣсенку
«Про голову горемышненку,
«Про удалаго молодца
«Про Илью Муромца,
«Да про Егора Царевича **),
«Молодца Молодцевича,
«Какъ онъ съ Туркомъ воевалъ,
«Какъ Султана въ полонъ взялъ,
«Какъ его онъ засмолилъ,
«Всю Турещину изрубилъ.»
««Нѣтъ не станемъ
««Мы пѣть пѣсенку
««Про голову горемышненку,
««Про удалаго молодца

---

*) Дѣвушекъ.—*О.*
**) Егоръ—Святогоръ (см. вып. 4, объ Аникѣ) или Егорій храбрый.—*О.*

««Про Илью Муромца,
««Ни про Егора Царевича,
««Молодца Молодцевича.
««А споемъ мы тебѣ пѣсенку
««Про Данилу про каналью,
««Про разбойника-бусурмана,
««Про мерзавца-нехристіана.»»
Тутъ Данило взбѣленился
И велѣлъ онъ всѣхъ казнить,
Бѣлы головы рубить.

Тутъ народъ весь подымался
И стражей гонять пускался:
Разогнали всѣхъ стражей,
До Данилы добралися
И его колоть пустилися.

(Записано П. М. Перевлѣсскимъ).

* *
*

КНЯЗЬЯ БОРИСЪ И ГЛѢБЪ.

Смотри «Калѣки Перехожіе,» выпускъ 3.

*
* *

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ СИМЕОНЪ ИВАНОВИЧЪ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬЯ ѲЕДОРЪ, ДАВИДЪ И КОНСТАНТИНЪ ЯРОСЛАВСКІЕ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬЯ ТВЕРСКІЕ.

1.

(Кирша Даниловъ).

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичь,
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичь,
Городами стольными:
Василья на Плесу *),
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ.

Одного не пожаловалъ—
Любимаго шурина

---

*) Въ Плесковѣ, Псковѣ.—*О.*

Щелкана Дюдентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ:
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты,
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани-выходы,
Царскія невыплаты,
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота:
Она тѣмъ узда дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича *).

*) *Щелкану Дудентьевичу*—нельзя той уздою и друга дарить?—*О.*

Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичь:
«Гой еси, царь Азвякъ,
«Азвякъ Тавруловичь!
«Пожаловалъ ты молодцовъ,
«Любимыхъ шуриновъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ,
«Василья на Плесу,
«Гордѣя къ Вологдѣ,
«Ахрамея къ Костромѣ:
«Пожалуй ты, царь Азвякъ,
«Пожалуй ты меня
«Тверью старою,
«Тверью богатою,
«Двумя братцами родимыми,
«Дву удалыми Борисовичи.»
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичь:
—Гой еси, шуринъ мой,
—Щелканъ Дудентьевичь!
—Заколи-тко ты сына своего,
—Сына любимаго,
—Крови ты чашу нацѣди,
—Выпей ты крови тоя,
—Крови горячія:
—И тогда я тебя пожалую
—Тверью старою,
—Тверью богатою,
—Двумя братцами родимыми,
—Дву удалыми Борисовичи.—
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія:
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ

Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.

И втѣпоры, младъ Щелканъ,
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь-ту старую,
Въ Тверь-ту богатую.
А не много онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити *),
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимыимъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками **),
И понесли они честные подарки,
Злата-серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли ***) его въ домѣ у себя,
Щелкана Дудентьевича:
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.

---

*) Только и дѣло его было, что вдовъ безчестить, и проч.—*О.*

**) Стихи должны быть:

Отъ народа они съ поклономъ пошли,
Съ поклономъ пошли, съ честными подарками.—*О.*

***) Нашли, застали.—*О.*

Втапоры, младъ Щелканъ,
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ ево разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося *).

Конецъ пѣсенъ 5-го выпуска.

*) Не сыскалася (смерть)?—*О.*

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 5-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

I.

СКАЗКИ

про Василья Буслаева.

1.

(Пермской губерніи).

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ; живучи Буславъ, переставился; остается его молода жена Ванильѳа Тимоѳеевна, остается у нее младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ маленькими ребятками поигрывати: у кого руку оторветъ, у кого голову расколетъ. Отдала Ванильѳа Тимоѳеевна своего сына любимаго Старику Угрумищу *) учить—во листы писать: а выучился Василій Буславичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать.

Однажды у Старика Угрумища сдѣлался пиръ и бесѣда: онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича; пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду; изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни съ чернымъ **) вязомъ. Старша ***) Угрумища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему:—Ты не сѣкчи, молодой сѣктунъ! Тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей,—вотъ тебѣ пять сотъ рублей.—

---

*) Пилигримищу.—*О.*
**) Черденымъ, червленымъ.—*О.*
***) Старичишша, старичище.—*О.*

II

Пришелъ Василій Буславичь домой къ своей матери и говоритъ: «Ахъ, матушка родимая! Я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ Старшомъ Угрумищей разсорился.» Мать взяла его—пьянаго напоила и въ темную темницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ спитъ да спитъ, ничего не знаетъ. Женщина по воду ходила и ему въ окошко закричала: ««Что̀, говоритъ, Василій Буславичь, спишь, ничего не знаешь? Я, говоритъ, по воду ходила,— сколько людей коромысломъ прибила!»» Василій Буславичь, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить,—народъ *).

Старша Угрумища ему и взмолился: — Гой ли ты еси, Василій Буславичь! Уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пять сотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!— Вотъ Василій Буславичь смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говоритъ, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабь, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобъ ѣхалъ куда хочетъ, и рукой въ слѣдъ махнула.

Василій Буславичь приплылъ на зеленыя луга: лежитъ тутъ Морская Пучина *), вокругомъ глаза. Онъ вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ, а она ему и говоритъ:—Не пинай меня: и самъ тутъ будешь! — Вотъ послѣ этого рабочіе его расшутились межь собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакали; онъ скокнулъ напослѣдѣ, и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.

(Записано г. Огаревымъ, доставлено В. И. Ламанскимъ).

---

*) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. IV, и ниже.—О.

III

2 *).

Жилъ Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай переставился. Оставалось у него малое дѣтище Василей Богуслаевичь. Когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу на Рогатицу, играетъ онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородатами: котораго изъ нихъ схватитъ за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ.

Отъ такихъ его наглыхъ шутокъ чернь взволновалася. Собираются посадники Новогородскіе, думаютъ крѣпку думушку; они приходятъ къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: ««Ты гой еси, честная жена Амелѳа Тимоѳеевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по своему: уже нашъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ.»» Отъ такихъ рѣчей честная жена Амелоа Тимоѳеевна прикручинилась, обѣщаетъ имъ управу дать, отпускаетъ она посадниковъ съ почестью и призываетъ къ себѣ свое чадо Василья Богуслаевича. Призвавъ его, говоритъ такія рѣчи: —Охъ ты мое чадо милое! Перестань ты ходить на улицу на Рогатицу, полно тебѣ играть съ мужиками Новогородскими! Вижу я въ тебѣ силу богатырскую; но ты еще дитя младое; твои шутки неудалыя: кого ты схватишь за руку, отрываешь изъ могучихъ плечь; а возмешь за буйну голову, остается она въ твоихъ рукахъ. Скорбятъ на тебя посадники и мужики Новогородскіе. Когда они на насъ подымутся, на кого намъ понадѣяться? Въ сиротствѣ мы съ тобой осталися. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысячу? А побіешь ты и тысячу, за тысячью ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова добраго: перестань ходить ты на улицу!—

Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичь поклоняется своей матушкѣ, честной женѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ до сырой земли; поклонивши-

*) О достоинствѣ этой сказки, не смотря на ея поддѣлки, см. въ „Замѣткѣ.“ Языкъ изъ народного во многомъ переиначенъ на книжный ладъ.—*О.*

ся онъ отвѣтъ держитъ: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе; а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу: но чѣмъ же мнѣ позабавиться, съ кѣмъ отвѣдати могуча плеча? Не сидѣть ты меня породила, не даромъ мнѣ моя звѣзда щастливая дала силу богатырскую. Какъ придетъ моя пора, укрочу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Старо-Славенская и княжество Руское. А теперь я во твоей волѣ; но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищей, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвити, съ кѣмъ отвѣдати мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дамъ почесть всему граду и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку.»

Получа позволеніе отъ своей матушки, Василей Богуслаевичь выставляетъ у своего двора бѣла-каменна, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаетъ въ нихъ зелена вина и пива пьянаго по края полны; онъ пускаетъ въ нихъ золоты чары, съ тѣми камнями самоцвѣтными, въ каждой чарѣ вѣсу тридцать пудъ. Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати: ««Кто хочетъ пожить весело, кто хочетъ въ краснѣ въ хорошѣ походить, тотъ бы шелъ къ Василью Богуславичу на широкой дворъ не обсылаючи, но спросясь только съ своей силою, понадѣявшись на буйну голову!»» Бирючи ходятъ день до вечера, они кличутъ громкимъ голосомъ: никто имъ не вызывается. Самъ Василей Богуслаевичь смотритъ съ высока терема въ окно косящетое: чаны стоятъ непочаты, никто къ нимъ не появляется.

Тогда жилъ-былъ нѣкто Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ. Онъ идетъ къ широкому двору не обсылаючи, подходитъ къ чанамъ не спрашиваючи; онъ беретъ золоту чашу: одной рукой поднимаетъ, однимъ духомъ выпиваетъ. Увидѣвъ то Василій Богуслаевичь, бѣжитъ съ высока терема, не одѣвшися, безъ чебатовъ, за собою онъ тащитъ стемляный вязъ, и этотъ вязъ свинцомъ налитъ Сарочинскимъ; онъ бьетъ вязомъ Ѳому по уху по правому: на Ѳомѣ головушка не тряхнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играетъ въ немъ отъ радости. Обнимаетъ онъ Ѳому въ бѣлыхъ рукахъ и ведетъ его въ свои теремы

златоверхіе. Приведши его въ свой высокъ теремъ, цѣлуетъ во уста, и тутъ кладутъ они между собою слово крѣпкое-богатырское, чтобъ быти имъ братьями, не щадить другъ за друга буйныхъ головъ, чтобы пити имъ изъ одной чары и ѣсти имъ съ одного блюда, носити платье цвѣтное съ одного плеча. Потомъ сажаетъ его за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣствы сахарныя: пили-ѣли, прохлажалися, межъ собой забавлялися.

Между тѣмъ Василью Богуслаевичу лежитъ на сердцѣ дума крѣпкая: онъ поглядываетъ въ окно косящетое и ждетъ, не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрошаючи. Появляется тутъ вдоль по улицѣ Новогородецъ Потанюшка: онъ малъ собою, невеличекъ и на одну ногу прихрамываетъ. Приходитъ онъ къ дубовымъ чанамъ, онъ бросаетъ вонъ золоты чары, подымаетъ чанъ зелена вина одной рукой, выпиваетъ его однимъ духомъ до суха, онъ выпивши разбиваетъ чанъ о сыру землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидѣвъ то Василей Богуслаевичь, вспрыгнулъ онъ изъ окна отъ радости, закричалъ громкимъ голосомъ: «Охъ братецъ мой, Ѳома Толстой сынъ Ремешниковъ! Пойдемъ встрѣтить молодца удалова: вонъ пришелъ къ намъ третій братъ!» Они схватываютъ палицы булатныя, во которыхъ вѣсу по пятидесятъ пудъ, бѣгутъ съ высока терема въ широки вороты, прибѣгаютъ они ко Потанюшкѣ, они бьютъ его въ буйну голову: палицы въ части разлетаются, а на Потанюшки головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку подъ бѣлы руки, повели его на широкой дворъ, на крыльцо красное, во теремы златоверхіе. Тамъ они поцѣловалися и дали другъ другу клятву крѣпкую, чтобъ быти имъ всѣмъ братьями и быти ихъ душамъ за единую.

Скоро прошелъ слухъ по всему граду, что Василей Богуслаевичь выбралъ богатырей сильныхъ, изъ всей земли Старо-Славенскія, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, что пьютъ-ѣдятъ съ одново стола, цвѣтно платье *) съ одново плеча. Отъ молвы сей посадники взволновалися, собираются они во теремы тайницкіе, начинаютъ большой совѣтъ и думу крѣпкую. Когда всѣ посадники по скамьямъ

---

*) Носятъ.—*О.*

усѣлись, встаетъ тутъ чуденъ старъ-матёръ человѣкъ, выходитъ онъ на средину горницы, на всѣ четыре стороны поклоняется, онъ поглаживаетъ свою сѣдую бороду, трожды ударяетъ о полъ посохомъ, и начинаетъ слово мудрое: ««Вы гой еси, мужи Славенскіе и всѣ посадники Новогородскіе! Не стало князя въ нашей области: Богуслай оставилъ намъ мало дѣтище; мы правимъ всею землей Рускою. Уповаемъ мы на это дѣтище княженецкое: мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрыя, ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго, чтобъ поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадаетъ отъ нево земля Славенская, опустѣетъ княжество Руское: Василей Богуслаевичь дошелъ едваль лѣтъ пятинадесять, а ужь замыслы его не робяцкіе и забавы его не обычныя. Прежде онъ своими шутками осиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь прибираетъ къ себѣ богатырей изъ всея земли Рускія. Въ чемъ будетъ его такова дума? Онъ хочетъ насъ прибрать во свои руки и владѣть нами своей волею. Пропадетъ наша вся слава добрая! Насмѣется намъ бѣлой свѣтъ, что мы, мудрые посадники, покорилися малому дѣтищу! Оле намъ стыда сего! О вы, посадники могучіе! Соберите вы свое единодушіе, призовите вы свой крѣпкой умъ! Не дѣтищу нами ругатися, подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолщено! Мы сдѣлаемъ пиръ на цѣлой міръ: призовемъ мы на оной Василья Богуслаевича и учнемъ выпытывать; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго; буде не станетъ пить, инъ онъ зло мыслитъ; буде выпьетъ, во хмѣлю онъ промолвится, и что̀ есть на сердцѣ, онъ все выскажетъ. Коль примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Славенскія, мы сорвемъ ему голову съ могучихъ плечь. Насъ бѣлой свѣтъ не осудитъ въ томъ: не одинъ онъ роду княжецкаго на бѣлой Руси, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу. Буде жь нѣтъ, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ!»»

Сію мудру рѣчь выслушавъ посадники, съ мѣстъ своихъ поднималися и до пояса они предъ Чудиномъ поклонялися. Всѣ сказали они однимъ голосомъ: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»»

На зарѣ потомъ на утренней, на восходѣ красна солнышка, въ тѣхъ теремахъ тайницкихъ становятъ столы дубовые, разстилаютъ скатерти браныя, готовятъ ѣствы сахарныя, привозятъ бадьи зелена

вина и пива сыченаго, бросаются по гостямъ торговымъ, покупають вины заморскія, что ни пьяныя, и всѣ посадники собираются. Пріѣзжають они въ Старо-Славенской дворецъ и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пиръ. Имъ (въ) отвѣтъ держитъ честна жена:—Не мое дѣло по пирамъ ходить; погуляла я и натѣшилась, когда живъ былъ мое солнышко, государь Богуславй, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василью Богуславичу: можетъ, онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостью. — Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики Новогородскіе къ своему княжичу, они просятъ его съ великою честію на свой пиръ въ Великой Новъгородъ. Василей Богуславичь идетъ къ своей матушкѣ спрошатися, благословляетъ ево княгиня къ нимъ на пиръ итить, благословляючи наказываетъ своему чаду милому:—Ты пей, мой другъ,—не пропей ума! Мужики Новогородскіе хитры-лихоратливы *), обойдутъ тебя словомъ лестливымъ; но ты, когда до похвалъ дойдетъ, не хвались ничѣмъ у нихъ, лѣта твои младыя, не груби ты ни въ чемъ посадникамъ. — Сіе выслушавъ Василей Богуславичь, поклоняется своей матушкѣ, что ево надоумила, и идетъ на пиръ во Новъ-городъ одинъ одинехонекъ; оставляетъ онъ въ дому своихъ побратенниковъ, Ѳому и Потанюшку.

Приходитъ онъ во Новъ-городъ. Посадники ево встрѣчаютъ на улицѣ, принимаютъ подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія. Тамъ сажаютъ его за столы дубовые въ переднемъ углу. Василей Богуславичь имъ за честь покланяется и не хочетъ сѣсть во переднемъ углу. Посадники его пудятъ добрымъ словомъ: «Садись ты тамъ, чадо княжее: тамъ сиживалъ твой батюшко, Богуславй, нашъ князь.»» За слово сіе доброе княжичь ихъ послушался: садится онъ въ переднемъ углу. Ему подносятъ стопу вина заморскова, онъ пьетъ и ѣстъ—прохлажается, онъ въ полсыта наѣдается и въ полпьяна напивается, онъ сидитъ какъ красная дѣвушка, ни молвитъ онъ ни одного слова. Уже посадники на веселѣ, начинаютъ они похвальбу держать. Иной хвалится добрымъ конемъ, иной хвалится молодой женой, иной силою и богатствомъ, иной храбростью и мудростію: одинъ

*) Лихорадливы.—О.

лишь Василей Богуславевичь ни чѣмъ не похваляется. Тутъ встають съ скамьи первые посадники, Чудинъ да Сатко Богатой Гость, они громкимъ вопять голосомъ: ««Ты гой еси, нашь батюшка, Василей Богуславевичь! Что ты такъ пріунывъ сидишь? Что ни чѣмъ ты не похвалишься?»» Имъ отвѣтъ держалъ младой княжичь: «Охъ вы люди почетные, посадники Новогородскіе! Чѣмъ предъ вами мнѣ похвалитися? Я послѣ государя моево батюшки сиротою остался малешенекъ, государыця моя матушка во вдовствѣ живетъ. Хотя есть у меня золота казна, имѣнье и богатество: то не я собралъ, а мой батюшко. Когда буду я въ порѣ-времяни, тогда буду я похвалятися.»

Таковымъ рѣчамъ посадники удивилися, начали между собою перешептывать. Наливають они братину зелена вина, начинають пить приговаривая: ««Кто другъ Великому Нову-граду и всей земли Славенскія, тотъ пей братину до суха!»» Подають они братину Василью Богуславевичу. Уже нельзя ему было отговоритися: онъ ее въ бѣлы руки принимаетъ и до суха выпиваетъ; и сталъ онъ отъ того на веселѣ. Тогда посадники опять начинають похвалятися и опять приставать къ своему княжичу, для чего онъ ни чѣмъ не похвалится. Тогда заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла въ немъ кровь молодецкая, взговорилъ онъ имъ таковы рѣчи: «Ой еси вы, посадники Новгородскіе! Се похвала Василья Богуславевича: что сидѣть ему надъ землей Славенскою и княжить надъ Рускою; быть Нову-граду всему за нимъ; онъ будетъ брать пошлины датошныя со всея земли, съ лову заячья и гоголинаго; всѣ посадники предъ нимъ поклонятся, онъ принудитъ всѣхъ своею рукою богатырскою!» Выслушавъ таковы слова, всѣ посадники взволновалися и кричали вопреки ему: ««Не бывать за тобой Нову-граду, не сидѣть тебѣ надъ землею Славенскою и не княжить надъ Рускою! Не доживъ поры ты похваляешься: не стерпѣтъ того намъ посадникамъ! Младъ еще, незрѣлъ твой умъ, намъ нечево отъ тебя дожидатися: на утро ты иди изъ земли нашей; не пойдешь, инъ погонимъ тебя не съ честію, потеряешь ты буйну голову!»» Имъ (въ) отвѣтъ держалъ Василей Богуславевичь: «Не боюсь я васъ, посадниковъ: собирайте вы всю силу Новогородскую, я иду съ ней перевѣдаться; не изгнать вамъ меня изъ земли Славенскія; таки быть за мной всему Нову-граду, а вамъ, посадникамъ, у ногъ моихъ!» Сказавъ сіе, встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, отдаетъ поклонъ всѣмъ посадникамъ и идетъ къ своей матушкѣ. По-

садники изумилися, даютъ ему широкой путь. Пропустя его, думу думаютъ, похвальбѣ его насмѣхаются, посылаютъ они собрати всю силу Новогородскую на улицу на Рогатицу, чтобъ убити имъ своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнятъ: ««Гдѣ ратовать съ нами малу дѣтищу!»»

Ужь на вѣчѣ бьютъ въ большой колоколъ, волнуется вся страна Старо-Славенская, собирается рать сильная на одного младаго княжича. Въ то время дошла вѣсть къ честной женѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ, что похвалился ея мило чадо Василей Богуслаевичь словами неудалыми, чтобъ биться ему со всею силою Новогородскою. Отъ того честна жена прикручинилась; она идетъ со крыльца краснаго къ своему сыну во высокъ теремъ, она укоряетъ его за незрѣлой умъ, что нагрубилъ онъ всѣмъ посадникамъ: — Гдѣ тебѣ, вѣщаетъ она, биться одному противу силы Новогородскія? Погубилъ ты меня въ старости!—Сказавъ сіе, схватываетъ его въ беремечко и мчитъ въ погреба бѣлы-каменныя, задвигаетъ двери засовами желѣзными, засыпаетъ ихъ песками сыпучими, оставляетъ его тутъ хмѣль выспати; а сама идетъ въ свою казнохранильницу, беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменья самоцвѣтнаго и ѣдетъ въ Великой Новгородъ ко посадникамъ. Она кланяется имъ до пояса, поставляетъ золото блюдо на дубовой столъ, говоритъ имъ рѣчи умильныя, чтобъ простили они ея мило чадо Василья Богуслаевича за слова, что̀ онъ во хмѣлю сказалъ, что нельзя ему стоять противу силы Новогородскія, ибо лѣты его младыя, чтобъ, попомня они Богуслая, своего князя, пощадили его дѣтище.

Отъ сего посадники возгордилися, говорятъ они своей княгинѣ невѣжливо: ««Поди ты вонъ, баба старая! Не пойдешь, инъ вышлемъ тебя съ нечестію. Намъ не надобно злата-серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, дорога намъ похвальба Богуслайченкова, намъ надобна его буйна голова!»» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горючьми слезы, возвратилась во свой дворецъ бѣлой-каменной, велѣла запереть широки ворота и засѣла въ кручинѣ великой.

На утрей день лишь просіялъ бѣлой день, не гуси и лебеди подымаются съ великаго Ирмера озера, идетъ то сила Новогородская

на улицу на Рогатицу; не вешняя вода тутъ облелѣила, окружили то посадники и мужики Новогородскіе широкой дворъ Василья Богуславича: выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся они на обширной дворъ.

Тутъ съ ними встрѣтилась дѣвчоночка, чернешенька - малешенька: она шла изъ избы приспѣшныя въ рѣку Волховъ по воду, на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое,—всего вѣсу въ немъ триста пудъ. Увидѣвши то невѣжество, вскричала она къ мужикамъ и посадникамъ: — Охъ б . . . вы дѣти неудалые! Смѣть ли бы вамъ ходить на широкій дворъ не спрошаючи? Почиваетъ еще нашъ батюшко Василей Богуславичь, а вы сюда гремѣть пришли! Погоню я васъ съ широкова двора! — Не дали ей докончить словъ, принялись ее колотить въ дубины вязовыя. За ту шутку дѣвчонка осердилася, бросаетъ она ведры дубовыя, беретъ въ руки свое коромыслицо, гонитъ она ихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ лишь разъ махнетъ, тамо улица, а въ другой хватитъ,—съ переулочками. Побивала дѣвчонка тысячу, добивалася она до трехъ полковъ. Уже руки ея примахалися, коромыслицо изломалося: бѣжитъ она на широкой дворъ во теремы высокіе. Прибѣжавъ туда, кричитъ громкимъ голосомъ:—Вы гой еси, богатыри могучіе! Что вы спите-почиваете? На вашего брата названаго нападаетъ вся сила Новогородская, уже выломали ворота на широкой дворъ, приступаютъ къ погребамъ бѣлымъ-каменнымъ, гдѣ почиваетъ Василей Богуславичь.—Ей въ отвѣтъ сказали Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ со Потанюшкой: ««Не сила то Новогородская нападаетъ на нашего брата названаго: налетѣли то комары изъ болотъ Каростанскихъ; пусть пробудятъ они его жужжаніемъ, а не честь будетъ богатырская намъ боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ. Онъ прогонитъ ихъ однимъ замахомъ.»» Сіе молвивши, завернули они буйны головы во подушки пуховыя.

Между тѣмъ Василей Богуславичь отъ крика - вопля народнаго пробужается: онъ вскакиваетъ на рѣзвы ноги и потряхается, отъ того въ погребахъ стѣны бѣлы-каменны распадаются, желѣзные засовы ломаются и желты пески разсыпаются; становится онъ середи двора. То увидѣвъ сила Новогородская, бросается на него тысячьми. У молодаго княжича нѣтъ оружія, ни збруи ратныя. За своимъ стемляннымъ вязомъ показалось ему далеко итти, ибо тѣ вязы были у

него въ высокомъ теремѣ: онъ схватываетъ ось дубовую необдѣланную; ею гонитъ онъ силу на улицу Рогатицу; побиваетъ онъ людей тысячи. Не успѣютъ посадники подковъ наготовиться. Уже вся сила дрогнула, но онъ гонитъ ихъ на чисто поле, пригоняетъ ихъ къ быстрой рѣкѣ, не даетъ онъ имъ развернутися, не внимаетъ онъ ихъ покорности, молодецка кровь разогрѣлася, онъ хочетъ бить всѣхъ на голову.

Узрѣвши то посадники, пріуныли всѣ, буйны головы повѣсили; они бросаются во Новгородъ, насыпаютъ злата-серебра, каменья самоцвѣтнаго на златы блюды; идутъ они въ Старъ-Славенскъ дворецъ ко честной женѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ. Они хочутъ на дворъ взойти, анъ широки вороты заперты. Они выходятъ на улицу противъ широка терема, противу оконъ косящетыхъ, преклоняютъ они буйны головы ко сырой землѣ и кричатъ громкимъ голосомъ: ««Охъ ты мать наша, честна жена Амелоа Тимоѳеевна! Прогнѣвали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василья Богуслаевича: онъ побилъ ужь всю силу Новогородскую. Упроси ты его словомъ родительскимъ, чтобъ оставилъ онъ людей хотя на сѣмена!»» Но княгиня, то услышавши, не показала имъ своихъ ясныхъ очей, отослала ихъ съ нечестіемъ. Она лишь велѣла имъ возвѣстить: —Какъ вы дѣло затѣяли, такъ и оканчивайте; я баба старая, не возмусь за ваши дѣла ратныя.—

Посадники, услышавши свою опалу великую, видятъ бѣду неминучую, поспѣшаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ Старчище Многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, раззорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣты древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молятъ его спасти свою отчизну, и унять младаго княжича. Долго Старчище не слушалъ ихъ, однако на кручину ихъ умиляется. Поднимается съ дубовой скамьи, идетъ онъ на сборной дворъ: тамъ снимаетъ онъ съ вѣча большой колоколъ, которой колоколъ шести сотъ пудъ; надѣваетъ оной на буйну свою голову вмѣсто шапочки. Оттолѣ шествуетъ во чисто поле, къ той быстрой рѣкѣ, гдѣ Василей Богуслаевичь остальную рать доколачивалъ. Онъ, подшедъ къ нему, закричалъ громкимъ голосомъ:—Ты гой еси, Богуслаевъ сынъ! Не за свои ты шутки принимаешься: перестань ща-

лить при старомъ мужѣ! — Отъ такихъ рѣчей молодой витязь прогнѣвляется, набѣгаетъ онъ на Старчища Многолѣтища, бьетъ рукою крѣпко во тяжелъ колоколъ. Красная мѣдь разсыпается, присядаетъ старой мужь къ сырой землѣ, онъ молитъ-проситъ пощады своей: — Охъ ты сильной-могучь богатырь! Не чаялъ я такой силы въ твоей младости! Я живу на свѣтѣ сто лѣтъ и двадесять, не видалъ я себѣ спорника и поборника: днесь пропала моя слава богатырская, побѣдилъ меня младой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служилъ Славенской землѣ, ты дай мнѣ жизнь на вспокаянье. — Убивать его Василей Богуславевичь не держалъ ни въ умѣ въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію.

Въ ту пору, познавъ посадники свою бѣду неубѣжную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во теремы тайницкіе, они пишутъ крѣпки записи, чтобъ быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всемъ Новымъ-градомъ, землей Славенскою и Рускою, брать пошлины, каки онъ хочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту запись крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Бугуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ, Ѳому Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя, перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена.

На просьбу ихъ богатыри преклонилися, бросаютъ они вязы стемляные, кои держали на готовѣ въ рукахъ своихъ, буде бы ослабѣлъ въ рати братень ихъ. Они идутъ въ поле со посадники; не дошедъ къ мѣсту побоища, кладутъ на голову запись крѣпкую и кричатъ громкимъ голосомъ: ««Здравствуй, батюшко нашь, Славенской князь, Василей Богуслаевичь! Перестань губить свою отчину: покорилась тебѣ земля Славенская и все княжество Руское! Поклонилісь къ ногамъ твоимъ всѣ посадники: вотъ ихъ запись крѣпкая, чтобъ владѣть тебѣ по своей волѣ надъ всѣмъ Великимъ Новымъ-градомъ со всѣми землями и областьми!»» Они, сказавъ сіе, со всѣми посадники у ногъ его повалилися.

Тутъ Василей Богуслаевичь укротилъ свой сильной гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побоища. Онъ вла-

дѣлъ надъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подниматися, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими. Вся Чудь платила ему дани со вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братенникахъ Ѳомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витязей со всего свѣта бѣлаго, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Нову-граду.

(Русскія сказки Чулкова, часть IV).

*

3 *).

Во славномъ было въ Великомъ Новѣ-градѣ, а и жилъ тамъ Буслай девяносто лѣтъ, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: съ мужиками Новгородскіими **) не перечился, со житыми посацкими поперегъ словечка не говаривалъ; жилъ Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣй его вѣку долгаго оставалось житье-бытье великое, все имѣнье посацкое, да оставалась матера вдова, матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна, да оставалось чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастѣ, отдавала его родимая матушка, матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна, граматѣ да пѣнью церковному учить. Грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло ***). А и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.

А и стало Васькѣ пятнадцать лѣтъ, выходитъ Васька на улицу на Рогатицу, играть со малыми со ребятами. Повадился Васька на

---

*) Оцѣнку этой сказки см. въ „Замѣткѣ.“—*О.*

**) Слишкомъ длинная для народнаго языка форма.—*О.*

***) Это уже конечно подправка: изъ пѣсень и народныхъ сказаній знаемъ противное.—*О.*

улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцы до пьяну напиватися. А и ходитъ Васька съ ними по улицѣ, а и ходитъ—уродуетъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за голову, у того головы не бывало. Пошла по Нову-городу жалоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новогородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новогородскіе, все люди посацкіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ, а и говорятъ таковы рѣчи: ««Ты гой еси, честна вдова Амелоа Тимоѳеевна! Уйми ты свое чадо милое, Василія Буслаевича: ходитъ онъ на улицу на Рогатицу, водитъ дружбу со удалыми молодцы, со удалыми молодцы до пьяну напивается, надъ мужики Новогородскіими насмѣхается; котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за ногу, ногу выдернетъ; котораго возьметъ за голову, головы не бывало. Соизволь, честна вдова Амелоа Тимоѳеевна, сказать свою заповѣдь великую Василью Буслаевичу: не ходить на улицу на Рогатицу, не играть по своему. Ужь нашъ Великой Новгородъ отъ его шутокъ порѣже сталъ.»» И чинитъ отповѣдь честна вдова Амелоа Тимоѳеевна мужикамъ Новогородскіимъ, обѣщаетъ надъ Ваською дать управу. И чинитъ почесть честна вдова Амелоа Тимоѳеевна мужикамъ Новогородскіимъ. А и стала мать Ваську журить-бранить, журить-бранить, его на умъ учить: — Перестань, Васька, на улицу на Рогатицу ходить, не водись со удалыми молодцы, не пей вина до пьяна, не шути шутокъ до смертнова съ мужиками Новогородскіими. Не въ твои лѣта малыя шутить шутки богатырскія, вымать руки изъ могучихъ плечь, сонимать буйны головы со добрыхъ людей. Скорбятъ на тебя мужики Новогородскіе и весь міръ крещеный. Съ твоей ли силой стать на тысячу? Будетъ ты побьешь тысячу, а за тысячью ихъ смѣты нѣтъ. Заповѣдаю тебѣ моимъ словомъ великіимъ: не ходить на улицу на Рогатицу, не водить дружбу съ удалыми молодцы, не пить съ ними вина до пьяна, не шутить съ мужиками Новогородскіими шутки богатырскія.—Честной вдовѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ, своей родной матушкѣ, Васька поклоняется до сырой земли, а въ отвѣтъ держитъ таковы рѣчи: «Осударыня моя матушка! Не боюсь страху посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое. Не пойду на улицу на Рогатицу, не сведу дружбы со удалыми молодцы, не стану шутить

шутки богатырскія. Не таланъ же мнѣ сидѣть дома, не таланъ же силу безъ пробы износить. Придетъ пора, укорочу я мужиковъ Новогородскіихъ: придутъ съ покорищемъ посадники. Прикажи своимъ словомъ, родимая, накурить зелена вина, наварить меду пьянова, потѣшить Новгородъ съ мужики Новогородскіими.»

Пошелъ Васька во высокъ теремъ, садился онъ, Васька, на ременчатый стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты, а въ ярлыкахъ отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочетъ пить да ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкъ дворъ, пей, ѣшь до сыта, носи платье разноцвѣтное до вѣку. А шелъ бы на широкъ дворъ не обсылаючи, понадѣючись на буйну голову.» Несутъ бюрючи по улицамъ ярлыки скорописчаты, кличутъ кличь по улицамъ широкіимъ, по тѣмъ частымъ переулкамъ. Выставлялъ Васька у своихъ бѣлокаменныхъ палатъ, у своихъ широкіихъ воротъ, чаны дубовые, наливалъ въ нихъ зелена вина, меду пьянова съ краями полны, опускалъ въ чаны дубовые золоты чары во тридцать пудъ со камнями самоцвѣтными. Во славномъ было Новѣградѣ, шли люди граматные, читали ярлыки скорописчаты. Васька сидитъ во своемъ терему, смотритъ въ оконко косящатое: чаны стоятъ непочаты, а повольниковъ по улицамъ нѣтъ. Идутъ къ Васькѣ на широкой дворъ къ тому чану, къ зелену вину, къ меду пьяному, идетъ Ѳомка Ременниковъ къ широку двору, не обсылаючи: беретъ чару единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Какъ завидѣлъ то Васька, бѣжитъ съ высока терема не одѣваючись, за собой тащитъ червленой вязъ, вѣсомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ, а въ томъ червленомъ вязу въ половинѣ было налито свинца Сорочинскаго *), и тутъ Васька сталъ его Ѳомку опробовать, сталъ его бити червленымъ вязомъ по уху по правому: стоитъ Ѳомка—не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряхнутся. Загорается ретиво сердце у Васьки Буслаева, отъ дива руки опускаются. «Гой еси ты, Ѳомка Ременниковъ!» говоритъ Васька Буслаевъ: «а и будь ты мнѣ названой братъ, пуще брата родимаго!» Ведетъ его Васька во высокъ теремъ, и тутъ они кладутъ промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ од-

*) Это, какъ и въ сказкѣ Чулкова, выдумка, вмѣсто народнаго—„Чебурацкаго."—О.

ной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ его Васька за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. Вертится у Васьки ретивое, думаетъ Васька думу крѣпкую, а самъ въ окошечко поглядываетъ: не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрошаючи? Идетъ-плыветъ по улицѣ удалъ-добрый молодецъ Потанюшка, малъ-малехонекъ, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ, на головкѣ шапочку охорашиваетъ, на высокъ теремъ поглядываетъ. Приходитъ онъ, Потанюшка, къ дубовымъ чанамъ, бросаетъ золоту чару за вереюшку, подымаетъ чанъ съ зеленымъ виномъ единой рукой, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ до суха: только и видѣли зелено вино. А выпивши, разбиваетъ Потанюшка дубовой чанъ о сыру землю: и того чана дубоваго не осталося ни полщепочки. А Васька въ окошечко косящатое на удаль молодецкую посматриваетъ, горько *) поглядываетъ, а завидѣвши его обычья богатырскія, кричитъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, братецъ мой, Ѳомка Ременниковъ! Пришелъ къ намъ удалъ-добрый молодецъ, нашъ названой братъ. Бери ты палицу булатную во пятьдесятъ пудъ, бѣги со терема высокова въ широки ворота.» Бѣгутъ Васька съ Ѳомкою въ широки ворота, бьютъ Потанюшку въ его буйну голову: Потанюшка стоитъ—не шевельнется, палицы на щепочки разлетаются, а на Потанюшкѣ головушка не тряхнется. Берутъ Потанюшку подъ бѣлы руки, ведутъ его на широкъ дворъ, на крыльцо красное, во терема златоверхіе. А и тутъ они цѣловалися, и кладутъ промежь себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ одной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаютъ они братца названаго за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. А и мало время позамѣшкавши, идутъ къ нимъ гости не спрошаючи, идутъ Дѣти Боярскіи, Лука да Матвей **). Васька молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшкавши, пришли мужики Залѣшане; единой сходкой входятъ они на широкъ

*) Зорко?—*О.*
**) Моисей.—*О.*

дворъ, единымъ словомъ говорятъ таковы рѣчи: ««А и не было такого удалаго-добра молодца супротивъ Васьки Буслаевича, а нынѣ во теремѣ потѣшается, назваными братцами похваляется, а насъ Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не поставляетъ.»» Тутъ Васька спохватился, что Потанюшка сокрушилъ чаны, что въ укоръ дался мужикамъ Залѣшанамъ. А и говоритъ Васька таковы слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человѣкъ есть изъ васъ, иди сюда: пей-ѣшь, прохлажайся, со мной, Васькой, потѣшайся.» И вошли мужики Залѣшане къ Васькѣ во высокъ теремъ. Сходилися-собиралися къ Васькѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь Посацкой. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ единаго, а самъ Васька тридцатой сталъ

Скоро прослышали мужики посацкіе про Ваську Буслаева и про его назваНыхъ братцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, пьютъ-ѣдятъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозятъ грозу всему Новугороду. Собиралисъ мужики посацкіе въ терема тайницкіе, собиралися—по скамьямъ садилися. А и мало время позамѣшкавши, встаетъ тутъ чюденъ старецъ, матеръ человѣкъ. Мужики Новогородскіе пріосанились, отъ стараго до малаго всѣ били челомъ. А и сталъ чюденъ старецъ, матеръ человѣкъ посередь терема тайницкаго, на всѣ стороны онъ поклоняется, сѣду бороду поглаживаетъ, о посохъ вязовой спирается и говоритъ слово мудрое: «Вы гой еси, мужики посацкіе! Вѣдомо вамъ дѣтище неудалое, Василій Буслаевичь, вѣдомы вамъ его замыслы неребяцкіе, знаемы вамъ его забавы необычныя: собираетъ онъ названыхъ братцовъ, живетъ съ ними безъ выходу, пьетъ-ѣстъ съ одного стола, носитъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозитъ грозу всему Новугороду. Прежъ того шутилъ онъ шутки великія, сиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь задумалъ дѣло злое, прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣетъ нами по своей волѣ. Не дѣтищу ругатися мужикамъ посацкіимъ: поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлой міръ для Василія Буслаевича: будетъ онъ на пиру, ударимъ челомъ отъ всей позенщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго; будетъ станетъ пить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, инъ зло на насъ мыслитъ. Будетъ не кормилецъ намъ, сорвемъ ему голову съ могучіихъ плечь. Насъ бѣлой свѣтъ не охулитъ, ужь и онъ намъ

оступы не положить. Не одинъ онъ во Новѣгородѣ, промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Кланялся чюденъ старецъ, матеръ человѣкъ на всѣ стороны. Подымалися мужики посацкіе съ мѣстъ своихъ, кланялись старцу до поясу и говорили всѣ во едину рѣчь: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»» На зарѣто было на утренней, на восходѣ красна солнышка, подымалися мужики посацкіе, становили столы дубовые во тѣхъ теремахъ тайницкіихъ, разстилали скатерти браныя, ставили ѣства сахарныя, привозили бодья съ зеленымъ виномъ да съ медомъ сыченымъ; приходили гости торговые съ винами заморскими, ни съ пьяными, ни съ похмѣльными *). Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ съ честію, просять матеру вдову на честной пиръ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна! Иди къ намъ на честной пиръ.»» И кланялись мужики Новгородскіе до пояса. Возговоритъ имъ матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна: — Не мое дѣло по пирамъ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ-былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу, Василью Буслаевичу: онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостью. — Идутъ мужики посацкіе къ Василью Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честію на великъ пиръ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, Василій Буслаевичь! Иди къ намъ на честной пиръ.»» Выслушалъ рѣчи посольскія, идетъ Васька къ матерой вдовѣ, къ честной своей матери Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ, спрошать благословеніе на пиръ иттить къ мужикамъ посацкіимъ. Говоритъ ему честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна: — Ты пей, мое дѣтище, не до пьяна: мужики посацкіе хитры-лихорадливы: не взвидишь ты, мое милое дѣтище, какъ обойдутъ тебя словомъ лестливымъ. Будетъ учнутъ хвалить тебя мужики посацкіе, не хвались, мое дѣтище: лѣта твои малыя. Будетъ учнутъ тебѣ поминать про шутки молодецкія, не чини отповѣдь грубую: лѣта твои малыя.—И даетъ ему благословеніе матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна, иттить на пиръ къ мужикамъ посацкіимъ. И чинилъ Васька отповѣдь

---

*) Это что такое? См. „Замѣтку.“—*О.*

мужикамъ посацкіимъ, быть къ нимъ на честной миръ одинъ на одинъ. Спровѣдали согласіе мужики посацкіе, собирались въ терема тайницкіе.

Прослышалъ Васька про канунъ варенъ—пива ячныя у мужиковъ посацкіихъ, пошелъ въ терема тайницкіе. Встрѣчаютъ Ваську въ теремахъ тайницкіихъ мужики посацкіе, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ вь палаты посольскія, сажаютъ за столы дубовые, въ переднемъ углу. Говоритъ Васька мужикамъ посацкіимъ: «Вы гой еси, люди степенные, честны мужики посацкіе! Велика честь моей молодости: есть постарше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкіимъ. И нудили Ваську посацкіе ласковымъ словомъ: ««Садись, дѣтище: тутъ сиживалъ твой родимый батюшка, Буслай Довмонтьевичъ *).»» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкіимъ пуще того. Пустились мужики посацкіе на злорадны хитрости, говорили небылы рѣчи: ««Садись, дѣтище: сидѣть тебѣ будетъ на отнемъ столѣ и править мужиками посацкіими по своей волѣ.»» За сіе слово Васька спохватается, во передней уголъ сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посацкіе. Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понеслись **) ѣствы сахарныя. Пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаются, въ полпьяна напиваются, рѣчи держатъ крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ — не молвитъ словечушка. Стали мужики посацкіе похвалу держать; Садко ***) молвитъ: ««А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего Сокола ****): онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, долы промахиваетъ, горы перелетываетъ.»» Чурило *****) молвитъ: ««А и нѣтъ такой нигдѣ молодой жены супротивъ моей Настасьи Апраксѣевны: ужь она ли ступитъ не ступитъ—по алу бархату; ѣстъ ѣства сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужь у моей ли молодой жены очи сокольи, брови собольи, походка павлиная, грудь лебединая, а и краше ея

---

*) Отчество Буслая присочинено.—*О.*

**) Не народно.—*О.*

***) Вотъ и Садко, помянутый Чулковымъ.—*О.*

****) Соколъ у Садки былъ не конь, а корабль.—*О.*

*****) Для краснаго словца попалъ сюда и Чурило, притомъ съ чужою женою—Дуная Ивановича.—*О.*

нѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной.»» Костя Новоторженинъ молвитъ: ««А и нѣтъ нигдѣ такого богачества супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со каменями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.»» Ставръ *) молвитъ: ««А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца супротивъ Ставра: ѣдитъ ли онъ въ поѣздѣ богатырскомъ—не вѣтры въ поляхъ подымаются, не вихри буйные крутятъ пыль черную, выѣзжаетъ сильный-могучь богатырь Ставръ Путятичь **) на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Анкудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горятъ, на бедрѣ виситъ мечь кладенецъ, во правой рукѣ копье булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку Шемаханскаго, на конѣ сбруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры преклоняются, зелены листы съ деревъ опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырской конь осерясается, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣнной копнѣ, бѣжитъ въ полѣ—земля дрожитъ, изо рта пламя валитъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую, конемъ вернетъ—улица, копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи, мечемъ хватитъ—лежитъ тьма людей.»» Задумался Васька, держитъ онъ думу крѣпкую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкіихъ, а самъ ни чѣмъ не похваляется. А и тутъ посацкіе догадалися, догадалися-спохватилися, встаютъ со скамьи, а сами молвятъ: ««Ты гой еси, дѣтище, Василій Буслаевичъ! Ты что по что пріунылъ сидишь, что ни чѣмъ не хвалишься?»» Встаетъ Васька со скамьи, встаетъ—всѣмъ покланяется и держитъ отповѣдь: «На что мнѣ, молодцу, радоватися? Чѣмъ передъ вами похвалятися? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а осударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несмѣтныя, и то я не самъ добылъ: оставилъ мнѣ осударь батюшка; мои лѣта малыя, похвалятися мнѣ не чѣмъ; придетъ пора да время, и я буду похвалятися.» Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики

*) Сколько набралъ издатель богатырей изъ Кирши, и съ такими рѣчами, какихъ имъ никогда не вложилъ бы народъ!—*О.*

**) У народа „Годиновичъ."—*О.*

посацкіе дивовалися, стали промежь себя перешептывать: ««Злю держитъ Васька на сердцѣ.»» Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорятъ: ««Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!»» Садятся мужики посацкіе за дубовы столы усмѣхаючись и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька—поклоняется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полпьяна. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные, мужики посацкіе! Взять будетъ Василью Буслаевичу Новгородъ за себя, править будетъ мужиками посацкими на своей волѣ, брать будетъ пошлины даточныя со всей земли, съ лову заячьяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посацкіимъ будетъ лежать у ногъ моихъ!» Нелюбы стали мужикамъ посацкіимъ рѣчи спорныя, закричали всѣ во едино слово: ««Младъ еще ты, дѣтище неудалое, незрѣлъ твой умъ: не бывать за тобой Новугороду, потерять тебѣ буйну голову. Не честь тебѣ съ нами жить, нѣтъ про тебя съ нами земли!»» Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго, распаляется голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,»—отповѣдь держитъ Васька —«иду съ вами перевѣдаться!» Встаетъ Васька изъ за стола дубоваго, встаетъ—идетъ, не кланяется. И только видѣли его.

Собираются въ терема тайницкіе мужики посацкіе, думаютъ думу крѣпкую, пишутъ записи поручныя: ««Битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды *) по три тысячи на всякъ годъ.»» И на томъ мужики посацкіе руки подписали. Скоро спровѣдаетъ матера вдова, честна жена Амелоа Тимоѳеевна, что ея дѣтище похваляется словами неудалыми, хочетъ битися со всѣми мужиками посацкіими; беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменья самоцвѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ и во слезахъ молвитъ рѣчи умильныя:—Нельзя стоять дѣтищу малому противъ всей силы Новгородской.—И кланялась мужикамъ посацкіимъ каменьями самоцвѣтными, а кланявшись

*) Выходы.—*О.*

ставила золото блюдо на дубовый столъ. Зартачились мужики посацкіе: ««Намъ не надобно злата и серебра, и каменья самоцвѣтнаго: дорога похвальба Буслайченкова!»» На томъ и рѣчь ставили мужики посацкіе.

Не полая вода по лугамъ разлелѣялась, не бѣлы лебеди со водъ чистыихъ подымалися: сходилися-собиралися мужики посацкіе, сходились на улицу на Рогатицу, собирались ратью сильною противъ Васьки Буслаева. Втапоры матера вдова, честна жена Амелеа Тимоѳеевна догадалася, схватила Ваську въ беремище, кидала въ погреба бѣлокаменны, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Стучатъ мужики посацкіе въ ворота дубовыя, а отповѣди нѣтъ. И выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся на широкъ дворъ ко крыльцу рѣшетчату. Втапоры на встрѣчу имъ выходитъ изъ избы приспѣшная дѣвка чернавка, малешенька-чернешенька, на плечѣ виситъ у ней коромыслицо, не тяжело, не велико — вѣсомъ въ триста пудъ, а сама кричитъ: — Охъ вы, мужики посацкіе, глупые-неразумные! Смѣтъ ли бы вамъ ходить на широкъ дворъ не спрошаючи! Погоню я васъ съ широка двора! — За такое дурно учали мужики посацкіе бить дѣвку чернавку въ дубины вязовыя. За тѣ шутки неумѣстныя дѣвка осерждается, бросаетъ ведра дубовыя, хватаетъ въ руки коромыслицо вязовое, гонитъ мужиковъ посацкіихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ разъ махнетъ, тамъ улица; гдѣ два махнетъ, тамъ улица съ переулочками. Побивала дѣвка тысячу, добиралась дѣвка до трехъ полковъ. Бѣлы руки примахалися, коромыслицо изломалося, стало дѣвкѣ не въ мочь. Бѣжитъ дѣвка въ терема высокіе, кричитъ дѣвка: — Вы гой еси, богатыри могучіе! Нападаетъ вся сила Новогородская на Василья Буслаевича, разломала широки ворота, приступаетъ къ погребамъ бѣлокаменнымъ, хотятъ снимать буйну голову съ Василья Буслаевича.—Ѳомка Ременниковъ со Потанюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, а и говорятъ дѣвкѣ таковы рѣчи: ««Не сила то Новгородская нападаетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева: налетаютъ то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская боронитъ богатыря отъ болотныхъ мухъ.»» А молвивши таково слово, Ѳомка со Потанюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховыя. Только ихъ и слышали. Завопила дѣвка пуще прежняго.

XXIII

Отъ того ли крика Васька пробужается: онъ встаетъ—поднимается, на рѣзвы ноги опирается, бѣло-каменны погреба распадаются, желѣзны засовы ломаются, желты пески разсыпаются; онъ вскочилъ на широкъ дворъ: на дворѣ вся сила Новогородская. А и не было на Васькѣ сбруи ратныя, не попалась ему палица желѣзная, что попалась ему ось телѣжная: гонитъ ею Васька мужиковъ Новогородскіихъ на улицу на Рогатицу. Бьются мужики съ Ваською, хочетъ Васька побить всѣхъ на голову. Махнетъ Васька на право—вся улица пуста; махнетъ на лѣво—въ переулочкахъ пусто. Ужь училъ побивать Васька третью тысячу. Пріуныли мужики посацкіе, повѣсили буйны головы, идутъ въ терема тайницкіе, насыпаютъ злата и серебра, и каменья самоцвѣтнаго, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоѳеевнѣ. Клонятъ мужики посацкіе буйны головы предъ окошками косящатыми и молвятъ во едину рѣчь: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелеа Тимоѳеевна! Прогнѣвали мы, люди глупые, тебя, осударыню, нагрубили рѣчью грубою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несмѣтную, грозитъ извести весь Новгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на сѣмена.»» И кланялись мужики посацкіе златомъ и серебромъ, и каменьями самоцвѣтными. Отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелеа Тимоѳеевна съ нечестіемъ.

Вспомнили мужики посацкіе про Старчища Многолѣтища. Идутъ мужики посацкіе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бьютъ челомъ Старчищу Многолѣтищу и просятъ его во едину рѣчь унять шутки неудалыя Васьки Буслаева. А молвитъ имъ Старчище Многолѣтище:—Гой еси вы, мужики посацкіе! Побивалъ я рати сильныя, разорялъ грады крѣпкіе, а нонѣсь обуяли меня лѣта древнія, сижу я во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ. Не моей старости унять шутки неудалыя Васильки Буслаева. — И на томъ ставилъ рѣчь свою Старчище Многолѣтище. И пропили мужики посацкіе его пуще прежняго. Старчище съ дубовой скамьи подымается, словно соколъ молодой воздымается, не беретъ онъ ни палицы булатныя, ни сбруи ратныя, а надѣваетъ на голову колоколъ во триста пудъ вмѣсто шапочки. Идетъ Старчище Малолѣтище*) на улицу на Рогатицу. Добивалъ

*) Многолѣтище.—*О.*

Васька третью тысячу, а добивши Васька бѣжитъ по улицамъ широкіимъ. Стоитъ тутъ Старчище Многолѣтище, на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ во триста пудъ, безъ сбруи ратныя, безъ палицы булатныя. Кричитъ тотъ Старчище Многолѣтище:—А и стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь не полетывай: изъ Волхова воды не выпити, есть молодцовъ супротивъ тебя! Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалыя!—Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается, а молвитъ таково слово: «А и гой еси ты, Старчище Многолѣтище! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими опричь тебя, Старчища Многолѣтища. Въ задоръ войду, тебя убью!» И ударилъ Васька Старчища во колоколъ тою осью телѣжною: качается Старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится. Заглянулъ онъ Васька Старцу подъ колоколъ: а во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣту. И проситъ Ваську Старчище Многолѣтище дать животъ на вспокаяніе. Поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію *).

Пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой, завидѣли его удалы молодцы, Ѳомка со Потанюшкой: у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идутъ въ терема тайницкіе, пишутъ крѣпки записи: ««Быть Новугороду за Ваською Буслаевымъ.»» Насыпають чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоѳеевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ — поклоняются: ««Осударыня матушка! Пріимай ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молода Василья со дружиною. А и ради мы платить на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ по калачику, съ молодцовъ повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей и со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяковъ.»» И на томъ ставили рѣчь свою мужики посацкіе.

---

*) Этотъ исходъ у Чулкова и принятъ Сахаровымъ: Буслаевъ убилъ Старца и это-то обозначено словами—„во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣтъ.“—*О.*

XXV

Втапоры матера вдова, честна жена Амелеа Тимоееевна опосылаетъ дѣвку чернавку привесть Ваську со дружиною. И пошла та дѣвка чернавка по Ваську, а идетъ дѣвка—запыхалася, нельзя дѣвкѣ по улицѣ пройти: полтеи по улицѣ валяются отъ мужиковъ Новогородскiихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки, учала ему разсказывати:—Не вѣдаешь ты, малое дѣтище, что пришли мужики Новогородскiе, принесли они дороги подарочки и принесли записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоееевнѣ.—И на томъ дѣвка рѣчь свою ставила. Ведетъ дѣвка Ваську со дружиною на широкъ дворъ, приводитъ дѣвка Ваську къ зелену вину.

И сѣли молодцы во единъ кругъ, выпивали по чарѣ зелена вина съ того уразу молодецкаго. Кричитъ Ѳомка Ременниковъ со Потанюшкой: ««У мота, у пьяницы, у молода Васьки Буслаева не упито не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, цвѣтна платья не уношено, увѣчье на вѣкъ залѣчено *)!»» И повелъ Васька молодцовъ ко осударынѣ своей матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоееевнѣ. Втапоры мужики посацкiе клали записи поручныя на буйны головы, приносили дороги подарочки, вдругъ сто тысячей. И съ той поры мужики посацкiе поклонилися, поклонилися—сами покорилися.

(«Русск. нар. сказки,» Сахарова. 1841 г.).

***

---

*) Такъ, обличая свой источникъ, ошибочно исправляетъ Сахаровъ выраженiе изъ сборника Кирши; см. въ пѣсняхъ.—*О.*

II.

СКАЗКА

про Новгородца Акундина и Князя Глеба Ольговича *).

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ стары годы прежніе жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный. Живали старики не по нашему, не по нашему—по заморскому, а по своему—православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздольное. Вставали ранымъ раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныихъ на добры дѣла. Старики судъ рядили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодыя молодицы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя старушки судили-рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на Великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былью поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того.

Какъ во старомъ было городѣ, братцы, во Новѣгородѣ, какъ во томъ ли во Новѣгородѣ жилъ Акундинъ молодецъ, а и тотъ ли

*) О значеніи этой сказки, еще болѣе испорченной, чѣмъ предыдущая, см. въ „Замѣткѣ."—*О.*

Акундинъ, молодой молодецъ, былъ со посадской стороны, со посадской стороны, со торговой. Ужъ и онъ ли, Акундинъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ, а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, во Москвѣ побывать? Садится Акундинъ на суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волхвъ по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. На ту пору Акундинъ пробуждается ото сна, а самъ съ собой думу думаетъ: «А и что то за городъ? А и что то за люди?» Подумавши Акундинъ подымался въ нарядъ со суденышка на крутъ бережокъ. Какъ во ту пору на встрѣчу ему идетъ Калѣчище Перехожій.—Богъ на помочь и добрый путь молодцу заѣзжему!—говоритъ Калѣчище Перехожій. «Спасибо тѣ на ласковомъ словѣ,» молвитъ Акундинъ. И били челомъ другъ другу. А бивши челомъ, спрошалъ Акундинъ его Калѣчища: «А и что то за сторона? А что то за городъ? А и что то за люди?» И молвитъ Калѣчище:—Сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а правитъ тою стороной стольный князь Олегъ; а что городъ-то поселенъ по Окѣ по рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжитъ Рязанскаго роду князь, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ; а люди-то Рязанцы, его молода князя Глѣба Олеговича слуги исконныя.—«Такъ!» молвилъ Акундинъ, да и задумался, а задумавшись говоритъ себѣ рѣчь невзначай: «А кабы ты широкую сторону Рязань, и со молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ, и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду?» Во ту пору Калѣчище слушалъ его слова неудалыя, а самъ себѣ держитъ на умѣ:—Не корыстна сторона для Новагорода: кабы Рязань не полонили злы Татарове, кабы Рязань не обложили данью великою, постояла бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду. — А и мало время помѣшкавши, беретъ Калѣчище Акундина за его бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, поодаль крута бережка, и ставитъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а становивши на высокъ курганъ говорилъ таковы рѣчи: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на городъ

Ростиславль, а поглядѣвши повѣдай, что́ дѣется во городѣ во Ростиславлѣ?—Какъ глянулъ Акундинъ во городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича стоятъ посередь торга, хотятъ войной городъ отстоять, да силы нѣтъ войной стоять. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу, такъ туто Калѣчище не вспозналъ, что и дѣлать. «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича,» говоритъ Акундинъ, «войной стоять.» А и туто молвитъ Калѣчище Перехожій: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на Оку рѣку, а поглядѣвши повѣдай, что́ дѣется въ Окѣ рѣкѣ?—Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань. Какъ загорѣлося у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, такъ и знай себѣ говоритъ: «Пойду за исконныихъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича войной стоять!»

Во ту пору Калѣчище беретъ Акундина за его бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, во чисто поле, а приведши во чисто поле ко крутой горѣ, молвитъ таково слово: — Ты гой еси, доброй молодецъ изъ Новагорода! Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ величать тебя по изотчеству? — На тѣ ли рѣчи спросныя возговоритъ Акундинъ: «Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня, молодца, Акундинъ Акундинычь.» — Тебя-то, Акундинъ Акундинычь, я ждалъ тридцать и три года, съ крута бережка не сходючи, а и думалъ тебя вѣкъ не видать.—И туто Калѣчище скидалъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ на себя платье посадничье, а самъ вымолвлялъ рѣчи вѣстныя:—Ты гой еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычь! Спознай своего дядюшку родимаго, Замятню Путятича: а вѣдь и мой-то братъ, Акундинъ Путятичь, былъ тебѣ родимый батюшка. Не взлюбили люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго, а правилъ, вишь, ими не такъ. Какъ не взлюбили твоего батюшку родимаго, какъ порѣшили сгубить его съ родомъ съ племе-

немъ, такъ и не стало знать Акундина Путятича: сокрушили его со всѣмъ домомъ. Со той поры не взмилилось мнѣ на посадничествѣ сидѣть, и придумалось мнѣ до Кіева дойти; со той поры, во тоскѣ во кручинѣ, горе гореваньицемъ качу, тебя, мое милое дѣтище, дожидаючи. А и вотъ тебѣ мечь кладенецъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а и вотъ тебѣ калена стрѣла твоего батюшки родимаго. Акундина Путятича; а вотъ тебѣ тугой лукъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича. — Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичь кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ раставатися. Видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися. Какъ сталъ Замятня Путятичь со бѣлымъ свѣтомъ раставатися, и учалъ отповѣдь чинить:—А и гой еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычь! Какъ и будешь ты во славномъ во Новѣ-городѣ, и ты ударь челомъ ему, Нову-городу, и ты скажи, скажи ему Новугороду: «А и дай же то Боже, тебѣ ли, Нову-городу, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать, какъ и быть ли тебѣ, Нову-городу, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богачествѣ! — Какъ переставился, Замятня Путятичь, и туто Акундинъ схоронилъ его во сыру землю, а самъ пошелъ войной стоять за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича.

Во ту пору змѣй Тугаринъ спалъ-почивалъ. А приплылъ онъ, Тугаринъ, отъ Калуги по Окѣ по рѣкѣ, и приплылъ онъ, Тугаринъ, ко городу Ростиславлю за старою данью. Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичь задумалъ женитися, а приговорилъ взять себѣ жену изъ роду княжова, у стольнаго князя у Рязанскаго, у Олега Ивановича, его молоду дочь Настасью Олеговну. А и не думалъ и не ждалъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичь, такой бѣды на свой городъ Ростиславль. Да и запросилъ же онъ, злодѣй Тугаринъ, стару дань за всѣ годы старые, а дани-то всей насчитывали стары люди съ три осминныхъ мѣшка съ чистымъ золотомъ, съ чистымъ серебромъ, со каменьями самоцвѣтными. Сидитъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь во своемъ терему думу думаючи, бѣду отбываючи. И жаль-то стало ему и молоду княжну Настасью Олеговну, и своихъ исконныхъ слугъ Ростиславичей. Коли дань платить, такъ и свадьбѣ не быть. Во ту пору приходитъ во его высокъ теремъ, ко молоду

князю Глѣбу Олеговичу, старый посадникъ Юрья Микитичъ, и бьетъ ему старый посадникъ большіимъ челобитьицемъ, а самъ вымолвляетъ таковы рѣчи: ««Ты гой еси, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, наше свѣтлое солнышко! Не прикажи рубить-казнить, а прикажи слово вымолвить?»» И билъ на томъ челомъ молоду князю старый посадникъ. Какъ возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ:—А и гой еси ты, старый посадникъ Юрья Микитичъ! Не придумалъ ли ты думушки, какъ бѣду отбыть? — ««Не кручинься, нашъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ,»» молвилъ Юрья Микитичъ. ««Велика Божья милость до вѣку, сильны твои исконныя слуги по всей землѣ. Отбывали въ старину не тѣ бѣды великія, а эта бѣда не бѣда. Повели только посла снарядить съ хлѣбомъ съ солью да съ ласковымъ словомъ, и дѣло уладится.»»—Будь по твоему, какъ придумала голова твоя умная,—молвилъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. И билъ челомъ молоду князю на ласковомъ словѣ старый посадникъ Юрья Микитичъ.

Идетъ—не йдетъ старый посадникъ Юрья Микитичъ на площадь. Шуба-то на немъ соболиная во сто рублевъ, а то данье стараго князя Олега Олельковича; шапка-то на немъ корабликомъ во двадцать рублевъ, а то даянье старой княгинѣ Настасьи Ивановны; какъ на шубѣ-то пуговки вальящаты серебряны во десять рублевъ, а то даянье молода князя Глѣба Олеговича; какъ на стару посаднику, у того ли Юрья Микитича, гривна золотая, что и цѣны ей нѣтъ, а то даянье стольнаго князя Рязанскаго Олега Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича камка Цареградская, что и цѣна-то ей у молода князя въ казнѣ, а то даянье стольнаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича обошелъ поясъ узорчатой со камнями, что и цѣна-то ему у молода князя въ казнѣ, а то даянье молодой княжны Рязанской Настасьи Ивановны. Какъ сталъ старый посадникъ Юрья Микитичъ посередъ площади во своемъ ли во нарядѣ, а ставши на всѣ стороны поглядываетъ, сѣду бородушку поглаживаетъ, а самъ ни словечка не молвитъ.

Во ту пору Старчище у княжа двора бьетъ во набатъ, а пробивши одинъ разъ бьетъ и въ другой, а пробивши въ другой разъ бьетъ и въ третій. Во ту жь пору бирючи кличь кликали по всему городу

но Ростиславлю. Идетъ міръ крещеный, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Какъ увидалъ старый посадникъ Юрья Микитичь народъ Божій вокругъ себя, такъ и давай кланяться на всѣ стороны, а кланявшись сталъ слово вѣстное говорить: ««А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Вѣдомо вамъ стало, что подъ нашъ стольный градъ Ростиславль пришелъ войной лютый змѣй Тугаринъ за старой данью?»» На его-то слово вѣстное, стара посадника Юрья Микитича, били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь:—Вѣдаемъ, родимый, бѣду неминучую, и что придумаетъ твоя голова умная, такъ тому и быть.—Туто старый посадникъ Юрья Микитичь пріосанился, да и сталъ грозну рѣчь говорить: ««А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Ваши-то стары старики силы не спрашивали, сами бѣды отбывали. Да за то и жаловалъ ихъ старый князь. Какъ сѣлъ на столѣ молодой князь Глѣбъ Олеговичь, такъ вы и головушки не клоните, какъ отбыть бѣду неминучую. Али вамъ лучше въ ордѣ жить полонянниками? Не хочу болѣй посадничать и печаловать міромъ крещенымъ!»» И молили люди посадскіе его, стара посадника Юрья Микитича, порадѣть и печаловаться за міръ крещеный. И туто молвилъ имъ Юрья Микитичь: ««Ну, инъ быть такъ! Стану по старому посадничать, отбуду бѣду неминучую. Только слушайте, люди посадскіе: снарядить казну княжую, да пристроить хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину!»» На ту-то рѣчь грозную стара посадника Юрья Микитича били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь: —Снарядимъ тѣ, родимый, княжую казну, пристроимъ хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину, только отбудь бѣду неминучую!—И на томъ кланялись Ростиславичи.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набатъ, а бивши растворялъ тесовы ворота на обѣ стороны, а самъ сталъ на особицу. Во ту пору идетъ—не йдетъ со красна крыльца княжова старый посадникъ Юрья Микитичь пословъ рядить. Бирючи по городу разбѣгалися, а сами кличутъ кличь на княжой дворъ. Идетъ міръ крещеный изъ всѣхъ домовъ, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Идутъ на княжой дворъ послы наряженые съ хлѣбомъ-солью. А молодой князь Глѣбъ Олеговичь во высокомъ теремѣ сидитъ, думу думаючи, бѣду отбываючи: вишь жаль ему стало исконныхъ слугъ. Какъ собрался народъ Божій на княжой дворъ, и старый посадникъ Юрья Микитичь

посламъ наряженымъ сталъ наказъ чинить: ««Гой еси вы, послы наряженые! Повелѣлъ вамъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь пойти съ хлѣбомъ-солью челомъ бить люту змѣю Тугарину и словомъ ласковымъ миръ урядить. Коли будетъ миръ да любовь со Тугаринымъ, напишите записи поручныя; коли дѣло пойдетъ на брань, киньте граматы размѣтныя. А ино все будетъ по старому, а дани не дадимъ!»»

Бьетъ Старчище у княжа двора во набатъ. Идутъ послы наряженые изъ городу. Во ту пору лютый змѣй Тугаринъ пробужается, а самъ на городъ посматриваетъ:—Коли честью старой дани не дадутъ, такъ ужь весь городъ затоплю!—Подходятъ послы наряженые ко круту бережку, не дошедши до крута бережка бьютъ Тугарину большінмъ челобитьицемъ, а сами молвятъ: ««Ты гой еси, воевода грозенъ змѣй Тугаринъ! Не топи нашъ стольный городъ Ростиславль, а пріими хлѣбъ-соль отъ молода князя Глѣба Олеговича, да подари словомъ привѣтливымъ пословъ наряженыхъ!»»—Давно бы такъ!—возговоритъ Тугаринъ,—спасибо на хлѣбѣ и на соли молоду князю Глѣбу Олеговичу; спасибо и на большомъ челобитьицѣ посламъ наряженымъ! — И принималъ Тугаринъ отъ пословъ наряженыхъ хлѣбъ-соль молода князя Глѣба Олеговича, а принявши съѣлъ за единъ разъ.—Коли вы послы наряженые,—молвилъ Тугаринъ,—присланы миръ урядить, такъ урядимъ перву рѣчь о старой дани.—Кланялись послы наряженые, а кланявшись говорили во едину рѣчь: ««Миръ готовы урядить: на то мы и послы наряженые, а дани не вѣдаемъ за собой.»»—Какъ вы, смерды Ростиславичи, дани за собой не вѣдаете?—заговорилъ грозну рѣчь змѣй Тугаринъ;—припомните-ка по записямъ поручнымъ, сколько потягло за вами?—И тому-то слову изоймаючи, выступаетъ дьякъ Чоботокъ на особицу, да развернулъ записи поручныя и по тѣмъ записямъ свелъ, что долгъ съ Ростиславичей изстари покончень, и отъ дани такожде слобождены на всѣ вѣки грядущіе. И на томъ дьякъ Чоботокъ ставилъ свою рѣчь. Да ту жь рѣчь опослѣй вымолвляли и послы наряженые.—Ой вы, смерды Ростиславичи! Позабыли все старое,—говорилъ посламъ наряженымъ змѣй Тугаринъ;—знаю я, сколько за вами приходится старой дани; знаю я, сколько потягло дани за вашіими отцами; знаю я, сколько приряжено дани за вашіими дѣдами, опричь того старой голдовщины и мостовщины съ Оки рѣки, что идетъ въ Золоту орду.

XXXIII

Ужъ коли миру быть, такъ насыпьте всѣ три мѣшка съ краями полными *) ковы. И вы насыпьте во единъ мѣшокъ чиста золота, —то дань за себя; и вы во другой мѣшокъ кладите чиста серебра, —то дань за вашіихъ отцовъ; и вы во третій мѣшокъ уберите каменьевъ самоцвѣтныихъ.—то дань за вашіихъ дѣдовъ. Безъ того и миру не быть. Ужь коли рать поведу, то затоплю вашъ городъ Ростиславль, погублю вашъ родъ со дѣтьми и внучатами, а женъ вашиихъ въ орду продамъ! — На тѣ угрозы небывалыя послы наряженые не знали не вѣдали, какой отвѣтъ чинить. Одинъ дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ, онъ догадавшись просилъ у змѣя Тугарина показать мѣшки во городѣ во Ростиславлѣ: да потомужъ ему нужно вымѣрять, кому сколько придется со двора насыпать въ мѣшки.—А и ты-то посолъ, а и ты-то умная голова, а и тебѣ-то даю мѣшки!—говорилъ Тугаринъ дьяку. На тѣ-то рѣчи посульныя дьякъ и руки протянулъ, и мѣшки прибралъ. «Ладно,» думаетъ дьякъ про себя: «безъ мѣшковъ-то не во что будетъ и дани сбирать. Скорѣй бы ихъ въ банѣ сжечь. да на вѣтеръ пустить.» И вспрошали послы наряженые его, змѣя Тугарина: коли не хочетъ безъ дани миръ урядить, ино бы размѣняться и граматами разметными? А змѣй Тугаринъ молвитъ имъ:—Кабы вы присланы были не послами уряжеными, такъ бы васъ всѣхъ съѣлъ за единъ разъ!—И клали послы граматы разметныя на крутъ бережокъ, а клавши приговаривали: ««А будь на порушителѣ во записи поручной судъ 'Божій!»» И тѣмъ-то рѣчамъ змѣй вѣры не ималъ: онъ злодѣй держится еретичествомъ.

Идутъ послы ко городу, вороты растворяются, входятъ послы на княжой дворъ, бьетъ Старчище во набатъ. А и туто на княжомъ дворѣ встрѣчалъ ихъ, пословъ наряженыихъ, старый посадникъ Юрья Микитичъ. Ему-то послы наряженые били челомъ и повѣдали рѣчи отъ змѣя Тугарина. На ту пору дьякъ Чоботокъ клалъ три мѣшка предъ старыимъ посадникомъ предъ Юрьемъ Микитичемъ, а положивши говорилъ свою рѣчь: «А и выманилъ я тѣ мѣшки у змѣя Тугарина, во что онъ, собака, дань сбираетъ: а безъ нихъ-то онъ,

*) Полнымъ?—О.

собака, не будетъ знать, сколько со города Ростиславля дани потягло.» И на той своей рѣчи Чоботокъ билъ ему, посаднику, большимъ челобитьицемъ. Какъ глянулъ старый посадникъ на тѣ три мѣшка, такъ отъ страха и не вѣсть, что съ нимъ содѣялось: лишь жаль ему стало княжой казны. ««А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ!»» кричитъ старый посадникъ Юрья Микитичъ. ««А и ты то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринымъ держишься еретичества; а и знаю я, какъ тебе со бѣла свѣта согнать! А и берите вы, люди посадскіе, того дьяка за его бѣлы руки, опускайте вы того дьяка во всѣ три мѣшка, а и несите вы того дьяка ко змѣю Тугарину!»» По сказанному, какъ по писанному, хватали его, дьяка, подъ бѣлы руки, опускали его, дьяка, во всѣ три мѣшка, и понесли его, дьяка, ко змѣю Тугарину. Какъ принесли его, дьяка, ко круту бережку, какъ заглянули Тугарину во глаза, такъ и дай же то Боже ноги бѣжать. И онъ, дьякъ Чоботокъ, на ту пору догадливъ былъ: давай мѣшки глодать, свѣту Божьяго искать. Какъ проѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И увидалъ онъ, дьякъ Чоботокъ, крутъ бережокъ, а возлѣ бережка змѣя Тугарина, да и давай себѣ молить: «Гой еси ты, дядюшка, змѣй Тугаринъ молодой! А и выслушай мое челобитьице не малое: а и злой-то посаднище, старой Юрья Микитища, не соизволяетъ тебѣ платить стару дань; ужь и онъ ли, старой Микитища, насмѣючись надъ тобой, завязалъ меня, дьяка, во всѣ три мѣшка, будто за твои, дядюшка, грѣхи; а и били меня, колотили меня, все, родимый дядюшка, за тебя; а ты, де, дьякъ, съ Тугаринымъ за одно.» И не вѣсть, что дьякъ причитывалъ, а Тугаринъ про то не зналъ, не вѣдалъ. И вставалъ Тугаринъ на крутъ бережокъ, приподнималъ дьяка во мѣшкѣ, а самъ себѣ молвитъ:—А и что то за дань во мѣшкѣ? Ни то чисто золото, ни то чисто серебро, ни то каменья самоцвѣтныя.—Какъ развязалъ Тугаринъ мѣшки да заглянулъ туда, а тамъ дьякъ сидитъ, а самъ слезно плачетъ.—А и той дани не надо мнѣ, а и та дань на смѣхъ мнѣ!—кричитъ змѣй Тугаринъ. И туто Тугаринъ пыталъ его дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича золотой казны?—И на то-то дьякъ молвитъ: «Ай право скажу, ничего не утаю: лишь вынь, дядюшка, изъ мѣшка!»—Туто Тугаринъ вынималъ его,

дьяка, изъ мѣшка, и ставилъ его на особицу. «Золотой-то казны,» возговоритъ дьякъ, «у молода князя Глѣба Олеговича смѣты нѣтъ, а та золота казна во высокомъ геремѣ, въ золотомъ ларцѣ лежитъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ золотой казны, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича каменьевъ самоцвѣтныихъ?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, сойди въ Оку рѣку да уйми крутоярыя волны!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ сходилъ съ крута бережка въ Оку рѣку да уймалъ крутоярыя волны. «Каменьевъ самоцвѣтныихъ у молода князя Глѣба Олеговича,» говорилъ дьякъ, «смѣты нѣтъ; а тѣ каменья самоцвѣтныя во высокомъ теремѣ, во золотомъ ларцѣ лежатъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ каменьевъ самоцвѣтныихъ, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка: —А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича силы ратной?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку рѣку да достань бѣлосыпучаго песку!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ окунался въ Оку рѣку, доставалъ бѣлосыпучаго песку, а доставши подавалъ дьяку. «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича:» и учалъ дьякъ бѣлосыпучій песокъ по полю розсыпать, а самъ отъ крута бережка утекаючи, ко городу Ростиславлю убѣгаючи. А змѣй-то Тугаринъ думаетъ не то: онъ чаялъ силу ратную сочесть, а дьякъ себѣ на умѣ, кабы живу домой уйти. И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. И дьякъ Чоботокъ ко городу прибѣгалъ, въ тесовы вороты стучалъ, а самъ приговаривалъ: «Ай. братцы, пустите скорѣй! Ай, родимые, растворайте ворота! Смилился Тугаринъ злодѣй: хочетъ онъ, собака, миръ урядить.» На его ли слова вѣстныя тесовы вороты растворялися. Входитъ онъ, дьякъ, на княжой дворъ, а и бьетъ онъ, дьякъ, большіимъ челобитьицемъ: «Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичь! Пошли посломъ стара посадника Юрья Микитича ко змѣю Тугарину: хочетъ онъ змѣй миръ урядить.» На ту ли рѣчь нежданую выходитъ со красна крыльца старый посадникъ Юрья Микитичъ, а самъ грозну рѣчь говоритъ:

««А и зелье ты злое, старый дьякъ! А и тебе-то, дьяка, змѣй не береть!»» И молилъ его дьякъ выслушать словеса посольскія, а самъ знай себѣ бьетъ большія челобитьица. И туто воевода пріосамился, а дьякъ Чоботокъ правилъ ему словеса посольскія: «Отъ грознаго воеводы змѣя Тугарина слово милостивое стару посаднику Юрью Микитичу; бьетъ челомъ змѣй Тугаринъ ему, посаднику, до земли и шлетъ ему, посаднику, слово вѣстное: не надо мнѣ ни чиста золота, ни чиста серебра, ни каменьевъ самоцвѣтныихъ; а и знаю я тебя за добра человѣка; а ты ли одинъ славенъ въ ордѣ! Супротивъ стара посадника Юрья Микитича нѣтъ никого; а и съ нимъ-то я миръ поряжу, стару дань слажу; а и пускай онъ самъ о себѣ принесетъ записи поручныя.» И тому-то старый посадникъ вѣру имадъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что то дьякъ его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ: пулы береть, на суды суды ведетъ.

Вотъ и пишетъ онъ, посадникъ, записи поручныя, а самъ наряжается во большой нарядъ, да и идетъ ко змѣю Тугарину самъ о себѣ. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ издалеча, такъ и давай себѣ говорить:—А и знаю я, то старый дьякъ идетъ; а и онъ-то опять хочетъ въ обманъ ввести, надо мною, змѣемъ, насмѣхаючись.—Во ту пору приходитъ старый посадникъ Юрья Микитичь, становится на крутъ бережокъ, а самъ вымолвляетъ словеса посольскія, не бивши змѣю челомъ: «Отъ стара посадника Юрья Микитича слово великое тебѣ ли, змѣю Тугарину; повѣдалъ ты, змѣй Тугаринъ, дьяку, что придумалось тебѣ, Тугарину, миръ урядить, буде старый посадникъ Юрья Микитичь придетъ самъ о себѣ. Ино ты доброе дѣло задумалъ. А и я-то, старый посадникъ Юрья Микитичь, а и я-то принесъ записи поручныя.» На тѣ-то слова посадничьи змѣй вѣры не ималъ; а и онъ-то змѣй знай себѣ говоритъ:—А и знаю я, что ты старый дьякъ; а и тебѣ въ обманъ не дамся; а и будетъ того, что на первомъ разу неправдой ушелъ! — И туто его, стара посадника, змѣй Тугаринъ съѣлъ за единъ разъ. И дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ: онъ злодѣй во воротахъ за Старчища стоялъ да на стара посадника глядѣлъ. Какъ, де, завидѣлъ онъ, дьякъ, что змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай себѣ кричать: «Ай, батюшки, бѣда! Ай, родимые, бѣда! Не стало нашего

стара посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ, ужь его ли, родимаго, змѣй Тугаринъ съѣлъ! А и что мы, сироты, будемъ безъ него?» И его дьячьи слова скоро во высокъ теремъ дошли, ко молоду князю Глѣбу Олеговичу. А никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не знаетъ, что то дьячья стрепня, стара дьяка Чобота.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набатъ. Бирючи по городу разсыпалися, сами кликали кличь на княжой дворъ. И туто молодой князь Глѣбъ Олеговичь выходилъ изъ высока терема на свой княжой дворъ рядъ рядить, міромъ править. Какъ сталъ онъ, молодой князь, на свое мѣсто показанное, и во ту пору всѣ князья и бояре и весь міръ крещеный становился въ ряды: стары люди къ старикамъ, молодые молодцы къ молодцамъ, а князья и бояре тожь по себѣ. И били князю челомъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь: «Гой еси вы, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Не стало нашего стара посадника Юрья Микитича на бѣломъ свѣтѣ. Ужь вы сами, князья и бояре, придумывайте, какъ бѣду отбыть.» На его слова, молода князя Глѣба Олеговича, князья и бояре и весь міръ крещеный били челомъ, а бивши челомъ говорили всѣ во едину рѣчь: ««Вѣдаемъ, свѣтлое наше солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичь, про стара посадника Юрья Микитича, что его на бѣломъ свѣтѣ не стало. Не кручинься и не печалуйся ты, наше свѣтлое солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичь! Пойдемъ всѣ войной, отъ стара до мала, на змѣя Тугарина, и положимъ всѣ свои животы за тебя, наше свѣтлое солнышко!»» И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь: «Спасибо вамъ, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Порадѣю за васъ на своемъ столѣ. Коли войной бѣду отбывать, такъ и я иду съ вами!» И били челомъ всѣмъ міромъ молоду князю Глѣбу Олеговичу.

Бирючи по городу разсыпалися, кликали кличь на большу войну. Напередъ идетъ ко княжу двору стрѣлецкая дружина, со топорами, со рогатинами, да со большіими копьями; а за ними шли стары старики, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; а далѣй шли молодые молодцы всѣ во ратныихъ доспѣхахъ: со стрѣлами, со колчанами, да со большіими мечами. Какъ на тѣхъ ли, молодыихъ молодцахъ, одно-

рядочки шелковы, всѣ узорчаты; какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, шапочки поярковы, всѣ кораблинами; какъ у нихъ ли, молодыхъ молодцовъ, сбѣхи ратны словно жаръ горятъ. Какъ и тѣ ли, молодые молодцы, головкой помахиваютъ, шапочки побрасываютъ, а сами говорятъ: ««А и дай же то Боже, супостата поборать, за молода князя постоять! У насъ ли молодой князь Глѣбъ Олеговичъ воеводою большой, наряжался во походъ со треми полками. Какъ во первомъ-то полку все дружина удалая, стары копейщики. Какъ и первой-то полкъ ведетъ самъ боярской сынъ, молодой стрѣлецъ; какъ и второй-то полкъ ведетъ самъ княженецкой сынъ, молодой боецъ; какъ и третій-то полкъ ведетъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Какъ у тѣхъ ли у полковъ ѣдетъ напередъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. Порадѣйте, братцы молодцы, супостата поборать, за молода князя постоять!»» Сходилася-собиралася рать ко княжу двору. Какъ и ту ли рать уряжалъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Предъ нимъ дьякъ читаетъ граматки урядныя, кому быть головой во первомъ полку. Доставалось быть головой сыну боярскому, тому сыну боярскому Даніилѣ Ивановичу. Какъ доставалось быть головой во старомъ *) полку сыну княжецкому, тому Микитѣ Ивановичу, молодому бойцу. Какъ во третій полкъ приговорилъ быть себѣ старый бояринъ, стрѣлецкая голова, онъ ли Неждапъ Борисовичъ. И становилъ онъ, старый бояринъ, всѣ полки на особицу: напередъ урядилъ большой полкъ старыихъ стрѣльцовъ; далѣй того выводилъ середній полкъ молодыихъ молодцовъ; а послѣй того становилъ сторожевую рать старыихъ стариковъ. У большова-то полка, что у знамечка стрѣлецкова, стоялъ молодой княжецкій сынъ, то наименьшій сынъ стара князя Олега Олельновича. А урядивши рать, во терема высокіе пошелъ старый бояринъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу вѣсть подать. Бьетъ Старчище во большой набатъ. Идетъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ изъ высока терема, садится онъ на крутояраго **) коня. Конь подъ нимъ воздымается выше лѣсу стоячева, выше облака ходячева; а и молодой князь бьетъ того коня по крутымъ бедрамъ: конь подъ нимъ смиряется, клонитъ голову до земли, а самъ копытомъ въ землю бьетъ. Какъ на молоду ли князю на Глѣбу Оле-

---

*) Во второмъ?—**) Любопытный эпитетъ, нигдѣ у народа не встрѣчающійся.—О.

говичу былъ ратный сбруй, богатырской: колчанъ съ каленой стрѣлой, дѣдовской, да мечь кладенецъ его батюшки роднмаго. И повелъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичь, на войну рать стрѣлецкую, да другу рать молодыихъ молодцовъ; а третью рать старыихъ старшковъ урядилъ во городѣ сидѣть; а городомъ вѣдать указалъ ли тому старому боярину, стрѣлецкой головѣ Неждану Борисовичу.

Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичь рать на войну. Какъ прочуялъ змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкіимъ хвостомъ. Широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змѣя войной воевать. Широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать. На широкіихъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода взошла. На ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичь догадливъ былъ: онъ вынималъ изъ колчана калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую, а самъ приговаривалъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да прямо во Тугарина! Ты угоди, моя калена стрѣла, во его во правой глазъ! Ты прострѣли, моя калена стрѣла, его недобрый глазъ!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во правой глазъ. Отъ того ли боя великаго, отъ того ли стрѣла могучаго не стало права глаза у Тугарина, того ли глаза недобраго.—А и знаю я, чья та недобрая стрѣла, а и знаю я, кто ту недобру стрѣлу пускалъ, — возговоритъ Тугаринъ. — И ты, молодой князь Глѣбъ Олеговичь, не води рати на меня: погублю тебя во твоей молодости, уведу во полонъ твою молоду княжну Настасью Ивановну во ту ли Золоту орду! — На его-то змѣя слова извѣстныя молодой князь Глѣбъ Олеговичь ни словечушка не молвитъ, ни отповѣди не чинитъ. Только молодые молодцы сабельками помахиваютъ, его Тугарина на смертну рать зовутъ. И туто стрѣлецка рать въ обходъ пошла, Тугарина полонить, его, змѣя, живота лишить. На ту пору Тугаринъ догадливъ былъ: онъ Оку рѣку перейналъ, на стрѣлецку рать пускалъ; и стало стрѣльцамъ не въ мочь.

Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря въ широкомъ полѣ растилалася: а выходилъ то молодой Акундинъ. И

видитъ онъ, Акундинъ, что Рязанцамъ стало не въ мочь, и припало у него, Акундина, желаньице постоять войной за молода князя Глѣба Олеговича. Снимаетъ онъ, Акундинъ, съ крута бедра свой мечь кладенецъ, беретъ съ могуча плеча свой тугой лукъ, а достаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Натягиваетъ тетивочку шелковую, а самъ приговариваетъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да во того ли змѣя Тугарина, да во его ли буйну голову! Ты разбей, разбей, моя калена стрѣла, буйну голову Тугарина!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во самую буйну голову. И во ту пору онъ, собака Тугаринъ, догадливъ былъ, и онъ учалъ молить: — А и гой еси ты, молодой Акундинъ изъ Нова-города! А и бери ты сколько хошь золотой казны, а и бери ты болѣй того каменьевъ самоцвѣтныихъ, лишь возьми, возьми свою калену стрѣлу: а и твоя-то калена стрѣла сгубила меня, молодца, до вѣку. — И его-то, Тугарина, онъ, Акундинъ, не слушаетъ; и его то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ, а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалися. И беретъ онъ, Акундинъ, мечь кладенецъ, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.

Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичь съ диву дивовался, а самъ со боярами говоритъ: «А и что то за невѣдомъ человѣкъ? А и какъ Ока рѣка въ круты берега собиралася? А и какъ змѣя Тугарина на бѣломъ свѣтѣ не стало? Не ужь-то и бѣда миновала надъ стольныимъ нашимъ городомъ?» И посылаетъ онъ посла къ Акундину, а велитъ ему, послу, спрошать: «Ты скажи, невѣдомъ человѣкъ: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя по имени и какъ величать тебя по изотчеству?» А допросивши, молвить: «Молодой князь Глѣбъ Олеговичь бьетъ тебѣ, молодцу, большiимъ челобитьицемъ,» а справивши большое челобитьице звать его, молодаго молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыихъ лебедей рушать. Идетъ посолъ къ Акундину, а не дошедъ покланяется, а самъ исправляетъ словеса посольскiя: «Отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича къ тебѣ, молодцу, слово великое; повелѣлъ стольный князь Глѣбъ Олеговичь тебя спрошать: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя, молодца, по имени и какъ величать тебя, молодца, по изотчеству?» И на ту

рѣчь посольскую Акундинъ отповѣдь чинитъ: — А и спасибо стольному князю Глѣбу Олеговичу на его словѣ ласковомъ, а и про его спросъ я самъ скажу. — И справлялъ посолъ ему, Акундину, большое челобитьице, и звалъ его, молодаго молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыихъ лебедей рушать. Идетъ онъ, Акундинъ, ко городу ко Ростиславлю. Тесовы вороты растворяются, а на встрѣчу ему выходитъ весь міръ крещеный да со большіимъ челобитьицемъ. Входитъ онъ, Акундинъ, на княжой дворъ, а туто ему князья и бояре правятъ большое челобитьице отъ молода князя Глѣба Олеговича, и ведутъ его, Акундина, во высокъ теремъ за его бѣлы руки. Входитъ онъ, Акундинъ, во высокъ теремъ, и туто ему, Акундину, велику славу поютъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Ты скажи, скажи скорѣй, молодой молодецъ: какъ зовутъ тебя по имени и какъ величаютъ по изотчеству?» На то-то слово привѣтливое вымолвляетъ Акундинъ: — Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня Акундинъ Акундинычь. — А молвивши, билъ Аикудинъ князю челомъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ выходитъ тысяцкій съ хлѣбомъ-солью: ««Ты пріими, пріими, добрый человѣкъ, большое челобитьице отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, хлѣбъ-соль. И кланялся Акундинъ всему міру крещеному, всѣмъ исконныимъ слугамъ на хлѣбѣ на соли. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ выходитъ тысяцкій со шубой соболиною: ««Ты пріими, пріими, добрый человѣкъ, большое челобитьице отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, шубу соболиную. И кланялся всѣмъ князьямъ и боярамъ, всѣмъ исконныимъ слугамъ, на дарѣ великомъ, на шубѣ соболиной. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «За твои ли услуги великія жалую тебя, молодаго молодца, цѣпью золотой со гривною.» На тѣ-то слова княженецкія выходитъ тысяцкій со цѣпью золотою и со гривною: ««Ты пріими,

пріими, добрый человѣкъ, большое жалованьице отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, золотую цѣпь со гривною. И кланялся Акундинъ большіимъ челобитьицемъ на великомъ жалованьицѣ молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Не вели рубить-казнить, а вели слово вымолвить: велика милость Божья до вѣку, широко твое княженье Рязанское отъ Оки рѣки до Дону глубокаго, вѣрны твои слуги исконныя на всей землѣ, велико твое княженецкое подареньице! Не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую, не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую и со гривною. Есть у тебя, стольнаго князя, князья и бояре: и то-то подареньице князьямъ и боярамъ. — И дивились князья и бояре мудрымъ словесамъ Акундина. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Князьямъ и боярамъ свой почетъ, а тебя, Акундина Акундиныча, чествую почестью великою за твои ли услуги великія.» И на томъ князь положилъ свою рѣчь. И кланялся Акундинъ большіимъ челобитьицемъ, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и не было у насъ во посадничествѣ такого подареньица, а и не было у насъ во всей посадской сторонѣ такого жалованьица; а и слышалъ я, сказывали люди старые, что во каменной Москвѣ жаловалъ стольный князь Димитрій Ивановичъ на великъ день своего боярина, что наилучшаго. И ты, осударь, попечалуйся о моемъ сѣтованьицѣ, и ты, стольный князь, соизволь принять мое худое нежеланьице. — И снималъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ со правой руки золотъ перстень со камнемъ самоцвѣтнымъ, и жаловалъ его, Акундина, своимъ подареньицемъ, а самъ вымолвлялъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Ужь и видно то, что ты со родимой земли Русскія, и знать то по всему, что въ твоемъ горючемъ сердцѣ кипитъ кровь богатырская, того ли Велика Новагорода посадничья. А и вы-то, мои слуги исконныя, урядите вы нарядъ по всей земли Рязанской, чтобы ему ли, молодцу Новгородскому, Акундину Акундинычу, пѣли славу вѣчную.» А и туто всѣ князья подходили по себѣ къ Акундину бити челомъ и обниматися, а опослѣ вымолвляли всѣ во едину рѣчь: ««А и будемъ тебѣ, молодцу Новогородскому, Акундину Акундинычу, пѣть славу вѣчную по всей землѣ Рязанской; а и слава та пойдетъ въ роды родовъ, а во той ли славѣ будемъ пѣть: сослужилъ ли онъ, Акундинъ Акундинычъ, служ-

бу великую всей землѣ Рязанской, да и избавилъ ли онъ, Акундинъ Акундинычъ, городъ Ростиславль отъ полону великаго, отъ люта змѣя Тугарина.»» А и кланялся онъ, Акундинъ, на всѣ стороны, а самъ вымолвлялъ: — А не я то сдѣлалъ, а не я то урадилъ: то воля Божья была! Спасибо вамъ, люди добрые, за ваши словеса привѣтливыя. А и дай же то Боже, молоду князю Глѣбу Олеговичу во вѣки на столѣ княжить! А и дай же то Боже, вамъ, исконнымъ слугамъ, ему, молоду князю, до вѣку служить! А и дай же то Боже, всей землѣ Рязанской вѣкъ вѣковать! — И повели его, Акундина, князья и бояре подъ бѣлы руки во гридницы княженецкія, сажали его, Акундина, за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, а посадивши его за дубовы столы, прошали хлѣба-соли кушать, бѣлыихъ лебедей рушать. Пошла пирушка великая, столъ богатый на радостяхъ. А и пиръ-то былъ уряженъ на всѣ три дни: во единомъ пиру пировалъ Акундинъ во гридницѣ княженецкой, у молода князя Глѣба Олеговича; какъ во другомъ пиру пировалъ Акундинъ во палатахъ посадничьихъ, у князей и бояръ; какъ во третьемъ пиру пировалъ Акундинъ на посадской сторонѣ, у всего міра крещенаго. А опослѣй того пира великаго, выходилъ Акундинъ во высокъ теремъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу прощатися. Возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «А и гой еси ты, добрый молодецъ Акундинъ Акундинычъ! Какъ и жаль-то мнѣ съ тобой разстатися! Придумалось мнѣ, молоду князю, поселить тебя на усадьбище немалое, во палатахъ посадничьихъ, а за твои ли услуги великія наградить тебя боярствомъ. А и сталъ бы печаловаться ты по всей землѣ Рязанской, по моимъ исконнымъ слугамъ. Соизволь принять мое жалованьице княженецкое, соизволь занять усадьбище немалое, палаты посадничьи.» И билъ челомъ Акундинъ ему, молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ: — Велика твоя милость княженецкая, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и далъ я великъ обѣтъ итти во стольный Кіевъ градъ, да каменну Москву посмотрѣть. — И молилъ его, молода князя, чтобы отпустилъ его, Акундина, во стольный Кіевъ градъ побывать, каменну Москву посмотрѣть. И отпущалъ его молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, а на прощаньицѣ велѣлъ одарить его, Акундина, князьямъ и боярамъ казною княженецкою да хлѣбомъ-солью. И провожали его, Акундина, князья и бояре и весь міръ крещеный вплоть до Оки рѣ-

ки, до его суденышка оснащенаго. Какъ и міръ-то крещеный ему хлѣбъ-соль подносилъ, а люди—то приговаривали: ««Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, отъ всего міра крещенаго хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.»» И кланялся Акундинъ міру крещеному, прінималъ хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго. Какъ и князья-то со боярами молвятъ ему: ««Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, изъ казны княженецкой золота и серебра и каменья самоцвѣтнаго сколько хошь, на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.»» И кланялся Акундинъ князьямъ и боярамъ, а изъ казны княженецкой не бралъ онъ ни золота, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, а только молвитъ: —А и то-то добро мнѣ, молодцу, не надобно!—

Садится онъ, Акундинъ, на свое суденышко оснащеное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ рѣкѣ, и плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. Сидитъ Акундинъ на кормѣ, а самъ дивуется: «А и что то за великъ городъ стоитъ на круту бережку?» Никто ему, Акундину, ни словечка не скажетъ, никто ему, Акундину, вѣсточки не дастъ. Подымался онъ, Акундинъ, во нарядъ, а поднявшись выходитъ на крутъ бережекъ и идетъ ко тому городу великому. Входитъ онъ, Акундинъ, во тотъ городъ великой, а во томъ городѣ великомъ бѣда учинилася: нападали злы Татарове на тотъ великъ городъ Муромъ, полонили они людей посадскіихъ во полонъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной, того ли воеводы Муромскаго дочь названую. Идетъ онъ, Акундинъ, на воеводской дворъ, ко тому ли двору изукрашенному. Входитъ онъ, Акундинъ, на тотъ дворъ, а тамъ молода боярыня, Аѳимья Ивановна, плачетъ-возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ вымолвляетъ:—Гой еси ты, моя ненаглядная дочь, Настасья Ивановна! Ужь воротись ты, моя лебедь бѣлая, ко своему ли ко родимому батюшкѣ, Неждану Ивановичу, ко своей ли родимой матушкѣ, Аѳимьѣ Ивановнѣ, ко своей ли родимой сестрицѣ, Авдотьѣ Ивановнѣ! Ты взойди, взойди во свой теремъ изукрашенный! Ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ твой теремъ изукрашенный. Ты взойди, взойди во палаты бѣлокаменны, ко своему ли батюшкѣ родимому: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во палатахъ бѣлокаменныихъ нѣту радости, нѣту веселія у тво-

его родимаго батюшки. Какъ и онъ ли, твой родимый батюшка, со тоски со кручинушки хлѣба-соли не кушаетъ, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во теремъ брусящатый, ко своей ли матушкѣ родимой: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во теремѣ брусящатомъ нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой матушкѣ. Какъ и она ли, твоя родима матушка, со тоски со кручинушки позабыла свое вѣжство пригожее, позабыла свое бѣло личико сурмить *), позабыла свои дороги нарядушки рядить, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во вышку рѣшетчатую, ко своей ли родимой сестрицѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во вышкѣ рѣшетчатой нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой сестрицѣ. Какъ и она ли, твоя родима сестрица, со тоски со кручинушки позабыла игры дѣвичьи, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во свой зеленый садъ, ко своей ли нянюшкѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ зеленой садъ, осиротѣла твоя нянюшка. Какъ и твоя-то нянюшка слезно плачетъ, возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ слово молвитъ: Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Для кого я взлелѣяла мою бѣлую лебедушку, красну дѣвицу Настасью Ивановну? Ужь досталась она, родимая, злу Татарченку, бесерменину. Ты раступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Ты взойди, взойди на свой широкой дворъ, какъ и тамъ ли всѣ твои подруженьки: ужь онѣ слезно плачутъ-возрыдаютъ, а въ возрыданьицѣ слово молвятъ: поднимися ты, туча грозная, по поднебесью, ты заслони, туча грозная, путь-дороженьку злу Татарченку въ Золоту орду! Ты возстань, возстань, вѣтеръ буйной со полунощи, ту умчи, умчи, вѣтеръ буйной, нашу лебедь бѣлую, молоду подруженьку, свѣтъ Настасью Ивановну, во теремъ изукрашенный! Какъ и безъ тебя ли, наша лебедь бѣлая, пріутихли игры дѣвичьи, пріумолкли тайны бесѣдушки, нѣту радости въ зеленомъ саду, нѣту веселія середи двора широкаго. Ты взойди, взойди, туча грозная, ты возгрянь, возгрянь, громова стрѣла, да во того ли зла Татарченка, бесерменина!—Какъ во ту пору выходилъ Нежданъ Ивановичь на свой широкой дворъ

*) Эта выдумка уже не совсѣмъ кстати: лицо вышло бы чернымъ, сурьмятъ лишь брови.—*О.*

унимать свою молоду жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну. Какъ и онъ ли, Нежданъ Ивановичъ, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а въ возрыданьицѣ слово молвитъ: ««Ты не плачь, не плачь, моя молода жена, свѣтъ Аѳимья Ивановна! Не руди ты своего бѣла личика, не надсажай своего здоровьица некрѣпкаго. Какъ и безъ того знать по твоему бѣлу личику злу тоску со кручиною; какъ и безъ того знать по твоимъ горючіимъ слезамъ бѣду наносную. Снаряжу я рать могучую, опошлю ту рать въ Золоту орду немирную, по нашу лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Ты взойди, взойди въ извѣчные домы Божьи *): ты пролей, пролей свои горючи слезы ко Создателю!»» Какъ и туто Нежданъ Ивановичъ подкликалъ сѣнныхъ дѣвушекъ, а самъ приказывалъ: ««Ужь и вы ли, сѣнныя дѣвушки! Ведите вы мою молоду жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну, во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый. Унимайте вы мою молоду жену отъ слезъ горючіихъ, отъ надсадушки великой.»» Принимали сѣнныя дѣвушки молоду боярыню Аѳимью Ивановну подъ ея бѣлы руки и вводили во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый, унимали ее, молоду боярыню, отъ слезъ горючіихъ, отъ надсадушки великой. Выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ ко воротичкамъ тесовыимъ, ко рѣшеточкѣ золотенькой, а самъ выговаривалъ: ««Гой еси вы, добры Муромцы и весь міръ крещеный! Вѣдомо вамъ, добры Муромцы, что на нашъ славный городъ Муромъ нападала Золота орда немирная, полонила та Золота орда немирная великъ полонъ изъ людей посадскіихъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной.»» Какъ и туто всѣ добры Муромцы и весь міръ крещеный били ему, Неждану Ивановичу, великіимъ челобитьицемъ, а сами во едину рѣчь вымолвляли: — Вѣдаемъ мы, люди посадскіе, про горе великое, про нежданъ полонъ. Какъ и та ли Золота орда немирная полонила нашіихъ дѣтушекъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной. Ужь и ты ли, нашъ могучь воевода, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ, придумай-пригадай: какъ воротить изъ полону нашіихъ дѣтушекъ? Ужь у насъ ли, людей посадскіихъ, не стало ума-разума со великой бѣды; ужь у насъ ли, людей посадскіихъ, опустились бѣ-

*) Кажется, сочинитель счелъ эти „извѣчные домы" за храмы и церкви, между тѣмъ какъ это были богадѣльни и больницы.—*О.*

лы руки со кручинушки, да и нѣтъ силы при старости, да и нѣтъ крѣпости во великомъ сиротствѣ. — Какъ возговоритъ тутъ Нежданъ Ивановичъ: ««Порадѣйте, добры Муромцы, изнять изъ Золотой орды мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Награжу я того золотой казной, надѣлю я того золотой парчей, кто воротитъ мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Будетъ старъ человѣкъ, — и я того буду чтить во отца; будетъ молодой молодецъ, — и я награжу того Настасьей Ивановной со великіимъ приданымъ.»»

Во ту пору онъ, Акундинъ, стоялъ у воротичекъ тесовыихъ, у той рѣшеточки золотенькой. И жаль ему стало добрыихъ Муромцовъ, а жалчѣй того воеводы Муромскаго. Со того ли со жалѣньица возговоритъ онъ, Акундинъ: «Ты гой еси, воевода Муромскій, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ! Прикажи мнѣ, молодому молодцу, нагонять Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да твою дочь названую Настасью Ивановну?» Какъ и туто ли возговоритъ Нежданъ Ивановичъ: ««Нагоняй ты, молодой молодецъ, Золоту орду немирную, выручай ты изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да мою лебедь бѣлую Настасью Ивановну. Награжу я тебя золотой казной, надѣлю золотой парчей и отдамъ за тебя лебедь бѣлую Настасью Ивановну со великіимъ приданымъ.»» И давалъ Акундинъ великъ обѣтъ нагнать Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да названу дочь Настасью Ивановну. Какъ и туто наряжались во нарядъ добры молодцы Муромцы, а съ ними молодой бояринъ Замятня Микитичъ, того ли воеводы Переславскаго сынъ названый. И надѣлялъ его, Акундина, онъ, воевода Муромскій, славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ, хлѣбомъ-солью на путь-дороженьку. На всходѣ солнца свѣтлаго, на ранней зарѣ утренней, выходилъ Акундинъ изъ славнаго города изъ Мурома нагонять Золоту орду немирную. Какъ за нимъ ли, Акундиномъ, выходилъ молодой бояринъ Замятня Микитичъ со дружиной Муромской. Подходитъ онъ, Акундинъ, ко круту бережку, садится на свое суденышко оснащеное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ по рѣкѣ, а за тѣмъ суденышкомъ плывутъ лодочки Муромски. Ѣдетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а на третій завидѣлъ Золоту орду немирную на круту бережку. Какъ и туто злы Татарове полонъ дѣлятъ: доставалась ле-

бедь бѣлая Настасья Ивановна злу Татарченку, стару бесерменину. Какъ и она ли, лебедь бѣлая Настасья Ивановна, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а сама во слезахъ слово молвитъ: — Ужъ и ты ли, батюшка родимой мой! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужъ и онъ ли, злой Татарченокъ, урядилъ на единъ день три дѣльца дѣлать: какъ и первое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, поить-кормить; какъ и другое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, качать-прибаюкивать; какъ и третье-то дѣльцо—его, стара бесерменина, стеречь бѣлоярова *) коня. Ужъ и ты ли, матушка родимая моя! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужъ и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день меня по три раза бьетъ за вины небывалыя: какъ и первая-то вина—не велитъ мнѣ долго спать; какъ и другая-то вина—не велитъ цвѣтное платье носить; какъ и третья-то вина—не велитъ русу косу носить. Ужъ и ты ли, родимая сестрица моя! Не жалѣй ты золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужъ и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день по три раза журитъ-бранитъ: какъ и первое-то журитъ-бранитъ — не велитъ родимую сторонушку вспоминать; какъ и другое-то журитъ-бранитъ—велитъ отца съ матерью забыть; какъ и третье-то журитъ-бранитъ—не велитъ тебя сестрой называть. — Какъ и тутъ ли онъ, Акундинъ, выходилъ на крутъ бережокъ, доставалъ калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую и пускалъ свою калену стрѣлу во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Какъ его-то, братцы, калена стрѣла полетѣла въ Золоту орду, и налетѣла, братцы, его калена стрѣла прямо во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Дотолѣ онъ злой Татарченокъ и живъ былъ. Во ту пору злы Татарове осержалися, а и хотять его, Акундина, съ душой съ животомъ разлучить. Какъ и онъ ли, Акундинъ, вынималъ свой мечь кладенецъ, да учалъ рубить Золоту орду немирную. Бьетъ онъ, Акундинъ, Золоту орду единъ день, и той орды кабы на половину стало; бьетъ онъ Золоту орду и дру-

*) Бѣлоярая—у народа пшеница, которой кормятъ коня; но „бѣлоярагo коня" не слыхано.—*О.*

гой день, и той орды кабы треть осталась; бьетъ онъ Золоту орду и третій день, и той орды кабы не бывало. А добивши онъ Золоту орду, выручалъ людей посадскіихъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной изъ полону крѣпкаго и снаряжалъ онъ тѣхъ полоняниковъ во нарядъ ко славному городу Мурому, со тѣмъ ли молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ.

Пошли тѣ Муромцы по круту бережку, а онъ, Акундинъ, садился на свое суденышко оснащеное, да и поплылъ по Окѣ по рѣкѣ, къ тому ли славному городу Мурому. Ѣдетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а во ту пору идетъ-плыветъ на встрѣчу ему друга орда немирная. Какъ и туто злы Татарове окружали его суденышко оснащеное, а и требовали они, злы Татарове, дани великой. На ту пору денегъ съ Акундиномъ не случилося: только было съ нимъ сто рублей дробныхъ денежекъ. И спрошалъ Акундинъ ту орду немирную: «А и что та за дань великая? А и кому та дань идетъ? А и кто у васъ большой-набольшой?» И туто злы Татарове промолвляли: ««Дани-то великой потягло на всѣ лодочки, а и та дань идетъ въ Большу орду Астараканскую, ко тому ли славну Татарину Тугарину.»» И на тѣ-то рѣчи отвѣтныя Акундинъ вынималъ свой мечь кладенецъ, а самъ промолвлялъ: «А и та ли Ока рѣка ему въ отчину досталася, и онъ-то, Акундинъ, сбираетъ по Окѣ по рѣкѣ со всѣхъ лодочекъ голдовщину и мостовщину.» И туто Акундинъ учалъ со той орды Астраканской насчитывать велику дань за голдовщину и мостовщину: а и той-то дани выходило со сто рублевъ. А и они-то, злы Татарове, хотятъ его съ душой съ животомъ разлучить. Не долго думалъ Акундинъ, да и давай рубить ту орду Астараканскую. На право мечемъ махнетъ,—кабы тутъ орды не бывало; на лѣво мечемъ махнетъ, — кабы пусты лодочки чернѣются. Билъ Акундинъ ту орду Астараканскую цѣлыхъ три дни, а добивши ставилъ по Окѣ по рѣкѣ заставы крѣпкія. И туто онъ, Акундинъ, поѣхалъ ко тому славному городу Мурому, ко тому ли воеводѣ Муромскому ко Неждану Ивановичу. Пріѣзжалъ Акундинъ ко тому славному городу Мурому, а во ту пору во Муромѣ радость великая учинилася: тотъ ли славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ выдавалъ дочь свою названую Настасью Ивановну за того молода боярина за Замятню Микитича. Входитъ онъ, Акундинъ, во палаты бѣлокамен-

ныя, а и во тѣхъ палатахъ идетъ пиръ княжой, а и туто за дубовымъ столомъ сидятъ князь со княгинею, молодой бояринъ Замятня Никитичь со своей ли молодой женой съ Настасьей Ивановной. А туто молода боярыня Аѳимья Ивановна подносила ему, Акундину, чару съ зеленымъ виномъ, а Неждaнъ Ивановичь приговаривалъ: ««Гой еси ты, добрый молодецъ! Пріими чару зелена вина, а выпей ты чару зелена вина за князя со княгинею!»» Пріималъ Акундинъ чару зелена вина, выпивалъ чару зелена вина за князя со княгинею. И опослѣй того онъ, Нежданъ Ивановичь, рѣчь вымолвлялъ. ««Не знали мы и не вѣдали, что̀ съ тобой содѣялось. А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало: ни то злы Татары полонили, ни то люты звѣри растерзали. А и тотъ ли Замятня Никитичь присватался за нашу Настасью Ивановну; а мы, не вѣдая тебя въ живыхъ, приговорили: отдать свою лебедушку бѣлую за того ли за Замятню Никитича. Будь хочешь ты, за твои заслуги великія награжу я тебя золотой казной, надѣлю я тебя золотой парчей, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся.»» И билъ челомъ Акундинъ на тѣхъ словахъ вѣжливыихъ, а золотой казны не бралъ, а золотой парчи не спрашивалъ, а бивши челомъ вымолвлялъ: ««По моимъ счасткамъ бѣда учинилася: нападала орда Астараканскаа. Избываючи ту орду Астараканскую, не думалъ я и не гадалъ другой бѣды. А и дай же то Боже, князю со княжною *) вѣкъ вѣковать, добра наживать да дѣтушекъ возрастать!» И прощался Акундинъ съ воеводо̀ю Муромскимъ, а на прощаньицѣ слово молвилъ: ««Не дай же то Боже, во вѣкъ въ Муромѣ бывать того воеводу Муромскаго видать. А и его-то воеводины слова перелетныя: на посуляхъ виситъ.» И за то-то слово изоймаючи, возговоритъ Нежданъ Ивановичь: ««А и бѣгите сюда, добры Муромцы! Вы гоните его, невѣжу, со двора долой, вы гоните его, мужика, и изъ городу вонъ. А и онъ ли, невѣжа, деревенской мужикъ, смѣлъ ѕвататься за боярску дочь!»»

И пошелъ онъ, Акундинъ, изъ Мурома ко круту бережку, садился на свое суденышко оснащеное, да и плылъ внизъ по Окѣ по рѣкѣ ко стольному городу ко Кіеву. Приплывши онъ, Акундинъ, ко столь-

---

*) Княгинею, новобрачною.—*О.*

ному городу ко Кіеву, справлялъ поминочки съ сорочинами по своемъ родномъ батюшкѣ. На тѣхъ ли поминочкахъ съ сорочинами сидѣли за дубовымъ столомъ сорокъ Каликъ съ Каликою. И пили-ѣли тѣ сорокъ Каликъ съ Каликою канунъ варенъ по всѣмъ роднымъ. А опослѣй тѣхъ поминочикъ одѣлялъ Акундинъ тѣхъ сорокъ Каликъ съ Каликою золотой казной на поминъ души по всѣмъ роднымъ. Во ту пору выходилъ старый Калѣчище на особицу, и билъ ему, Акундину, челомъ: ««Спасибо тебѣ на поминочкахъ, на золотой казнѣ! За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано — женитися на молодой вдовѣ во чужомъ городу. Не умѣлъ ты, добрый молодецъ, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу. Вѣдь твоя-то, сѣра утица, распустила крылушки на крутомъ бережку во большомъ городу, гдѣ палатушки бѣлокаменны, гдѣ вороты красны.»» И тому слову дивился Акундинъ: кабы сходить ко тому городу, гдѣ вороты красны, гдѣ палатушки бѣлокаменныя, да сѣру утицу достать? Справивши во Кіевѣ всѣ поминочки съ сорочинами, надѣвалъ Акундинъ на себя платье Калики Перехожаго и пошелъ во путь во дороженьку сухимъ сухопутьицемъ, тою дорогою прямоѣзжею, что потягла отъ Кіева прямо на Русь. И тою дорогою прямоѣзжею проходилъ онъ велики города съ пригородочками, а нигдѣ не видалъ тѣхъ воротъ красныихъ со палатушками бѣлокаменными. Ни мало, ни много, ходилъ онъ, Акундинъ, тою прямоѣзжею дорогою ровно три года, а на четвертый годъ подходилъ ко круту бережку, ко незнаму городу ко большому. И видитъ Акундинъ туто вороты красны со палатушками бѣлокаменными. Не долго онъ думалъ, да и пошелъ искать по городу сѣру утицу. Ходитъ онъ, Акундинъ, день, ходитъ и другой, а на третій съ надсадушки у него, молодца, ретиво сердце надрывалося, бѣлы руки опускалися, рѣзвы ноги подкашалися. И садился Акундинъ посередъ торгу со Каликами. А тѣ-то Калики Перехожіе были стары старики, а и пѣли они, стары старики, сказаньица немалыя: про стару старину до про Божіихъ людей. И дарилъ онъ, Акундинъ, ихъ, старыхъ стариковъ, золотой казной, а самъ приговаривалъ: «Гой еси вы, Калики Перехожіе! И вы спойте, стары старики, про каменну Москву, и вы спойте, стары старики, про Великъ Новградъ!» И дивились стары старики на великъ подарочекъ, а сами промежъ

себя говорятъ:««А и тотъ великъ подарочекъ не посадской: ни то отъ князя, ни то отъ боярина, ни то отъ торгова человѣка.»»И молвитъ туто старый Калика: — Ой вы, глупые старики! Не ужь-то вы не свѣдали дорогой подарочекъ изъ Новагорода? Не ужь-то у васъ ума-разума не стало? — И пѣли стары старики про каменну Москву, а далѣй пѣли про Великъ Новградъ. И за тѣ-то рѣчи старыя дарилъ Акундинъ старыихъ старшовъ золотой казной. И за то-то подареньице пѣли стары старики про него Акундина:««Жилъ-былъ Акундинъ, удалъ молодецъ. А и тотъ добрый молодецъ удалъ изъ Новагорода со посадской стороны со торговой. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на стружечку по Окѣ по рѣкѣ отъ полону слобожать, Золоту орду разбивать. Ужь и тамъ ли добрый молодецъ удалъ змѣя Тугарина побивалъ, отъ полону городъ слобожалъ. И за то его, удала молодца, жаловалъ стольный князь со правой руки золотымъ перстнемъ. Какъ и онъ ли, добрый молодецъ удалъ, отъ полону городъ Муромъ слобожалъ, отъ набѣгу красну дѣвицу вымыкалъ. Какъ и та ли красна дѣвица душа запоручена была; запоручилъ красну дѣвицу душу батюшка родимой ему, удалу молодцу: —Слобожай ты, добрый молодецъ удалъ, лебедь бѣлую мою; какъ за то я награжу тебя золотой казной, какъ за то я надѣлю тебя золотой парчей; какъ за то я выдамъ за тебя красну дѣвицу душу дочь названую свою.—Какъ доставалась лебедь бѣлая душа не ему, удалу молодцу; какъ и доставалъ лебедь бѣлую душу молодой боярской сынъ. Ужь и та-ли, лебедь бѣлая душа, ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сѣрой утицей поплыла.»»Не успѣли стары старики свою рѣчь домолвить, какъ туто восплакала-возрыдала молода боярыня Настасья Ивановна, а сама въ возрыданьицѣ слово вымолвила:—Гой еси вы, стары старики! Пріймайте отъ меня, вдовой, мало подаяньице. И вы скажите, стары старики: живъ ли добрый молодецъ удалъ?—Стары старики пріимали подаяньице, а сами промежь себя рѣчь говорятъ:««А и то-то подаяньице не посадское: ни то княженецкое, ни то боярское.»»И туто Акундинъ скидалъ съ себя платье Каличье, окликалъ себя Акундинымъ да и билъ че-

ломъ: «А и ты-то, молода боярыня Настасья Ивановна, вспознай меня, Акундина!» И вспознала она, молода боярыня, его, Акундина, а вспознавши говорила таковы рѣчи:—Богъ суди родимаго батюшку! Не поставилъ во память твои заслуги великія, не хотѣлъ породниться съ удалымъ молодцомъ. А нонѣсь волею Божею сталося, что ни батюшки родимаго, что ни матушки родимыя, что ни моего Замятни Микитича нѣтъ у меня. Ровно три годочка живу во вдовствѣ сиротой.—

И билъ челомъ онъ, Акундинъ, молодой боярынѣ Настасьѣ Ивановнѣ во своемъ одиночествѣ, а опослѣй засылалъ сваху съ челобитьицемъ. И она-то, молода боярыня Настасья Ивановна, припоминаючи его заслуги великія, созывала честныихъ людей, старыихъ старичковъ, на рукобитьице. А и та-то свадьба была на Вязьмѣ, а и жить стали на Клязьмѣ на рѣкѣ, во селѣ боярскомъ Замятни Микитича. А и онъ-то, Акундинъ, живучи со своей Настасьей Ивановной, состарѣлся и переставился.

(Оттуда же).

***

III.

ЗАМѢТКА.

А.

Былевое творчество **Новгорода** глубоко отлично и отъ древнѣйшаго—Кіевскаго, Владимірова, и отъ дальнѣйшаго—Московскаго. Объемомъ своимъ оно несравненно у́же сихъ обоихъ; не столь богато древнѣйшими стихіями поэзіи, истекшими изъ доисторическаго періода, какъ первое и сравнительно съ нимъ гораздо положительнѣе, историчнѣе, ближе къ исторической дѣйствительности и практичнѣе; за то, сравнительно съ Московскимъ, оно богаче вліяніемъ отдаленной старины и не выражаетъ тѣхъ элементовъ государственности, которые часто бросаются въ глаза при изученіи характера Московскаго. Складъ Новгородскаго творчества, его стихъ,—все это ближе къ Кіевскому, не столько—говоримъ—прадревними, часто неуловимыми элементами содержанія и образами творчества, сколько формою, отдѣлкой и языкомъ, явленіями опредѣленной исторической поры творчества: Былина его цѣльнѣе, такъ сказать мужественнѣе и рѣже ниспускается до краткаго женскаго склада Старины, господствующей въ творчествѣ Московскомъ и здѣсь часто отрывочной, близкой къ пѣснямъ Безыманнымъ. Начинаясь съ той же эпохи, какъ творчество Владимірово, съ знаменитаго лица посадника Добрыни, связаннаго съ поэтическими преданіями о водвореніи Христіанства въ Новгородѣ, объ изгнаніи Перуна, объ его послѣднихъ дѣяніяхъ и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ,—съ лица Добрыни, извѣстнаго съ другой стороны и въ творчествѣ Кіевскомъ между первыми его звеньями; примыкая къ той эпохѣ Владиміровой, къ которой возводится начало нашего положительнаго Былеваго творчества и съ которой изображается въ немъ лучшая пора въ первые прочно сложившагося Русскаго міра-народа,

творчество Новгородское опускаетъ однако всѣ постепенности и частности этого міро-созиданія, выраженныя въ Былинахъ о Кіевскихъ и Владиміровыхъ богатыряхъ, объ этой Земской Дружинѣ, стоявшей за возраставшую Земщину всей Руси. Творчество отдѣльнаго, хотя и Великаго, Новгорода, его отдѣльной области, послѣ нѣсколькихъ помянутыхъ образовъ, связанныхъ съ Добрынею, беретъ дѣло какъ бы уже готовымъ, въ ту минуту, когда Новгородъ со всѣмъ раздѣлался съ первобытной древностью, сложился, вышелъ на поприще положительной исторіи. Оно столь же *Земское* творчество, какъ и Кіевское, но оно ограничено эпохою болѣе позднею, болѣе тѣснымъ кружкомъ одного города съ пригородами и областью, если не совершенно внѣ— ибо это была та же Русь,—то особо отъ общихъ интересовъ *всей* Руси, представительство которой бралъ на себя Кіевъ. Татары, общее бѣдствіе всей Руси, лица, замѣшанныя вездѣ и въ Кіевскомъ, и въ Московскомъ творчествѣ, какъ не проникли въ историческій Новгородъ, такъ не попали и въ его творчество Былевое. Однимъ словомъ, главное отличіе сего послѣдняго отъ Московскаго состоитъ въ характерѣ *земства*—по содержанію—и *въ большей древности* цѣльнаго склада, а отъ Кіевскаго въ *частности* мѣстъ, лицъ и событій, въ *позднѣйшей* близости склада и языка къ опредѣленной исторической эпохѣ, къ положительной дѣйствительности.

Слѣды Новгородскаго Былеваго творчества въ семъ видѣ передаются намъ лѣтописями и другими письменными памятниками Новгорода. Послѣ смутныхъ, ему въ особенности принадлежащихъ, полуисторическихъ воспоминаній о призваніи Варяговъ, за отбытіемъ князей на Югъ, взоръ Новгородца не сопровождаетъ ихъ участіемъ, и, тогда какъ они на новомъ поприщѣ дѣйствія вызываютъ множество поэтическихъ сказаній, жизнь Новгородская знаетъ лишь съ ними борьбу, а творчество Новгородское совершенно къ нимъ холодно, хоть бы какая черта, хоть бы намекъ. Поэтическія преданія, какъ сказано, появляются въ Новгородѣ по лѣтописямъ лишь при имени Добрыни, при событіи, освѣтившемъ всю Русь, водвореніи Христіанства. Бывшій посадникъ Великаго города, дядя Просвѣтителя, являясь сюда вторично съ духовенствомъ, сокрушаетъ идоловъ, разоряетъ требища, креститъ людей, борется съ Перуномъ и посѣкаетъ его («Степенная,» ср. Замѣтку при 2-мъ вып.). По другимъ эти подвиги при-

надлежать и первому архіепископу, знаменитому Іоакиму Корсунянину: «Сей Іоакимъ архіепископъ разрушив въ Новгородѣ идола Перуна и потомъ повелѣ его, связавъ ужи (узами, веревками), влещи въ рѣку Волховъ, иныхъ же приставе влекомаго бити... И се чудо дивно явися, яко бѣсъ въ немъ, доселѣ живый, не стерпѣ (не стерпѣвъ) сего поношенія, начатъ велми жалостно и болѣзненно великимъ гласомъ вопити: «Увы, увы, горе, горе, яко впадохся въ руцѣ сихъ немилостивыхъ человѣкъ, иже вчера мя яко бога почитаху, нынѣ же толика ми зла нанесоша! Увы мнѣ, увы мнѣ, что имъ прочее сотворю?» Людіе же единаче (однако, все-таки) влечаху его біюще и, принедше на мостъ, вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе во глубину. И по малѣ явися зъ (изъ) воды: единъ же нѣкто человѣкъ верже на него палицею; онъ же, вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей много (нѣсколько). Порази же слѣпотою Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сіе время (въ извѣстное время года) даже до нынѣ, въ коеждо лѣто, на томъ мосту люди собираются и, раздѣлшеся на двое, играюще убиваются (Лѣтоп. Густынская подъ 990-мъ год.),» т. е. къ этому преданію возводилось начало не только народныхъ Новгородскихъ игръ, но и древней судебной расправы, рѣшавшейся на мосту. «И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: «О горе, охъ мнѣ! Достахся немилостивымъ симъ рукамъ!» И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, плововя сквозѣ великый мостъ, верже палицу свою на мостъ, еюже и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ (Соѳ. Врем.; то же Псковск.).» «Онъ же, плововя сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: «На семъ мя поминають Новогородскія дѣти!» Еюже и нынѣ безумніи людіе убивающеся, утѣху творять бѣсомъ (Врем.).» За тѣмъ борьба съ Перуномъ горнчара, враждебныя рѣчи («до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь») и проч. Такимъ образомъ древнѣйшее на глазахъ исторіи Былевое творчество Новгорода, занесенное слѣдами и въ лѣтопись, зачинается такъ же, какъ и Кіевское, со времени Владиміра и его богатырей. Но далѣе, и цѣликомъ, оно отдало своего Добрыню Кіеву. Весь XI-й вѣкъ, вѣкъ самыхъ горячихъ богатырскихъ подвиговъ, воспѣтыхъ въ Кіевской Былинѣ, проходитъ для Новгорода и его поэтическихъ преданій безслѣдно. Лѣтописи народа, по преимуществу дѣловаго и практическаго, не окрашиваются, какъ Южныя, поэтическимъ отцвѣтомъ. Только въ XII вѣкѣ появляются памятники,

происхожденіемъ и содержаніемъ принадлежащіе Новгороду, въ коихъ замѣтно возникаетъ вновь Былевое творческое настроеніе, и этотъ вѣкъ, судя по даннымъ, доселѣ извѣстнымъ, есть единственный вѣкъ памятниковъ Былеваго Новгородскаго творчества. Мы разумѣемъ памятники: о Добрынѣ II-мъ и построеніи Варяжской божницы; объ Антоніи Римлянинѣ; о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами (Знаменіе); о построеніи Благовѣщенскаго монастыря; о путешествіи Ивана въ Ерусалимъ; о Варлаамѣ; о видѣніи пономаря Тарасія,—памятники, насквозь пропитанные поэтическими преданіями (напечатаны въ «Памятникахъ стар. Р. литер.;» по аналогіи можно заключать, что сюда же по происхожденію примыкаетъ легенда о посадникѣ Щилѣ, исторически извѣстнаго позднѣе, но котораго едва ли слѣдуетъ искать въ исторіи). Замѣчательно, что всѣ эти событія и лица современны тѣмъ событіямъ и лицамъ, кои сдѣлались прямымъ достояніемъ поэзіи и о коихъ мы сейчасъ скажемъ.

Въ семъ же, XII-мъ вѣкѣ, записаны Новгородскими лѣтописями имена лицъ, сдѣлавшихся героями извѣстныхъ намъ Былинъ. Подъ 1118-мъ годомъ (въ Новгор. I-й) *Сотскій Ставръ*, котораго заточилъ Владиміръ Мономахъ: но поэтическія преданія объ немъ, подобно какъ о Добрынѣ, Новгородъ уступилъ творчеству Кіевскому (см. 4-й выпускъ и Замѣтку при немъ стр. LI). За то другія два лица, помянутыя также въ лѣтописяхъ, сосредоточиваютъ на себѣ все, что мы знаемъ лучшаго и главнаго въ устномъ Былевомъ творчествѣ Новгорода, до насъ дошедшемъ. Оба они—исторически—современны: но объ одномъ лѣтописи говорятъ нѣсколько ранѣе, да и Былины обильнѣе чертами, занесенными изъ доисторической древности. Это *Садко* и *Василій Буслаевъ*.

О *Садкѣ* лѣтописи, принадлежащія Новгороду или Новгородскому циклу, говорятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то весьма рано, то довольно поздно—въ XII вѣкѣ: но собственно онъ относится, какъ лицо историческое, къ эпохѣ весьма опредѣленной и намъ нужно только выяснить сопостановку свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства раздѣляемъ мы на три рода. 1) По поводу построенія древнѣйшей Новгородской Софіи, разрушенія ея пожаромъ и потомъ возстановленія въ новомъ видѣ, упоминается Садко, *позднѣе* построившій въ сей же мѣстности

церковь Бориса и Глѣба. Новгор. III-я: «Въ лѣто 6.497 (989) постави владыка епископъ Іоакимъ первую (прежнюю, древнѣйшую) церковь древяную дубовую Святыя Софіи, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣтъ; и подняся отъ огня (сгорѣла) въ лѣто 6.557 (1.049), Марта въ 4 день, въ суботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ (въ концѣ) Пискупли (Епископской) улицы, надъ Волховомъ рѣкою, до каменного дѣтинца-града строенія; идѣже послѣди поставилъ *Сотко Богатой* церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ лѣто 6.558 (1.050), яже та церковь (Садкова) стояла въ каменномъ городѣ-дѣтинцѣ близъ каменной градной стѣны.» Это показаніе, которое напрасно издатели лѣтописей, Археографической Коммиссіи, исправляютъ, заключаетъ въ себѣ, именно тамъ, гдѣ они исправляютъ, весьма вѣрныя данныя, нужно только стать на точку зрѣнія лѣтописца. Онъ жилъ уже поздно: онъ только вспоминаетъ о *стоявшей нѣкогда* церкви Садка, при немъ уже не существовавшей; но, поднимаясь въ древность, онъ передаетъ: древнѣйшая, деревянная Софія построена въ 989 году; стояла 60 лѣтъ, отъ 989 до 1.049-го; сгорѣла въ семъ послѣднемъ году; потомъ, послѣ, поставилъ въ сей же мѣстности каменную церковь Садко. Вотъ вѣрныя показанія лѣтописца. Но онъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, что въ 6.553 г. (1.045) заложена новая, каменная Софія: объ этомъ говоритъ онъ ниже; говорятъ и другіе лѣтописцы: поелику же съ 6.553 (1.045) до 6.557 (1.049) года протекло 4 года, то они показываютъ, что деревянная церковь Софіи стояла 4 года, какъ увидимъ ниже. Ошибка лѣтописца III-й Новгор. лѣтописи не въ томъ обстоятельствѣ, которое исправлено издателями, а въ томъ, что, не заставъ уже *каменной* церкви Садка и времени ея построенія, онъ относитъ построеніе ея къ 6.558 (1.050) году, къ тѣмъ годамъ, въ которые, спустя столѣтіе, построена церковь Бориса и Глѣба, только не каменная, а *деревянная*, и не Садкомъ; то есть, встрѣтивши въ старыхъ запискахъ упоминаніе о построеніи церкви Б. и Гл. деревянной, онъ смѣшалъ ее съ каменною. Это сейчасъ мы увидимъ далѣе. Новгородская II-я: «Въ лѣто 6.497 (989; издатели исправляютъ этотъ годъ ошибочно, какъ увидимъ ниже) постави владыка Іакимъ церковь деревянную Святую Софію, имущи верховъ 13. И стояла 4 лѣта, и поднялась церковь Святаа Софіа отъ огня (сгорѣла) мѣсяца

Марта въ 4, въ суботный день, бывше (въ старомъ видѣ) честно устроена и украшена. А стояше конецъ Епископли улицы, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже инны (иногда, въ другое время; издатели ошибочно исправляютъ *нынѣ* по другимъ лѣтописямъ) поставилъ *Сотко Сотникъ* (при этомъ указаніи встрѣчаемъ позднѣйшія прибавки, которыя уяснимъ ниже: «*Сотко Сытничь исытинъ,*» т. е. «и *Сытинъ*») церковь святыхъ страстотерпецъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба.» Такимъ образомъ показанія этого лѣтописца сходятся съ Новгородскою III-ею: Іоакимъ поставилъ деревянную Софію 989 года; объ этомъ пишетъ лѣтописецъ подъ 6.553 (1.045) годомъ, по поводу заложенной тогда новой каменной Софіи; по поводу же ея мѣстоположенія прибавляетъ, что *инны*, въ другое, послѣдующее время, тутъ же поставилъ свою церковь Садко, но когда, не зная или не входя въ подробности, онъ молчитъ; явно только, что онъ жилъ уже послѣ построенія Садковской церкви. Тѣ, позднѣйшіе, лѣтописцы, которые вмѣсто *инны* поставили *нынѣ*, а за ними и издатели, такъ же исправившіе текстъ, ошиблись, ибо около сего времени построена не Садковская каменная, а деревянная церковь Бориса и Глѣба. Разнорѣчіе здѣсь съ Новгородскою III-ю то, что въ сей послѣдней и нѣкоторыхъ другихъ, какъ увидимъ, годъ пожара 6.557-й (1.049), а здѣсь 6.553-й (1.045). И это бы не бѣда; лѣтописецъ считаетъ, что «стояла» деревянная Софія «4 лѣта:» отъ чего и до чего онъ считаетъ? Явно, что отъ 1.045-го до 1.049-го и, стало быть, признаетъ время пожара въ семъ послѣднемъ году. Здѣсь одно важно: день пожара указанъ «Марта въ 4, въ субботу,» а 4-е Марта въ субботу приходилось, говорятъ, въ 6.553 (1.045) году. Я не имѣю подъ рукою данныхъ для повѣрки этого разсчета (да и некогда сюда пускаться при моемъ дѣлѣ): я знаю лишь, что и въ тѣхъ свидѣтельствахъ, кои укажемъ ниже и въ коихъ пожаръ означенъ подъ 1.049-мъ годомъ, высчитано то же «4 Марта въ субботу.» Если это число съ субботою падаетъ именно на 1.045-й годъ, то остается допустить: Іоакимовская деревянная сгорѣла въ семъ году: въ семъ же году заложена новая каменная; но такъ какъ послѣдняя кончена постройкою позднѣе, то была конечно поставлена временная деревянная, не стоившая, чтобы о построеніи ея говорить особо и сгорѣвшая послѣ въ 1.049-мъ году; стало быть, лѣтописцы смѣшивали двѣ деревянныя церкви, древнѣйшую и временную, и два

пожара ихъ. Вообще въ описаніяхъ, кои мы разбираемъ, видимо сопоставляются и даже смѣшиваются, по самымъ даже годамъ, Софія старая и новая, деревянная и каменная, да церковь Благовѣрныхъ Князей старая и новая, деревянная и каменная. Мы надѣемся, что по крайности уясняемъ путь для различенія показаній. Издатели же Археографической Коммиссіи, какъ неправильно исправили *нынѣ* вмѣсто *иныи*, столь же неправильно подставили 6.553 (1.045) годъ вмѣсто 6.497 (989), ибо для лѣтописца это дѣла розныя: подъ послѣднимъ годомъ говоритъ онъ о построеніи церкви Іоакимовской, а подъ первымъ объ ея пожарѣ и воэстановленіи. Теперь пойдемъ далѣе.—Въ Софійскомъ Временникѣ: «Въ лѣто 6.557 (1.049), мѣсяце Марта въ 4 день суботный, сгорѣ церкви святая Софія, бяше же честно устроена и украшена, 13 верхы имуще. А стояла конецъ Пискупіи улицы надъ Волховомъ (Волхвомъ), идѣже нынѣ постави *Сотко* (въ печати. прежнемъ *Погатой*, т. е. *Богатой*) церковь камену святаго Бориса и Глѣба.»—Въ Никоновской: «В лѣто 6.557 (1.049) мѣсяца Марта въ 4 день суботныі згорѣ в Новѣгороде церковь святыя Софія, бѣша (бывше, бывши) бо честно устроена и украшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ Пискупли улицы над Волховомъ, идеже нынѣ поставилъ *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» Въ обоихъ случаяхъ время пожара 1.049-й годъ, а по поводу мѣстности упомянута церковь Садка, но вставка *нынѣ*, отводя построеніе ея къ 1.045 или 1.049 году, смѣшиваетъ церковь деревянную, бывшую до Садки, съ его—каменною. *Нынѣ* остается вѣрнымъ только съ той точки зрѣнія, если лѣтописцы относятъ это не къ 1.045 или 1.049-му, а ко времени своей жизни, заставшей построеніе каменной церкви Садка. — Слѣдуетъ упомянуть показаніе старѣйшей и надежнѣйшей лѣтописи Новгородской І-й, въ которой пожаръ отнесенъ къ 6.553 (1.045) году, но счетъ чиселъ и дней иной: «Въ лѣто 6.553 съгорѣ святая Софія въ *суботу*, по заутрьніи въ часъ 3, *мѣсяця Марта въ 15*. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія Новѣгородѣ Володимиромъ княземъ.» Этотъ счетъ заставляетъ думать, что показаніе о другомъ пожарѣ, 1.049 года, вѣрно указываетъ 4-ге числа субботній день, ибо, если 15 Марта 1.045 года была суббота, а раньше ея другая 8-го числа, вторникъ 4-го, то въ 1.049-мъ году (безъ высокоснаго) 4-е число точно приходилось въ субботу. Не разнился ли тогдашній счетъ отъ позднѣйшаго, не—

какъ нынѣ руководятся изслѣдователи?—Остается сказать, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ Новгородской I-й, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ 6.553 (1.045) годомъ однообразно приводится свидѣтельство о закладкѣ новой каменной церкви Софіи (освящена позднѣе), о закладкѣ, подавшей лѣтописцамъ поводъ говорить о прежней сгорѣвшей: «Въ лѣто 6.553 заложи Володимеръ святую Софію въ Новѣгородѣ;» «заложи князь Володимеръ Ярославичь и владыка Лука святую Софію каменую въ Великомъ Новѣгородѣ (при чемъ, по привычкѣ, приписано помянутое *«Сотко Сытничь и Сытинъ»*).—2) Любопытны теперь другаго рода свидѣтельства или, лучше, другая сторона ихъ: почему лѣтописи, если не вставляютъ *нынѣ* или не относятъ его къ годамъ, современнымъ пожару старой и закладкѣ новой Софіи, вставляютъ имя Садки тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, приписывая ему построеніе церкви, какой онъ вовсе не строилъ? Именно, какъ мы видѣли, Новгородская III-я указываетъ годъ построенія Садковской церкви 6.558 (1.050), годъ (по нѣкоторымъ) освященія каменной Софіи; Новгородская II-я (если читать съ позднѣйшими не *инны*, а *нынѣ*) приводитъ годъ 6.553-й (1.045), время пожара старой и заложенія новой Софіи; Софійскій Временникъ и Никоновская упоминаютъ 6.557-й (1.049), годъ пожара старой Софіи, и т. д.: ясно, что Софія, разными судьбами своими, пожаромъ или возстановленіемъ, по роковому сближенію ея мѣстности съ мѣстностію церкви Садковской, напоминала лѣтописцамъ сію послѣднюю, построенную тутъ же, но время построенія коей, отъ нихъ удаленное въ прошломъ, было неизвѣстно имъ въ точности. Лѣтописцы ставили года по старымъ записямъ, пріурочивали къ нимъ преданія, но сами уже не застали построенія или даже существованія Садковской церкви, и потому сбивались. Но была и другая вѣроятная причина такому смѣшенію: церковь Бориса и Глѣба была точно построена въ Новгородѣ, и именно около тѣхъ же лѣтъ, и въ той же мѣстности, только спустя столѣтіе, *деревянная*, и строилъ ее совсѣмъ, оказывается, *не Садко*. А именно. Новгор. I-я: «Томъ же лѣтѣ (6.654, 1.146) сдѣлаша 4 церкви: *святую мученику Бориса и Глѣба въ градѣ* (дѣтинцѣ), святого пророка Ильѣ, и святую апостолу Петра и Павла на Хълмѣ, и святую безмездьнику Козму и Даміяна;» Новгор. IV: «Въ лѣто 6.654 сдѣлаша 4 церкви: Бориса и Глѣба въ *городѣ*,» и проч.; Новгородская же III-я всѣхъ

точнѣе: «Въ лѣто 6.654 сотвориша въ Великомъ Новѣгородѣ, при епископѣ Нифонтѣ, 4 церкви *древяныхъ:* святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба *въ Околоткѣ, въ Каменномъ городѣ,* Козьма и Даміанъ,» и проч. Обстоятельство это усиливалось и вводило еще въ дальнѣйшія заблужденія тѣмъ, что *въ то же время* и *тѣ же самыя церкви* поставлены были *въ Смоленскѣ.* Такое показаніе, какъ на примѣръ въ Воскресенскомъ спискѣ, замѣчалось на полѣ противу событій Новгородскихъ: подъ 6.653 (1.145; ср. выше 6.553—1.045 года) годомъ—«Заложиша въ Смоленску на Смядыни церковь камену Бориса и Глѣба.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ вошло это и въ текстъ, напр. въ IV-й: «Въ лѣто 6.653 заложиша церковь камену святаго Бориса и Глѣба на Смядынѣ въ Смоленьскѣ.» Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей извѣстіе Смоленское даже вытѣснило собою Новгородское, напр. въ Никоновской: «Того же лѣта (6.653—1.145) въ Смоленце заложиша церковъ камену святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне;» а въ слѣдующемъ году снова: «Того же лѣта (6.654—1.146) здѣлаша четыре церкви камены в Смоленске святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне, а во граде святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, и святаго пророка Боговидца Ильи, і святыхъ чюдотворецъ безсребреникъ Козмы и Дамьяна.» Соблазнъ былъ такъ великъ, что, на примѣръ, Новгородская IV-я, говоря о церкви Бориса и Глѣба (деревянной) въ Новгородѣ, приписываетъ: «на Смядынѣ,» и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: тѣ же года (хотя и столѣтіемъ раздѣленные), или, лучше, то же число лѣтъ, бросающіяся въ глаза, тѣ же церкви и имена ихъ святыхъ, упоминаніе—то деревянныхъ церквей сего имени въ Новгородѣ, то тѣхъ же каменныхъ въ Смоленскѣ,—все это непремѣнно заставляло спутывать дѣло Садки, особенно въ глазахъ тѣхъ, кои подлинной церкви его не видали или не застали. И вотъ мы получаемъ его имя, весьма поучительное для насъ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ ему совсѣмъ не слѣдъ: то при Софіи по близости мѣстной, то при деревянныхъ церквахъ Новгорода и Смоленска, то отсюда снова, столѣтіемъ выше, при пожарѣ и возстановленіи Софіи. Однако исправнѣйшія по тексту лѣтописи, а нѣкоторыя даже тѣ самыя, только подъ другими годами, болѣе вѣрными, сообщаютъ намъ . показанія несомнѣнныя и подлинныя. Именно. 3) Въ Новгородской I: «Въ лѣто 6.675 (1.167) сѣде Мьстиславъ Изясла-

вицъ Кыевѣ на столѣ. На ту же весну заложи *Сѣдко Сытиницъ* (разнор. *Сотко Сытиничь*) церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславици, при архіепископѣ Иліи;» объ освященіи: «Томъ же лѣтѣ (6.681—1.173) святи церковь Новѣгородѣ Илія архіепископъ Новгородьскыи святую мученику Бориса и Глѣба камяную въ градѣ, мѣсяця октября 14.»—Новгородская III-я: «Въ лѣто 6.675 (1.167) въ Великомъ Новѣградѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Сотко Сытиничь*, въ каменномъ городѣ-дѣтинцѣ, при Іоаннѣ архіепископѣ (ср. выше, какъ тотъ же самый лѣтописецъ, смѣшавъ Софію и другую церковь Бориса и Глѣба деревянную, разсказываетъ о построеніи ея Садкою въ 1.050 году).»—Въ Псковской І-й: «Въ лѣто 6.675 (1.167) заложи *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» И такъ остается несомнѣннымъ, что церковь сію, каменную, заложилъ Садко въ 1.167 году *). Былины приводятъ то же самое обстоятельство, но, подобно лѣтописямъ, смѣшиваютъ храмъ Софіи; когда Садко разбогатѣлъ,

И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, *Божій храмъ сорудилъ*
А и во имя *Софіи Премудрыя*,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.

(Ср. у насъ выш. 5, № 3); описаніе отдѣлки храма близко къ тому, что въ лѣтописяхъ о древней деревянной Софіи. Былина даже еще приписываетъ ему построеніе двухъ церквей—Стефана Архидьякона и Николая Можайскаго; послѣдняя въ № 2-мъ даже именуется «приходомъ» его:

Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго.

---

*) Любопытно замѣтить, что отношеніе лѣтописцевъ Новгородскихъ къ дѣлу Садки можетъ повести къ заключенію, когда они жили и писали, какъ составлялись лѣтописи. Это явствуетъ изъ данныхъ, отчасти нами разобранныхъ.

(И вотъ почему, замѣчали мы при печатаніи текста былинъ, помѣщенная подъ № 3-мъ собственно предшествуетъ, ибо въ ней говорится только еще о построеніи церкви Николая, а въ № 2-мъ о сей послѣдней какъ уже готовой; но такія данныя, важныя въ лѣтописяхъ, неважны для былеваго творчества). — Остается намъ сдѣлать выводы. Какъ Садко въ былинахъ гулялъ по рѣкамъ и морямъ, такъ было суждено гулять его имени по лѣтописнымъ числамъ въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ: имя, стало быть, слишкомъ знакомое Новгородцамъ; не всякому такъ удается. Церкви, какъ знаемъ изъ лѣтописей Новгорода, ставились часто и другими лицами: но они не стяжали такой славы. Несомнѣнно, что это былъ гость или торговецъ знаменитый, по богатству ли, или по своимъ похожденіямъ, а скорѣе по тому и другому. Имя, славное по лѣтописнымъ двухвѣковымъ записямъ, конечно еще больше жило и въ памяти, и въ устахъ народа, обставлялось разсказами, преданіями: они-то и возбудили народное творчество, породили собою былины и были виною того, что изъ развалинъ исчезнувшаго Новгородскаго Былеваго творчества сохранились до насъ и занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ былины именно о Садкѣ.—Крестное имя его вѣроятно было (Еврейское по происхожденію) *Садокъ*; но, или осмыслили его по Русски, или даже въ крещеніи дали имя соотвѣтственное народному (см. нашу Замѣтку при II-мъ томѣ Пѣсень собр. Рыбниковымъ), только очевидно, что народъ въ этомъ имени представляетъ себѣ *садъ*, уменьшительное *садокъ* (hortulus): въ былинахъ герой себя называетъ даже просто *Садъ*. *Садокъ* склоняли *Са́дка*, *Са́дкѣ*, *Са́дкомъ*; дальнѣйшая форма, возникшая уже изъ этого склоненія (по формѣ звательнаго, какъ въ Сербскомъ), была *Садко* и—рѣже (см. Рыбникова) *Садке*; наконецъ (откуда и звательная *Садко*)—*Садка*, *Садки*, *Садкѣ*, *Садкою*. Отсюда же въ лѣтописяхъ *Сѣдко* (Новгородское древнее нарѣчіе отличается полугласными ъ и ь тамъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ и позднѣе *а*, *я*, *о*, *е*), *Сотко*; послѣднему названію помогло также вѣроятно прозвище *Сотникомъ*. *Сотникомъ* названъ онъ лишь въ одной лѣтописи, Новгородской II-й; но это не первый примѣръ для героевъ Новгородскаго творчества: Сотскимъ былъ и Ставръ. Только тотъ былъ изъ бояръ, лучшихъ мужей, почему въ Кіевскихъ былинахъ и прозванъ *бояриномъ*: Садко же конечно выборный изъ гостиной, торговой сотни. Далѣе въ лѣтописяхъ онъ

называется *Богатымъ*: таково же постоянное его прозвище и въ былинахъ, чаще всего въ сочетаніи—«Садко Купецъ Богатый Гость.» Наконецъ въ лѣтописяхъ, и лучшихъ, придается ему отчество *Сытиницъ*, *Сытиничь*, *Сытничь* (испорченное «и *Сытинъ*,» гдѣ *ъ* вмѣсто *ч*): если это дѣйствительное отчество, то отъ народнаго имени (извѣстнаго нынѣ въ фамиліяхъ) *Сытъ*, *Satt*, *Satur*, имя отца, сходное съ народнымъ именемъ и сына—*Садъ*, *Садко*, *Сотко*; это же имя, въ собирательной формѣ, извѣстно какъ бранное, въ выраженіи «волчья *сыть* (ср. былины прежнихъ выпусковъ);» припомните народныя имена, перешедшія въ прозвища и фамиліи,—*Сытой*, *Сытого*, *Сытыхъ*, *Благъ*, *Благой*, *Благого-Благово*, *Благихъ*, *Сухъ*, *Сухой*, *Сухого-Сухово*, *Сухихъ* и т. п. Мы однако же склоняемся къ мнѣнію, что вѣрно одно изъ двухъ: или *Сотникъ*, или *Сытничь*, *Сытиничь*, т. е. или *Сътникъ*, *Сотникъ* подъ рукою лѣтописцевъ передѣлано изъ *Сътничь*, *Сытничь*, *Сытиничь*, или на оборотъ. Но довольно.

Другой герой Новгородскаго Былеваго творчества, столь же знаменитый, исторически современный Садкѣ, упомянутый съ нимъ почти рядомъ подъ лѣтописнымъ числомъ, но только въ одной лѣтописи и одинъ лишь разъ, есть *Василій Буслаевъ*. Никоновская лѣтопись *), спустя три года послѣ извѣстія о заложеніи церкви Садкою, подъ 6.679—1.171-мъ годомъ говоритъ: «Того же лѣта преставися в Новѣгороде *посадникъ Васка Буславичъ*.» Здѣсь стóитъ обратить вниманіе во первыхъ на то, что онъ названъ *Васкою*, *Ваською:* таково же, въ уменьшительномъ видѣ, любимое употребленіе имени его и въ народныхъ былинахъ, даже любимѣе, чѣмъ *Василій*; оно такъ и идетъ къ удальцу, проказнику, народному любимцу. Если смерть его стóило занести въ лѣтопись рядомъ съ важными событіями, то понятно значеніе этого героя въ Новгородѣ и объясняется также, почему, рядомъ съ Садкою, это любимѣйшій герой уцѣлѣвшихъ Новгородскихъ Былинъ. По году смерти нужно полагать, что лучшая пора дѣятельности Василья, какъ лица историческаго, приходилась въ половинѣ XII-го вѣка. Но въ городской дѣятельности се-

*) И рукописный хронографъ Румянц.

го времяни, довольно подробно описанной по Новгородскимъ лѣтописямъ, мы съ этимъ именемъ не встрѣчаемъ *посадника:* можетъ статься, при крестномъ имени *Василья,* какъ это бывало въ старину весьма часто, было другое народное имя, и Василій Буслаевъ скрывается отъ насъ подъ какимъ нибудь *Якуномъ*, *Нѣжатою* и т. п. Отецъ его *Богуславъ*, чисто-славянское народное имя, какъ «Богухвалъ,» «Богумилъ (Gottlob, Gottlieb)» и т. п.: отсюда уже сокращенныя формы *Буславъ*. даже *Буслаевъ* (Рыбник. II), *Буславей*, *Бусланей*, *Буславьюшко*. *Буслай*. и, сообразно тому. Василій по отчеству *Буслаевичь*, *Буславьевичь*, *Бусланеевичь*. *Буславичь*, *Буслаичь*, *Буслаевъ* (переходящее въ прозвище, фамилію), испорченно (Рыбник. I) *Геславьевичь*. Наконецъ, какъ лѣтописью записана его смерть, такъ объ смерти же его разсказываетъ и особая былина.

Разумѣется, исторической дѣятельности сихъ двухъ историческихъ лицъ нельзя уже искать въ Былинахъ: здѣсь это типы Новгородскаго Былеваго творчества. Но любопытно замѣтить одно соотношеніе: въ Былинахъ о Садкѣ сравнительно менѣе историческаго отцвѣта, болѣе преданій и образовъ доисторическихъ, обильнѣе образы народнаго творчества, заслоняющія исторію дѣйствительную; за то, какбы въ замѣнъ, мы видѣли о Садкѣ несравненно болѣе лѣтописныхъ указаній. На оборотъ, о Буслаевѣ въ лѣтописи одно лишь скудное свидѣтельство: за то Былины, посвященныя его дѣятельности, вмѣщая сравнительно весьма мало древнѣйшихъ образовъ творчества, прямѣе и ярче очерчиваютъ Новгородскую историческую дѣйствительность, со всѣми ея мелочами, именами окружавшихъ лицъ, улицъ и т. д.

Теперь, забывая исторію внѣшнюю, положительную, дѣйствительную, перейдемъ во внутреннюю, какъ она дается намъ въ Былинахъ о Садкѣ и Буслаевѣ, въ народномъ устномъ творчествѣ.

Мы знаемъ, что въ Кіевскомъ творчествѣ Богатыри—представители Земщины, но не сидячей и осѣдлой, а той части, которая ратуетъ на заставахъ, хранитъ зерно Земщины, борется съ врагами ея, расширяетъ предѣлы ея дѣйствій, то есть представители подвижной Земской Дружины. Въ Новгородѣ, по условіямъ его торговаго быта,

были своего рода богатыри: это, во первыхъ, Гости, люди Торговые, не тѣ сидячіе лавочники и владѣтели складовъ, которые укрывались за вервями общества и частоколами города, не нынѣшніе дѣятели торговыхъ городскихъ домовъ, представители фирмъ и конторъ, не эта торговая Земщина, а по тому времени предпріимчивые удальцы, добывавшіе золото отважными подвигами, бродившіе по необходимости мѣновой торговли, водившіе обозы или по водѣ сплавлявшіе клади за черту Новгородскихъ владѣній, въ далекіе края; люди бродячіе, перехожіе и переѣзжіе, въ собственномъ смыслѣ *гости*, по необходимости вооруженные и съ вооруженными шайками, доводимые и часто доводившіе какъ чужеродцевъ, такъ и свою метрополію, до отчаянныхъ дракъ, *hostes*, составлявшіе такую же Торговую Дружину и въ тѣхъ же отношеніяхъ стоявшіе къ осѣдлымъ торговымъ общинамъ, какъ Дружина Богатырская къ общинамъ земледѣльческимъ, вообще къ Землѣ и Міру. Это, говоримъ, была Торговая Община въ движеніи (какъ артель), Торговая Дружина, сходная во многомъ съ Кіевскими Богатырями. Она, за предѣлами Новгородской области, первая разнесла въ окрестные и далекіе края имя и славу сей послѣдней, первая высматривала мѣста, приманки, пути и дѣятелей торговли, первая завязывала сношенія, и уже за нею-то послѣ слѣдовала Дружина въ собственномъ смыслѣ, не торговая, а чисто-Военная, та, которая завоевывала страны. Первое завоеваніе Новгорода всегда было Торговое, чрезъ его Гостей, славныхъ отъ Шпицбергена и Норманскихъ береговъ до островковъ въ низовьяхъ Волги, до Хвалынскаго-Каспійскаго моря, куда изстари хо̀дили Новгородскіе Гости, а потомъ, на глазахъ исто̀ріи, Дружины Военныя съ Князьями. Образецъ такого своеобразнаго богатыря Торговли, возможнаго лишь въ Новгородѣ, типъ сего рода людей развитъ и возстановленъ въ Новгородскомъ Былевомъ творчествѣ: это *Садко*, съ постояннымъ именемъ и прозвищемъ—*Купецъ, Богатый Гость*. Какъ онъ дошелъ до того, чтобъ быть этимъ типомъ, откуда взялось его богатство, всѣхъ перещеголявшее, какими дѣяніями добылъ онъ себѣ это славное имя, однимъ словомъ—похожденія и приключенія Новгородскаго Гостя, весь его *генесисъ*, бытіе и ростъ,—вотъ что всего больше должно было занимать воображеніе древняго Новгородца, и вотъ задача, которую взялось выполнить его Былевое творчество рядомъ Былинъ о Садкѣ. Беремъ здѣсь Былины не только

въ этомъ Выпускѣ помѣщенныя, но и отпечатанныя нами при изданіи Пѣсень Рыбникова, изъ которыхъ всего подробнѣе въ I-мъ томѣ подъ № 64-мъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ не отличался Садко какимъ ни будь ученьемъ, съ молоду былъ бѣднякъ, чуть не голь кабацкая. Только онъ не поводился съ пьяницы съ безумницы, а лучше, по веселому нраву и любви къ искусству, хотѣлъ жить Веселымъ Молодцомъ, Веселою Скоморошиной: имѣлъ у себя кое-какія гусли, умѣлъ играть, ходилъ съ ними по пирамъ по бесѣдамъ, тѣшить и занимать слушателей за денежную плату. Разъ его долго не приглашали никуда: захудалъ и оголѣлъ онъ, стосковался. Въ кручинѣ своей пошелъ онъ съ гуслями на берегъ Ильменя, къ окраинѣ озера, къ тому привѣтному лону водъ, къ которому издревле, съ античныхъ временъ, хаживали раздѣлять тоску всѣ пѣвцы и художники, откуда родилась сама Красота, откуда черпали золото во всѣ вѣка предпріимчивые удальцы и торговцы, гдѣ царствовалъ у Грековъ грозный и страшный, но привязчивый, но гостепріимный, грубый и невѣжественный, но любитель искусствъ и богатый покровитель ихъ—Посейдонъ, а въ нашемъ былевомъ творчествѣ *Царь Морской, Царь Водяной* или *Поддонной, Водовикъ, Водяникъ*, бурный какъ влага морская, и столь же податливый и расплывчивый какъ всякая влага. Садко сталъ на берегу играть—и не ошибся: три раза ходилъ онъ играть, три раза колыбалася вода въ озерѣ, въ третій разъ появился самъ Царь Морской: «Не знаю, говоритъ Садкѣ, чѣмъ будетъ тебя пожаловать за твои за утѣхи за великія, за твою-то игру нѣжную. Аль безсчетной золотой казной?» То и нужно было: научилъ Садку поспорить съ купцами Новгородскими, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями, что лоно водъ родитъ золото. Закинули въ море неводъ, вытащили рыбъ золотыхъ, рыбы дали еще золото, рыбы сами стали золотомъ: Садко выигралъ большіе заклады, Садко обзавелся домкомъ, устроилъ себѣ палаты по небесному, на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, въ палатахъ у Садки тоже солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Сталъ Садко собирать у себя почестные пиры, принималъ у себя «Настоятелей Новогородскіихъ, *Ѳому Назарьева* и *Луку Зиновьева*,» — о значеніи ихъ мы поговоримъ ниже по поводу Буслаева. Сталъ Садко на пирахъ захвастываться: для него возможно было лишь одно единоборство богатырское,—въ спорѣ, у кого больше денегъ, кто повыкупитъ товары Новгородскіе. Эта борьба, которою

другія былины кончаютъ, въ настоящемъ случаѣ, по той былинѣ, которой мы пока держимся (Рыбни. Т. I, № 64), не доведена до побѣды: закупаетъ Садко товары Новгородскіе, а на другой день ихъ вдвое больше принавезено, вдвое больше принаполнено, на ту на великую на славу Новгородскую подоспѣли товары Московскіе, подоспѣли Заморскіе. Новгородъ поднялся выше своего питомца и вскормленника; смирился торговецъ: «Не я, видно, богатъ, Богатый Купецъ Новогородскиій, побогаче меня славный Новгородъ!» Тогда догадался онъ: снарядилъ свои тридцать кораблей; начинаются его блужданія по водамъ, его похожденія и приключенія, главное содержаніе всѣхъ былинъ. Вотъ куда Садко хаживалъ: 1) «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море,» Балтійское; 2) «гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, со вершины зналъ и до устья ее — а и нижняго царства Астраханскаго;» 3) «бѣгалъ по морю двѣнадцать лѣтъ, по синю морю Хвалынскому (Каспійскому; у насъ № 3);» между прочимъ заворачивалъ и въ «Золоту орду.» Во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, въ теченіи *двѣнадцати лѣтъ*, онъ «продавалъ товары Новогородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,» а самъ «никакой надъ собой притки и скорби Садко не видывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ.» Здѣсь-то, за свои торговые походы по рѣкѣ Волгѣ, а черезъ нее въ Хвалынское море, получилъ Садко прозвище «*Волгскаго* (Волскаго, Волжскаго) *Сура*:» мы объяснили уже смыслъ этого названія въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску и доказали, что оно относится къ дѣятельности древнихъ героевъ, представителей—сначала кочевья, потомъ торговаго, перехожаго и мѣноваго блужданія по суху и по морю, въ особенности по морю, откуда и Южное *Сурожское море*, и весь тотъ край *Сурожь*, и названіе сплавныхъ рѣкъ *Сурога, Сарога*, и товаровъ заморскихъ, особенно шелковыхъ,—*Сурожскіе, Суровскіе*, и самый шелкъ—*Сырецъ* и *Суровецъ, sericum*, и ряды, въ коихъ продавались сіи товары—*Суровскіе*, наконецъ самые дѣятели сего рода—*Суры, Сурожане* и *Суровцы*. Такъ мы получаемъ въ нашемъ древнемъ Былевомъ творчествѣ три образа, принадлежащихъ совершенно одинаковому разряду людей, но разнящихся мѣстностью и мѣстнымъ отцвѣтомъ: а) въ Новгородскомъ—Садко, типъ гостя порѣчнаго и поморскаго, Волжскій *Суръ*; б) въ Кіевскомъ Плѣнъ, Плѣнко, также Богатый Гость, и съ

богатствомъ несмѣтнымъ, по прозвищу *Сароженинъ*, *Суроженинъ*, знаменитый сыномъ своимъ *Чурилою* (имя одного корня съ *Суромъ*), жившій на рѣкѣ *Сарогѣ* или *Черегѣ*; в) въ былинахъ Княжескихъ. на переходѣ къ Безымяннымъ, въ области Суздальской, *Суровенъ*, *Суровецъ-Суздалецъ*, *Суроженинъ*, по роду города Суздаля, по слою народа—«сынъ отца Гостя Богатаго» и самъ «Богатый,» представитель удальцевъ Суздальцевъ, торговцевъ по преимуществу пѣшихъ и сухопутныхъ, ходебщиковъ, Аѳеней. Но въ Кіевскомъ творчествѣ, рисующемъ всѣ разнообразные слои Земщины и Земской Дружины, такіе дѣятели стоятъ въ ряду другихъ, не занимая исключительнаго вниманія: Плѣнъ, Димитрій Гость, даже Чурило, знаменитый не столько своею обиходною практическою торговлей, сколько близостью къ яркому древнѣйшему типу Чура-Гермеса, бога Торговли; въ былинахъ Княжескихъ и Безымянныхъ Суровецъ идетъ также за урядъ съ другими; Иванъ Гостинный Сынъ, мелькомъ затронутый въ Кіевскомъ творчествѣ, принадлежитъ всей Руси, безъ изъятіи мѣстныхъ взглядовъ и интересовъ, то есть преимущественно общей Былевой Сказкѣ. Напротивъ для торговли Новгорода Садко, Волжскій Суръ, есть лицо главное, исключительно привлекавшее интересъ и породившее лучшія Новгородскія Былины. Обязанный своею славою и всѣмъ богатствомъ влагѣ, рѣкамъ и морямъ, онъ долженъ былъ наконецъ чѣмъ ни будь поплатиться за то Царю Морскому. Здѣсь-то одно изъ любопытнѣйшихъ приключеній въ Были о Садкѣ, главнѣйшій эпизодъ Новгородскихъ Былинъ объ немъ, и притомъ эпизодъ лучшій, старшій по основнымъ своимъ образамъ, восходившій къ доисторической древности, къ такимъ чертамъ жизни и эпоса, которыя были вынесены Славянами Русскими изъ эпохи еще языческой, до сложившагося міра-народа, изъ времени кочевья и блужданій, изъ обще-Славянской семьи, съ самыхъ старыхъ ея поселищь въ Европѣ. Всѣ Былины согласны между собою въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь. имѣло мѣсто *на морѣ*, но по однимъ Былинамъ на Балтійскомъ, за Невою (Рыбник. Т. I, № 64), по другимъ (у насъ № 2) на Хвалынскомъ-Каспійскомъ. Подымалась буря, а корабли, и особенно Садковъ, стали на морѣ: догадался Богатый Гость, что море и Царь его требуютъ дани, старой языческой жертвы, какою умилостивляли античные народы своего Посейдона или Нептуна. Опустить было въ море хлѣба съ солью; опускали бочку чиста серебра, потомъ красна

золота: нѣтъ толку. Царь живой головы требуетъ. Читателямъ извѣстно по былинамъ дѣло съ жеребьями, кому было итти въ море: типъ тогдашняго купца, непремѣнно въ мѣновой торговлѣ жившаго ловкимъ обманомъ, «дѣломъ торговымъ»—какъ говорятъ нынѣ, прототипъ даже и послѣдующихъ Русскихъ торговцевъ, Садко думалъ извернуться отъ жеребья ловкостью, но пришлось итти самому. Онъ дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и отправляется: надѣваетъ шубу, беретъ свои завѣтныя гусли, первое зачало своихъ успѣховъ (по одной Былинѣ даже три мисы, съ серебромъ, золотомъ и женчугомъ), садится на дощечку дубовую, по другимъ на шахматницу, спускается на ней ко дну моря къ Царю или выброшенъ къ нему на далекій берегъ. Замѣчательно еще, беретъ съ собою образъ *Миколы* (у насъ № 1): тамъ, гдѣ предстояла опасность, не побѣдимая человѣческими силами, тамъ въ Христіанское время Былеваго творчества является на помощь сила высшая, обыкновенно Микола, притомъ Можайскій, рѣзной, особенно чтимый въ народѣ. Онъ, знаемъ мы, спасалъ въ крайнихъ случаяхъ другаго богатыря-бродягу, Потыка, въ образѣ Старчища, Пилигримища, Калѣки Перехожаго; онъ спасъ и Садку въ дѣлѣ съ Морскимъ Царемъ, являясь ему какъ «Старчище не знай собою (Рыбник. Т. I),» невѣдомый, грозный Калѣка Перехожій. О томъ, что́ такое значитъ споръ Царя съ Царицею, въ которомъ засталъ ихъ Садко, какъ явился онъ туда юнымъ героемъ и вышелъ побѣдителемъ, какъ къ нему склонялась Царица и помагала, какъ за слова его потеряла свою голову отъ грознаго мужа, какъ выводили Садкѣ невѣстъ и какъ для спасенія своего онъ долженъ былъ выбирать дѣвку *Чернавку*, *Чернавушку*, иначе *Поваренную* (у насъ № 2), какъ она потомъ исчезла или обманута Садкою, и что́ она сама за лицо въ нашемъ творчествѣ, и какъ всѣ эти образы восходятъ къ отдаленнѣйшей древности обще-славянскаго эпоса, объ этомъ мы говорили уже подробнѣе въ Замѣткѣ ко II-му тому Пѣсень Рыбникова. Здѣсь замѣтимъ только, что весь этотъ эпизодъ въ Былинахъ Новгородскихъ раздѣляется на три главныя части: а) споръ Царя съ Царицею и участіе Садки въ рѣшеніи; б) игра Садки на гусляхъ и послѣдствія ея; в) выборъ невѣсты и женидьба подъ моремъ на Чернавкѣ. Всѣ три онѣ—отрывки громадной области древнихъ творческихъ воззрѣній, потому именно не совсѣмъ ясные для непривычнаго взгляда, что отрывки. Значеніе спора старыхъ на-

чалъ или, лучше, стараго и грознаго, стихійнаго начала въ двухъ его половинахъ, мужской и женской, рѣшеніе спора началомъ третьимъ, юнымъ, явившимся изъ далека; выходъ и спасеніе непремѣнно через Чернавку или дѣвушку Поваренную, мотивированные въ Новгородскомъ творчествѣ такъ, что эта женидьба, неизвѣстно почему именно на Чернавкѣ, а не другой дѣвушкѣ, приказана была явившимся во снѣ спасителемъ—Миколою:—значеніе сихъ творческихъ образовъ уяснено нами въ помянутой Замѣткѣ; остается намъ сказать о третьей части эпизода. Естественно, что грубая и грозная, вмѣстѣ невѣжественная стихія, представителемъ коей былъ Морской Царь, поддалась невольно обаянію человѣческаго искусства, игрѣ на гусляхъ, такъ точно, какъ плѣнилась игрою и вывела Садку къ успѣхамъ въ самомъ началѣ его дѣятельности: эти образы извѣстны изъ Греческаго творчества; они тождественны съ тѣмъ, что совершилъ своею игрою Орфей надъ подземнымъ Аидомъ. Но здѣсь есть еще замѣчательная черта, весьма ярко выданная Русскимъ творчествомъ. Разгулъ Царя былъ дикъ и безобразенъ: голова у него какъ сѣнная копна; расплясавшись въ азартѣ, онъ полами бьетъ и шубой машетъ, и шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ. «Въ синемъ морѣ вода всколебалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гинуть имѣньицевъ, стало много тонуть людей праведныихъ (Рыбник. т. I);» «а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы-корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго (у насъ № 2).» Дѣйствіе человѣческаго искусства на міръ буйныхъ стихій, вліяніе юнаго человѣческаго героя на древняго бога, обаяніе духа внутренняго надъ внѣшними космическими силами, все это явилось уже не частнымъ дѣйствіемъ купца Новгородскаго Садки на Царя, а дѣйствіемъ міровымъ. «Тебѣ кажется, говоритъ Царица Садкѣ, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ, отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ безповинныя буйны головы (у насъ № 1).» Творчество Былевое, Русское, Новгородское, и притомъ временъ Христіанскихъ, выходитъ къ разрѣшенію такого столкновенія міровыхъ силъ свойственнымъ себѣ путемъ: оно объясняетъ, что сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому, Садку что-то тронуло въ правое плечо,—очутился «старикъ сѣдатыій,» Микола, велѣлъ порвать струны; Царь чинить было своими слесарями, но Садко уперся,

что надо за новыми струнами и гуслями сходить на святую Русь. Въ другихъ Былинахъ Садкѣ открыла глаза на истинное значеніе дѣла склонная къ нему Царица. Такъ дѣло и порѣшилось. Но для насъ важны, здѣсь, кромѣ ясно проглядѣвшаго, сквозь творческіе образы, древнѣйшаго воззрѣнія на соотношенія міровыхъ силъ, въ особенности стихійной и чисто-человѣческой, важны соотношенія къ другимъ эпизодамъ Русскаго Былеваго творчества. Изъ Голубиной Книги (см. наше изданіе «Калѣки Перехожіе,» вып. 2) мы знаемъ, что колеблется море, а за нимъ и вся земля, и вселенная, отъ поворота міровыхъ существъ, въ образѣ дочеловѣческомъ, животномъ: птицы Страеили, звѣря Индры и огромнаго Кита, образа также Посейдонова, на коемъ держится вселенная. Объ именахъ и значеніи сихъ образовъ смотрите наше изданіе Голубиной Книги и Замѣтку ко II-му тому Рыбникова. Но замѣчательно, что Страеиль, отъ трепетанія которой, даже однимъ пёрушкомъ, когда она *разыграется*, все синее море всколебается, потопляетъ море корабли гостиные со товарами драгоцѣнными, заморскими, и со православными христіанами, сы тѣми людями сы Московскими, что Страеиль, говоримъ, живетъ *на синемъ мори, на бѣломъ каменѣ*—на *Латырѣ*, отъ котораго и *Алатырь-море*; Индра звѣрь, когда также *возыграется*, вся вселенная всколыбнется, но онъ также имѣетъ прямое отношеніе къ стихіи воды: когда была на сёмъ свѣти засушейца, онъ копалъ рогомъ сыру мать землю, выкопалъ ключи глыбокіи, доставалъ воды кипучіи, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по малинькамъ ручьявиночкамъ, по глыбоками большимъ озярамъ, да и теперь, ходя по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточины, пропущаетъ рѣки, кладязи студёные; куда звѣрь пройдетъ—тута ключь кипитъ, и отъ того-то, когда поворотится, воскипятъ ключи всѣ подземельные; даже самое его имя, безъ носоваго звука, съ придыханіемъ *г* (*h*), *гидра*, наше—съ придыханіемъ *в*—*выдра*, отходитъ къ образу Посейдоновскому; и онъ имѣетъ отношеніе къ морю Латырю, такъ что самое имя его *Бѣлый Индрихъ* (см. наше изданіе Голубиной Книги) выводится прямо изъ *Бѣлаго Латыря*; наконецъ, Китъ-рыба, прямой уже образъ Посейдона, содержитъ на спинѣ весь бѣлый свѣтъ, и, когда потронется, вострепещется, всколыбнется, тогда мать земля вся поворотится, а когда *разыграется*, все сине море всколыхнится, увесь міръ-народъ пріужаснется. Ясно, что всѣ

эти образы сходятся ближе всего къ морю и къ его представителю стихійному, Царю Морскому, ибо, по словамъ Голубиной Книги, Окіянъ-море, морямъ мати, обкинуло вокругъ землю всю, бѣлый свѣтъ окинуло, обошло море околъ всей земли, вокругъ земли, всей подселенныя, всего свѣту бѣлаго, въ немъ, Окіянѣ, во мори пупъ морской, а «уси рѣки, уси моря, вси хъ Кіяню морю собѣгалися, вси хъ Кіяню морю приклонилися, никуды вонъ не выходили (ср. выше Индру);» «Окіянъ-море всколебается, — вси моря ему поклоняются.» Если мы, далѣе, переведемъ эти основныя міровыя воззрѣнія на почву положительной, хотя и древнѣйшей исторіи, на почву мѣстную, Славянскую, то убѣдимся, что это Окіянъ-море по Славянскимъ исконнымъ представленіямъ есть *Латырь-море*, названное такъ по хранимому въ немъ *Латырь-камню*, Илектру, Янтарю. Вотъ что говоритъ о томъ Голубиная Книга въ Бѣлорусской редакціи (приближая къ нашему нарѣчію):

Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
А Латырь-каминь камнямъ отецъ.
Потому Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
Потому Латырь-каминь всимъ камянямъ отецъ:
Ляжитъ ёнъ сириди моря,
Сириди моря, сириди синява,
Идуть по морю много корабельщиковъ,—
Гли (возлѣ) того камня останавливаются,
Яны баруть много съ яво снадобья (янтаря),
Посылають по всяму свѣту бѣлому...

Или:

Бѣлый Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ:
Съ-подъ камешка съ-подъ Бѣлаго Латыря
Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
По всей землѣ, по всей вселенную.
Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе.

(Ср. «Кал. Перех.» вып. 2 и Замѣтку къ 4-му вып.)

Опять то же отношеніе Латырь-камня къ источникамъ и питанію людей, какъ въ разсказѣ объ Индрѣ. Мы достаточно объяснили уже въ прежнихъ Замѣткахъ, что Алатырь, Илектръ, Янтарь, глав-

ная приманка и главный предметъ древней торговли нашихъ праотцевъ, источникъ ихъ питанія и обогащенія, такой же источникъ въ исторической дѣйствительной торговли ихъ, каковъ источникъ питанія для земли въ водѣ, источникъ питанія для людей въ засуху, наконецъ, древнѣе, источникъ того оживленія, которое нѣкогда почерпнули Славяне въ стихійномъ началѣ своего божества среди эпохи жгучаго Дажь-бога. Этотъ Алатырь далъ имя и морю, среди коего чаще находился, Балтійскому: но также точно переведенъ и на море Тёплое-Черное, и на море Хвалынское (см. Замѣтку къ 4-му выпуску), всюду, куда проникали наши Русскіе Славяне съ своею мореходною и рѣчною торговлею. Здѣсь-то сновали наши древніе гости-корабельщики, отсюда-то выносили свои заморскія богатства; здѣсь испытывали всѣ приключенія и подвергались опасностямъ, иногда слагая и голову. Понятно, что даже внѣ міровыхъ и миѳологическихъ воззрѣній, гости-корабельщики, а за ними и весь народъ православный, должны были подвергнуться дѣйствительному ужасу, реальной, осязательной опасности, когда разыгралось такое море, по однимъ Балтійское, по другимъ Хвалынское (см. выше), а разыгралось оно отъ того, что разыгрался представитель моря, его Царь, а Царь разыгрался отъ игры Садки, отъ дѣйствій этого отважнаго удальца, Богатаго Гостя Новгородскаго. Такъ міръ древнихъ доисторическихъ и миѳологическихъ воззрѣній, міръ, на почвѣ дѣйствительности, воплощавшійся въ событіяхъ древнѣйшей Славяно-Русской торговли, переведенъ наконецъ на частную, мѣстную Новгородскую почву, въ удѣлъ героя Садки, и здѣсь сдѣланъ содержаніемъ мѣстнаго былеваго творчества. Такъ, говоримъ на оборотъ, исторія Садки, переданная въ Былинахъ, возводитъ къ древнѣйшей Славяно-Русской дѣйствительности, къ первымъ началамъ ея исторіи, къ торговлѣ по морямъ, а отсюда еще выше, къ древнѣйшимъ міровоззрѣніямъ и событіямъ, совершавшимся уже въ духѣ слагавшагося народа, при выходѣ изъ періода Дажбожескаго, въ борьбѣ силъ человѣческихъ и человѣко-образныхъ съ силами стихійными. Въ сферѣ сихъ послѣднихъ самое дѣйствіе игры Садки на гусляхъ, его искусство, это конечное обаяніе, покорившее себѣ стихійную силу, есть уже окончательная побѣда: ею вышелъ человѣкъ изъ плѣна, какъ вышелъ Орфей изъ ада. При началѣ наступившаго за тѣмъ творчества, въ мірѣ его древнѣйшихъ представ-

леній, исходъ побѣдителя изъ власти грознаго и бурнаго начала рисовался конечно какъ выходъ юнаго бога изъ пропасти помощію старой богини, къ нему склонившейся отъ бога стараго, содѣйствіемъ невѣсты—богини юной, страдавшей, терпѣвшей и даже обманутой юнымъ богомъ, а потому представлявшейся въ уничиженіи, *черною*, *позаренною*, наконецъ въ силу рѣшенія спора между старымъ богомъ и богинею, рѣшеніемъ ихъ загадки, такой же, какова была загадка Сфинкса. Да такъ и находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, черты коего мы собрали и изложили въ Замѣткѣ при II-мъ т. Рыбникова, по поводу Саломана и Саламаніи. Весь міръ трепеталъ при борьбѣ своего юнаго представителя и въ разгарѣ ея ждалъ гибели и себѣ, и ему. Но человѣкъ побѣдилъ, и въ настоящемъ случаѣ Славянинъ, Русскій. При началѣ положительной и дѣйствительной исторіи сего послѣдняго, то же самое повторялось во очью при подвигахъ первыхъ нашихъ удальцевъ мореходцевъ, торговцевъ янтаремъ, а послѣ и другими заморскими товарами, по морямъ Балтійскому, Черному, Сурожскому, Хвалынскому: стаи гостей-корабельщиковъ, а за ними весь родъ и племя ихъ, также точно трепетали за себя при всякомъ новомъ, отважномъ и отчаянномъ предпріятіи въ дѣлѣ съ бурною стихіей. Но и они успокоены: побѣдитель возвращался въ лоно земщины съ богатою добычей. Когда сложился окончательно міръ-народъ Русскій и размѣстился отдѣльными великими общинами, когда обособился Великій Новгородъ, тѣ же событія, то есть съ тѣми же существенными, а потому и древнѣйшими чертами, нашли мѣсто въ судьбѣ исторической Новгородской торговли по рѣкамъ и морямъ, даже въ судьбѣ историческаго лица Садки, въ XII-мъ вѣкѣ бывшаго представителемъ Богатыхъ Гостей и построившаго церкви послѣ долгихъ блужданій въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Былевое творчество, взявшее его героемъ, перенесло всѣ общія черты на одно частное событіе и лицо, давши намъ типъ Богатаго Гостя и разсказавши древнѣйшую повѣсть подъ именами Садки, Морскаго Царя и Царицы, Чернавки, друзей-корабельщиковъ. Корабельщики также страдаютъ отъ его подвига, также пугаются за себя и за него, но подъ конецъ принимаютъ съ радостію вернувшагося побѣдителя, товарища и начальника. Нельзя не замѣтить, всматриваясь глубже въ эти былины, что вся побѣда Садки и самый его выходъ на свѣтъ Божій, какъ

въ Кіевскомъ творчествѣ выходъ на свѣтъ Божій Потыка, зависѣли отъ собственной силы героя, вышедшаго изъ борьбы и пропасти умомъ, искусствомъ, ловкостью, умѣньемъ—и поиграть, и рѣшить споръ, и отгадать загадку, и склонить къ себѣ старую Царицу, и воспользоваться юною невѣстой, и во время перестать играть, и сослаться на порванныя струны; прочія лица, Царица, Чернавка, только помагали и содѣйствовали. Но Христіанство, въ пору создания былинъ уже царившее въ Новгородѣ, придало всему свой высшій облескъ: трепещетъ въ ужасѣ народъ православный, онъ молится, его страданія и мольбы услышаны, является Микола и руководитъ спасеніемъ. Тако точно, мы видѣли нѣкогда, освящена Христіанствомъ и заключительная исторія Потыка въ Кіевскомъ творчествѣ. Такъ кончаетъ и Голубиная Книга, описавши грозные образы міровыхъ существъ и тотчасъ ослабляя ихъ космическую силу обаяніемъ силъ высшихъ, духовныхъ, христіанскихъ: подъ вліяніемъ сихъ послѣднихъ, Страфиль побиваетъ уже однихъ только «непріятелевъ, потопила силу невѣрную, невѣрную силу, безбожную, никакихъ бѣдъ она не дѣлаетъ,» а трепетомъ своимъ даетъ только знать пѣтухамъ—когда запѣвать, солнцу—когда освѣщать землю; Индра поселяется «во степяхъ и никто его въ глазы не видаючи,» а потомъ также «никому побѣды онъ не дѣлаетъ» и помѣщается даже «во святой горѣ во Аѳонъ-горской, въ горы Сіонскія, во Ѳаоръ-горы, онъ и пьетъ, и ѣетъ во святой горѣ, онъ и Богу молитъ за святу гору, а хвалу произноситъ самому Христу;» въ этомъ смиренномъ видѣ, когда онъ *возыграется*, только лишь «вся святыя горы всколыхаются, вси звѣрья земные къ нему приклонятся;» Китъ-рыба до того укротился, что теперь когда «поворотится, вси-ты рыбы ему поклонятся,» а потому уже не страшенъ его поворотъ, ибо «основана земля Святымъ Духомъ, а содержана Словомъ Божіимъ;» грозное Окіянъ-море переведено потомъ и тою же Голубиною Книгой въ чудесное, но благодѣтельное Алатырь-море, Синее, послѣ же просто въ «Теплое,» гдѣ лежитъ Алатырь-камень, въ «Хвалынское,» гдѣ живетъ Страфиль, гдѣ гуляютъ гости-корабельщики, даже Московскіе; море освятилось тѣмъ, что изъ него выходитъ «соборная церковь;» гости-корабельщики успокоены богатою добычею «снадобья,» которое развозятъ они «по всему свѣту бѣлому;» извѣстный у древнихъ и загадочный «пупъ морской,» помянутый выше по

имѣньица - богачества и растетъ у насъ малое дѣтище (такъ же, № 63)!» Все однакоже согласно въ томъ, что послѣдняя отчаянная игра изъ за страсти къ добычѣ рѣшила наконецъ Садку вернуться окончательно въ лоно своей земщины и здѣсь искать успокоенія. Но такое окончательное водвореніе Садки среди города и семьи послужило предметомъ еще особой, и единственной, Новгородской былины, помѣщенной у насъ подъ № 3-мъ: здѣсь въ основѣ лежитъ собственно то же, что упомянули мы въ началѣ Садковой исторіи,—обогащеніе черезъ рыбу, обратившуюся въ деньги, то есть черезъ тѣ же торговые обороты по рѣкамъ и морямъ, но положительнѣе разсказаны успѣхи Садки среди прочихъ его горожанъ, окончательнѣе побѣда надъ ними всѣми, подробнѣе построеніе церквей, а источники обогащенія—воды получили иной образъ, не Моря и Морскаго Царя, а Волги и Ильменя. Ѣздивши по Волгѣ до самаго устья въ теченіе 12 лѣтъ и заслуживши на ней имя Волжскаго Сура, Садко захотѣлъ побывать въ Новгородѣ и сталъ прощаться съ Волгою тою же благодарственной жертвой, какую мы видѣли выше на морѣ,—опустилъ въ воду хлѣба съ солью. Волга передала ему какъ свое благословеніе, такъ и поклонъ черезъ него брату, славному озеру Ильменю, то есть свое покровительство и благоволеніе къ Садкѣ передала теперь Ильменю, по мѣсту новаго жительства, куда переходилъ торговецъ съ Волги. Садко по указанію ея подъѣхалъ по Волхову въ Новгородъ и сталъ подъ башнею проѣзжею (помѣщавшеюся на Волховскому мосту, ибо такъ, съ проѣзжими башнями на концахъ, изстари строились у насъ мосты; или при въѣздѣ изъ Волхова въ Ильмень?): здѣсь справилъ поклонъ и челобитье; по рѣкамъ ходитъ слава до моря, тѣмъ паче должно было дойти челобитье по Волхову къ Ильменю. Отъ Ильменя въ отвѣтъ явился удалой добрей молодецъ, вѣроятно Волховъ: онъ началъ разговоръ отъ имени Ильменя и, узнавши о близкомъ знакомствѣ Садки съ сестрою Волгою, тотчасъ же поспѣшилъ выразить Гостю благоволеніе новаго патрона, научилъ закидывать невода въ Ильмень, въ неводахъ оказалась разная рыба, а на четвертый день въ подвалахъ вмѣсто рыбы—дробныя (мелкія) деньги, червонцы и монеты. Мѣсто моря въ покровительствѣ Богатому Гостю занялъ теперь Ильмень, тотъ же, что и съ перваго начала поставилъ Садку на ноги въ его родинѣ Новгородѣ. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ образцахъ Голубиной Книги, исхо—

дившихъ вѣроятно изъ Новгородской области, мѣсто Окіяна-моря, со всѣми его помянутыми особенностями, занимаетъ Ильмень: «Ильмень озеро озерамъ мати, озерамъ отецъ,» и, хотя тутъ же прибавлено, что «не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ-градомъ, да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды, не тотъ Ильмень, который во Царѣградѣ, а тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли, стоитъ близь Ерусалима,» но изъ этого уже видно, что слава Ильменя и имя его простерлись въ древнемъ воображеніи на всѣ воды міра. Любимецъ Алатырь-моря, Балтійскаго, любимецъ Хвалынскаго и рѣки Волги, сдѣлался теперь, по возвратѣ на родину, снова любимцемъ Ильменя, ведя съ нимъ сношенія черезъ удалаго молодца—черезъ Волховъ. Садко сходилъ къ Ильменю поблагодарить за подарокъ и попросилъ еще «поучить жить во Новѣ-градѣ.» Совѣтъ Ильменя былъ практическій, пригодный во всѣ вѣка торговцамъ: повести дружбу съ людьми таможенными, нынѣшними чиновниками и полиціей, а для посадскихъ людей, согражданъ, дѣлать угощенія. Входя мало по малу во всѣ связи съ городомъ, Садко вступилъ членомъ и въ братчину, Никольщину, въ праздникъ и при церкви Николы Можайскаго. На братчинскомъ пиру онъ захвастался, тѣмъ же, чѣмъ и въ началѣ своего обогащенія,—повыкупить всѣ товары въ Новгородѣ: но тогда онъ не выигралъ заклада и долженъ былъ признать превосходство своей метрополіи; теперь же, обогащенный долгою торговлей по рѣкамъ и морямъ, онъ дѣйствительно поскупилъ всѣ товары, до того, что остались въ рядахъ одни черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые. И ихъ поскупилъ все-таки Садко: «пригодятся—ребятамъ черепками играть, поминать Садку, Гостя Богатаго!» Прежнія слова свои о богатствѣ Новгорода, приведенныя нами выше, теперь, какъ побѣдитель, Садко оборотилъ уже въ совершенную насмѣшку: «что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшки!» Однако и здѣсь сила роднаго города и христіанства окончательно побѣдила самого побѣдителя,—заключеніе, всюду замѣтное въ нашемъ былевомъ творчествѣ, въ силу того, что оно развилось въ эпоху уже Христіанскую: богатство свое положилъ Садко на городъ, на церковь, народу православному; онъ построилъ дивныя три церкви—Стефана Архидьякона, Софіи Премудрыя, связанной въ лѣтописяхъ съ именемъ Садки, и Николы Можайскаго, церковь, помянутую выше

какъ готовую, но въ заключеніи и лучшемъ видѣ приписанную все-таки Садкѣ.—Заключимъ тѣмъ, что нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ былинахъ о Садкѣ, типъ торговаго Новгорода, не только сложившагося и историческаго, но въ связи и съ древнѣйшими, даже доисторическими преданіями, общими всей Руси и Славянамъ. Отъ того эти былины имѣютъ цвѣтъ преимущественно мѣстный Новгородскій, и отъ того же, ни въ былинахъ Кіевскихъ, ни въ Княжескихъ, ни въ Московскихъ не извѣстенъ и не помянутъ Садко, ни съ однимъ изъ его частныхъ, личныхъ обстоятельствъ, ни въ самихъ былинахъ о немъ не вставлено подробностей и чертъ, какія принадлежали бы извѣстному, исторически сложившемуся творчеству Кіева, Княжескихъ удѣловъ, Москвы. Связь съ сими послѣдними только доисторическая—относительно содержанія, только въ языкѣ и складѣ творчества. Равнымъ образомъ, и по тому же, былины о Садкѣ неизвѣстны въ Средней полосѣ Руси, а только на Сѣверѣ, въ Сибири, Архангельской округѣ и Олонецкой, куда шли Новгородскіе выходцы, выходцы изъ метрополіи уже сложившейся и обособившейся.

Въ связи съ Былинами о Садкѣ мы должны разсмотрѣть Былевую Пѣсню о *Терентьищѣ*: мы не можемъ назвать ее въ строгомъ смыслѣ Былиною, ибо складъ ея болѣе краткій и женскій, то, что въ народѣ называется *Стариною*. Но, съ этой стороны приближаясь къ пѣснямъ Былевымъ Безъименнымъ, она богаче еще ихъ собственными именами и подробными мѣстными чертами, весьма ярко рисующими Новгородъ, а потому старше и можетъ быть сопоставлена съ новгородскими Былинами о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ. Форма имени героя, не Терентій, а *Терентьище* — по свойству нашего языка принадлежитъ всему или грозному, страшному, или старому, неловкому, неуклюжему, и, съ этой послѣдней точки зрѣнія, идетъ къ старому обманутому мужу. Онъ также *Богатый Гость*, какъ и Садко: но лицо его, какъ героя, а вмѣстѣ обстоятельства, послужившія содержаніемъ пѣсни, слишкомъ частны, мелки и семейны, чтобы возрасти въ полную, мужскаго склада Былину или сдѣлаться общимъ содержаніемъ для творчества Руси; потому опять это содержаніе неизвѣстно ни Кіевскому, ни прочему Русскому творчеству, исключая предѣловъ мѣстнаго Новго-

родскаго. Есть однако и здѣсь, если глубже всмотрѣться, черты болѣе древнія и общія остальному творчеству: дворъ Терентьища описанъ какъ дворъ Плѣнка или Ермы; самое лице его, старика и Богатаго Гостя, сродно съ сими послѣдними лицами; положеніе обманутаго чужимъ молодцомъ мужа напоминаетъ исторію Ермы и Чурилы. Но вся эта основа проткана совершенно новыми цвѣтами и узорами чисто-исключительной мѣстности Новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній. Нельзя не остановиться здѣсь на любопытной особенности: тогда какъ любовь играетъ такую важную роль въ Южномъ творчествѣ Кіева и потомъ въ разрозненныхъ частяхъ эпоса повсемѣстнаго—Княжескаго, тогда какъ она тамъ создаетъ для лицъ столько драматическихъ положеній, въ самомъ эпосѣ указывающихъ на зародышъ драмы, а вмѣстѣ вызываетъ столько различныхъ образовъ и красокъ, дышащихъ всею нѣжностью или всѣмъ пыломъ страсти, до тончайшихъ ея изгибовъ, вызываетъ столько яркихъ выраженій сладостнаго, ревниваго, мстительнаго чувства, создавшаго даже въ языкѣ множество себѣ свойственныхъ названій, словъ, оборотовъ,— вспомните хоть Былины объ одномъ Добрынѣ или въ Княжескихъ о Романѣ, Михайлѣ, Князѣ Волхонскомъ, — ничего этого нѣтъ даже и слѣда въ Былинахъ Новгорода, такъ точно какъ въ его лѣтописяхъ, столь отличныхъ во всемъ отъ Южныхъ, видимъ постоянно лишь практическаго, по преимуществу торговаго дѣятеля, которому, среди многихъ дѣлъ общественнаго устройства и преимущественно торговли, совсѣмъ не до положеній драматическихъ, не до яркихъ и длинныхъ разсказовъ и описаній, не до выраженій чувства, который—наконецъ—въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и разсказѣ объ нихъ до крайности лаконичснъ и кратокъ, не договоривая необходимаго— даже для смысла, останавливаясь часто на полусловѣ: на все это ему—*некогда*. Это единственный на Руси второобразъ типа Лаконскаго и Дорическаго. Тѣмъ паче некогда ему распространяться о любви: мы встрѣтили только нѣсколько нѣжныхъ словъ на устахъ жены Садковой, да и то на порогѣ семейнаго дома, при возвратѣ мужа на лоно строгой матроны. Такъ и дѣло Терентьища, въ подобномъ случаѣ вызвавшее у Кіевскаго творчества страстныя описанія увлеченій жены Ермы, таинственныхъ продѣлокъ и ночныхъ свиданій Чурилы, ярости ревниваго и мстительнаго мужа, — дѣло Терентьища въ Новгородскомъ творчествѣ передано какъ простая, хотя

18*

и поэтическая по своему, семейная сцена зажирѣвшей купеческой жены, готовой отъ старика отдаться первому встрѣчному молодцу, потомъ наглое вторженіе разгульныхъ скомороховъ въ укрощеніе заблудившейся жены, самое укрощеніе въ формѣ домашней Русской потасовки, наконецъ угощеніе непрошенаго гостя ременчатою дубиною. Во всемъ этомъ событіи движется уже никакъ не любовь, не страсть и не чувство, а вопросъ безпорядочной семейной жизни, переданной, для водворенія порядка, на рѣшеніе призванныхъ въ помочь горожанъ и на судъ Новгородскаго общественнаго мнѣнія. Сцены, готовыя повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой семьѣ Русскаго купечества: потребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую Былевую Пѣсню, такъ точно какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго. Но отнести это важное событіе къ эпохѣ исторической уже нельзя: слѣдъ эпохи, какъ въ Безымянныхъ пѣсняхъ, здѣсь потерянъ; лишь стройный складъ свидѣтельствуетъ о значительной древности, да по крайности, въ отличіе отъ пѣсень Безымянныхъ, сохранены имена лицъ и мѣстностей, мѣстный отцвѣтъ Новгородскій. Терентьище жилъ въ улицѣ *Юрьевской*, въ слободѣ—по его имени—*Терентьевской*. Когда жена, наскучивши старымъ мужемъ, захотѣла его выпроводить подъ предлогомъ нервнаго разстройства и послала за дохтурами, онъ за дверь, а любимый молодецъ въ дверь и на кровать. Бѣднага мужь хлопочетъ. По счастью его, у церкви *Воздвиженія*, у *мосту*, близь распутья, гдѣ въ древнемъ Русскомъ городѣ всегда можно было встрѣтить или Калѣкъ Перехожихъ, или удалыхъ Бойцовъ-борцовъ, или разгульныхъ Скомороховъ, попадаются старику сіи послѣдніе: вѣжливые, очестливые, пронырливые, пройдохи; пѣвцы и игроки, представители народныхъ драматическихъ сценъ съ масками; первые зачальники и надежные товарищи кому погулять, попить, попроказить; всюду — по пирамъ, свадьбамъ, по домашнимъ досугамъ отъ скуки прошеные и зватые гости; любившіе брать, но не любившіе и не имѣвшіе откуда давать деньги, потому на складчинахъ и братчинахъ гости всегдашніе, но не званые и не прошеные, ѣвшіе и пившіе сильно; готовые позабавить, но также точно и обокрасть, а за то часто битые, если же посильнѣе они или побольше ихъ, то также охотно и бившіе; въ семьѣ пріятные гости—пока играютъ, а то и

накладные, и обжорливые, и воровскіе; дешевые совѣтники—чтобъ разстроить, дорогіе помощники—чтобы устроить и поправить бѣду; къ частному и общественному быту относившіеся въ родѣ нынѣшнихъ Русскихъ благородныхъ артистовъ: однимъ словомъ, Веселые Молодцы—ихъ прозвище,—другая сторона медали, обратная той, гдѣ стояли «Угрюмые Старики,» Калѣки Перехожіе, мрачные и таинственные какъ сама слѣпота, такіе же бродучіе, такіе же творцы и пѣвцы, такіе же гости общества и семьи, но другаго сорта, на храмовыхъ праздникахъ до конца обѣдни и обѣда, до начала хороводовъ, на поминкахъ, кормахъ, и прочее, нами не разъ описанное. Скоморохи давно знали Терентьища, давно разѣвали рты на его угощенья и деньги, да старикъ былъ скряга, поживы отъ него не было, «доселѣва его было слыхомъ не слыхать и видомъ не видать;» только теперь объявился онъ, «бродитъ по чисту полю что корова заблудящая, что ворона залетящая,» да «и не самъ онъ зашелъ, не конь его завезъ, завела нужда.» Передаетъ онъ нужду: пришлось дорого заплатить за помочь, далъ Скоморохамъ сто рублей, да еще послѣ другое сто рублей «за правду великую.» Скоморохи были настоящіе помощники въ его дѣлѣ, тѣ дохтуры, которыхъ лучше нельзя было желать: они сей часъ смекнули, въ чемъ дѣло, какъ вывести на свѣтъ «правду великую» и тотчасъ приступили къ дѣлу. Накупили — на деньги Терентьища — нужныхъ вещей, мѣшокъ, вязъ, дубину, тогдашній галантерейный товаръ; обычно оборванцы, голь кабацкая, они теперь, какъ при началѣ своихъ представленій, нарядились, стали въ строй, готовы въ походъ: у однихъ гусельцы, другіе съ голосами на пѣсни, мѣхоноша съ мѣшкомъ. Въ мѣшкѣ должны бы быть инструменты, орудія—иногда воровскія, куски пироговъ — денное продовольствіе: но въ настоящемъ случаѣ туда посадили старика съ вязомъ и дубиною (мѣшки были у нихъ столь же просторны, какъ можно видѣть донынѣ у Калѣкъ Перехожихъ). Подходятъ къ Терентьеву двору. Жена, по естественной опасливости, нѣтъ, нѣтъ, да поглядывала въ окошко, не вернулся бы мужъ: идутъ Скоморохи. Она было не пускать, хозяина дома нѣтъ: но Веселые утѣшили вѣстью, что со кручины старикъ валяется у мосту безъ заднихъ ногъ. Тогда женѣ кстати повеселиться: зазвала, пошли игры и пѣнье, остальное достаточно краснорѣчиво передаетъ сама пѣсня. Наказана жена, наказанъ и Недугъ, прятавшійся подъ собо-

линымъ одѣяломъ. Мужъ, удовлетворенный, не отсѣкъ головы ни измѣнницѣ, ни гостю непрошеному, какъ Ерма въ Кіевскомъ творчествѣ: онъ прибавилъ лишь скоморохамъ за помощь, получилъ для дальнѣйшаго продолженія жену, да не могъ не радоваться съ точки купеческой, а вмѣстѣ и всей Новгородской, отпечатлѣвшейся въ словахъ былины,—убѣжавшій молодецъ оставилъ въ барышь дорогой кафтанъ и камзолъ, да денегъ пятьсотъ рублевъ.—Нельзя однакоже не замѣтить, что весь тонъ этой пѣсни шутливый и сатирическій: какъ въ Гомерическомъ эпосѣ, такъ и во всѣхъ развѣтвленіяхъ нашего, не исключая Кіевскаго, Княжескаго и Московскаго, всегда возлѣ былинъ серьезныхъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ серьезной точки зрѣнія, стоитъ хоть одна, иногда двѣ и три шутливыхъ; мы уже отчасти разъяснили происхожденіе такого явленія, говоря о былинѣ «Каково жить птицамъ (Рыбн., т. II).» Такова же въ Новгородѣ, при былинахъ о Садкѣ и Васильѣ, пѣсня о Терентьищѣ, и вотъ разгадка, почему творчество сдѣлало содержаніе ея, ничтожное само по себѣ, достойнымъ своимъ предметомъ, и вышло побѣдоносно: то, что было бы плохо въ былинѣ важной и крупной, то сдѣлалось поэтично, какъ скоро направлена сюда сатира, шутка и улыбка; элементъ комическій вывелъ предметъ изъ ничтожества на достойную степень творческаго созданія. Какъ не замѣтить, что тотъ же Новгородъ, который раздѣляетъ участь Терентьища и сочувствуетъ расправѣ скомороховъ, смотритъ сатирически и на обманутаго старика скрягу, и на неудачу прикинувшейся жены, и на похожденія молодаго парня черезъ окно подъ дубиной? А къ Веселымъ Молодцамъ — нечего и прибавлять, что—творчество относится весело.

Такой же, какъ Садко, любимый герой Новгорода, занявшій собою другой отдѣлъ былинъ Новгородскихъ,—*Василій Буслаевъ*. Но это совсѣмъ другой типъ, чѣмъ Садко, выразитель совсѣмъ инаго слоя Новгородской жизни, совсѣмъ другихъ ея воззрѣній. Это представитель уже не мирнаго занятія торговли, даже не древнихъ безпокойныхъ и отважныхъ подвиговъ съ торговой цѣлью, не торговой посадской и не торговой гостинной стороны, а Новгородской *Вольницы* или *Поволъницы*. Тамъ, гдѣ есть въ жизни достаточная доля свободы, въ семействѣ ли, или въ общинѣ, въ земщинѣ, даже въ государствѣ, тамъ молодежь, молодые подростки растутъ всегда на просторѣ, полные цвѣтущей—по древнему нашему языку—буйной жиз-

ни, полные всей роскошной силы и красоты юнаго бытія, съ ранней смѣлостью ума, съ неожиданнею отцами молодеческою отвагой, какъ горячая надежда на будущее, но, непремѣнно и рядомъ, — съ неудержимымъ разгуломъ, съ задоромъ и дерзостью, съ буйствомъ и насмѣшкою, какъ поводъ невольныхъ опасеній каждому за настоящее. Мужи возраста зрѣлаго, мужья семействъ, составляли въ Новгородѣ крѣпкую и тяжелую Земскую Дружину, защищавшую предѣлы роднаго края, ходившую въ серьезныя дѣла съ князьями, отправляли работы на прокормленье семействъ, вели торговлю внутри, а больше за предѣлами, каковъ — мы видѣли — былъ Садко, принимали участіе въ вѣчѣ и во всемъ общественномъ устройствѣ; старики, дѣды семей и главы родовъ, сторона по преимуществу охранительная, нужны были не столько энергическимъ дѣломъ, выходившимъ изъ предѣла ихъ силъ, сколько голосомъ, думою, вліяніемъ: но и тѣ, и другіе, не могли не тяготиться крайностями молодежи, ибо это была не свобода, не охрана, а Вольница; они считали необходимымъ и были вынуждаемы необходимостью умѣрять разгулъ ея незрѣлыхъ силъ, давать ей направленіе, по временамъ куда либо сбывать ее, пока она уходится и вернется на родину зрѣлымъ мужемъ. Такъ сбывали Вольницу — не въ Земскую Дружину, а въ тѣ летучіе отряды Новгорода, которые ежегодно, если не еженедѣльно, дѣлали вылазки къ опаснымъ сосѣдямъ и тревожили врага, которые хаживали въ легкія стычки съ князьями, которые не могли, говоритъ лѣтопись, драться на конѣ и въ сапогахъ, а спѣшивались, разувались и босые метались въ сѣчу. Эту же Вольницу подзадоривали торговцы, когда прознавши въ иномъ краю добычу и завязавши первыя знакомства, указывали ей на лакомый кусокъ, на предметъ захвата; ее торговцы водили за собой и съ собою. Новгородъ, по своему торговому характеру, никогда не былъ суровымъ завоевателемъ въ строгомъ смыслѣ: его пріобрѣтенія въ далекихъ краяхъ добывались Вольницею, и она-то, за торговцами, проникала на послѣднія точки Сѣвера, на устья Волги и въ море Хвалынское. Съ этой стороны Вольница Новгородская сходна съ Богатырями, воспѣтыми въ Кіевскомъ творчествѣ: мы видѣли уже тамъ, какъ тяготилась Земщина проказами Богатырей въ своемъ нѣдрѣ, въ селѣ и городѣ, какъ сбывала ихъ на окраины и заставы, и какъ длились тамъ ихъ ежеминутные богатырскіе подвиги безконечнымъ рядомъ. Потому-то имя Василья Буслаева, представителя

Вольницы,—не такъ какъ имя Садки, — перешло даже въ Кіевское творчество, въ Богатырскія Былины, разумѣется не на первыхъ порахъ ихъ склада, а позднѣе, чередовалось тамъ съ именами нѣкоторыхъ Кіевскихъ Богатырей, на примѣръ занимало мѣсто Ивана Годиновича (Рыбник. т. II), а отчество *Буслаевича* является при Вольгѣ вмѣсто «Святославича,» вѣроятно по сходству имени «Вольга» съ Волхомъ и Волховомъ Новгородскимъ (Рыбник. I, № 1); когда же изъ Богатырскихъ пѣсень выродились Безымянныя, имя Василья перенесено на героевъ въ сихъ послѣднихъ (ср. тамъ же, въ былинѣ, выродившейся изъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ), наконецъ помѣстилось даже въ ряду витязей, когда, по разсказу былины, они переводились на Руси (у насъ вып. 4; впрочемъ упоминаніе здѣсь Василья Буслаева, по самому происхожденію нѣсколько подправленной былины, намъ подозрительно). И на оборотъ, изъ Кіевскихъ былинъ въ былины о Васильѣ перешли нѣкоторыя лица, составлявшія обстановку Богатырей, извѣстные намъ *Мужики Залѣшена* и *Семь братовъ Збродовичи* (у насъ № 3). Потому же былины и сказки о Васильѣ Буслаевѣ, подобно Кіевскимъ, болѣе распространены на Руси, чѣмъ, на примѣръ, о Садкѣ. Но этимъ лишь и ограничивается сходство между Кіевскими Богатырями и Новгородскою Вольницей: гораздо больше есть различій. Первые составляли настоящую и зрѣлую Земскую Дружину, были только отборными ея перлами и типами, удостоенными былеваго творчества: такъ требовали обстоятельства Южной Руси, слагавшейся за всю Русь среди безпрестанныхъ отвсюду враговъ, между самыми разнородными сосѣдями, между разнообразнѣйшими, облежавшими племенными вѣтвями, которыя предстояло объединить и сплотить, иногда обсоюзить, иногда обложить данью и даже покорить. Земская Дружина Новгорода, не поставленная самою мѣстностью въ такое положеніе, не доросла до Богатырства, не дала изъ себя Богатырей: завѣтныя стремленія ея членовъ, послѣ всякой вынужденной войны и стычки, простирались лишь къ торговлѣ и къ охранѣ своей великой торговой общины; богатыри ея были лишь богатыри отважной Торговли. Отъ того на Кіевскихъ Богатыряхъ лежитъ печать характера всеобщности, на Земской Дружинѣ Новгородской и на Вольницѣ— характеръ лишь частности. Тамъ стояли за всю Русь, сложившуюся въ прошедшемъ, наличную и будущую, готовившуюся: здѣсь за мѣстность, за свои интересы, за Новгородъ. Тамъ Богатыри не подрост-

ки, а преимущественно зрѣлые мужи, даже старики, какъ Илья: здѣсь старики внѣ всякой Дружины, внѣ отважныхъ предпріятій, домосѣды сравнительно съ мужами зрѣлыми и болѣе молодою Вольницей; здѣсь Земскіе Дружинники, зрѣлые мужи,—не Богатыри, а по нуждѣ Дружинники Ратные, по охотѣ и любви Торговые; здѣсь Вольница, подрастая, дорастала не до Богатырства, а до тѣхъ же Земскихъ Дружинниковъ Новгородскихъ, до людей рабочихъ, людей вѣча, семьянъ и стариковъ. Богатыри Южные дѣйствовали самостоятельно, силами Земщины, но вокругъ Князя; Южная Русь зародила въ себѣ Русь дальнѣйшую и въ нее перешла нажитымъ наслѣдствомъ: Дружинники Новгорода дѣйствовали въ Новгородѣ и вокругъ Новгорода, порою съ своими перемѣнными Князьями, но совсѣмъ не для идеи, руководившей сими послѣдними, передававшейся искрою отъ Кіевскихъ Князей ко всѣмъ Князьямъ Русскимъ и перешедшей даже къ Князьямъ Московскимъ; тѣмъ паче летучая Новгородская Вольница, хотя и сдѣлала что для всей Руси, но не прямо, а лишь косвенно, черезъ посредство своего Новгорода, куда перешли ближайшіе плоды ея похожденій. Тѣмъ менѣе могла она создать что либо прочное, исторически передавшееся позднѣйшимъ вѣкамъ; Новгородъ какъ жилъ своею жизнію *о себѣ*, особо, такъ и замеръ, и сгибъ въ этой особной жизни, цѣликомъ захваченный Москвою какъ добыча, но не передавшійся въ ея плоть и кровь, не переродившійся и послѣ захвата, а либо заморенный, либо самъ замершій въ постепенномъ разложеніи, въ ниспаденіи до простаго отличія мѣстнаго, географическаго и этнографическаго. Ни Владиміръ, ни Москва не захватывали древняго Кіева (говоримъ *древняго*): а между тѣмъ изъ него все нажитое перешло живѣйшимъ преданіемъ во Владиміръ и Москву, и въ родѣ Князей, и въ самой Землѣ, Міръ–народѣ. Здѣсь-то, можетъ быть, въ прочности и всеобщности началъ, лежавшихъ на одной сторонѣ, въ зыблемости и узкости на другой, лежитъ разгадка паденію, и снова зародышу, и возстанію, и даже возможнымъ и будущимъ судьбамъ Кіева, сочнаго корня, зрѣлаго и питательнаго плода Русской жизни, здѣсь же конечному паденію и невозможному возстанію древняго Новгорода, красиваго отростка, *буйнаго* цвѣта Руси, буйнаго въ помянутомъ выше смыслѣ, какъ говорятъ доселѣ многіе Славяне, полнаго бытіемъ, но скоропреходящаго и на всегда поблекшаго. Въ Кіевѣ не было Вольницы, въ родѣ Новгородской, молодежь зрѣла до Богатыр-

лавы Князьями изъ ихней дружины, а Земскими. Буслай занималъ въ городѣ видное мѣсто, быть можетъ посадничество, ибо Былины даютъ замѣтить, что онъ «съ Новымъ-городомъ не споривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился.» Жилъ онъ бездѣтнымъ, обыкновенно разсказывается, до 90 лѣтъ, пока зубовъ во ртѣ нѣтъ: Василій, какъ говорятъ въ народѣ, былъ сыномъ «молёнымъ и божёнымъ.» Скоро, со смертію отца, остался онъ наслѣдникомъ почетнаго въ городѣ имени и большаго богатства: воспитательницею была мать. Садко не былъ «въ грамотѣ поученый человѣкъ» и вѣроятно на жеребьяхъ писалъ какъ пишутъ нынѣшніе Русскіе торговцы — каракульками, а въ завѣщаніи, хотя и принесли ему богатую «чернилицу вальяжную (Рыбн. I, стр. 377),» вѣроятно приложилъ руку въ собственномъ смыслѣ, то есть обмакнувши ее, или выставилъ чернилами крестъ; да высшая образованность торговому Русскому человѣку и не полагается нужною: но, какъ Богатыри Кіевскіе, представитель Вольницы обученъ всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Семи лѣтъ выученъ онъ матерью грамотѣ и перомъ писать: то и другое ему въ наукъ пошло. А какъ стали его учить пѣтью церковному, то это до такой степени пошло ему въ наукъ, что Былина прибавляетъ: «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Буслаева,»—знакъ, что Былина, въ ея уцѣлѣвшемъ видѣ, сложена и пѣлась въ Новгородѣ (да и гдѣ же иначе?). Настоящее его воспитаніе было впрочемъ такое: на улицѣ, среди ребятишекъ, въ дѣтскихъ играхъ, а ребяты въ вольномъ Новгородѣ были конечно не только какъ всѣ уличные мальчишки, а даже какъ Лондонскіе. Прибавьте сюда надежду на имя и богатство, да несомнѣнное баловство матери къ единственному и позднему сыну. Василій сталъ шутить шутки недобрыя, тѣ, которыя разсказываются впрочемъ и объ другихъ героахъ нашего эпоса, какъ признакъ ранней ихъ силы: особенность Василья была въ томъ, что онъ шутилъ такъ, рвалъ руки, ноги и головы, не только на знаменитой Новгородской улицѣ *Рогатицѣ*, рано извѣстной по лѣтописямъ и перешедшей даже въ другія Былины (собственно это была всякая древняя наша улица, огороженная, вмѣсто тумбъ и троттуаровъ, рогатками), но и на всѣхъ улочкахъ, да сталъ загуливать и *на княженецкій дворъ*, сталъ пошучивать свои шутки съ дѣтьми *боярскими* и *княженецкими*

(Рыбник. т. I). Еще хуже: въ противность скромному Садкѣ, Василій «поводился со пьяницы, съ безумницы, съ Веселыми удалыми-добрыми молодцы,» знакомыми намъ Скоморохами; въ раннихъ лѣтахъ онъ «до пьяна ужь сталъ напиватися (у насъ № 3).» Вотъ важнѣйшій толчекъ происхожденію Вольницы, необходимо возникавшей въ общественномъ складѣ такого города. Поднялись ропотъ, говоръ, недовольство, дошли они до матери. Былины передаютъ это различно: по однимъ, мужики (т. е. мужи, люди) Новгородскіе только пригрозили Васькѣ—«тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова,» помочиться въ Волховѣ, побывать въ немъ съ мосту по мірскому приговору! По другимъ стали доходить жалобы и просьбы къ матери, притомъ съ угрозами: «унимай-ка своего чада милаго, а ты не уймешь, такъ мы уймемъ!» Еще, будто съ такою жалобой приходили *отъ князей Новгородскіихъ* (Рыбник. т. I); наконецъ, являлись жаловаться прямо и лично люди «посадскіе, богатые.» Частію разсерженный, частію и напуганный угрозами, Василій къ матери; мать отъ баловства перешла къ журьбѣ-брани, конечно жалѣя сына; сыну избалованному, «журьба Васькѣ не взлюбилася.» Нѣкоторыя Былины прибавляютъ, что мать даже перестала пускать его гулять по Новгороду (Рыбник. т. I): еще хуже. Двѣ стороны уже крѣпко расходились въ розь: но мать еще пособила дальнѣйшему. Слезливая старуха ревѣла надъ сынкомъ и, пугаясь за участь его въ предстоящей непремѣнно борьбѣ съ горожанами, начала причитать: отецъ твой «не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ дружину хоробрую,»—пословица, не имѣй въ карманѣ сто рублей, а имѣй сто друзей; «а у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя, не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися (Рыбник. т. II)!» «Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прибирай-ка собѣ дружину хоробрую, чтобъ никто ти (те, тебя) въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ (т. I)!» Садко предпочелъ бы въ этомъ случаѣ сто рублей: но Василью ложились слова въ сердце глубоко и попадали въ желанную имъ самимъ цѣль. «За эти рѣчи, говоритъ былина, Василій принимается (т. II).» Онъ и самъ подумывалъ, какъ огородить себя и отъ досадныхъ жалобъ съ угрозами, и отъ докучной журьбы матери. Слѣдуетъ второй, и главный шагъ въ образованіи Новгородской Вольницы, второй періодъ въ воспитаніи Буслаева. Обучаться принялся онъ теперь самъ: «семнадцати лѣтъ обучился Василій на-

укъ воинскіихъ (даже, прибавляетъ былина, «рыцарскіихъ»), ощутилъ въ себѣ силушку великую, и дѣлалъ себѣ сбрую ратнюю, палицу воинскую и копье мурзамецкое, тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую (Рыбник. т. I);» любимымъ однако оружіемъ Василья съ тѣхъ поръ былъ* и остался «червленый» или «стеклянный вязъ,» порою ось телѣжная, — черты эпохи древней. Тутъ пора бы Василья сбыть въ походы съ прочею Вольницею: да онъ, вѣроятно, и хаживалъ, но мать не могла на долго разставаться, ворочался; притомъ одна толпа Вольницы изъ Новгорода убывала, другая оставалась или прибывала. Это и дало возможность творчеству брать типъ ея какъ постоянный элементъ Новгорода, держать здѣсь Василья для дальнѣйшей борьбы и описывать постепенный разгаръ ея съ окружавшими враждебными элементами городской общественной жизни. При такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ городѣ, какъ Новгородъ, полный безпрестанно смѣнявшимися гостями и пришельцами, полный удалой молодежи, конечно всегда было много голи кабацкой и праздношатающихся удальцевъ, искавшихъ понагрѣть руки около богатствъ или потѣшить руки борьбою: самое устройство общины, разлагавшее и сталкивавшее партіи, требовавшее для партій крѣпкихъ рукъ и бойцовъ, тому способствовало. Къ такимъ-то молодцамъ обратился Василій, набирая себѣ дружину, по свидѣтельству былинъ разсылая письма съ приглашеніями или—по нашему—прибивая уличныя афиши, съ зазывомъ пить и ѣсть готовое, носить дорогое платье, разгуливаться: афишъ и писемъ даже было не нужно, дружина Вольницы сама собою скоплялась вокругъ надежныхъ предводителей; а чего было надежнѣеименитаго и богатаго баловня? Собираются, по былинамъ, на дворъ къ Василью. Одна былина (Рыбник. т. II) такъ очерчиваетъ толпу въ общихъ чертахъ: «тати, воры, разбойники, плутъ, мошенникъ.» Впрочемъ нѣкоторые, судя по описанію, были и порядочные. Набиралось чернымъ-черно, какъ черна ворона: отобралось лучшихъ 29, самъ Васька сталъ тридцатымъ. Вотъ главныя лица по былинамъ: первый и главнѣйшій *Костя Новоторжанинъ*, изъ Торжка, Новгородской области, по одной былинѣ съ отчествомъ—*Костя Никитинъ* (не ошибка ли вмѣсто Новоторжанинъ? У насъ № 4); *Потанюшка* (Потапъ), *Потаня*, съ прозвищами и описаніями — *Малый-упалый, Маленькой, Хроменькій* или *Хромненькій*, на праву ножку припадываетъ, на лѣву прихрамываетъ, изъ подъ ручки

посматриваетъ,—видно, одно слово, пройдоха; *Васинька Маленькой; Ѳома или Ѳомушка, Хомушка, Горбатенькій, Толстъ-благо-уродливый* (уродился во благо, въ добро ему шло, кругленькій, гладенькій, брюшковатый),—толстый да горбатый, приземистый, ражій; *Котельная Пригарина*, прозженый, то же, что «Дѣтина Поваренный,» «Тараканшка» и т. п., съ давнихъ поръ типъ всякого ловкаго помощника, услужливаго чернорабочаго; *Иванище Сильное*, Калѣка Перехожій, извѣстный и въ Кіевскомъ творчествѣ: ему бы собственно здѣсь не слѣдъ и быть, да онъ попалъ потому, что Калѣки встрѣчались тогда на каждомъ шагу; знакомые намъ оттуда же *Мужики Залѣшена* и *Семь братовъ Збродовичи*; *Лука и Моисей, Дѣти Боярскіе,* заставляющіе подозрѣвать сходство съ Лукою и Петромъ, «Королевичами изъ Крякова (Кракова; Рыбник. т. I).» Подобныя же лица встрѣтимъ мы и послѣ, въ числѣ бойцовъ на Москвѣ. Своеобразно пробовалъ или испытывалъ пришедшихъ Васька,—вязомъ по головѣ, кто не ворохнется, у кого кудри не тряхнутся и т. п.: кто оказывался годенъ, называлъ братомъ названымъ, угощалъ; мужиковъ Залѣшанъ, страшныхъ и въ Кіевскомъ творчествѣ, до того самъ перепугался, что не посмѣлъ даже къ нимъ и показаться на первое знакомство. Одна стѣнка была такимъ образомъ готова; поводы къ столкновенію также на чеку: познакомимся и съ другою стѣнкою, представителями города, ставшими во враждебное отношеніе къ молодежи. Нельзя не замѣтить, что у Садки, практическаго человѣка, вовсе нѣтъ враговъ: страшилище Морской Царь все-таки ему благодѣтельствуетъ; Царица на его сторонѣ; Чернавка выводитъ его на Русь; купцы и «настоятели» Новгорода, временно поспоривши, подъ конецъ все-таки помогаютъ обогатиться; башлыки, люди таможенные—то же; еслибы въ то время существовалъ полицеймейстеръ Новгорода, и онъ явился бы «отцемъ и благодѣтелемъ» Садки; нечего уже говорить о Волгѣ, Ильменѣ и т. п.: напротивъ у Василья все, даже родные—какъ крестовый батюшка—все задѣто и лѣзетъ противъ него на стѣну. Стѣна же эта вотъ какая. Во первыхъ, упоминается въ былинахъ оскорбленный Васильемъ «*Княженецкій* дворъ» и «*Князь* Новгородскій,» какъ глава, распорядитель, судья, наказующій и милующій (см. ниже): но это не тотъ Князь, какіе бывали въ Новгородѣ выпрошенные, назначенные или выбранные изъ извѣстнаго рода Варяжскаго. Ближайшее

изученіе Русской исторіи въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ племенъ, особенно Южныхъ, не оставляетъ сомнѣнія, что и прежде сихъ Князей, и при нихъ, кромѣ ихъ, были Князья изъ своего рода, съ достоинствомъ и правами своими, такъ точно, какъ искони было у Славянъ именованіе *Князя*, такъ точно, какъ Князья были всегда и остались доселѣ у Славянъ Южныхъ, не призывавшихъ никого изъ Варяговъ, доселѣ въ достоинствѣ старшинъ и судей надъ общинами, такъ точно, наконецъ, какъ имя и достоинство Князя, хотя въ иномъ смыслѣ, искони придавалось жениху на свадьбахъ. Подобнымъ образомъ и *Бояре*, кромѣ возникшихъ изъ дружины Княжеской, Варяжской, на Руси, были искони и здѣсь, и у всѣхъ Славянъ свои собственные; такъ что на оборотъ изъ дружины Княжеской дѣлались Бояре по образцу Земскихъ и, кромѣ Варяговъ, съ самаго начала въ дружинѣ Княжеской, въ Земской и прямо въ Земщинѣ были Бояре Русскіе-Славянскіе. И дѣйствительно, по былинамъ Новгорода, упоминаются въ немъ, и въ одно время, «*три Князя* Новгородскихъ (Рыбник. т. I),» потомъ «*два Князя*» и просто «*Князья* Новгородскіе,» объясняемые тутъ же—«*Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Ѳома Родіоновичь* (тамъ же).» Тѣ же два лица — одинъ сходенъ и именемъ — видѣли мы въ былинахъ о Садкѣ подъ именемъ «Новгородскихъ *Настоятелей*.» Въ другой былинѣ и въ томъ же совершенно положеніи, какъ лица предыдущія, упоминается «*Городничій Ѳома Родіоновичь*,» очевидно то же лицо, что выше названъ Княземъ и Старшиною. Тѣ же *Никола Зиновьевичь* и *Ѳома Родіоновичь* выводятся въ другихъ двухъ былинахъ (у насъ № 1 и 2) просто какъ «мужики,» т. е. «мужи Новгородскіе;» тамъ, гдѣ въ однихъ былинахъ описывается пиръ у «Князя,» въ другихъ одно лишь имя «у *Викулы Окулова* (*Викулы*—вѣроятно изъ *Микулы*, Николая Зиновьевича; Рыбник. т. II).» Очевидно, что все это простые, обычные мужи Новгородскіе, но облеченные въ достоинство *Князя*, а Князей этихъ могло быть нѣсколько въ одно время и достоинство ихъ, по роду службы, дѣлилось на *Судью* въ строгомъ смыслѣ (см. ниже), *Городничаго* или *Старшину* (городскаго), *Воеводу*. Какъ они выходили изъ Земщины и къ ней относились, и въ нее возвращались послѣ службы, и какой срокъ былъ ихъ службѣ, и какъ рядомъ службъ и служебныхъ лицъ въ роду образовались Служилые люди, какъ относились къ помянутымъ званіямъ По—

садникъ и Тысяцкій, подъ какими изъ упомянутыхъ именъ скрывались и когда собственно организовались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ по лѣтописямъ, здѣсь входить въ подробности не мѣсто. Не лишне однако прибавить, что показанія былеваго творчества, обыкновенно хранимаго какъ святыня въ памяти и устахъ народа, очень важны въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя здѣсь объяснить никакъ ослышкою или искаженіемъ. Равнымъ образомъ, какъ въ именахъ при Садкѣ, *Ѳома Назарьевъ* и *Лука Зиновьевъ*, такъ и въ помянутыхъ при Буслаевѣ нельзя конечно видѣть лицъ непремѣнно историческихъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ не находимъ по лѣтописямъ, но нельзя однакоже вовсе оставить безъ вниманія, съ какимъ постоянствомъ въ былинахъ народъ держится именъ *Ѳомы Родіоновича* и *Николы* (онъ же, вѣроятно, при Садкѣ, жившемъ въ ту же эпоху, *Лука*) *Зиновьевича*. Скрытое отъ исторіи по лѣтописямъ возстаетъ нерѣдко въ поэтическомъ творчествѣ: и на оборотъ, дѣянія Садки и Буслаева приходились во времена Князей, княжившихъ въ Новгородѣ «изъ рода Варяжска,» съ Посадниками и Тысяцкими, а творчество, мы видѣли, представляетъ устройство правительства въ своемъ видѣ, то есть типическомъ, можетъ быть старшемъ, даже болѣе самобытномъ и народномъ, чѣмъ устройство, введенное при Князьяхъ и Князьями съ чужи, съ далека или изъ инаго рода. Какъ бы то ни было, но только Василій Буслаевъ съ окружившей его Вольницей, видимъ мы, поставилъ противъ себя *все* тогдашнее правительство Новгорода. Въ иныхъ былинахъ оно все называется гуломъ «мужиками Новгородскими;» въ другихъ, гдѣ различаются лица правительства, исполнителями его въ борьбѣ съ Васильемъ именуются особо «*господа* (бояре),» «*мужики* Новгородскіе,» мужики «и все *купцы богатые*,» «мужики *посадскіе*,» наконецъ «городо-*Кемскіе*,» подоспѣвшіе къ дѣлу также, какъ Костя изъ Торжка при Буслаевѣ: то есть, это все были естественные враги Вольницы, мужи зрѣлаго возраста, стойкіе - посадскіе, дружинники земскіе, гости и проч., за исключеніемъ стариковъ, зрѣлый возрастъ противъ молодежи, горожане въ собственномъ смыслѣ, полноправные дѣятели противъ Вольницы. Былины, обрисовавшія не совсѣмъ красиво дружину Буслаевскую, не скупятся и на враговъ ея: они «на питье завидные (см. ниже ссору изъ за пира),» даже «воры (городо-Кемскіе),» а все творчество, въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, съ явнымъ со-

чувствіемъ становится на сторонѣ Буслаева; видно, онъ имѣлъ правду на своей сторонѣ и сторона охранительная понадоѣла народу, поопротивѣла въ глазахъ его. Предлоговъ къ рѣшенію натянутыхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ могло быть конечно, замѣчали мы, въ доволь. Нѣкоторыя былины всего проще зачинаютъ борьбу, безъ предлога; «говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:—Есть бы (еслибы) у меня была дружинушка хоробрая, тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыихъ, такъ ѣхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ;» когда же собралось ихъ столько, «тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали (Рыбник. т. 1).» Но другія наблюдаютъ постепенность и выставляютъ предлоги. Когда собранная Вольница пировала во дворѣ Буслаева, «какой зайдетъ, убьютъ его, убьютъ его — за ворота бросятъ.» Завидные на питье, послѣ афишъ и приглашеній Буслаева, мужики Новгородскіе собирались къ его чанамъ: но они не могли и поднять чары, только лишь «шатаются день до вечера;» это надоѣло Василью, выбѣжалъ онъ на дворъ и ну ихъ бить. По другимъ, мужики собрались къ Василью, такъ бы и быть, да расхвастались: «Мы теперь стали на твоемъ дворѣ, всю мы у тя ѣству выѣдимъ, и всѣ напиточки у тя выпьемъ, цвѣтно платьице повыносимъ, красно золото повытащимъ.» Разумѣется, «этыя рѣчи ему не слюбилися» и онъ зачалъ ихъ валять по двору. Наконецъ, разсказываютъ, что мужики собрались было честью: но Василій кормилъ-поилъ свою дружину, «а тыхъ мужиковъ Новгородскіихъ не кормилъ не поилъ да не чествовалъ, а посылалъ по въ-зашей да въ сутычь ихъ. Тутъ-то мужики Новогородскіе видятъ, что не хорошо то есть: «Осмѣемся (отсмѣемся) мы насмѣшку Васильюшкѣ, сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ, заведемъ (подадимъ видъ, будто) для Василья для Буслаевича, не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ того Васильюшку Буслаева!»» Каки бы то ни было, только со двора Васильева «пошли мужики — сами заплакали: «были у Васьки на честномъ пиру, не упили мы, не уѣли, а въ безвѣчье (увѣчье) залѣзли у Васьки на вѣки!»» Мужики Новгородскіе сдѣлали складчину, Братчину Никольщину (пиръ въ Николинъ день), по нѣкоторымъ у самого Новгородскаго Князя: Василья не пригласили, но онъ отправился незваный съ дружиною, не смотря на предостереженія матери и съ явнымъ желаніемъ добиться рѣшительной борьбы. Пиръ этотъ не могъ обойтись безъ конечной ссоры.

Одна Былина передаетъ, что ссора вспыхнула случайно: староста церковный, казначей Братчины, принялъ отъ Василья и дружины долю складчины, пиръ шелъ порядкомъ, но Вольница къ вечеру напилась въ кабакѣ; начались игры, кулачная борьба, дошло до драки. Василій бросился разнимать, а тутъ какой-то дуракъ его по уху оплелъ; Василій крикнулъ—«Уже Ваську меня бьютъ!» Подоспѣли его товарищи и вышло побоище. Въ другихъ былинахъ, послѣдовательнѣе, незваный гость не могъ ожидать радушія: явившись въ буйномъ видѣ, онъ съ товарищами влѣзъ насильно, попихалъ и разогналъ собравшихся. Впрочемъ, не смотря на эти схватки, схватки сравнительно съ послѣдующимъ боемъ, пиръ тѣмъ бы и кончился; но подъ конецъ его пьяная Вольница расхвасталась; Костя говоритъ: «Нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ остался и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати: ударить съ вами о великъ закладъ, о буйной головы,» именно что онъ напустится «на весь на Новгородъ, окромѣ трехъ монастырей (не трогая ихъ изъ уваженія)—*Спаса Преображенія, Матушки Пресвятой Богородицы*, да еще монастыря *Смоленскаго!*» Та и другая сторона взаимно перечила, а Василій говорилъ еще сильнѣе: «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичь, не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичь, не боюсь я всего Новгорода!» Это было уже близко къ вызову; мужики возражали: «Загадываешь загадку великую! Когда ты, Василій, удалъ е, пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій, на тою на рѣченьку на Волхову: ты со своима со *дружинамы* хоробрыма, а мы будемъ драться *всѣмъ народомъ.*» Василій не замедлилъ форменнымъ вызовомъ: «Гой еси вы, мужики Новгородскіе! Бьюсь съ вами о великъ закладъ: напущаюсь я на весь Новгородъ битися-дратися, со всею дружиною хороброю. Только (если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритеся, то вамъ платить мнѣ такову же дань.» Сдѣлали договоръ письменный за рукоприкладствомъ: «и ударился Васька о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, ударился Васька о своей буйной головѣ, за утрò (завтра, на другой день утромъ) биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ;» «и ударилъ о великъ закладъ со трема Князьямы Новгородскима, выходить на мостикъ на Волховскій и биться Василью съ Новымъ городомъ, побить всѣхъ мужи-

ковъ до единаго;» «ударили они о великъ закладъ, подписали подписи великія, что съ утра още ранымъ рано итти-то на рѣченьку на Волхову, на тотъ ли на мосточикъ на Волховскій *).» Вспомните, что такъ точно бился объ закладъ въ Кіевѣ, и раздѣлилъ его на партіи, Иванъ Гостиный Сынъ (вып. 3); что такъ точно съ Новгородцами бился объ закладъ Садко: но для Гостя-Купца единоборство состояло въ лучшемъ товарѣ (какъ у Гостинаго Сына), или (какъ у Садки) въ закупкѣ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ; здѣсь же шло дѣло объ единоборствѣ въ собственномъ смыслѣ, на животъ и на смерть. И какое неравенство стѣнокъ: съ одной стороны весь Новгородъ опричь женщинъ, дѣтей и стариковъ, опричь монастырей—духовенства, церковниковъ, зрѣлое, испытанное ядро населенія, бывавшее и состоявшее въ Дружинѣ Земской, ходившее въ походы съ Князьями, въ далекіе, чужіе и враждебные края съ купеческими товарами; съ другой Вольница хотя и рьяная, но неопытная, большею частію молодежь, и всего тридцать человѣкъ. Но при этомъ нужно однако вспомнить, что тридцать человѣкъ, по точному смыслу творчества, было лишь выборныхъ и отборныхъ, друзей Василья, его названыхъ братьевъ, душа въ душу, и это собственно была его *дружина;* Вольница же расла около дружины конечно сбродомъ и толпою, клубокъ росъ по мѣрѣ движенія. На первый же зовъ Василья пришла къ нему «силушка чернымъ черно:» было изъ чего выбирать, было чѣмъ и пополниться отборному. Приставали къ нему всѣ недовольные, и выходитъ, что кажущееся неравенство стѣнокъ на самомъ дѣлѣ было не такъ велико. Во всякомъ случаѣ, главное дѣ-

---

*) Во II-мъ томѣ у Рыбникова все дѣло перенесено въ Кіевъ, Василій дѣлаетъ закладъ побороть весь Кіевъ, каменну Москву, со всѣми и со малыми пригородками, а дерутся мужики городо-Кемскіе: происхожденіе сему было то, что былина начинается описаніемъ пира, „да идетъ-то Василій во почестный пиръ *ко князю*" — Новгородскому; но, какъ скоро сказано „ко князю," нетвердый пѣвецъ, по привычкѣ къ Кіевскимъ былинамъ, продолжилъ—„ко Владимеру," и пошла писать—„у ласкова у князя у Владимера" и т. д. Подобныхъ явныхъ искаженій (сравните въ одной Былинѣ Рыбник. т. II, мостъ *Обуховъ* вмѣсто *Волховскаго*) мы никакъ не должны относить къ помянутому общенію творчества Кіевскаго и Новгородскаго: общеніе тамъ, гдѣ безъ искаженія есть связь внутренняя, выраженная въ сознательномъ сближеніи лицъ, мѣстъ, именъ и т. п.

ло было въ томъ, на чьей сторонѣ правда и кто долженъ былъ побѣдить по сочувствію и воззрѣнію творчества: а все это было на сторонѣ Василья, а съ этой помощію въ Кіевскихъ Былинахъ и одинъ Богатырь побивалъ тысячи. Василій представлялъ собою юную, притѣсняемую силу, а эта сила, права или неправа, всегда скорѣе встрѣчаетъ въ творчествѣ сочувствіе; замѣтьте еще сторону, крайне всегда щекотливую для нашего народа: Василій шелъ противъ служилыхъ и богачей.—И такъ, «ударили о великъ закладъ, и записи написали, и руки приложили, и головы приклонили.» Какъ ни былъ однако же увѣренъ въ себѣ и друзьяхъ Васька, былины прибавляютъ, что когда онъ пошелъ съ пиру домой и хмѣль съ него свалилъ, пошелъ онъ не веселъ не радошенъ, повѣсилъ буйную голову, утупилъ очи ясныя. Къ матери дошла вѣсть о сдѣланномъ закладѣ, разсказала дружина, разсказалъ самъ Василій. Завалился ли онъ самъ съ тяжелой попойки и уснулъ мертвымъ сномъ въ прохладномъ глубокомъ погребѣ, какъ разсказываетъ одна былина (Рыбник. т. I, № 57); или мать съ намѣреніемъ еще напоила его «питьемъ забудущіимъ (т. II)» и уложила; или даже сама вывела съ пира и засадила (т. I),—только во всякомъ случаѣ, испуганная вѣстью о происшедшемъ и предстоящемъ, старуха плакала и не нашла сдѣлать ничего лучше, какъ запереть сына всѣми возможными запорами, спрятать все его оружіе, выпустить въ поле коня и т. д. То, чего не смогъ бы весь Новгородъ, сдѣлала мать своею властію: подъ крѣпкими запорами Василій лежалъ безоруженъ, спалъ безъ просыпу да и забывалъ объ дѣлѣ. Одна былина (у насъ № 3) называетъ за это мать «старухою неразмышленою:» но она знала, что дѣлала, сынъ ей былъ дороже всей гражданской и воинской чести. Поспѣшно она «налила (насыпала) чашу красна залота, другую чашу чиста серебра, третью чашу скатна жемчуга, и понесла въ даровья *Князю Новогородскому*, чтобы *простилъ* сына любимаго.» Здѣсь-то особенно выступаетъ *одинъ* Князь, и притомъ въ качествѣ Судьи, такъ что пѣвецъ къ одной былинѣ прибавлялъ, что Амелѳу Тимоѳеевну «позвали въ *Судъ* и крѣпко тамъ разобидѣли (Рыбник. т. I):» если гдѣ искать Рюриковича, то конечно вотъ гдѣ; тогда, съ этой точки зрѣнія, «Посадникъ» соотвѣтствуетъ помянутому «Князю-Старшинѣ» или «Городничему,» «Тысяцкій» — «Князю-Воеводѣ.» Конечно обида въ Судѣ состояла въ естественномъ рѣшеніи Судьи,—

«говоритъ Князь Новогородскій: «Тожно (въ такомъ случаѣ) прощу, когда голову срублю!»» Самое живописное лицо Новгородскаго творчества со стороны нравственнаго характера есть конечно мать Буслаева, и нигдѣ такъ вѣрно и послѣдовательно не выражается творчество Новгорода, какъ въ разсказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына (смотрите еще ниже). Пошла она домой, «закручинилась пошла, запечалилась, разсѣяла красно золото, и чисто серебро, и скатенъ жемчугъ по чисту полю, сама говорила таковы слова: —Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ, а дорога мнѣ буйная головушка своего сына любимаго, молода Васильюшка Буслаева!—» Одна осталась у ней надежда—на крѣпкіе запоры и на крѣпкій сонъ сына.—Между тѣмъ мужики Новгородскіе всю ночь готовились къ бою и готовили оружіе: къ чести обѣихъ сторонъ, вытекавшей впрочемъ изъ условій подобнаго боя, нужно замѣтить, что оружія остраго не употребляли, мужики приготовляли молоты и шалыги или шелепуги подорожныя, какія бывали у Калѣкъ Перехожихъ, страшно тяжелыя клюки или длинныя дубины, иногда налитыя свинцомъ, иногда всѣ свинцовыя; Вольница была вооружена также; самъ Василій, не смотря на то, что, какъ мы видѣли, обучился наукамъ воинскимъ и рыцарскимъ, имѣлъ и копье, и саблю, но дерется обыкновенно дубиною, именно вязомъ, по нуждѣ—какъ увидимъ—желѣзною осью телѣжною, при случаѣ—языкомъ отъ колокола. Нельзя одного похвалить у Вольницы и Дружины Буслаева: какъ всякая молодежь и самоувѣренность, какъ типъ Славянина вообще и Русскаго, увѣреннаго въ правотѣ дѣла, они, въ то время, какъ опытные враги готовились и эта черта выставлена ярко въ былинахъ, по молчанію былинъ—не принимали никакихъ особыхъ мѣръ, ринулись какъ попало и не догадались даже всѣ собраться, дождаться и вызвать своего предводителя. Бой, еще во время роковаго пира и заклада, назначенъ *на мосту Волховскомъ и у моста:* тамъ гдѣ предрекъ будущее плывущій богъ язычества, Перунъ, куда бросилъ свою палицу, куда биться палицами сходились потомъ Новгородцы въ своихъ воинскихъ играхъ, гдѣ преимущественно бились въ городскихъ распряхъ. Въ частности бой размѣренъ былъ въ условіяхъ такъ: куча Новгородцевъ, какъ застава, встрѣтитъ Василья съ дружиною первая *до мосту*, съ той стороны, откуда ему итти; другая *середи мосту*; третья *въ концѣ моста*; если хоть на одной Василья побьютъ,

потерялъ онъ свою заложенную голову; но если пробьетъ заставу третью, то онъ побѣдилъ. Вотъ эти условія по былинѣ: «Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ; хоть свалятъ Василья до мосту,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалятъ Василья у моста (та же куча, подвинувшись),—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалятъ Василья посередъ моста,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; а ужь какъ пройдетъ третью заставу, тожно (въ такомъ случаѣ) больше дѣлать нечего (рѣшена борьба, побѣдилъ).» Судьба Василья должна была рѣшиться тамъ же, гдѣ рѣшилась судьба Садки, гдѣ сему послѣднему (подъ мостомъ?) явился Волховъ и передалъ отъ Ильменя средства обогащенія. Рано утромъ, на другой день послѣ договора, сошлись двѣ стороны; мужики Новгородскіе, собравшись на мѣсто, кричатъ: «Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ, рушай-ка (рѣшай) завѣты великіе!» Но Василья не было. Впереди Вольницы выступилъ *Хомушка Горбатенькій*, на смѣну *Потанюшка Хроменькій*, потомъ *Костя Новоторжанинъ*; по другимъ впереди были *Котельная Пригарина* и *Потанюшка*. Они дѣлали все, что могли, били каждый сотнями: но они бились три часа, потомъ цѣлый день, потомъ другой день, третій день и третью ночь; въ каждый срокъ посматривали и поджидали они Буслаева: его нѣтъ какъ нѣтъ. У дружины головы проломаны, кушаками головы завязаны, платками руки перевязаны, не пили они, не ѣли, себѣ отдыху не давали, стоятъ они по колѣна въ крови, иные отъ мужиковъ уже кушаками исперевязаны и веревками запутаны. Раздается вопль ихъ: «Что ты, Васька Буслаевичь, измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!» А мужики съ своей стороны насмѣхаются: «Еще что же, братцы, Васька за луракъ такой? Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ, продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей! Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева, молотами у нихъ головы испроломаны, кушаками у нихъ головы испривязаны, а Васьки Буслаева въ явѣ нѣтъ: еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой!» Нѣкоторыя былины говорятъ, что Василій проснулся тотчасъ на плачевный вопль товарищей и дѣло приняло новый оборотъ, какъ послѣ Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Другія, что онъ заслышалъ въ погребу отъ мужиковъ говорю ихъ похульную, хульную и похвальную: а похвалы, хвастовства, извѣстно въ нашемъ народѣ,

не терпятъ высшія силы и дѣло ими переворачивается (τὸ θεῖον φθονερόν, какъ выражаетъ народное мнѣніе Геродотъ). Но большинство былинъ наблюдаетъ еще ступени послѣдовательности. На четвертый день битвы, рано по утру служанка матери Васильевой, *Дѣвка Чернавка* пошла на Волховъ по воду. Мы знаемъ уже это лицо изъ прежнихъ Замѣтокъ: вмѣстѣ съ Котельной Пригариной это единственное, что́ досталось изъ древнѣйшихъ доисторическихъ преданій и первобытнаго эпоса въ былины о Буслаевѣ. Она непремѣнно въ службѣ у старшей госпожи или матроны, какъ Ириса у Геры: у насъ потому иначе она именуется Поваренною, даже, въ переводѣ на языкъ общежитія, кухарка, хлѣбница и т. п. Она вѣстница, посредница двухъ сторонъ, какъ въ былинахъ о Саломанѣ, Садкѣ, Ермѣ и Чурилѣ, и т. д. Она помощница то одной, то другой сторонѣ, чаще—въ выводѣ—юному герою. Какъ древняя Ириса съ символомъ Радуги, она въ эпическомъ образѣ среди исторіи съ полукруглымъ коромысломъ черезъ плечо, расписаннымъ, изъ разнаго дерева: иногда, какъ въ разбираемыхъ былинахъ Новгородскихъ, коромысло ея металлическое—желѣзное, или кипарисовое, занесенное Русскими еще съ Юга. Древнее происхожденіе ея и былое значеніе выражается въ уцѣлѣвшей громадной ея силѣ. Къ ней-то обратились побитые товарищи Василья: «Не подай (не выдай) насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго!» Чернавка поставила ведра, коромысло въ рукахъ ея начало помахивать, прибила враговъ до пятисотъ. Но этого все-таки было мало. Чернавка бросилась домой, своей силою сорвала замки и запоры, разбудила грознымъ упрекомъ Василья, разсказала о случившемся, выпустила его изъ заперти. Очнувшійся выскочилъ на дворъ, все оружье было прибрано (послѣ уже упоминается въ рукахъ Василья любимый вязъ), схватилъ онъ желѣзную ось тележную и, какъ спалъ, въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ, въ одной рубашкѣ безъ пояса, бросился выручать товарищей. Когда появился онъ «по Волхъ-рѣкѣ, по той Волховой по улицѣ, завидѣли добрые молодцы, а его дружина хоробрая,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.» Подскочилъ Василій: «Вы теперь позавтракали, мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати! Идьте же, братцы, на отдыху, идьте же; братцы, не съ упадкою, а я за васъ поработаю! Садитесь вы, братцы, на лавочку: продалъ васъ не я, добрый молодецъ, продала васъ моя матушка родимая, измѣнилъ

вамъ не я, добрый молодецъ, измѣнила вамъ моя родна матушка! Теперь я съ ними побратаюсь.» Кто могъ еще драться изъ дружины, развязалъ онъ и пустилъ въ дѣло (Рыбник. т. II), а самъ впереди: на часу вся сила мужиковъ была выгублена. Но они помнили, что говорилъ Васька еще на пиру при похвальбѣ: не боюсь, говорилъ онъ, никого, ни всего Новгорода, «лишо боюсь я крестоваго батюшка, *Матераго Старчища Игнатьища*, да боюсь я крестоваго брателка, молода *Григорья Игнатьича*, — имъ отъ меня и честь, и почётъ; а что по чему пойдетъ, такъ и всѣхъ не боюсь!» Была правда, что Василій боялся ихъ, была правда, что и съ ними могъ въ крайнемъ случаѣ справиться. Мужикамъ приходилось схватиться за краюшекъ. «Мужиковъ Новгородскіихъ мало ставится, очень рѣдко и мало ихъ. Видятъ Князья (они въ сторонѣ ожидали конца, какъ старшины) бѣду неминучую, — прибьетъ мужиковъ Василій Буславьевичь, не оставитъ мужиковъ на сѣмена, — приходятъ Князья Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Ѳома Родіоновичь, ко его государынѣ ко матушкѣ, сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, честна вдова Мамелоа Тимоѳеевна! Уговори-уйми свое чадо милое, молода Василья Буслаевича, укротилъ бы свое сердце богатырское, оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена!— Говоритъ Мамелоа Тимоѳеевна: — Не смѣю я, Князья Новгородскіе, унять свое чадо милое, укротить его сердце богатырское: сдѣлала я вину ему великую, засадила его во погреба глубокіе (я уже сдѣлала одну вину прежде и дала вамъ потачку). Есть у моего чада милаго во томъ во монастырѣ во *Сергѣевомъ* крестовый его батюшка *Старчище Пилигримище:* имѣетъ силу нарочитую. Попросите, Князья Новогородскіе, не можетъ ли унять мое чадо милое?—И такъ Князья Новогородскіе пріѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву и просятъ Старчище Пилигримище, со великимъ просятъ съ униженіемъ: —Послужи ты намъ вѣрой-правдою, сходи ты на мостикъ на Волховскій ко своему ко сыну крестовому, уговори его сердце богатырское, чтобы онъ оставилъ побоище...» — Или прямо, не ходя къ матери и помня слова Василья на пиру, «мужики думу думали (со злобнымъ уже умысломъ):—Во томъ ли монастырѣ во *Кириловскомъ* есть *Старчище-Пилигринище:* пойдемте-ка, братцы, подкупимте, бываетъ—онъ побьетъ Ваську Буслаева!—Они ѣхали скорымъ скоро во тотъ ли во монастырь во Кириловскій:—Ай же ты, Старчище-

Пилигримище! Послужи-ка намъ вѣрой-правдою, на тебѣ красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга!—» Это новое лицо, крестный отецъ Василья, былъ еще въ роднѣ ему, ибо передъ походомъ на мостъ «идетъ онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки, говорить ей таково слово, что силушка мужиковъ городо-Кемскіихъ поразбита и чтобъ она пріуняла своего сына Васильюшка (Рыбник. т. II).» Наконецъ, онъ называется еще (Рыбник. т. I) *Старчище Елизарище*» и опять просто (у насъ № 3) *Старецъ Пилигримища*. Стадо быть, лицо это въ сущности не новое, а весьма старое и намъ уже хорошо знакомое; онъ въ разныхъ монастыряхъ, различны его имена, но типъ одинъ: это Калѣка Перехожій, со всѣми обычными своими свойствами, принадлежностями, дѣйствіями. Помянутыя составныя части этаго типа легко намъ уразумѣть: Старецъ, Старчище, Пилигримище—peregrinus, pielgrzym, т. е. Странникъ, Перехожій,—обычныя прозвища Калѣкъ; даже *дядей* Василью онъ сталъ изъ Польскихъ и Бѣлорусскихъ *Дзядовъ*, Югозападныхъ *Дидовъ-Дѣдовъ*,—имя Калѣкъ. Впрочемъ, онъ могъ быть и по типу дядей Василью, братомъ его матери, въ міру: подъ конецъ пошелъ душу спасать въ монастырь и жилъ тамъ, какъ жили обычно Калѣки Перехожіе при любимыхъ монастыряхъ. На эту прежнюю его исторію въ міру намекаетъ также имя *Игнатьище*, подъ другимъ именемъ *Данило Игнатьевичъ* или *Данилище*, герой, извѣстный намъ изъ Кіевскаго творчества, прежде сильный богатырь, потомъ ушедшій жить при монастырѣ и спасать тамъ душу, послѣ встрѣчавшійся съ Ильею на дорогѣ уже въ качествѣ Калѣки Перехожаго, также съ именемъ *дяди* (вып. 3 и 4). Сынъ его также извѣстный въ Кіевѣ *Иванъ* или *Михайло Даниловичъ:* вотъ откуда и въ Новгородѣ взялся сынъ *Григорій Игнатьевичъ*, крестовый братъ Василью; описанный такъ же, какъ отецъ его, и Калѣка, онъ только раздвоился изъ одного лица отцовскаго, мѣшаетъ единству сего послѣдняго и ничего не прибавляетъ къ творчеству, возникши не въ силу творческой необходимости, а случаемъ и по смѣшенію съ лицами Кіевскаго творчества. Послѣ онъ, до отца, дрался съ Васильемъ, но ничего ровно не пособилъ ни дѣлу, ни творчеству, а только замедлилъ ходъ его и раздвоилъ одно типическое лицо; выгода, лишняя черта отъ него была лишь развѣ та, что, побивши его, Василій получилъ шалыгу или вязъ, дравшись прежде осью те-

ложною. Былины, удивительно вѣрныя основному типу, ловко подмѣтили именно эту черту, ибо Василій, получивъ въ наслѣдство отъ убитаго шалыгу, говоритъ: «Нѣтъ (не было оружья) на друга на стараго, на того ли на брата крестоваго, — какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ (въ основѣ пословица: не было оружья на брата, пришелъ онъ — принесъ шалыгу, пригодилась на него)!» Съ той минуты «и пошелъ Василій по мосту съ шалыгою (Рыбник. т. I).» Потому и мы оставимъ безъ вниманія это вставочное, случайно возникшее лицо: смотримъ на одинъ типъ, на одного Калѣку Перехожаго. Имена его, мы видѣли, одинаковы у творчества Новгородскаго съ Кіевскимъ: такъ и должно быть, ибо эти типическія лица были тамъ и здѣсь общими и, Перехожія, не были исключительнымъ достояніемъ мѣстности; Новгороду принадлежитъ лишь одно имя, доселѣ не встрѣченное въ Кіевѣ, — старчище *Елизарище*.— И такъ, лицо старое, изношенное былыми подвигами, само въ обносках и отопкахъ, вышедшее на Русь изъ старины глубокой, хранившее всегда старину, Былину ли, Стихъ ли, Калѣка Перехожій принадлежалъ весь охранительному началу и теперь долженъ былъ взять его сторону противъ молодежи и вольницы. Кромѣ того, по одной былинѣ, Калѣка, увидавши поднесенныя ему, помянутыя богатства, польстился: «на то Старичище кидается, на то Старичище позывается,» извѣстная приманка Калѣкъ-попрошаекъ. Изъ монастыря, опричь коего клялся Костя и Буслаевъ, Старчище былъ для Новгородцевъ послѣднимъ резервомъ, запасомъ, выведенъ какъ крайній оплотъ, въ родѣ тѣхъ Заточниковъ, которыхъ всегда, по памятникамъ Славянской поэзіи (ср. о Саурѣ Ванидовичѣ, вып. 3, и пѣсни Сербскія), берегли на случай въ тюрьмѣ и выпускали на врага въ отчаянныхъ случаяхъ. На него можно было и понадѣяться: хоть голова Калѣки при старости, нога за ногу запинается, рука за руку заплетается (ср. вып. 4), но этотъ типъ изъ древности отдаленной, эпохи кочевья и стихій, занималъ силу громадную и ужасную, мыкая ее въ бродячихъ переходахъ, но здѣсь же часто и подымая ее до страшной энергіи; не даромъ самъ Илья признавалъ въ немъ силы «два меня (въ двое себя),» не даромъ Амелеа Тимоѳеевна отнеслась объ его «силѣ нарочитой,» а мужики надѣялись, «бываетъ—онъ побьетъ Ваську Буслаева.» Ему бы по настоящему достойно сразиться съ Иванищемъ Сильнымъ, Калѣкою, забравшим-

ся въ дружину Васильеву: но этотъ, какъ случайно забрелъ сюда изъ Кіева, такъ скоро и улизнулъ; къ концу рѣшенія дѣла устранялось въ былинахъ все случайное и оставались только существенные типы. Настоящій Новгородскій Калѣка былъ привязанъ къ мѣстному монастырю, Сергѣеву-Троцкому, Кирилову-Бѣлозерскому; они, питавшіе не одного Калѣку, также типически пріурочены Новгороду: судьба его вела на конечную расправу. Откуда бы ни взяли его, его тащили на мостъ Волховскій: здѣсь было настоящее мѣсто его, ибо — не только типически, но и исторически — главное мѣсто Калѣкъ на мостахъ, какъ на примѣръ на Волховскомъ въ Новгородѣ, на Днѣпровскомъ въ Смоленскѣ, на Спасскомъ нѣкогда въ Москвѣ. Здѣсь, на мосту, непремѣнно и долженъ былъ встрѣтить его Василій, по типу творчества. И въ разсказѣ о были выдержанъ тотъ же порядокъ: до прихода Василья дружина его была отъ мосту «попячена;» когда же, частію отстороннвъ ее, частію отославъ, а частію ободривъ, Василій рванулся впередъ и порядочно поколотилъ уже мужиковъ, равнымъ образомъ, пока Князья ходили съ поклономъ къ матери и Калѣкѣ, а Калѣка пока снаряжался и двигался, Буслаевъ, очищая дорогу и сваливая встрѣчныхъ, дошелъ уже до середки моста Волховскаго. Здѣсь-то и встрѣтилъ его во всеоружіи Старчище. У Старчища упоминается обычный «костыль,» клюка, «шалыга девяноста пудъ,» то же; «клюка въ десять пудъ;» «колпакъ въ двадцать пудъ,»—шляпа земли Греческой; «кафтанъ въ сорокъ пудъ,» — гуня подорожная; недоставало лишь лапотковъ семи шелковъ, да сумы бархатной: но все это нарядъ типическій, а здѣсь былъ случай чрезвычайный. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Старчище воспользовался тѣмъ, что̀ всего ближе было подъ рукою въ монастырѣ: онъ скочилъ на башню колокольную, сорвалъ колоколъ, надѣлъ на голову колоколъ, поднимаемый творчествомъ въ разныхъ былинахъ Новгородскихъ съ 12-ти до 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ; въ правую руку взялъ оторванный колокольный языкъ во 500 пудовъ. Идетъ онъ на мостъ, языкомъ-то онъ подпирается,—подъ нимъ мостъ нагибается (Рыбник. т. II). На середкѣ загородилъ онъ Василью дорогу и началъ то мягко, а то ужь и не мягко: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!» «Ай же ты, мое чаделко крестовое! Молодой курень (пѣтухъ), не попархи-

вай, на своего крестоваго батюшка не наскакивай!» А потомъ: «А малый куръ, не запурхивай, а ты, дитя, не заскакивай, а прямоѣзжей дорожки не заваливай!» «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай! Изъ Волхова воды не выпити, во Новѣ-градѣ людей не выбити, есть молодцовъ супротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!» «Какъ пурхалъ-то ясный соколъ да и дóпурхалъ, ходилъ-то добрый молодецъ да и дóходилъ!» Наконецъ прямо: «Я иду — Василью смерть несу!» Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, и въ отвѣтѣ Василья, былины, по разнымъ образцамъ своимъ, выражаютъ въ творчествѣ постепенность. Вотъ какимъ путемъ разгоралось слово и дѣло Буслаева: «Ужъ ты здравствуешь, крестовый батюшка! Ты за чѣмъ идешь, старъ человѣкъ? На что ты идешь, крестовый батюшка?» «Старца убить—не спасенья залѣзть (найти), а грѣха себѣ на душу: поди-тко ты, Старецъ Преугрюмище, на свое мѣсто, а въ наше дѣло ты не суйся!» «А и гой еси, Старецъ Пилигримища! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими *опричь тебя*, Старца Пилигримища: во задоръ войду — тебя убью!» И вошелъ: «Тебя ли чортъ несетъ во той поры на своего на любимаго крестничка? Головамы, батюшка, играемся!» «Не корись ты, старая шлея бросовая, не корись ты, корзина дертюжная, дертюжная корзина, вѣковалая!» «А не далъ я ти яичко о Христосьскомъ днѣ (въ Свѣтлое Воскресенье), а дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ (бой былъ во время Петровокъ или въ Петровъ день)!» «*Колько* я тебя хрёстнымъ ни называвалъ, на вѣку ты мнѣ яичка не давывалъ, теперь мы съ тобой похристосуемся: вотъ тебѣ красно яичко—Христосъ воскресъ!» Яицами чокаются, бьются въ головки: за послѣдними словами Василья слѣдовалъ ударъ по головкѣ батюшки, по колоколу, желѣзною осью, по другимъ булатною палицей. Колоколъ разлетѣлся въ мелкія черепья, за колоколомъ голова, изъ головы глазные яблоки какъ пивны чаши; Василій заглянулъ еще подъ колоколъ, какъ говоритъ одна былина: «а во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣтъ,» давно ужь умеръ старикъ, да давно и глазъ не было, потому что вѣроятно Калѣка былъ слѣпой. Спихнулъ его Василій подъ мостъ Волховскій, задавило тамъ Старика языкомъ колокольнымъ; но Василій черезъ чуръ разъярился, онъ слѣзъ подъ мостъ, еще надѣвается надъ тѣломъ: «еще сердце въ емъ не уходилося, еще граетъ (играетъ) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ: — Лежи

ты здѣсь, сучище облѣзлое, вотъ тебѣ яичко,—Христосъ воскресъ!—» Взялъ Буслаевъ колокольный языкъ и явился опять на мостъ съ новымъ оружіемъ: «Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ, копье долгомѣрное, тутъ-то и сабля острая, и палица военная!» Начавши споръ языкомъ, Василій и доканчивалъ его языкомъ же.—Съ паденіемъ Старчища пала послѣдняя застава и послѣдній оплотъ стѣнки мужиковъ Новгородскихъ: бой былъ ими проигранъ окончательно; теперь слѣдуетъ только исторія укрощенія и умилостивленія Василья. Въ ней опять по разнымъ былинамъ есть своя постепенность. Вторично отправляются съ просьбою къ матери: «тутъ-то два Князя Новогородскіихъ (замѣчательно, что *одинъ* Князь, Судья, вѣроятно изъ Рюриковичей, въ этихъ покорныхъ депутаціяхъ не участвуетъ), Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Ѳома Родіоновичь, приходятъ къ его государынѣ матушкѣ: — Упроси свое чадо любимое, укротилъ бы свое сердце богатырское: мужичковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится (мало становится), убилъ онъ крестоваго батюшку, честнаго Старчища Пилигримища.» На этотъ разъ, по свидѣтельству одной былины (у насъ № 3), мать послала извѣстную намъ Чернавку: едва могла она пройти между убитыми тѣлами, сильная—«сохватила Василья за бѣлы руки,» разсказала о покорности мужиковъ, повела Василья со дружиною на широкой дворъ (въ этой былинѣ два раза повторяется одно и то же: Чернавка будто бы и прежде притащила Василья, послѣ чего онъ былъ запертъ въ погребъ; явная путаница отъ пѣвца). Но, или Василій снова вернулся на побоище, или вообще не здѣсь еще былъ конецъ, только въ большей части былинъ продолжаются и драки, и депутаціи, чтобы вызвать саму мать, которая одна могла укротить сына. Вотъ нѣсколько описаній: «тутъ мужики видятъ, что бѣда пришла, бѣда пришла неминучая, бѣжали они скорымъ скоро ко его ко родной ко матушкѣ: — Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя, отъ того Васильюшка Буслаева!—» «Мужики покорилися, покорилися и помирилися, понесли они записи крѣпкія къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ; насыпали чашу чистаго серебра, а другую чашу краснаго золота, пришли ко двору дворянскому, бьютъ челомъ—покланяются: — Принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое: а и ради мы платить на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ тебѣ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калач-

никовъ по калачику, съ молодицъ повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяконовъ (разряды Новгородскихъ и вообще древнихъ городскихъ податей).—» «И Городничій Ѳома да Родіоновичь наклалъ злата-серебра, скатного жемчуга подарками, и приноситъ къ его къ родной матушкѣ: —Уговори-тка свово чада милаго, не прибьетъ-то онъ да весь Новгородъ!» По нѣкоторымъ, старуха бросилась въ однихъ чулкахъ и рубашкѣ; по другимъ болѣе естественная размѣренность дѣйствій: старуха «одѣвала платьица черныя (вдовиныя и смиренныя), одѣвала шубу соболиную (въ Петровки это немного жарко), полагала шеломъ на буйну голову (она шла въ средину побоища: примѣръ Кіевскихъ героинь и Новгородской Мароы не единственный), и пошла Мамелоа Тимоѳеевна унимать своего чада любимаго. То выгодно собой старушка догадалася (распорядилася), — не зашла она спереди его, а зашла она позади его и пала на плечи на могучія:—Ай же ты, мое чадо милое! Укроти свое сердце богатырское, не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужичковъ хоть на сѣмена! —» Кого не могъ укротить весь Новгородъ, того, съ удивительною вѣрностью типическаго творчества, укротила старуха мать, и мгновенно, какъ электрическимъ ударомъ: «тутъ Васильюшка Буславьевичь опускаетъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ на тую на матерь сыру землю:—Ай ты, свѣтъ государыня матушка, тая ты старушка *лукавая* (хитрая, умѣлая), лукавая старушка, толковая! Умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня: а ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго!—» «—Никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послухать мнѣ — законъ не даетъ! —» Сравните въ Кіевскомъ творчествѣ такое же укрощеніе Ильи Добрынею. Отъ матери по плоти творчество Новгородское шагнуло еще выше; когда Василій, недовольный однимъ побоищемъ, «напустился на домы на каменные,» разбивать ихъ и давать дружинѣ добычу разбоя, тогда конечно взмолился народъ православный, подобно какъ взмолился при наступившей опасности отъ разыгравшагося Садки. Тогда, по молитвамъ народа, «вышла Мать Пресвятая Богородица со того монастыря *Смоленскаго*» и обратилась къ матери Василья со сло-

вами: «—Закличь своего чада милаго, милаго чада, рожонаго, хоть бы оставилъ народу на сѣмена!—» Выходила мать и закликала. Поводомъ къ этому явленію послужилъ конечно выходъ *матери* Василья, отъ которой перенеслись уже къ *Матери Пресвятой.* Такія явленія, какъ замѣчено выше. не составляютъ необходимости въ нашемъ творчествѣ: но въ то же время они здѣсь естественны и случаются нерѣдко, какъ естественно было явленіе боговъ для рѣшенія участи битвъ въ Гомерическомъ творчествѣ или Deus ex machina во всемъ творчествѣ античномъ; если же это естественно вездѣ, гдѣ только въ народѣ жива вѣра, даже въ язычествѣ, то тѣмъ естественнѣе въ нашемъ Былевомъ творчествѣ, развившемся въ эпоху живой Христіанской вѣры и уцѣлѣвшемъ въ устахъ народа, ей преданнаго. — Пока продолжалось побоище Васильево и происходили переговоры депутацій, прошелъ весь четвертый день, съ утра до вечера, и былины согласны въ томъ, что конецъ имѣлъ мѣсто въ вечеру. Василій Буслаевъ побѣдилъ Новгородъ въ единоборствѣ, какъ побѣдилъ Садко съ своей стороны: но Садко удовольствовался торжествомъ и насмѣшкою, а послѣдствія единоборства смертнаго еще должны были продолжаться. Слѣдовало выкупить тѣла убитыхъ чтобы погребсти, подобно Гомерическимъ посольствамъ къ Ахиллу. Передъ ночью того же дня—такъ слѣдуетъ по всему ходу разсказа — «приходятъ Князья Новогородскіе, Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Ѳома Родіоновичь, ко тому Васильюшку Буславьеву. Пали ко Василью въ рѣзвы ноги, просятъ Василья во гостебьице (на пиръ къ себѣ), сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь! Прикажи обрать тѣла убитыя, предать ихъ матери сырой землѣ; во той ли во рѣченькѣ Волховѣ на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася: безъ числа пластина принарублена!—» Какъ Ахиллъ, великодушно и гордо, Василій «приказалъ обрать тѣла убитыя; не пошелъ къ нимъ въ гостебьице: зналъ, де, за собой замашку великую (что опять не утерпитъ).» Садко послѣ всѣхъ похожденій принятъ и успокоенъ женою, товарищами: съ дружиною Василій нашелъ отдыхъ у матери. Сюда опять явились Новгородчана и заключили окончательный миръ: «втапоры мужики Новогородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и за тѣмъ у нихъ мирова пошла, а и мужики Новогородскіе покорилися и сами поклонилися.» Все кончается пиромъ, а на пиру раздаются голоса

дружины, Вольницы: въ родѣ хора, какимъ кончались античныя произведенія, а вмѣстѣ какъ выводъ изъ всей исторіи и указаніе предмета, послужившаго содержаніемъ былинъ. «Сѣли они молодцы во единой кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, вскричать тутъ ребята зычнымъ голосомъ: — У мота и у пьяницы у млада Васютки Буслаевича не упито, не уѣдено, въ краснѣ-хорошѣ не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, — а увѣчье на вѣкъ залѣзено (всего вдоволь, но вдоволь на вѣки и увѣчья отъ побоищь)!—» Тѣмъ кончена въ былинахъ исторія Василья Буслаева, а въ ней исторія Новгородской Вольницы, возведенная въ одинъ цѣльный типъ, разсказанная какъ событіе типическое, только лишь пріуроченное извѣстному имени, лицу, мѣсту и времени, ибо это имя, и лицо, и мѣсто, и время—изъ XII-го вѣка—дали творчеству такіе живые образы, такъ возбудили его своими образами, что отсюда оказалось возможно создать цѣльный творческій типъ, цѣльное творческое созданіе.

Когда вы прослушали или прочитали былины о Садкѣ и зададитесь вопросомъ — что же послѣ того дѣлалъ Садко и какова дальнѣйшая его судьба, — вы чувствуете, что отвѣтъ намѣченъ въ былинахъ: жилъ, да поживалъ, да добра наживалъ, больше ничего и не могло быть. Сдѣлался онъ первымъ богачемъ, даже монополистомъ, подчинилъ себѣ Новгородъ въ торговыхъ дѣлахъ, усѣлся дома, съ женой, съ подраставшимъ сыномъ, съ товарищами прежнихъ поѣздокъ, а теперь прикащиками и довѣренными лицами, наконецъ на свою наживу строилъ церкви, украшалъ ихъ, всячески пособлялъ подобными вкладами городу, попалъ за то въ лѣтописи. Но, послѣ побѣды Василья надъ Новгородомъ, хотя и рѣшительной, былины вамъ оставляютъ его въ первомъ цвѣту молодости и въ пылу страстей, противъ Русскаго обычая — неженатымъ, съ побѣдоносною, столь же рьяною какъ самъ предводитель, дружиною: что же съ ними дальше, какова же была судьба? Отвѣта нѣтъ, ибо былины прибавляютъ: «и стала тутъ—мать—Васильюшка кормить-поить, въ покояхъ хоронить (сберегать) и весело съ нимъ жить;» «и жилъ Васильюшка въ праздности, излѣчилъ дружинушку хоробрую отъ тыихъ отъ ранъ кровавыихъ и привелъ дружину въ прежнее здравіе.» То есть, ничего не дѣлалъ: но вы чувствуете, что, судя по всему, этого никакъ не могло быть. Слова былинъ значатъ, что въ даль-

нѣйшей жизни Буслаева творчество не признаетъ ровно ничего достойнаго былины, другими словами, что онъ важенъ для творчества и великъ какъ типъ Вольницы, какъ выраженіе извѣстной борьбы; а послѣ борьбы былины оставляютъ его равнодушно. Но вы сознаете тотчасъ, что, покинутый былинами, Василій со своею Вольницею продолжалъ похожденія: они принадлежатъ исторіи, ищите ихъ по лѣтописямъ, ввѣшивая, что̀ для Новгорода сдѣлала его Вольница; какъ билась съ сосѣдними врагами, какъ проникала въ далекіе края, какъ заводила счастливыя колоніи. Здѣсь мыкались и умыкивались молодыя безпокойныя силы, пока возвращались въ лоно Великаго Новгорода зрѣлыми, стойкими, осѣдали, давали истинныхъ граждакъ. Если молчатъ былины, то говоритъ лѣтопись, что то же было съ Васильемъ: онъ удостоился сдѣлаться Посадникомъ; такимъ именуетъ его лѣтопись, записавши годъ его смерти. Это не значитъ, что умеръ онъ въ должности Посадника: напротивъ, какъ увидимъ ниже. Значитъ лишь, когда онъ умеръ, лѣтопись помянула его въ этотъ годъ какъ бывшаго Посадника.

Минуя всю эту жизнь Буслаева, послѣднимъ звѣномъ коей былъ высшій почетъ Посадничества, Былины обращаются къ его *смерти*, подоспѣвая съ своимъ разсказомъ тамъ, гдѣ оставляетъ насъ лѣтопись. Для творчества Василій существуетъ только какъ отчаянный и побѣдоносный борецъ въ первой молодости, а потомъ какъ умирающій удалецъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ для былинъ Новгородскихъ существуетъ Василій не какъ Посадникъ, не какъ опытный степенный Новгородецъ, прошедшій бурную жизнь и вышедшій къ успокоенію: для нихъ остался тотъ же Василій, что и въ былой борьбѣ съ Новгородомъ, тотъ же юный и удалый, неженатый, съ тою же матерью, съ тою же дружиною, съ тѣмъ же неизмѣннымъ вязомъ, съ той же отвагою, доходившею до дерзости. При этомъ разсказывается одно изъ похожденій или одинъ изъ походовъ, какіе свойственны были Новгородской Вольницѣ и какихъ не мало было объ ней извѣстно: но не изъ такихъ, которые кончались мирнымъ ея возвращеніемъ или водвореніемъ,—этого, съ послѣдствіями, посадничествомъ, знать не хочетъ творчество, — а напротивъ такихъ, въ которыхъ Вольница складывала свою голову, и не даромъ, за крайнюю предпріимчивость и дерзость; дерзость, которой, при по-

стоянием ея нарожденія, не могъ укротить весь Новгородъ, которая сама побѣждала его, побѣждалась послѣ лишь сама собою, сама въ себѣ получала казнь и смерть.—Говоря объ этомъ событіи, вослѣдъ томъ въ Былинахъ, мы приведемъ прежде Сказку, весьма рѣдкую съ концемъ сего рода и помѣщенную у насъ подъ № 1-мъ въ Приложеніяхъ. Записана она въ Пермской губерніи, вдали отъ Новгорода: обстоятельства подробныя стерлись, выведена рѣка *Обь*, событіе само округлилось, потерявши частности, но тѣмъ любопытнѣе намъ уцѣлѣвшія черты главнаго, общаго типа. Сначала сущность та же, что въ приведенныхъ Былинахъ. Есть и дополнительная черта, именно что Василій отданъ былъ обучаться грамотѣ, перомъ писать, извѣстному Старику Угрумищу, т. е. Пилигримищу: на это есть указаніе и въ Былинахъ, гдѣ сынъ Пилигримища напоминаетъ Василью, — «Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты? Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ (Рыбник. т. I).» Это весьма древняя черта творчества: вспомните (вып. 1), что также Илья учился грамотѣ вмѣстѣ съ Калѣчищемъ; дѣло въ томъ, что это сообразно съ жизнію, ибо въ ней издревле у Калѣкъ были свои училища (да и до послѣдняго времени), особенно когда жили они при монастыряхъ. Вторая черта Сказки сближаетъ Василья съ Вольгою или Волхомъ Сеславьичемъ (Рыбник. т. I), а также Княземъ Романомъ, старше же съ Саломаномъ (т. II): «выучился Василій не во листы писать, а выучился *соколомъ летать*,» пріобрѣлъ способность изворачиваться, быть оборотнемъ, проходить въ приключеніяхъ разные виды бытія, выучился высшей премудрости. Но важенъ особенно конецъ, гдѣ разсказывается именно то, къ чему перешли мы въ разсмотрѣніи творчества Новгородскаго. Разсказывается, когда Василій побилъ множество Новгородцевъ, мать осердилась на него за пролитіе крови, снарядила ему корабль, набрала дружину, пустила въ море и махнула въ слѣдъ рукой. Начался обычный походъ Вольницы: онъ лежалъ на море, куда ходилъ и Садко, и всѣ удальцы Новгородскіе, гдѣ часто, за излишнюю дерзость, слагали они голову. Всего замѣчательнѣе, что Василій встрѣчаетъ *Морскую Пучину*: въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску (стр. IV) мы объяснили уже, что самое имя Пучины значитъ и Море, Понтъ, и Путь, обыкновенный, главный путь древле-Славянскихъ и Русскихъ удальцевъ. Морская Пучина «лежитъ,» у нея «кругомъ глаза:» это образъ,

столь извѣстный въ Греческомъ творчествѣ подъ именемъ Медусы-Горгоны, столь же страшной и именно морской, любимицы Посейдона, нашего Морскаго Царя; на сушѣ занималъ ту же роль многоглазый, всевидящій Аргосъ. Какъ герои Греческаго творчества, герои наши, и именно типы торговли, далекихъ торговыхъ предпріятій, также точно боролись съ сими чудовищами: Садко, препиравшійся съ Морскимъ Царемъ, нашелъ его въ глубинѣ моря въ томъ же видѣ, какъ Пучину,—онъ «лежитъ (у насъ № 3),» «голова у Царя *какъ куча сѣнная* (Рыбник. т. I),» такая точно, какая изображалась у Медусы; Чурило, сынъ Плѣнка, Гостя Богатаго, Суроженина, и самъ такой же, выродокъ Чура-Гермеса (см. вып. 4), подобно сему послѣднему, «Убійцѣ Аргоса,» былъ губителемъ Ермы, типа стоглазой ревности, и такъ же на сушѣ, уже не на морѣ. То же затѣялъ и Василій,—одолѣть Пучину, перескочить ее: перескакала дружина, Василій палъ жертвою своей дерзостной отваги, онъ погибъ отъ Пучины, не перескочилъ ее, не вернулся изъ мореходства. Любопытно еще, что въ Сказкѣ Морская Пучина, вопреки видимому смыслу, помѣщена «на зеленыхъ лугахъ,» именно чтобы дать Василью, съ позднѣйшей точки зрѣнія, возможность скакать черезъ нее ногами. Но этотъ выводъ на сушу, извѣстный и въ миѳѣ о Медусѣ, выразившійся въ сухопутномъ Аргосѣ, дѣйствительно случился для Русскихъ Славянъ въ дальнѣйшее время, при выходѣ ихъ къ положительной исторіи, по мѣрѣ отдаленія отъ морей или развитія дѣятельности на землѣ, среди сложившейся Земщины: съ тѣмъ вмѣстѣ камень Алатырь, янтарь, нѣкогда привлекавшій и питавшій нашихъ отважныхъ мореходцевъ гостей, переведенъ былъ также на сушу, какъ не разъ уже доказали мы и какъ увидимъ сейчасъ, ибо Василій, въ сказкѣ погибшій отъ Морской Пучины, по Былинамъ гибнетъ отъ того, что скакалъ черезъ камень Алатырь.—Переходимъ къ Былинамъ, возникшимъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ всѣ обстоятельства изложены по тому самому подробнѣе и опредѣленнѣе (Рыбник. т. I, II, и нашъ настоящій выпускъ). У Василья есть уже корабль, онъ плаваетъ на немъ по *Ильменю*, съ обычными приключеніями Вольницы, окруженный своею дружиною, тридцатью друзьями, изъ которыхъ держитъ корму *Костя Никитинъ* (Новоторжанинъ), на носу стоитъ *Маленькой Потаня*, намъ уже извѣстные. Они пристаютъ къ Новгороду, для задуманной цѣли: Ва-

силій проситъ у матери благословенія съѣздить съ дружиною въ *Ерусалимъ*, помолиться Богу, приложиться къ Святымъ, искупаться въ Ерданѣ, осушиться на Ѳаворѣ и проч. Для этого они между собою «складываются» особо «на лодочку.» Побужденіе главное, сходное съ показаніемъ приведенной сказки, узнаёмъ далѣе изъ словъ Василья встрѣчнымъ гостямъ-корабельщикамъ: «А мое-то вѣдь гулянье неохотное (ѣду по неволѣ),—съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти.» Это не значитъ, что онъ былъ уже дѣйствительнымъ старикомъ, ибо въ той же Былинѣ называется «молодымъ» и такимъ же описывается, оставаясь для творчества героемъ юнымъ: но онъ помнилъ проказы своей молодости и заготовлялъ подъ старость спасеніе. Въ этихъ видахъ онъ *дѣлается* Старикомъ, Старцемъ, ибо путешествіе къ Святымъ мѣстамъ есть удѣлъ Калѣкъ Перехожихъ, Странниковъ, безъ различія лѣтъ представляемыхъ типически Старцами. Итакъ Вольница съ своимъ предводителемъ принимаетъ на себя иной типъ—Странниковъ, Перехожихъ, «по водѣ бродящихъ,» и отъ вѣрности этому типу зависитъ успѣхъ и спасительность ихъ предпріятія. Мать напоминаетъ это, давая благословеніе лишь въ томъ случаѣ, если пойдутъ они «на дѣла добрыя: то коли ты, дитя, на разбой пойдешь (по обычаю Вольницы), и не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля!» Потому же напоминаетъ она — «побереги ты буйну голову свою,» но, по мягкости материнскаго сердца, какъ замѣчаетъ былина, даетъ на случай и оружья, и боевыхъ снарядовъ; не забылъ Василій и своего вяза, съ которымъ является въ теченіи разсказа. Отправляются они по *Ильменю*, выѣзжаютъ отсюда на Волгу, ибо послѣ оказываются на морѣ *Каспійскомъ*. Первые встрѣчные, какихъ тогда вездѣ бывало встрѣтишь,—гости-корабельщики; они первые предостерегаютъ о разбойникахъ впереди, « атаманахъ козачихъ (встрѣчавшихся Ильѣ Муромцу, еще болѣе извѣстныхъ и дѣйствительныхъ на морѣ Каспійскомъ);» и въ первые же Василій высказываетъ буйную самонадѣянность Вольницы: «А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ,—а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!» Слѣдуетъ второе предостереженіе или знаменіе. При въѣздѣ въ Каспійское море, Василій замѣтилъ на берегу гору *Сорочинскую* (всѣ высокія горы—Сорочинскія), вышелъ на берегъ поглядѣть. Тамъ лежитъ «пуста голова, че-

ловѣчья кость,» такая же, какъ помянутая голова Медусы, на сушѣ съ своими пророчествами являющаяся у насъ Олегу, Добрынѣ, богатырю Ивану (см. Замѣтку къ 3-му вып. и II т. Рыбник.). Какъ Пучину, Василій началъ эту новую Медусу ногою попинывать: та въ отплату прорекла, что и его головѣ валяться будетъ тутъ же. Снова Василій отнесся дерзко: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ, или нечистой духъ?» «Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!» Плюнулъ и пошелъ дальше въ гору, а тамъ лежитъ камень, камень Алатырь, смѣнившій (на сушѣ) Пучину: но его еще увидимъ мы ниже. Молодцы начали поперегъ его скакать, а вдоль не смѣютъ, по угрозѣ надписи; Василій же, прибавлено, опять-таки «тому не вѣруетъ.» Сошедши снова на корабль, путешественникъ *на морѣ Каспійскомъ, на островѣ Куминскомъ*, нашелъ предсказанныхъ разбойниковъ: слава Василья Буслаева была такъ велика, что они тотчасъ его узнали по полеткѣ соколиной — поступкѣ молодецкой, угостили, дали провожатаго къ Ерусалиму. Прямо съ моря въѣхали они въ Ердань и бросили якори: въ Ерусалимѣ выполнили все, что слѣдовало Странникамъ,—молились, прикладывались, служили заупокойную обѣдню съ панихидою по покойномъ Буслаѣ, заздравную за мать Буслаева и его самого, обѣдни съ молебнами за дружину, «что съ молоду бито много, граблено,» расплачивались съ попами и дьяконами, давали милостыню несчетную Богадѣльнымъ Старцамъ при церкви (въ странно-пріимницѣ), и прочее. При купаньѣ въ Ерданѣ Василій опять подпортилъ: мать предостерегала его при поѣздѣ не купаться здѣсь «нагимъ тѣломъ,» а въ рубашечкѣ; при случаѣ мы объяснимъ, почему, на основѣ древнѣйшихъ воззрѣній, нѣкоторымъ нашимъ героямъ, на примѣръ Добрынѣ (см. прежніе выпуски наши и Рыбник.), и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ нельзя было этого дѣлать; съ христіанской же точки зрѣнія извѣстно, что безъ одежды крестился лишь въ Ерданѣ Іисусъ Христосъ, а богомольцы доселѣ купаются въ рубашкахъ (сохраняя ихъ, чтобъ послѣ лечь съ ними въ гробъ). Василій опять-таки пошелъ на перекоръ, купался нагой, «нарушилъ родительско благословленьице, не послушалъ государыни матушки.» Этимъ вызвано новое предсказаніе, — приходила *Баба Залѣсная*, т. е. Баба Горынинка, она же Алатырка (связанная съ Пучиною и Алатыремъ), намъ извѣстная изъ Кіевскаго творчества. Она догадалась, что опричь Василья Буслаева некому сдѣлать эту дерзость, купаться

вагому, и за то предрекла дружинѣ: «Потерять его вамъ будетъ, большаго атамана Василья Буслаевича!» И тутъ дружина нашлась сгрубить: «Нашъ Василій тому не вѣруетъ, ни въ сонъ, ни въ чохъ!» Впослѣдствіи, когда творчество спустилось въ этихъ былинахъ ступенью ниже, мѣсто Бабы Залѣсной заняла простая «женщина престарѣлая» и Василій обошелся съ ней болѣе положительно: «Кабы ты была, сказалъ онъ, на сей сторонѣ, я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ, двухъ богáтырей!» Плюнула женщина и прочь пошла, а между тѣмъ, видите, надъ головой Василья скопилось уже слишкомъ много дурныхъ предзнаменованій (ср. предзнаменованія въ походѣ Игоря) и все-то вызвано было его дерзостью, и сопровождалось дерзостью его новою, а задача странниковъ все нарушалась да нарушалась, и за невыдержку священнаго народу типа непремѣнно должна была послѣдовать казнь. Вспомните изъ исторіи Потыка и его товарищей, сухопутныхъ странниковъ къ Ерусалиму, какъ страшно заклинались они противу грѣховъ, какія страшныя казни выполняли надъ своими членами при малѣйшемъ даже подозрѣніи (вып. 3): тѣмъ грознѣе казнь свыше. Но, исполняя своимъ чередомъ внѣшніе обряды, въ кожѣ Странниковъ, внутри тою же Вольницей, пошли прибывшіе на послѣднюю святыню, на Ѳаворъ-гору, гдѣ стояла церковь, стоялъ образъ Преображенья. Голова-Кость богатырская перенеслась съ Каспійскаго моря, съ Сорочинской горы, и сюда, съ тѣмъ же пророчествомъ о гибели (Рыбник. т. I): и естественно, ибо какъ перешелъ, мы видѣли выше, пупъ морской въ пупъ земной, а этотъ послѣдній съ теченіемъ времени на Голгоѳу, такъ и эта древнѣйшая голова въ христіанскихъ преданіяхъ признана «головою Адамовою,» лежавшею съ костьми подъ крестомъ; на нее-то, по предáнію, текла кровь съ креста, текла и на пупъ земной, сквозь разсѣлину камня Алатыря; она же владѣла и силою пророческой о суетѣ сей жизни. Но, еще важнѣе, за головою, съ невѣдомой горы Сорочинской, послѣ того какъ народъ сближался съ христіанствомъ и шелъ въ его глубь, перенесся въ Ерусалимъ и самъ камень *Бѣлый Алатырь*. Потому, тогда какъ въ одной былинѣ Василій гибнетъ на пути возвратномъ изъ Ерусалима, проѣхавши заставу козачью и взошедши на Сорочинскую гору, въ другихъ его постигаетъ эта участь уже въ самомъ Ерусалимѣ: то же движеніе Алатыря, какъ въ Голубиной Книгѣ, съ моря на сушу, на гору

(ср. «*Латыгорку*,» вып. 4), на путь-дорогу, въ Ерусалимъ. «Поѣхали, говоритъ былина, на Ѳаворъ гору, *ко тому ко каменю ко Латырю*, и ко той ко церкви соборнія, которая стоитъ со двѣнадцатью престолами, *у того у камени у Латыря*, на которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ... Итакъ Васильюшка поѣздъ держалъ ко той ко церкви ко соборнія, *ко тому ко каменю ко Латырю*» и т. п. Камень описывается огромный, въ нѣсколько сажень, самою величиною достойный своего великаго значенія. И, какъ мы знаемъ изъ Кіевскаго творчества, когда перешелъ онъ уже на перекрестки богатырскихъ дорогъ и легъ здѣсь, какъ постоянно читались на немъ надписи, пророчившія богатырю судьбу его въ будущемъ, такъ и на Ѳаворѣ Алатырь имѣлъ разныя надписи того же рода. Прочтемъ ихъ: «Кто на эту гору захаживалъ, тотъ оттуль живъ не выхаживалъ; кто скочитъ черезъ этотъ бѣлъ-горючь камень, тотъ буде живъ, а не скочитъ, не бывать живу.» Явно, онъ подзадоривалъ на опасную игру, какъ подзадоривалъ Садку на игру Царь Морской. «Кто перескочитъ трожды черезъ бѣлъ камень, тотъ достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому; а кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень, тотъ не достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому:» еще вызывательнѣе, особенно послѣ надоѣдныхъ пророчествъ пустой головы, не сулившей Василью доѣхать до церкви, твердившей о суетѣ жизни и смерти. Наконецъ: «А кто у камня станетъ тѣшиться, а и тѣшиться-забавлятися, вдоль скакать по каменю,—сломитъ будетъ буйну голову.» Это ужь былъ прямой вызовъ, послѣ коего не утерпѣлъ бы ни одинъ удалецъ: это какъ будто нарочно было разсчитано на Василья, будто знали его характеръ. Виноватъ былъ Василій прежней своей дерзостью въ богомольѣ; не молился народъ православный за личную судьбу его, противъ опасностей игры его; никто не тронулъ его въ плечо, чтобъ удержать во время какъ Садку: Василій новой дерзостью купилъ себѣ гибель. Дружина его, какъ ни была смѣла, рѣшилась скакать только *поперегъ*: Василій пустился *вдоль* (въ долину камень былъ три аршина съ четвертью, поперегъ же только лишь топоромъ подать); дружина перескочила черезъ камень, перескочила и трижды: Василій въ третій разъ придумалъ скакнуть не передомъ, а *задомъ*. И задѣлъ онъ каблучкомъ, ножкой правою, и ударился о жестокъ камень плечами богатырскими, ударился го-

ловушкою. Сталъ онъ умирать, сталъ прощаться, наказывать братіи: «Скажите-ка, братія, родной матушкѣ, что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ и женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.» Не довелось ему и въ законъ вступить. Похоронили его, гдѣ валялась прорицательница голова человѣческая.—Поѣхала, пріѣхала дружина въ Новгородъ: не встрѣтила ее, какъ Садкову, жена съ ребенкомъ, не подошелъ нечаянно Василій, какъ спасшійся Садко. Ожидала одна горемычная старуха. Передали ей завѣщаніе сына, подали письмо. Прочитала она, заплакала: «Гой вы еси, удалы-добры молодцы! У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны не считаючи!» Въ послѣдній разъ явилась знакомая намъ Чернавка, повела въ подвалы: благородная дружина, подвизавшаяся не изъ за денегъ, а изъ за молодости и отваги, брала казны «по малу числу.» Замѣтьте эту противуположность, выставленную творчествомъ: первые люди города, благородные, сановные и гордые, оказались, когда пристращали ихъ, послѣдними низпоклонниками, готовыми на подкупъ и всякое подлое дурно; молодежь почти что распутная, тати-разбойники, явились подъ конецъ образцемъ благородства и великодушія. Разсчитавшись, поклонились они вдовѣ: «Спасибо, матушка Амелеа Тимоѳеевна, что поила-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ (таковы были условія содержанія)!» Поднесла еще имъ Чернавка по чаркѣ, «и пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося:» у Садки они бы остались въ прикащикахъ. Садко при жизни утѣшался вкладами на церкви: старуха, на концѣ дней своихъ, съ горемъ «собрала все свое имѣнье-богачество, и роздала она по Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.» Такъ вѣрно выдержаны типы творчества въ былинахъ о Буслаевѣ до самого конца, такъ вѣрно во всемъ представляютъ они противуположность типамъ былинъ о Садкѣ!

Теперь упомянемъ вкратцѣ о Сказкахъ, помѣщенныхъ нами въ Приложеніяхъ этого выпуска подъ №№ 2-мъ и 3-мъ. Мы ихъ не брали для изложенія дѣла и можемъ брать только для свѣдѣнія: въ основѣ ихъ лежатъ Былины, Сказки и Преданія народныя, но все это передѣлано, болѣе или менѣе. Чулковъ еще лучше. Онъ весьма близко выдерживаетъ основы народныхъ представленій и даже разсказа, допустивши только для украшенія — по его мнѣнію—витіеватость лите-

ратурнаго языка своей эпохи. Но его поправки легко отдѣлить опытному чутью. Главная бѣда его—отъ воззрѣній на Русскую исторію, царствовавшихъ въ его время. У него является Новгородъ не дѣйствительный, а «сія гордая и славная Республика,» долженствующая непокорствовать предъ Князьями, «въ землѣ *Старо-Словенской* и Княжествѣ *Русскомъ.*» Для той же цѣли покойникъ *Богуслай* выставленъ *Княземъ*, не такимъ, каковы Князья въ былинахъ, а настоящимъ Рюриковичемъ; вдова его, мать Василья, *Княгиня*; самъ Василій *Княжичь*, *Витязь* и живетъ съ матерью въ «*Старо-Словенскомъ дворцѣ.*» Въ разсказъ вставлена *интрига*: Василій въ тихомолку подумываетъ, какъ бы взять всѣхъ Новгородцевъ въ ежовыя рукавицы и для того въ молодости запасаетъ себѣ надежную дружину, для своего будущаго княженія; «буйные» вожди Республики, именуемые всѣ «Посадниками (даже въ выраженіи—«*всѣ Посадники*»),» пользуясь молодостью Княжича, дѣлаютъ заговоръ лишить его «престола» подъ предлогомъ проказъ его; послѣ побіенія Посадниковъ, они подносятъ Василью Княжество, Княжичь пріемлетъ, правитъ «съ мудростью и милостью,» получаетъ дани съ *Чуди*, и т. д. Подобную шелуху впрочемъ, какъ говорили мы, легко сдунуть, и въ основѣ остается все-таки замѣчательный народный разсказъ, любопытный нѣкоторыми чертами, которыя сейчасъ приведемъ мы и которыя то повторяютъ дословно показанія былинъ, то присоединяютъ къ нимъ пополненія и разнорѣчія. Товарищи Василья—знакомые намъ *Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ* и *Новгородецъ Потанюшка*, «малъ собою—невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ.» Они въ битвѣ не участвуютъ—то единоборство Василья съ Новгородомъ,—а лишь готовы только на подмогу, на случай.—Первыми именитыми гражданами, а на языкѣ Чулкова «первыми посадниками» выставлены: 1) *Сотко Богатой Гость*, весьма естественно, ибо онъ исторически былъ современникомъ Василья; 2) общій типъ древняго творчества и вѣчеваго Старца, «*Чуденъ* Старъ-матёръ человѣкъ,» изъ котораго Чулковъ сдѣлалъ лицо *Чудина*, соблазнившись вѣроятно еще названіемъ Новгородскаго «*Чудинова* конца,» названнаго въ дѣйствительности конечно по первоначально жившей здѣсь Чуди, участвовавшей—по преданію—и въ призваніи Князей, подобно какъ въ томъ же Новгородѣ была «сторона *Славянская,*» былъ «конецъ *Славянскій,*» мѣсто жительства главной, господствующей части со-

медлившагося въ городъ народонаселенія.—Рѣчь Василья на пиру у Новгородцевъ, что «послѣ государя батюшки остался онъ сиротою малешенекъ, а государыня его матушка во вдовствѣ живетъ» встрѣчается и въ былинахъ, именно въ устахъ Кости: мы даже склонны думать, что тамъ она попала къ Костѣ по оплошности, ибо совершенно соотвѣтственно,—и эта черта пополнительная,—что Василій говорилъ на пиру сначала весьма скромно и лишь послѣ дошелъ до дерзости.—Знаменитый *Старчище-Многолѣтчище* (Пилигримище, Калѣка) очерченъ хорошо: только что онъ тридцать лѣтъ не выходилъ «изъ *теремовъ* своихъ,» это могъ бы Чулковъ оставить про себя,—ибо типъ Старика быть бродячимъ и Василій непремѣнно долженъ былъ встрѣтить его на мосту. Далѣе, что онъ снимаетъ колоколъ съ *вѣча*, а не съ колокольни, какъ говорятъ былины, это даже естественнѣе былинъ. Оставимъ народу то и другое: по типу своему, Калѣки были и звонарями, и первыми лицами при набатахъ, такъ что Викторъ Гюго знаменитаго своего Квазимодо взялъ изъ дѣйствительныхъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій. Наконецъ, Василій, порядкомъ поучивъ старика, отпускаетъ ему душу на покаяніе: это есть, какъ видѣли мы, и въ нѣкоторыхъ былинахъ.—Что особенно хорошо у Чулкова; ибо совершенно согласно и съ типомъ Василья, и съ народными преданіями, это то, что Василій умеръ *не оставивши роду-племени*, а оставивши только на память Новгороду, какъ древнѣйшій Перунъ, какъ второобразъ его, свой *стемляный вязъ*.—Прочія подробности, улица *Рогатица*, *Чернавка* и т. п., совершенно вѣрны и согласны съ дѣломъ.

Нельзя того же сказать о г. Сахаровѣ, объ И. П. Сахаровѣ. Мы помѣщали его Былевыя Сказки, помѣщаемъ и будемъ помѣщать, ибо въ ихъ основу положены все-таки разсказы народные. Но—пора же сказать правду, Сахаровъ ихъ обдѣлывалъ, передѣлывалъ, додѣлывалъ и все, что угодно, и какъ ему было угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободою фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ, вымытымъ, причесаннымъ, разсыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною, pleno manu. Дивиться этому не слѣдуетъ: Чулковъ по себѣ оставилъ первый Русскій печатный

Пѣсенникъ, нынѣ сдѣлавшійся библіографической рѣдкостью, и въ рукописи, съ которой печаталъ, не разбирая нѣкоторыхъ словъ, какъ самъ признается, подставлялъ ихъ. Новиковъ, знаменитый Н. И. Новиковъ, перепечатывая Пѣсенникъ Чулкова, не усумнился также кое что переиначить. Это были еще осторожнѣйшіе издатели: имъ въ точности послѣдовали многочисленныя изданія нашихъ Пѣсенниковъ на спекуляцію, въ простотѣ своей не находившія поводовъ къ исправленію. За тѣмъ И. И. Дмитріевъ, въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ,» 1796 г., столь же и даже болѣе рѣдкомъ нынѣ, какъ Чулковскій и Новиковскій, многія пѣсни прямо уже передѣлалъ по своему, соблазнивши и тѣхъ, кто изъ него перепечатывалъ. Нечего уже прибавлять о Макаровѣ, справедливо вызвавшемъ общее негодованіе, но несправедливо понесшемъ всѣ тяжкіе упреки на себѣ одномъ за поддѣлки. Первымъ безукоризненнымъ издателемъ народныхъ пѣсень можетъ быть названъ лишь К. Ѳ. Калайдовичъ. Со Стихами духовными и Сказками была у насъ та же исторія. Такъ воспитался Сахаровъ и, хотя умѣлъ сердито критиковать, самъ увлекся путемъ ложнымъ. Вспомните, что даже почтеннѣйшій В. И. Даль, современникъ дѣятельности Сахаровской, пошелъ было также по этому *ложному*, какъ нынѣ самъ признаетъ, пути: его тактъ не дозволилъ однако ему передѣлывать, а лишь возсоздавать народное творчество, но и то было отчасти уклоненіемъ. Единственный великій художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и, не передѣлывая, возсоздавать народное творчество, то есть переводить его въ иную область, область посредственнаго художества, образованнаго сферою высшею, — законная задача для будущихъ писателей-поэтовъ,—былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство геніальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣнье не дали никому другому ни охоты, ни права наслѣдовать въ семъ дѣлѣ Пушкину. Что же сталось бы съ тѣмъ, кто вздумалъ бы не возсоздавать,—на это не хватало силъ,—а передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ творилъ самъ народѣ, однимъ словомъ на частное лицо свое надѣвать маску, снятую со всего великаго народа? Сахаровъ поддался этой неблагодарной роли, доказалъ свою роль тысячью опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы этого говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣ-

лавшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить *всѣ* напечатанные имъ памятники устнаго народнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя «Сказаній Русскаго народа» и «Русскихъ народныхъ Сказокъ.» Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья, помѣщенный у насъ во 2-мъ выпускѣ «Калѣкъ Перехожихъ;» довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ—удлиннялъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго,* выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская-Татищевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно мы никогда не увидимъ. «Эта рукопись, говоритъ Сахаровъ въ Примѣчаніяхъ къ Сказкамъ, писана въ поллистъ, скорописью, разными руками въ XVIII вѣкѣ. Впереди всего были, почти безъ раздѣленія, помѣщены Былины (здѣсь образцемъ послужила Сахарову рукопись Кирши), а послѣ ихъ Сказки. Бѣльскій, постоянный житель города Тулы, какъ самъ сказывалъ мнѣ, получилъ эту рукопись изъ дома Демидова (опять желаніе сроднится съ рукописью Кирши)... Изъ этой рукописи Бѣльскаго всѣ Былины буквально перепечатаны; Сказки же помѣщаю теперь.» Столь точно описанную рукопись познали мы отъ плода ея: Былины, изъ нея напечатанныя, оказались совершенно тѣ же, что у Кирши, но, съ естественными, казавшимися необходимостью, исправленіями. Въ Былинѣ объ Ильѣ (у насъ вып. 1), «*И начался* (начаялся, показался, по мнѣнію) Добрынѣ какой сильной могучій богатырь,» рукопись Бѣльскаго объяснила — «*показался;*» въ другой — «А Спиря встаетъ, то *постыриваетъ,*» исправлено вѣрно «*поспириваетъ;*» въ Былинѣ о Добрынѣ (у насъ вып. 2) «*Никитъ*» вмѣсто «*Никитичу,*»— рукопись Бѣльскаго исправила «Никитичу».—Тамъ же—«не мнѣ *вода* грѣть,» древнее словосочиненіе, а рукопись Бѣльскаго нашла совре-

ненные—«не мнѣ *воду* грѣть;» тамъ же, гдѣ нужно бы поправить—«сидитъ онъ, ничего, *свѣтъ,* не видитъ,» ошибка рукописи Киршевской *свѣту* перенесена и въ Бѣльскую; неправильное «*зашельщина*» вмѣсто «*засельщина*» оставлено по недосмотру и у Бѣльскаго; въ Былинѣ объ Алешѣ (у насъ вып. 2) древняя форма «*убйхъ*» замѣнена болѣе понятною нынѣ «*убилъ*;» вмѣсто «*мочно*» также точно явилось «*можно;*» вмѣсто сокращеннаго народнаго «*подъ небесью*» болѣе обычное «*по поднебесью*;» вмѣсто народнаго «замочило *Тугарина*—крылья бумажныя,»—«*у Тугарина;*» вмѣсто «*Тугаретинымъ,*»—«*Тугаринымъ.*» Въ Былинахъ о Чурилѣ (у насъ вып. 4), «*другую* сорокъ,» возникшее вѣроятно изъ «другое,» «*свѣтлицы*-гридни» вмѣсто «*свѣтлыя*» догадливая рукопись Бѣльскаго исправляетъ «*другой* сорокъ,» «*свѣтлыя.*» Въ Былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ (у насъ тамъ же) ошибку пѣвца, попавшую въ сборникъ Кирши, «*глухоморья*» вмѣсто «*лукоморья,*» наслѣдовала себѣ рукопись Бѣльскаго; «*свашела* (сваха) княгиня Апраксѣевна» рукопись Бѣльскаго объяснила отъ глагола *свашить*, и потому выразилась «*свашила,*» сватала. Въ Былинахъ объ Васильѣ Буслаевѣ (настоящій нашъ выпускъ), употребительную форму «*хоробрый*» Калайдовичъ читалъ вездѣ въ рукописи «*хорабрый,*» примѣняясь къ формѣ «*храбрый*:» рукопись Бѣльскаго сочла безопаснѣе остановиться на сей послѣдней; явная ошибка «*тако*» вмѣсто «только» наслѣдована и Бѣльскимъ; рукопись Кирши имѣла «*начается* (полагаетъ онъ, кажется ему, казалось):» рукописи Бѣльскаго должно бы наслѣдовать это правильное чтеніе, тѣмъ больше, что она, какъ выше замѣчено, уже замѣнила слово «начался (начаялся)» словомъ «показался;» но, совсѣмъ неожиданно, она усвоила себѣ неосторожное исправленіе Калайдовича—«*качается*;» исправила она также «*старицу* подъ колоколъ» вмѣсто двусмысленнаго «*старца.*» У Кирши «увѣчье *залѣзено,*» добыто, и тотъ же глаголъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Васильевыхъ Былинъ («не спасенья залѣзть,» Рыбник. т. II), такъ что Калайдовичъ остерегся исправить, указавши примѣръ подобнаго лѣтописнаго употребленія; но слово, употребительное въ одной мѣстности, незнакомо было въ другой, такъ что иныя Былины, объяснивши себѣ «*залѣчено,*» выразили свое пониманіе новымъ описательнымъ стихомъ—«*излѣчилъ* дружинушку хоробрую (Рыбник. т. II):» рукопись Бѣльскаго,

какъ слѣдовало ожидать, выразилась «*валѣчено*;» но она, какъ и выше замѣчено, не признавая древняго словосочиненія, не допустила выраженія «подъ старость надо *душа* спасти» и исправила «*душу*.» Но довольно, перейдемъ къ Сказкамъ. «Всѣхъ Сказокъ, какъ говоритъ Сахаровъ о содержаніи рукописи Бѣльскаго, было: 1. *Добрыня Никитичь*, 2. *Василій Буслаевичь*, 3. *Илья Муромецъ*, 4. *Акундинъ*, 5. *О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ*, 6. *Змѣй горынчища*, 7. *Соловей сынъ гостяной Ивановичь*, 8. *Иванъ гостиной сынъ*, 9. *Алеша поповичь*, 10. *Емеля дурачокъ*, 11. *Шемякинъ судъ*, 12. *О семи мудрецахъ и о юношѣ*, 13. *О чудныхъ и зѣло умильныхъ гусляхъ самогудахъ*, 14. *О Жаръ-птицѣ и Иванѣ царевичѣ*.» Прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь скромность рукописи Бѣльскаго: она сохранила въ себѣ лишь тѣ имена, лица и предметы, которые извѣстны изъ другихъ народныхъ преданій и памятниковъ: новаго только *Акундинъ*, котораго разсмотримъ ниже, да сказаніе о *гусляхъ*, которое однако въ печати у Сахарова къ сожалѣнію не явилось. Во вторыхъ, удивительна здѣсь вѣрность былинамъ Кирши: такъ въ нихъ объ Иванѣ Гостиномъ лишь отрывокъ (мы прежде доказали, что съ этимъ героемъ связана цѣлая область самостоятельнаго творчества), — и Сказка Бѣльскаго, по замѣчанію Сахарова, «не имѣла окончанія,» не откуда ей было достать. Но, если скромна была рукопись Бѣльскаго, то не совсѣмъ скроменъ ея издатель, ибо онъ прибавилъ: «Всѣ эти Сказки, *удержавшія вполнѣ нашъ чистый народный языкъ* (такъ думалъ издатель), были приняты мною за основаніе текста (выраженіе опасливое, на случай, если бы доказали подправки: только «приняты за основаніе»). По крайней мѣрѣ *доселѣ не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто либо другой*.» Богъ знаетъ, куда бы повело, еслибъ намъ пришлось это повѣрять на дѣлѣ: но по счастію издатель большей части всѣхъ сихъ Сказокъ не издалъ и *успѣлъ* напечатать лишь тѣ, кои вытекали прямо изъ имѣющихся народныхъ Былинъ и Сказокъ, — о Добрынѣ, Васильѣ, Ильѣ, Акундинѣ и Семи Семіонахъ. Всѣ онѣ — относить ли это къ ихъ достоинству или къ естественному происхожденію? — всѣ, за исключеніемъ опять Акундина, о коемъ ниже, суть перифразъ народныхъ Былинъ и Сказокъ. Нельзя потому сказать, чтобы онѣ много прилгали, — для свѣдѣнія мы даже печа-

таемъ ихъ при настоящихъ выпускахъ, — онѣ довольно осторожны: но осторожность ихъ даже бросается въ глаза, именно заботливость удалить все то, что̀ въ другихъ памятникахъ сего рода есть двусмысленнаго, или искаженнаго, или требующаго поясненія. Есть и наивныя прибавки: такъ про смерть Ильи наше народное творчество съ намѣреніемъ умалчиваетъ, давая лишь разумѣть, что онъ ушелъ изъ Кіева, спустился въ пещеры, окаменѣлъ и т. п.; но Сказка Бѣльскаго обстоятельна: «а живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и преставился.» Добрыня по лѣтописямъ воевалъ съ Болгарами, о чемъ впрочемъ молчитъ устное творчество, зная Добрыню совсѣмъ инаго, какъ своеобразный типъ свой: образованная рукопись Бѣльскаго влагаетъ Тугарину, врагу Добрыни, тонкій намекъ,—«прогнѣвилъ князь Кіевскій царя Болгарскаго...., и велѣлъ тотъ царь Болгарскій (Тугарину) привезти ему главу Владимірову,» при чемъ Тугаринъ даже немножко обмолвился, заявивши, что царь Болгарскій «живетъ не далечь *лукоморья синяго,*» тогда какъ это лукоморье несовсѣмъ умѣстно въ мѣстѣ жительства тогдашнихъ Болгаръ и тогда какъ народъ обыкновенно говоритъ «лукоморья *зеленаго.*» По тѣмъ же причинамъ устное народное творчество Кіева не знаетъ Добрыню въ Новгородѣ, а только въ Кіевѣ: но рукопись Бѣльскаго свѣдущѣе въ лѣтописяхъ и заставляетъ героя увѣрять,—«а пріѣхалъ я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода.» Къ чести ея нужно также прибавить, что, имѣя подъ рукою памятники народные, она женитъ Добрыню на *Настасьѣ Микулишнѣ*, обстоятельство, подтвержденное Былинами: но не къ чести, что отецъ ея, типъ *крестьянина, Микула Селяниновичь*, вышелъ тутъ «*торговымъ гостемъ,*» «*воеводою Кіевскимъ*» и *Микитичемъ*. Домовитая и религіозная рукопись Бѣльскаго всѣхъ этихъ богатырей, вопреки установившемуся типу Кіевскаго творчества, непремѣнно, женивши, поселяетъ въ Кіевѣ и здѣсь хоронитъ: такъ и Добрыня «принявши законъ, жилъ припѣваючи, а живши состарѣлся, состарѣлся и преставился.» Есть и еще кое-какія любопытныя вещи,—онѣ большею частію означены въ Указателѣ, напечатанномъ нами при 4-мъ выпускѣ, замѣткою «сомнительно:» но достаточно. Въ языкѣ также нельзя сказать, чтобы употреблялись слова и обороты, совершенно чуждые народу: но у него они на мѣстѣ, въ мѣрѣ требованія и творчества, а здѣсь

на каждей строчкѣ; это—удлиненныя формы—«добрыихъ,» «сладкіихъ (вм. «добрыхъ,» «сладкихъ»);» безпрестанное «а и,» «а и то-то,» «а и было,» «ужь и я ли,» «ужь и ты ли,» и т. п.; не просто «слово,» а непремѣнно «словечушко,» или «слово ласковое, великое;» рѣчи «вѣстныя,» рати «сильныя,» руки «крѣпкія,» терема «златоверхіе,» «надежа осударь;» «и на томъ рѣчь свою ставили;» «думать крѣпку думушку,» «служить вѣрою и правдою;» преклоняютъ «чело до полу,» кланяются «большимъ челобитьицемъ, отъ востока до запада,» кланявшись «становятся во единъ рядъ» или «на особицу,» просятъ «соизволь выслушать,» и прочее, и прочее. Отражающаяся всюду въ Былевомъ творчествѣ, отчасти грубая и суровая, но несомнѣнно простая и честная, развязная и удалая, стойкая и сильная наша древняя Земщина является здѣсь дворянской челядью XVII вѣка или придворною толпою, съ большими козырями, Китайскими церемоніями; не скажетъ просто слово, все съ ужимками и штуками; поклонъ ея оказывается какимъ-то реверансомъ, слово спичемъ. Впечатлѣніе рѣшительно паточное, послѣдствія для читающаго тошнотныя. — Перейдемъ къ Сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Она вся сложена у Сахарова изъ Киршевскихъ Былинъ и Чулковской Сказки, съ пособіемъ можетъ статься еще кое-какихъ народныхъ данныхъ, нами не отрицаемыхъ, но съ тѣми же передѣлками. Вмѣсто народнаго «*пѣтье* церковное» выставлено безопаснѣйшее «*пѣнье*;» «въ *наукѣ*» замѣнено словомъ «въ *науку*.»—Отринувши показаніе Былины, что Василью грамота, письмо и пѣтье въ наукѣ пошли, Сахаровъ не дошелъ до тѣхъ сказочныхъ данныхъ, что Василій вмѣсто того «выучился соколомъ летать,» а увѣряетъ, что «грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло.» — Показаніе Былины, отразившее мѣстность ея происхожденія, — «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Буслаева,» Сахаровъ счелъ надежнѣе замѣнить словами — «а и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.» — Слова Чулковской Сказки «отпускаетъ она посадниковъ съ почестью» изложены красивѣе: «и чинитъ почесть честна вдова Амелеа Тимоѳеевна мужикамъ Новогородскіимъ.»—У Чулкова подобнымъ образомъ отвѣтъ Василья матери: «не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе;» у Сахарова: «не боюсь страху посадниковъ, не

страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое.»—Василій по Былинамъ разсылалъ ярлыки съ приглашеніемъ Вольницы, ихъ и читали проходившіе: у Сахарова «бирючи кличутъ кличь,» и тогда уже излишенъ удержанный имъ изъ Былинъ образъ случайнаго прочтенія,—«шли люди грамотные, читали ярлыки скорописчаты.»—Удержано изъ Чулкова неловкое прозвище свинца «Сорочинскимъ,» тогда какъ у народа свинецъ «Чебурацкій.»—Потанюшка у Сахарова «идетъ-плыветъ по улицѣ,» — красиво, но забыто, что хромому было трудновато плыть утушкой и лебедушкой, какъ хаживали женщины.—Въ имени Дѣтей Боярскихъ намѣренно вставлено любопытное разнорѣчіе «Матвей» вмѣсто «Моисей.» — Сохранены изъ Былины «Мужики Залѣшане,» но, что Василій испугался ихъ и не смѣлъ показаться, думалось Сахарову несовмѣстнымъ съ храбростью героя и онъ приправилъ растянутую картину, что Василій ихъ не встрѣтилъ, потомъ спохватился, бросился угощать. — Собирались, говоритъ Сахаровъ, къ Василью на пиръ «со всѣхъ концовъ, *опричь Посацкой:*» это казалось необходимымъ, ибо на сторонѣ Посадской враги; но къ сожалѣнію, по Былинамъ, ихъ-то больше всего и было у Василья, только онъ ихъ не потчивалъ, а прогналъ. — Сборъ Новгородцевъ «въ терема тайницкіе» нравился Сахарову и всѣ рѣчи ихъ взяты изъ Чулкова: но сочинитель побоялся выставить Чудина и Садку, замѣнивши перваго «чюднымъ старцемъ» и удаливши изъ рѣчей все, что касалось правъ Василья «на княжескій престолъ,» этого наивнаго мотива, допущеннаго Чулковымъ. — Старики задумали споить молодаго Василья, и у Чулкова «покупаютъ вины заморскія, *что ни пьяныя,*» то есть что ни самыя пьяныя, самыя какія только были пьяныя, самыя похмѣльныя: не понявши этого, Сахаровъ говоритъ, что «приходили гости торговые (казалось неприлично, что старики посадники сами ходили къ нимъ) съ винами заморскими, *ни съ пьяными, ни съ похмѣльными,*» т. е. совершенно вопреки смыслу. — Въ Былинѣ у Кирши, Новгородцы не думаютъ звать къ себѣ Василья и, случайно узнавъ о случайной ихъ братчинѣ Никольщинѣ, онъ идетъ туда безъ всякого особаго умысла: у Сахарова изложенъ формененный зовъ на пиръ Василью отъ мужиковъ, а между тѣмъ выраженіе Былины, выставлявшее случайность, удержано: «прослышалъ Васька про канунъ варенъ — пива ячныя у мужиковъ посацкіихъ, по-

нелъ въ терема таѣнищіе;» да какъ же онъ *прослышалъ*, когда его нарочно приходили звать и онъ далъ согласіе притти?— У Буслая старика нигдѣ нѣтъ отчества: какъ допустить этотъ пробѣлъ? Рукопись Бѣльскаго должна же отличиться любопытнымъ пополненіемъ, и вотъ очутился «Буслай *Довмонтьевичъ.*»—Но самого себя превзошелъ Сахаровъ въ описаніи пира: онъ собралъ сюда даже богатырей изъ Кіева и вложилъ имъ въ уста чудовищные спичи. Первый взятъ изъ Чулкова Садко: онъ, владѣвшій кораблемъ *Соколомъ*, здѣсь является удалымъ всадникомъ и хвалится «*конемъ* Соколомъ,»—вѣдь купцы хвалятся же нынче хорошими лошадьми! За тѣмъ Чурило краснорѣчиво описываетъ свою жену, не бывши женатымъ, да еще какую жену! *Настасью Апраксьевну*, то есть жену чужую, жену Дуная Ивановича! Ставръ, изъ своего XII вѣка занесенный Былинами Кіевскими къ Владиміру—вмѣсто Мономаха—Святославичу, маніемъ Сахарова возвращенъ въ Новгородъ и отданъ на время въ сынки къ Владимірову бояриму Путятѣ, въ *Путятичи*; у него и слуга *Акундинъ*, имя, которое Сахаровъ старался ввести въ творчество, упоминая и въ воеводахъ Кіевскихъ при Владимірѣ, готовя сказку, которую ниже увидимъ. Еще забавнѣе: стыдливый и даже робкій, выученный изъ бѣды женою, Ставръ является страшнымъ богатыремъ, наѣзжаетъ на Чудь поганую, кричитъ, свиститъ, гонитъ враговъ, машетъ копьемъ, хватаетъ мечемъ. Мѣстный герой, Костя, бездомный сирота, который въ Былинѣ прямо скорбитъ, что ему «нечѣмъ похвастати,» и у котораго одинъ выходъ—драться съ Новгородомъ, какъ голой Вольницѣ, у Сахарова разбогатѣлъ на диво: «а и нѣтъ нигдѣ такого богачества супротивъ моего,—три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.» Бѣдняга, по непривычкѣ къ богатству и неопытности въ коммерціи, забылся до того, что, по словамъ его, у него даже «*три корабля плывутъ по лукоморью* съ соболями:» а лукоморье — лука по морю, излучистый берегъ моря. Но онъ по крайности далъ намъ объясненіе, почему лукоморье, въ народномъ творчествѣ обычно «*зеленое,*» покрытое мхомъ и травою, у Сахарова, по недоразумѣнію, которое мы упоминали, явилось *синимъ* (въ Сказкѣ, выше помянутой). Богатый негоціантъ-издатель, отпустившій Костѣ въ

предить à fonds perdus лукоморье, считалъ его «заливомъ!» — Договоръ, особенно письменный и съ закладомъ, бываетъ не менѣе какъ при двухъ сторонахъ: а у Сахарова Василій уже ушелъ съ пира и тогда лишь, собравшись «въ терема тайницкіе (какъ это понравилось, на каждомъ шагу!), мужики догадались сдѣлать закладъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, ансóмъ, — «битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и *выгоды* (вмѣсто «выходы») по три тысячи на всякъ годъ. И на томъ мужики посацкіе руки подписали.» — Старуха мать Василья, указавшая Новгородцамъ на Пилигримища, сама потомъ вышедшая унимать сына, во всякомъ случаѣ передъ городскими старшинами по своему вѣжливая, поднята Сахаровымъ (по неумѣстной выпискѣ изъ Чулкова) въ трагическое негодованіе: «отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелоа Тимоѳеевна *съ нечестіемъ.*» Но, что дозволительно было Василью, могло быть страшновато старухѣ: а еслибы ее побили за нечестіе? — Старчище Многолѣтище, согласно Былинамъ, отведенъ Сахаровымъ «въ почестной *монастырь*:» но, согласно съ Чулковымъ, проповѣдуетъ, что «сижу я во *теремѣ* неисходно ровно тридцать лѣтъ.» Такъ въ монастыряхъ бывали не кельи, а семейные терема? — Чтобы не дать издателю случая какъ ни будь ошибиться, Старикъ надѣваетъ колоколъ просто, не съ колокольни — по Былинамъ, не съ вѣча — по Чулкову, а вѣроятно изъ кармана. Судьба его самого еще удивительнѣе: согласно съ Былинами, у Сахарова «заглянулъ онъ Васька старцу (исправлено вмѣсто пѣсеннаго «старца») подъ колоколъ, — а во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣту,» — поминай старика, какъ звали; но, согласно съ Чулковымъ, онъ тутъ же и оживаетъ, — «поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію.» Любопытно еще, какъ Сахаровъ осмыслилъ пѣсенное — «начается, старецъ не шевéлнится:» «качается старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится.» — Мы видѣли у Чулкова, что дружинники Василья, Ѳома съ Потанюшкой, въ битвѣ не участвовали, держались отъ нея вдали про запасъ, на случай, если ослабнетъ Василій; потому, когда ихъ будила Чернавка, они не захотѣли даже встать и спокойно завернули голову въ подушки: все это, почти до слова, лишь съ прикрасами, переписано Сахаровымъ. Но у Сахарова была еще Былина Кирши, гдѣ дружина выноситъ на себѣ всю тяжесть перваго боя, гдѣ она

избита и Василій, пробудившись, является выручать ее: безпристрастный сочинитель рукописи Бѣльскаго не погнушался и этимъ, онъ выписалъ и отсюда,—«пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой; завидѣли его удалы молодцы, Ѳомка со Потанюшкой, — у ясныхъ соколовъ крылья отрасли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло, молодой Васька сталъ выручать ихъ.» Завидѣли— со своихъ перинъ, Василій выручаетъ ихъ—изъ просонья! Невольно вспоминается: «солгала неправда себѣ,» себѣ, а не кому другому.— Сбившись здѣсь однажды, Сахаровъ заставляетъ и далѣе унимать уже не одного Василья, а *дружину*, и *дружина* запиваетъ свои раны,—то есть, какъ попалъ на Былину, такъ отъ нея и не оторвался сознаніемъ.—Наконецъ, у Чулкова, гдѣ весь вопросъ изъ за Княжества и владѣнія Новгородомъ, разумѣется побѣжденные граждане передаютъ всѣ княжескія права побѣдителю и раздаются возгласы: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуславичь!» Эту невинную коронацію легко простить наивному Чулкову. Но Сахаровъ вопросъ о Княжествѣ весь вычеркнулъ: какъ же онъ допустилъ рукопись Бѣльскаго выписать послѣдствія битвы изъ Чулкова? Читаемъ: «втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идутъ въ терема тайницкіе (безъ этихъ теремовъ ничего у нихъ не дѣлается), пишутъ крѣпки записи — быть Новугороду за Ваською Буслаевымъ!—» Горожане Великаго Новгорода могли уступить побѣдителю въ единоборствѣ часть городскихъ повинностей; могли принести ему и дѣйствительно принесли записи — закладныя, теперь выигранныя: но, поступиться Новымъ-городомъ, а за нимъ всей Новгородской областью, поступиться счастливцу изъ Вольницы, когда не поступались ни одному Рюриковичу,—Сахаровъ въ увлеченіи своего творчества, списавшаго съ одного боку Былину, съ другаго Сказку Чулкова, не остерегся выставить Новгородцевъ глупыми ребятами.

Рукопись Бѣльскаго еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ *Акундинѣ* и Князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же пряный и уснащенный. Только лишь начинается Сказка, — «соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,»—тотчасъ чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распыщенная губернія.

Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями; разсказывается, какъ жили въ старину «не по нашему, по заморскому, а по своему православному,» но народъ не описалъ бы такого православнаго житья: вставали, видите, утромъ рано и «кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада,» — что̀ за безобразіе! Потомъ «созывали слугъ вѣрныихъ на добры дѣла,» — только *слуги* ихъ и дѣлали; «старики судъ рядили,» «старыя старушки судилирядили,» — мужеско-женскія народоправства; «молодыя молодицы правили домкомъ,» тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ — «красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день,» «старыя старушки сказки сказывали,» — это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угоняешься: мы остановимся на содержаніи. Опять не отрицаемъ, что въ основѣ нашлись кое-какія преданія, подслушанныя или прочитанныя гдѣ-либо Сахаровымъ, въ теченіе лѣтъ, когда онъ всюду интересовался народной словесностью: такъ, на примѣръ, существенныя черты въ образѣ выведенныхъ имъ Каликъ или Калѣкъ весьма замѣчательны и вѣрны, какъ убѣдились мы, долго занимавшись тѣмъ же предметомъ. Но, что изъ этого слѣплена перехитренная мозаика и сшитъ тучный романъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Имя Акундина, какъ замѣчали мы, старался нѣсколько разъ уже привести Сахаровъ, подготовляя естественность сказки: и въ Кіевѣ, и при Новгородцѣ Ставрѣ. Еще любопытнѣе ближайшій поводъ къ сочиненію сказки. Ѳ. Н. Глинка жилъ въ Олонецкой губерніи, въ этой странѣ былинъ и поэтическихъ преданій, недавно поразившихъ насъ своей творческой красотой и величавостью въ Сборникѣ П. Н. Рыбникова. То, что могъ собрать путешественникъ, — весьма впрочемъ скудное, — онъ группировалъ около событія — заточенія Мареы Ивановны Романовой на Выгозерѣ, въ Обонежской пятинѣ, принадлежавшей Новгороду. Преданія Олонецкія, истекавшія изъ массъ, заселившихъ сію мѣстность, перекрещивались въ древности — и доселѣ — съ Новгородскими, ибо, какъ здѣсь были владѣнія древняго Новгорода, такъ изъ него же на глазахъ исторіи шли сюда многочисленные поселенцы, со всѣмъ запасомъ Новгородскаго творчества. Разсказъ, сгруппировавшійся около Мареы, или, лучше, отрывочныя описанія въ стихахъ, издалъ сочинитель въ 1830 г. подъ именемъ столь извѣстной своей «Кареліи,» въ четырехъ частяхъ. При озерѣ

Онегѣ, въ Мурмскомъ урочищѣ, есть извѣстная обитель, основанная Лазаремъ Мурмскимъ. Это былъ выходецъ изъ Рима, Странникъ, жившій послѣ въ Новгородѣ, основавшій монастырь въ урочищѣ, которое и подарено было монастырю въ 1.182 году отъ Новгорода, именно однимъ доброхотнымъ дателемъ, жителемъ Славянскаго Конца. Простодушное житіе, описанное Лазаремъ, о странствованіяхъ, подвигахъ, чудесахъ, получено было Ѳ. Н. Глинкою и дало, какъ видно, ему мысль воспользоваться разсказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Къ Марѳѣ Ивановнѣ введено съ разсказами таинственное лицо какого-то Отшельника, описывающаго свои странствованія, любовь, разлуку, приходъ издалека на Сѣверъ, водвореніе въ пустыни Олонецкой. Онъ родомъ былъ изъ Греціи, любилъ войну, битвы и походы, плѣнился дѣвой чужеродной и, когда она гнѣвнымъ отцомъ была убита, попалъ самъ въ темницу, освободился, «топилъ свою печаль» въ далекихъ странствованіяхъ, явился въ Италіи, «онъ гробъ Марона посѣтилъ и прочиталъ на немъ Гомера,» и все это, и объ Италіи, «странѣ гробовъ неумирающихъ героевъ,» разсказывалъ Марѳѣ Ивановнѣ. Досужая, послушно она внимала. Далѣе, «онъ всю Германію прошелъ, искалъ чего-то,» онъ «весну проводилъ надъ Рейномъ,» видѣлъ видѣніе Богоматери, такое же какъ Лазарь Мурмскій, и призванъ былъ видѣніемъ на Сѣверъ. «Такъ онъ, къ безвѣстному влекомый, все шелъ на Сѣверъ,» и пришелъ, засталъ въ Кареліи пожаръ, воспоминавшій «пѣснь Омира въ его стихахъ— *лѣсной пожаръ;*» пугался дикости сначала, но примирялся съ языкомъ, «но сладокъ у лѣсной Карелы ея безписьменный языкъ; казалось, я (слова разсказщика) переселился въ края Авзоніи опять и мнѣ хотѣлось повторять ихъ рѣчь, въ ней слухъ мой веселился игрою звонкой буквы *Л* (ель);» потомъ, для риѳмы, встрѣтилъ *ель,* явленье частое въ томъ краѣ и, Промыслъ свой благословляя, нашелъ пристанище въ глуши, усѣлся, въ мирѣ и тиши вѣкъ проводилъ и кончилъ передъ Марѳой повѣсть разсказомъ, какъ страдала совѣсть мечтою грѣшной о быломъ, влетавшею какъ будто птица, «какъ мысль, какъ пылкая зарница,» а тамъ, какъ онъ владѣлъ собой и «какъ держалъ Духовный бой, и что въ пустынѣ съ нимъ сбывалось.» Сіи поэтическія картины, при всемъ ихъ достоинствѣ и живости, не скрываютъ отъ насъ, что образъ Отшельника есть

иторообразъ, снятый съ Лазаря Мурмскаго. Благоговѣйный поэтъ не рѣшился никакъ высказать этого прямо: но, что это близко къ дѣлу, мы заключаемъ изъ примѣчаній о Лазарѣ, присоединенныхъ къ стихотворенію, изъ таинственности Отшельника и изъ того, что говорится: «Душей съ земнымъ разставшись прахомъ, онъ небомъ званъ; онъ жилъ въ лѣсахъ близь Тóлвуи и на скалахъ у Кивача, не знаясь съ страхомъ; у поселянъ онъ слылъ монахомъ; то будь онъ и у насъ монахъ! Ктожь онъ, какой онъ уроженецъ? Наставникъ мирныхъ поселянъ — за чѣмъ? И изъ какихъ онъ странъ въ сей край недавній переселенецъ?» При семъ замѣчаніе прозою: «разсказъ объ отшельникѣ, о его переселеніи съ Востока на Сѣверъ, *не есть просто вымыселъ* (вотъ указаніе прямое); но — прибавляетъ скромный сочинитель — здѣсь не мѣсто о семъ распространяться.» Такимъ образомъ, думаемъ мы не безъ основанія, Мароа Ивановна въ разсказѣ таинственнаго Отшельника выслушала мѣстную повѣсть о Лазарѣ Мурмскомъ. — Теперь сторона другая: къ Царственной Изгнанницѣ входитъ послѣ Отшельника дѣвушка-крестьянка Маша, и полились разсказы уже о преданіяхъ чисто-народныхъ, творческихъ. Тотъ же подвижникъ, котораго видѣли мы въ Лазарѣ— со стороны болѣе нравственной, теперь, по народному представленію, является Богатыремъ подъ именемъ *Заонѣги,*—имя вымышленное, просто—поселенецъ Заонежья, уничтожившій въ семъ краю страшилищъ, злыхъ духовъ, Змѣя Тугарина. Почерпнуты ли эти разсказы поэтомъ изъ рукописнаго Житія, или изъ устъ Олончанъ,— все равно, они близко сходятся и одинаково принадлежатъ воззрѣнію народнаго творчества. «Теперь разсказываетъ Маша все больше про свою страну и говорила дѣва наша про то, что было въ старину: про озеро свое Онѣгу и про Карельца Заонѣгу. А кто же былъ онъ? Богатырь, и славный. Онъ съ дубиной, смѣлый, берегъ Карельскіе предѣлы и славилъ свой лѣсной пустырь.... За чѣмъ тутъ ели вдругъ не стало? Ее унесъ нашъ богатырь. *На Мурму шелъ онъ въ монастырь* (замѣтьте его тожество съ Лазаремъ): вдругъ стадо на него напало, какъ войско цѣлое, волковъ, конечно посланныхъ духами; но въ мигъ управившись съ волками, добрался онъ и до духовъ. И видимыхъ своей дубиной громилъ и билъ онъ какъ пестомъ, *а невидимокъ гналъ крестомъ*, считалъ ихъ козни паутиной; и *силой честнаго креста* онъ ихъ—воздушныхъ скоморо-

ховъ, какъ не спасли и высота... Мы помнимъ Змѣя Тугорина (Тугарина; дѣйствительно, у Олончанъ есть свой Тугаринъ, Шаркъ-великанъ, получившій имя отъ историческаго Шарукана): онъ трехсотъ саженъ былъ длиной и горы подымалъ спиной; но Заонѣгина дубина ему далась порядкомъ знать. Мы помнимъ, изо всей Карелы сошлась какъ туча нашихъ рать: метали камни, копья, стрѣлы, а Змѣй бойцовъ и не слыхалъ и, лежа на скалахъ Онѣги, имъ въ уши бурею свисталъ и полъ-Онѣги разплескалъ хвостомъ. Но все отъ Заонѣги онъ не ушелъ. Избитый, чуть черця густою кровью путь, чуть, сонный, въ Укшу дотащился и тамъ у Коссалмы свалился. (Да) онъ лежитъ тамъ и теперь: и съ той поры, огромнымъ тѣломъ загородилъ на Кончу дверь и легъ какъ толстая плотина, его покрыла пыль и тина, на немъ скопилася земля и выросъ лѣсъ.» Это описаніе дѣйствительно прекрасно и конечно не могло возникнуть безъ основы народныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ, говоримъ, изъ устъ ли, или изъ рукописнаго Житія. Далѣе слѣдуетъ встрѣча Заонѣги съ Водяникомъ, потомъ съ воздушными духами:... «Заонѣга, послѣ обѣденнаго сна (въ кельѣ?), идетъ путемъ къ лѣсному Уру сбирать душистую мамуру,—она въ то время новизна. Все тихо, тихо и сонливо, порой лишь, подъ овсяной нивой, взреветъ медвѣдь. Но вотъ жужжитъ и вьется—что такое? Мухи? Но Заонѣга говоритъ:—Я знаю васъ, воздушны духи!—» Духи начинаютъ искушать Заонѣгу, какъ всегда искушаютъ отшельниковъ: «—Ну полно жъ врать, я не люблю, вы знаете, я васъ не трушу!—Такъ Заонѣга. Но кипитъ воздушниковъ лихая сила, хохочетъ, дразнитъ и шумитъ, ужъ Заонѣгу разсердила... Но—*Лазарь въ Мурмѣ зазвонилъ* (угодникъ съ братіей тамъ жилъ),—и духи тотчасъ присмирѣли, и Заонѣга сталъ смирёнъ: прогналъ враговъ вечерній звонъ, то въ Мурмѣ павечерье пѣли.» Такимъ образомъ Лазарь же прогналъ искушенія духовъ. Ясно, что Марѳа Ивановна въ разсказѣ Маши слышала ту же повѣсть о Лазарѣ, по народнымъ воззрѣніямъ, лишь замаскированную скромнымъ сочинителемъ.—Спросятъ многіе: къ чему это длинное отступленіе къ творенію поэта? Какое его отношеніе къ народнымъ сказкамъ? Да, странно представить, что здѣсь отношеніе есть: а между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ «Кареліи,» въ 1841 г. отпечатаны Сказки Сахарова и въ нихъ, *изъ рукописи Бѣльскаго*, сказка объ Акундинѣ. Акундинъ—житель Новгорода, связаннаго съ

Заонежьемъ и всей Олонецкой областью народными сказаніями; изъ эпохи XII вѣка (судя по современности Глѣбу Ольговичу), слѣдовательно современникъ и Лазаря, и Заонѣги. Ходилъ онъ прежде въ походы съ Вольницею, но ему наскучило разгулье, его влечетъ къ инымъ странствіямъ, къ Кіеву и Москвѣ, и пускается онъ по Волхову, одинокимъ Странникомъ, какъ Лазарь, какъ Отшельникъ—второобразъ Лазаря. Какъ эти послѣдніе призваны были къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудными видѣніями, такъ мѣсто высшихъ силъ для Акундина занялъ таинственный Калѣчище: онъ беретъ Акундина, ставитъ на высокій курганъ и съ высоты показываетъ обширную Рязанскую область отъ Оки до Дону, городъ Ростиславль, тамошнихъ жителей и совершавшіяся тамъ событія. Увлеченный дивнымъ видѣніемъ, юный странникъ рвется въ открывшуюся взорамъ страну на подвиги: Калѣчище мгновенно переодѣвается, надѣваетъ на себя платье Посадника (онъ нарочно таскалъ это платье съ собою на случай), является въ величіи посадническомъ, открывается дядею Акундина, передаетъ ему наслѣдіе отъ отца, мечь кладенецъ, калену стрѣлу, тугой лукъ (это то же до поры-времени береглось въ каличьей сумѣ), благословляетъ племянника на предстоящіе подвиги и — самъ кончается, переселяется въ вѣчность. Ясно, что Калѣчище есть дивное видѣніе, но не такое, какое описываютъ Житія, подобныя Житію Лазаря, или суевѣрныя народныя преданія о Заонѣгѣ, а живое, съ кровью и плотью дѣйствительности, въ образѣ, какой только могла создать народная сказка. — Что же за подвиги предстояли Акундину? «Гладитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, Змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ во триста саженъ, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань.» Читатели узнаютъ грознаго врага Лазарева и Заонѣгина. Изъ Ростиславля пытаются сперва укротить его подарками: здѣсь вставляется юмористическій эпизодъ о *Думномъ Дьякѣ Чоботкѣ*. Но мысль о семъ послѣднемъ, и самый характеръ плута, успѣвшаго обмануть старшину, стараго воеводу и посадника, встрѣчаемъ мы опять у Ѳ. Н. Глинки, въ разговорѣ духовъ съ Заонѣгою; желая развлечь подвижника соблазнительными картинами мірской жизни, они говорятъ насмѣшливо: Что у васъ въ міру за люди? «Ихъ судитъ *Думный Дьякъ* изъ

платы, они другъ друга тянутъ въ судъ, другъ друга лишь во очи не бьютъ... Подьячій врётъ передъ Дьякомъ, *Дьякомъ, лукавый, предъ Царемъ перелукавленъ Воевода.*» Вотъ вамъ исторія Чеботка и перелукавленнаго Юрья Микитича.—Когда же Тугарина не смогли побѣдить лукавствомъ, встаетъ весь Ростиславль со своимъ юнымъ княземъ Глѣбомъ Ольговичемъ, влюбленнымъ, но изъ за Тугарина теряющимъ невѣсту: тучи ихъ стрѣлъ, посыпавшихся на Тугарина, уже мы видѣли у Ѳ. Н. Глинки въ описаніи того, какъ встала на Тугарина вся Карелія. Но и рать не успѣла. «Какъ прочуялъ Змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкіимъ хвостомъ: широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ Змѣю подойти, нельзя Змѣя войной воевать: широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать, на широкіихъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода взошла.» Сравните вышеприведенное описаніе въ «Кареліи.» Всю эту бѣду Рязанцевъ видитъ съ высоты Акундинъ; ему такъ хочется въ дѣло, такъ рвется онъ помочь бѣднякамъ, что въ описаніи порыва его Сахаровъ нѣсколько измѣняетъ величественному тону рукописи Бѣльскаго, ибо не можетъ статься, чтобы она рисовала такую картину: «какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу,» —это точь въ точь, какъ рвутся въ удалую присядку. Разумѣется, когда этотъ новый Лазарь и Заонѣга дорвался до Тугарина, онъ его побилъ: «и его-то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ (уступка воззрѣніямъ Житія), а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалися (улегалися?). И беретъ онъ, Акундинъ, мечь кладенецъ, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.» Побѣдителя торжественно вводятъ въ городъ Ростиславль, дарятъ, чествуютъ, умоляютъ остаться: но странника влечетъ невѣдомый голосъ—«впередъ,» къ Кіеву, въ Москву. Онъ уѣзжаетъ. Въ этомъ разсказѣ Былины Новгородскія переходятъ въ Княжескія, удальцы Новгородскіе изъ мѣстной исключительности выводятся на широкія поля другихъ областей Руси: Сахаровъ рѣшился познакомить насъ съ бытомъ Княжествъ, съ ихъ сказаніями, эпосомъ Кня-

жескимъ. Выѣхавъ изъ Ростиславля, Акундинъ является въ сосѣднемъ, по той же Окѣ, Муромѣ, и здѣсь-то разнивается снова исторія Лазаря и Отшельника. Вмѣсто урочища «*Мурмскаго*» и «*Мурмы,*» является область *Муромская, Муромъ;* вмѣсто роя воздушныхъ духовъ, тревожившихъ Лазаря и Заонѣгу, рой Татаръ, обложившихъ городъ, полонившихъ народъ, увезшихъ красавицу Настасью Ивановну. Для Акундина настала пора любви, онъ влюбленъ какъ Отшельникъ Ѳ. Н. Глинки. Онъ мчится, разбиваетъ Татаръ какъ пухъ, освобождаетъ дорогую плѣнницу: но, какъ отецъ разрушилъ своею яростью союзъ сердецъ Отшельника и Турчанки, такъ названый отецъ Настасьи, Неждажъ предательски выдаетъ ее за другаго; какъ Отшельникъ попалъ даже въ темницу, изъ которой едва высвободился, такъ Нежданъ грозитъ Акундину, велитъ пинками гнать его. Разочарованный, неся въ сердцѣ неисцѣльную рану, странникъ убирается по добру по здорову изъ Мурома, стремится къ Кіеву и Москвѣ: въ Москву почему-то онъ уже не попалъ, но въ Кіевѣ очутился. Одна отрада его — молитва. Какъ Буслаевъ въ Ерусалимѣ, такъ Акундинъ справляетъ здѣсь поминанья по батюшкѣ и всѣмъ роднымъ. Таинственные Калѣки, занимающіе во всей сказкѣ мѣсто тѣхъ небесныхъ видѣній, которыя черпалъ изъ Житія или аллегорически рисовалъ Ѳ. Н. Глинка, пророчатъ аллегорически Акундину, что онъ долженъ искать и найдетъ «сѣрую утицу,» прежнюю любовь свою. Теперь вспомнимъ: когда Марѳа Ивановна, прослушавши длинную повѣсть Отшельника объ его странствіяхъ, Авзоніи, Германіи и Рейнѣ, наконецъ о прибытіи въ дикую страну Кареліи, перешла къ его «Духовному бою въ пустынѣ» и задала вопросъ, намекая на прежнюю разочарованную любовь Отшельника,— «покинувъ свѣтъ, не зналъ ли грусти сокровенной?» Отшельникъ въ аллегоріи разсказалъ, что прежняя любовь, милый образъ прилетаетъ къ нему въ пустыню сердца, въ образѣ дивной птицы, такой, какая прилетаетъ и въ пустыню Кареліи: «На дальнемъ Сѣверѣ есть птица. Она, какъ слышно, иногда перелетаетъ и сюда. Какъ мысль, какъ пылкая зарница, она мелькаетъ по лѣсамъ. Ее, какъ сонъ, я видѣлъ самъ. Грудь — яхонтъ, и лазурны крылы отливомъ золота горятъ.» Видите, она похожа на сизую золотистую утку: по крайности у *простаго народа*, не знающаго райскихъ птицъ, естественно перейти ей въ образъ утки, и такою-то Саха–

ровъ, чуждій къ народному творчеству, изобразилъ ее. Тогда какъ Акундинъ горевалъ въ образѣ Калики или, что то же, Странника, явилась ему прежняя возлюбленная, она успѣла уже потерять неправаго своего батюшку, матушку и перваго мужа: на языкѣ Сахарова это выражено въ образѣ, что она «ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сѣрой утицей исплыла.» Разумѣется, Акундинъ соединился съ предметомъ любви, женился на Настасьѣ Ивановнѣ, потомъ, какъ всѣ герои у Сахарова, «состарѣлся и преставился.»—Но, при всемъ этомъ, столь явномъ и даже рабскомъ заимствованіи изъ Карельскихъ или, лучше, Олонецкихъ преданій, вы спросите все-таки невольно: не ужели это такъ, не ужели можно творить народныя Сказки на основаніи стиховъ поэта, хотя бы и Ѳ. Н. Глинки? Признаться, намъ самимъ это не вѣрилось и даже какъ будто не вѣрится до сихъ поръ: а между тѣмъ это такъ. Самъ И. П. Сахаровъ потрудился увѣрить насъ въ томъ; напечатавъ Сказки, въ Примѣчаніяхъ къ нимъ, въ концѣ, какъ будто мимоходомъ и ненарочно (такъ всегда бываетъ, когда дѣло не совсѣмъ чисто и ищутъ подкрѣпить свое созданіе авторитетомъ народа), бросаетъ онъ нѣсколько словъ: «Сказка *Акундинъ* взята изъ рукописи Бѣльскаго. *Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видѣть замѣтки объ этомъ Акундинѣ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Ѳ. Н. Глинки* Карелія.» А въ этихъ, процитованныхъ, примѣчаніяхъ Ѳ. Н. Глинки нѣтъ ни слова объ Акундинѣ, есть только—сходное—о Лазарѣ Мурискомъ, съ которымъ сближенъ и народный герой Заонѣга. Кто читывалъ «Сказанія Русскаго народа,» тотъ знаетъ, что Сахаровъ вездѣ—иногда очень справедливо—смѣется надъ прежнимъ обычаемъ выводить нашихъ народныхъ героевъ съ чужи, связывать ихъ съ преданіями церковными или принимать на слово суевѣрныя о нихъ сказанія въ народѣ: все это и вездѣ онъ старается перевести на языкъ простѣйшій, такъ, какъ бы сказалъ по его мнѣнію народъ, а этотъ языкъ и эти образы, возникающіе въ языкѣ, создаетъ самъ на основаніи своей опытности въ дѣлѣ. Такъ все онъ упростилъ и въ настоящемъ случаѣ: зачѣмъ въ Новгородѣ выходецъ изъ Рима?—Это просто Новгородецъ; и имя его народное, извѣстное въ Новгородѣ, хоть бы знаменитый *Якунъ*,—только прибавить «*динъ*.» Странникъ по Востоку и Евро-

нё—ну откуда ему быть? Это просто Новгородскій переходецъ, исчадіе Повольницы, бродившей по княжествамъ. «Мурма,» «Мурмское урочище,»—это просто Муромъ, искаженный народными преданіями въ Заонежьѣ. Видѣнія, пророчества,—это просто таинственные Калѣки съ ихъ способностью передавать и разсказывать всякія дива. Тугарину мѣсто на Окѣ; любовь романтическая—просто любовь къ Настасьѣ Ивановнѣ. Ѳ. Н. Глинка придумалъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, залетную птицу, нечаянно прилетавшую: да это сѣрая утица, это и есть Настасья Ивановна. Какіе тамъ духи въ воздухѣ! Это Татары; а указаніе духовъ на Думнаго Дьяка—просто память о Чоботкѣ. Сочинитель опытнымъ взглядомъ расшифровалъ всѣ эти аллегоріи, столь любимыя Ѳ. Н. Глинкою: дай изложу дѣло, какъ оно могло быть у нашего простаго народа, въ сказкѣ! А тутъ рукопись Бѣльскаго съ готовыми сказками: въ ней и есть сказка объ Акундинѣ. Но нужно бы подкрѣпить себя? Сдѣлаемъ сноску на Глинку: ищите, какъ тамъ искажена подлинная сказка объ Акундинѣ.—Ищите: но мы находимъ совсѣмъ другое, мы находимъ *источникъ* и *поводъ* творенію Сказки! Прочая обстановка не хитра: Глѣбъ Ольговичь изъ исторіи; Путята и Путятичи есть въ творчествѣ Кіевскомъ, были уже вставлены въ сказку о Буслаевѣ; Муромцы изъ Былины и Сказокъ объ Ильѣ; Татары, Калѣки,—ихъ въ древнемъ творчествѣ и даже въ нынѣшнемъ—бери хоть пригоршнями.

Грустно разоблачать подобныя вещи у всякого издателя; грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ разсчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа: но—и отрадно, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для обличенія поддѣлки.

Сказка объ Акундинѣ, тѣмъ, что̀ есть въ ея основѣ народнаго, хотя переходитъ къ Княжескимъ, но есть собственно продолженіе Новгородскихъ. Въ первые среди нашей литературы мы выводимъ затерянныя между другими Былины *Княжескія*, даже цѣлый *Эпосъ Княжескій*. Вторая половина нашей «Замѣтки,» *Б*, посвящена именно этой новой и громадной области, со всѣми ея особенностями: но, по обстоятельствамъ, мы вынуждены помѣстить ее при выпускѣ слѣдующемъ, какъ вступленіе къ Былинамъ Московскимъ; тамъ же будетъ приложенъ и соотвѣтствующій «Указатель.»

П. Б.

1862,
Августъ.

Конецъ 5-го выпуска.

ОГЛАВЛЕНІЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл. . . . . I.

Пѣсни Былевыя. I. Новгородскія.

Василій Буслаевъ, 1, 2, 3, 4: . . . 2—33.
Садко Купецъ, Богатый Гость, 1, 2, 3: 34—53.
Гость Терентьище: . . . . 54—60.

—

Пѣсни Былевыя. II. Княжескія.

Димитрій Князь: . . . . 63—65.
Василій Князь: . . . . 66, 67.
Князь Михайло, 1, 2, 3, 4, 5: . . . 68—76.
Смерть Князя Михайла: . . . . 77.

Туда же относящіяся—

Король-Королевичь, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9: 78—87.
Козаченька, 1, 2: . . . . 88—91.

Князь Романъ, 1, 2: . . . . 92—99.
Князь Романъ—жену терялъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6: . . . . 100—112.

Туда же относящіяся—

Донской козакъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8: . 113—122.
Добрый Молодецъ, 1, 2, 3: . . . . . . 123—125.
Молодой Маіоръ, 1, 2: . . . . 126, 127.

Князь Волконскій и Ваня Клюшничекъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8: . . . . 128—140.
То же: . . . . 140, 141.
То же, 1, 2, 3. 4, 5, 6, 7: . . . . . 141—154.
То же, 1, 2, 3: . . . . 154—158.
То же, 1, 2, 3, 4, 5: . . . . 159—163.

Туда же относящіяся—

Молодецъ у короля въ службѣ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11: . . . . 164—178.
Князь Румянцовъ: . . . . 179.
Камеръ-лакей, 1, 2: . . . . 180—182.

Князь Данило: . . . . 183, 184.
Князья—Борисъ и Глѣбъ, Александръ Невскій, Михаилъ Черниговскій, Московскій Симеонъ Ивановичь, Димитрій Донской, Өедоръ, Давидъ и Константинъ Ярославскіе (въ сноскахъ): . 185.
Князья Тверскіе: . . . . 186—190.

—

Приложенія.—I Сказки про Василья Буслаева, 1, 2, 3: . . . . I—XXV.
II. Сказка про Князя Глѣба Ольговича и Акундина: . . . . XXVI—LIII.
III. Замѣтка П. А. Безсонова. А) О Новгородскихъ Былинахъ, Сказкахъ и прочихъ народныхъ преданіяхъ: . . . . LIV—CXLIII.

—

При семъ особо: Указатель ко II-й части Пѣсень, собранныхъ П. В. К., къ 5-му выпуску, а) къ творчеству Новгородскому, составленный П. А. Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное (съ особымъ счетомъ страницъ).

—

Для имѣющихъ I-ю часть въ 4-хъ выпускахъ, общая къ нимъ Сорочка.

*

Еще замѣченныя погрѣшности и поправки въ I-й Части.

Вып. 1, Пѣсни, стран. 22, въ разнорѣчіяхъ. Разнорѣчіе Б.) близко сходно съ тѣмъ, что въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, 1780 г., ч. III, № 76, стр. 82. Различія слѣдующія:

2) Б.) Что по синему морю по Каспицкому — — — — —	Что по синему по морю по Каспійскому
5) Б.) ... отнюдь... — — — —	... отнюдъ...
9) Б.) ... Святогоръ...— — — —	... Свѣтогоръ...
...Подъ-атаманомъ... — — — —	... Подъ-атаманъ...
10) Б.) ...въ пять сотъ рублей...— —	... во пятьсотъ рублевъ...
... во сотенку...— — — — —	... во сотеньку...

Вып. 3, Пѣсни, стран. 87, стихъ 96, стран. 88, ст. 122 и 148: Слѣдуетъ исправить:

«Есть да пить, — — — — —	«Ѣсть да пить,

Вып. 4 «Замѣтка,» стран.

CXLIII. строка 5 сверху:

обступаютъ Кіевъ;— — — — — обступаютъ городъ;

Строка 19:

заморить Кіевлянъ — — — — заморить горожанъ

—

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ИЗДАНІЮ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ЧАСТЬ II,

ВЫПУСКЪ 5.

—

Отдѣлъ I.

А) Лица, Имя Собственное.

*

НОВГОРОДЪ *).

193 | 194

Василій: въ V-мъ вып. безпрестанно; **Васька:** V, стр. 3, 4 и мн. др.; **Василька:** V, стр. 14, 16, 26 и др.; **Васильюшка:** *Рыбн.* ч. I, стр. 335 и дал.; **Васильюшко:** ч. II, стр. 197 и дал.; **Васютка:** V, стр. 18, 23.—**Буслаевъ, Буслаевъ сынъ:** V, стр. 4, 5 и мног. друг.; **Буслаевичь, сынъ Буслаевичь:** V, стр. 6, 16, 17 и др.; **Буславичь:** V, стр. 11, 13 и др.; **Буславьевичь, сынъ Буславьевичь:** V, стр. 23; *Рыбн.* I, стр. 335 и дал.; II, стр. 197 и дал.; **Буславьевъ:** *Рыбн.* I, стр. 361; **Буславичь:** V, *Прилож.*, стр. I; **Богуслаевичь** (сомнительно): V, *Прилож.*, стр. 3 и дал.; **Буслаевичь, Бусланеевичь:** *Рыбн.* II, стр. 57, 58.—Переносно по отцу, **Буслай** V, стр. 27, ст. 131.

Родныхъ Отца его и Мать, крестныхъ Отца и Брата, Дядюшку (сомнительно): см. ниже особо.—Роду дворянскаго: V, стр. 14,24; княжескаго (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. III и дал.

Молодой, Младъ, Молодецъ, Удалый, Добрый Молодецъ: V, стр. 7, 13, 16, 17, 18, 21, 23, 25, 26; *Рыбн.* I, стр. 336, 338, 357 и др.; плечи богатырскія: V, *Прилож.*, стр. II; *Рыбн.* I, стр. 347, ст. 116; стр. 363,

*) Для полноты Указатель къ творчеству Новгорода заключаетъ сноски на 2 части Сборника Рыбникова, въ сокращеніи «*Рыбн.*,» «ч. I» или «II.»

ст. 81; сердце богатырское: стр. 348, ст. 154, 159 и дал.; одинъ разъ лишь (и то переносно, по сравненію съ Кіевскими) названъ сильнымъ-могучимъ богатыремъ: *Рыбн.* I, стр. 335; сила великая: *Рыбн.* I, стр. 357, ст. 199; полетка соколиная, поступка молодецкая: V, стр. 28; славный: *Рыбн.* I, стр. 360, ст. 11; большой атаманъ, атаманище (надъ дружиною): V, стр. 30; *Рыбн.* II, стр. 205, 208.—Имъ съ молоду бито много, граблено: V, стр, 25, 29; у него замашка великая (драться): *Рыбн.* I, стр. 351; мотъ-пьяница: V, стр. 23; бранно молодой куръ (пѣтухъ), куренъ, глуздырь, сѣктунъ: V, стр. 20; *Прилож.*, Пермская сказка; *Рыбн.* I, стр. 343, 356; дитя (крестному отцу?): *Рыбн.* I, стр. 356.—Посадникъ: Лѣтопись, ср. V, *Прилож.*, Замѣтка. — Княжичь (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. VI и дал.

Холостъ, не женатъ до смерти («сосватался на Ѳаворъ-горѣ, женился на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ,» гдѣ убился): *Рыбн.* II, стр. 208.—Какъ холостой, не разборчивъ на слова и поступки съ женщинами: *Рыбн.* II, стр. 208.

Какъ Добрыня (ср. вып. 2 и Указатель при 4-мъ), особенно любилъ мать и былъ ею любимъ; вездѣ онъ ей называется съ особой нѣжностью «чадо милое,» «дитя рожоное,» «дѣтище любимое,» «сынъ любимый:» V, 14, 19, 21, 25; *Рыбн.* I, стр. 335, 339, 344, 345, 346, 348, 350; II, 201, 202; «какъ вьюнъ около ее (матери) увивается:» V, 24; «матерно сердце (передъ нимъ) распущается:» V, 25; «матушка желанная:» *Рыбн.* I, стр. 336; «не дорого ей ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ, а дорога буйная головушка своего сына любимаго:» I, стр. 341; при появленіи ея, когда Василья не могъ унять весь Новгородъ, «опускаетъ онъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ;» «никого не послухалъ бы, а послушалъ родну матушку, не послухать—законъ не даетъ:» *Рыбн.* I, стр. 350, 357.

«Не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣровалъ въ свой червленой вязъ:» V, стр. 27, 30, 32.

Оружіе его. «Сбруя ратная, палица воинская, копье мурзамецкое, тугой лукъ разрывчатый и сабля вострая (умѣлъ ими владѣть):» *Рыбн.* I, стр. 345; «палица булатняя:» стр. 360; сабля и тесакъ темлячныя, одежда богатырская:» II, стр. 198; «палица желѣзная:» V, стр. 20; но, хотя умѣлъ этимъ владѣть, Василій въ дѣло не упо-

треблялъ; при случаѣ дрался онъ «шалыгою въ 90 пудъ (вырванною у крестоваго брата Калѣки):» *Рыбн.* I. стр. 342 и дал.; случайно же употреблялъ «ось телѣжную,» «осище телѣжное,» «ось телѣжную желѣзную, долиною въ двѣ сажени печатныихъ, а на вѣсъ ось та сорока пудъ (телѣга была великонька и тяжеленька):» V, стр. 7, 13, 20; *Рыбн.* I, стр. 347 и дал., 355 и дал.; II, стр. 199 и дал., 206 и дал.; при случаѣ также дрался «языкомъ колокольнымъ,» отобравъ его отъ Калѣки и пустивъ въ дѣло вмѣсто «червленаго вяза, копья долгомѣрнаго, сабли острой и палицы военной:» *Рыбн.* II, стр. 200.—Но главное оружіе и единственный товарищъ, въ котораго «вѣровалъ (см. выше),» былъ у Василья червленый, черленый, черненый, черняный (ошибочно черный) вязъ, черненое вязище, «въ половинѣ было налито тяжела свинцу Чебурацкаго, вѣсомъ тотъ вязъ былъ во 12 пудъ» или «въ 40 пудъ:» V, стр. 10, 11, 13, 16, 27; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал., 342 и дал., 350 и дал.; II, стр. 198, 203 и дал.; V, *Прилож.* сказка, стр. IV; имъ пробовалъ дружину, дрался, подпирался въ ходьбѣ: см. означ. мѣста.— Тоже стемляный вязъ, который Василій оставилъ по себѣ Новгороду на память, какъ Перунъ: V, *Прилож.*, сказка стр. XIII и «Замѣтка.»

Родился отъ отца и матери въ старости ихъ (см. ихъ), и потому особенно былъ балованъ; еслибъ отецъ подождалъ еще три мѣсяца, «износу дѣтищу не было бы (а то не дозрѣлъ до Кіевскихъ Богатырей):» *Рыбн.* I, стр. 335.—Первое воспитаніе его, семи лѣтъ—грамотѣ, перомъ писать, пѣтью церковному, «не было такова пѣвца во славномъ Новѣгородѣ сопротивъ В. Б.,» все ему «въ наукъ пошло:» V, стр. 14; учился грамотѣ вмѣстѣ съ крестовымъ братомъ (см. его) въ монастырѣ у Калѣчища (см. его и ср. Илью М.), «выучился не во листы писать, а соколомъ летать:» *Рыбн.* I, стр. 342, 343 и V, *Прилож.*, сказка, стр. I.— Послѣ долгаго вѣку отца, осталось ему большое богатство, имѣніе дворянское, дворъ дворянскій: V, стр, 14, 15, 23, 24, 29, 33; *Рыбн.* I, стр. 341; II, стр. 208 (угощенье дружины, ихъ платье— въ краснѣ-хорошѣ, у матери золото, жемчугъ, и т. п., самъ раздаетъ золоту казну не считаючи, по смерти его раздача казны дружинѣ, монастырямъ и т. д.); во дворѣ у него были терема златоверхіе: *Рыбн.* I, стр. 337, ст. 76.—Первыя (семи лѣтъ) игры недобрыя и знакомства: V, стр. 15; *Рыбн.* I, стр. 335, 336, 344,

345; II, 201, 202.—Второе воспитаніе его (семнадцати лѣтъ) воинское и Дружина (см. ее): V, стр. 3, 4, 8, 9, 10, 11, 15, 16; *Рыбн.* I, стр. 336, 337, 338, 345, 352, 358; II, стр. 202, 203, 204; V, *Прилож.*, сказки.

Отношенія къ прочимъ Новгородцамъ, представителямъ города (см. ихъ), пиръ у Василья для нихъ и у нихъ для Буслаева, ссора, первая стычка, закладъ биться со всѣмъ Новгородомъ, сонъ по стараніямъ матери, дѣйствія дружины, Чернавка (см. ее), пробужденіе и появленіе Василья къ Дружинѣ, бой его при мостѣ, на мосту, по Новгороду, бой съ крестовымъ братомъ и отцемъ, Калѣками (см. ихъ), побѣда, покорство Новгорода, дани отъ него и подарки, участіе матери въ укрощеніи сына (см. ее), явленіе Богоматери (*Рыбн.* I, стр. 344), возвращеніе домой, пиръ и хоръ дружины, похороны убитыхъ, мировая съ Новгородомъ: см. Былины и Сказки, V, *Прилож.*, *Рыбн.* I и II, подробности въ «Замѣткѣ.»

Жизнь Василья послѣ боя: *Рыбн.* I, стр. 351; II, стр. 201.—Посадничество: Лѣтопись и «Замѣтка.»

Плаваніе по Ильменю на червленомъ кораблѣ съ Дружиною (ср. ее), сборы въ Ерусалимъ, прощаніе съ матерью: V, стр. 23—25; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207; V, *Прилож.*, стр. II.

Путешествіе въ Ерусалимъ, по Ильменю, Волгѣ, Хвалынскому-Каспійскому морю, къ Ердани, встрѣча съ гостями-корабельщиками, атаманами казачьими, моленія, купанье въ Ердани, Баба Залѣсная и женщина престарѣлая (см. ее): V, стр. 25—30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; V, *Прилож.*, Сказки и «Замѣтка.»

Пророчество Головы, Смерть Василья на горѣ Сорочинской, на камнѣ Латырѣ, отъ Морской Пучины: см. подъ именами, а также V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360, 362, 363; II, стр. 208; V, *Прилож.*, стр. II и «Замѣтка.»

Возвращеніе Дружины къ Матери: см. эти лица.

Ошибочно помѣщенъ въ Кіевѣ: *Рыбн.* I, стр. 352; тамъ же при Владимірѣ: II, стр. 197 и дал.

Примѣшанъ къ Богатырямъ Кіевскимъ, когда они «переводились на Руси:» вып. IV, стр. 108.

Имя Василья Бусланеевича вставлено вмѣсто «Ивана Годиновича:» *Рыбн.* II, стр. 57 и дал.; то же вмѣсто Безымяннаго «Добраго Молодца:» стр. 260 и дал.; а отчество «Буслаевича» придано «Вольгѣ» вмѣсто «Святославича:» *Рыбин.* I, № 1 и «Замѣтка.»

По лѣтописи годъ смерти Василья—1171-й: см. «Замѣтку.»

—

Отецъ Василья.

Буслай: V, стр. 14; **Буславъ:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. I; *Рыбн.* I, стр. 335. 344; **Буславей:** I, стр. 344. ст. 7; II, стр. 197; **Бусланей:** II, стр. 57; **Буславьюшко, Буславьюшка:** I, стр. 335, 344; II, стр. 201; **Буслаевъ** (переносно отъ сына): II, стр. 201; **Богуслай:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. III и дал.—**Сеславьевичъ** (Святославичъ; отъ Владиміра?): *Рыбн.* I, стр. 335; **Довмонтьевичъ** (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Сахар., стр. XIX.—Жилъ «вѣкъ долгій,» «девяносто лѣтъ, да и зуба во рти нѣтъ;» «съ Новымъ-городомъ жилъ — не перечился, со мужики Новогородскими поперегъ словечка не говаривалъ;» «съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился;» «поперекъ дорожки не ставился, съ каменной Москвой (позднѣйшее) не перечился, съ Новымъ-городомъ спору не было;» «со городомъ со Кіевымъ (спутано) спору не было, со матушкой каменной Москвой (позднѣйшее) во вѣкъ не бранивался:» V, стр. 14; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; II, стр. 57, 197, 201.—Въ молодые годы «не имѣлъ въ карманѣ ста рублей,

а имѣлъ дружину хоробрую:» II, стр. 202. —Князь (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова стр. VI и дал. — Долго не было дѣтей, а когда нетерпѣливо захотѣлъ родить, то получилъ предсказаніе отъ Бабищи Матерой (см. ее), что если бы дотерпѣлъ три мѣсяца, износу дѣтищу не было бы; въ слѣдъ за тѣмъ родилъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 335.—Оставалось послѣ него богатство, имѣнье дворянское, дворъ дворянскій и проч.: см. Василья.

—

Мать Василья.

Амелеа, Мамелеа, Емельеа, Ванильеа Тимоееевна: V, № 1, 2, 3; *Рыбн.* I, № 56, 58, 60; II, № 33; V, *Прилож.*, Сказки.—

Авдотья Васильевна: *Рыбн.* I, № 55.

Офимья Александровна: *Рыбн.* I, №. 57.

(Ср. Мать Добрыни и Кіевское творчество, Указат. при вып. IV).

Честна, матера вдова: безпрестанно; пречестная: *Рыбн.* I, стр. 345. — Княгиня (вымышлено): V, *Прилож.*, Ск. Чулк.— Старушка лукавая, толковая, «выгодно собой догадывалась:» *Рыбн.* I, стр. 350, 351.—Старуха неразмышлена (за то,

что заперла Василья въ погребъ): V, стр. 19. — Богатая, дворянская: см. Василья.—Особенно любила и баловала сына: ср. его и Мать Добрыни.—Воспитывала сына малымъ сиротою послѣ мужа, журила-бранила за проказы; подала мысль о сборѣ дружины; при вѣсти о закладѣ на бой съ Новгородомъ, схватила и заперла сына; униженно просила Новгородцевъ объ отмѣнѣ боя, но получила грубый отказъ; когда Василій вырвался и дрался, долго не рѣшалось укрощать его, посылала Новгородцевъ къ Калѣкѣ или за сыномъ Чернавку, наконецъ, убѣжденная Новгородцами и Богоматерью, вышла сама, по однимъ въ рубашкѣ безъ пояса, въ чулкахъ безъ чоботовъ, по другимъ въ черномъ платьѣ (какъ вдова и на побоище), соболиной шубѣ (лѣтомъ, въ Петровки?), съ шеломомъ на головѣ (ср. Кіевскихъ героинь), хитро зашла къ сыну, укротила его, воротила домой, «въ покояхъ хоронила и весело съ нимъ жила:» Былины, Сказки, V, *Прилож.*, «Замѣтка» съ подробностями, ср. Василья. — Неохотно, по нѣкоторымъ (Сказка) даже съ сердцѣвъ, пустила Василья на богомолье, предостерегала отъ дурныхъ дѣлъ, особенно отъ купавья въ Ердани «нагимъ тѣломъ,» дала однако, разжалобившись, свинцу-пороху, запасы хлѣбные и оружье долгомѣрное на дорогу; получивши вѣсть о смерти сына, горько плакала, угостила и обдарила Дружину, раздала все имѣнье по церквамъ и монастырямъ: V, стр. 24, 25, 32, 33; *Прилож.*, Сказка, стр. II; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; «Замѣтка.»

Братъ ея Калѣка: см. его.

—

Служанка въ домѣ Василья.

Дѣвка Чернявка, Дѣвушка Чернавушка, дѣвка, дѣвчонка, дѣвчоночка, дѣвушка дворовая, Васильева служительница, служанка, любезная служаночка, кухарка-хлѣбница, удалая портомойница, чернешенька малешенька.—У ней «ведро кленовое,» «ведерочки дубовыи,» «коромысло кипарисово,» «коромысельцо кленовое,» «коромыселко желѣзное,» «на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое,—всего вѣсу въ немъ триста пудъ.» — Во время, какъ дружина Васильева билась съ Новгородомъ, вышла утромъ по воду на Волховъ и, на просьбу дружины—не выдать ее, поставила ведро и коромысломъ побила Новгородцевъ за сто, до пяти сотъ, тысячу, до трехъ полковъ; уставши, бросилась будить спавшаго Василья, срывала замки

булатные, размахивала двери железныя, пристыдила Василья, выпустила его на свободу. По приказу матери, отправилась укрощать его среди побоища, схватила Василья, притащила домой. По смерти Василья, водила дружину его по погребамъ съ казною и потчивала: V, стр. 19, 20, 22, ст. 164—198, 261—278; *Прилож.*, Сказки Пермская и Чулкова, «Замѣтка;» *Рыбн.* I, стр. 342, ст. 231—249; стр. 346, 347, ст. 77—122; стр. 355, ст. 105—119; II, стр. 199, ст. 63—71; стр. 206, ст. 160—169; V, стр. 33, ст. 291—300.

Васильева Дружина.

Дружина, дружинушка хоробрая, Васильевы товарищи, братья названые, братаны, братцы, братія (Василій—«большій братъ»), добры молодцы, удалыя ребята, милые друзья, ясные соколы: безпрестанно.—Тати-воры-разбойники, плутъ-мошенникъ: *Рыбн.* II, стр. 203.—Отборныхъ три дружины (по 10 человѣкъ): *Рыбн.* I, стр. 338, ст. 115; тридцать молодцовъ безъ единаго (29), самъ Василій тридцатый: всюду.—Сошлись къ Василью сами, имъ отобраны особыми испытаніями (вязомъ по головѣ, кто больше выпьетъ и т. п.);

кормилъ-поилъ ихъ, одѣвалъ-обувалъ,—и все это отлично,—Василій въ собственномъ дому (отчего послѣ они благодарили за содержаніе его мать); участвовали въ первой схваткѣ съ Новгородцами; въ главномъ боѣ со всѣмъ Новгородомъ явились первые, не дождавшись Василья; попячены отъ Волховскаго моста, изувѣчены, перевязаны, корятъ Василья за измѣну; прибѣгаютъ къ заступленію Чернавки, когда она на четвертый день вышла по воду; когда же ею выпущенъ Василій, оживились, но удалены съ бою (по крайности Василій одинъ впереди), на сторону, отдыхать; послѣ побѣды приведены въ домъ Василья, пировали, хоромъ хвалили его; увѣчье добыли до вѣку, въ ранахъ излѣчены; плавали съ Васильемъ по Ильменю, сложились на лодочку въ Ерусалимъ, послушно купались въ Ерданѣ въ рубашечкахъ, осторожно скакали черезъ камень Латырь, уцѣлѣли, похоронили Василья, принесли вѣсть матери, поблагодарили ее за житье-бытье въ ея домѣ, отказались взять по многу казны, простились и разошлись кому куда захотѣлося: Былины, Сказки, «Замѣтка.»—По сказкѣ Чулкова держались въ сторонѣ отъ бою съ Новгородомъ, на случай ослабленія Василья и спали пока (обратно противъ былинъ), а послѣ съ

Новгородцами поднесли Василью княжество (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. X—XIII.

Изъ нихъ:

Костя Новоторжанинъ, Новоторженинъ: V, стр. 16 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал.; **Никитинъ** (ошибка вмѣсто «Новоторженинъ?»): V, стр. 24.—Выдержалъ пробу отъ Василья вязомъ; участвовалъ въ первой нечаянной схваткѣ на пиру; первый же послѣ расхвастался: «а нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, — я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати,»—и проч., о битвѣ со всѣмъ Новгородомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ третій; въ плаваніи Василья на кораблѣ «корму держалъ:» V, стр. 16, 18, 24; *Рыбн.* I, стр. 337—340, 342.—У Сахарова выставленъ безобразнымъ богачемъ: Сказка и «Замѣтка.»

Потаня, Потанюшко, Потанюшка, съ прозвищами — **Маленькой, Малый-удалый, Хроменькій, Хромненькій,** Новгородецъ, «малъ собою, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ,» «на праву ножку припадываетъ, на лѣву ножку прихрамываетъ, изъ-подъ рученьки посматриваетъ;» выдержалъ испытаніе вязомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ второй; на кораблѣ Васильевомъ, «на носу стоялъ:» V, стр. 4, 5 и дал.; 10 и дал.; 24; *Рыбн.* I, стр. 338, 342, 352; II, стр. 203; V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Васинька, съ прозвищемъ **Маленькой;** вытерпѣлъ испыніе вязомъ; при появленіи на пиръ къ Новгородцамъ, перелѣзъ ихніе ворота и со двора отворилъ: *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Өома, Өомушка, Хомушка, сынъ Ременниковъ, съ прозвищами — **Горбатенькій, Толстый, Толстъ-благоуродливый;** въ Сказкѣ и Былинѣ испытанъ вязомъ, въ Былинѣ другой—такъ хорошо пилъ, что его Василій не шелъ и пробовать; на бой съ Новгородомъ выскочилъ первый, побилъ до пяти сотъ: *Рыбн.* I, стр. 338—341, 352; V, *Прилож.*, въ Сказкѣ Чулкова: въ сей послѣдней только онъ съ Потаней, и то въ бою не участвуютъ.

Котельная Пригарина, прозвище, обращенное въ имя, то же, что «Тараканчикъ,» «дѣтина черный, поваренный» [illegible] п. (ср. «Замѣтку»); испыта[illegible]; какъ и Өома, въ [illegible] V, стр. 4 и дал[illegible]

Лука [illegible] **ѣти**

Боярскіе, два брата боярченка; ихъ приходу Василій радошенъ и веселешенекъ; участвовали въ первой схваткѣ: V, стр. 16, 18 (ср. въ Кіевскомъ творчествѣ и Указателѣ «Королевичей изъ Крякова»). У Сахарова придумано разнорѣчіе **Матвей** вмѣсто «Моисей.»

Иванище Сильное, Калѣка Перехожій, испытанъ вязомъ: *Рыбн.* II, стр. 203 (ср. его въ творчествѣ Кіевскомъ).

Мужики Залѣшена, когда пришли къ Василью въ дружину, онъ «не смѣлъ и показатися къ нимъ:» V, стр. 16 (ср. ихъ въ творчествѣ Кіевскомъ).

Семь братовъ Збродовичи, пришли къ Василью въ дружину: V, стр. 16 (ср. ихъ въ Кіевскомъ творчествѣ).

—

Враги Василья.

Новгородчана, Господа (бояре, *Рыбн.* I, стр. 337), Мужики Новгородские, Мужи и все купцы богатые (V, стр. 18), Мужики Посадскіе, Мужики **Городо-Кемскіе;** воры (послѣдніе изъ нихъ); на питье завидные: безпрестанно.—Какъ съ малолѣтства Василья ссорились съ нимъ, схватились по случаю пира, сдѣлали закладъ биться всѣмъ Новгородомъ, побили Васильеву дружину, заважничали, побиты, вызвали Калѣчища, и съ нимъ проиграли, униженно покорились, поступились богатствомъ и данями: ср. Василья, Дружину, всѣ Былины, Сказки и «Замѣтку.» — На пиру у Князя Новгородскаго упоминаются князья-бояре и даже (переносно отъ Кіева) славные-могучіе богатыри, а въ малолѣтствѣ Василья потерпѣвшіе отъ него Дѣти боярскія и княженецкія: *Рыбн.* I, стр. 338. 345.

У нихъ особенно старшіе:

Князья: *Рыбн.* I, № 55, 56 и «Замѣтка.»—Трое: *Рыбн.* I, стр. 346; двое: стр. 348, 350, 351.

Князь Новогородскій (Рюриковичь?); у него пиръ «на многихъ князей и бояръ;» его, до битвы, проситъ мать Василья о помилованіи сына, въ Судѣ, но получаетъ отказъ—«тожно прощу, когда голову срублю:» *Рыбн.* I, № 55, стр. 338 — 341; № 58, стр. 360.

Өома Родіоновичь, Князь, Старшина, Городничій (Посадникъ?), Мужикъ Новгородскій, впереди другихъ, въ посольствахъ и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 346—351; II, стр. 207; V, стр. 4, 5, 6, 11, 12.

Николай, Никола Зиновьевичъ, Князь, Воевода (Тысяцкій?), Мужикъ Новгородскій: тамъ же. Ср. при Садкѣ Луку Зиновьевича.

Викула (Микула, Миколай—Зиновьевичъ?) **Окуловъ:** *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Прибавленные въ Сказкѣ Чулкова (V, *Прилож.*):

Чудинъ, старецъ (изъ «чуденъ старецъ?»): ср. «Замѣтку.»

Садко, Богатой Гость (съ Чудиномъ будто бы «первые посадники»): ср. ниже Садку и «Замѣтку.» — То же у Сахарова, сдѣланъ лихимъ всадникомъ.

Придуманные Сахаровымъ въ его Сказкѣ:

Чурило, котораго Сахаровъ женилъ на женѣ Дуная: ср. Кіевское творчество и «Замѣтку.»

Ставръ (еще **Путятичъ!**), по лѣтописи изъ Новгорода родомъ, сдѣланный у Сахарова страшнѣйшимъ Богатыремъ: ср. творчество Кіевское и «Замѣтку.»

Случайно попавшійся:

Владимеръ, князь, ласковый, Кіевскій (по смѣшенію): *Рыбн.* I, стр. 197.

—

Вызванный Новгородцами противъ Василья:

Матерой, Честной Старикъ, Старецъ, Старчище, Старичище, Старша, Пилигримище, Пилигринище, Угрюмище, Преугрюмище, Преугрюмый (передѣлано изъ «Пилигримище»), Многолѣтище, Калѣка Перехожій: Былины и Сказки.

Дядька Василью, братъ его матери (это возникло вѣроятно изъ имени «дзяда,» дѣда): *Рыбн.* II, стр. 199, 200; вѣрнѣе—Васильевъ крестный батюшка: въ Былинахъ всюду.

По распоряженію матери, училъ Василья грамотѣ и во листы писать: V, *Прилож.*, Сказка Пермская; *Рыбн.* I, стр. 343. — Передъ тѣмъ, какъ вызванъ на мостъ драться, жилъ въ монастырѣ Сергѣевомъ или Кириловскомъ: *Рыбн.* I, стр. 348, 349, 356.

Обычная одежда его, «колпакъ въ двадцать пудъ (шляпа земли Греческой),» клюка или «костыль въ десять пудъ,» то же «шалыга 90 пудъ,» «кафтанъ въ 40 пудъ (гуня подорожная):» *Рыбн.* I, стр. 349; V, стр. 7.

Въ закладѣ на весь Новгородъ Василій обошелъ его изъ уваженія и отчасти страха, ибо онъ имѣлъ силу нарочитую; помня то и по особому указанію матери, Новго-

родцы, въ крайней опасности, отправились къ нему въ монастырь съ зовомъ «послужить имъ вѣройправдою,» въ надеждѣ, что онъ «бываетъ — побьетъ Ваську Буслаева;» при этомъ, желая «подкупить,» поднесли богатые дары; на это особенно старикъ «кидается и позывается;» сперва склоняетъ мать укротить сына, потомъ отправляется самъ; въ чрезвычайномъ случаѣ, снимаетъ съ колокольни или съ вѣча колоколъ, въ 12, 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ, надѣваетъ на голову; оторваннымъ языкомъ, въ 500 пудовъ, подпирается; появляется на мосту Волховскомъ, мостъ подъ нимъ гнется; сперва говоритъ мягко, и отвѣтъ Васильевъ мягокъ, —тотъ и другой разгорячаются; Василій его отстороилъ; побилъ и отвелъ; ударилъ по колоколу— зашибъ, спихнулъ подъ мостъ, издѣвался надъ тѣломъ; со смертью его сгибла послѣдняя надежда Новгородцевъ: V, стр. 5, 7, 8, 12, 13, 14, 20, 21; *Прилож.*, Сказки Пермская и Чулкова; *Рыбн.* I, стр. 343, 344, 348—350, 356; II, стр. 199, 200, 206, 207.

Имя его:

Еливарище: *Рыбн.* I, стр. 360.

Игнатьище: V, стр. 5, 7, 8, 12, 13, 14; ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Данилу Игнатьича, Данилище и «Замѣтку.»

—

У него сынъ:

Григорій Игнатьевичъ, крестный братъ Василью, учившійся съ нимъ вмѣстѣ грамотѣ и тогда бывшій большимъ братомъ; появился на мосту, съ колоколомъ на головѣ, прежде отца противъ Василья, хотѣлъ его ударить шалыгой въ голову, но подвергся тому же, какъ послѣ отецъ, а шалыга пошла Василью на оружіе: V, стр. 5, 7, 12, 13; *Рыбн.* I, стр. 342, 343; ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Михайлу или Ивана Даниловича и «Замѣтку (собственно одно лице раздвоено на отца и сына).»

—

Встрѣчныя Василью, лица и существа особыя, враги нечаянные:

Баба Залѣсная, приходила при Ерданѣ къ дружинѣ Василья и за дерзость его предсказала ему гибель на Алатырѣ: V, стр. 30.— Она же, **Женщина Преста-**

рѣлая, предостерегавшая Василья отъ купанья «нагимъ тѣломъ,» но отъ шутокъ его принужденная плюнуть и прочь пойти: *Рыбн.* II, стр. 208. — Она же **Бабища Матерая,** при бѣлъ-горючемъ камнѣ (Алатырѣ) предсказавшая Буславу рожденіе Василья (см. ихъ): *Рыбн.* I, стр. 335. — Ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Бабу или Бабищу Латыгорку, Латыгирку, Горынинку, Мамаишну, Ягу и т. п.

Пуста голова, Человѣчья кость, Пуста голова человѣческая, Кость богатырская; прежде это былъ молодецъ не хуже Василья, а потомъ Голова валялась на горѣ Сорочинской, по дорогѣ въ Ерусалимъ, или «не доѣдучись до камени до Латыря на раздольѣ широкомъ;» когда Василій вздумалъ ее попинывать и побрасывать, обидѣлася, провѣщала, предрекла ему гибель на Латырѣ, валяться тамъ же, гдѣ и она: V, стр. 26, 27, 31; *Рыбн.* I, стр. 362 (ср. смерть Олега, встрѣчу Добрыни, Ивана по Сказкамъ, «Замѣтки» къ вып. III и къ *Рыбн.* II).

Въ ней, по мнѣнію Василья, **Врагъ** говорилъ или **Нечистой духъ:** V, стр. 26, 27, ст. 104, 105.—Такъ точно:

Чортъ несъ Старчища и его

сына въ пылъ битвы, по словамъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 343, ст. 274, 298.

Морская Пучина, «вокругомъ глаза,» лежитъ «на зеленыхъ лугахъ;» вокругъ ее Василій похаживалъ, сапожкомъ ее попинывалъ какъ Пусту Голову, — предрекла то же, что и Голова; начали скакать черезъ нее, Василій задѣлъ пальцемъ—и погибъ точно такъ же, какъ отъ Камня Алатыря (ср. его): V, *Прилож.*, Сказка Пермская, «Замѣтка» при IV и V выпускѣ.

Роковой **Камень Латырь, Алатырь** и т. п., сгубившій Василья: см. ниже, какъ камень.

Встрѣчные—Гости-Корабельщики, Атаманы козачiе, Козаки-разбойники (на Волгѣ, на морѣ Каспійскомъ), и т. д.

Прочія Имена и Названія см. ниже, въ заключеніи Указателя.

*

Садъ, Садко, Садке, Сѣдко, Сотко: V, стр. 43, ст. 46; *Рыбн.* I, № 63 и 64; *Лѣтописи.*—**Сытиницъ, Сытиничъ, Сытничъ:** *Лѣтоп.*; **Купецъ, Богатый Гость:** безпрестанно; **Богатой:** *Лѣтоп.*

Безродный; молодая жена (въ

Новгородѣ) и малое дѣтище: *Рыбн.* I, стр. 370, 380.

Молодецъ, удалый, добрый: часто; Волгской Суръ: V, стр. 51, ср. «Замѣтку.»

Молодецъ былъ играть на гусляхъ, у него были наигрыши нездѣшнiи, Сибирскiи, игра нѣжная, дѣлалъ ею утѣхи великiя: V, стр. 37; *Рыбн.* I, стр. 371 и др.; «игралъ въ Новѣгородѣ (бралъ содержанiе), а выигрышь (мотивъ, распѣвъ) велъ отъ Царяграда: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 71, 72.

Жилъ онъ въ Новгородѣ, «прежде у Садка имущества не было, одни были гуселки яровчаты;» съ ними ходилъ онъ по пирамъ; три дня не звали его, обѣднялъ; три раза съ горя ходилъ на Ильмень и игралъ тамъ, три раза вода колыбалася, въ третiй разъ явился Царь Морской (ср. его), научилъ побиться съ Новгородскими купцами объ закладъ, о томъ, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями и далъ закладъ выиграть; первое обогащенiе Садки: *Рыбн.* I, стр. 370—372.

Сострoилъ себѣ Садко палаты, описанiе ихъ: *Рыбн.* I, стр. 372; 363.

Созывалъ къ себѣ на пиры мужиковъ Новгородскихъ, Настоятелей (см. ихъ), славныхъ купцовъ; похвастался передъ ними выкупить всѣ товары Новгородскiе, не успѣлъ, проигралъ и отдалъ закладъ, призналъ, что «побогаче его славный Новгородъ:» *Рыбн.* I, стр. 372—374.

На свою казну построилъ тридцать кораблей (V, стр. 34, тридцать три) и главный—Соколъ (см. его особо).—Его Дружина въ торговыхъ предпрiятiяхъ — Гости, Корабельщики, друзья, братья, братцы, цѣловальники любимые, прикащики хорошiе, слуги вѣрные; иногда—дружина, дружинушка хоробрая; на кораблѣ — ярыжки (матросы, гребцы), люди наемные, подначальные: *Рыбн.* I, стр. 367 и дал.; V, стр. 41 и дал.; и мног. друг.

Ѣздилъ Садко на корабляхъ «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море (Балтiйское);» «воротилъ въ Золоту Орду;» по морю «Хвалынскому:» ср. эти имена; *Рыбн.* I, стр. 375; V, стр. 43. — Ѣздилъ двѣнадцать лѣтъ: V, стр. 35, 43; «продавалъ товары Новогородскiе, получалъ барыши великiе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра:» *Рыбн.* I, стр. 375.—Ср. V, стр. 34—38, 41—44; *Рыбн.* I, стр. 364, 365, 368, 375—377.

На морѣ «поискала судьбина

Садку,» за неплатежъ дани Царю Морскому, поднялась буря, корабли стали; безъ успѣха опускали въ дань бочку съ серебромъ, Царь требовалъ живой головы; Садко хотѣлъ надуть товарищей жеребьями, но принужденъ былъ спуститься въ море, на дубовой доскѣ или шахматницѣ, съ гуслями и образомъ Миколы, разписавши предварительно свое имѣніе въ завѣщаніи; попалъ въ царство великое, къ Царю Морскому; разыгрался, удержанъ Миколою; спасся и отъ невѣсты; проснувшись, очутился на берегу рѣки, имѣнье при немъ; очутился подъ Новымъ-городомъ, лѣвая нога въ Волховѣ, узналъ приходъ свой, встрѣтилъ товарищей, внесъ пошлины въ таможню; доставленъ на Русь Чернавкою; проснулся во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву на крутомъ кряжу; встрѣченъ женою, убѣжденъ не ѣздить больше по синю морю; состроилъ церкву соборную Миколы Можайскому, не сталъ больше ѣздить на сине море, сталъ поживать во Новѣ-градѣ: V, стр. 34—41, 41—47; *Рыбн.* I, стр. 364—367, 368—370, 374—380. —Ср. особенно Царя Морскаго, Царицу, Чернавку.

Какъ по морю, такъ и по Волгѣ (см. ее особо) гулялъ Садко также двѣнадцать лѣтъ, за что получилъ особое прозвище Волгскаго сура (см. выше); отъѣзжая въ Новгородъ, побывать, благодаритъ Волгу хлѣбомъ съ солью; Волга посылаетъ поклонъ и поручаетъ Садку брату своему Ильменю (см. его особо); когда Садко справляетъ поклонъ, является отъ Ильменя посланный молодецъ (Волховъ? См. его особо) и научаетъ, и даетъ средства разживѣ; повторяется то же, что выше, при первомъ обогащеніи черезъ рыбу; Садко приноситъ Ильменю благодарность, получаетъ дальнѣйшія поученія, какъ жить; на пиру хвастается скупить всѣ товары Новгорода; дѣлаютъ записи закладныя, Садко побѣждаетъ и какъ побѣдитель насмѣвается Новгороду: V, № 3, стр. 47—53.

Тогда же сооружаетъ Церкви (описаніе ихъ богатства), Стефана Архидьякона, Софіи Премудрыя, Николая Можайскаго: V, стр. 52, 53; Бориса и Глѣба, каменную: Лѣтописи, ср. «Замѣтку.» Эта послѣдняя постройка — 1167 года: Садко современникъ Василью Буслаеву.

Онъ же противъ Василья Буслаева въ числѣ главныхъ Новгородцевъ (возможно, если не вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Въ Сказкѣ Сахарова сдѣланъ лихимъ всадникомъ: см. тамъ же.

—

Лица окружающія Садку и его Благодѣтели (враговъ въ собственномъ и постоянномъ смыслѣ у него не было, см. «Замѣтку»).

Новогородскіе Настоятели (Старшина и Воевода, Посадникъ и Тысяцкій? См. «Замѣтку»); говорятъ на пиру первые; при похвальбѣ Садки, «не успѣлъ онъ слова вымолвить,»—«ударили о великъ закладъ,» отъ имени всего Новгорода; когда онъ проигралъ закладъ, «денежекъ тридцать тысячей отдавалъ онъ» тѣмъ же «Настоятелямъ Новогородскіимъ:» *Рыбн.* I, стр. 372—374.—Ср. соотвѣтствующія мѣста въ другой Былинѣ, гдѣ спорившіе названы славными купцами. мужиками Новгородскими, а рѣчи Садки записывали, дѣлали записи закладныя отъ лица города; тутъ же замѣчено, что Садко «сдѣлалъ обѣдъ про таможныхъ людей (надсмотрщиковъ таможни),» сталъ водиться со посадскими людьми: V, стр. 50—52; ср. при Васильѣ двухъ Князей, Старшину—Городничаго и Воеводу; «Замѣтка.»—Имена ихъ:

Ѳома Назарьевъ: *Рыбн.* I, стр. 373, ст. 97.

Лука Зиновьевъ: *тамъ же*; ср. при Васильѣ, современникѣ Садки, Николая Зиновьева.

—

Царь Морской, Морскій (позднѣйшее **Заморскій**), **Поддонной, Водяникъ:** V, стр. 35—40; 43—46 (здѣсь всюду «Морской,» одинъ разъ «Заморскій»); *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 368—370; 371; 375—379.

Живетъ въ озерѣ Ильменѣ; отъ его движеній, въ озерѣ вода колебается; выходитъ изъ озера и разговариваетъ съ кѣмъ желаетъ; знаетъ городскія дѣла и людскія нужды; владѣетъ рыбами съ золотыми перьями; награждаетъ ими кого хочетъ: *Рыбн.* I, стр. 370—372.—Живетъ въ морѣ, Синемъ (Балтійскомъ), въ синемъ Хвалынскомъ, подъ водою (къ нему спускаются), подо дномъ (Поддо́нной), на днѣ; у него тамъ царство великое («объявилось на днѣ царство великое»); «на самомъ днѣ, во синемъ морѣ, стоитъ палата бѣлокаменная;» надъ нею къ верху, сквозь воду, можно видѣть «пекучись (какъ печетъ) красное солнышко, вечернюю зорю, зорю утреннюю;» тамъ онъ сидитъ въ палатѣ; тамъ, во синемъ морѣ, у него воля своя (у приходящихъ «воля не своя»); тамъ у него бываютъ пированьица, почестны пиры, пляски, хороводъ, присядка; царство его противуположно Руси (онъ «доставляетъ» на Русь; отъ него нужно бываетъ «на Русь сходить»):

V, стр. 38, 39; 43; *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 368, 369; 375, 377—379.—Гдѣ онъ названъ Заморскимъ, тамъ у него на крутыхъ берегахъ изба великая, во все дерево, а самъ онъ лежитъ на лавкѣ (прочее все сходно): V, стр. 44.

Голова у Царя какъ куча сѣнная; шуба съ полами, онъ ими машетъ по стѣнамъ; сабля вострая: V, стр. 39, ст. 170, 171; *Рыбн.* I, стр. 377, ст. 277; стр. 366, ст. 48.

Особенный охотникъ слушать игру на гусляхъ; вызываетъ для нея къ себѣ игроковъ, усильно проситъ потѣшить игрою, съ трудомъ отвязывается, если нельзя играть; зная толкъ въ «игрѣ нѣжной» и этихъ «утѣхахъ великихъ,» игрока «не знаетъ чѣмъ пожаловать;» прислушивается къ игрѣ, когда она даже на берегу и т. д. За тѣмъ охотникъ плясать и пляшетъ изо всѣхъ силъ, что есть мочи: V, стр. 38, 39; 44, 45; *Рыбн.* I, стр. 368, 369; 371; 378, 379.

Любятъ они съ женою задавать другъ другу загадки, споровать, перетакивать; въ спорѣ Царь азартенъ и какъ разъ убьетъ: V, стр. 38; *Рыбн.* I, стр. 365, 366.

Имѣетъ Жену, Царицу, Дочерей, Чернавку и прочую обстановку семьи и царства: см. эти лица ниже особо.

Кто ѣздитъ и торгуетъ по его

морю, долженъ благодарить, въ море опускать хлѣба съ солью, какъ дань-пошлину; опускаютъ также бочку сороковку чиста серебра или красна золота; когда захочетъ, а особенно когда кто неблагодаренъ или требуетъ Царь его къ себѣ, тогда «колеблетъ» воды, напускаетъ «погоду сильную,» «волной бьетъ, паруса рветъ,» «ломаетъ кораблики,» одни кораблю останавливаетъ на мѣстѣ, другіе пускаетъ итти и т. п.; вообще дани требуетъ; когда сердитъ, не принимаетъ бочекъ съ серебромъ и золотомъ; при этомъ случаѣ, да и во всякую жестокую бурю или страшное затишье, догадываются, что «Царь Морской требуетъ живой головы во сине море;» начинаютъ бросать на воду жеребья, съ надписью имени, «кому изъ нихъ итти на сине море;» вода же, принимая или не принимая жеребій, рѣшаетъ, кого требуетъ Царь; того, говорится, «судьбина поискала,» тому «бѣда пришла неминучая,» по того «смерть пришла;» тотъ прощается, дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе; отправляется не раздѣвшися, а въ одежѣ и даже шубѣ (жертва въ полномъ нарядѣ); беретъ съ собою подарки (мисы съ серебромъ, золотомъ, жемчугомъ), *знаки отличія* (на прим. гусли, если извѣстенъ игрокомъ) и на какой либо дощечкѣ пускается, идетъ ко дну, на дно;

этотъ спускъ, всѣ превращенія, постигающія человѣка въ Царствѣ Морскомъ, совершаются и представляются во снѣ, а спасеніе изъ нихъ, выходъ изъ Царства, появленіе опять на Руси—пробужденіемъ («и быдто въ сонъ заснулъ, ушелъ онъ каменёмъ ко дну;» «заснулъ на дощечкѣ на ду́бовой,—проснулся во синемъ морѣ на самомъ днѣ;» явленія Николы Садкѣ во снѣ; «отвели Садка во ложню спать, заснулъ во крѣпкой сонъ, какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,—и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное;» «ото сна Садко пробуждался, — онъ очутился подъ Новымъ-городомъ;» «какъ ложился спать Садка,—какъ проснулся Садке во Новѣ-градѣ»); дощечку съ жертвою «принимаетъ» въ море, искетъ, приноситъ въ Царство Царя; тамъ прибывшему объявляетъ Царь, за что или за чѣмъ его требовалъ; радъ особенно, если это самъ пришелъ,—жертва добровольная; пришлецъ долженъ разсказывать, «что̀ на Руси дѣется,» рѣшать загадки или споры Царя съ Царицей, играть—если умѣетъ; въ послѣднемъ случаѣ поднимается страшный плясъ; вообще при пляскѣ «кажется, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ,» «отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ безповинныя буйны головы;» «расплясался Царь,—а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы-корабли;» «Окіянъ сине море всколыбалося, кораблики всѣ повыломало, людей-то всѣхъ повытопило;» Царь готовъ плясать и *сутки третьи*, а «во синемъ морѣ вода всколыбалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,» и т. д.; народъ тогда бросается молиться, одно спасеніе въ помощи свыше; игры и пляски оказываются тогда бѣсовскія, нечестивыя; гостя также Царь поитъ питьями разными до пьяна; любитъ женить на своихъ дѣвицахъ, но нужно знать, какую выбрать и остерегаться въ морѣ ближайшихъ выраженій брака,—иначе очутишься въ морѣ, въ рѣкѣ, вообще не увидишь бѣлаго свѣта; Царь даетъ за дѣвицей во приданыихъ три бочки съ серебромъ, золотомъ, жемчугомъ; если невѣста какъ и пропадетъ, «въ слыху нѣтъ,» а гость спасся, эти бочки оказываются и на яву «подлѣ его;» твердостію можно однако добиться отъ Царя, что онъ доставитъ на Русь вѣрнѣе обмануть его; иногда, по приказу отца, доставитъ дочь, и тутъ, по выходѣ на Русь, можно отъ ней отдѣлаться; Царь не убиваетъ гостя, не преслѣдуетъ ушедшаго,—все это въ томъ случаѣ, если гость уго-

денъ или успѣлъ перехитрить; воротившагося оттуда встрѣчаютъ какъ воскресшаго; уговариваютъ больше уже не пускаться въ море, да онъ и самъ не идетъ: V, стр. 34—46; *Рыбн.* I, стр. 364; 365—367; 368—370; 375—380.

Всей этой участи подвергся Садко: см. его и указанныя мѣста.

Ср. въ «Указателѣ» при IV вып. Водянаго Царя и сродныя лица въ творчествѣ.

—

Жена Царя:

Царица Морская, Поддонная, Водяница: V, стр. 38 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 369.—Живетъ съ Царемъ, занимаются съ нимъ рѣшеніемъ загадокъ, спорютъ, перетакиваютъ; безъ устали подъ игру Садки поплясываетъ; беретъ сторону молодаго пришельца, растолковываетъ ему, что значатъ въ самомъ дѣлѣ пляски Царя; научаетъ, какую выбрать невѣсту, указываетъ на Чернавку, содѣйствуетъ тѣмъ выходу на Святую Русь, на бѣлый свѣтъ: когда споръ ихъ съ мужемъ рѣшенъ былъ гостемъ не по ея словамъ, Царь вскочилъ и срубилъ ей голову саблею: см. тамъ же и ср. Саламанію (на ступени старшей, какъ старую богиню, склонную къ юномѣ), во II ч. *Рыбн.* и «Замѣткѣ.»

—

Дѣти Царя:

Двѣ Дочери прекрасныя: *Рыбн.* I, стр. 366.

Дочь любимая, которую Царь «выдавалъ во тыё во славно Окіянь-море,» ради которой сдѣлалъ въ царствѣ «почестенъ пиръ:» *Рыбн.* I, стр. 368, 369.

Дочь любимая, большая, **Царевна Морская;** по предложенію Царя, Садко согласился взять ее за себя, только бы «достаться на Святую Русь;» Царь велѣлъ доставить, она доставила, а Садко «поклонился и распростился съ ёй,—ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла:» — *Рыбн.* I, стр. 366, 367.

Она же—

Чернава, Чернавушка, Дѣвушка Поваренная, дѣвушка похуже всѣхъ, идетъ позади всѣхъ, поменьше и почернѣя всѣхъ, однакоже (въ другой былинѣ) дѣвица красавица; ее научили Садку выбрать и Царица, и Микола; послѣдній указалъ, какъ условіе спасенія, не соеди-

вяться съ нею въ морѣ, не обнимать, не цѣловать ее; такъ и сдѣлалъ Садко, когда положили спать новобрачныхъ; проснулся,—«а невѣсты его и въ слыху нѣтъ,» приданое же, три бочки возлѣ; проснулся—«о рѣку Чернаву (одного имени съ дѣвушкой, см. рѣку особо) на крутомъ кряжу;» хотя, во избѣжаніе соблазна, Садко даже «свои рученьки ко сердцу прижалъ,» но со полуночи въ просоньи двинулъ было лѣвой ногой,— «ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ:» V, стр. 39—41; 45, 46; *Рыбн.* I, стр. 378—380.—На низшей степени, въ рабствѣ, какъ служанку, ср. ее съ Чернавкою при Васильѣ, Саламаніи—*Рыбн.* ч. II и «Замѣтка;» какъ Царевну, дочь, но на степени униженія, страданія, такъ что нельзя было обнимать и цѣловать, можно было оставить, обмануть и т. п., ср. также Саламанію въ видѣ юной невѣсты, Царицы Южской, жену Потыка (вып. IV, «Замѣтка») и т. д.; какъ Царевну, дочь Морскаго Царя, Прекрасную, доставляющую на Русь, хотя еще и не въ концѣ тяжелыхъ испытаній, ср. Василису Грозную, Прекрасную, Премудрую и т. п., вып. IV и «Замѣтка,» *Рыбн.* ч. II, «Замѣтка.»

—

При Царѣ же:

Красныя дѣвушки хороводъ водятъ: *Рыбн.* I, стр. 369; три триста дѣвицъ красавицъ, готовыхъ въ невѣсты: *тамъ же*, стр. 379, 380; три толпы такихъ же дѣвицъ: V, стр. 39, 40; тридцать: стр. 45.—Мелкая четь (чадь, челядь), которая пляшетъ въ присядку: *Рыбн.* I, стр. 369.—Слесаря для починокъ: V, стр. 39.

—

Еще благодѣтели Садкѣ:

Волга, матка, матушка, славная; сестра Ильменю, а онъ ей братъ (ср. его); ѣздившіе по ней, благодарятъ ее, какъ и море (ср. выше), опуская въ воду великой сукрой (краюху) хлѣба съ солью, за то, что оберегаетъ отъ притки-скорби, въ добромъ здоровьѣ; уѣзжая съ нея, сказываются, куда ѣдутъ, прощаются, отошедъ кланяются; она со своими Гостями бесѣдуетъ, посылаетъ съ ними поклоны, другимъ роднымъ, на примѣръ брату Ильменю, поручаетъ любимца ихъ покровительству (сдаетъ съ рукъ на руки); все это было съ Садкою, который гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ и «зналъ

ее со вершины до устья, а и нижняго царства Астраханскаго,» откуда и прозван «Волгским Сурем (ср. выше)»: V, стр. 47, 48. — Ср. и Василья, как он из Волхова и Ильменя въезжал в Волгу, по ней в море Хвалынское, из моря в Ердань.

—

Ильмень, славной, славное озеро, брат Волги (см. ее); в нем живет, из него показывается Морской Царь (ср. его); в нем же три рыбины с золотыми перьями, приносившiя богатство; будучи в родстве с Волгою (соединяясь путем), принимал от нея поклоны, на встречу приносившим высылал молодца (ср. его ниже) и, удостоверившись, что присланный точно от Волги, награждал его ловлею трех сортов рыбы, которые после оказывались «деньгами дробными, червонцами и монетами (ср. рыбы с золотыми перьями);» ему, приходя, били челом, просили поучить жить во Нов-граде; к кому он благоволил, он тому говорил и того учил; все это имело место с Садкою: V, стр. 48—50; *Рыбн.* I, стр. 370—372; ср. как плавал по нем Василий, V, стр. 23—25; соединяясь с Волгою, через нее с морем Хвалынским и Ерданью, Ильмень в Новгородском творчестве встречается не раз на протяжении от Новгорода до Ерусалима: ср. *Голуб. Книгу* и «Заметку.»

—

Удалой-доброй молодец, посланный от Ильменя на встречу к Садке и с ним переговаривавшiй от лица Ильменя, вероятно **Волхов**: V, стр. 48.

—

Высшiй помощник Садки:

Святитель Николай, Никола, Микола Можайскiй, Угодник: его образ взял с собою в правую руку Садко, отправляясь по жеребью к Морскому Царю (ибо Святитель издревле покровительствовал мореходцам и гостям, ср. «Заметку» при II ч. *Рыбн.*); он же, как старчище не знай совою (неведомый), старик седатый, вследствiе молитв народа, тронул Садку в плечо своей силою, явился ему в яве или во сне, остановил игру на гуслях, научил, как поступить при выборе невесты и спастись, а за то, по воз-

вращеніи въ Новгородъ, велѣлъ построить соборную церковь Миколѣ Можайскому; проснувшись и очутившись на Руси, подъ Новгородомъ, Садко «узналъ церкву, приходъ свой, тою Николу Можайскаго;» при этой же церкви вступилъ въ братчину, сдѣлалъ закладъ, побѣдилъ, и на свои богатства «Божій храмъ сорудилъ во имя Николая Можайскаго:» V, стр. 37, 39; 45, 46; 51, 53; *Рыбн.* I, стр. 369; 378—380; ср. при Потыкѣ въ Кіевскомъ творчествѣ, а церковь ниже особо.

—

Прочія имена и названія, встрѣчающіяся при Садкѣ, см. ниже особо.

*

Терентьище, Терентій[1], Богатой Гость (ср. Садку), старый, старый мужъ; жилъ въ Новгородѣ, въ улицѣ Юрьевской, въ слободѣ (по его имени) Терентьевской; описаніе двора его; у него молодая жена (ср. ее), подъ предлогомъ недуга выпроводила старика «добывать дохтуровъ и спрашивати волхи;» прежде по улицамъ и площадямъ старика было слыхомъ не слыхать и

видомъ не видать, а теперь бродилъ онъ «что корова заблудящая, что ворона залетящая;» встрѣтилъ Скомороховъ (ср. ихъ), они догадались, въ чемъ дѣло, за сто рублей согласились помочь, спрятали старика въ мѣшокъ, пришли къ нему во дворъ, заставили жену высказаться, старика выпустили, онъ вязомъ и дубиною вылѣчилъ жену, а Недуга вонъ погналъ, въ благодарность же далъ Скоморохамъ еще сто рублей: V, стр. 54—60; ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Плѣна, Ерму и Чурилу; «Замѣтка.»

—

Жена его:

Авдотья Ивановна, молодая, выпроводившая старика мужа, впустившая къ себѣ Недуга, обрадовавшаяся ложной вѣсти о гибели старика, поругавшая его, —а онъ слышалъ, — и за то наказанная: см. *тамъ же* и въ Кіевскомъ творчествѣ Катерину Прекрасную, Перминтьиху.

—

Пособники Терентьища:

Скоморохи, Веселые, Веселые молодцы, люди вѣжливые, очестливые; встрѣ-

чаются у мосту; играютъ въ гусельцы, поютъ пѣсенку; изъ нихъ одинъ Мѣхоноша; легко догадываются о смыслѣ семейныхъ дѣлъ и—за дорогую плату—возстановляютъ «правду великую;» все это случилось съ Терентьищемъ (ср. его): V, стр. 55—60; ср. ихъ въ Кіевскомъ творчествѣ.

—

Прочія имена и названія, встрѣчающіяся при Терентьищѣ, см. ниже особо.

*

Акундинъ, Заонѣга, Лазарь Мурмскій, Тугаринъ и прочія лица, на сколько есть въ нихъ вѣрнаго: см. Сказку Сахарова и «Замѣтку;» Князя **Глѣба Ольговича** см. въ Указателѣ Былинъ Княжескихъ.

*

Перунъ въ преданіи объ его низверженіи и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ: см. *Лѣтописи* и «Замѣтку.»

*

Б) Имя Собственное.

Земли, орды, царства, города, церкви, образа, братчины, монастыри, мосты, улицы, слободы, башни, горы, камни, кости, моря, рѣки, озера, болота, острова, корабли, деревья, и т. п.

Русь, Святая Русь, гдѣ помѣщается и Новгородъ, противуположно Царству Морскому (см. его): V, стр. 38, 39, ст. 146, 148, 153, 191; стр. 40, ст. 209; *Рыбн.* I, стр. 365, 366, ст. 22, 38, 44, 59.—Матушка: *Рыбн.* I, стр. 366, ст. 63.

Залѣсье, Залѣськ: ср. Мужиковъ Залѣшенъ.

—

Орда:

Золотая Орда, куда заворачивалъ Садко съ товарами Новгородскими: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 178—180.

—

Царства:

Астраханское, нижнее, куда доплывалъ Садко: V, стр. 48.

Морское, Поддонное, Водяное (судя по Царю и Царицѣ), великое, на днѣ моря: *Рыбн.* I, стр. 368.

—

Города:

Новгородъ: безпрестанно.— Великій: V, стр. 14, ст. 1; стр. 23, ст. 1. — Славный: V, стр. 3, ст. 15; стр. 14, ст. 1, 25; стр. 16, ст. 62; стр. 23, ст. 1; стр. 34, ст. 2 и др.— Его слава великая: *Рыбн.* I, стр. 374. — Стольный: V, стр. 54, ст. 1.—Богатый: V, стр. 53, ст. 190; *Рыбн.* I, стр. 374, ст. 165. — Въ немъ рѣка Волховъ, мостъ Волховскій, башня Проѣзжая, Церкви, Монастыри, Улицы, Слободы: см. ихъ ниже особо; его Князья, Настоятели, Воевода, Старшина-Городничій, славные купцы, мужики, посадскіе и т. п.: см. ихъ.

Торжокъ, откуда Костя Новоторженинъ: см. его.

Кемь, откуда Мужики городо-Кемскіе: см. ихъ.

Опсковъ, съ которымъ Буславъ не вздоривалъ: *Рыбн.* I, стр. 344, ст. 4.

Москва, матушка, каменная, съ ней Буславъ не перечился, не бранивался: *Рыбн.* I, стр. 344, ст. 5; II, стр. 197, ст. 4; стр. 201, ст. 5; Московскіе товары въ Новгородѣ: I, стр. 374, ст. 158; ошибочно, въ закладѣ Василья побороть всю Москву: *Рыбн.* II, стр. 197, 198.

Кіевъ, ошибочно, что у Буслая съ нимъ спору не было, что Василій поспорилъ побороть Кіевъ и жилъ въ немъ: *Рыбн.* I, стр. 352; II, стр. 197 и дал.

Можайскъ, откуда Микола Можайскій: ср. его, образъ, церковь.

Смоленскъ, откуда монастырь Смоленскій: см. его.

Царь-градъ, его выигрышъ (мотивъ, распѣвъ) на гусляхъ: *Рыбн.* I, стр. 369 (такъ умѣлъ играть Садко, ср. его).

Ерусалимъ, Еросолимъ, Іерусалимъ, святой градъ: V, стр. 24, 25, 28, 29, 31; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207.

Церкви:

Николая, Николы, Миколы Можайскаго, соборная, приходъ Садки, гдѣ онъ вступилъ и въ братчину, а послѣ, по повелѣнію Святителя, отстроилъ ее съ особымъ великолѣпіемъ: V, стр. 46, 51, 53; *Рыбн.* I, стр.

379, 380; здѣсь же, вѣроятно, въ братчину Никольщину вступилъ Василій: см. его; ср. ниже образъ.

Стефана Архидьякона, по былинѣ построенная также Садкою съ большимъ великолѣпіемъ: V, стр. 52.

Софіи Премудрыя, то же: *тамъ же;* ср. *Лѣтоп.* и «Замѣтку.»

Бориса и Глѣба, каменная, построенная Садкою въ 1.167 году: *Лѣтописи* и «Замѣтка.»

Честна Вздвиженья, также въ Новгородѣ, «у жива моста калинова,» гдѣ встрѣтилъ Терентьище себѣ помощниковъ: V, стр. 55, 56, ст. 45—48.

—

Образа:

Николы Угодника (ср. Церкви), взятый Садкою въ Морское Царство: V, стр. 37, 39.

Преображенскій, на Ѳаворъ-горѣ, въ соборной церкви съ 12 престолами, у камня Латыря; Василій убился не достигши церкви и образа: *Рыбн.* I, стр. 361—363.

—

Братчина:

Никольщина, Никольщины, братчина, братщины, братовщины, при церкви Николы Можайскаго (ср. его) въ Новгородѣ, подъ начальствомъ «старосты церковнаго,» куда вступали Василій и Садко (ср. ихъ): V, стр. 4, 11, 17, 51.

—

Монастыри:

Спаса Преображенія, въ Новгородѣ; Костя по уваженію исключилъ его изъ своего заклада: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 340.

Матушки Пресвятой Богородицы, въ Новгородѣ и въ томъ же закладѣ Кости: *тамъ же.*

Смоленскій, въ Новгородѣ, то же: см. *тамъ же;* изъ него вышла Богородица къ матери Василья, чтобы унять его: *Рыбн.* I, стр. 344; одно и то же съ предыдущимъ?

Сергѣевъ, гдѣ жилъ Старчище: см. его и *Рыбн.* I, стр. 348, 349.

Кириловскій, гдѣ жилъ тотъ же Старчище: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 356.

—

Мосты:

Волховъ, Волховскій, средоточіе борьбы Новгорода съ

Буслаевымъ: безпрестанно. — Перунъ бросилъ на него свою палицу, откуда игры и бои Новгородцевъ на мосту: *Лѣтоп.* и «Замѣтка;» ошибочно **Обуховъ** (вмѣсто «Волховъ-мостъ»): *Рыбн.* II, стр. 200.

Живой мостъ калиновый, въ Новгородѣ (всякой, на скоро сдѣланный, временный; подобно переходитъ у насъ часто имя Живаго моста въ имя собственное, т. е. усвоенное извѣстному, тому, а не другому мосту): V, стр. 56.

—

Улицы:

Волхова, вдоль по рѣкѣ Волхову, гдѣ Василій, выскочивши изъ подъ запоровъ, показался выручать своихъ товарищей: V, стр. 21.

Рогатица, поприще первыхъ проказъ Василья: Новгор. *Лѣтописи* и Сказка Чулкова.

Юрьевская, также въ Новгородѣ, гдѣ жилъ Терентьище· V, стр. 54.

—

Слобода:

Терентьевская, по имени жившаго тутъ Богатаго Гостя Терентія: см. его и V, стр. 54.

—

Башня:

Проѣзжая (при въѣздѣ на мостъ Волховскій или при соединеніи Волхова съ Ильменемъ, имя нарицательное, можетъ статься обращенное въ собственное), подъ которую подъѣзжалъ Садко, по приказанію Волги, править отъ нея челобитье: V, стр. 48.

—

Горы:

Сорочинская (кажется при выѣздѣ изъ Волги въ Каспійское море), на ней Пуста Голова и камень Латырь, гдѣ и погибъ Василій въ обратномъ пути изъ Ерусалима: V, стр. 26, 27, 31, 32.

Ѳаворъ-гора, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ Сорочинская, но въ землѣ Ерусалимской; славная; выкупавшись въ Erданѣ, на ней Странники сушились: тамъ же лежалъ камень Латырь, а за нимъ, къ верху, стояла церковь соборная, со 12 престолами (въ честь Апостоловъ, передъ коими—по нашему творчеству народному въ числѣ 12-ти — преобразился Христосъ) и образомъ Преображенскимъ: здѣсь-то на Латырѣ погибъ Василій и потому завѣщалъ дружинѣ передать матери, «что сосвaтался на Ѳаворъ-горѣ и же-

нился на бѣломъ-горючемъ камешкѣ:» *Рыбн.* I, стр. 361—363; II, стр. 208.

—

Камни:

Латырь, на горѣ Сорочинской (на самой сопкѣ, вершинѣ) и потомъ на Өаворъ-горѣ; въ послѣднемъ мѣстѣ на немъ «преобразился самъ Исусъ Христосъ;» лежалъ онъ не много ниже помѣщавшейся далѣе на Өаворѣ соборной церкви съ образомъ Преображенія; а еще ниже его, на пути къ нему, лежала Пуста Голова (ср. все это выше); **валъ**-горючій; «въ вышину три сажени печатныя, а черезъ его (въ ширину) только топоръ подать, въ долину три аршина съ четвертью;» разныя надписи на немъ; здѣсь-то погибъ Василій (ср. его): V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360—363; II, стр. 208; подробнѣе въ «Замѣткѣ;» ср. тождественную Морскую Пучину и творчество Кіевское.

Яхонтъ, славный камешекъ, вставленъ былъ вмѣсто очей въ корабль Садковъ Соколъ (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 34, 35.

—

Кости:

Пуста Голова, Человѣчья Кость, Кость Богатырская: см. выше, какъ лицо пророчествующее.

Рыбій Зубъ, изъ котораго сдѣлана было во дворѣ Терентьища (ср. его) подворотина: V, 54.

—

Моря:

Океянъ-море, славное, въ которое Царь Морской (ср. его) выдавалъ дочь любимую за мужъ (изъ моря Хвалынскаго или Балтійскаго; по Олонецкой мѣстности, гдѣ записана Былина, нужно разумѣть Атлантъ или Бѣлое, Ледовитое): *Рыбн.* I, стр. 369. ст. 65, 66.

Сине море, нужно разумѣть Балтійское, по описанію пути изъ Волхова въ Ладожско, со Ладожка во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море (если же здѣсь упоминается, что Садко «воротилъ въ Золоту Орду,» то это или по пути Нордманновъ вокругъ Европы, или по вліянію другаго разряда Былинъ, гдѣ путь Садки описанъ по Волгѣ и въ море Каспійское); здѣсь-то случилось извѣстное приключеніе съ Садкою (ср. его), здѣсь подъ водою было царство Морскаго Царя (ср.

его) и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 173—178 и далѣе; то же Балтійское море подъ именемъ Синяго должно разумѣть во всѣхъ Былинахъ о Садкѣ изъ Олонецкой мѣстности, *Рыбн.* I; здѣсь оно именуется иногда славнымъ: стр. 364, ст. 37; стр. 368, ст. 45.

Хвалынское, въ Былинѣ о Садкѣ изъ Сибирской мѣстности (Кирша Даниловъ) занимающее совершенно то же мѣсто и значеніе, съ тѣмъ же описаніемъ приключеній Садки и Морскаго Царства, какъ выше море Балтійское; Хвалынское соединялось воднымъ путемъ (Волжскимъ) съ Волховомъ, ибо изъ него, черезъ Ильмень, въѣзжаютъ корабли въ Волховъ, «отъ того синя моря Хвалынскаго по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ бѣгуть-побѣгуть тридцать кораблей:» V, стр. 43—46, ст. 46—160. Сравни то же море:

Каспійское, славное море; черезъ него лежалъ «прямой путь въ Іерусалимъ градъ,» семинедѣльный; изъ Ерусалима также ѣздили прямо «по морю Каспійскому къ Нову-городу;» путь описывается—по Ильменю въ Новгородъ (черезъ Волховъ), изъ Новгорода по озеру Ильменю, потомъ (черезъ Волгу) въ Каспійское, отсюда «прямымъ путемъ» въ Ердань-рѣку, въ устье ея, откуда

пѣшкомъ въ Ерусалимъ; это путь Василья (ср. его): V, стр. 23—32, ст. 2, 15, 16, 55, 56, 67, 68, 71—84, 121—184, 199, 200, 214—235, 275—280; ср. выше Волгу, Ильмень и Волховъ, родство ихъ, передачу поклона отъ Волги къ Ильменю въ Новгородѣ, переговоры Ильменя черезъ Волховъ съ пришельцемъ отъ Волги, въ Былинахъ о Садкѣ.

—

Рѣки:

Волховъ, Волхъ: безпрестанно, особенно въ Былинахъ о Васильѣ (ср. его).—Славная матушка (вѣроятно перенесено отъ Волги, которою ѣздили съ моря Хвалынскаго, ср. ее): V, стр. 46, ст. 158.—Рѣчинька (рѣка безпрестанно): *Рыбн.* I, стр. 351, ст. 261; II, стр. 206, ст. 161; рѣченька **Волхова:** V, стр. 353, ст. 62 и дал.—Здѣсь знаменитый мостъ, памятный преданіями о Перунѣ, играми, борьбами, судебными расправами, битвою Василья; улица, на которой показался Василій своимъ товарищамъ, выскочивши изъ подъ запоровъ; сюда ходила за водою Чернавка; сюда, «наквасить рѣку,» грозились Василью Новгородцы, но, вмѣсто того, напол-

нили ее своими трупами, такъ что «на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася;» здѣсь очутился лѣвой ногою Садко, когда проснулся отъ своихъ приключеній въ Морскомъ Царствѣ; здѣсь же увидалъ плывущими свои корабли съ товарищами и т. п.: ср. имена этихъ лицъ и предметовъ, а также выше Удалаго-добраго молодца, высланнаго для переговоровъ съ Садкою отъ Ильменя.

Обь, занявшая мѣсто Волхова въ Пермской Сказкѣ: V, *Прилож.*

Чернава, въ Новгородѣ, одноименная съ дѣвушкой Чернавой (ср. ее); въ одной былинѣ лѣвая нога Садки (ср. его), закинутая въ просоньи на Чернаву, оказалася въ Волховѣ, а въ другой Садко очутился «о рѣку Чернаву:» V, стр. 46, ст. 150; *Рыбн.* I, стр. 380, ст. 363, 364.

Нева, путь по ней (ѣздилъ и Садко, ср. его) изъ Ладожска, Волхова и Новгорода въ Балтійское море: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 175, 176.

Волга, ср. ее выше, какъ лицо.

Кума, въ названіи острова Куминскаго: см. его.

Іорданъ, Ерданъ-рѣка, которою отъ моря Каспійскаго (ср. его) подъѣзжали къ Ерусалиму и ставялись на корабляхъ въ устьѣ; матушка (*Рыбн.* I, стр. 361, ст. 5): въ ней Странники должны были купаться (какъ и нынѣ), чтобы послѣ сушиться на Ѳаворъ-горѣ (ср. ее); но нельзя было купаться нагимъ тѣломъ, а въ рубашечкахъ, ибо «нагимъ тѣломъ» крестился только Христосъ (ср. также въ Кіевскомъ творчествѣ Пучай-рѣку и купанье Добрыни «нагимъ тѣломъ,» *Рыбн.* I, стр. 121); Василья (ср. его) предостерегала о томъ мать, но онъ не послушался и за это, по предсказанію Бабы Залѣсной, Женщины престарѣлой (см. ее), послѣ потерпѣлъ: V, стр. 24; 29, 30; *Рыбн.* I, стр. 361: II, стр. 207, 208.

—

Озера:

Ильмень: см. его выше какъ лицо.

Ладожско, по немъ также ѣздилъ Садко (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 174, 175.

—

Болота:

Каростанскія, обильныя комарами: Сказка Чулкова. V, *Прилож.*

—

Островъ:

Куминскій, въ устьѣ Кумы, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ стояла «застава крѣпкая,» стояли «атаманы козачіе, три тысячи,» грабили «бусы - галеры,» разбивали «червлены корабли,» «козаки-разбойники, стары атаманы;» гости-корабельщики предостерегали Василья (ср. его) отъ этой заставы, но онъ поѣхалъ, ибо это былъ прямой путь съ Волги чрезъ Каспійское море въ Ердань, къ Ерусалиму; на этой «заставѣ карабельной» атаманы, противъ ожиданія, скоро узнали Василья по поступкѣ, угостили, одарили, дали въ Ерусалимъ провожатаго; на обратномъ пути изъ Ерусалима Василій опять заѣхалъ къ нимъ, удостовѣрилъ письменнымъ свидѣтельствомъ, что въ Ерусалимѣ за нихъ много трудовъ положилъ, и простился: V, стр. 26—31, ст. 71—84, 121—175, 214—235.

—

Корабль:

Соколъ, одинъ изъ тридцати (или тридцати трехъ) Садковыхъ,

на которомъ ѣздилъ самъ; Садко (ср. его) самъ себѣ его строилъ, «корму по гусиному, носъ по орлиному, въ очи вкладывалъ по камешку по славному по яхонту:» V, стр. 41—43, ст. 1—6, 72—78; стр. 46, ст. 159, 160; стр. 34, ст. 18—22; *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 30—39; впрочемъ и остальные его корабли были «червленые,» «великіе,» «снасточки шелковыя, кормы писаны по звѣриному, а носъ писанъ по змѣиному:» *Рыбн.* I, стр. 368 и др.—Ср. корабль и у Василья, летѣвшій какъ Соколъ: *Рыбн.* II, стр. 207, ст. 219.—Ср. также корабль Соколъ въ Кіевскомъ творчествѣ.

—

Деревья:

Кипарисное, Кипарисово, дерево правое, ибо на немъ «Христосъ распятъ есть:» V, стр. 37; коромысло у Чернавки (съ Юга, ср. «Замѣтку»): стр. 19.

Яворъ, изъ котораго обычно гусли (яворчаты, яровчаты): безпрестанно.

*

В) Прозвища отъ Имени Собственнаго.

Христовъ, Христосьскій, день (Свѣтлое Воскресенье): *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 197; стр. 356, ст. 169; II, стр. 200, ст. 114.— Гробница въ Ерусалимѣ: II, стр. 207, 208.

Господній, гробъ, въ Ерусалимѣ: *Рыбн.* I, стр. 361.

Божьи, церкви: *Рыбн.* I, стр. 377; II, стр. 208.

Петровъ, день: *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 198; стр. 356, ст. 170; II, стр. 200, ст. 115.

Православный, народъ, Русскій: V, стр. 45.

Бѣсовскія, игры, пляски въ Морскомъ Царствѣ: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 88, 89, 97.

Новгородскій, Новогородскій: князья, настоятели, мужики, господа, купцы, башлыки, и т. п., безпрестанно; товары: то же; великая слава: *Рыбн.* I, стр. 374.

Волгской, Суръ, прозвище Садки (ср. его) отъ Волги: V, стр. 51, ст. 113.

Сибирскій. Наигрыши, нездѣшнія; камочка: V, стр. 37, ст. 125, 127.

Мурзамецкій. Копье: *Рыбн.* I, стр. 345, 347.

Чебурацкій (?), свинецъ: V, стр. 16, ст. 72.

Залѣсный. Баба, прорицательница: V, стр. 30, ст. 203.— Ср. Залѣшенъ, V, стр. 16, ихъ же въ Кіевскомъ творчествѣ и Залѣсье, Задолѣсье.

Заморскій. Камочка: V, стр. 37; булатъ: стр. 42; товары: *Рыбн.* I, стр. 374 (то же, что нынѣ «Нѣмецкій,» имя для чужихъ странъ): Царь, вмѣсто «Морской:» ср. его и V, стр. 43.

Можайскій, Астраханскій, Преображенскій, Смоленскій, Сергѣевъ, Кириловскій, Волховъ-Волховскій, Юрьевскій, Терентьевскій, Сорочинскій, Хвалынскій, Каспійскій, Ладожскій, Каростанскій, Куминскій: см. образа, царства, монастыри, мосты, улицы, слободу, гору, моря, озера, болото, островъ.—Также точно **Васильевъ** (на пр. матушка Васильева), **Садковъ** (корабль), **Терентьевъ** (дворъ) и т. п.: см. при именахъ сихъ лицъ.

* * *

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ типографіи Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.
1864.

Одобрено Ценсурой. Москва, Мая 7-го, 1864.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1863 года, Мая 22-го, LXXII засѣданіе, пунктъ 4, б). Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что въ ближайшее за тѣмъ время будутъ печататься: выпускъ 6-й «Грозный Царь Иванъ Васильевичь» и выпускъ 7-й «Отъ Ивана IV-го до Петра I-го;» тѣмъ кончится II-й томъ издаваемыхъ Обществомъ «Пѣсень.» Положено: по объему выпусковъ, назначить для одного цѣну 50 к., для другаго 1 рубль сер. и поручить П. А. Безсонову, приступить въ свое время къ продажѣ ихъ, не ожидая новыхъ постановленій Общества.

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1864-й годъ.

Выпускъ 6.

Пѣсни Былевыя, Историческія:

Москва.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.

Оглавленіе, общее для выпусковъ 6-го и 7-го, помѣщено будетъ въ концѣ сего послѣдняго.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

*

I.

Взята Казань.

1.

Охъ вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные!
Сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:
Еще какъ государь Царь Казань городъ бралъ.

Онъ въ овражкѣ простоялъ,—онъ и кашку расхлебалъ,
Въ другомъ простоялъ, — онъ другую расхлебалъ;
Онъ подкопы копалъ подъ Казанку рѣку,
Онъ подводъ подводилъ подъ Казань городъ,
Онъ подкатывалъ бочки, бочки дубовыя,
Какъ со лютымъ со злымъ [1]) чернымъ порохомъ,
Затеплялъ же онъ свѣчу воску яраго.
Татарки Казанки, на стѣнѣ онѣ стояли,
На стѣнѣ онѣ стояли, ж..ы показали:
«« Еще вотъ тѣ, государь Царь, Казань городъ взять!»»
Государево сердечко разсердитовалось,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить-вѣшать.

Выбиралися въ полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:
— Охъ гой еси, государь Царь Иванъ Васильевичь!
— Не приказывай, государь, казнить-вѣшати,
— Прикажи ты, государь Царь, слово выговорить:

---

[1]) Зельемъ.—*О.*

— На вѣтру свѣча скоро топится,
— Въ захолустьи свѣча долго теплится. —
Не успѣлъ же государь Царь слово выговорить, —
Еще начало же Казань городъ рвати,
Рвать-порывать, на всѣ стороны кидать,
Татарокъ Казанокъ въ рѣку всѣхъ бросать.

(Достав. г. Варламовымъ).

*

2.

Добрые люди, послушайте,
А мы, малые ребята, станемъ сказывать
Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

Какъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Къ Казани подходилъ, какъ Казань городъ бралъ,
Отъ Свіяжскаго отъ города подкопъ подводилъ
Онъ подъ славную подъ рѣчку подъ Казанку-рѣку,
Со своей силою войскою [1];
Онъ и бочечки со порохомъ закатывалъ;
Затепляетъ онъ свѣчи воску яраго,
И поставилъ свѣчи воску яраго.

На вѣтрѣ свѣчи скоро топятся,
Въ закутѣ свѣчи долго топятся:
— Не вели ты, батюшка, казнить,
— Вели слово говорить. —
Не успѣлъ пушкарь слово молвити,
Правду выговорити,
Раскидало-разметало стѣну каменную.

(Отъ того же).

*

---

[1]) Военною; оттуда древнее *войска* вмѣсто *войско*, сохрàненное и нынѣ у нѣкоторыхъ Славянъ. — *О.*

3.

(Москва).

Ужь вы люди ли, вы люди стародавчіе,
Молодые молодцы, даволь [1]) послушати,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что Татары же по городу похаживали,
Что Грозна̀ Царя Ивана Васильевича поддразнивали,
Что и тутъ-то нашъ Грозенъ Царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру мать землю,
Онъ велѣлъ ли, государь Царь, пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать, зажигальщичковъ,
Онъ велѣлъ, сударь, скоро казнить — скоро вѣшати.

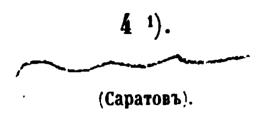
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить, —
Воску яраго свѣча затеплилася,
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило Татаръ сорокъ тысячей,
[Сорокъ тысячей] и три тысячи.

(Запис. А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап. 1860, Апрѣль, Сборн. П. И. Якушкина).

*

[1]) Доволь, изволь, извольте. — *О.*

4 [1]).



(Саратовъ).

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
Про Грознаго Царя Ивана Васильевича?

Какъ онъ, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь,
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще [2]) три года:
Сокоплёмши свою силушку, воевать пошелъ,
Онъ подъ славное царство Казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ заповѣдныихъ [3]).
Какъ онъ, Грозенъ Царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казаночку [4]) подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону — подъ Булатъ подъ рѣку.
Мы съ порохомъ боченки закатывали,
Сорокъ бочекъ закатили [5]) съ [6]) лютымъ зельемъ,
[Съ лютымъ зельемъ,] съ [7]) порохомъ,
Зажигали на бочкахъ воску ярова свѣчи [8]),
Зажжёмши свѣчи, сами вонъ пошли [9]),
Сами вонъ пошли, сами прочь отошли.
А злые Татаришки [10]) по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего Царя Бѣлаго Ивана Васильича [11]) подражнивають [12])...
На то Грозный Царь [13]) осердился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшать [14]!»

---

[1]) Разнорѣчія въ Сборн. гг. Костомар. и Мордовц. — [2]) «и». — [3]) «въ заповѣданныхъ.» — [4]) «подъ Казанку.» — [5]) «закатилъ.» — [6]) «со.» — [7]) «со.» — [8]) «Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова.» — [9]) «прочь отошли.» — [10]) «Татарченки.» — [11]) «Васильевича.» — [12]) Добавленъ пропущенный стихъ: ««Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ ж... казать!»» — [13]) «Ив. Вас.» — [14]) «вѣшати.»—*О*.

Вотъ [1]) и выбрался изъ нихъ молоденькій [2]) пушкарь:
— Не изволь, государь, насъ вѣшать и казнить [3]),
— Дай ты намъ [4]) рѣчи сговорить:
— Наружи-то свѣчи — онѣ скоро горятъ,
— Въ подземельи-то [5]) свѣчи не скоро теплются. —
Не успѣлъ слова сказать, — стало бочки рвать,
Стало бочки рвать, землю нá розно метать [6]),
И побило всѣхъ Татаръ каменничкомъ.

(Ср. Извѣст. А. Н., т. III: запис. А. Н. Пасхаловою).

*

5.

(Пермск. губ., с. Новое Усолье).

По городу Татаринокъ погуливаетъ,
Надъ нашимъ надъ Царемъ насмѣхается:
«« Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
«« [Ни во сто лѣтъ,] ни во тысячу годовъ.»»
На это нашь государь приразгнѣвался,
Приказалъ нашь государь подъ Казань городъ,
[Подъ Казань городъ] подкопы подкопати.
Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
Много бочекъ закатали съ чернымъ порохомъ,
Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровыя,
Молодые пушкари изъ подкопу выходили,
Свѣчки догорѣли, — бочки не разорвало.
На то нашь государь приразгнѣвался и пріосердился,
Приказалъ нашь государь пушкарей своихъ казнить,
[Пушкарей своихъ казнить,] саблей головы рубить.
Всѣ наши пушкарчики задумались — стоятъ,
[Задумались — стоятъ,] ничего не говорятъ,
Одинъ же пушкаричекъ осмѣлился,

---

[1]) «Какъ.» — [2]) «молодой.» — [3]) «вѣшать-казнить.» — [4]) «государь.» — [5]) «Въ подземельѣ.» — [6]) Прибавлено: «Какъ стѣны бросало за Булатъ-рѣку.» — *О.*

Къ Царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Не приказывай казнить, прикажи мнѣ говорить:
— На ходу-то наши свѣчки скоро горятъ,
— Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горятъ. —
Не успѣлъ слова вымолвить, —
Свѣчки догорѣли, бочки рóзорвало.
Теперь нашъ государь привозрадовался,
Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ дарить,
Всѣмъ пушкарямъ по пятидесятъ рублей,
Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей;
За то ему пятьсотъ: къ Царю близко подходилъ,
[Къ Царю близко подходилъ,] ему рѣчи говорилъ.

(Со словъ прiѣзжаго мужика, доставлено 1849 г. Директоромъ Пермскихъ училищъ; ср. «Этногр. Сборникъ,» вып. V).

*

6 [1]).

Вы, молодые робята [2]), послушайте,
Чтò мы, стары старики, будемъ сказывати
Про Грознаго Царя Ивана про Васильевича.

Какъ онъ, нашъ государь-Царь, подъ Казань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды [3]) въ чистомъ полѣ разставлялъ.
Ой, Татаре [4]) по городу похаживаютъ,
И всяко грубiянство оказываютъ,
Они Грозному Царю насмѣхаются:
«Ай, не быть [5]) нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!»

---

[1]) Былина нѣсколько подправлена. — То же самое въ сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц., у Сахарова и въ другихъ пѣсенникахъ, откуда приведены разнорѣчiя. — [2]) *Морд.* и *Сахар.* «ребята.» — [3]) *Морд.* «А пушки, снаряды.» — [4]) *Сахар.* «А Татаре;» *Морд.* «А Татарченки.» — [5]) *Морд.* «Не бывать.» — *О.*

Ахъ [1]), какъ тутъ нашъ государь [2]) разгнѣвался [3]),
Что подрывъ такъ долго медлится [4]),
Приказалъ онъ за то [5]) пушкарей [6]) казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ [7]).

Какъ всѣ тутъ [8]) пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился [9]):
— Прикажи, государь-Царь, слово выговорить [10])? —
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить [11]),
Тогда лишь догорѣли зажигальныя свѣчи [12]),
И вдругъ разрывало [13]) бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку [14]).
Всѣ Татаре [15]) тутъ, братцы, устрашилися,
Они Бѣлому Царю покорилися.

(Пѣсенникъ Новиковскій, «Новое и полное собраніе Россійскихъ пѣсенъ,» М., 1780 г., Ч. I, № 125, стр. 141, 142; то же самое у Чулкова, «Собраніе разныхъ пѣсенъ,» Спб., 1770 г., Ч. I, № 125, стр. 136; почти то же—съ описками—въ Пѣсенникѣ Гурьянова, 1835, Ч. XIII; разнорѣчія изъ Сборниковъ Сахарова, гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

---

[1]) Тамъ же (и ниже): «Ужъ.» — [2]) «государь-Царь.» — [3]) «прогнѣвался.» — [4]) Стихъ этотъ опущенъ. — [5]) «Приказалъ онъ.» — [6]) «пушкаревъ.» — [7]) За симъ:

Что отъ нихъ измѣна учинилась,
Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится.

[8]) «А и тутъ всѣ.» — [9]):

Большой за меньшого хоронится,
А одинъ пушкарь отважился.

[10]) «молвить.» — [11]) «выговорить.» — [12]) «Подъ землею свѣча догорала.» — [13]) «И тутъ разорвало.» — [14]) «Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку.» — За симъ: Забросало палаты бѣлокаменны.» — [15]) «Татары.» — *О.*

II.

1.

(Кирша Даниловъ).

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
[Пробуждалася] царица Елена,
Симеону царю она сонъ разсказала:
«« А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
«« Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
«« Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
«« Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
«« Кабы сизой орлище встрепенулся,
«« Кабы грозная туча подымалась,
«« Что на наше вѣдь царство наплывала [1].»»

А изъ сильнаго Московскаго царства,
Подымался Великій Князь [2]) Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичь, Прозритель [3]),
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными козаками,
Подходили подъ Казанское царство,
За пятнадцать верстъ становились,
[Становились] они подкопью подъ Булатъ-рѣку;
Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закаалти,
А и подъ гору ихъ становили,

---

1) Слѣдующее за симъ служитъ объясненіемъ сну; отъ сна былина переходитъ къ разсказу о самомъ событіи.— 2) Ниже объяснено, что онъ сдѣлался Царемъ лишь по взятіи Казани.—3) Народное прозвище Ивана.—*О.*

Подводили подъ Казанское царство;
Воску ярого свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ [1]):
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
Возпалился тутъ Великій Князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичь, Прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.

Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему, Князю, отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
— Ты Великій, сударь, Князь Московскій!
— Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
— Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
— А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.—

Позадумался Князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути [2]).

Они тѣ-то рѣчи говорили,—
Догорѣла въ землѣ свѣча воску ярого
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ:
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,

---

[1]) Вѣроятно (по складу): «въ лагерѣ на полѣ.»— [2]) Эти три стиха явная вставка и относятся конечно къ царю Симеону, какъ, послѣ разсказаннаго сна, придумывалъ онъ оттянуть свершеніе событія; къ сожалѣнію этотъ эпизодъ не сохраненъ былинами.— За симъ слѣдуетъ прерванное, послѣ рѣчи пушкарей.—*О.*

Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь [1]), Васильевича, Прозрителя:
И за то онъ царицу пожаловалъ,
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго Князя [2]),
Онъ и вынялъ ясны очи косицами [3]),
Онъ и взялъ съ него Царскую корону,
И снялъ Царскую порфиру,
Онъ Царской костыль въ руки принялъ.

И въ то время Князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское Царство:
Что тогда, де, Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава [4]).

* *

[1]) Т. е. сударя, государя.— [2]) Сюда ошибочно отнесено Калайдовичемъ слово «онъ.»— [3]) Висками.— [4]) См. ниже «Замѣтку.»—*О.*

III.

1 *).

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень).

Ты куда, куда собираешься,
Православный Царь, изъ Москвы въ Казань [1])?
Не одинъ-то православный Царь собирается,
Беретъ добраго молодца и меня съ собой.
А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося,
Хотѣлося въ Москвѣ пожить,
[Въ Москвѣ пожить,] при дворцѣ служить,
При дворцѣ [служить] государевомъ.
Ничего-то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось [2]),
Да только жалко зелена саду,
Да жалко мнѣ, доброму молодцу,
[Добру молодцу] въ саду три деревца:
Первое деревцо — купарисово,
Другое деревцо — зелена груша,
Третье деревцо — сладко яблонько [3]).

---

*) Слѣдующіе образцы переходятъ уже въ отдѣлъ пѣсень Молодецкихъ и Безымянныхъ. — *О.*

[1]) Стихи вѣроятно таковы:

Ты куда, куда собираешься?
Собирается православный Царь,
Православный Царь изъ Москвы въ Казань.

[2]) Не жалко.— [3]) Сладка яблонька? Сладко яблочко? — *О.*

Купарисово деревцо — родной батюшка,
А зелена груша — родна матушка,
Сладко яблонько — молода жена.
Гдѣ батюшка плачетъ, тутъ рѣка течетъ,
Гдѣ матушка плачетъ, ключи быстры текутъ,
Гдѣ жена плачетъ, — туманъ съ дождемъ.

(Отъ ратника Картавенко, запис. П. В. Шейномъ).

* *

IV.

1.

Во славномъ городѣ во Казани,
Середи торгу на базарѣ,
Не ручей шумитъ, то слеза катитъ
По бѣлу лицу красной дѣвицы.
Что не трубушка вострубила,
То возговоритъ красавица,
Молодая Татарушка:
« Не отецъ не мать разлучили насъ,
« Разлучилъ насъ Великій Князь,
« Князь Иванъ сударь Васильевичъ:
« На лету убилъ ясна сокола,
« А меня, младу, во плѣнъ берётъ.»

(Отъ Г-жи Улыбышевой).

* *

V.

1 *).

(Орловск. губ., Малоарханг. уѣзда, с. Сабурово).

Соловейко кукушечку уговаривалъ:
« Полетимъ, кукушечка, во мой зеленъ садъ:
« Во моемъ ли во садику зеленъ виноградъ,
« Во моемъ ли во садику молодчикъ гулялъ.
« Молодецъ молодешенькой, не веселъ онъ былъ.
« Чего добру молодцу веселому быть?
« Что журитъ-бранитъ батюшка, не зная за что,
« Нарекъ, нарекъ батюшка во солдаты отдать.
« — А мнѣ, доброму молодцу, не хотѣлося,
« — Хотѣлось молодцу хоть годокъ дома прожить,
« — Хоть годокъ дома прожить, во Москвѣ побывать,
« — Въ Москвѣ, въ Москвѣ побывать, солдатушекъ поглядѣть:
« — Солдатушки батюшки во строю стоятъ,
« — Во строю-строю стоятъ, по ружью держатъ.—»

*

2.

(Моск. губ., Звенигор. уѣзда, с. Ильинское).

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
« Полетимъ, кукушка, во сыры боры,
« Мы совьемъ, кукушка, тёпло гнѣздышко.
« И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
« Малыхъ дѣтушекъ, куколятушекъ!»
Ой, у ключика у холоднаго,
Молодецъ дѣвицу подговариваетъ,

*) Эта пѣсня началомъ своимъ одинакова съ послѣдующими, а концемъ съ выше помѣщенною въ Отд. III-мъ.— *О*.

Подговариваетъ, все обманываетъ:
«Мы пойдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
«Какъ Казань городъ на красѣ стоитъ,
«А Казанка рѣчушка медкомъ бѣжитъ,
«По горамъ-горамъ да всё камушки,
«Да всё камушки, всё горючіе,
«По лугамъ-лугамъ да всё травушки,
«Да всё травушки, всё шелковыя.»
— Не обманывай, добрый молодецъ:
— Я сама знаю про то—вѣдаю,
— Что Казань городъ на крови стоитъ,
— А Казанка рѣчушка кровью бѣжитъ,
— По горамъ-горамъ всё головушки,
— Всё головушки да всё буйныя,
— По лугамъ-лугамъ всё черны кудри,
— Всё черны кудри молодецкія. —

3.

(Орловск. губ., Малоарх. уѣзда.)

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговаривалъ, всё обманывалъ:
«Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
«Мы совьёмъ съ тобою тёпло гнѣздушко.»

Молодецъ дѣвицу подговаривалъ:
«Поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
«Казань городъ на красѣ стоитъ,
«На красѣ стоитъ, на крутой горѣ,
«Казаночка рѣчка медовà течётъ,
«Мелки ключики — зеленò вино,
«По лугамъ-лугамъ трава шёлкова,
«По горамъ-горамъ цвѣты алые,
«Цвѣты алые, всё лазоревы»

— Не обманывай, добрый мóлодецъ:
— Я сама давно про то вѣдаю,
— Что Казань городъ на костяхъ стоитъ,
— Казаночка рѣка кровавà течётъ,
— Мелки ключики—горючи слезы,
— По лугамъ-лугамъ всё вóлосы,
— По крутымъ горамъ всё гóловы,
— Молодецкія, всё Стрѣлецкія.—

*

4.

Соловей кукушку обманывалъ,
Онъ обманывалъ, подговаривалъ:
«Полетимъ, кукушка, вы темны лѣса,
«Вы темны ль лѣса, вы дремучіе,
«Совьемъ, кукушка, съ тобой гнѣздышко,
«Съ тобой гнѣздышко, съ тобой тёплое,
«Выведемъ, кукушка, съ тобой дѣтушекъ.»
Молодецъ дѣвицу обманывалъ,
Онъ обманывалъ, уговаривалъ:
«Поѣдемъ, дѣвица, вы Казань городъ:
«Что Казань городъ вы красѣ стоитъ,
«А Казанка рѣчка-та медомъ протекла,
«По лугамъ-лугамъ шелкова трава,
«По горамъ-горамъ тамъ всё камушки,
«Да всё камушки разноцвѣтные.»
— Молодецъ, молодецъ, не обманывай,
— Не обманывай, не подговаривай:
— Я сама знаю про все—вѣдаю,
— Что Казань-то городъ во крови стоитъ,
— Что Казанка-та рѣчка кровью протекла,
— Мелкіе ручьи — горючьми слезьми,
— По лугамъ-лугамъ да всё волосы,

— По горамъ-горамъ да всё головы,
— Да всё головы разноличныя.—

*

5.

Соловей кукушку подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ мы, кукушка, во темны лѣса,
«Мы совьемъ ли, кукушка, тепло гнѣздо,
«И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
«Малыхъ дѣтушекъ соловьятушекъ.»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Мы поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
«Какъ Казань городъ на краси стоитъ,
«Казанка рѣчка медомъ протекла,
«А малы ручьи зеленымъ виномъ,
«По горамъ-горамъ по высокіимъ
«Лежатъ каменья самоцвѣтные,
«По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
«Ростетъ трава шелковая.»
— Не обманывай, доброй молодецъ:
— Я сама знаю про то—вѣдаю,
— Что Казань городъ на крови стоитъ,
— А Казанька рѣчка кровью протекла,
— Малые ручьи горючими слезами;
— По горамъ-горамъ по высокіимъ
— Лежатъ головы молодецкія,
— Молодецкія, все солдатскія;
— По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
— Лежатъ кудри молодецкія,
— Молодецкія, всё козацкія.—

(«Новик. Пѣсенникъ»).

* *

VI.

1.

(Арханг. губ., Кола).

Шли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
«« Вы пойдемте-ко, дѣвушки, съ нами,
«« Съ нами, добрыми молодцами,
«« Не далече, до Казани:
«« Во Казани-то жить привольно,
«« Жить привольно, гулять охотно,
«« У насъ денежекъ предовольно,
«« У насъ домики пребогаты,
«« Бѣлокаменныя стоятъ палаты,
«« Межь домами-то текетъ рѣчка,
«« Течетъ рѣченька медовая,
«« По ней струечка золотая.»»
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ-кустъ ракитовъ,
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшко сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
« Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
« На солдатскія на обманки:
« У солдатушекъ домы—горы,
« Домы—горы каменисты,
« Межъ домами-то текетъ рѣчка,
« Текетъ рѣченька да кровяная,
« По ней струечка слезенàя.»

(Записс. г. Максимовымъ; ср. Сборн. Якушк. 1860 г.).

2.

(Вологодск. губ.).

По Питерской дорожкѣ
Ѣхали обозы [1],
За обозами шли матросы [1],
Матросики молодые [1],
Неженаты, холостые.
Въ эту пору
Вышла дѣвушка за водою, 2.
За холодной, ключевою. 2.
Матросики дѣвушкѣ говорили: 2.
«« Ты поѣдемъ, дѣвушка, съ нами,
«« Съ нами, молодцами [2]):
«« У насъ жить-то,
«« Дѣвушка, привольно [2]),
«« Питья-кушанья довольно [2]),
«« У насъ горы некрутыя [2]),
«« У насъ рѣченька Казанка, 2.
«« По ней струйка золотая.»»
Какъ одинъ-то матросъ
Дѣвушкѣ говорилъ: 2.
« Не сдавайся-ко, дѣвушка, на басни, 2.
« На солдатскіе обманы: 2.
« У насъ жить-то непривольно,
« Питья-кушанья-то недовольно, 2.
« У насъ горы-то крутыя, 2.
« Въ горахъ камешки простые, 2.
« Прошла рѣчка слезеная [3]),
« По ней струйка кровяная.»

(Ѳ. Студитскій, 1841 г.).

*

---

1) Послѣднее слово повторяется.— 2) То же.— 3) То же.—*О.*

3.

Шли матросы,
За матросами солдаты,
За солдатами обозы;
Они шли-прошли слободою,
Идётъ дѣвушка за водою;
Зовутъ дѣвушку за собою:
«Пойдёмъ, дѣвушка, съ нами,
«Съ нами до Казани:
«Отъ Казани Питеръ [1]) не далече;
«У насъ во Питерѣ жизнь—приволье,
«У насъ горушки сахарныя,
«У насъ ключики медовые.»
— Солдатушки, вы не обманывайте,
— Я сама, дѣвушка, про то знаю:
— У васъ горушки головныя,
— У васъ ключики кровавыіе,
— У васъ бережки ледяные.—

(Пѣсня *тмольная*).

*

4.

(Тверск. губ.).

Шли-прошли обозы,
За обозами матросы;
Они шли-прошли слободою,
Звали Дунюшку съ собою:
«Пойдемъ, Дуняшка,
«Пойдемъ съ нами:.

---

1) Питеръ и другіе города, вмѣсто Казани, вставлены позднѣе.—*О.*

« У насъ, Дуняшка,
« Жить привольно,
« Работать у насъ охотно,
« У насъ домы всё каменные,
« Текутъ рѣчки медовыя,
« У насъ горы восковыя,
« Въ горахъ камни дорогіе.»
— Не обманывайте, солдаты,
— Я сама про всё про то знаю:
— У васъ домики—палатки,
— У васъ горы—земляныя,
— Въ горахъ камни всё простые,
— Текуть рѣченьки слезовыя.—

(Запис. г. Турнинымъ).

*

5.

(Симбирск. губ.).

Какъ по Московской
Было по дорожкѣ,
Шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
За солдатами шли матросы,
Матросы молодые;
Звали дѣвокъ за собой:
«« Вы пойдемте, дѣвки, съ нами,
«« Съ нами, съ молодцами,
«« Со Донскими козаками:
«« Какъ у насъ въ Москвѣ
«« Житье привольно,
«« Золотой казны довольно,
«« Тутъ текутъ рѣчки медовыя,

«« Круты горы золотыя,
«« Во горахъ камни золотые.»»
« Не склоняйтесь, дѣвки, на бàлы,
« На солдатскіе на обманы!»

(Запис. Дм. А. Валуевымъ).

*

6.

(Симбирск. губ., Сенгил. уѣзда, въ с. Старомъ Ярыклѣ).

Какъ по Питерской было по дорожкѣ,
Тутъ шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
Солдатушки молодые, новобранны;
Они шли-прошли слободою,
Звали дѣушекъ съ собою:
«« Вы пойдемте, дѣвки, съ нами,
«« Съ нами, добрыми молодцами,
«« Со Уральскими козаками:
«« У насъ дѣушкамъ жить привольно,
«« Горы-долы у насъ золотые,
«« Во горахъ камни дорогіе,
«« Бѣжитъ рѣчушка медовàя,
«« По рѣчушкѣ растетъ малина [1])
«« И сладка ягода малина.»»

*

[1]) Калина.—*О.*

7.

(Бѣлая Русь).

Ишли-пройшли всё обозы,
Ишли да пройшли слободою,
Звали яны дѣвушакъ за собою:
« Идити вы, дѣвушки, всё и зъ нами,
« Всё и зъ нами, за нашими обозàми:
« Въ нашай жа сторонѣ дóбро жить,
« У насъ жа то гóрушки грумовыя,
« По горàхъ камушки золотыя,
« У насъ жа то рѣчушки мядовыя,
« У насъ жа то травица шоўковица!»
— А ня праўда ваша, соўдатушки:
— У вашай жа сторонѣ худо жить,
— У васъ жа то гóрушки кулявыя [1]),
— У васъ жа то по горàхъ камушки круповыя,
— Рѣчушки крывавыя,
— А по лугàхъ травица всё матлица.—

* *
*

1) Изъ пуль, изъ ядеръ. — *О.*

Помочь Царю подъ Казанью.

I.

1.

(Симбирск. губ., с. Языково).

Не ясные соколики солеталися,
[Не] Персидскіе Мазуры [1]) собиралися,
Они думали-гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:
«« А кому-то намъ, ребяты, атаманомъ быть,
«« Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Степанушкѣ,
«« Есауломъ слыть Никитушкѣ [2]).»

Есаулъ рѣчь взговорилъ, — во трубу вострубилъ,
Атаманъ рѣчь взговорилъ, — во свирѣль взыгралъ:
« Какъ не полно намъ, ребяты, на моряхъ стоять,
« Не пора ли намъ, ребятушки, во Россіюшку итти?
« Какъ подъ городомъ по Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
« Стоитъ Бѣлый Царь, Царь Иванъ Васильевичь:
« Онъ не годъ стоялъ, не два года,
« Онъ стоялъ ровно семь годовъ:
« Не взявши Казань горюетъ, хочетъ прочь итти.
« Пойдемте-ка, ребятушки, на подмогушку,

---

1) Мазуры, Мазурушки — Мурзы, мурзушки: и ниже. — 2) И ниже безпрерывная смѣна именъ — Ермака, Стеньки Разина и Никиты Романовича. — *О.*

« [На подмогушку] въ Волгу матушку!
« Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
« Астраханское славно царство пройдемъ съ вечера,
« А Царицынъ городочикъ во глухую полночь,
« А Саратовъ славный городъ на бѣлой зарѣ,
« Вольской и Хвалынской средь бѣла дня,
« Сызрану и Самарѣ не поклонимся,
« Въ Жегулевскіихъ крутыхъ горахъ остановимся;
« Мы вобьемъ-ка приколушки пихтовые,
« Мы чалики зачалимъ шелковыя,
« Мы сходенки положимъ кипарисовыя,
« Мы сойдемте-ка, ребята, на сухой берегъ,
« Мы взойдемте-ка, ребята, на крутой берегъ,
« Поглядимъ-ка, ребята, съ горы подъ гору,
« Разобьемте-ка, ребятушки, три суденушка,
« Мы пошлемте-ка, ребятушки, записочки
« Царю Ивану Васильевичу:
« Возьму городъ Казань въ три часа!»

*

2.

(Сызрань).

«« Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
«« Не пора ли намъ, братцы, возвратитися?
«« Подъ Казанью городочкомъ стоитъ
«« Бѣлый Царь Иванъ Васильевичь:
«« Мы пойдемте-ка на помочь къ нему!
«« Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
«« А Саратовъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
«« А Самарѣ городочку мы поклонимся,
«« Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся:

«« Шатрики раскинемъ шелковые,
«« Приколочки поставимъ дубовые,
«« Сядемте, братцы, позавтракаемте,
«« По рюмочкѣ мы выпьемъ, — поздраствуемъ,
«« По другой мы выпьемъ, — пѣсни запоемъ,
«« Погуляемъ да въ путь пойдемъ
«« Подъ Казань городокъ!»»

*

3.

(Саратовъ).

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще того подалѣй — на синёмъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Каспискіимъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскіимъ,
Собиралися музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
«« Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
«« Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Ермилу Тимоѳеичу,
«« Есауломъ слыть Никитушкѣ Романычу.»»

Атаманъ-то рѣчь возговоритъ, что въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль igратъ:
« Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
« Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
« Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
« Астраханское славно царство пройдемъ съ вечеру,
« А Царицынъ городочикъ во глуху полночь,
« А Саратовъ на бѣлой зарѣ,
« Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
« Въ Жигулёвскіихъ горахъ мы остановимся:

«Вотъ мы чалочки причалимъ все шелко́выя,
«Вотъ мы сходенки положимъ все кедровыя,
«Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
«Есаулушка, ребятушки, — онъ самъ сойдетъ.»

Какъ возговоритъ нашъ батюшка атаманушка:
«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
«Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Стоитъ Бѣлый Царь, Иванъ сударь Васильевичь,
«Онъ не много и не мало стоитъ — семь годовъ,
«Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
«Калены стрѣлы пускалъ безсчётныя:
«Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!»

(Запис. А. Н. Пасхаловою; ср. Изв. А. Н.).

* *

II.

1*).

(Симбирск. губ., с. Головино).

Далече-далече, во чисто́мъ полѣ,
Еще пода́лѣ, на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ, на возмо́рьицѣ,
Выплывали-выгребали до́бры мо́лодцы,
Славные мазу́рушки Персидскіе.
Становились добры молодцы на зеленый лугъ,
Сходились добры молодцы во единый кругъ,
Думали крѣпку думу за единую:
«Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
«Атаманомъ быть Ермохѣ Тимоѳеичу,
«Есауломъ быть Никитѣ Иванычу.»

*) Слѣдующій за симъ отдѣлъ, мало по малу забывая о Казани, Иванѣ Васильевичѣ и Бѣломъ Царѣ, переходитъ къ простымъ Молодецкимъ и Безъименнымъ пѣснямъ.—*О.*

Пó кругу Ермакъ похаживаетъ,
Козакамъ добрымъ молодцамъ приказываетъ:
«Пойдемте-ка, робята, во Казань городъ;
«Подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Онъ стоялъ семь годовъ,
«На восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь итти:
«Пойдемте, робята, поклонимся Бѣлому Царю!
«Казанскому губернатору не покбримся,
«Саратовску губерню съ вечера пройдемъ,
«Царицынъ городочекъ во глухỳ полнòчь,
«Въ Жегуляевскихъ горахъ остановимся,
«Остановимся, расположимся.»

(Достав. П. М. Языковымъ).

*

2.

(Тамъ же).

Далече-далече, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ,—на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ на Каспійскіемъ,
Не ясные соколы солеталися,
Соходились-собирались добры молодцы,
Заславные [1]) музурушки Персидскіе.
Они думали думу крѣпкую за единую,
Выбирали они атаманушку походнаго.

Атамана-тъ говоритъ, как въ трубу трубитъ,
А есаула-тъ говоритъ, какъ во свирѣль игратъ.

««Ой вы гой еси, дружья-братья, товарищи!
««Надобно намъ, братцы, атаманушку
««И надобно дороднымъ есаулушку:
««Атаманомъ быть Никитушкѣ Романычу,

---

1) Разславные, преславные. —*О.*

««Есауломъ слыть Ермилѣ Тимоѳеичу [1].»»
«Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, дороднымъ, на свѣжу̀ воду,
«На свѣжую воду — на Волгу, на Волгу матушку?
«И станемъ разбивать бусы-ка́рабли.
«Бусы-ка́рабли и лодки легкія.»

(Отъ того же).

*

3.

(Городъ Симбирскъ).

Какъ далече было—далѣ, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ,—на синемъ морѣ,
Какъ на славномъ морѣ было на Каспійскіемъ,
Вотъ не ясны тутъ соколы слеталися,
Собиралися морзорушки Каспійскіе,
Еще стары бродяги безпашпортные,
Безпашпортные хайлы, да все разбойнички.
Они думали тутъ думушку за единое:
««Да кому, де, изъ насъ, братцы, атаманомъ быть,
««И кому изъ насъ, удалы, есауломъ слыть?
««Атаманомъ быть Ермакъ — сынъ — Тимоѳеевичу,
««Есауломъ слыть Никитѣ — сынъ — Иванычу.»»

Атаманъ-то говорилъ, какъ въ трубу трубилъ,
Есаулъ-то говорилъ, какъ въ свирѣль игралъ:
«Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, удалы, воротитися
«Какъ во славную во нашу мать Россіюшку?
«Астрахань мы городочекъ съ вечера пройдемъ,

---

[1]) Переставлены рѣчи товарищей и атамана.—*О*.

«А Царицынъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городочку тутъ поклонимся,
«Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся.»

(Доставл. П. И. Юрьевымъ).

*

4.

(Отъ Самары до Ставрополя по Волгѣ).

На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
Разбивали они суда-корабли [1]),
Что [2]) Армянски, Татарски и купечески.
Они думали-гадали думу крѣпкую за единое [3]):
«« А кому у насъ, ребята, атаманомъ [4]) быть?
«« Атаманомъ быть Ивану Тимоѳеевичу [5]),
«« Есауломъ быть Никитушкѣ Васильевичу [6]).
«« А и какъ-то намъ будетъ [7]) городà пройти?
«« Славну Астрахань-то мати [8]) пройдемъ съ вечера,
«« А Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
«« Мы Самарѣ городишку [9]) не поклонимся,
«« Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
«« Какъ мы колышки вколотимъ кленовые,
«« А причалами причалимся шелкòвыми,
«« Атаманушка Иванушка [10]) сведемъ подъ руки,
«« Есаулушко Никитушка и самъ сойдетъ.»»

(«Москов. Вѣдом.,» 1861, № 210).

*

---

[1]) Разнорѣч. *Варенц.*, «Сборн. Пѣс. Самарск. края,» 1862: «судна-корабли.»— [2]) *Вар.* нѣтъ. — [3]) *Вар.* «за единую.»— [4]) *Вар.* «атаману;» и ниже.— [5]) *Вар.* «Тимоѳееву.»—У *Костомар.* «Степану Тимоѳеичу.» — [6]) *Вар.* «Есаулу... Васильеву.» — [7]) *Вар.* «Какъ-то намъ, ребятушки.» — [8]) *Вар.* «Астрахань-то, славну мати.» — [9]) *Вар.* «городишкѣ.» — [10]) «Атаманушку Иванушку.» — *О.*

5.

(Симбирск. губ., с. Головино).

Далече-далече, во чистóмъ полѣ,
Еще того далече,—на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ на Каспійскіемъ,
На славномъ Черностовѣ, славномъ островѣ,
Не ясны соколы солеталися,
Соходились тутъ удалы-добры молодцы,
Музурушки Персидскіе.
Они думали крѣпку думушку за единую:
«« А пó роду мы рóду всѣ умны,
«« А одинъ изъ роду умнѣе всѣхъ:
«« Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
«« Атамапомъ быть Микитушкѣ Тимоѳеичу,
«« Есаулошкѣ Ермилѣ Романовичу.»»

Возговоритъ Микитушка Тимоѳеевичъ:
« Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« И не полно ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« На моряхъ стоять?
« Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« Па свѣжу воду,
« На свѣжую на воду, — Волгу матушку?
« И сядемъ мы, добры молодцы, во лодки легкія,
« И станемъ разбивать бусы-кáрабля
« И мелки судёнушки!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

*

6.

(Той же губ., с. Усть-Урень).

Какъ далеченько-далеченько, въ чистомъ полечкѣ,
На синемъ-то на моречкѣ,
На Черностовскімъ славномъ островѣ,
Не бѣленькія лебедочки солеталися,
Не ясные соколочки сопорхалися,
Сходилися музурушки Персидскіе,
Бурлаченьки низовые безпашпортные,
И собирались они во единый кругъ,
Они думали-гадали думу крѣпкую за единую:
«« Уж кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
«« И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Матвеюшкѣ Тимоѳеевичу,
«« Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»»

Атаманушка по округѣ похаживаетъ,
Онъ серебреной своей тростонькой помахиваетъ.
Атаманъ рѣчь возговоритъ, — въ трубу струбитъ,
Есаулушка слово молвитъ, — какъ въ свирѣль заигратъ.

«« Ужь какъ-то намъ, ребятушки, протить въ славный Астрахань,
«« Ужь какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять,
«« Ужь чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
«« Ужь мы закупимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,
«« Еще купимъ мы ему саблю вострую,
«« Есаулушкѣ мы закупимъ ружье огненно,
«« И поѣдемъ гулять по возморьицу.»»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенко).

*

7.

(Тамъ же).

Какъ далеченько-далеченько, во чистомъ полечкѣ,
А еще того подалече,—на синемъ моречкѣ,
Какъ на славныимъ на Черностовскіимъ было островѣ,
Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,
Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
Сходилися музурушки Персидскіе
И низовые бурлаченьки безпашпортные;
Они думали-гадали думу крѣпкую за единую,
Выбирали себѣ атаманушку походнаго:
«« Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
«« Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть у насъ Степану Тимоѳеевичу,
«« А есауломъ слыть Микитѣ Романовичу.»»

Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ,
Атаманушка рѣчь возговоритъ,—какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ,—какъ въ свирѣль заигратъ.

«« Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
«« Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
«« Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку — коня добраго,
«« А есаулу купимъ забавушку—ружье огненное.»»

(Записано тѣмъ же, отъ Цыплова).

* *

III.

1*).

(Той же губ., Корсунск. уѣзда, Александровка).

. . . .
Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
На нимъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ;
Атаманушка рѣчь возговоритъ, — какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ, какъ въ свирѣль заигратъ.

«Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
«Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
«Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку — коня добраго,
«А есаулу купимъ забавушку — ружье огненное.»

И возговоритъ атаманъ Степанъ Тимоѳеевичь:
«Подъ Казань городокъ [1]) стоитъ Бѣлый Царь,
«Ни много, ни мало стоитъ, — семь годовъ,

*) Начало то же, какъ въ пѣсни предыдущей. — Здѣсь, не смотря на позднѣйшія вставки, важны подробности о взятіи Казани и то, что Былина въ концѣ непосредственно связуется съ Былинами о покушеніи на жизнь сына. Старикъ пѣвецъ пѣлъ все это въ связи, но записать успѣли у него лишь отрывки. — *О.*

[1]) Подъ Казанью городкомъ. — *О*

«Не взявши Казань городъ, хочетъ прочь итти:
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ!
«Волжскій городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню.»

. . . .

««Какъ намъ, братцы, пристать къ пристани?
««Ежели бокомъ пристать, станутъ палить изъ пушекъ,
««Ежели кормой пристать, ловить станутъ,
««Ежели пристать носомъ, примутъ подъ руки,—
««—На подмогу ѣдутъ къ намъ.—»»

. . . .

Вотъ Царь Иванъ Васильевичь шлетъ посланника:
—Ежели бокомъ пристали, палить изъ пушекъ,
—Ежели кормой пристали, ловить ихъ,
—Ежели жь носомъ пристали, принять ихъ подъ руки.—

И призываетъ онъ атамана:
—Скажись ты мнѣ, кто?—
«Слыхалъ ты? Степанъ Разинъ,
«Тимоѳеевъ съ молодцами.»
—Много ли у тея посланниковъ?—
«Три ста человѣкъ.»
—Во всѣхъ я тея прощаю,
—Только скажи, какъ Казань городъ взять?—

. . . .

Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку,
Пудъ порхву казну, затеплили свѣчи на бочкахъ,
И вышли сами подлѣ стѣны,
Въ рукахъ тоже свѣчи держутъ.
Осердился Царь Иванъ Васильевичь,—
Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ;
И хочетъ его казнить.

«Царь Иванъ Васильевичь!
«На верху свѣчка теплится,
«Ее вѣтромъ качаетъ.»
Только переговорили, — и зачало бочку рвать:
И полетѣли стѣны, гдѣ кого,
Гдѣ рука, гдѣ Татарска голова.
. . . .

Прiѣзжаетъ Царь Иванъ Васильевичь въ Москву,
Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему.
Гдѣ хвалится конями, гдѣ хвалится женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми [1]).
. . . .

(Записано отъ 80-тилѣтняго старика, тѣмъ же).

См. ниже Былины о помянутыхъ въ семъ отдѣлѣ лицахъ и вообще пѣсни Козацкiя.

* *
*

1 Это уже начало Былинъ о покушенiи на смерть сына, которыя см. ниже и которыя начинаются такъ, непосредственно связуясь съ Былинами о взятiи Казани.—*О*.

«Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною.
«Я шатался-мотался, Ермилъ,
«По чисту полю и по синю морю,
«Разбивалъ я, Ермилъ, бусы-корабли,
«И Таксырскіе, и бусурманскіе,
«А больше корабли государевы,
«Государевы карабелички безъ примѣтушекъ,
«Безъ царскаго герба.»
Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— Ужь вы гой еси, князья-бояре
— И думные мои боярушки [1])!
— Еще что̀ мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
— Иль казнити, иль вѣшати?—

Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
«« Еще мало намъ Ермила
«« Казнити-вѣшати!»»
Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичъ:
«Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
«Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!»
Богатырска его сила подымалася
И богатырская его кровь разгоралася,
Вынималъ Ермилъ изъ своихъ ноженъ саблю острую:
Буйна голова отъ плечь могучихъ отвалилася [2])
И по царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
А думчіе боярушки испугалися,
Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
А царская хорантина [3]) перемѣнялась.

(Ср. Сахар., «Пѣсн. Р. нар.,» ч. 4).

Объясненіе этой передѣланной Былинѣ находится въ слѣдующей:

* *

---

[1]) Бояре и боярушки!— [2]) Народъ сказалъ бы: «съ плечь повалилася.»— [3]) Вѣроятно хорунжіе: но какъ попало сюда это слово?—*О.*

II.

1 *).

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались козаки, други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единъ [1]) кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ;
Они думали думушку всё единую:
«« Ужь какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
«« А зима настаетъ, братцы, холодная:
«« Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
«« На Яикъ намъ иттить, — да переходъ великъ;
«« Да на Волгѣ ходить намъ,—всё ворами слыть;
«« Подъ Казань градъ иттить [2]),—да там Царь стоитъ,
«« Какъ Грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ,
«« У него тамъ силы много множество:
«« Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
«« А намъ, козакамъ, быть переловленымъ,
«« Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженымъ.»»

Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная — рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
« Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
« И меня, Ермака, братцы, послушайте:
« Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
« А зимою мы, братцы, поисправимся;

---

*) Сахаровъ напечаталъ съ измѣненіями, которыя укажемъ. —*О.*
[1]) *Сахар.* «во единый.» — [2]) *Сахар.* «идти.»—*О.*

«А какъ вскроется весна красная,
«Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
«Мы заслужимъ предъ Грознымъ Царемъ вину свою:
«Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
«Да по синему морю по Хвалынскому,
«Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
«Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
«Мы убили посланничка все царскаго [1]),
«Какъ того-то вѣдь посланничка Персидскаго.»

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ [2]),
На широкой на ровной было площади,
Собирались козаки, други, во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
««Какъ зима-то проходитъ всё холодная,
««Какъ и лѣто настанетъ [3]), братцы, лѣто теплое:
««Да пора ужь намъ, братцы, въ походъ иттить.»»

Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
«Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
«Забивайте вы кочета [4]) еловые,
«Накладайте бабаички [5]) сосновые,
«Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью [6]),
«Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
«Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
«Доберемся мы до царства бусурманскаго,
«Завоюемъ мы царство Сибирское,
«Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
«А царя-то Кучума во [7]) полонъ возьмемъ:
«И за то-то государь Царь насъ пожалуетъ;

---

[1]) *Сахар.* «не царскаго.» — [2]) *Сахар.* «Астрахани.» — [3]) Д. б. «настаетъ.» — [4]) Вбитые въ бортъ колышки, на которые надѣваютъ весло. — [5]) Весла. — [6]) *Сахар.* «помочью.» — [7]) *Сахар.* «въ.» — *О.*

«Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
«Я надѣну тогда шубу соболиную,
«Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
«Принесу я Царю Бѣлому повинную:
«— Ой ты гой еси, надежа, православный Царь!
«— Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
«— Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«— Какъ и я-то, воровской Донской атаманушка,
«— Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
«— Что по синю морю по Хвалынскому,
«— Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
«— Какъ и тѣ-то корабли всё не орленые;
«— А теперича, надежа, православный Царь,
«— Приношу тебѣ буйную головушку
«— И съ буйной головой царство Сибирское [1])!—»

Рѣчь возговоритъ надежа православный Царь,
Какъ и Грозной-то Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«Ой ты гой еси, войской [2]) Донской атаманушка!
«Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
«Я прощаю тебя да за твою службу,
«За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
«И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный-тихой Донъ!»

(Изъ «Русск. Старины» Карниловича).

* *

---

[1]) Отселѣ рѣчь забывается и переходитъ въ самое дѣло, какъ будто Ермакъ уже пришелъ и сказалъ. — [2]) Выше «воровской.» — *О.*

III.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ было при старомъ при Царѣ при Иванѣ Васильевичѣ,
Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани-драки, всё-то буйныя дѣла!
Вотъ настало времечко счастливое:
Ужь и сталъ-то Грозный Царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить, чужи страны съ ней сводить.

Проявился въ Сибири славный-крѣпкій казакъ,
Славный-крѣпкій казакъ, по прозванію Ермакъ.
Ужь какъ этотъ-то Ермакъ, онъ сражался—не робѣлъ,
Онъ сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ Царю послалъ поклонъ:
«Ты прими, де, Грозный Царь, ты поклонъ отъ Ермака,
«Посылаю тѣ въ гостинецъ всю Сибирскую страну,
«Всю Сибирскую страну: дай прощенье Ермаку!»

(Отъ раскольника старика).

* *

IV.

1*).

(Кирша Даниловъ).

На славной Волгѣ рѣкѣ, на верхней изголовѣ [1]),
[На верхней изголовѣ,] на Бузанѣ островѣ,
На крутомъ-красномъ берегу,
На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
А стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя,
Изподернуты [2]) бархатомъ;
Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь,] Аноѳрій Степановичь:
Они думушку думали за единою,
Какъ про дѣло ратное, про добычу козачую.

Что есаулъ ходитъ по кругу, по Донскому, Яицкому,
Есаулъ кричитъ голосомъ, во всю буйну голову:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!
«У насъ кто на морѣ не бывалъ,
«[На морѣ не бывалъ,] морской волны не видалъ,
«Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,
«Отъ желанья тѣ Богу не маливались:
«Останьтеся таковы молодцы на Бузанѣ островѣ!»

---

*) Слѣдующія двѣ Былины, хотя и пѣлись въ рознь, на разный голосъ, но составляютъ одно цѣлое, въ которомъ первая половина ближе къ пѣснямъ предыдущимъ, а вторая отличается особыми подробностями и полнотою, доходя до смерти Ермака; ср. «Замѣтку.»—*О.*

[1]) Въ головахъ, вверху.—У Калайдовича раздѣлены стихи иначе.—[2]) Должно быть прибавлено: «бесѣды.»—*О.*

И садилися молодцы во свои струги легкіе,
Они грянули, молодцы, внизъ по матушкѣ,
[Внизъ по матушкѣ] Волгѣ рѣкѣ [1]),
По протокѣ по Ахтубѣ;
А не ярые гоголи на сине море выплыли,
Выгребали тутъ козаки середи моря синяго;
Противъ Матицы [2]) острова легки струги выдергивали,
И веселечки разбрасывали, майданы [3]) разставливали,
Ковры раздергивали, ковры тѣ Сорочинскіе,
И бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ;
А играли козаки золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми [4]).
Посмотрятъ козаки, они, на море синее,—
Отъ того зеленаго отъ дуба крековистаго,
Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
Забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
И зачернѣлися на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей:
А бѣгутъ тутъ по морю
Славны гости [5]) Турецкіе, со товары заморскими.
А увидѣли козаки тѣ корабли червленные,
И бросалися козаки на свои струги легкіе,
А хватали козаки оружье долгомѣрное
И три пушечки мѣдныя,
Напущалися козаки на двѣнадцать кораблей,
Въ три пушечки гунули, а ружьемъ вдругъ грянули:
Турки, гости богатые,
На корабляхъ отъ того испужалися,
Въ сине море металися,
А тѣ товары заморскіе
Козакамъ доставалися,

---

[1]) Это одинаково значитъ и «гребнули,» грянули веслами, и грянули пѣсню «Внизъ по матушкѣ»: то и другое тѣсно соединяется въ самой этой пѣсни («Грянемте, братцы! Дунь, грянь!»); — ср. Былины выше. — [2]) Это можетъ быть и нарицательнымъ именемъ, — середняя верхушка, середина поверхности.— [3]) Помѣщенія для сборища, на стоянкѣ.— [4]) Ср. прежніе выпуски.—Выше показанъ образецъ, какъ дополнять эти короткіе стихи.— [5]) Торговцы.—*О*.

А и двѣнадцать кораблей.
А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася,—
Душа красная дѣвица,
Молода Урзамовна, мурзы дочь Турскаго.
Что сговоритъ дѣвица:—Не троньте меня, козаки,
—Не губите моей красоты,
—А и вы везите меня, козаки,
—Къ сильну царству Московскому, государству Россійскому,
—Приведите, козаки, меня въ вѣру крещеную.—
Не тронули козаки душу красну дѣвицу,
И посадили во свои струги легкіе.

А и будутъ козаки на протокѣ на Ахтубѣ,
И стали козаки на крутомъ-красномъ бережку,
Майданы разставливали, майданы тѣ Терскіе,
Ковры Сорочинскіе, а бесѣды разставливали,
А бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ,
А столы—дорогъ рыбій зубъ [1];
А и кушали козаки тутъ они кушанье разное,
И пили питья медвяныя, питья все заморскія.
И будутъ козаки на великихъ на радостяхъ,
[На великихъ на радостяхъ] со добычи козачія,—
Караулы ставили, караулы крѣпкіе, отхожіе,
Сверху матки Волги рѣки,
И съ низу таковыя жь стоятъ,—
Запилися, молодцы, а всѣ они до единаго.
А втапоры и во то время на другой сторонѣ
Становился стоять Персидской посолъ,
Коромышевъ Семенъ Константиновичъ [2],
Со своими солдаты и матросами.
Козаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ,
Напущалися на нихъ дратися, ради корысти своея.

---

[1]) Ср. прежніе выпуски.— [2]) См. это лицо въ Былинахъ ниже, и въ другихъ выпускахъ.—*О.*

*

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы-добры молодцы,
Донскіе славны атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь] и Анофрій Степановичь.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичь:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!
«Некорыстна у насъ шутка зашучена:
«Гуляли мы по морю синему
«И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
«Убили мы посла Персидскаго
«Со всѣми его солдатами и матросами,
«И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
«И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
«Въ Астрахани — жить не льзя,
«На Волгѣ жить — ворами слыть,
«На Яикъ итти — переходъ великъ,
«Въ Казань итти — Грозенъ Царь стоитъ,
«Грозенъ Царь осударь Иванъ Васильевичь;
«Въ Москву итти — перехватаннымъ быть,
«По разнымъ городамъ разосланнымъ
«И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ [1]).
«Пойдемте мы въ Усолья ко Строгоновымъ,
«Ко тому Григорью Григорьевичу,
«Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ:
«Возмемъ мы много свинцу-пороху и запасу хлѣбнаго.»

[1]) Вѣроятно «разсоженнымъ,» какъ и въ предыдущихъ Былинахъ. — *О.*

И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу-пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать [1]).
И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру козаки,
Много не мало [2]) — двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе, на другой сторонѣ,
Въ такую жь они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима замовать.

Та зима проходитъ, весна настаетъ:
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ;
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки:
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися, тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, — обрадовались,
Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы,
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ.
И скоро [3]) они выплыли на Тагиль-рѣку,
У того Медвѣдя камня, у Магницкаго горы [4]), становилися;
А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище [5]):
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ, козаки, съ весны до Троицева [6]) дня:
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.

---

[1]) Древнее словосочиненіе. — [2]) Не много, не мало, ровно. — [3]) Какъ скоро, когда. — [4]) У Магницкія горы? — [5]) Мѣсто постройки судовъ. — [6]) До Тройцева; обыкновеннѣе «Троицынъ.» — *О.*

И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли:
Тутъ они князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ,
На и́зголовѣ становилися,
И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
Самбуръ Андреевичь устьемъ средніимъ,
Анофрій Степановичь устьемъ нижніимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.
И выплыли два атамана козачіе,
Самбуръ Андреевичь и Анофрій Степановичь,
Со своими товарищами на Иртышь-рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми Татары Котовскими:
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А козакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлой день,
Прибили козаки тѣхъ Татаръ не мало число.
И тому Татары дивовалися, —

Каковы Руски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ:
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено,
Только козаки всѣ невредимы стоятъ [1]);
И тому Татары дивуются наипаче того.
Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичь,
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума царя Татарскаго;
А перваго князька, поиманнаго,
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Чтобы они въ дракѣ съ козаками помирилися:
«Ужь, де, царя вашего во полонъ взяли
«Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ.»
И таковы слова услыша, Татары сокротилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскіихъ:
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака Татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня:
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами [2]) вмѣстѣ спивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.

И убравши Ермакъ со всѣми козаки [3]),
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу.
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,

1, Дѣло идетъ о соломенныхъ чучелахъ. — 2) Мездрами, непушистой стороной, выворотами. — 3) Или «убравшись,» или «убравши (нарядивши) совсѣмъ козаки (козаковъ).»—*О.*

На канунъ праздника Христова дня [1]),
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
На самой праздникъ—Христовъ день,
Какъ изволилъ Царь государь итти отъ заутрени,
Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичь:
«Что, де, атаманы козачіе,
«Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи,
«Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли,
«И стоятъ на Красной площади.»
И тогда Царь государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимоѳеева,
Со тѣми его товарищи.
Тотчасъ ихъ ко Царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныихъ;
И тому Царь удивляется,
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.
Втапоры Царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное,
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума царя Татарскаго
И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника,
Приказалъ Царь государь
Того Ермака предъ себя привести.
Тотчасъ ихъ собрали
И ко Царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь государь:
«Гой ты еси, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!

---

[1]) Свѣтлаго Воскресенья. —*О.*

«Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ
«И напрасныхъ душь губилъ,
«И какимъ случаемъ Татарскаго
«Кучума царя полонилъ,
«И всю его Татарскую силу
«Подъ мою власть покорилъ?»
Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ на колѣни палъ,
И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ [1]),
И при томъ говорилъ таковыя слова:
— Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичь!
— Приношу тебѣ, осударь, повинность свою:
— Гуляли мы, козаки, по морю синему,
— И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
— И въ то время годилося мимо итти послу Персидскому,
— Коромышеву Семену Константиновичу,
— Со своими солдаты и матросами;
— И они напали на насъ своею волею,
— И хотѣли отъ насъ поживитися;
— Козаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
— И тутъ Персидскаго посла устукали
— Со тѣми его солдаты и матросами.—
И на то Царь государь не прогнѣвался,
Но и паче [2]) умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.

И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую,
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Брать съ нихъ дани-выходы въ казну государеву.
И по тому приказу государеву,
Поѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевичь

---

[1]) Въ Былинѣ не только перебито стихосложеніе, не только она нисспускается до такъ называемой «бабьей Старины,» но даже и до простаго Сказанія.—[2]) Наипаче, напаче?—*О.*

Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Котовскіихъ,
Сталъ онъ ихъ наибольше [1]
Подъ власть государеву покаряти,
Дани-выходы безъ запущенія выбирати.

И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися [2],
На Ермака Тимоѳеева напущалися,
На той большой Енисеѣ-рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только было козаковъ—
На дву коломенкахъ.
И билися-дралися съ Татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ,
Онъ, Ермакъ, похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей-быстру-рѣку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилась [3].

При Былинахъ этого отдѣла ср. другія Былины ниже, въ другихъ выпускахъ, и вообще Пѣсни Козацкія.

* *
*

---

1) Нáбольшихъ?— 2) Свобода словосочиненія («поизойдучи — [illegible] -лися»), весьма часто встрѣчаемая въ нар[illegible] творчеств[illegible] -лáсь» или «случилася,» судя по [illegible] напѣву.—

Царь хочетъ убить сына *).

I.

1.

(Владимірск. губ., Константиновская волость).

У насъ было во матушкѣ въ каменной въ Москвѣ,
У Царя было Ивана Васильевича,
Былъ у него почетный пиръ,
Было у него столованія великое:
Съѣзжались князья и боляра,
Сильные-могучіе богатыри,
И вся поленица [1]) удалая.
Пиръ на полу-пирѣ,
А столъ на полу-столѣ,
Полъ-сыта бояры наѣдались,
Полъ-пьяна боляры напивались,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь распотѣшился,
Самъ по палатушкамъ похаживалъ,
Во красное окно поглядывалъ,
Черныя кудри разчесывалъ частымъ гребешкомъ,
Самъ говоритъ таковыя словеса,
Онъ сказалъ боярамъ: «Пейте и проклажайтеся,

*) Какъ сказано, Былины слѣдующаго разряда, о покушеніи на жизнь сына, непосредственно связываются со «взятіемъ Казани.» Въ промежуткѣ поставлены у насъ Былины «О помочи подъ Казанью и Ермакѣ,» потому, что и эти послѣднія, съ другой стороны, также связаны съ Казанью. — *О*.

[1]) См. прежніе выпуски. —*О*.

«Ничѣмъ собою не похвалитеся [1]):
«Вывелъ я измѣны изъ своей земли,
«Вывезъ Перфила [2]) изъ Царя-града!»
Да иной о немъ дрогнули [3]),
И царство ужаснулися [4]),
Не знаютъ отвѣта дать:
Большой за малаго хоронится,
А малаго за большимъ давно не знать.
Выходитъ-выступаетъ Великій Князь,
Молодой Иванъ Ивановичь,
Самъ говоритъ такія словеса:
— Отселя [5]) мой родной батюшка,
— Грозной мой Царь Иванъ Васильевичь!
— Поизволите ль слово молвовить,
— Не вели за слово повѣсить,
— Не будь опалитъ [6]) за мои словеса:
— Помнишь ли и памятуешь ли,
— Какъ стояли подъ городомъ и по Дóнскія [7])?
— Много мы силы потратили:
— Была у насъ измѣнушка великая
— Отъ твоего сына порожденнаго,
— Отъ молода Өёдора Иванова.—

Грозенъ Царь опаляется
На своего сына порожденнаго Өёдора Ивановича:
«У мене ли не стало ли грозныхъ полачей?»
Сходилось полачей всё десятками,
Сходилось полачей и полуторами,
Не знаютъ полачи, какъ отвѣту дать:
Большой за малаго хоронится,
А малаго за большимъ давно не видать.
Выходитъ-выступаетъ малая Малютка, Скураткинъ сынъ,
Говоритъ такія слова:

---

1) Не похваляйтеся (за чѣмъ не похваляетеся? ср. другія Былины).»— 2) Порфиру. — 3) Дрогнулси, дрогнулся. — 4) Такъ, подобно: «народъ говорили» и т. д. — 5) Вѣроятно вмѣсто «гой еси.» — 6) Не опалѝсь, не распалѝсь. — 7) Испорчено вмѣсто «подò Псковомъ.»—*О.*

«« У меня ли руки подымутся
«« На ваши ли роды на царскіе,
«« Не дрожитъ моя рука со вострой саблей!»»
Взялъ онъ Ѳедора Ивановича за бѣлыя руки,
За тѣ ли перстни позолочоныя,
Скоро повелъ за̀ Москву рѣку,
Ко этому мѣсту ко Лобному,
Ко этой плахѣ ко липовой,
Грознами казнити казнями [1]),
Очи вынимать косицами [2]),
Языкъ вырѣзать изъ темени.
По сѣнямъ по новымъ по косящатымъ,
Не красное солнышко покатилось на̀ земли,
Проходила тутъ Царица благовѣрная
Ко своему брату любезному,
Къ молоду къ Микитѣ Романовичу:
« Вотъ мой милой братецъ,
« Микита Романовичь!
« Что̀ спишь — не про̀снешься,
« Ничего ты не знаешь ли?
« Какъ упала звѣзда поднебесная,
« Погасла свѣча мѣстная,
« Не стало у насъ Царевича
« Ѳедора Ивановича:
« Сей часъ повели за Москву рѣку,
« Ко тому ли мѣсту ко Лобному,
« Ко той плахѣ ко липовой,
« Разными казнити казнями.»
Скоро вставалъ на рѣзвыя ноги,
Сапоги надѣвалъ на босыя ноги,
Шубу надѣвалъ рукавомъ на плечо,
Шапку надѣвалъ блиномъ на главу,
Садился на коня не на сѣдланаго,
Скоро поскакалъ за Москву рѣку,
Ко тому ли мѣсту ко Лобному,

---

[1]) Въ подлинникѣ пропущено: «казнити.» — [2]) Висками. — *О.*

Ко той ли плахѣ ко липовой,
Самъ скричалъ громкимъ голосомъ
И шапкою машетъ:
— Богъ того помиловалъ,
— Царь государь его жаловаетъ!
— И ты, малая Малютка, Скураткинъ сынъ,
— Не за свой ты кусъ принимаешься,
— Этимъ кусомъ самъ подавишься! —
Ткнулъ онъ Малютку во бѣлую грудь,
И Малютка на ногахъ не устояла,
И живъ не бывалъ.
Взялъ онъ Өедора Ивановича за бѣлыя руки,
И повелъ онъ на широкій дворъ,
Во свою палату бѣлую каменную:
Посадилъ на стулъ позолоченой.
Не долгое время помѣшкамши,
Ударили къ обѣднѣ ко ранней.
Иде тутъ батюшка,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
На немъ платье жь троворное и нерадошное;
Богу молится и покланяется,
А самъ горючімъ слезы заливается.
Ѣдетъ тутъ свѣтлѣйшій князь,
Молодой Микита Романовичь,
На немъ платье паратное;
Молится, покланяется, и самъ улыбается,
Говоритъ Царю на усобинку [1]):
— Здрастуй, нашъ государь,
— Царь Грозной Иванъ Васильевичь!
— Поздравляю васъ съ двумя сынами:
— Съ первымъ — Иванъ-Ивановичемъ,
— Съ другимъ — Өедоромъ Ивановичемъ! —
Грозный Царь опаляется
На своего шурина Микиту Романовича:
«Или ты мною насмѣхаешься,

---

[1]) На особицу. — *О.*

«Или ты не знаешь и не вѣдуешь,
«Что упала звѣзда поднебесная,
«Угасла свѣча мѣстная,
«Не стало молода царевича
«Ѳедора Ивановича?
«Скоро повели за Москву рѣку,
«Ко мѣсту ко Лобному,
«Ко той ли плахѣ ко липовой,
«Грозными казнити казнями,
«Очи вынимать косицами,
«Языкъ вынимать изъ темени!»
Возговоритъ свѣтлѣйшій князь,
Молодой Микита Романовичь:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Твой сынъ у меня сидитъ,
— Во моихъ палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ,
— Жалобу творитъ на своего брата любезнаго,
— На молода Ивана Ивановича,
— «Что привелъ меня къ смерти напрасной!»—

Грозенъ Царь возрадовался:
«Ой еси, свѣтлѣйшій князь!
«Чѣмъ тебя жаловать?
«Ой 1) тебя пожаловать — треть земли,
«Или золотой казной, или городомъ,
«Или крестьянами, или Москвою?»
— Не надобно мнѣ ни треть земли,
— Ни каменной Москвы,
— Пожалуй мене трими улицами,
— Первою улицею Арбатскою,
— Вторую улицею Никитскою,
— Третью улицу — Месницкую:
— Кто взойдетъ въ нихъ,
— Не было 2) не взыску, ни вынемки 3). —

* *

1) То есть: «ой ли, оли.» — 2) Не было бъ. — 3) Не вынимали бы тамъ по иску или на судъ), не обыскивали и не захватывали. — *О.*

II.

1.

(Симбирск. губ.)

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Стояли палаты бѣлокаменныя:
Полы во палатахъ бѣлорыбицывые [1],
Столы во палатахъ бѣлодубовые,
Разостланы скатерти браныя,
Поставлены яства сахарныя.
За тѣми столами за дубовыми
Сидитъ же нашъ батюшка Грозный Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ;
Онъ и пьётъ и ѣстъ—прохлажается,
Онъ и хвалится-восхваляется:
«Сдержалъ же я землю Свято-русскую!
«Скрѣпилъ же я мать каменну Москву!
«Я вынулъ измѣну изъ Нова-города,
«Изъ Новаго Города Низовскаго!»
Возговоритъ царевичъ его:
— Ахъ ты батюшка нашъ, Грозный Царь!
— Ты пьёшь и ѣшь—прохлажаешься,
— Ахъ ты хвалишься-похваляешься:
— «Сдержалъ же я землю Свято-русскую,»
— Скрѣпилъ ты мать каменну Москву,
— Вынулъ измѣну изъ Нова-города;
— Не вынешь измѣны изъ палатъ своихъ!—

1) Изъ рыбьяго зуба, мамонтова, или моржовой кости.—*О.*

На то сударь Царь осержается;
Выходилъ же онъ на красёнъ крылецъ,
Закричалъ же онъ громкимъ голосомъ:
«Вы пошлите моихъ грозны́хъ палачёвъ,
«Берите царевича за бѣлы́ руки,
«Ведите его ко новы́мъ рѣля́мъ [1]),
«Ко новы́мъ рѣля́мъ, къ петлѣ шёлковой!»
Упала звѣзда поднебесная,
Угасла свѣча воску яраго:
Не стало мово̀ царевича,
Царевича Ѳёдора Ивановича [2])!

(Доставл. Языковымъ).

* *

III.

1.

(Симбирск. губ., с. Станичное).

Середь было царства Россійскаго,
Середь государства Московскаго,
Стояли палаты бѣлокаменныя
Вѣдь нашего батюшки, Грознаго Царя.
Собиралося пированьицо честное
Про всѣхъ про князей-бояръ,
Про сильныхъ-могучихъ богатырей:

---

[1]) Висѣлицѣ (качелямъ). — [2]) Это собственно отрывокъ изъ рѣчи Царя, когда онъ жалѣетъ о погибшемъ по его мнѣнію сынѣ: но здѣсь имѣетъ смыслъ совершившейся казни.—*О.*

Они пили-ѣли-проклажалися,
Промежду себя похвалялися;
Богатое-тъ хвалится богатествомъ,
А сильное-тъ силушкою.
Возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой вы еси, князи-бояре,
«Сильные-могучіе богатыри!
«Чѣмъ-то вы это хвалитесь,
«Чѣмъ-то это вы прехваляетесь?
«Богатство-то вамъ отъ меня пришло,
«А силушку-то вамъ Богъ далъ!
«Вы бы похвалились своей мудростью,
«Своей мудростью, перемудростью!
«Какъ я, государь, подъ Казань подходилъ,
«Подкопъ подводилъ подъ Булатъ-рѣку,
«Подкопъ подводилъ подъ Казань подъ рѣку,
«Подъ самую стѣну бѣлокаменную,
«Подъ угольну башню, порховную казну,
«Закатывалъ бочки дубовенькія,
«Со зѣльемъ со лютымъ, со зѣльемъ со порохомъ,
«Затепливалъ свѣчки воскуяровыя:
«Догарали свѣчечки до бочечекъ вплоть,
«Разрывало бочечки дубовенькія,
«Разметало стѣны бѣлокаменныя!
«Казанскихъ Татаръ со стѣны всѣхъ пометалъ,
«Симеона царя во полонъ себѣ взялъ,
«Вывелъ измѣнушку изо всей земли,
«Вывелъ измѣну изъ Казани города,
«Вывелъ измѣнушку изъ каменной Москвы,
«Всѣ селы-деревни ко своимъ рукамъ привелъ!»
Возговоритъ молодой царевичь,
Молодой царевичь Өедоръ Ивановичь:
— Охъ ты гой еси, батюшка,
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Не прикажите меня скоро казнить,
— Прикажите слово вымолвить:

— Не вывелъ ты измѣну изо всей земли,
— Не вывелъ ты измѣну изъ Казани города!
— Измѣнщика-тъ твой предъ тобой стоитъ,
— Съ тобой рѣчи говоритъ,
— Хлѣбъ твой—соль кушаетъ,
— А лихо на тебя думаетъ.—
Воскликнулъ-возгаркнулъ Грозный Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
« Есть ли у меня злые палачи,
« Злые палачи, немилостивые?
« Берите молода царевича,
« Ѳеодора Ивановича,
« За его за ручушки за бѣлыя,
« За кудерушки за русые,
« Ведите далече въ чисто поле,
« Во Кочково-то [1]) и во Куликово-то,
« На то озеро зыбучее,
« Снимите съ него буйну голову долой,
« По самыя плечи по могучія,
« И воткните на вострой [штыкъ],
« Поставьте передъ окошками царскими,
« Передъ моими очами ясными!»
Тутъ всѣ палачи перепугалися,
Всѣ грозные разбѣжалися.
Одинъ, де, б...... сынъ,
Малютка Скурлюткинъ сынъ,
Беретъ молода царевича
За ручушки бѣлыя,
За кудерушки за русые,
Онъ хочетъ съ него буйну голову снять,
По самыя плечи по могучія.
Возговоритъ молодой царевичь,
Молодой царевичь Ѳеодоръ Ивановичь:
« Охъ ты гой еси, Малютка Скурлюткинъ сынъ!
« Не за свой ты кусъ принимаешься,

---

[1]) Кучково.—*О.*

«Горя великаго, кручинушки царской?»
Возговорилъ дядюшка,
Мода̀ Никита Романовичь:
— Охъ ты гой еси, Грозный Царь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Не прикажи ты скоро меня казнить,
— А прикажи слово выговорить:
— Твоя кручина у моей бѣлой груди лежитъ.—

Тутъ воскрикнулъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Есть у меня лѣкари и доктуры?
«Лѣчите дядюшкѣ ногу правую,
«А съ Малютки Скурлюткина
«Снимите съ живаго шкуру!»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

2 *).

(Поется въ Новгор. и Пермск. губ.).

Прикажи, Господи, намъ Старину сказать,
Старину сказать да стародавную,
Стародавную Старинушку—бывалую,
Про того Царя Ивана да Васильевича.
У того Царя Ивана да Васильевича,
Заводилася бесѣда тиха-смирная,
Собиралися князи-бояра [1]) да со всѣхъ сторонъ,
Князи-бояра да вся удалая поляница.
Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,

*) Эта же Былина, какъ сообщенная А. А. Григорьевымъ, помѣщена П. И. Якушкинымъ въ Отеч. Зап. 1860, Апрѣль, откуда мы приведемъ отмѣны.—*О.*

[1]) *Якушк.* «бояре,» и ниже. —*О.*

Во полу-пирѣ да хлѣба рушаютъ,
Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
Иной хвастаетъ —да кони добрые [1]),
Другой хвастаетъ да золотой казной,
Третій хвастаетъ да молодой женой.
А Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь
По полатушкѣ похаживаетъ:
«Ужь вы гой еси, князи и бояра!
«Ужь вы хвастаете небылью-небылицею!
«Ужь чѣмъ я, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь [2]),
«Чѣмъ же я, добрый молодецъ, похвастаю?
«Я похвастаю да я измѣною:
«Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева,
«Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
«Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной Москвы!»
Тѣ князи-бояре [3]) да ему рѣчь говорятъ:
««Ужь не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
««И не вывести измѣнушки изъ Нова-города,
««Да изъ матушки да каменной Москвы!
««А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
««Кто за однимъ съ тобой столомъ [4]) сидитъ,
««[За столомъ сидитъ] да хлѣба кушаетъ,
««Милой сынъ твой Θедоръ Ивановичь!»»

На то Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь осержается,
И выходилъ [5]) онъ да на Красно крыльцо,
И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,
Своимъ пилатамъ [6]) да немилостивымъ.
И тѣ пилатушки да испужалися,
По каменной Москвѣ да разбѣжалися;
Одинъ Малюта Скуратовъ да не устрашился,
Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,

[1]) Кони добрыми, или другой оборотъ— «у меня, де, есть кони добрые;» ср. выше въ Былинахъ согласованіе глагола «пожаловать — треть земли или золотой казной.» — [2]) *Як.* этого стиха нѣтъ. — [3]) *Як.* «князья бояре.» — [4]) *Як.* «за столомъ.» — [5]) «восходитъ.» — [6]) Вмѣсто «палачамъ.» — *О.*

Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:
— Ужь ты гой еси [1]), Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь!
— На что ты горы-гаркаешь,
— На что меня кликъ-кликаешь? —
« Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
« Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
« За бѣлы руки, за златы перстни,
« И поведи его на то поле на Куликово,
« Ко той ямѣ да кровавыя,
« Ко той доскѣ да ко [2]) дубовыя,
« Снеси ему да буйну голову,
« Принеси мнѣ сабельку кровавую!»
И онъ взялъ его за бѣлы руки,
И повелъ его во [3]) чисто поле да во Куликово.
Увидалъ его любезный шуринъ Никита Варламовичь,
Онъ садился на добра коня,
И посадилъ за себя молодаго клюшничка,
Погналъ на то поле на Куликово
И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
— Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
— Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
— Ужь ты на-тко да насытися
— Моимъ молодымъ клюшничкомъ! —
Онъ взялъ ему, клюшничку, срубилъ буйну голову,
И понесъ-то [4]) сабельку кровавую
Ко тому Царю Ивану [5]) Васильевичу.
А у Грозна Царя Ивана Васильевича,
И пиръ пошелъ да не на веселѣ,
Въ барабаны били да не на радости,
Не на радостяхъ, да не по старому,
Изъ пушекъ палятъ да не по прежнему,
А изъ мелкаго оружія — да обсѣкается.
А у его любимаго шурина Никиты Варламовича,

---

1) *Як.* «Ужь ты.» — 2) *Як.* «къ.» — 3) *Як.* «въ чисто поле да въ.» — 4) *Як.* ту.» — 5) *Як.* «къ Ивану.» — *О.*

У него пиръ-то идетъ да по веселому,
Въ барабаны бьютъ да все по старому,
А изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
Посылаетъ къ нему Грозенъ Царь
Иванъ Васильевичь скорыхъ пословъ:
«И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варламовича!»
И привели его, Никиту Варламовича, къ нему на дворъ:
— На что же ты меня, любезный зятюшка,
— Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь, требуешь?—
«Къ чему радошенъ, да къ чему радъ,
«Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичь?
«Моему-то развѣ безвременьицу?
«У меня одна была жемчужина, и та скатилася:
«И пиръ у тебя идетъ по веселому,
«Въ барабаны у тя бьютъ да все по старому,
«Изъ пушекъ-то палятъ все по прежнему,
«Изъ мелкаго оружія не утихается!»
— Ужь ты гой еси, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь!
— Есть въ гостяхъ небывалый гость,
— Небывалый гость — Ѳедоръ Ивановичь. —
«Гой ты еси, мой любезный шуринъ,
«[Мой любезный шуринъ,] Никита Варламовичь!
«Обратилъ ты мое да ретиво сердце,
«Взвеселилъ мою да буйну [1]) голову,
«Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!»
И пошелъ у него [2]) пиръ да по веселому,
Въ барабаны били да все по старому,
Изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихается [3]).

(Запис. Ст. П. Кораблевымъ).

*

[1]) *Як.* «мою буйну.» — [2]) *Як.* «у нихъ.» — [3]) *Як.* «не утихаются.» — *О.*

3*).

(Кирша Даниловъ).

Да въ старые годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
Когда воцарился Царь государь,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь,
Что взялъ онъ царство Казанское,
Симеона царя во полонъ полонилъ
Съ царицею со Еленою,
Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
Что вывелъ измѣну изъ Нова-города,
Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань.
А нынѣ у Царя въ каменной Москвѣ,
Что пиръ идетъ у него на веселѣ,
А пиръ идетъ про князей—про бояръ,
Про вельможи, гости богатые,
Про тѣхъ купцовъ про Сибирскіихъ [1]).
Какъ будетъ лѣтніе-тъ день въ половинѣ дня,
Смиренна бесѣдушка на веселѣ,
А всѣ туто князи и бояра
И всѣ на пиру напивалися,
Промежь собой они разхвасталися:
А сильной хвастаетъ силою,
Богатое-тъ хвастаетъ ботатествомъ.
Злата труба въ царствѣ протрубила,
Прогласилъ Царь государь, слово выговорилъ:

*) Заглавлено: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.»—*О.*
[1]) Отношеніе къ Ермаку и покоренію Сибири.—*О.*

«А глупы бояра вы—неразумные!
«А всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь!
«А смѣю я, Царь, похвалитися,
«Похвалитися и похвастати:
«Что вывелъ измѣну я изъ Кіева,
«Да вывелъ измѣну изъ Нова-города,
«А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань!»
Въ палатахъ злата труба протрубила,
Прогласилъ въ палатахъ царевичь молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь:
— А Грозной Царь Иванъ Васильевичь!
— Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ:
— Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
— Что три большіе боярина,
— А три Годуновы измѣнники.—
За то слово Царь спохватается:
«Ты гой еси, чадо мое милое,
«Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь!
«Скажи мнѣ про трехъ ты бояриновъ,
«Про трехъ злодѣевъ измѣнниковъ:
«Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
«Другаго боярина велю на колъ посадить,
«Третьяго боярина скоро велю сказнить.»
Отвѣтъ держитъ тутъ царевичь молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь:
— А Грозной Царь Иванъ Васильевичь!
— Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
— Про трехъ большихъ бояриновъ,
— Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ:
— Ты пьешь съ ними—ѣшь съ едного блюда,
— Единую чару съ ними требуешь [1].—

То слово Царю не взлюбилося,
То слово не показалося,—
Не сказалъ онъ измѣнниковъ по имени;

---

1) Потребляешь, употребляешь.—*О.*

Ему туто за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
«А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
«Возмите царевича за бѣлы ручки,
«Ведите царевича со царскаго двора,
«За тѣ за вороты Москворѣцкія,
«За славную матушку за Москву за рѣку,
«За тѣ живы мосты калиновы,
«Къ тому болоту поганому,
«Ко той ко лужѣ кровавыя,
«Ко той ко плахѣ бѣлодубовой [1])!»
А всѣ палачи испужалися,
Что всѣ въ Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачь не пужается,
Единъ злодѣй выступается,
Малюта, палачь, сынъ Скурлатовичь:
Хватя онъ царевича за бѣлы ручки,
Повелъ царевича за Москву за рѣку.
Перепахнула [2]) вѣстка нерадошна
Во то во село въ Романовское,
Въ Романовское, во боярское,
Ко старому Никитѣ Романовичу,
Нерадошна вѣстка—кручинная:
««А и гой еси, сударь мой дядюшка [3]),
««Ты старой Никита Романовичь!
««А спишь-лежишь, опочивъ держишь:
««Али тѣ, Никитѣ, мало можется?
««Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
««Упала звѣзда поднебесная,
««Потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
««Не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
««А меньшаго Ѳедора Ивановича.»»

---

1) Читайте «бѣлодýбовой.»— 2) Обыкновеннѣе: «перепáнула, перепала.»— 3) Изъ другихъ Былинъ видно, что это вѣсть изъ устъ царевича, а далѣе— вообще вѣсть со стороны.—*О.*

Много Никита не выспрашиваетъ,
А скоро метался на широкой дворъ,
Скричалъ онъ, Никита, зычнымъ голосомъ:
— А конюхи мои, приспѣшники!
— Ведите наскорѣ добра коня,
— Не сѣдланаго, не узданаго!—
Скоро, де, конюхи металися,
Подводятъ наскорѣ добра коня:
Садился Никита на добра коня,
За себя онъ, Никита, любимаго конюха хватилъ,
Поскакалъ за матушку Москву за рѣку;
А шапкой машетъ, головой качаетъ,
Кричитъ онъ—реветъ зычнымъ голосомъ:
— Народъ православной, не убейтеся,
— Дайте дорогу мнѣ широкую!—

Настигъ палача онъ во полу-путя,
Не дошедъ до болота поганаго;
Кричитъ на его зычнымъ голосомъ:
— Малюта, палачь, сынъ Скурлатовичь!
— Не за свойской кусъ ты хватаешься,
— А этимъ кусомъ ты подавишься:
— Не переводи ты роды царскіе!—
Говоритъ Малюта, немилостивой палачь:
«« Ты гой, Никита Романовичь!
«« А наше-то дѣло повелѣнное:
«« Али палачу мнѣ самому быть сказнену?
«« А чѣмъ окровенить саблю острую?
«« Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя?
«« А съ чѣмъ приттить къ Царю предъ очи,
«« Предъ его очи царскія?»»
Отвѣчаетъ Никита Романовичь:
— Малюта, палачь, сынъ Скурлатовичь!
— Сказни ты любимаго конюха моего,
— Окровени саблю острую,
— Замарай въ крови руки бѣлыя свои:
— А съ тѣмъ поди къ Царю предъ очи,

— Передъ его очи Царскія! —
А много палачь не выспрашиваетъ,
Сказнилъ любимаго конюха его,
Окровенилъ саблю острую,
Замаралъ руки бѣлые свои,
А прямо пошелъ къ Царю предъ очи,
Подмастерье его голову хватилъ.
Идутъ къ Царю предъ очи его царскія,
Въ его любимую Крестовую [1]).
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь,
Завидѣвши сабельку острую,
А остру саблю, кровавую,
Того палача немилостива,
Потомъ же увидѣлъ и голову у нихъ, —
А гдѣ-ко стоялъ, онъ и туто упалъ:
Что рѣзвы ноги подломилися,
Что царски очи замутилися,
Что по три дня ни пьетъ, ни ѣстъ.
Народъ-Христіане православные
Положили любимаго конюха
На тѣ на телѣги на Ордынскія [2]).
Привезли до Ивана Великаго,
Гдѣ кладутся цари и царевичи,
Гдѣ ихъ роды, роды царскіе,
Завсегда звонятъ во Царь-колоколъ.
А старой Никита Романовичь,
Хватя онъ царевича,
На добра коня посадилъ,
Увезъ во село свое Романовское,
Въ Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить [3]):
А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому.

---

[1]) Палату. — [2]) Обыкновенное прозвище, притомъ телѣгъ большихъ. — [3]) Т. е. всего вдоволь запасено. — *О.*

У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
Отпѣвали любимаго конюха.
А втапоры пригодился Царь,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь:
А трижды земли на могилу бросилъ,
Съ печали Царь по царству пошелъ,
По тѣмъ широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояра Годуновые
Идутъ съ Царемъ, сами подмолвилися:
«« Ты Грозной Царь Иванъ Васильевичь!
«« У тебя кручина несносная:
«« У боярина пиръ идетъ на веселѣ,
«« У стараго Никиты Романовича.»»
А Грозной Царь, онъ и крутъ добрѣ,
Послалъ посла немилостиваго,
Что взять его, Никиту, нечестно къ нему:
Пришелъ посолъ ко боярину въ домъ,
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,
Привелъ ко Царю предъ ясны очи.
Не дошедъ Никита, поклоняется
О праву руку до сырой земли.
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь
А во правой рукѣ держитъ царской костыль,
А въ лѣвой рукѣ держитъ царско жезло,
По нашему Сибирскому [1]) остро копье:
А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
Пришилъ его ко сырой земли;
А самъ онъ, Царь, приговариваетъ:
« Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
« Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
« На колъ посадить, скоро велю сказнить:
« У меня кручина несносная,

1) Одинъ изъ признаковъ, что Былины, помѣщенныя въ сборникѣ, названномъ по имени «Кирши Данилова,» записаны въ Сибири.—*О*.

«А у тебя, боярина, пиръ на веселѣ!
«Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ радошенъ?
«Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
«Али ты, Никита, корысть получилъ?»
Говоритъ онъ, Никита, не съ упадкою [1]):
— Ты Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вели меня казнить, прикажи говорить:
— А для того у меня пиръ на веселѣ,
— Что въ трубочки трубятъ по ратному,
— Въ барабаны бьютъ по воинскому,—
— Утѣшаютъ млада царевича,
— Что меньшаго Өедора Ивановича.—

А много Царь не выспрашиваетъ,—
Хватя Никиту за праву руку,
Пошелъ въ палаты во боярскія.
Отворяли Царю на пету [2]),
Пошелъ въ палаты во боярскія:
Поднебесна звѣзда ужь высоко взошла,
Въ соборѣ мѣстна свѣча затеплялася,—
Увидѣлъ царевича во большомъ мѣстѣ,
Въ большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углѣ,
Подъ мѣстными иконами;
Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь,
Цѣловалъ его во уста сахарныя.
Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
«А чѣмъ боярина пожаловати,
«А стараго Никиту Романовича?
«А погребъ тебѣ злата-серебра,
«Второе [3]) тебѣ питья разнаго,
«А сверхъ того грамота тарханная [4]):
«Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
«А кто у жива мужа жену уведетъ,

---

[1]) Безъ страха, не робѣя.— [2]) Отворяли двери на распашку, ср. прежніе выпуски.— [3]) Во вторыхъ погребъ.— [4]) Бережная, оберегательная, льготная.—*О.*

«И уйдетъ во село во боярское,
«Ко старому Никитѣ Романовичу,—
«И тамъ быть имъ не въ выдачѣ [1]).»
А было это село боярское:
Что стало село Преображенское,
По той по грамотѣ тарханныя;
Отнынѣ оно слыветъ [2]) и до вѣку.

* *

IV.

1 *).

(Нижегор. губ., Ардатовск. уѣзда).

Грозенъ былъ воинъ [1]) Чарь [2]) нашь батюшка,
Первый Чарь Иванъ Васильевицъ:
Сквозь дремуцій лѣсъ съ войскомъ-силою [3])
Онъ прошелъ въ страну Татарцкую,
Себѣ [4]) чарство взялъ Казаньское,
Господарство [5]) Астраханьское,
Вывелъ Перфила [6]) изъ Нова-города,
Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ.
То чарское [7]) серче разгоралося
Пуоче огня, пусче полымя.

---

[1]) Оттуда не выдавать ихъ по иску и не вынимать, не брать.— [2]) Слыветъ такимъ же, въ славѣ по своему значенію и льготамъ.—*О.*

*) То же самое напечатано въ «Этнограф. Сборникѣ,» вып. V, съ прибавкою, что записано «въ селѣ Кужендѣевѣ,» а *П. И. Якушкинымъ* въ «Отеч. Зап.» 1860, Апрѣль, какъ записанное «Княгининскаго уѣзда, с. Спѣшнева:» изъ обоихъ мѣстъ приведемъ разнорѣчія. — *О.*

[1]) Вонъ, онъ?—[2]) *Як.* «царь,» вообще нѣтъ измѣненій ц въ ч, ч въ ц, и т. п.— [3]) Древнее: «съ войскою силою,» ср. выше. — [4]) *Як.* «Сеѣ.» — [5]) *Этн.* «Государьство.» — [6]) Ср. Былины выше. —[7]) *Як.* «царско.»—*О.*

Вотъ сказалъ онъ рѣцью громкою:
«У меня есть, дзе [1]), всяки мастеры,
«Есть такіе разны дохтуры [2])!»
Но всѣ пряцются [3]), старый за малаго,
И хоронятча [4]) малый за стараго;
А одинъ изъ нихъ лишь не прятсчется [5]),
То Малютка, палацъ, то Гурбатовъ сынъ:
«Ну пойди-ка сюда, гой, Гурбатовъ сынъ!
«Сослужи-ка, не бось, службу вѣрную,
«Службу вѣрную, неизмѣнную:
«Во палаты [6]) ступай въ чарски каменны,
«Взявъ чаревица тамъ за церны [7]) кудри,
«Распояснн съ него шелковой поясъ,
«Золотой перстень [8]) сними съ [9]) правой руки,
«Отведзи самого на Москву на рѣку [10]),
«Впрямь на мѣсто на то—мѣсто Лобное,
«И на плаху на ту на липову [11]),
«И сними тамъ съ него буйну голову,
«А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую [12]),
«Саблю вострую въ горюцій [13]) его рудзѣ [14])!»
И увидзѣлъ то Ѳедоръ Ивановицъ,
Ѳедоръ Ивановицъ Пожарской сынъ [15]),
Изъ косясчита изъ окошецка;
Пропустивши Чаря вдоль по уличѣ,
Вдоль по уличѣ, вдаль отъ церема,
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
— Ой ты гой [16]), Гурбатовъ палацъ!

---

[1]) Де, говоритъ. — *Як.* «дзе-есть.» — [2]) Искусники, воззваніе къ палачамъ, недоконченное. — *Этн.* «розны.» — [3]) *Як.* «прячутся.» — *Этн.* «прячютча.» — [4]) *Як.* «хоронются.» — [5]) *Як.* «не пратчется,» *Этн.* «не пратщетча,» и т. п. разнорѣчія далѣе, въ сочетаніяхъ, иногда вовсе непроизносимыхъ. — [6]) *Этн.* «во полаты.» — [7]) *Этн.* «за цёрны.» — [8]) *Як.* «перстенекъ.» — [9]) *Як.* «со.» — [10]) *Як.* «на Москву рѣку;» «*Этн.* «на рёку.» — [11]) *Этн.* и *Як.* «что на липову.» — [12]) *Як.* «острую.» — [13]) *Этн.* «въ горюцей.» — [14]) Крови. — [15]) Явно, что имя царевича перенесено на избавителя, а вмѣсто того царевичь самъ оставленъ здѣсь безыменнымъ. — [16]) *Этн.* прибавлено «еси,» *Як.* «еши». — *О.*

— Не за свой ты кусъ принимаешся,
— Самъ кусомъ [1]) такимъ подавишся! —
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
Слугу вѣрнаго, сково стряпцаго,
Свово стряпцаго, что не лудцава [2]),
Что не лудцава, свово клюцника [3]):
— На, сними, — онъ пробалъ [4]), съ него голову,
— Снеси саблю къ Чарю въ горюцій рудзѣ,
— А къ чаревицю не прицаствуйся [5]). —

Вотъ на утро Чарь Иванъ Васильевиць
На поминки собралъ поголовно народъ:
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ рѣкѣ пусцать [6]),
А потомъ [7]) приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москвѣ жь [8]) рѣкѣ пусцать,
Что чаревица не засцѣняли [9]).
Вотъ съѣзжаются всѣ въ плацьѣ цернымъ [10]),
Въ плацьѣ церныимъ, во пецальныимъ,
А ѣдзетъ одзинъ [11]) Өедоръ Ивановиць,
Өедоръ Ивановиць Пожарской сынъ,
Пожарской сынъ во нарядзѣ чвѣтномъ,
Во нарядзѣ чвѣтномъ, въ яркомъ золоцѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены, что не лудція,
А веселье въ самомъ такъ и свѣтитча [12]).
Вотъ увидзѣлъ его [13]) Чарь Иванъ Васильевиць,
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси [14]), Өедоръ Ивановиць,

---

[1]) *Этн.* «кускомъ.» — [2]) Что ни самаго лучшаго. — [3]) *Як.* «клюшничка;» *Этн.* «клюшницка. — [4]) Пробаилъ, проговорилъ; *Як.* «На, сними (?) онъ пробилъ.» — [5]) Не имѣй доли, не прикасайся, не твое дѣло. — [6]) Пущать; *Як.* «пусчать;» *Этн.* «пусцатсь.» — [7]) *Як.* и *Этн.* «А поповъ,» важное разнорѣчіе. — [8]) *Як.* «по Москвѣ.» — [9]) Не застѣняли, не защищали, не печаловались о немъ; *Як.* «не засчюняли;» *Этн.* «не засцюняли.» — [10]) *Як.* «черпаимъ;» *Этн.* «цёрнымъ.» — [11]) *Як.* и *Этн.* «лишъ.» — [12]) *Як.* «не кроится.» — [13]) *Этн.* «то.» — [14]) *Як.* «еши.» — *О.*

«Ѳедоръ Ивановицъ Пожарской сынъ!
«Аль объ горѣ моемъ ты не свѣдался [1]),
«Что срядитча посмѣлъ [2]), словно въ радостный пиръ?»
А Пожарской сынъ отвѣцяетъ Чарю:
— Я [3]), батюшка Чарь, все въ отлукѣ [4]) гулялъ,
— Все въ отлукѣ гулялъ за охотою,
— И поймалъ сокола, цто не лудцава,
— Цто не лудцава, цеѣ [5]) ближнява,
— То [6]) сына цеѣ роднаго. —

И возрадовался Чарь, и отвѣтилъ [7]) ему:
«Ужь ты гой еси [8]), Ѳедоръ Ивановицъ,
«Ѳедоръ Ивановицъ Пожарской сынъ!
«Вѣдь не мнѣ бы Чаремъ, а цеѣ должно быть [9]):
«Ты умѣлъ соблюсци чарски сѣмены!»

(Отъ В. И. Даля, записалъ г. Реймерсъ, со словъ крестьянина; у Якушкина: «Доставили»).

* *

V.

1*).

(Саратовск. губ.).

Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный Царь [1]),
Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь.

---

[1]) *Як.* «не извѣдался.»—[2]) *Як.* «орядитца поспѣлъ.» — [3]) *Як.* «А я.»—[4]) *Як.* «въ отлучкѣ;» *Этн.* «въ отлуцкѣ.» — [5]) Тебѣ. — [6]) *Як.* «Ты.»—[7]) *Этн.* «отвѣтсилъ (отвѣцилъ);» *Як.* «отвѣтствовалъ.»—[8]) *Як.* «еши.»—[9]) *Этн.* «бытсь (быць).»—*О*.

*) Въ этомъ отдѣлѣ Былинъ, связанномъ съ предыдущимъ, совсѣмъ затеряно имя царевича.—*О*.

1) О смыслѣ этого ср. «Замѣтку.» — *О*.

А втáпоры [1]) у Царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ Сибирскіихъ [2]).
А и столъ былъ во полу-столѣ,
А и пиръ былъ во полу-пирѣ,
Гости царскіе на вéселѣ,
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богачествомъ.
Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебряна сиполица [3]) возъигрывала,
Возговорилъ Грозный Царь,
Иванъ сударь Васильевичь:
« Ужь какъ я ли могу похвалитися,
« Что и взялъ я Казанское царство,
« Рязань городъ, славну Астрахань,
« Ужь и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
« Изо Пскова и изъ Нова-города!»
Какъ возговоритъ младой царевичь:
— Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичь!
— Что и взялъ ты царство Казанское,
— Рязань городъ, еще Астрахань,
— Ужь ты вывелъ измѣну изо Пскова,
— Изо Пскова и изъ Нова-города,
— Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
— Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
— Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
— Онъ и ѣстъ съ тобой съ одного блюда,
— Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное!—

Какъ и тутъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,

---

[1]) Тогда, когда покорилъ себѣ царства и города (пропущено; ср. другія Былины).— [2]) Ср. выше изъ Кирши.—[3]) Сиповица, сиповочка, сопѣль.—*О.*

Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
«А и кто есть у меня слуги вѣрные!
«Берите царевича за бѣлы руки,
«Ведите царевича за Москву рѣку,
«Ко тому ли болоту стоячему,
«Ко той ли лужѣ кровавои,
«Ко той ли плахѣ поганои!»
Какъ тутъ всѣ князья-бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися.
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичь:
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои.
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычь;
Онъ садится на добрà коня,
На добрà коня неѣзжаннаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной,
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
— Ой, народъ православный, разступися,
— Люди добрые, сторонитеся,
— Давайте мнѣ, боярину, дорогу!—
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычь
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои,—
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ Грозный Царь,
Иванъ сударь Васильевичь взрадовàлся,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,

А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
«А и какъ мнѣ тебя, Романычь, чествовать?
«Ты бери у меня, что̀ вздумаешь,
«Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
«Съ царскихъ плечь моихъ шубу кунію,
«Золотой ли казны сколько надобно!»
Какъ возговоритъ честной бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычь:
— Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичь!
— Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
— Не хочу я твоей золотой казны:
— Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
— Повели мнѣ его, сударь, казнити [1])!—

(Ср. Сборн. гг. Костомар. и Мордовц.)

2*).

Когда зачиналася [1]) каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозной Царь,
Что Грозной Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:

---

1) Былина эта въ языкѣ и складѣ своемъ замѣтно нѣсколько подправлена.—*О*.

*) Эта Былина, съ нѣкоторыми измѣненіями взятая въ Новиковскій пѣсенникъ изъ Чулковскаго (мы ихъ отмѣтимъ), и въ семъ послѣднемъ замѣтно была уже нѣсколько подправлена противу народнаго склада и языка.—*О*.

1) *Чулк.* «зачиналась.»—*О*.

Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изо Пскова [1],
Изо Пскова и изъ Нова-города.
И тутъ ли Царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Нова-города:
«Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!»
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
«« Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
«« Не вывесть тебѣ измѣнушки до вѣку:
«« Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
«« Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
«« Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча!»»
И тутъ Царь догадается,
На царевича злобно осержается,
Что возговоритъ [2]) Грозной Царь Иванъ Васильевичъ:
« Ахъ вы гой еси, князья и бояра!
« Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
« Поведите во палату [3]) особую,
« Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
« Надѣвайте на него платье черное,
« Поведите его на болото жидкое [4]),
« На тое ли лужу поганую,
« Вы предайте его скорой смерти!»
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися,
Большой за меньшова хоронятся [5]);
Одинъ остался Малюта злодѣй:
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
Повелъ во палату особливую [6]),
Снималъ [7]) съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,

---

1) Читайте: «изъ Пскова.»—2) *Чулк.* «взговоритъ.»— 3) *Чулк.* «полату.» Вездѣ такъ.—4) Передѣлка вмѣсто первоначальнаго: «Житное.»—5) *Чулк.* «хоронится.» — 6) *Чулк.* «особую.»—7) *Чулк.* «сымалъ.»— *О.*

Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
  Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,
Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«« Гой еси, батюшка, Никита Романовичь!
«« Ты пьешь и ѣшь—прохлажаешься [1]),
«« Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
«« Упадаетъ звѣзда поднебесная,
«« Угасаетъ свѣча воску ярова,—
«« Не становится у насъ млада царевича!»»
Никита Романовичь испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую;
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
— Ты Малюта, Малюта Скурлатовичь!
— Не за свой ты кусъ примаешься:
— Ты этимъ кусомъ подавишься!—
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его куда надобно [2]).
  Что возговоритъ [3]) Грозной Царь:
« Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
« Надѣвайте на себя платье черное,
« Собирайтеся ко заутренней [4]),
« Слушать по царевичѣ понихиду:
« Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю.»
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали они платье черное,
Собиралиcь ко заутренней,
Слушать по царевичѣ понихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичь,
Нарядился въ платье цвѣтное,

---

[1]) *Чулк.* «проклажаешься.»— [2]) Вотъ стихъ очевидно уже ненародный.— [3]) *Чулк.* «взговоритъ.» И ниже. — [4]) *Чулк.* «ко заутреней.» И ниже. — *О.*

Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что взговоритъ Грозной Царь:
«Ахъ ты гой еси, Никита Романовичь!
«Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
«Какъ упала звѣзда поднебесная,
«Что угасла свѣча воску яраго:
«Не стало у меня млада царевича!»
Что возговоритъ Никита Романовичь:
— Ахъ ты гой еси, надежда [1]), православный Царь!
— Мы не станемъ пѣть по царевичѣ понихиду,
— А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы [2])! —
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ за сѣверныхъ дверей.

Что возговоритъ Грозной Царь:
«Ты Никита, Никита Романовичь!
«Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
«Или тебѣ полцарства дать,
«Или тебѣ золотой казны сколько надобно?»
— Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
— Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны.
— Только дай ты мнѣ злодѣя Скурлатова:
— Я сведу на то болото жидкое,
— Что на ту ли лужу поганую.—
Что возговоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
«И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты [3])!»

Новик. Пѣсен., 1780 г., ч. II, № 121, стр. 135—138; то же у Чулкова, 1770 г., ч. II, № 121, стр. 167—170; то же повторено въ пѣсенникахъ Гурьянова и Сахарова).

*

[1]) *Чулк.* «надежа.» Такъ и должно быть — [2]) Не народный складъ. — [3]) Стихъ не народный. — *О.*

3*).

При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ два царства покорилъ себѣ,
Астраханское и Казанское:
Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Покорилъ [1]) царя съ царицею,
Онъ измѣну вывелъ лютую
Изъ Нова-града, изо Пскова.
И тутъ ли [2]) Царь похваляться сталъ:
«Ахъ, когда бы мнѣ измѣнушку
«Истребить и въ каменной Москвѣ!»
Тутъ Малюта рекъ Скурлатовичь:
«« Ой ты гой еси, великій Царь!
«« Не выведешь [3]) ее до вѣку:
«« Твой измѣнникъ супротивъ тебя,
«« Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
«« Парчу носитъ съ одного плеча.»»
« Гой еси, князья-бояре,»

---

*) На основаніи предыдущихъ образцевъ, изъ Чулковскаго и Новиковскаго Пѣсенника, помѣщаемая здѣсь Былина передѣлана и *исправлена* И. И. Дмитріевымъ. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ «Карманномъ Пѣсенникѣ» 1796 г. (рѣдчайшая книга), ч. III, пѣсни «Былевыя,» № 1. Оттуда заняли: «Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ,» Спб., 1818 г., ч. III; «Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ,» *П. Ш.*, Спб., 1819, ч. III; «Новѣйшій избранный пѣсенникъ (безъ года; того же времени),» ч. III. Мы приведемъ отсюда расплодившіяся далѣе подправки.—Въ Пѣсен. 1818 г. Былина заглавлена: «Постоянная вѣрность и постыдное вѣроломство, получившія достойную цѣну отъ Іоанна Грознаго. Пѣсня древнихъ временъ Россіи. Голосъ по содержанію.» — *О.*

1) *Нов. избр. пѣсен.* и 1818: «полонилъ.»—2) *П. Ш.* «И тогда ль.»—3) *П. Ш.* «Ты не выведешь.» —*О.*

Царь воскликнулъ грознымъ голосомъ!
«Поведите вы царевича
«Во полатушку [1]) особую,
«Вы стащите золоту парчу
«И надѣньте платье черное,
«И свершите надъ нимъ смертну казнь!»
Всѣ бояре ужаснулися,
Изъ палаты разбѣжалися,
Большой прячется за малаго;
Остается лишь Малюта врагъ:
Онъ беретъ млада царевича,
Совлекаетъ золоту парчу,
Надѣваетъ платье черное,
На болото ведётъ жидкое,
Чтобъ исполнить надъ нимъ смертну казнь.
Весь народъ Божій волнуется:
Жаль ему млада царевича!
Лишь Никита нашъ Романовичь
Не вздыхаетъ, не кручинится:
Онъ у друга на пиру сидитъ.
Скачетъ, скачетъ къ нему вѣрный рабъ,
Восклицаетъ запыхавшися:
««Ой ты гой еси, нашъ батюшко [2]),
««Никита сударь Романовичь!
««Ты пьешь и ѣшь, прохлажаешься [3]),
««А бѣды нашей не вѣдаешь:
««Падетъ звѣзда поднебесная,
««Гаснетъ свѣча [4]) воску ярaго,
««Не становится царевича!»»
Ужаснулся тутъ бояринъ нашъ,
Онъ вскочилъ на лошадь рабскую,
Лошадь рабску, водовозную [5]),
Поскакалъ на мѣсто Лобное,

---

[1]) Всюду: «во палатушку.» — [2]) Всюду: «батюшка.»— [3]) *Нов. избр. пѣс.* и 1818: «прохлаждаешься.» — [4]) *П. Ш.* «свѣчка.» — [5]) *П. Ш.* Этого стиха нѣтъ. — *О.*

Ухватилъ Малюту за воротъ
И воскрикнулъ [1]) гнѣвнымъ голосомъ:
— Не за свой ты кусъ примаешься [2]),
— Этимъ кусомъ ты подавишься! —
А потомъ взялъ за бѣлы руки
Неповиннаго царевича,
Увелъ его въ красный теремъ свой.
Между тѣмъ великій Грозный Царь
Говоритъ своимъ бояревамъ:
«Гой еси, князья-бояреваǃ
«Надѣвайте платье черное,
«Собирайтесь [3]) ко заутрени,
«Слушать вмѣстѣ со Царемъ вашимъ
«Панихиду по царевичѣ:
«Послѣ жь [4]) всѣ мнѣ отвѣчать должны!»
Задрожали всѣ бояревa,
Облекались [5]) въ платье черное
И явились ко заутрени [6]).
А Никита нашъ Романовичь
Пришелъ въ церковь во цвѣтномъ платьѣ,
Онъ привелъ съ собой царевича
И поставилъ позади дверей,
Дверей сѣверныхъ, на крыльчикѣ.
Грозный Царь ему возговорилъ:
«Ой ты гой еси, бояринъ мой!
«Ты въ глаза мнѣ насмѣхаешься [7])!
«Или ты того не вѣдаешь,
«Что упала звѣзда ясная [8]),

---

[1]) *Нов. избр. пѣс.* и 1818: «И воскликнулъ.» — [2]) 1818: «принимаешься;» *П. Ш.* «хватаешься.» — [3]) 1818. «Собирайтеся.» — [4]) 1818: «послѣ» — [5]) 1818: «Облакались.» — [6]) Всюду за симъ прибавлено:

Слушать вмѣстѣ со Царемъ своимъ
Панихиду по царевичѣ
И со ужасомъ готовились
Ко тому отвѣту страшному.

[7]) Всюду: «насмѣхаться сталъ.» — [8]) *П. Ш.* Этого стиха нѣтъ. — *О.*

« Что угасла свѣча бѣлая,
« Что не стало, ахъ, царевича?»
— Повели не панихиду пѣть,
— А заздравное молебствіе, —
Отвѣчалъ ему усердный рабъ,
И привелъ млада царевича.
Царь возрадуясь возговорилъ:
« Ой ты гой еси, бояринъ мой!
« Чѣмъ, скажи, тебя пожаловать?
« Золотою ли казной моей?
« Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
— Не давай мнѣ золотой казны, —
Говоритъ ему бояринъ нашъ,
— Ни полцарства мнѣ не надобно,
— Только дай ты мнѣ Скурлатова:
— Повели ты мнѣ казнить его! —
« Предаю тебѣ животъ его,»
Грозный Царь ему отвѣтствуетъ,
« И ты дѣлай съ нимъ, что вздумаешь!»

(Дмитр., ч. III, Былевыя, № 1).

4*).

(Симбирскъ).

При началѣ каменной Москвы,
Начинался тутъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ два царства покорилъ себѣ,
Астраханское, Казанское,
Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя съ царицею.

*) Это уже обратная передѣлка сочиненія Дмитріева среди народа. — *О.*

Тутъ Царь Грозный похваляться сталъ:
«Еще кто бъ вывелъ измѣнушку
«Изъ матушки каменной Москвы?»
Какъ возговоритъ Малюта врагъ:
«« Въ вѣкъ не вывести измѣнушки
«« Изъ матушки каменной Москвы:
«« Твой измѣнникъ супротивъ тебя,
«« Пьетъ и ѣстъ онъ съ одного стола,
«« Парчу носитъ съ одного плеча!»»
Какъ возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Вы князья мои и бояре!
«Вы подите во высокъ теремъ,
«Во палаты мои царскія,
«Вы возмите тамъ царевича,
«Совлеките золоту парчу,
«Отведите во чисто поле
«И предайте его злой смерти!»
Всѣ бояре испугалися,
Другъ за друга хоронилися;
Малый прячется за стараго,
Старый прячется за малаго.
Какъ одинъ только Малюта врагъ
Не пугается, не прячется:
Онъ идетъ въ палаты царскія,
Беретъ за руку царевича,
Совлекаетъ золоту парчу,
И ведетъ его въ чисто поле,
Гдѣ онъ хочетъ его злѣ казнить.
Какъ на ту пору бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичь,
Онъ сидитъ, князь, во честно̀мъ пиру,
Пьетъ и ѣстъ онъ — прохлажается.
Прискакалъ къ нему скорой посолъ:
«« Охъ ты гой еси, бояринъ нашъ,
«« Князь Романъ сударь Романовичь!
«« Ты сидишь здѣ во честно̀мъ пиру,

«« Пьешь и ѣшь ты — прохлажаешься,
«« А того, сударь, не вѣдаешь:
«« Упадетъ звѣзда восточная,
«« И угаснетъ свѣчка бѣлая,
«« Не станетъ у насъ царевича, —
«« Врагъ Малюта его злѣ казнитъ.»»
Какъ возговоритъ бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичъ:
— Приведите клячу тощую,
— Клячу тощую, водовозную! —

Прiѣзжаетъ во чисто поле,
Беретъ за воротъ Скуратова:
— Охъ ты гой еси, Малюта врагъ!
— Не за свой ты кусъ примаешься,
— Этимъ кусомъ ты подавишься! —
Онъ беретъ съ собой царевича
И отвозитъ его въ свой терёмъ.
Какъ на утрiе нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Отдавалъ вездѣ строгой приказъ,
Чтобы всѣ князья и бояре
Одѣвались въ платье черное,
Собирались во большой соборъ,
Слушать утреннее пѣнiе,
Панихиду по царевичѣ.
Всѣ бояре испугалися,
Въ черно платье наряжалися,
Во большой соборъ сбиралися.
Какъ одинъ только бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичъ,
Надѣвалъ онъ платье цвѣтное,
Прiѣзжалъ онъ во большой соборъ,
Привелъ за руку царевича
И поставилъ на правой крылосъ.
Увидалъ его нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

«Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
«Князь Романъ сударь Романовичь!
«Иль ты хочешь гнѣва царскаго,
«Той опалы государевой?
«Всѣ князья мои и бояре
«Въ черно платье наряжалися,
«Во большой соборъ сбиралися,
«Слушать утреннее пѣніе,
«Панихиду по царевичѣ:
«Только ты одинъ, Романовъ князь,
«Не послушалъ воли царскія,
«Наряжаешься во цвѣтно платье!
«Или ты того не вѣдаешь:
«Упала звѣзда восточная,
«И угасла свѣчка бѣлая,
«Не стало у насъ царевича?»
Какъ возговоритъ бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичь:
— Охъ ты гой еси, нашъ Грозный Царь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Прикажи не панихиду пѣть,
— А заздравное молебствіе:
— Твой царевичь еще цѣлъ и здравъ! —

Какъ возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
«Князь Романъ сударь Романовичь!
«Чѣмъ за вѣрность наградить тебя?
«Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
Какъ возговоритъ Романовъ князь:
— Не изъ злата я служу тебѣ
— И полцарства мнѣ не надобно:
— За мою ли службу вѣрную
— Мнѣ предай въ руки Скуратова! —

(Запис. П. И. Юрьевымъ).

* *

VI.

1*).

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

Какъ у насъ было въ каменно̀й Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича,
Столованье было—пированьице, почестный пиръ
На многіе князья—на бояра.
Бѣлой день идетъ къ вечеру;
Батюшко Грозный Царь веселъ сталъ.
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Что жь у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастуетъ?»
Одинъ бояринъ хвастуетъ чистымъ сéребромъ,
Другой похвасталъ чистымъ бисеромъ,
Третій похвасталъ скатнымъ жéмчугомъ.
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Злато-серебро не отку́па,
«Чистый бисеръ не оборона,
«Скатенъ жемчугъ не засту́па.
«Чѣмъ я, Грозный Царь Иванъ Васильевичь, похвастую?
«Вывелъ я измѣну изъ Обска [1]),
«Вывелъ измѣну изъ каменно̀й Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
«Царя Семёна подъ миръ [2]) склонилъ,
«Снялъ съ царя порфиру царскую,
«Привезъ я порфиру въ каменну̀ Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменно̀й Москвѣ,

---

*) Въ этомъ отдѣлѣ выведенъ царевичъ Димитрій. — *О.*

1) Изо̀ Пскова.—2) Писано по скобленному; обыкновенно: «подъ мечь.»—*О.*

«Эту порфиру на себя положилъ,
«Послѣ того я сталъ Пресвитеръ-Царь,
«Грозный Царь Иванъ Васильевичь!»

Тутъ проговоритъ его родимый сынъ:
— Ахъ ты батюшко, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Обска,
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ каменной Москвы!
— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
— Пьётъ-ѣстъ-кушаетъ съ одного блюда.—
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Говори мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»
Отъ молодаго царевича на то отвѣта нѣтъ.
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой вы гой еси, палачи Московскіе!
«Сказните молодаго царевича,
«Выньте сердце съ печенью,
«Принесите мнѣ на показанье!»
Всѣ палачи пріужаснулись,
Одинъ Алёша [1]) Малютинъ,
Скурлатовъ сынъ не ужаснулся,
Вскочилъ Алёша изъ за стола,
Выводилъ молодаго царевича.
Говоритъ Алёша Малютинъ сынъ:
««Много казнивалъ я князей-бояръ,
««Не казнивалъ рода царскаго:
««Пойти, сказнить молодаго царевича!»»
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Посадилъ его на добра коня:
Младой царевичь напередъ ѣдётъ,
Алёша Малютинъ позади ѣдётъ,
Вострый палашъ на плечѣ везетъ.
Перепала скорая вѣсточка
Дядѣ Никитѣ Романову:

[1]) Тутъ примѣшанъ Алеша Поповичь, въ Былинахъ Кіевскихъ на оборотъ смѣшиваемый съ Малютою. — *О.*

Дядюшка былъ трудёнъ-болёнъ,
Трудёнъ-болёнъ,—объ одной ногѣ.
Бросился онъ скоро на конюшной дворъ,
Обсѣдлалъ своего добрà коня,
Ухватилъ скоро конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чистò полё,
И кричитъ зычнымъ-громкимъ голосомъ:
— Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха любимаго,
— Вынь сердце у его съ печенью,
— Свези Царю на покáзанье! —
Алёша Малютинъ послушался,
Отдалъ онъ молодаго царевича,
Сказнилъ конюха любимаго,
Вынялъ сердце у его съ печенью,
Повезъ къ Царю на покáзанье.
Отъ тоски встаетъ Царь Иванъ Васильевичь,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича;
Прознавъ дѣло, рвётся-мéчется,
И говоритъ таковы рѣчи:
«Ой вы слуги мои вѣрныё!
«Вы за чѣмъ меня не ýняли,
«Вы за чѣмъ попустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ его слуги вѣрные:
«« Ой ты батюшка нашъ, Грозный Царь,
«« Царь Иванъ, сударь, Васильевичь!
«« Не посмѣли мы перéчить тебѣ,
«« Не посмѣли разговáрить твои рѣчи Царскія,
«« Убоялися мы твоего гнѣва скораго.»»
Онъ услышалъ радость, веселіе,
У дяди у Никиты Романова:
Грозному Царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копье óстроё,
Бѣжитъ къ дядѣ Никитѣ Романову.

Въ хоромахъ у Никиты Роман овича
Пиръ на весело.
Учýлъ онъ у своихъ гостей:
«« Бѣжитъ,»» говорятъ, ««Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
«« Въ рукѣ держитъ копье востроё.
«« Бѣжитъ прямо къ ему, къ Никитѣ Романову.»»
Не досугъ Никитѣ гостей чествовать:
Онъ бросился на крыльцо стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ Царю Ивану Васильевичу.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
« Аль ты радъ, Никита Романовичь,
« Моему несчастью великому?
« Аль ты веселишься,
« Что я сказнилъ своего сына любимаго?»
Замахнулъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Свое копьё вóстроё,
Тяпъ въ ногу Никитѣ Романовичу.
Отвѣтъ держитъ Никита Романовичь:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Погляди-ко ко мнѣ въ большой уголъ? —
Поглядѣлъ онъ въ большой уголъ,—
Увидалъ сына своего Дмитрія царевича:
Сидитъ здравъ и невредимъ у дяди въ большомъ углу.

И нашелъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Въ этомъ радость великую.

(Запис. Адмир. Кузмищевымъ).

*

Съ этою Былиною ближайше сходна слѣдующая:

2.

(Тамъ же).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича
Столованьице было—пированье, почестный пиръ
На многіе князи и бо́яра.
Бѣлый день идетъ къ вечеру,
Батюшка Грозный Царь веселъ сталъ.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Что же у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастаетъ,
«Не хвастаетъ, не похвалится?»
Одинъ бояринъ хвасталъ чистымъ серебромъ,
Другой бояринъ хвасталъ краснымъ золотомъ,
Третѐй бояринъ хвасталъ скатнымъ жемчугомъ.
Не золота трубочка востру́била,
Не серебряна сиповочка возы́грала,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь слово вымолвилъ:
«Не дѣломъ вы, братцы, хвастаетесь,
«Не добромъ вы, братцы, похваляетесь:
«Злато-серебро не о́ткупа,
«Скатенъ жемчугъ не оборона,
«Чистый бисеръ не заступа.
«Какъ я, Грозенъ Царь, чѣмъ похвастаю:
«Вывелъ я измѣну изо̀ Пскова,
«Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
«Царя Семіона подъ миръ склонилъ,
«Снялъ я съ царя порфиру царскую,
«Привезъ порфиру въ каменну Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,

«Эту порфиру на себя наложилъ,
«Послѣ этого сталъ Грозный Царь!»

Тутъ проговорилъ его родимый сынъ:
— Ахъ ты батюшка, Грозный Царь,
— Царь Иванъ, сударь, Васильевичь!
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изо̀ Пскова,
— Гдѣ тебѣ вывесть измѣну изъ каменной Москвы?
— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
— Пьетъ-ѣстъ съ тобой съ одного блюда.—
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Покажи мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»
Отъ молода царевича на то отвѣта нѣтъ.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой вы гой еси, палачи Московскіе!
«Вы сказните младаго царевича,
«Выньте изъ груди сердце съ печенью,
«Принесите мнѣ на пока́занье!»
Всѣ палачи пріужа́хнулись;
Одинъ Алешка Малютинъ,
Скурлатовъ сынъ не ужа́хнулся,
Скочилъ Алешка изъ застольица,
Выводилъ младаго царевича,
Причита̀лъ Алешка Скурлатовъ сынъ:
««Много казнивалъ князей и бояръ,
««Не казнивалъ рода царскаго:
««Пойти, сказнить младаго царевича!»»
Снималъ съ него Алешка платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Посадилъ его на добра коня;
Младый царевичь напередъ ѣдетъ,
Алешка Скурлатовъ позадѣ ѣдетъ,
Острый палашъ на плечѣ держитъ.
Перепала скорая вѣсточка
Дядѣ Никитѣ Романову.
Дядюшка былъ трудёнъ-болёнъ,
Трудёнъ-болёнъ,—объ одной ногѣ.

Разился [1]) онъ скоро на конюшій дворъ,
Обсѣдлалъ своего добра коня,
Ухватилъ съ собой конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто поле,
И кричитъ-зычитъ громкимъ голосомъ:
— Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха моего любимаго,
— Вынь изъ груди сердце съ печенью
— И свези Царю на показанье!—
Алешка Скурлатовъ послушался,
Отдалъ ему младаго царевича,
Сказнилъ конюха его любимаго,
Вынялъ изъ груди сердце съ печенью,
И привезъ Царю на показанье.
Ото сна встаетъ Царь Иванъ Васильевичъ—пробуждается,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича.
Прознавъ дѣло, рвется и мечется,
И говоритъ таковы рѣчи:
«Ой вы, слуги мои вѣрные!
«Вы за чѣмъ меня не уняли,
«Вы за чѣмъ попустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:
«« Ой ты батюшко, Грозный Царь,
«« Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
«« Не посмѣли мы перечить тебѣ,
«« Убоялися мы твоего гнѣва скораго!»»
Услышалъ Царь Иванъ Васильевичъ
Радость-веселіе у Никиты Романова:
Грозному Царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копье острое,

[1]) Бросался.—*О.*

Бѣжитъ къ дядѣ Никитѣ Романову.
Во хоромахъ у Никиты Романовича пиръ на ве́село.
Учу́лъ онъ у своихъ гостей:
«« Бѣжитъ,»» говорятъ, ««Царь Иванъ Васильевичь,
«« Во рукѣ держитъ копье острое,
«« Бѣжитъ прямо къ нему, къ Никитѣ Романову.»»
Не досугъ Никитѣ гостей чевствовать:
Бросился онъ на крылечко стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ Царю Ивану Васильевичу.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
« Аль ты радъ, Никита Романовичь,
« Моему несчастью великому,
« Аль ты веселишься ка́зни сына моего любимаго?»
Замахнулъ онъ копье острое,—
Тялъ [1]) въ ногу Никитѣ Романовичу.
Отвѣтъ держитъ Никита Романовичь:
— Грозный, Царь Иванъ Васильевичь!
— Погляди-ко ко мнѣ во большой уголъ!—
Поглядѣлъ Царь во большой уголъ,—
Увидѣлъ сына своего, Дмитрія царевича:
Сидитъ веселъ и здоровъ во большомъ углу.
  Царь нашелъ въ томъ радость великую,
Закурили на радостяхъ зелена вина,
Заварили на радостяхъ меду пьянаго,
Пировали на радостяхъ почестный пиръ.

(Отъ В. И. Даля, запис. А. Харитоновымъ).

* *

---

[1]) Ударилъ.—*О.*

VII.

1*).

(Звенигор. уѣзда, Воронки).

Грозный Царь Иванъ, сударь, Васильевичь,
Созывалъ онъ почёстный пиръ,
Всѣхъ князьёвъ и господъ бояръ;
И хвалился Грозный Царь,
Иванъ, сударь, Васильевичь:
«Взялъ я Казань, взялъ и Астрахань,
«Взялъ Великій скобы Новгородъ [1]),
«Вывелъ измѣну изъ каменно́й Москвы!»

Его сынъ и возго́воритъ:
— Ты родимый мой тятинька,
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Не во гнѣвъ бы твоей милости!
— Не хвались ты, мой тятинька:
— Взялъ ты Казань, взялъ и Астрахань,
— Взялъ Великій скобы Новгородъ, —
— Не вывелъ измѣну изъ каменно́й Москвы.
— Что измѣна-то съ тобой за однимъ столомъ,
— За однимъ столомъ пьётъ и кушаетъ,
— Бѣла лёбедя ру́шаетъ,
— Съ одного блюда, съ одной ложечки! —

---

*) Эта Былина, составляя особый отдѣлъ, непосредственно соединяется съ «Женидьбою Царя.» —*О.*

[1]) Это сочетаніе, по недослышкѣ, образовалось изъ словъ: «Взялъ великъ Опско́въ и Новгородъ.»—*О.*

Грозный Царь Иванъ Васильевичь [1]):
«Ужь и какъ же намъ свово̀ сына известь?»
Выходилъ онъ на но́вое крыльцо,
Закричалъ онъ громкимъ го́лосомъ своимъ:
«Ино есть ли у меня палачи,
«Палачи-то уда́лы молодцы́,
«Чтобъ срубили сыну голову
«Да по самыя по плечики,
«По его бы по могучія,
«Положили бъ на серéбряно блюдо,
«Принесли бы къ государю во дворецъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Ужь гдѣ нé взялся стремéнный стрѣлецъ,
Онъ садился на несѣдлаго коня,
Онъ и гонитъ Никитской улицей
Ко Никитѣ ко Романычу:
«« Вы раздайтесь, люди добрые:
«« За мной дѣло государево!»»
Онъ идётъ—отъ дверей отпихиваетъ,
Всѣхъ слугъ-прислугъ отпы́риваетъ,
Отъ дверей отдвигиваетъ:
«« Отойдите, слуги вѣрные:
«« За мной дѣло государево!»»
Онъ сто́итъ-то [2]) — Богу молится,
Богу молится, самъ рѣчь говоритъ:
«« Ты Никита Романовичь!
«« Что̀ ты крѣпко спишь—не про́снешься?
«« Ты не знаешь горя великаго:
«« Что потухла воску яраго свѣча,
«« Что померкло солнце красное,
«« Что померкли звѣзды восточныя,
«« Что не стало свово̀ крестничка,
«« Нашего мла́даго царевича!
«« Повезли-то его на Боло́тичко,

---

[1]) Т. е. разсуждаетъ, думаетъ. — [2]) Становится вошедши. —*О.*

«« На Бол́отичко, на Житный дворъ,
«« Чтобъ срубить-то ему голову
«« Да по самыя по плечики,
«« По его ли по могучія!»»
А Никита Романовичь,
Онъ скорёхонько просыпается,
Въ лёгку одёжу одѣвается,
На босы́ ножки въ сапо́жки обувается,
Онъ садится на несѣдлаго коня,
Онъ и гонитъ Никитской улицей
На Бол́отичко, на Житный дворъ:
— Вы раздайтесь, люди добрые:
— За мной дѣло государево!—
Никто за топоръ не примáется [1]),
У всѣхъ руки отымаются;
Ужь какъ взя́лся-приня́лся Малютушка,
Что Малюта Разкурлатовъ [2]) сынъ.
Онъ [3]) ударилъ его по бѣлу́ лицу:
— Ты Малюта Разкурлатовъ сынъ!
— Не за свой ты кусъ хватаешься,
— Этимъ кусомъ ты подавишься!
— Ино кто хочетъ за Царя умереть?
— Того Господи избавитъ отъ грѣховъ,
— Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя! —
Ужь и вы́искался стремéнный стрѣлецъ:
«« Я хочу за Царя умереть!»»
Тутъ срубили ему голову
Да по самыя по плечики,
По его ли по могучія;
Положили на серéбряно блюдо,
Понесли къ государю во дворецъ.
Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
Выходилъ онъ на Крáсное крыльцо:

---

[1]) Т. е. на мѣстѣ казни.—[2]) Производство осмыслено: curva ty razcurva.—
[3]) Т. е. Никита. — *О.*

«Что собакѣ собачья смерть [1])!»
Во Свѣтлое Воскресеньице
Разослалъ указъ по всей Москвѣ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ:
Что заýтра, въ Свѣтло Воскресеніе,
Приходили бъ люди добрые,
Приходили бы ко зáвтренѣ,
Они всѣ бы въ платьяхъ чёрныихъ,
Они всѣ бы во кручи́нныихъ.
А Никита Романовичь,
Ужь онъ поцвѣтнѣе всѣхъ надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится.
Что выходятъ отъ заýтрени,
Поздравляетъ его [2]) съ праздничкомъ
И со млáдыимъ царевичемъ.
«Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
«Что жь ты мною насмѣхаешься,
«Надо мною наругаешься?
«У меня послѣ обѣденки
«Всѣмъ боярамъ переборъ будетъ,
«Стану казнить, стану вѣшати:
«А тебѣ, кумъ, пéрва пéтелька!»
Послѣ завтрени разослалъ онъ указъ
По всей Москвѣ, по всѣмъ городамъ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ,
Приходили бъ люди добрые,
Приходили бъ въ платьѣ чёрныемъ,
Они всѣ бы во кручинныемъ;
А Никита Романовичь
Еще поцвѣтнѣй того надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится,
Млáдаго царевича подъ полóй держитъ.
Какъ выходятъ отъ обѣденки,

---

[1]) Слова Ивана, съ Краснаго крыльца, куда онъ вышелъ взглянуть на принесенное.—[2]) Царя.—*О.*

Поздравляетъ его съ праздникомъ
И со мла́дыимъ царевичемъ.
«Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
«Ужь и какъ же мнѣ тебя назвать будетъ?
«Али дядюшкой, али батюшкой?
«Ино будь же ты мнѣ бо́льшій братъ [1])!»

*

Созывалъ онъ почёстный пиръ,
Созывалъ онъ князьёвъ-бояръ,
Не позва̀лъ Кострюка̀-Мастрюка̀,
Свово шурина любезнаго.
Приходилъ шуринъ попо́слѣ всѣхъ,
Онъ садился повыше всѣхъ;
Онъ не пьётъ и не кушаетъ,
Бѣла лёбедя не рушаетъ,
Онъ сидитъ — думу думаетъ.
Государя-тъ похаживаетъ,
Онъ на шурина поглядываетъ:
«Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,
«Охъ ты шуринъ любезный мой!
«Что̀ ты не пьёшь и не кушаешь,
«Бѣла лебедя не рушаешь?
«На Царя ли лихо думаешь,
«На царевну ль благовѣрную,
«Али на весь на крещёный міръ?»
— Ни на кого я лихо не думаю,
— Ни на Царя, ни на царевну благовѣрную,
— Только думаю объ своей буйной головѣ:
— Что я семдесятъ семь земель изошо̀лъ,
— По себѣ я борца не нашолъ,
— По себѣ борца, удало̀ва молодца̀! —
Выходилъ-то Грозный Царь,
Царь Иванъ, сударь, Васильевичь,

[1]) Слѣдуетъ, какъ сказано, другой отдѣлъ Былинъ: названіе его см. ниже.—*О.*

Выходилъ онъ на но́вое крыльцо,
Воскричалъ онъ громкимъ голосомъ своимъ:
«Ино есть ли у меня борцы,
«У меня борцы, уда́лы молодцы?
«Приходили бъ къ государю во дворецъ,
«Побороться съ Кострюко́мъ-Мастрюко́мъ,
«Съ моимъ шуриномъ любезныимъ!»
Изъ села-то Кулебакина,
Изъ деревни изъ Опа́льшиной,
Выходили-то два братца,
Да два братца, два родимые,
Два Андрея два Андреича:
Одѣвались въ одёженьку лёгонькую,
Обувались они въ портя́ночки тоненькія,
Во ла́потки ча́стенькіе,
Въ балахо́ньчики лёгонькіе.
Они и́дутъ путёмъ-дорогою,
Они шуточки пошучиваютъ,
Они другъ дружку попи́хиваютъ.
Приходили къ государю во дворецъ,
Воскричали громкимъ голосомъ своимъ:
«« Ино гдѣ у тебя борцы,
«« Ино гдѣ борцы, уда́лы молодцы?»»
Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Вотъ пришли борцы, уда́лы молодцы!
«Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,
«Охъ ты шуринъ любезный мой!
«Ино вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
«Ино вотъ тебѣ борцы на дворѣ [1]),
«Ино вотъ борцы, уда́лы молодцы!»
Ужь Кострюкъ-Мастрюкъ бросается,
Онъ бросался—семь столовъ повалилъ,
И онъ семдесятъ господъ задавилъ.
Какъ съ большимъ братомъ схватилися,

---

[1]) Т. е. выбирай любое, или сиди, или иди бороться. —*О*.

Они три часа водилися;
Низёхонько поклонилися,
Честнёхонько расхватилися [1]):
«Охъ ты братецъ, ты братецъ мой,
«Охъ ты братецъ родимый мой!
«Хочь ты родомъ-то повыше меня,
«Да ты силкой-то пониже меня [2])!»
Какъ съ меньшимъ братомъ схватилися,
Они часу не водилися,
Не честнёхонько расхватилися,
Не низёхонько поклонилися:
Ужь онъ первую поши́бочку пошибъ,—
Съ Кострючи́шка колпачишко сшибъ;
Онъ другую-то пошибочку пошибъ, —
Съ Кострючи́шка сапожи́шки сшибъ.
Ужь и бился онъ — рубился
Не объ ста рубляхъ, не объ тысяцѣ,
Они бились-рубилися
Объ своихъ буйныхъ головушкахъ:
Кто кого смо́жетъ, того рвать-щипать,
Того рвать-щипать, до нага̀ обдирать.
Ужь онъ третью-то пошибочку пошибъ,—
Подымалъ-то онъ повыше себя,
Опущалъ-то онъ пониже себя;
Ужь онъ началъ его рвать-щипать,
Его рвать-щипать, до нага̀ обдирать:
«« Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
««Не во гнѣвъ бы вашей мило́сти,
««Что деру штаны атласныя [3])!»»

Что глядитъ-то государыня
Изъ косящета окошечка:
— Ты крапива, ты крапива б....,

---

[1]) Выпустили другъ друга изъ охвата. — [2]) Слова борца Кострюку. — [3]) Слова борца.—*О.*

— Вы крапивныя сѣмены!
— Много васъ было насѣяно,
— Да не много уродилося!—
Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Охъ ты баба, ты баба б....,
«Охъ ты баба, ты бабья знать!
«Что глядишь ты въ косящето окно,
«Да не чортъ ли тебя спрашиваетъ?»

Защекотала сороченькой,
Полетѣла съ каменной Москвы.

(Записано 1833, Августа 20).

* *
*

Царь еще женится.

1.

2*).

(Симбирск. губ.).

«Что сидите, богатырики,
«И чѣмъ же вы похваливаетесь?
«Ваша силушка буде отъ Бога,
«А имѣніе отъ меня, Царя [1].»
Задумалъ нашъ Грозный Царь жениться.
Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ [2],

---

*) Эта, хотя весьма испорченная, Былина присоединяется къ предыдущей потому, что также, правда—на оборотъ, соединяетъ непосредственно Кастрюка съ Малютой, женидьбу съ покушеньемъ на сына.—*О.*

[1]) Это отрывокъ рѣчи Ивана: см. предыдущія Былины.— [2]) Ошибка; должно быть: «не у насъ въ Москвѣ (Симбирскій пѣвецъ естественно могъ такъ выразиться, противуполагая свой край Москвѣ).»—*О.*

И не у князя, и не у барина,
Онъ бралъ у Черкашенина,
А имямъ назвать ее—Марія Демругьевна;
Онъ бралъ за ней много приданаго:
Тридцать Татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
И дѣлалъ онъ про нихъ почетный пиръ:
Сажалъ онъ ихъ за столы дубовые,
За скатерти клѣтчатыя [1]),
За чашечки, за ложечки корѣльчатыя [2]).
Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,
А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
А на нашего Царя лихо думаетъ:
—Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ [3]),
—И стану я со всѣхъ брать пошлину,
—Со дымовъ подымовное,
—Съ красныхъ дѣвушекъ почередное [4]),
—А со молодушекъ повѣнешное!—

И вышелъ Микита Романовичь, царскій дядюшка,
На свой на новъ-красенъ крылецъ,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»
На тотъ разъ ихъ не случилося,
Они же всѣ поразъѣхались.
«Чтобы шли они, никого бы не спрашивались
«И никому бы не докладывались [5])!»
Прошли [6]) два брата родимые,
Изъ села Ивановскова,
По имя ихъ Иванъ-Иванычи,
По прозванью Ка́шинины.

---

[1]) Камчатныя.— [2]) Корѣльской березы.— [3]) Могло быть передѣлано изъ «Москвы *бѣлокаменной.*» Но «сидѣть на бѣломъ камнѣ» въ нашемъ древнемъ творчествѣ однозначуще съ «судомъ:» судить-рядить, установлять или брать пошлины, учить и т. п. Ср. Былины ниже и Стихи, особенно о Голуб. Книгѣ, «Калѣки Перехожіе.»— [4]) Вѣроятно: съ нарядовъ.— [5]) Продолженіе словъ Никиты.— [6]) Пришли.—*О.*

По царскому двору похаживаютъ,
Полки [1]) заварачиваютъ,
Рукавчики позасучиваютъ,
Усы за уши закладываютъ.
«Вы послушайте»—что возговоритъ
Царскій дядюшка Микита Романовичъ —
«Вотъ вамъ, Местрюкъ, хлѣбъ-соль на столѣ,
«А борцы на дворѣ:
«За что вы, свѣтъ, ухватитесь [2])?»
Местрюкъ бросился,—три стола уронилъ,
Кострюкъ бросился,—всю силу помялъ,
Тридцать Татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семсотъ Донскихъ казаковъ.
Ну, выходилъ Местрюкъ на царскій дворъ,
Бралъ Иванъ Ивановичъ поперегъ его,
Поджималъ [3]) новыше себя,
А опущалъ пониже себя.
Первой пошибкой пошибъ,—
Одежду долой съ него сшибъ;
А другой пошибкой пошибъ,—
Рубашку долой съ него сшибъ:
Оставался Местрюкъ, въ чемъ мать его родила;
Онъ соромъ свой зажалъ,
И подъ крылецъ побѣжалъ.
Да увидала его сестрица родимая,
Марія Демругьевна:
— Ты дуракъ,—говоритъ,—дуракъ, мужичій сынъ!
— Поборолъ бы его какъ полехше ни будь [4])! —

*

«Послущайте, Марья Демругьевна!
«Теперича я вывелъ измѣнушку изо всей земли,
«А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»

---

[1]) Полы у платья.— [2]) Т. е. выбирай, Мастрюкъ, любое.— [3]) Подымалъ.— [4]) Отселѣ начинается другая половина, о покушеніи на сына, и слѣдуютъ рѣчи Царя.— *О.*

А былъ у ихъ единъ чадо милый, Ѳедоръ Ивановичь:
— Охъ ты еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Хоша ты вывелъ измѣну изо всей земли,
— А не вывелъ измѣнушку изъ свова дому:
— Твоя измѣнушка предъ тобою стоитъ,
— Съ тобою рѣчи говоритъ,
— Единое платье носитъ однотвѣтное
— И единое кушанье кушаетъ сахарное.—
На то же Грозный Царь прогнѣвался,
И бралъ же свово сына за праву за руку,
И вывелъ онъ его на новъ-красенъ крылецъ,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да есть ли здѣсь грозные палачики?
«Взяли бы моего сына,
«И повели бы его на поле Кулическое [1]),
«Привязали бы его ко плахѣ дубовое,
«И сняли бы съ него буйну голову!»

Всѣ палачики испужалися,
Со царскаго двора разбѣжалися,
Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ;
И бралъ его сынъ [2]) за руку,
Повелъ его на поле Кулическое.
И увидѣлъ его царскій дядюшка, Микита Романовичь:
— Охъ ты Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
— Не за тѣ кушанья принимаешься:
— Сходи же, Малюта, на псарный дворъ,
— И возьми-ка же пса немалаго,
— И сними съ него голову,
— И принеси имъ въ кровѣ [3]) саблю вострую [4])!—

«Охъ вы есть [5]), мои сенаторы,
«Да князья и бояре!
«Пріѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божью,

---

[1]) Куликово. — [2]) Его, сына царскаго, или: бралъ его, царевича, Скурлатовъ сынъ. — [3]) Въ крови. — [4]) За симъ слѣдуютъ рѣчи Царя. — [5]) «Гой вы еси» или «есте.»—*О.*

«И служите вы молебны обчіе, печальные,
«О моемъ сынѣ Өедорѣ Ивановичѣ,
«И надѣвайте черную одежу печальную!»
Всѣ пріѣхали [министры,] князья и бояре,
И въ соборъ, церковь Божію,
И въ одежѣ всѣ въ черную-печальную,
И служили всѣ молебны обчіе, печальные.
А царскій дядюшка, Микита Романовичь,
Надѣвалъ одежу [форменну],
И приказалъ служить молебны за здравіе.
Обернулся намъ [1]) Грозный Царь:
«По чему же ты, сватъ, радоваешься,
«За чѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
— По тому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
— Что представлю вамъ сына въ живности.—
И бралъ онъ [за ефесъ] саблю вострую,
Протикалъ онъ ему ногу правую [2]).
Возговоритъ громкимъ голосомъ:
«Подайте мнѣ перваго дохтура,
«Залѣчалъ бы ему ногу въ три часа!»

(Записано П. В. Шейномъ).

* *

---

[1]) Нашъ? — [2]) См. предыдущія Былины, какъ Царь проткнулъ ногу Никитѣ.—*О.*

II.

1*).

(Арханг. губ.).

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей.
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты-красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты-красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ:
Преставляется Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь.
Говоритъ Царица таковы рѣчи:
«Ужь ты слушай, Царь, послушай-ко,
«Что я тебѣ, Царица, повыскажу:

---

*) Эти двѣ Былины, весьма искаженныя и испорченныя въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, помѣщаются здѣсь, въ особомъ отдѣлѣ, потому лишь, что начинаютъ раньше прочихъ—со смерти первой Царицы.—*О.*

«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ:
«Когда будутъ они во полномъ умѣ
«И во твердомъ будутъ разумѣ,
«Тогда будетъ оборона отъ новыхъ [1]) земель.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
«Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
«Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
«Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
«Что̀ я тебѣ, Царица, повыскажу:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ до князей, до думныхъ бояръ,
«И до того ты до дядюшки любимаго,
«И до своего ты до крестнаго батюшки,
«До того Богдана Сирскаго:
«И тутъ твоя дума крѣпкая.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
«И тутъ твоя сила вѣрная.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
«И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До всего народу православнаго.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
«Что̀ я тебѣ, Царица, принакажу,
«Принакажу и повыскажу:
«Когда я, Царица, преставлюся,
«Не женись ты, Царь, въ проклятой Литвѣ
«На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
«А женись ты, Царь, въ каменной Москвѣ,
«На той Супавѣ [2]) Татарскіе:
«Хоша есть у ней много приданаго
«Пановей-улановей и злыхъ поганыхъ Татаровей,

---

[1]) «Новой» въ мѣстномъ нарѣчіи значитъ «иной».— [2]) Ошибка вмѣсто «Купавѣ:» см. Былины ниже.—О.

«Есть у ней брателко родимое,
«Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичь [1].»
И тутъ Царица просыпалась [2]),
Тутъ Царицѣ славу поютъ [3]).
Прошло времени три мѣсяца,
Похотѣлъ сударь Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
И покатился онъ во ту ли матушку проклягу Литву,
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
И того Богдана Сирскаго,
Пріѣзжалъ онъ скоро въ проклягу Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну,
И со тѣмъ со брателкомъ родимыимъ,
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ,
За сто верстъ становилъ онъ свою силу-армію
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вольянскую [4]),
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу [5]) листъ гербовыя
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ,
И посоленъ [6]) листъ на золотъ столъ
Своему дядюшкѣ любезному,
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
«Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью,

---

[1]) Перебиты стихи, а должно быть: «Не женись ты на той Купавѣ, хоша есть...., а женись ты въ каменной Москвѣ.»— Различены двѣ невѣсты, Литовская и Татарская, о коихъ см. ниже.— [2]) Вѣроятно ошибка вмѣсто «преставилась.»— [3]) Обыкновенная прибавка, когда говорится о смерти героя или героини: см. Былины въ прежнихъ выпускахъ.— [4]) Вальяжную: ср. прежніе выпуски.— [5]) Бумаги.— [6]) И посылалъ.— О.

«И со тѣмъ пѣтьемъ Божьимъ-церковныимъ,
«И со тѣмъ со звономъ колокольныимъ,
«Со той пальбой пушечной.»
Оправлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ:
Не стрѣтилъ его дядюшка любимой за сто верстъ.
Не дошелъ онъ [1]) матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ,
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію,
Отправлялъ скора гонца,
Скора гонца и скора посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
«Гдѣ стоять моей силѣ-арміи.»
И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву:
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка,
И тотъ Богданъ Сирскій,
Не съ пѣтьемъ Божьимъ-церковныимъ,
И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
И во ту церковь Божію,
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.
На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ-могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ—ко закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичь:

---

[1]) Царь.—*О.*

— Ай ты, мой затюшко любезный,
— Грозенъ ты Царь Иванъ Васильевичь!
— Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
— Борцы-молодцы пріученые,
— Кабы мнѣ съ ними поборотися?—
Требовалъ сударь Грозенъ Царь,
Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
Борцей-молодцей не случилося.
Только случился Васенька Хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ,
По двору прихрамываетъ,
И ко двору государеву придвигается,
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичь
Своему зятелку любезному:
— Чортъ у васъ, не борцы-молодцы,
— [Не борцы-молодцы] и не пріученые!—
Говоритъ Вася Хромоногенькой:
«« Ай же ты, сударь-таки Грозенъ Царь!
«« Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
«« Кострюка побороть:
«« Изъ платья вонъ его вылупить
«« И подвору его нага спустить?»»
Говоритъ сударь Грозенъ Царь,
И Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
« Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
« И Микола пособилъ Кострюка побороть,
« Изъ платья вонъ его вылупить
« И по двору нага спустить, —
« Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!»
На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кострюка о кирпичной полъ:
На брюхѣ его кожа трёснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.
Изъ платья онъ его ногой [1]) вылупилъ:

[1]) Нагого.—*О.*

Не Кострюкъ былъ Темрюковичь,
Да и не брателко-то ей [1]) былъ родимое:
Была поляница удалая [2]).
Бралъ Царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ въ далече-чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце:
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго,
И Богдана того Сирскаго:
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ на Святой Руси.

(Записано г. Максимовымъ; ср. Сборн. Якушк., Отеч. Зап.).

*

2 *).

(Тамъ же).

. . . .
Преставляется Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ,
Наказываетъ и доспрашиваетъ:
«Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
«Будешь ли послѣ меня женитися,
«Али ты, надёжа-Царь, будешь холостъ ходить,
«Холостъ ходить, неженатой слыть?»
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Я не буду послѣ тебя женитися,
«Надёжа-Царь буду холостъ ходить,

---

[1]) Царицѣ.— [2]) Поляницею назывались древніе богатыри (ср. прежніе выпуски): но здѣсь пѣвецъ полагалъ, что это женщина, сама передѣтая царица; ср. Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, гдѣ Кострюкъ по нѣкоторымъ преданіямъ, и вѣроятно по тому же поводу, является женщиной.—*О.*

«Холостъ ходить, неженатой слыть.»
Говоритъ Царица благовѣрная:
«Ай же ты, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
«Не мани меня, не омманывай:
«Будешь послѣ меня женитися
«Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ.
«На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
«Принесетъ она рубашки красна золота;
«Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
«Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ:
«Увидишь тутъ чудо великое!
«За тѣмъ будь добръ да милостивъ
«До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей;
«Будь ты добръ, будь ты милостивъ
«До тѣхъ до слуговъ вѣрныехъ,
«До того народу христіанскаго.»
За тѣмъ преставилась Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
За тѣмъ женился Царь въ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота:
Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ,
Тѣхъ псовъ разорвало.
За тѣмъ сталъ Грозенъ Царь,
Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь.
Сталъ его дядька спрашивать:
«За чѣмъ исхудалъ?» — Не могу поляницой удалой владѣть: руку-ногу закинетъ на меня жена, — не могу духу перевести [1]..... —

(Оттуда же).

* *

[1]) Тутъ пѣвшая старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше, «стыдно, де, нехорошее такое поется.» Къ сожалѣнію, записывавшій не добился конца: но этотъ конецъ извѣстенъ изъ другихъ Былинъ о Поляницахъ и сказокъ, см. прежнія «Замѣтки.» — *О.*

III.

1*).

(Симбирск. губ., с. Станично).

Какъ у насъ было на Русѣ,
На Русѣ было, въ каменной Москвѣ,
Задумалъ Царь жениться,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
Онъ усваталъ невѣсту за себя,
[Невѣсту за себя] не у насъ въ Москвѣ,
Онъ усваталъ во иной землѣ,
Не у князя, не у боярина,
Онъ усваталъ у Татарина,
У того ли Черкешанина,
Марью Темрюговну:
Черезъ большую дочь онъ середнюю беретъ,
Марью Темрюговну.
Собирался почестной пиръ,
И всѣ гости съѣхалися, и всѣ соходилися,
Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
И всѣ гости кушаютъ,
Бѣлаго лебедя рушаютъ.
Одинъ гость хлѣба-соли не ѣстъ,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
Зеленаго вина въ ротъ не беретъ, —
Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюговичь,
Любимый царской шуринушка.
Онъ думаетъ думушку, съ кѣмъ поборотися,
За прокладъ поводитися:

*) Это отдѣлъ Былинъ самый полный и самый употребительный. — *О.*

И все придано подавилъ:
Выходилъ на крылечушко,
Выходилъ онъ на Красное.
Принимаетъ его малый братъ,
Малый братъ Иванушка:
Онъ по двору похаживаетъ,
Кастрюка поваживаетъ;
Онъ перву-то пошибочку пошибъ,—
Съ Кастрюка черну шляпу сшибъ;
А другую-то пошибочку пошибъ,—
Съ Кастрюка сапожки долой сшибъ;
А третью пошибочку-то пошибъ,—
Съ Кастрюка-то всю одежку сшибъ:
Въ чемъ мать родила, на свѣтъ пустила [1]).
Кастрюкъ-то соромъ зажалъ,
Да подъ крылецъ побѣжалъ.

Увидала его сестра,
Марья Темрюговна,
Изъ высокаго терема,
Изъ косящатаго окошечка:
— Ты мужикъ-то, мужикъ, мужичій сынъ,
— Крапивныя твои сѣмена!
— На что ты Кастрюка поборолъ,
— На что ты съ него платье сшибъ,
— [Платье сшибъ,] нага пустилъ?—
Возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Охъ ты баба, баба б....,
«Татарскія твои сѣмена!
«Не то-то мнѣ дорого,
«Что Татаринъ хвалится,
«А то дорого, что крестьянинъ тѣшится!»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

[1]) Въ другихъ: пустилъ его, въ чемъ мать родила.—*О.*

2.

(Той же губ., Сенгилеевск. уѣзда, въ селѣ Стар. Ярыклѣ).

Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменно́й Москвы,
При блаженной его памяти,
Поизволилъ Царь женитися:
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
У тово ли Темрюка-Мастрюка,
Молодаго Черкешенина,
Тоё малую сестру,
Да свѣтъ Марью Темрюковну.
Онъ и много приданова берётъ:
Двѣсти Татариновъ,
Полтораста бояриновъ
И семь сотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.
Еще всѣ гости съѣхалися,
Всѣ любимы солетѣлися,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
Нѣтъ гостя милаго,
Тово шурина родимова,
Ево ли Темрюка-Мастрюка,
Молодаго Черкешенина.
Еще вонъ ѣдетъ милой гость:
Сажаютъ его выше всѣхъ,
Пошелъ пиръ на́ веселѣ,
А смиренные [1]) на радостяхъ.

---

[1]) Здѣсь «пиръ;» обыкновеннѣе «смиренная бесѣдушка.» — *О.*

Пили-ѣли, проклажалися,
Между собой похвалялися,
Сильной своею силою,
А богатой богатствомъ своимъ,
Убогой Божьей милостію,
Какъ Бога-тъ насъ милуетъ,
Государь Царь пожалуетъ,
И будемъ мы всѣ ровны [1]).
Похваляется Темрюкъ-Мастрюкъ,
Онъ хвалится своей силою:
— Я Москву вашу насквозь пройду,
— Не найду я себѣ спорщика [2]),
— Съ кимъ бы могъ я поборотися! —

Услыхалъ же про то Царь-государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы;
Выходилъ она на Красно крыльцо,
Говорилъ онъ громкимъ голосомъ:
« Эй вы гой еси, мои слуги вѣрные!
« Вы подите въ каменну Москву,
« Прокличьте кличь скорую,
« Есть ли у насъ, у нашего Царя,
« Бойцы-борцы, молодые охотнички?
« Шли бы на царской дворъ,
« Безъ докладу государева,
« Безъ допроса безо всякого!»
За Москвой стоитъ деревнишка,
Что деревнишка Онихина [3]).
Во той ли во деревнишкѣ
Жили два брата родныхъ,
[Два брата родныхъ,] два калашничка,
Два Андрея Андреича.

---

[1]) Это уже нравственная добавка, по поводу того, что «убогій—у Бога въ милости (словопроизводство).» — [2]) Соперника. — [3]) Онихина; ср. Анику.—О.

Встаютъ они ранёхынько,
Умываются бѣлёхынько,
Обуваются гладёхынько,
Чулочки подвязывали,
Башмачки на ноги надѣвывали,
Свои усы завивывали,
За уши усы закладывали,
Приходили на государевъ дворъ,
Безъ докладу государева,
Безъ докладу безо всякого,
Безо всякого вѣдѣнья [1]),
Становились у Красна крыльца.
Услыхалъ про то Темрюкъ-Кастрюкъ,
Молодой Черкешенинъ;
Зашипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному,
Переломалъ пятьдесятъ скамей,
Передавилъ онъ приданство всё,
Двѣсти Татариновъ,
Полтораста бояриновъ
И семьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
Выходилъ онъ на Красно крыльцо,
Сохватился съ большимъ братомъ,
Со Андреямъ Андреевичамъ.
Они водиться поводилися,
Межонной день [2]) до вечера
И всю ночь до бѣлой зари:
Никто у нихъ не поборолъ;
Расходиться расходилися,
Между собой поклонилися.
Схватилися со меньшiимъ братомъ:
Тотъ его беретъ за лѣвой воротокъ,

---

[1]) Не спрашивая ни о чемъ и не давая объ себѣ вѣсти, безъ вѣдома, не освѣдомляясь, безобсылочно.—[2]) Долгій; полуденный, южный; лѣтній.—*О.*

Поднимаетъ на правой на носокъ,
Онъ приподнялъ повыше себя,
Ударилъ о сыру землю,
По колѣни его въ землю вшибъ,
По колѣни, чуть не по поясъ;
Онъ и цвѣтное платье съ него сшибъ,
Пустилъ его ко́со на̀ босо [1]),
Пустилъ его, въ чемъ мать родила.
 Услыхала про то малая сестра,
Свѣтъ Марья Темрюковна,
Выходила на Красное крыльцо,
Говорила громкимъ голосомъ:
— Ты крапива, крапивной сынъ!
— Не много васъ посѣяно,
— Да много уродилося!
— Хотя бы ты и силёнъ,
— И хотя бы тебѣ Богъ пособилъ,
— На что ты такъ наругаешься
— И на что насмѣхаешься?
— Пустилъ ты его, въ чемъ мать родила?—
Сказалъ тутъ Царь-государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Ты баба, ты ба́бье знай!
«Не то-то намъ дорого,
«Что Татаринъ похваляется,
«А то-то намъ дорого,
«Что Русакъ насмѣхается!»

*

---

1) Бо́со на̀ босо, а это уже дальнѣйшая игра воображенія и рѣчи. — *О.*

3.

(Сарат. губ., Петровск. уѣзда, с. Даниловка).

У насъ было при прежнемъ Царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
Сбережатель каменно́й Москвѣ,
Царь Иванъ сударь Васильевичь
Поизволилъ женитися.
Не беретъ онъ у насъ въ Москвѣ,
Беретъ во иной землѣ,
Во иной землѣ Черкасскои,
У Мастрюка большу сестру,
Князю [1] Марью Темрюговну.
Онъ и много за ней приданаго беретъ,
Онъ и два ста бояриновъ,
Полтораста Татариновъ,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ;
Еще за ней приданаго беретъ
Ея брата ме́ньшаго,
Мастрюка Темрековича.
Царь Иванъ сударь Васильевичь
И дѣлалъ пиръ на ве́селѣ
Про любимаго про шурина
Мастрюка Темрековича.
Въ полопьяна напивалися,
Въ полосыта наѣдалися,
Промежду собой похвалялися:
А богатые хвалются богатствомъ,

---

[1]) Княжу, княжну. — *О.*

А сильные силою,
А Иванъ Васильевичь
Мла́дою княгинею.
А Мастрюка-тъ хвалится,
Молодой цохваляется:
— Я, де, всю Москву изошолъ,
— По себѣ борцовъ не нашолъ,
— Борцовъ, удалыихъ молодцовъ:
— Борцовъ не случилося,
— Молодцовъ не годилося!
— Какъ я сяду на калиновомъ мосту,
— Да буду брать пошлину:
— Съ стариковъ похоронное,
— Со старухъ повивальное [1]),
— Съ бабъ повалешное [2]),
— Съ красныхъ дѣвокъ повѣнешное! —

Борцы въ разъѣздочкахъ,
Молодцы въ разсылочкахъ.
Только, де, случилося,—
Два брата родимые,
Два шу́та, Гришута съ Мишутою.

Царь Иванъ сударь Васильевичь
Выходилъ на Красенъ крылецъ,
Воскричалъ громкіимъ голосомъ:
«Есть, де, у насъ въ Москвѣ
«Борцы, удалые молодцы?
«Они бъ шли на сударевъ на дворецъ,
«Ко крылечушку ко Красному,
«Ко окошечкамъ косящетымъ,
«Ко стекольчикамъ стекольчатымъ
«И къ анбарамъ государевымъ!»

И идутъ два шу́та,
Гришута со Мишутою:

---

1) За повивальное искусство.—2) Ср. прежнія Былины. — *О.*

Они шуточки пошучиваютъ,
Они шапочки заламываютъ,
Чулочки потягиваютъ,
Сапожки подправливаютъ:
Мастрюка-то поддражниваютъ.
Мáстрюкъ разгорается,
Молодой похваляется,
Онъ и хлѣба не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ.
Кидался Мастрюкъ государь
Черезъ скатерти браныя,
Черезъ яства сахáрныя,
Черезъ пойло медвяное:
Онъ и лѣвой ногой зацѣпилъ,—
Триста скамей повалилъ,
И триста бояръ задавилъ,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мóлодцевъ.
Выбѣгаетъ и Мастрюкъ государь
Ко крылечку ко Красному
И къ анбарамъ государевымъ.
Въ первую пошибочку,
Съ Мастрюка сбили шапочку;
А въ другую-то пошибочку,
Съ Мастрюка сбили сапожечки;
А въ третью-то пошибочку,
И зипунъ-то сорвали.
Онъ ужь забивается
Подъ крылечушко подъ Красное,
Подъ анбары государевы.
Марья Темрюковна
Выходила на Красенъ крылецъ,
Закричала громкіимъ голосомъ:
— А ужь мужикъ ты, мужикъ,
— Мужичій сынъ,
— Крапивныя сѣмены!

— Не поля, де, вас посѣяно,
— Не кулика насѣяно [1])!
— Хоть бы у вас сила, де, была,
— Вы бы его, Мастрюка,
— На стыдъ не давали и не безчестили!—
Царь Иванъ сударь Васильевичь
Закричалъ громкіимъ голосомъ
На Марью Темрюковну:
«Посѣди-ко ты на до́ничкѣ [2]),
«Поверти веретѐничкомъ!
«У насъ, де, такъ Москва любитъ:
«А коли у него силы-то не было,
«Онъ бы, де, не хвастался [3])!»

(Запис. Ст. П. Шевыревымъ).

4*).

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

У насъ было на святой Руси́ [1]),
На святой Руси, въ каменно̀й Москвѣ,
Былъ-жилъ тутъ Царь Иванъ Васильевичь.
Поизволилъ Царь Иванъ Васильевичь жениться [2]),
Какъ во той ли земли да во Татарской,
Какъ у того ли у короля Татарскаго,
На дочери его на Марьѣ на Темрюковнѣ.

---

[1]) Не поле (не много) васъ посѣяно, не Куликово (поле) насѣяно, да много уродилося (ср. другія Былины).—[2]) Донце, при пряжѣ.— [3]) Въ другомъ спискѣ: «не хвалился.»—*О.*

*) Тамъ же, и почти то же самое, записано Н. Борисовымъ въ Декабрѣ 1845 г.: приведемъ небольшія разнорѣчія.—*О.*

[1]) «Русѣ.»— [2]) «женитися.»—*О.*

Собиралъ ли онъ силу свою могучую,
Похо́дитъ онъ во землю во Татарскую,
Отбираетъ онъ Марью Темрюковну;
А король ли тотъ Татарской
Отдаетъ ему во приданое
Триста Татаровей,
Двадцать пять удалы̀хъ молодцовъ.
Поѣзжалъ еще въ провожатые,
Поѣзжалъ Кастрю́къ-Мастрю́къ,
Темрюковъ сынъ, молодой [1]) Черкашенинъ.
Пріѣзжали они въ каменну̀ Москву,
Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичь
Про шурина поче́стный пиръ,
Про Кастрюка-Мастрюка, сына Темрюкова.
Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба-соли не ѣстъ, пива-мёду [2]) не пьётъ,
Зелена̀ вина не кушаётъ,
Бѣлой лебеди не рушаётъ:
На кого [3]) лихо думаетъ.
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
«Молодой [4]) Черкашенинъ!
«За чѣмъ ты хлѣба-соли [5]) не ѣшь,
«Меду-пива не пьёшь,
«Зелена̀ вина не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— А за тѣмъ я хлѣба-соли [5]) не ѣмъ,
— Пива-меду не пью,
— Зелена̀ вина не кушаю,

---

1) «младой.»— 2) «пива съ медомъ.»— 3) «На кого-то.»— 4) «Ты младой еси.»— 5) «хлѣбъ-соль.»—*О.*

— Бѣлой лебеди не рушаю:
— На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя спрашивать [1]):
— Есть ли у тебя въ каменно̀й Москвѣ
— Таковы умильны [2]) борцы,
— Съ Кастрюкомъ поборо́тися,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Съ царевымъ со шуриномъ?—

Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Ты поди-ко, дядюшка,
«На крылечко на Красное,
«Привздыни́сь-ко [3]) ты, дядюшка,
«На сѣръ на горючь камень,
«Закрычи-ко ты, дядюшка,
«Во всю бу́йную го́лову,
«Чтобъ услышали [4]) въ каменно̀й Москвѣ:
«Борца ты спрашивай,
«Борецъ намъ надобно,
«Съ Кастрюкомъ поборо́тися,
«Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
«Со царевымъ со шуриномъ.»
Пошелъ дядюшка
На крылечко на Красное,
Привздыну́лся дядюшка
На сѣръ-горючь камень,
Закричалъ дядюшка
Во всю буйну голову [5]).
Изъ избёнушка ма́ленькаго,
Изъ дворёнушка ху́денькаго,
Бѣжатъ два молодчика:
Васинька Маленькой
Да Потанюшка Хро́менькой.

---

[1]) «спрашивати.»— [2]) Искусные (умѣющіе). — [3]) Поднимись.— [4]) «учу́ли.»— [5]) Прибавлено: «Борца спрашивалъ.»—*О.*

Бѣжатъ они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крыльцу [1]) ко Красному.
Говоритъ тутъ Васинька,
Говоритъ тутъ Маленькой:
«« Ой ты гой еси, дядюшка,
«« Никита Романовичь!
«« Что̀, дядя, надобно,
«« Чего, дядя, спрашиваешь [2])?»»
— Ой ты гой еси, Васинька,
— Ой ты гой еси, Маленькой!
— Борецъ намъ надобно,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ.—
Отвѣчаетъ [3]) Васинька,
Отвѣчаетъ Маленькой:
«« Ой ты гой еси, дядюшка,
«« Никита Романовичь!
«« Каково̀ съ имъ боро́тися?
«« Онъ вѣдь шуринъ царёвъ [4]):
«« Надо, Царь вины не поло́жилъ [5]).»»
Отвѣчаетъ [6]) дядюшка:
— Лишь бы какъ Богъ пособилъ:
— Не будетъ вина на тебѣ!—

Сказали Кастрюку за столомъ,
Сказали Мастрюку за столомъ:
«« На улицѣ борецъ у Царя.»»
Кастрюкъ изъ за стола вскочилъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися,
Скамью ногой потну́лъ [7]).

---

1) «Ко крылечку.»— 2) Прибавлено: «Отвѣтъ держитъ дядюшка, Ник. Ром.»— 3) «Говоритъ ему.»— 4) «царской.»— 5) Чтобъ Царь не положилъ въ томъ вины; разнор. «не положитъ.»— 6) «ему.»— 7) Ударилъ, задѣлъ.—*О.*

Говоритъ ему сестрица
Марья Темрюковна:
— Ой ты гой еси, бра́телко,
— Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
— Младо́й [1]) Черкашенинъ!
— Не ходи ты на улицу,
— Не ходи ты боротися:
— Тебѣ первое несчастьице [2]),—
— Ты не ладно за скамью скочилъ,
— Скамью ногой потну́лъ.—
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Побѣжалъ Темрюковъ сынъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися.
Со крыльца [3]) онъ спускается,
Бороться сряжа́ется.
Тутъ Васинька похаживаетъ,
Маленькой погуливаетъ:
«« Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«« Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
«« Младо́й [4]) Черкашенинъ!
«« Мы ка́къ станемъ боротися:
«« На свои буйны го́ловы,
«« Или на платье цвѣ́тное?»»
Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Мы станемъ боротися
— На свои буйны головы!—
Говоритъ ему Васинька,
Говоритъ ему Маленькой:
«« Не хочу съ тобой боротися
«« Черезъ буйныя головы,—
«« Ты вѣдь шуринъ царёвъ:
«« Надо—Царь вины не поло́жилъ;

---

[1]) «Молодой.»— [2]) Примѣта несчастная.— [3]) «Со крылечка.»— [4]) «Молодой.»—*О.*

«« Станемъ боротися
«« Черезъ платье цвѣ́тноё;
«« Кого бы кому [1]) одоли́ть,—
«« До нитки платье снять,
«« Того и на срамъ пустить.»»
Васька Кастрюка прихватилъ,
Васька его о̀ землю броси́лъ,
Къ землѣ Васька его колѣнцемъ прижалъ,
До нитки платье снялъ,
Наго́го на срамъ пустилъ.
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Ко двору государеву,
Ко крыльцу ко Красному:
Отъ сраму онъ, го́ре, прикрывается.
    Бѣжитъ въ стрѣту сестрица
Марья Темрюковна,
Несётъ платье цвѣ́тное;
Кастрюкъ оболока́ется,
Изъ Москвы вонъ сряжается.
— Царь Иванъ Васильевичь!
— У насъ этакъ не во́дится,
— У насъ этакъ не бо́рются,—
— Кому бы кого одоли́ть,
— До нитки бы платье снять,
— Да того на срамъ пустить
— Че́стнымъ людямъ на посмѣшище [2])!—
« Ой ты, Марья Темрюковна!
« Да не мною приказано:
« Приказано дядюшкой
« Никитой Романовичемъ.»
— Спасибо тѣ, зятюшко,
— Царь Иванъ Васильевичь,
— На твоей каменно̀й Москвѣ:

---

[1]) «Кому бы кого.»— [2]) Слова Марьи.—*О.*

— Не дай мнѣ Богъ бывати,
— Не только мнѣ, да и дѣтямъ моимъ [1])! —

(Запис. адмир. Кузьминцевымъ).

*

5[*]).

(Тамъ же).

У насъ-то было на святой Русѣ,
На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
Былъ-жилъ Царь тутъ Иванъ Васильевичь.
Поизволилъ Царь Иванъ Васильевичь женитися,
Во дальней землѣ, во Литовской,
У того ли короля у Литовскаго,
На дочерѣ его на Марьѣ Демрюковнѣ.
Собиралъ онъ свою силу могучую,
Посылалъ во землю во Литовскую.
Походитъ сила во землю во Литовскую,
Отбираетъ сила Марью Демрюковну,
На придатокъ беретъ триста Татаровей;
Поѣзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Поѣзжалъ Демрюковъ сынъ,
Молодой Черкашенинъ.
Прiѣзжали ребята въ каменну Москву,
Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичь
Про шурина почестный пиръ,

1) Слова Кастрюка.—*О.*
*) Ближайше сходна съ предыдущей. —*О.*

Про Кастрюка-Мастрюка, сына Демрюкова.
Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба съ солью не ѣстъ, пива съ медомъ не пьетъ,
Зеленà вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ:
На кого лихо думаетъ.
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой еси, Демрюковъ сынъ,
«Молодой Черкашенинъ!
«Ты за чѣмъ хлѣба съ солью не ѣшь,
«Ты за чѣмъ пива съ медомъ не пьешь,
«Зеленà вина не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!
— А за тѣмъ хлѣба съ солью не ѣмъ,
— А за тѣмъ пива съ медомъ не пью,
— Зелена вина не кушаю,
— Бѣлой лебеди не рушаю:
— На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя, Царя, спрашивати:
— Есть ли у тебя въ каменнòй Москвѣ
— Таковы умѣльны борцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ?—
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Свѣтъ Никита Романовичъ!
«Да поди-ко ты, дядюшка,
«На крылечко на Красное,
«Стань на сѣръ на горючь камень,
«Закричи-ко ты, дядюшка,
«Во всю буйну голову,

«Чтобъ учу́ли [1] въ каменно́й Москвѣ:
«Борца ты спрашивай,
«Борецъ намъ надобно,
«Съ Кастрюкомъ поборотися,
«Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
«Съ моимъ со шуриномъ.»
Похо́дитъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичь,
На крылечко на Красное,
Привздыма́лся [2] дядюшка
На сѣръ на горючь камень,
Закричалъ дядюшка
Во всю буйну голову,
Чтобъ учу́ли въ каменно́й Москвѣ.
Изъ избёнышка маленькаго,
Изъ дворёнышка худенькаго,
Бѣжатъ два молодчика:
Васинька Маленькій
Да Потанюшко Хроменькій.
Бѣжатъ они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крылечку ко Красному.
Говоритъ тутъ Васинька,
Говоритъ Маленькій;
«« Ахъ ты гой еси, дядюшко,
«« Свѣтъ Никита Романовичь!
«« Что́, дядя, надобно,
«« Чего, дядя, спрашиваешь?»»
— Ой ты гой еси, Васинька,
— Ой ты гой еси, Маленькій!
— Борецъ намъ надобно,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ. —

---

[1] Услышали. — [2] Приподнимался. — *О.*

«« Никита Романовичь!
«« Каково̀ съ нимъ боротися?
«« Онъ, вѣдь, шуринъ царевъ:
«« Надо, Царь вины не положѝлъ.»»
Отвѣчаетъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичь:
— Лишь бы какъ Богъ пособилъ,
— Не будетъ вина на тебѣ!—

Сказали Кастрюку за столомъ,
Сказали Мастрюку за столомъ:
«« На улицѣ борецъ у Царя!»»
Кастрюкъ изъ застòлья вскочилъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися,—
Скамью ногой поткнулъ.
Говоритъ ему сестрица,
Марья Демрюковна:
— Ой ты гой еси, брàтелко,
— Ой ты гой, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
— Ой ты ѓой, Демрюковъ сынъ,
— Молодой Черкашенинъ!
— Не ходи ты боротися:
— Тебѣ перво несчастьице,—
— Ты не ладно за скàмью скочѝлъ,
— Скамью ногою поткнулъ. —
Не вòймуетъ [1]) Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися.
Тутъ Василька похаживаетъ,
Маленькій погуливаетъ:
«« Ой ты гой, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«« Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
«« Молодой Черкашенинъ!
«« Мы какъ станемъ боротися:
«« На свои буйны головы,

1) Не внимаетъ. — *О.*

«« Иль на платье цвѣ́тное?»»
Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Мы станемъ боротися
— На свои буйны головы! —
Говоритъ ему Васинька:
«« Не хочу съ тобой боротися
«« Черезъ буйныя головы:
«« Ты, вѣдь, шуринъ царевъ,—
«« Надо, Царь вины не положи́лъ,
«« Станемъ боротися
«« Черезъ платье цвѣ́тное:
«« Кому бы кого одолить,
«« До нитки платье снять,
«« Того ли на сра̀мъ спустить.»»
Васька Кастрюка прихвати́лъ,
Васька Кастрюка о землю броси́лъ,
Къ землѣ Васька колѣнцемъ прижалъ,
До нитки съ Кастрюка платье обралъ,
Нагого на срамъ спустилъ.
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Ко дворцу государеву:
Отъ срама онъ, горе, прикрывается.
Бѣжитъ ему въ стрѣ́ту се́стрица,
Несетъ платье цвѣтное:
Кастрюкъ оболока́ется,
Изъ Москвы вонъ сряжается:
— Царь Иванъ Васильевичь!
— У насъ эта́къ не водится,
— У насъ этакъ не борятся:
— Кому бы кого одолить,
— До нитки бы платье снять,
— Да того на срамъ спустить,
— Честнымъ людямъ на посмѣшище! —
Говоритъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
« Не сердись, Кастрюкъ-Мастрюкъ:
« То не мною приказано,

«Приказалъ то дядюшка,
«Свѣтъ Никита Романовичь.»
— Спасибо тѣ, зятюшко,
— Царь Иванъ Васильевичь,
— На твоёй каменной Москвѣ!
— Да не дай Богъ мнѣ больше бывать
— Во твоёй каменной Москвѣ,
— А не то бы мнѣ, да и дѣтямъ моимъ! —

(Отъ В. И. Даля; запис. А. Харитоновымъ).

*

6*).

(Кирша Даниловъ).

Въ годы прежніе,
Времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ государь,
Царь Иванъ Васильевичь,
Поизволилъ онъ женитися.
Беретъ онъ, Царь государь,
Не у себя въ каменной Москвѣ,
А беретъ онъ, Царь государь,
Въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича,

---

*) Стихи раздѣляемъ иначе, чѣмъ у К. Ѳ. Калайдовича: это уже не Былина, даже не Побывальщина, а такъ называемая Старина (Бабья), въ коей каждый древній стихъ раздѣлился на двѣ малыя половины. — *О.*

Онъ Марью Темрюкову,
Сестру Мастрюковну,
Купаву [1] Крымскую,
Царицу благовѣрную.
А и царскаго поѣзду
Полторы было тысячи:
Князи-бояра, могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцовъ.
Здравствуетъ [2] Царь государь
Черезъ рѣки быстрыя,
Черезъ грязи Смоленскія,
Черезъ лѣса Брынскіе,
Онъ здравствуетъ, Царь государь,
Въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича;
Онъ понялъ [3], Царь государь,
Царицу благовѣрную,
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову;
И взялъ въ провожатые за ней
Триста Татариновъ,
Четыреста Бухариновъ,
Пять сотъ Черкашениновъ
И любимаго шурина,
Мастрюка Темрюковича,
Молодаго Черкашенина:
Ужь царскаго поѣзду
Безъ малаго три тысячи,

---

[1] *Купава* и *упава*, Юго-Слав. *хубава*, Санскритск. *шуб'а*, есть нарицательное—красавица (блестящая, свѣтлая); оно переходитъ въ прозвище и даже имя (какъ здѣсь, и ср. ниже), равно какъ *Заnава*, осмысленное *Забава*, *Зыбава*, *Зыбата* и т. п., ср. нашъ 4-й выпускъ.— [2] Всѣ эти «здравствуетъ» значатъ постепенно: въ здоровьѣ отправляется и переѣзжаетъ, въ здоровьѣ пребываетъ, наконецъ въ здоровьѣ возвращается и снова является. — [3] Взялъ за себя.—*О*.

Везутъ золоту казну
Ко Царю въ каменну Москву.
Переѣхалъ Царь государь,
Онъ рѣки быстрыя,
Грязи Смоленскія
И лѣса Брынскіе.
Онъ здравствуетъ, Царь государь,
У себя въ каменной Москвѣ,
Во палатахъ бѣлокаменныхъ,
Въ возлюбленной Крестовой своей [1]):
Пиръ на веселѣ,
Повелъ столы на радостяхъ.
И всѣ ли князи-бояра,
Могучіе богатыри,
И гости званые,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются,
Зелено вино кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ.
А единъ не пьетъ да не ѣстъ,
Царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичь,
Молодой Черкашенинъ.
И за чѣмъ хлѣба-соли не ѣстъ,
Зелена вина не кушаетъ,
Бѣлу лебедь не рушаетъ?
У себя на умѣ держитъ:
Изошелъ онъ семь городовъ,
Поборолъ онъ семдесятъ борцовъ,
И по себѣ борца не нашелъ;
И только онъ думаетъ,
Ему вѣра побоpотися есть
У Царя въ каменной Москвѣ,
Хочетъ Царя потѣшити
Со Царицею благовѣрною,

---

1) Палатѣ.—*О.*

Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять,
Сильно Царство Московское.

Никита Романовичь
Объ томъ Царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:
— А и гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Всѣ князи-бояра,
— Могучіе богатыри
— Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются
— На великихъ на радостяхъ;
— Одинъ не пьетъ не ѣстъ,
— Твой Царской гость дорогой,
— Мастрюкъ Темрюковичь,
— Молодой Черкашенинъ:
— У себя онъ на умѣ держитъ,
— Вѣра поборотися есть,
— Твое Царское Величество потѣшити
— Со Царицею благовѣрною.—
Говоритъ тутъ Царь государь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ты садися, Никита Романовичь,
«На добра коня,
«Побѣги по всей Москвѣ,
«По широкимъ улицамъ
«И по частымъ переулочкамъ.»

Онъ будетъ дядюшка,
Никита Романовичь,
Середь Юрья Повольскаго,
Слободы Александровы [1]);
Два братца родимые
По базару похаживаютъ,
А и бороды бритыя,

[1]) Любимое мѣстопребываніе Ивана представляется въ Москвѣ.—*О.*

Усы торженые [1]),
А платье Саксонское,
Сапоги съ раструбами [2]);
Объ ручку-то дядюшкѣ челомъ [3]):
«А и гой еси ты, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Кого ты спрашиваешь?
«Мы борцы въ Москвѣ похваленые,
«Молодцы поученые, славные.»
Никита Романовичь
Привелъ борцовъ ко дворцу.
Говорили тутъ борцы-молодцы:
«Ты Никита Романовичь,
«Ты изволь объ томъ Царю доложить:
«Смѣть ли нога ступить [4])
«Съ царскимъ шуриномъ
«И смѣть ли его побороть?»
Пошелъ онъ, Никита Романовичь,
Объ томъ Царю доложилъ,
Что привелъ борцовъ ко дворцу.
Злата труба протрубила [5])
Во полатѣ бѣлокаменной,
Говорилъ тутъ Царь государь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ты Никита Романовичь,
«Веди борцовъ на дворъ,
«На дворецъ государевой,
«Борцовъ ученыихъ,
«Молодцовъ похваленыихъ,
«И въ томъ имъ приказъ отдавай:
«Кто бы Мастрюка поборолъ,
«Царскаго шурина,

---

[1]) Поднятые къ верху, закрученные.—[2]) Одежда какъ у Скоморохов: ср. платье Латынское у Добрыни, передѣвавшагося скоморохомъ, въ прежнихъ выпускахъ.—[3]) Кланяются какъ скоморохи, «люди вѣжливые и очестливые,» ср. вып. 5.—[4]) Нога въ ногу соступиться въ борьбѣ.—[5]) Т. е. какъ труба протрубила, что не труба протрубила.—*О*.

«Платье бы съ плечь снялъ [1]),
«Да нагаго съ круга [2]) спустилъ,
«А нагаго—какъ мать родила,
«А и мать на свѣтъ пустила.»
Послышалъ Мастрюкъ борцовъ,
Скачетъ прямо Мастрюкъ
Изъ мѣста большаго [3]),
Изъ угла передняго,
Черезъ столы бѣлодубовы,
Черезъ яства сахарныя,
Черезъ питья медвяныя:
Лѣвой ногой задѣлъ
За столы бѣлодубовы,—
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей;
Живы да негодны,
На корачкахъ ползаютъ
По палатѣ бѣлокаменной:
То похвальба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбѣжалъ тутъ Мастрюкъ
На крылечко Красное,
Кричитъ во всю голову,
Чтобы слышалъ Царь государь:
— А свѣтъ ты, вольной Царь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Что̀ у тебя въ Москвѣ
— За похвальные молодцы,
— Поученые, славные?
— На ладонь ихъ посажу,
— Другой рукою раздавлю!—
Съ борцами сходится
Мастрюкъ Темрюковичь;
Борьба его ученая,

---

[1]) Тотъ платье бы съ плечь снялъ. — [2]) Съ поля, арены борьбы. — [3]) Читайте: «бóльшаго.»—*О.*

Борьба Черкесская:
Колесомъ онъ бороться пошелъ.
А и малой выступается,
Мишка Борисовичь:
Смотритъ Царь государь,
Что кому будетъ Божья помочь,
И смотрятъ ихъ борьбу князи-бояра,
И могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ.
А и Мишка Борисовичь,
Съ носка бросилъ о землю
Онъ царскаго шурина;
Похвалилъ его Царь государь:
«Исполать тебѣ, молодцу,
«Что чисто борешься!»
А и Мишка къ сторонѣ пошелъ,
Ему полно боротися.
А Потанька бороться пошелъ, —
Костылемъ подпирается,
Самъ впередъ подвигается,
Къ Мастрюку приближается:
Смотритъ Царь государь,
Что кому будетъ Божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнетъ корчагою,
Воздымалъ выше головы своей,
Опустилъ о сыру землю, —
Мастрюкъ безъ памяти лежитъ;
Не слыхалъ, какъ платье сняли:
Былъ Мастрюкъ во всемъ,
Сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ;
Ожерелье въ пятьсотъ рублевъ
Безъ единыя денежки,
А платья Саксонскаго
Снялъ на три тысячи:
Со стыда и сорома,

Окорачкахъ подъ крылецъ ползетъ.

Какъ бы бѣла лебедушка,
По зарѣ она прокликала,
Говорила Царица Царю,
Марья Темрюковна:
— Свѣтъ ты, вольной Царь,
— Иванъ Васильевичь!
— Такова у тебя честь добра
— До любимаго шурина?
— А дѣтина наругается,
— Что дѣтина деревенской:
— Почто онъ платье снимаетъ?—
Говорилъ тутъ Царь государь:
«Гой еси ты, Царица во Москвѣ,
«Да ты Марья Темрюковна!
«А не то у меня честь во Москвѣ,
«Что Татары-тѣ борются;
«То-то честь въ Москвѣ,
«Что Русакъ тѣшится!
«Хотя бы ему голову сломилъ,
«До люби [1]) бы я пожаловалъ
«Двухъ братцовъ родимыихъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ [2])!»

*

7*).

(Симбирск. губ., Сенгилеевск. у.).

Какъ у насъ было, братцы, на святой Русѣ,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Поизволилъ Царь женитися,

---

[1]) До люби—до любви, съ полной любовью; у Калайдовича ошибочно: «Долюбилъ бы я, пожаловалъ.»—[2]) Ср. вып. 5, «Князья Тверскіе.»—*О.*

*) Разнорѣчія, которыя мы приведемъ, приписаны карандашемъ.—*О.*

Еще Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ беретъ не у насъ во Русѣ,
А беретъ въ проклятой Литвѣ,
У того ли у Татарина,
У мурзы, дочь, у бояриина, .
У того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка Темрюковича [1]),
Черезъ бóльшую меньшýю беретъ,
Онъ [2]) Марью Темрюковну.
Онъ за тѣмъ черезъ большую
Меньшую беретъ [3]),—
Она много приданаго даетъ:
Она двѣсти Татариновъ,
Пятьдесятъ бояриновъ,
Пятьсотъ Донскіихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мóлодцевъ.

И пошелъ [4]) пиръ на веселѣ,
И бесѣдушка на радости.
Ужь всѣ гости пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
Онѣ пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
Бѣла лебедя рушаютъ,
На Царя лиха не думаютъ.
Одинъ гость не пьетъ—не ѣстъ—не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
На Царя лихо думаетъ:
Ужь тотъ же гость Кострюкъ-Мострюкъ,
Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
Молодой Черкашенинъ [5]).
Онъ и проситъ у Царя борцовъ,
Что борцовъ—удалыихъ молодцóвъ [6]),
Что ни лучшихъ добрыхъ мóлодцевъ.

---

[1]) «У того ли у Темрюковича.» — [2]) «Онъ и.» — [3]) «Не большую, а меньшую онъ беретъ.» — [4]) «И пошелъ тутъ.» — [5]) «Ужь и тотъ ли гость—К. М., Онъ К. М. Темрюк., Молодой, братцы, Черкешанинъ.» — [6]) «Что борцовъ-удальцовъ.» — *О.*

И лучился тутъ дядюшка,
Князь Никита Романовичь:
— Я пойду, Царю, братцы, скажу,
— Я пойду, государю доложу:
— Ты о еси [1]), Царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Уже всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
— Они пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
— Бѣла лебедя рушаютъ,
— На Царя лиха не думаютъ.
— Одинъ гость не пьетъ — не ѣстъ — не кушаетъ,
— Бѣла лебедя не рушаетъ,
— На Царя онъ лихо думаетъ:
— Еще тотъ же гость — Кострюкъ-Мострюкъ,
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
— Молодой Черкашенинъ.
— Онъ и проситъ у Царя борцовъ,
— Борцовъ, удалыихъ молодцо̀въ,
— Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.—
Ужь и тотъ же Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Онъ выходитъ на Красенъ крылецъ,
Взговорилъ какъ въ трубу затрубилъ:
«Уже нѣтъ ли въ Москвѣ борцовъ,
«Борцовъ, удалыихъ молодцо̀въ,
«Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ?
«Онѣ шли бы на царскій дворъ,
«Безъ всего безопасышно,
«Безъ всего бездокладышно [2])!»

Не лучилося въ Москвѣ борцовъ,
Борцовъ, удалыихъ молодцо̀въ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ:
А случилися два брата родныхъ,

---

[1]) «Ужь ты гой еси.»—[2]) «Они шли бы безпосылочно, Они шли бы бездокладочно, Онѣ шли бы на царской дворъ.»—*О.*

Два Василія Васильевича.
Они же со Низовой стороны,
Уроженцы весела́ го́рода,
Александровской Сло́боды.
Они шли же на царской дворъ,
Безъ всего безопасышно,
Безъ всего бездокладышно;
Они полы-ты затыкивали,
А сапожки потягивали [1]),
Они шапочки заламывали,
Усы за́ уши закладывали.
Тотъ же Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Взговорилъ таковыя словеса:
«Ты о еси, дядюшка,
«Князь Никита, ста, Романовичь!
«Ты поди-ка, попотчивай гостей,
«Ты поди-ка, покла́няйся!»
И пошолъ къ нимъ дядюшка,
Князь Микита, ста, Романовичь,
Онъ и сталъ гостей потчивать,
Онъ и сталъ гостемъ кланяться:
— О вы о еси, гости званые,
— О вы, гости, ста, бра́ныя!
— Вы пожала-ста покушайте,
— Бѣла лебедя порушайте,
— На Царя лиха не думайте!
— О ты о еси, Кострюкъ-Мострюкъ,
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
— Молодой Черкашенинъ!
— Еще вотъ тебѣ и хлѣбъ да и соль,
— И вотъ къ тебѣ борцы пришли,
— Борцы, удалые молодцы̀,
— Что ни лучши добры мо́лодцы!—
Еще кинулся Кострюкъ-Мострюкъ,

---

[1]) Подтягивали.—*О.*

Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
Молодой Черкашенинъ:
Онъ и семь скамей поломилъ,
Онъ много людей подавилъ,
Онъ двѣсти Татариновъ,
Пятьдесятъ бояриновъ [1]),
Пятьсотъ Донскіихъ казаковъ.
Онъ пошолъ же на царскій дворъ.
Да и тотъ же Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ сдѣлалъ съ нимъ схватычку,
Еще съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
Съ Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
Съ молодымъ Татарченкомъ.
Онѣ стали боротися,
Онѣ стали водитися.
Ужь Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ и самъ на себя попустилъ:
Уже стала пошибычка
Того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка-Мострюка Темрюковича.
Онъ всталъ, да и самъ похваляться сталъ:
— Уже я заперъ землю Шведску,
— Я заперъ Литовскую,
— Я запру каменну всею Москву!—
Ужь и тотъ Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Взговоритъ таковыя словеса:
«О ты о еси, Царь государь,
«Царь Иванъ сударь Васильевичь!
«Не можно ли Кострюка побороть,
«Не можно ли нагого пустити,
«Нагого, въ чемъ мать родила?»
Взговоритъ тутъ Царь государь,

[1]) «большихъ бояриновъ.»—*О.*

Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Ты о еси, Васильюшка,
«Что Васильюшка Маленькой!
«Ты пожалуй, побори мнѣ Кострюка,
«Ты пожала-ста потѣшь меня, Царя,
«Какъ тебя мочь взяла!»
Еще тотъ Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ сдѣлалъ опять схватычку,
Съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
Молодымъ Черкашенинымъ.
Онѣ стали боротися,
Онѣ стали водитися.
Тотъ же Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ и взялъ крѣпко за бѣлы его руки,
Онъ ударилъ объ сыру его землю:
Что у него пуговки лопнули,
Да и петелки треснули.
Онъ и сшибъ съ него платье цвѣтное,
И взялъ — да подъ пазуху поджалъ,
Онъ понесъ на царевъ на кабакъ:
«« Изъ того-то я, братцы, Царю служилъ,
«« Изъ того-то государю работалъ!»»
Тотъ же Кострюкъ-Мострюкъ,
Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
Молодой Черкашенинъ,
Онъ и всталъ, да самъ шататься сталъ,
Онъ сорома-тъ ладонью зажалъ,
А самъ въ подклѣть побѣжалъ.

Увидала его сестрица,
Марья Темрюковна:
— Ты крестьянинъ, крестьянинъ, б.....
— Деревянныя, б...., рогатины,
— Крапивны, б...., сѣмены!

— Не надо бы Кострюка такъ бороть,
— Не надо бы нагого пускать,
— Нагого, въ чемъ мать родила!—
Взговоритъ Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Ужь ты баба
«Ты ба́бье и знай!
«Татарина-тъ бѣсится,
«А Русака-тъ тѣшится!»

(Записалъ Н. С. Ржевитиновъ).

*

8.

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
При Грозномъ Царѣ Иванѣ Васильевичѣ,
Были годы тѣ недо́шлые, времена были студеныя [1].
Задумалъ Царь Иванъ Васильевичь женитися,
Благовѣрный обручитися,
Онъ не въ матушкѣ въ каменно̀й Москвѣ
И не въ матушкѣ славной Вологдѣ.—
Во той во землѣ во Польскія,
У короля у Церконовскаго, у Литовскаго,
У того у Кастрюка на ме́ньшей сестрѣ.

---

[1]) Разнорѣч. «потрусли́выя,» съ землетрясеніемъ, а также съ военными безпокойствами, заставлявшими робѣть.—*О.*

Еще скоро по̀ скору, скоро на̀ скоро,
Тутъ поѣхалъ Иванъ Васильевичь женитися.
Ему стрѣту ладитъ [1]) Кастрюкъ съ барабанной музыкою:
— Ужь ты здравствуй, Царь Иванъ Васильевичь!
— Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ торго̀мъ торговать,
— Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ сбирать пошлину,
— Сбирать пошлину за двѣнадцать лѣтъ? —
Отвѣчаетъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не торгомъ торговать,
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не за пошлиной:
«Я пріѣхалъ къ тебѣ женитися,
«На твоей жениться на меньшо̀й сестрѣ.»
Еще скоро по скору, скоро на скоро,
Сряжаетъ Кастрюкъ свою сестру.
Снимается [2]) Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Во свои зѐмли во Русскія,
Во свою во матушку въ каменну Москву.

Пошло красное солнышко ко западу,
Пошелъ честенъ пиръ, всѣ на̀ веселѣ,
Всѣ на пиру сидятъ — пьютъ-ѣдятъ,
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
Кастрюкъ сидитъ — не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ.
На кого лихо думаетъ?
Еще или онъ на Царя на православнаго,
Еще или онъ на сестрицу на любимую,
Еще или онъ на князей — на бояръ,
Еще или онъ на торговыхъ на гостей,
Еще или онъ на прислужащихъ всѣхъ.
Что возговоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичь!
«Ты иди-ко, поспроси его:
««Ужь ты что̀, скажи, Кастрюкъ молодой,

---

[1] Готовится на встрѣчу, съ готовностью встрѣчаетъ. — [2]) Сряжается, отправляется. — О.

«Что сидишь, не пьешь—не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь:
«Еще или на Царя на православнаго,
«Еще или на сестрицу любимую,
«Еще или на князей-бояръ,
«Еще или на торговыхъ гостей,
«Еще или на прислужащихъ всѣхъ?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ молодой:
—Ужь я той думы не думаю,
—Я тѣхъ мыслей не примысливаю.
—Ужь я всѣ города ходомъ прошелъ,
—Ужь я всѣхъ славныхъ борцовъ пріоборолъ;
—Я теперь во Москву вступилъ,
—Въ ту же матушку въ славну въ Вологду [1]):
—Изъ твоей изъ матушки каменной Москвы
—Я хочу честь-честь свою и славу унести.—

Походилъ Никита Романовичь
Ко Царю Ивану Васильевичу:
«Ужь ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
«Молодой Кастрюкъ той думы не думаетъ:
«Ужь онъ всѣ города прошелъ,
«Онъ всѣхъ сильныхъ борцовъ пріоборолъ;
«Онъ пріѣхалъ теперь въ каменну Москву:
«Хочетъ изъ Москвы честь-славу унести.»
На это Грозный Царь отвѣтъ держитъ:
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичь!
«Ты бери-ко трубу золоту свою,
«Выходи на крылечко на Красное,
«Ты труби-ко въ трубу золоту свою,
«По тому переулочку Косящетому [2]),

---

[1]) Какъ и выше, это признакъ, что былина пѣлась въ Вологдѣ и занесена оттуда. — [2]) Разнорѣчіе:

«Ты труби-ко во всю голову,
«Чтобы слышно всему городу!»—*О.*

«Кабы шли борцы на царскій дворъ!»
Бралъ Никита золоту трубу,
Выходилъ на крылечко на Красное,
Онъ трубилъ въ трубу золоту свою.
По этому переулочку Косящету [1])
Идетъ два борца, два молодца:
Одинъ идетъ Илеюшко Хроменькій,
На одну ножку припадываетъ,
На другую ножку подковыливаетъ,
Костылькомъ онъ подпирается;
Другой борецъ идетъ Иванушка Маленькій [2]).

««Ужь ты здравствуй, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
««У тебя хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,
««У тебя борцы завсегда во дворцѣ!»»
Что на это Грозный Царь отвѣтъ даетъ:
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичь!
«Ты поди-ко, поспрошай его:
«Не во хмѣлю ли у него слово молвилось,
«Не во хмѣлю ли онъ призахвастнулся?»
Тутъ пошелъ Никита Романовичь:
««Ужь ты гой еси, Кастрюкъ молодой!
««Ты за чѣмъ сидишь—не пьешь, не кушаешь,
««Нашей лебеди не рушаешь?
««Наша хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,
««Наши борцы завсегда при дворцѣ.
««Не во хмѣлю ли у тебя слово молвилось,
««Не во хмѣлю ли ты призахвастнулся?»»
Скакалъ Кастрюкъ на рѣзвы ножки,
Онъ скакалъ черезъ столики дубовые,
Черезъ тѣ ли скатерти бѣрчаты [3]),

---

[1]) Разнорѣчіе:
Изъ за улка изъ за Глинникова,
Изъ за улки изъ за Пирожниковой.

[2]) За симъ слова Никиты, исполнившаго порученіе. — [3]) Бранныя.—*О*.

Черезъ тѣ кушанья сахарныя,
Черезъ тѣ напитки черезъ наливные:
Онъ стопталъ сто князей со боярами,
Онъ стопталъ другое сто Донскихъ казаковъ.

Выходилъ Кастрюкъ на новы сѣни,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи [1]):
— Ужь ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
— Мнѣ-ка не съ кѣмъ итти здѣсь боротися,
— Мнѣ-ка не на комъ здѣсь бѣлыхъ рукъ патрать [2])! —
Тутъ пошелъ Кастрюкъ на широкій дворъ,
Онъ пошелъ съ Илеюшкой со Хроменькимъ:
Тутъ пошелъ Кастрюкъ въ больше колесо [3]),
Тутъ пошелъ Илеюшко въ маленькое;
Кастрюкъ побилъ Илеюшку Хромаго.
Выходилъ Иванушка Маленькій,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи:
«« Ужь ты гой еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
«« Еще какъ мнѣ-ка съ нимъ итти боротися:
«« Еще или намъ рука-нога вонъ выворотить,
«« Еще или намъ буйна голова выставить [4]),
«« Изъ рубашки ли повылупить?»»
Что на это Грозный Царь отвѣтъ несетъ:
« Ты борись, не печалься, лишь бы Богъ пособилъ!»
Походилъ Кастрюкъ въ больше колесо,
Походилъ Иванушка побольше того:
Еще былъ Кастрюкъ на рѣзвыхъ ножкахъ,
Очутился Кастрюкъ на буйной головѣ.

---

1) Разнорѣчіе:

Выходилъ Кастрюкъ на бѣлодубовъ дворъ,
По двору-то онъ похаживаетъ,
На борцовъ Кастрюкъ посматриваетъ,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи...

2) Марать, грязнить. — 3) Видъ борьбы, крутясь въ большой кругъ. — 4) Вывихнуть, выломить. — *О.*

Хваталъ Иванушко съ него платье цвѣтное;
Убѣгалъ Кастрюкъ на конюшій дворъ,
Гдѣ собаки щенками щéнятся [1]).

(Отъ В. И. Даля; записано А. Харитоновымъ, а разнорѣчія имъ же отъ болѣе искусныхъ пѣвцовъ).

* *

IV.

1*).

(Владимірск. губ.).

Какъ у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменнóй Москвѣ,
Какъ женится православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь.
Онъ беретъ въ Турецкой землѣ
Молоду княжну Марью Темрюковну.
А за ней три посла пришли:
А и триста Татариновъ,
Полтораста Черкашеновъ,
Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
Удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.
А еще-то посолъ пришелъ,—
Мастрюкъ Мастрюковичь,
Молодой князь Темрюковичь,
Родной братъ Марьи Темрюковны.

По палатамъ расхаживаетъ,
И кушанья разставливаетъ,
Дорогихъ гостей потчуетъ:

[1]) Разнорѣчіе прибавляетъ: «Гдѣ свиньи лóсятся.» — *О.*
*) Этотъ отдѣлъ отличается краткостью состава и отрывочностью. — *О.*

— Вы покушайте, дороги гости,
— Ужь вы триста Татариновъ,
— Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
— Удалыхъ-добрыихъ молодцевъ!—
А они ему въ отвѣтъ говорятъ:
«« А что ты, князь, не пьешь—не кушаешь?
«« На насъ ли ты думу думаешь,
«« На царство Московское,
«« На Ивана Васильевича?»»
— На васъ то я думу думаю [1]),
— На Ивана Васильевича,
— На Царя православнаго.
— Ужь я семъ городовъ прошелъ,
— По себѣ я бойца не нашелъ!—

Какъ идетъ тутъ Ивашечка съ крошечку,
Онъ на ножку припадаетъ,
На языкъ пришепетываетъ:
Сталъ съ Мастрюкомъ боротися.
Онъ на перву пошибку пошибъ,—
Съ Мастрюка черну шляпу сшибъ;
А другую пошибку пошибъ,—
Съ князя цвѣтно платье сшибъ;
А и третью пошибку пошибъ,—
А и князя съ ногъ долой сшибъ.

Увидѣла княжна Марья Темрюковна
Изъ высокова терема:
— Ты мужикъ, мужицкій сынъ,
— Ты крапивны сѣмена!
— Не за свой кусъ принимаешься,
— Этимъ кусомъ подавишься!—
Тутъ Мастрюкъ со стыдомъ побѣжалъ.
...... ладонью зажалъ.

(Ср. «Москвит.» 1852 г.).

*

1) Не думаю?—*О.*

2.

(Симбирск губ., с. Станичное).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Царя Ивана Васильевича,
Поизволилъ онъ жениться.
Онъ беретъ сестру меньшую через бо́льшую,
Не у князя, не у барина,
У тово ли у Черкашенина,
Василису Темрюковну,
Молодую Черкашенину.

И сдѣлалъ онъ пречесной пиръ,
И созвалъ всѣхъ князей-бояръ,
[Князей-бояръ] и сильныхъ богатырей.
Кто во бесѣдѣ чѣмъ похвалится,
Возговоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Молодой Черкашанинъ:
— Царь Иванъ Васильевичь,
— При блаженной своей памяти [1])!
— Есть ли борцы-молодцы
— На государскіимъ дворцѣ?—
Какъ возговоритъ Царь государь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Выходи ты на Красенъ крылецъ,
«Закричи ты своимъ громкимъ голосомъ,
«Чтобы слышно по всей Москвѣ!»

---

[1]) Привычка относиться такимъ образомъ въ Былинахъ къ покойному Царю перешла и въ самый разсказъ.—О.

Во Ондревской славной улицы,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося,
Удалыихъ не годилося:
Солучились два братца родимыя,
Два Андрея два Андреича,
Одинъ прихрамывать,
А другой приволакиватъ [1]).
Со первымъ братомъ схватился,—
Онъ [2]) золотъ стулъ повалилъ,
Полтораста бояръ задавилъ,
Пять сотъ Донскихъ козаковъ:
Ни которой ни которова не пошибъ,
Они братьями назвалися,
Крестами побраталися [3]).
Какъ возговоритъ меньшой братъ Андреюшка:
«« Охъ ты гой еси, Царь государь,
«« Ища смѣть ли мнѣ Кастрюка побороть?»»
Какъ возговоритъ Царь государь:
« Бей ты Кастрюка по ногамъ,
« Чтобы у тебя былъ Кастрюкъ въ рукахъ!»
Первую пошибку пошибъ, —
Цвѣтное платье съ Кастрюка спибъ.

Увидала ево сестрица,
Василиса Темрюковна:
— Охъ ты б....кой-сынъ, б....ки сѣмины!
— Ужь ты смѣшь ли Кастрюка побороть?
— Мало васъ насѣяно, а много расплодилося!—

(Язык.).

*

[1]) Ногою, волочётъ ногу. — [2]) Кастрюкъ.—[3]) Это невозможно относительно Кастрюка, но перенесено сюда изъ обычая древнихъ богатырей и борцовъ.—*О.*

3.

(Той же губ., с. Головино).

Ой ты гой еси, Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
При блаженной сударь памяти,
Поизволилъ Царь женитися.
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Молоду Марью Темрюковну.
Не много съ ней приданова берётъ:
Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
Полтораста Черкашениновъ,
Еще триста уланищевъ [1]);
А еще-то онъ приданова беретъ—
Любимова шуринушку,
Кострюка Темрюковича.

А Кострюкъ-то къ нему въ гости не йдетъ,
Молодой въ гости не жалуетъ;
Онъ на третій годъ загулялъ,
Онъ къ Царю-то въ гости побывать:
Кострюково было счастьице,
Царю-то бещастьице [2]).
Тутъ возговоритъ Кострюкъ-Мострюкъ,
Молодой Темрюковичь:
— Ой ты гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Какъ бывало я съ измолоду,

[1]) Уланъ—молодецъ, малой. — [2]) Относится къ тому, что въ Москвѣ не случилось борцовъ (ср. стихи ниже). — *О.*

— То-то мое-тъ круговой поскокъ [1]),
— То-то весь разумъ верченый!
— Я охотничекъ боротися былъ,
— Съ борцами побоkротися,
— Съ молодцами поводитися.—

Пиръ-бесѣда солучилася,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
Только двое солучилося,
Двое братцы родимые,
Мишута со Гришутою:
Кострюково было счастьице,
Царево-то бещастьице.
Свѣтъ Микита Романовичь
Поскорёхонько на ножиньку прыгнулъ,
За скамейку своей ножинькой задѣлъ,
Пять сотъ козаковъ задавилъ,
Полтораста Черкашениновъ
И триста уланищевъ [2]).
Тутъ идутъ борцы-молодцы,
Гришута съ Мишутою:
Сапожки натягиваютъ,
Усы зà уши закладываютъ;
Они идутъ на царской дворъ:
«« Еще есть ли у васъ борцы-молодцы,
«« Есть ли удалые удальцы?»»
Со Мишутой у нихъ схваточка была,—
Кострюку-то много Богъ помогалъ,
Со Мишуты онъ сапожнишки сшибъ.
Со большіимъ со Гришутою было,—
Тутъ Гришутѣ много Богъ помогалъ,
Съ Кострюка-то онъ портчишки сшибъ,
Пучинушка пукнула [3]),
Шелковыя петли треснули:
Кострюка-тъногишкой [4]) сталъ,

[1]) То-то я молодецъ былъ въ кругу скакать.—[2]) Такъ все это перебито: ср. Былины выше.—[3]) Лопнуло все, что̀ было натянуто, связано, застегнуто.—[4]) Нагишомъ.—*О.*

Сорома-тъ ла́донью зажалъ,
Онъ самъ подъ заходъ побѣжалъ.

Увидѣла сестрица,
Молода Марья Темрюговна:
— Ты мужикъ, ты мужичей сынъ,
— Крапивные сѣмяны!
— Не много васъ насѣяно,
— Только много васъ поро́жено!—

(Язык.).

*

4.

(Симбирскъ).

Какъ у насъ было во святой во Руси,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Какъ задумалъ Царь женитися,
Ца́рь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ беретъ не у насъ во Руси,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Не у князя, не у барина,
У того мурзы Татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
Катерину Темрюговну.
Братъ не много съ ней приданаго даетъ:
Только два братца родимые,
Два молоденьки Черка́сина.

Они вышли на улицу гулять,
Меньшой братъ похваляться сталъ:

— Какъ запру я землю Шведскую,
— Затворю я каменну Москву,
— Государевы всѣ промыслы,
— Съ государя стану пошлину брать,
— Съ борольщиковъ поборное,
— Съ кулашниковъ покулачное,
— Съ молодыхъ бабъ побанное [1]),
— Съ красныхъ дѣвокъ подвѣнечное [2])!—

Большой братъ осержается,
Подошелъ къ нему тихохонько,
Взялъ его легохонько,
Ударилъ объ сыру́ землю́:
Онъ разбилъ его всѣ косточки,
Раздробилъ его суставчики.

Увидала государыня,
Закричала громкимъ голосомъ:
— Ахъ вы злые-злые сѣ́мяны!
— Не поле васъ насѣяно,
— Только два братца родимые,
— Два молоденьки Черка́сина [3])!—

(Запис. 1838 г.).

*

5.

(Симбирск. губ., Сызрань).

Слушай-послушай, старики,
Стародавніе разбойнички:
Ужь какъ я вамъ стану сказывати,
Еще какъ стану разсказывати.

---

1) Съ бани, когда сводятъ туда молодыхъ.— 2) Повѣнечное, съ вѣнца, съ брака.— 3) Такъ, по сбивчивости, осмыслено: Царица этими словами жалѣетъ братьевъ, «злыя Татарскія сѣмяна,» что немного ихъ всего было, да и то одинъ другаго убилъ (ср. Былины выше).—*О.*

У насъ было при прежнемъ Царѣ,
При Иванѣ при Васильевичѣ,
Онъ думалъ, Царь, женитися,
Онъ беретъ не у насъ на Русѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Не у князя, не у барина,
У того мурзы Татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
Екатерину свѣтъ Темлюговну.
Онъ не много съ ней приданаго беретъ:
Только два братца родимыхъ,
Два молоденькихъ Черкасиновъ.

Мéньшій братъ похваляться больно сталъ:
— Затворю я землю Шведскую,
— Затворю я каменну славну Москву,
— Государевы всѣ промыслы,
— Стану съ Царя пошлины брать,
— Съ молодыхъ бабъ побанное,
— Съ старушёнокъ постряпушное,
— А съ молодыхъ подвѣнечное [1])!—

Большой братъ разсержаться сталъ,
Выходилъ онъ на красёнъ-Красной крылецъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ,
Молодецкимъ своимъ посвистомъ:
«Еще есть ли въ каменной славной Москвѣ
«Борцы-бойцы-кулачнички,
«Разудáлы-дóбры мóлодцы,
«На кулачно покулашнички,
«Побороться поборошнички?»

Выходилъ тутъ младъ одинъ тутъ человѣкъ,
Темрукъ Темруговичь,
Мастрюкъ Мастрюковичь.
Онъ и первую пошибочку посшибъ,—

[1]) Ср. выше —*О*.

Съ Темрюгалова сапожки сшибъ;
А другую пошибочку пошибъ,—
Съ Темрюгалова сорочку сшибъ,
Оставилъ его, въ чёмъ матушка родила,
Сударыня въ чемъ бабушка повила.

(Язык.).

*

6.

(Калужск. губ., Боровск. уѣзда, с. Слобода).

Какъ у насъ было при старомъ при Царю,
При Ивану-то Васильевичу,
Онъ задумалъ женитися,
Онъ беретъ изъ иной земли,
Онъ и Марью Диміюрьевну.

Онъ и всѣхъ гостей созвалъ,
Одного гостя не звалъ,—
Свово шурина любимова,
Кастрюка-то Диміюрьевича.
Пріѣзжалъ онъ опослѣ всѣхъ,
Онъ садился повыше всѣхъ,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
Борца попрашиваетъ.

Ино вышли два братца,
Два Андрея два Андреевича,
Ужь собою они малёшеньки,
У нихъ ноги коротёшеньки,
У нихъ бороды до пóяса висятъ,
Усы зà уши закладываютъ,
Борца попрашиваютъ.
Ухватилися, водилися

Со вечеру до полуночи,
Съ полуночи до бѣла свѣта:
Ужь я ли взялъ его въ охапочку,
Ударилъ объ сыру землю,—
Мать сыра земля дрогнулася,
Свѣтло платьице раздернулося,
Бѣло тѣлецо разлопалося.

(Отъ семидесятилѣтней старухи).

*

7.

(Симбирск. губ., с. Головино).

Было, братцы, не у насъ въ Москвѣ,
А было во иной землѣ,
Поизволилъ Царь сударь
Иванъ Васильевичь женитися.
Онъ беретъ Марью Темрюковну,
Молодую королевишну;
Приданова много за ней:
А приданова три земли,
Перва земля Польская,
Другая Литовская,
Третья Черкасская.

Его шуринъ осержается,
Къ Царю на пиръ не жалуетъ;
На третій годъ загулялъ,
Къ Царю на пиръ пожаловалъ.
Входитъ во палатушку,
Во палату бѣлокаменну:
Сажали его за дубовые столы,
За скатерти шелковыя....

(Язык.).

* *

V.

1*).

(Вологодск. уѣзда).

Собиралася купавушка [1]),
Собиралася не Русская,
И царица Крымская,
Во мать каменну Москву,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу,
Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ.
По плечу ему своя матушка
Поколачивала,
На ушко ему своя матушка
Наговаривала:
«« Ужь ты кланяйся по низешеньку,
«« А слова говори по гладешеньку,
«« А кресты веди по писа́нному.»»

И пришла же купавушка,
И пришла же не Русская,
И царица Крымская,
Во мать каменну Москву,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу,

---

*) Это, о пріѣздѣ Купавы, отдѣлъ совершенно особый: см. въ пѣсняхъ, собр. Рыбниковымъ.— По складу *Бывальщина*, близкая впрочемъ къ «Старинѣ:» не пѣлась, а разсказывалась на распѣвъ.—*О*.

[1]) Ср. выше о значеніи.—*О*.

Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
Искать сопротивника
Поборотися.
«« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«« Ужь ты что же призадумался?
«« Не за чѣмъ я пришла,
«« Не за пошлиною:
«« Ужь ли нѣтъ у васъ,
«« Во всей каменной Москвѣ,
«« Сопротивника поборотися
«« Со моимъ ли сынкомъ
«« Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»»
Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичь
Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
« Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,
« Неизмѣнный мой!
« Ужь ты выйди на Красно крыльцо,
« Вoструби же въ золоту трубу,
« Чтобы сбирались всѣ
« Князья и бояре,
« И всѣ гости гостинные,
« И малые дѣтушки [1])!»

Говорила же купавушка,
Говорила же не Русская,
И царица Крымская:
«« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«« Ужь ты что же призадумался,
«« Ужь ты что жь призапечалился?
«« Ужь ли нѣтъ у тебя,
«« Во всей каменной Москвѣ,
«« Сопротивника поборотися
«« Со моимъ ли сынкомъ

[1]) Это первый вызовъ, послѣ коего никто не явился.—*О.*

«« Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»»
Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичь
Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
« Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,
« Неизмѣнный мой!
« Ты сходи на задвореньки:
« На задворенькахъ живетъ вдовушка,
« А у вдовушки есть два сына,
« Два родныя брателка,
« И два молодца хорошіе [1]).»
По плечу имъ своя матушка
Наколачивала,
На ушко имъ
Наговаривала:
«« Ужь вы кланяйтесь по низешеньку,
«« А слова вы говорите по гладешеньку,
«« А кресты ведите по писáнному.»»

Кострюкъ, молодой человѣкъ,
Ужь онъ съ ножки на ножку поскакиваетъ,
На послѣднюю ступеньку стаетъ:
— Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
— Ужь ли нѣтъ у васъ,
— Во всей каменной Москвѣ,
— Сопротивника побороти́ся [2])?—
Что пришли же два брателка,
Что пришли же два рóдные,
И два молодца хорошіе,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу:
«« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«« Ужь ты что же призадумался,
«« Ужь ты что жь призапечалился?

---

[1]) Второй вызовъ, послѣ коего мать снаряжаетъ сыновей. — [2]) Вызовъ третій, послѣ коего являются сами борцы.—*О.*

«« Говори же съ Кострюкомъ,
«« Ты не робь же съ нимъ:
«« На одинъ ли разъ,
«« Али на три разà
«« Ходитъ поборотися?»»
И пошолъ же Кострюкъ на три разà
Поборотися.

И пошолъ съ нимъ
Старшій братъ Семенушко.
Ужь какъ на первый-то разъ
Повалилъ Кострюкъ Семенушка;
А во другой-то разъ Семенушко
Кострюка Бирюковича
Поднялъ выше древа стоячаго,
Выше [1]) облака ходячаго:
Куда рука, куда нога раскатилася,
Куда буйная головушка покатилася.

И пришла же купавушка,
И пришла же не Русская,
И царица Крымская,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу:
«« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«« Ты довелъ же [2]) чада милаго,
«« Кострюка Бирюковича!»»
И ушла же купавушка,
И ушла же не Русская,
И царица Крымская,
Со уклонкою, со ласковымъ словомъ.

* *

1) Должно быть: «ниже.» — 2) То же, что «извелъ:» довелъ до конца, до погибели.—*О.*

VI.

1*).

(Кирѣевская Слободка).

Люди вы, люди мои,
Люди вы старые мои,
Старички стародавные,
У васъ бороды широкія,
У васъ разумы расхожіе!
Раздоборы раздабарывали,
Разговоры разговаривали
Про Ивана Царя Васильевича.

Какъ Иванъ Царь Васильевичь
Сколько селъ проѣзжалъ,
Сколько городовъ происходилъ,—
По себѣ борца не нашелъ,
Кто бы Кострюка поборолъ,
Да кто бы Темрюльевича.

Какъ выискались два брата,
Два брата, два братеника,
Два Андрея два Андреевича,
Они дѣти-то Кулашниковы.
Они по двору похаживали,
Они полы заворачивали.
Какъ схватился съ нимъ бо̀льшій братъ,
Они возилися осенній день,
Изъ утра да и до вечера:

---

*) Въ этомъ отдѣлѣ Былины, совершенно сбитыя содержаніемъ: сравните ихъ перепутанныя части съ прежними образцами.—О.

Какъ никто никого не одолѣлъ,
Какъ никто никого не оборолъ.
Какъ схватился съ нимъ ме́ньшій братъ,
Онъ ударилъ объ сыру̀ землю̀:
Какъ сырая земля стогнула [1]),
Какъ на ёмъ шкура лопнула,
Сапѣжки-то съ ногъ свалились,
Чулочки-то съ ногъ скатились.

Какъ увидѣла сестрица-то его,
Да Марья Темрюльевна,
Выходила она на новое крыльцо,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
— Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
— Ты мужикъ, кровопивцовъ сынъ [2])!
— Хотя бы ты Кострюка поборолъ,
— Хотя бы ты Темрюльевича,
— Ты бъ его не до смерти билъ:
— Я бъ тебя пожаловала
— Городами съ пригородочками,
— Еще селы-то съ приселочками,
— Пятьдесятъ бы бояриновъ дала,
— Шестьдесятъ бы Татариновъ дала,
— Шестьсотъ бы Донскихъ козаковъ,
— Что ни лучшихъ удалыхъ молодцовъ.—

Захотѣлося, жениться ему,
Онъ и бралъ изъ иныхъ городовъ,
Онъ и бралъ изъ иной земли,
Молодую Черкашенку,
Марью Темрюльевну.
Какъ и сдѣлалась пирушичка,
Пирушичка немалинькая.
Какъ и всѣ гости съѣхались,
Одного гостя нѣту-ти,

---

[1]) Застонала, издала стонъ (однократное).— [2]) Передѣлано изъ «крапивныя сѣмяна.»—*О.*

Какъ и нѣту гостя милаго,
Моего шурина любимаго,
Братца-то родимаго.
«« Какъ Иванъ Царь Васильевичь!
«« Ты пожалуй намъ Степные города,
«« Чтобъ намъ пить-ѣсть безденежно,
«« Торговать бы намъ безпошлинно.»»
Какъ Иванъ Царь Васильевичь:
« Не позорь ты ни меня, ни себя,
« Ни молодецкой бодрости своей.»
Онъ садится повыше всѣхъ,
Наѣдается попрежде всѣхъ,
Онъ ни пьетъ—ни ѣстъ—ни кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
На Ивана Царя гнѣвъ держитъ....

(Отъ Никитушки).

*

2.

(Лужскій уѣздъ, Городенскій погостъ, дер. Черны).

Какъ во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
У того-то было Царя-богатыря,
У Ивана-то свѣтъ Васильевича,
Отдавалася за мужь дочь бо́льшая
За Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича.
Дѣлалъ Царь-богатырь для князей-бояръ
Почетный пиръ, гостей потчивалъ.
Гости пили-ѣли, проклажалися,
А молодой-то Кострюкъ-Мастрюкъ
На пиру сидѣлъ призадумавшись.

Говорилъ ему Царь-богатырь:
«Что жь ты, Кострюкъ, призадумался,
«Моего хлѣба-соли не кушаешь,
«Бѣлаго лебедя не рушаешь?
«Аль на меня ты лихо думаешь,
«Али на дочь мою бо́льшую?»
Отвѣчаетъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичь:
— Ой же ты, Царь-богатырь,
— Свѣтъ Иванъ Васильевичь!
— Ты тѣмъ меня все потчиваешь,
— Чего я, Кострюкъ, не ѣмъ:
— У тя нѣтъ, вѣрно, на кулакъ бойца,
— На кулакъ бойца, на ногу́ борца? —

Выходилъ тутъ Царь-богатырь
На крылечко на дубовое,
Ко periламъ ко точенымъ,
Ко медвѣдку ко черному [1]),
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ,
Свиснулъ богатырскимъ посвистомъ:
«Гой еси вы, борцы-хватцы̀,
«Борцы-хватцы̀, славны молодцы!
«Приходите ко крыльцу ко дубовому,
«Ко periламъ ко точенымъ,
«Ко медвѣдку ко черному,
«Побороться съ Кострюкомъ-Мастрюкомъ,
«Со молодымъ-то Севрюковичемъ!»

На ту пору въ каменной Москвѣ
Борцовъ-молодцовъ не случилося;
Только случилося два брата,
Два брата, два Вологжанина [2]),
Они города Кашенина:

---

[1]) Изображенію медвѣдя при ступеняхъ Краснаго Крыльца. — [2]) Признакъ того, какъ и въ нѣкоторыхъ образцахъ предыдущихъ, что Былина пѣлась въ Вологдѣ и оттуда перенята. — *О.*

Одинъ Ванюшка Маленькой,
Да Поташка Небытенькой [1]),
Что на ножку припадываетъ,
Костылькомъ подпирается.
Они полы затаркивали [2]),
Рукава позадергивали,
Приходили къ крыльцу ко дубовому,
Ко периламъ ко точеныимъ,
Ко медвѣдку ко черному,
Закричали они громкимъ голосомъ:
«Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
«Молодой нашъ Севрюковичь!
«Ты ѣшь-пьешь, проклажаешься,
«А борцы-то давно у крыльца стоятъ!»
Побѣжалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичь,
Зацѣпилъ онъ чернымъ башмачкомъ,
Зацѣпилъ за скамеечку:
Повалилъ онъ тою скамьей
Кабы триста Татариновъ,
Да полтораста бояриновъ,
Да семьсотъ Донскихъ казаковъ.

Выходилъ на крылечко на дубовое,
Ко периламъ ко точеныимъ,
Ко медвѣдку ко черному,
Говорилъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичь:
— Да что̀ это за борцы-хватцы,
— Что за славны это молодцы,
— Что мнѣ неково и въ руки-то взять! —
Закричалъ тутъ Ванюшка Маленькой
Да Поташка Небытенькой:
«Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
«Молодой нашъ Севрюковичь!

---

[1]) Плохенькой, увѣчный (хромой), калѣка.—[2]) Затыкали, подтыкали.—*О.*

«« Не хвались-ко ты въ городъ ѣхавши,
«« А похвастай-ко выѣхавши!»»

Схватился онъ съ Ва́нюшкой,
Что съ Ва́нюшкой съ Маленькимъ.
Ужь какъ тотъ Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича,
На головку поставливалъ,
Безъ рубашки снаряживалъ.
И кричитъ Кострюку-Мастрюку,
Молодому Севрюковичу,
Кричитъ теща любимая:
« Ахъ ты, нашъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
« Молодой нашъ Севрюковичь!
« Былъ ты какъ маковъ цвѣтъ,
« А сталъ теперь какъ мать родила!»
Закричалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ:
— Ахъ ты, теща любимая!
— Ты какъ пыль толоконная,
— Какъ затычка оконная!
— Вѣдь не то мнѣ-ка дорого,
— Что чистое золото,
— А то мнѣ-ка дорого, —
— Похвала молодецкая! —

Брался тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичь,
Со Поташкой съ Небытенькимъ.
Какъ тутъ-то Кострюка-Мастрюка
Забиралъ онъ поперегъ живота,
Поднималъ онъ повыше себя;
Какъ ударилъ объ сыру землю:
Тутъ-то Кострюкъ-Мастрюкъ
Съ отцомъ съ матерью прощается,
Съ душою разставается.

(Со словъ крестьянина Ефима Парѳенова Быкова, запис. г. Гуляевымъ; ср. «Изв. А. Н.,» Отд. II, т. II).

*

3*).

(Саратовъ).

Ой вы люди-людюшки мои,
Ужь вы людюшки умненькіе,
Старички вы стародавненькіе!
Вы повѣдайте, что̀ встарь было,
Что̀ встарь было, на Руси слыло,
Какъ женился православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь.
Да и бралъ же онъ много приданаго:
Коробамъ съ добромъ счету не было,
Злату-серебру вѣсу [1]) не было,
[Крупну жемчугу мѣры не было [2]),
На придачу [3]) молоду жену].

Вотъ и гости къ Царю съѣхалися,
Всѣ князья-бояре, люди ратные,
Да боярскихъ дѣтей до полутораста,
Да посадскихъ людей четыреста:
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,—
Удальца-бойца, славна витязя,
[Самого [4]) князя Черкасскаго],
Мамстрюка ли Ермоланча [Мамстрюковича].
Загремѣло на дворѣ государевомъ,
Какъ пріѣхалъ давно жданный гость,
Князь Черкасскій Мамстрюкъ Ермолаевичь [Мамстрюковичь],

---

*) Одинъ изъ двухъ списковъ (этого образца) полнѣе; этотъ списокъ здѣсь и печатается; стихи, которыхъ недостаетъ въ другомъ спискѣ, поставлены въ скобкахъ. *Прим. 1-го изд.*—То же самое напечатано въ Сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц., откуда приведемъ разнорѣчія.—Складъ кое-гдѣ отзывается искусственною подправкой.—*О.*

1) *Морд.* «мѣры.»—2) *Морд.* «Бѣлу жемчугу вѣсу не было.»—3) *Морд.* «На прибавку.»—4) *Морд.* «Самого ли.»—*О.*

Со храброю своею со дружиною,
Со своею молодою княгинею,
Еще съ братцемъ ее ро́днымимъ,
Удальцомъ-бойцомъ, славнымъ витяземъ,
И со храброю своею дружиною.
Какъ пріѣхалъ [1]) князь опослѣ всѣхъ,
А садился онъ повыше всѣхъ.
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Гуся-лебедя не рушаетъ,
Зелена вина въ ротъ не беретъ;
А глядитъ онъ на бояръ-дворянъ [на князей-бояръ].
Царску гридню златомъ убрану [2]):
Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
Добра молодца кулашничка [3]).
Не нашелъ себѣ поборничка [4]),
Что поборничка-супротивничка.
Какъ возговорилъ [5]) Черкасскій князь:
— Ой вы гой еси [есте], добры молодцы!
— Вы напрасно землю топчете,
— У Царя дарма ѣдите хлѣбъ,
— Зелено вино распиваете,
— На боку лежа дары получаете!—
Тутъ всѣ гости призадумались.... [6]).

Отколь взялся тутъ крестьянскій сынъ:
Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепётываетъ.
Какъ возговоритъ крестьянскій сынъ:
«« Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
«« Великъ ростомъ уродился ты,
«« Златомъ-серебромъ украсился,
«« Не пытавъ силы похваляешься;

---

[1]) *Морд.* «пріѣхалъ–то.»—[2]) *Морд.* «Царску гридницу златомъ убрану.» — [3]) *Морд.* «кулешничка (что кульки дѣлаетъ!).» — [4]) *Морд.* «Да изъ этихъ князей-бояръ (дворянъ-бояръ) Не нашелъ...»—[5]) *Морд.* «возговоритъ.» — [6]) *Морд.* «Всѣ князья-бояре призадумались, Со стыда носы повѣсили.» —*О.*

«« Да гляди, рано не радуйся,
[«« Я хотя и крестьянскій сынъ,]
«« На бѣду [1]) слово вымолвлю:
«« Не пытай силу съ хрестьяниномъ [2])!»»
Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
Во гнѣву изъ за стола выскочилъ,
На бѣгу за столъ зацѣпилъ,
Девяносто скамей повалилъ,
Полтораста гостей подавилъ,
И схватилъ крестьянина за воротъ.

Долго съ нимъ они возилися
По широкому [3]) двору государеву;
Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечь
И ударилъ объ сыру землю:
Золоты кольца [4]) у князя съ рукъ скатилися,
Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися,
Растянулся князь Черкасскій за мертво.... [5]).

Молодая княгиня расплакалася [6]),
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала,
Слугамъ вѣрныимъ приказывала:
— Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
— Вы схватите сына крестьянскаго,
— Вы убейте вора безъименнаго,
— Разорвите его тѣло на мелки части,
— Бросьте [7]) тѣло псамъ на съѣденіе!—
Какъ возговоритъ православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь:
« Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
« Не мѣшаться [8]) бабѣ въ дѣла царскія!»

---

[1]) *Морд.* «На бѣду я.» — [2]) *Морд.* «съ крестьяниномъ.»— [3]) *Морд.* «По широку.»— [4]) *Морд.* «Золотые перстни.»— [5]) *Морд.* Прибавлено: «Что князья-бояре (бояре-дворяне) разъахалися.» — [6]) *Морд.* «его.»— [7]) *Морд.* «Да и бросьте.»—[8]) *Морд.* прибавлено: «тебѣ.»—*О.*

[«Пусть другой кто съ нимъ попробуетъ,
«Попытаетъ [1]) силу богатырскую!»

Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
— Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!
— Выходи скорѣй на борьбу со мной,
— На борьбу со мной послѣднюю,
— Что послѣднюю [2]), драку смертную! —
И сцѣпилися они за воротъ,
И возилися вплоть до вечера:
Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,
Разорвалъ его тѣло синее,
Разбросалъ–разметалъ по широку двору,
По широку двору, псамъ на съѣденіе.]

(Записано А. Н. Пасхаловою, ср. «Изв. А. Н.»).

* *

VII.

1*).

Собралъ Чарь Иванъ Васильевиць поцестный пиръ, похвальный пиръ. Всѣ сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, калацика кушаютъ и бѣлаго лебедя рушаютъ: а одинъ гость не пьетъ и не ѣстъ, калацика не кушаетъ и бѣлаго лебедя не рушаетъ. «Ужь ты гой еси, мой любимый гость! Что ты не пьёшь— не ѣшь, калацика не кушаешь и бѣлаго лебедя не рушаешь? Не зло ли ты думаешь, не лихо ли складываешь?»—Не лихо я думаю, не зло я складываю: у меня съ молода охотичка была, съ молодыхъ дёнъ то ли бѣшеная, съ борчами поборотчя бы мнѣ, съ удальцами поводитчя бы?—

---

[1]) *Морд.* «Попытать.» — [2]) *Морд.* «На послѣднюю.» — *О.*

*) За языкъ, правильно ли выдержаны особенности нарѣчія въ правописаніи, очевидно здѣсь нельзя отвѣчать.—*О.*

Въ Москвѣ борчовъ не годилося и лихихъ удальчовъ не луцялося [1]. Посылалъ Чарь Иванъ Васильевиць во всѣ города [во губерніи], отыскать удальчовъ, разудалыхъ бойчовъ. То и ѣдутъ къ селу два брата рóдные, два Андрея два Андреевиця: то везутъ на сеѣ лубьи свѣжія, словно лошади. То ихъ нагнали удалыя молодчи, вишь на тройкѣ, и говорятъ имъ, што Чарь Иванъ Васильевиць проситъ васъ въ гости къ сеѣ.

То они пріѣхали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потягивать, цюлоцьки поправливать. То увидѣлъ изъ косясцита окошицька Темрюкъ Темрюковиць, молодой Церькасовиць: кинулся-бросился, триста скамей повалилъ, семь сотъ гостей задавилъ, да двѣсти удалыхъ молодчовъ. То и схватился еще боротча съ малымъ братомъ: и былъ Темрюкъ на рѣзвыхъ ногахъ, а оцютился Темрюкъ на буйной головѣ.

То увидѣла Марья Темрюковна, молодая Церькасовна: —Ужь ты гой еси, мужикъ—мужицій сынъ, крапивны твои сѣмены! На сколько бы ты не [1] боролся, на сколько бы ты не [2] водился, на страмъ бы ты тѣла не давалъ!—То изволилъ говорить Чарь Иванъ Васильевиць: «Ужь ты гой еси, Марья Темрюковна, молодая Церькасовна! Впредь Темрюкъ пусть не хвалитчя!»

(Ср. «Этнограф. Сборн.» вып. V).

* *
*

[1]) Не луцилося?— [2]) Ни.—*О.*

Осада Пскова.

1*).

(Сызрань, Симбирск. губ.).

Копилъ-то король, копилъ си́лушку,
Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ,
Накопилъ-то онъ силушки—смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячь полковъ.
Накоплёмши онъ силы, на Русь пошёлъ,
Онъ на Русь пошёлъ, на три города,
На́ три города, на три стольные:
На первый на го́родъ—на По́лотскій,
На другой-то на городъ—Вели́ки Луки́,
На третій—на батюшку на Опсковъ градъ.

Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Вели́ки Луки́ онъ насквозь прошёлъ:
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ.
Становился, собака, въ зелёныхъ [1]) лугахъ,
Садился онъ, собака, во зо́лотъ стулъ,
Смекалъ-то силушку по́ три дни,
По́ три дни и по́ четыре:
Много ли силушки у́было,
А много ли силушки при́было?
Убыло силушки сорокъ ротъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.
Тутъ-же онъ, собака, возра́дуется:

*) Эта Былина, объ осадѣ Пскова Баторіемъ, совпадаетъ въ своемъ теченіи съ Былиною объ осадѣ Волока Ламскаго Сигизмундомъ: ср. «Замѣтку.»— Первоначально она была напечатана П. В. Кирѣевскимъ въ «Денницѣ» 1834 года. И. П. Сахаровъ ее подправилъ и дополнилъ чертами изъ эпохи Ивана: мы приведемъ эти поддѣлки.—*О.*

[1]) Въ рукописи *П. В. К.* «въ зелёныихъ.»—*О.*

«Охъ вы гой еси, мои скорые хожáтели,
«Скорые хожатели и скорые поспѣшáтели!
«Мечи́тесь скоро въ зеленые луга,
«Въ зеленые луга государевы [1])!
. . . .
«Бери свовó коня Бáхмута [2]),
«Поѣзжай во батюшку во Опсковъ [3]) градъ:
«Во городъ въѣзжай—не спрашивай,
«Ко двору́ подъѣзжай—не докладывай,
«Во палаты восходи—не бей челомъ,
«Клади ярлыки на дубóвы столы.»

За столами сидитъ Воевода Царёвъ.
Карамышевъ Семёнъ Константиновичь [4]):
««Охъ ты гой еси, Воевода Царёвъ,
««Карамышевъ Семёнъ Константиновичь!
««Отдай городъ Волокъ [5]) бéзъ бою,
««Безъ бóю и безъ драки великія,
««Безъ того уголовія смертнаго!
««Я на первомъ часу́ возьму Опсковъ [6]) градъ,
««На другіемъ часу́ стану чистити,
««На третьемъ часу́ стану столъ становить,
««Стану пить, веселиться, прохлáдитися [7]);
««Князей твоихъ—бояръ всѣхъ въ полóнъ поберу,

---

[1]) «Здѣсь долженъ быть пропускъ.» *Прим. П. В К.*—Здѣсь-то, по нашему мнѣнію, надламывается Былина и переходитъ въ другую, объ осадѣ Волока (хотя и вставлено имя Пскова, Ходкевича и т. п., т. е. смѣшаны двѣ Былины).— *Сахар.* такъ дополнилъ пропускъ:

Посылаетъ онъ воеводу своего́,
А самъ крѣпко наказываетъ.

[2]) Малорослая крѣпкая лошадь.—[3]) *Сахар.* «во Псковъ.»—[4]) Ср. это имя выше, въ дѣлѣ съ Ермакомъ; *Сахар.* сообразно съ примѣчаніемъ П. В. Кир. исправилъ (и ниже): «Шуйскій князь Иванъ Петровичь.»—[5]) «Названіе *Волока*,» какъ замѣчалъ П. В. К., «вмѣсто *Пскова*, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ (ср. ее ниже и «Замѣтку»).» *Сахар.* исправилъ: «Опсковъ.»— [6]) *Сахар.* «Псковъ.»— [7]) *Сахар.* «прохлажатися.» — *О.*

«« Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечь преклоню,
«« А тебя, Воеводу, казнить буду!»»

Возгóворитъ Воевода Царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ:
— Блудёнъ [1]) сынъ, король съ королевичемъ,
— Съ паномъ гетмáномъ Хотенóвичемъ [2])
— И съ воинскимъ конёмъ Вороновичемъ!
— Не отдамъ я тебѣ города [3]) бéзъ бою,
— Безъ бóю и безъ драки великія,
— И безъ того уголовія смертнаго!—

Какъ со вечера солдаты [4]) причащалися,
Со полýночи ружья чистили,
Ко бѣлóй зорѣ, какъ кýры пропѣли [5]),
Не тучà съ тучёй сходилася [6]),
Не зоря съ зорёй [7]) сомыкáлася,
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя съ Королевскіимъ.
Тутъ ѣздитъ-разъѣзжаетъ удáлый-добрый мóлодецъ,
Еще тотъ ли же воевода Царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ Воеводѣ Московскому,
Карамышеву Семёну Константиновичу:
Побилъ [8]) силу королевскую,
Всѣхъ лáтничковъ, сипóвщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ.
На силу король самъ-третéй убѣжалъ,

---

[1]) Въ рукописи съ перемѣною *у* на *я*, *ё* на *и*.—[2]) Такъ въ рукописи, съ замѣткою П. В. К., что это «очевидно испорченное имя *Хоткевича*;» въ печати стоитъ сіе послѣднее; у *Сахар.* «Хотковичемъ.»— [3]) Въ рукописи и у *Сахар.* «городъ».— [4]) У *Сахар.* исправлено: «ратные.» — [5]) Въ рукоп. «поплелись,» а въ печати испрáвлено уже по догадкѣ П. В. К. («пропѣлись»). *Сахаровъ* печатаетъ «пропѣли»: доказательство, что его пѣсня не особая, а передѣлка напечатанной.— [6]) *Сахар.* «сходилася.»—[7]) Такъ и у *Сахарова*, а въ рукоп. «съ зорёю.»— [8]) *Сахар.* «побить.» — *О.*

Бѣгучи онъ, собака, заклинается:
«Не дай, Боже, мнѣ во Руси бывать,
«Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
«И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!»

(Язык.; напечатано «въ Денницѣ,» 1834 г.).

Ср. ниже, въ другихъ выпускахъ, Былины объ осадѣ Волока Ламскаго и о Карамышевѣ.

Такъ точно и слѣдующая Былина примѣшиваетъ Краснощокова, о которомъ см. подробнѣе ниже, въ другихъ выпускахъ.

* *
*

Царь въ Серпуховѣ.

1*).

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Царь Иванъ Васильевичь
Копилъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Накопилъ силы сорокъ тысячей,
Накопилъ силушку, самъ въ походъ пошелъ [1]).

Черезъ Москву рѣку переправился,
Не дошодши города Серпуха
Становился онъ въ зеленыхъ лугахъ,
При алыхъ свѣтахъ, при лазоревыхъ;
Сталъ онъ силушку переглядывать:
Князьямъ-бояромъ переборъ пришолъ
[Енераламъ всѣмъ, федьмаршаламъ].
Одново изъ нихъ тутъ не лучилося,
Што ни лучьшево, слуги вѣрново,
Максима, сына казачьево,

---

[1]) Начало такое же, какъ въ предыдущей Былинѣ.—*О.*

По прозванью-ту Красношшокова [1];
Сказали Царю про Мишиньку:
«« Измѣнилъ теѣ, Царю Бѣлому,
«« Придался онъ къ хану Турецкому,
«« Ко шишиморѣ деревенскому,
«« Онъ прельстился на ёво золоту казну,
«« На то ли на платье на свѣтное,
«« На тѣхъ ли на Сорочинычокъ,
«« По нашему—на красныхъ дѣвушекъ.»»

По утру-ту было, на зоринькѣ,
На восходѣ красново солнышка,
Не ясенъ соколъ по горамъ леталъ,
Ни бѣлой кречатъ перепархивалъ,
Наша-тъ Мишенька съ полону ѣдетъ,
На Турецкомъ чёрномъ шахматѣ [2]),
Везетъ съ собой двѣ сумы переметныя,
Въ сумахъ-ту сидятъ Сорочиночки,
Турецкаго хана двѣ дочери.
Не доѣхавши до шатра, самъ съ коня слѣзалъ,
Не дошедши до Царя, сталъ низко кланятьса:
« Здравствуй, батюшка, православный Царь!
« Не вели меня скоро кàзнити,
« Прикажи мнѣ слово молвити:
« Здравствуй, батюшка, православный Царь,
« Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
« Со славнымъ городомъ со Серповымъ!
« Возми ты у меня двухъ полопянычекъ,
« Турецкаго хана двухъ дочерей!»

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. «Изв. А. Н.,» т. I).

* *
*

---

[1]) Ср. этого героя ниже, въ другихъ Былинахъ и выпускахъ.— [2]) Ошибка вмѣсто «бахматѣ,» ср. предыдущую Былину.—*О.*

Гнѣвъ на Вологду.

1.

(Вологда).

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
Во Насонѣ было городѣ [1]),
Гдѣ доселѣ, было, Грозный Царь
Основать хотѣлъ [2]) престольный градъ
Для сვово ли для величества
И для царскаго могущества [2]),
Укрѣпилъ стѣной градъ каменный
Со высокими со башнями,
Съ неприступными бойницами [2]),
Посреди онъ града церковь склалъ,
Церковь лѣпую, соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Ея чистаго [3]) Успенія:
Образецъ онъ взялъ съ Московскаго
Со собору со Успенскаго.
Стѣны града поднималися:
Христіане утѣшалися.
Ужь какъ стали послѣ сводъ сводить,
Туда [4]) Царь самъ не коснѣлъ ходить [5]).
Надзиралъ онъ надъ наемники [5]),
Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
Не жалѣли бъ плинѳы красныя [5])
И той и́звести горючія.

---

[1]) «Вологда имѣетъ или имѣла еще другое названіе — Насонъ. И теперь отъ сторожиловъ вы часто услышите поговорку:—Городъ Насонъ, рѣка Вологда.—Названіе это произошло отъ того, что крѣпость, основанная Грознымъ, была заложена 28 Апрѣля (1566), въ память св. Іасона (въ просторѣчіи Насона).» *Примѣчаніе 1-го изд.*—Ср. пословицу: «Городъ Галивóнъ (Галичь), озеро Неронъ, а люди Кри́вича.» Вологда упоминается и выше въ Былинахъ о Грозномъ.— [2]) Не народно. — [3]) Обыкновенно: «честнóго.»— [4]) Тута?— [5]) Не народно.— *О.*

Когда Царь о томъ кручинился [1],
Въ храмѣ Божіемъ похаживалъ:
Какъ изъ свода туповатова [2])
Упадала плинөа красная
Во головушку во буйную,
Въ мудру голову во царскую.
Какъ нашь Грозный Царь прогнѣвался,
Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь [3]),
Закипѣла молодецка грудь [4]),
Ретиво̀ сердце взыгралося;
Выходилъ изъ храма новаго,
Онъ садился на добра коня,
Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
Насонъ городъ проклинаючи [5])
И съ рѣкою славной Вологдой.

Отъ того проклятья царскаго
Мать сыра земля трехнулася
И въ Насонъ-градѣ гористоемъ [6])
Стали блата быть [7]) топучія,
Рѣка быстра славна Вологда
Стала быть рѣкой стоячею [8]),
Водой мутною, вонючею,
И покрытая [9]) все тиною,
Скверной зеленью со плесенью.

(Въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г. № 1 приведено съ объясненіями г. Н. Бунаковымъ, а имъ, какъ сказано, взято изъ записокъ «одного знакомаго, врученныхъ г. Бунакову въ полное

---

[1]) Въ смыслѣ «заботился,» не хорошо.— [2]) Придумано въ противуположность стрѣльчатому, острому, остроконечному.—[3]) Не народно.— [4]) Закипѣла—грудь! — [5]) Не народно, хотя и видно старанье поддѣлаться.— [6]) При этомъ неестественномъ прозвищѣ, употребленномъ для стиха, издатель г. Бунаковъ справедливо замѣчаетъ: «Сомнительно, чтобы Насонъ-градъ (т. е. Вологда) когда ни будь былъ гористымъ,—онъ, кажется, всегда стоялъ въ болотѣ.»— [7]) «Стали быть» не народно; у народа въ-этомъ случаѣ «быть» могло означать лишь «будто, быть-то.»— [8]) Народу потребовалось бы слишкомъ много усилій, чтобы вообразить *«рѣку стоячую.»*— [9]) Придуманъ именительный падежь вмѣсто творительнаго во избѣжаніе совпаденія съ творительнымъ слѣдующимъ.—*О.*

владѣніе;» этотъ «знакомый» въ предисловіи къ пѣсни говоритъ, что записалъ ее «въ Вологдѣ и слышалъ отъ старожиловъ, что лѣтъ 70 тому назадъ она пѣлась въ народѣ.»— Вторая Былина, помѣщавшаяся въ сихъ «Запискахъ» и также отпечатанная г. Бунаковымъ, объ Аникѣ, оказалась перепискою изъ «Современника» 1840 г.: см. объ ней вып. IV, стр. 124—129). Языкъ и складъ во многомъ отличаются ненародною подправкой.

* *
*

Правежъ.

I.

1.

(Сызрань, Симбирск. губ.).

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Середи-то торгу, братцы, среди площади,
Тутъ бьютъ добраго молодца на правежѣ,
Нагого-босаго и разутаго.
Поставили его на бѣлъ-горючь камень:
Стоитъ молодецъ—самъ не трёхнется,
Русы его кудри не ворохнутся,
Лишь изъ глазъ горючи слёзы.

Лучилося тутъ ѣхати
Самому Царю православному,
Грозному Царю Ивану Васильевичу.
Какъ возговоритъ Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
«За что вы пытаете добраго молодца,
«Нагого-босаго и разутаго,
«Поставя его на бѣлъ-горючь камень?
«Стоитъ молодецъ—самъ не тряхнется,
«Русы его кудри не ворохнутся,
«Только катятся изъ глазъ горючи слёзы
«По бѣлому лицу по румяному?»
Тутъ возговорятъ бурмистры-цѣловальнички:
«« Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь,

«« Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь!
«« Пытаемъ мы съ него золоту казну,
«« Золоту казну, платье цвѣтное,
«« Не много, не мало,—сорокъ тысячь [1].»»

Возговоритъ тутъ православный Царь:
« Охъ ты гой еси, добрый молодецъ!
« По чему тебѣ золота казна доставалася
« И какъ она тебѣ приходила?»
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь,
— Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Была у меня дубиночка вязовенькая,
— И клалъ я дубиночку на плечико,
— Ходилъ я, добрый молодецъ, по чисту полю,
— По чисту полю, по темну лѣсу:
— Нашелъ я воровъ-разбойниковъ.
— Тутъ-то они дуванъ дуванили [2],
— Золотую казну дѣлили мѣрою,
— А цвѣтное платье дѣлили ношами:
— Тутъ-то я ее отбилъ у нихъ.—
Возговоритъ православный Царь,
Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь:
« Куда ты дѣвалъ эдаку золоту казну?»
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Точилъ я ее все по домамъ по питейнымъ,
— А поилъ я все голь кабацкую,
— А цвѣтное платье—одѣвалъ все нашихъ босыихъ.—

Возговоритъ православный Царь:
« Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
« Заплатите ему за каждый ударъ по пятидеесяти [3]) рублей,
« А за безчестіе заплатите ему пять сотъ рублей.»

(Язык.)

*

[1]) Вѣроятно: «тысячей.»— [2]) Дѣлали привалъ и дѣлили добычу.— [3]) Вѣроятно «по пятидесятъ.»—О.

2.

Какъ у насъ-то было въ матушкѣ каменно́й Москвѣ:
Что пымали добраго молодца безвиннаго [1], безъ поличнаго.
Повели добраго молодца на бѣлъ-горючь камень,
И стали бить добраго молодца безвиннаго, безъ поличнаго.
Стоитъ добрый моло̀децъ—самъ не тря́хнется,
Его русые куде́рюшки не воро́хнутся,
Только катятся у молодца горючѝ слезы
По его лицу по румяному.

Лучилось тутъ ѣхать самому Царю Ивану Васильевичу,
Какъ не золотая трубонька вострубила,
Что возго́воритъ нашъ батюшка православный Царь:
«Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички,
«Большіе головушки, ларечнички!
«За что вы добраго молодца пытаете?»
Что возго́ворятъ бурмистры-цѣловальнички:
«‹Ой ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь!
«‹Требуемъ мы съ него золотую казну,
«‹Не много, не мало,—сорокъ тысячь рублей.›»

Какъ возговоритъ надёжа православный Царь:
«Ой ты гой еси, удалый-добрый молодецъ!
«По чему эта казна тебѣ доставалася
«И по чему причиталася?»
Что возговоритъ удалый-добрый мо́лодецъ:
—Это, батюшка, казна не царская и не барская,
—А эта казна монастырская,
—Того ли монастыря Соловецкаго.

[1]) Безъ виннаго, безъ вины.—*O*.

— Я охочь былъ, батюшка, гулять по чисту полю.
— И была у меня, батюшка, дубиночка,
— Не мала, не велика,—ровно въ тридцать пудъ;
— Заходилъ я, батюшка, во темны лѣса Соловецкіе,
— И вышелъ я. батюшка, на полянушку:
— Тутъ добрые молодцы дуванъ дуванили.
— Поднялъ я, батюшка, дубинушку выше себя,
— И ударилъ выше себя объ зеленой дубъ:
— То они съ шуму съ грому разбѣжалися,
— А со звуку, батюшка, раскидалися.
— По тому эта казна мнѣ, батюшка, доставалася
— И по тому причиталася.—

Что возговоритъ надёжа провославный Царь:
«Ой вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
«Заплатите доброму молодцу за увѣчьице,
«Заплатите за безчестьице,
«И отдайте доброму молодцу сорокъ тысячь рублей.»

*

3.

(Заводы Локтевскій и Сузунскій).

Ишшо сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не нахаживалъ [1]),
Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
Какъ нашелъ я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
Середи торгу-базару, середь площади,
У того было колодичка глубокова,
У того было ключа-то подземельнова,
Что у той было конторушки Румянцовой,
У тово было крылечка у перильчата,
Ужъ какъ бьютъ-то добра молодца на правежѣ,

[1]) Ни хаживалъ. — *О.*

Что́ на правежѣ ево бьютъ,
Что нагова бьютъ—босова и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чеботовъ.
Правятъ съ молодца казну да монастырскую.

Изъ за горъ-то, было,—горъ, изъ за высокіихъ,
Изъ за лѣсу-то, было,—лѣсочку, лѣсу темнова,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное [1]) красно солнышко выкатается:
Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
Красна золота карета, государева;
Во каретушкѣ сидѣлъ православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь.
Случилося ему ѣхать посередь торгу́.
Ужъ какъ спрашивалъ надёжа православный Царь,
Ужъ какъ спрашивалъ доброва молодца на правежѣ:
«Ты скажи, скажи, дѣтина, правду-исти́ну,
«Ишшо съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
«Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую,
«Если ложно ты мнѣ скажешь, я скоро сказню:
«Я пожалую тя, молодецъ, въ чисто́мъ полѣ,
«Что двумя тебя столбами да дубовыми,
«Ужъ какъ третьей перекладинкой кленовою,
«А че́твертой тебя петелькой шелко́вою.»
Отвѣча'тъ ему удалый-добрый молодецъ:
– Я скажу тебѣ, надёжа православный Царь,
— Я скажу тебѣ всю правду и всю истину:
— Что́ не я-то казну кралъ, не я разбой держалъ,
— Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
— Добрые молодцы, казаки.
— Случилось мнѣ, молодцу, итти чисты́мъ полёмъ,
— Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ – сы́рой дубъ стоитъ,
— Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ, крековистый;
— Что пришолъ я, добрый молодецъ, къ сыру́ дубу́,

[1]) Вставлено изъ Стиховъ о праведномъ солнцѣ —Христѣ.—О.

— Что подъ тѣмъ, было, подъ дубомъ подъ крековистымъ,
— Что казаки, онѣ, дѣлъ дѣлятъ,
— Они дѣлъ дѣлили, дуванъ дуванили;
— Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру̀ дубу̀,
— Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
— Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
— Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю̀:
— Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
— Со дѣлу они со дувану разбѣжалися,
— Одному мнѣ золота казна досталася,
— Что не много и не мало,—сорокъ тысячей.
— Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ [1]),
— Ужъ я клалъ тоё казну во большоё-тъ домъ,
— Во большоё-тъ домъ, во царевъ кабакъ.—

(Доставлено С. И. Гуляевымъ; ср. «Изв. А. Н.,» т. III).

* *

II.

1.

(Курской губ.).

Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Пролегала путь-дороженька,
Широка, торна, пробойная.
Ой, по той ли по дороженькѣ,
Тамъ идутъ-идутъ солдатушки,
Они ведутъ-ведутъ уда̀лаго мо̀лодца,

---

[1]) Не звалъ имѣньемъ, не берегъ какъ имѣнье на прожитокъ.— *О.*

Удалаго молодца-разбойничка:
Рѣзвы ноженьки закованы,
Назадъ рученьки завязаны,
Ясны оченьки заплаканы.
Они ведутъ его въ каменну Москву,
Въ каменну Москву, ко Грозному Царю [1]).

Сталъ Царь молодца допрашивати:
«Ты скажи мнѣ, вдалый молодецъ,
«Съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
«Ой, и кто твои товарищи?»
— Я скажу тебѣ, православный Царь,
— Съ кѣмъ я воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
— Ой, и кто мои товарищи:
— Какъ и первый то товарищь—
— Да и темная ночь;
— А другой ли мой товарищь—
— Да и воронъ конь;
— Какъ и третій мой товарищь—
— Да и вострый ножь.—

(Записано Н. Ст. Кохановской; ср. «Русск. Бес.» 1860. I).

* *

III.

1.

(Тамъ же).

Что во горенкѣ, подъ окошечкомъ,
Что позднымъ-поздно, поздно [2]) вечера,
Что сидѣла тамъ душа-дѣвица:
Что руса коса порастрёпана,
Ясныя оченьки заплаканы....
Не сиди, душа, поздно [2]) вечера,

---

[1]) Конечно — Ивану. — [2]) Поздна? — О.

Ты не жги свѣчи воску ярова,
Не кручинь, дѣвка, родна батюшки,
Не печаль свою родну матушку:
Ты не плачь, не плачь по своемъ горю,
По миломъ другу [1])!
Что и Царь молодца пожалуетъ....

Повели младца въ каменну Москву.
Ко Грозну Царю.
Какъ и сталъ Царь младца спрашивати
И допрашивати:
«Ты скажи, скажи, вдалый молодецъ,
«Ты за что вбилъ [2]) мово подручника,
«Молодаго мово опричника?»
— Я скажу тебѣ, православный Царь,
— Я за что убилъ зла Татарченка,
— Молодаго твово опричника:
— Я убилъ его за дурны дѣла,
— За худы слова.
— Поносилъ онъ нашу святую Русь:
— Тебя узывалъ кровопійцею;
— Еще поносилъ православный людъ:
— Урекалъ онъ насъ быть христьянами
— И холопами,
— Татаръ величалъ людьми вольными,
— Никому какъ быть не подручными.
— А славенъ-то былъ онъ тобою, Царь,
— Твоей милостью!—
«Исполать тебѣ, вдалый мо́лодецъ,
«На добро̀мъ словѣ, на честно̀мъ дѣлѣ!»

(Оттуда же).

Другія Былины того же происхожденія и близкаго содержанія см. ниже, во времена Петра I-го и въ Молодецкихъ Безымянныхъ.

* *
*

---

[1]) Это начало изъ другихъ мелкихъ пѣсней, которыя см. послѣ. —
[2]) Убилъ. — *О.*

Царь сослалъ Царицу въ монастырь.

1.

(Сызрань, Симбирск. губ.).

Ужь что̀ это у насъ въ Москвѣ пріуныло,
Заунывно въ большой колоколъ звонили?
Ужь какъ Царь на Царицу прогнѣви́лся,
Онъ ссылаетъ Царицу съ очей далѣ,
Какъ въ тотъ ли во городъ во Суздаль,
Какъ въ тотъ ли монастырь во Покровскій.

Какъ Царица по палатушкамъ гуляла,
Жалобнёхонько Царица причитала:
«Охъ вы гой еси, каменныя палаты,
«Бѣлы-каменны палаты, грановиты [1])!
«Ужь, знать, мнѣ по васъ, палатушкамъ, не гуляти,
«За кипарисными столами не сидѣти,
«Мнѣ саха́рнаго кушанья не кушати
«И мнѣ бѣлаго лебедя не ру́шати!»
Выходила тутъ Царица на крылечко,
Закричала своимъ громкимъ голосочкомъ:
«Охъ вы гой еси, конюхи младые,
«Младые конюхи, ѣздовы́е!
«Вы закладывайте [карету]—не спѣшите,
«Поѣзжайте Москвою—не спѣшите:
«Ужь авось государь Царь умили́тся,
«Не прикажетъ ли назадъ воротиться!»
Какъ взго́ворютъ конюхи молодые:
«« Охъ ты гой еси, наша матушка Царица,
«« Мароа Матвѣвна!
«« Ужь гдѣ жь Царю умили́ться,
«« Ужь гдѣ жь ему васъ назадъ воротити?»»

---

[1]) Старинная «гридня;» гранная, угольчатая палата, названіе, сдѣлавшееся въ Москвѣ собственнымъ; ср. вып. V, стр. 71.—*О.*

Какъ встрѣчали Царицу со звономъ,
Выходила тутъ игуменья,
Что съ своими монашеными,
Принимала её за ея руки бѣлыя,
Повела въ свои кельи.

(Язык.).

*

2.

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Ахти́, во Москвѣ у насъ, братцы, не здоро́во!
Зауны́вно во Царь-ко́локолъ благовѣсти́ли:
Видно, Царь на Царицу прогнѣви́лся
И хочетъ сослать её въ ссылку,
Во славной Суздаль городочикъ,
Во пречéсной монастырь во Петровской.

Тутъ заплакала благовѣрная Царица,
Во слезахъ говоритъ такое слово:
«Охъ вы гой естя, мое бѣлокаменны палаты!
«Ужь мнѣ въ васъ, полатушки, не бывати,
«Отъ свова Царя ласкова слова не слыхати!»

Собиралъ-та Царь возочикъ,
Высылалъ Царицу въ городочикъ.
Тутъ возговоритъ благовѣрная Царица:
«Охъ вы гой естя, извошшички мое молодые!
«Вы потише поѣзжайте—не свишшите [1]):
«Авось ли Царь да на меня не умили́тса,
«Не велитъ ли мнѣ назадъ воротитьса!»

---

[1]) Не спѣшите.—*О.*

Подъѣзжаютъ онѣ къ Петровскіемъ воро́тямъ,
Встрѣчатъ сё игуменья съ сестрами.
Тутъ возго́воритъ благовѣрная Царица:
«Отойди́сь ты прочь, игуменья съ сестрами:
«Не на часъ я къ вамъ пришла часова́ти,
«Ни на е́дну тёмну ночку ночовати,
«Я пришла къ вамъ вѣ́ки вѣковати!»

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. «Изв. А. Н.,» т. I).

*

3.

(Орловск. губ.).

По палатушкамъ Царица ходила,
Она жалобно говорила:
«Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные,
«Заложите мнѣ карету золотую,
«И ступайте Москвою—не спѣшите:
«Авось Царь до Царицы умилится,
«Онъ велитъ мнѣ, Царицѣ, воротиться [1])!»

*

«Охъ вы кумушки, голубушки мои!
«Вы которо́му Святителю молили,
«Вы которымъ Чудотворцамъ обѣщались,
«И у васъ мужья молодые?
«У меня ли у младеньки старичища.
«Не пущаитъ старичища на игрища...»

И прочее, см. послѣ.—Былины сего же рода, относимыя къ Петру I-му, равно какъ Безымянныя, см ниже.

* *
*

---

[1]) Доселѣ начало древней Былины, а отселѣ переходъ въ позднѣйшую мелкую женскую пѣсню.—*О.*

Смерть Грознаго Царя Ивана Васильевича.

I.

1.

(Тульск. губ., Чернскаго уѣзда).

Охъ вы горы, горы крутыя!
Охъ вы го́ловы златыя православныхъ церквей!
Охъ косящеты окошки царскихъ теремо̀въ!
Какъ во теремѣ живётъ православный Царь.
Православный Царь Иванъ Васильевичь:
Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужь настали годы злые на Московскій народъ,
Какъ и сталъ православный Царь грознѣй [прежняго:
Онъ за правду—за неправду дѣлалъ ко́зни лютыя.
Какъ восплачется народъ Рускій на Грознаго Царя:
Переставился Грозный Царь на восьмидесятомъ году,
А сынъ его Өёдоръ сталъ Русью управлять.

(Отъ старухи).

* *

II.

1.

(Симбирск. губ., Буинск. уѣзда, дер. Козловка.

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,
Только слышно то было по всей каменной Москвѣ
[И по всей арміи, и по всей конной гвардіи]:
Еще померъ-то у насъ православной Царь,
Православной Царь Иванъ Васильевичь.
«Сдѣлаемъ ему гробокъ куприсовой,
«Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый.
«Мы схоронимъ Царя за Москвой рѣкой!»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Максима Щербакова).

* *

III.

1*).

(Саратовъ).

Ужь ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Изъ за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударили въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ:
Соѣзжалися всѣ князья-бояре,
Собиралися всѣ люди ратные,
Во Успенскій соборъ Богу молитися.
Во соборѣ-то во Успенскіимъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ [1]):
Во гробу-то [2]) лежитъ православный Царь,
Православный Царь, Иванъ Грозный Васильевичь.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
Во ногахъ его вострый, грозный мечь [3]).
Животворящему кресту всякій [4]) молится,
Золотому вѣнцу [5]) всякой кланятся,
А на грозенъ [6]) мечь взглянетъ,—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ [7]) свѣчи восковыя,

---

*) То же напечатано у гг. Костомар. и Мордовц., откуда приведемъ мелкія разнорѣчія.—*О.*

1) «Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ.» — 2) «Во гробу.» — 3) «Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебреный, Во ногахъ его корона царская.» — 4) «всякъ.»—5) «Золотой царской коронѣ.»—6) «На грозёнъ.»—7) «стоитъ.»—*О*

Передъ гробомъ стоятъ все попы-патріархи [1]),
Они служатъ-читаютъ [2]), память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память Царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

(Запис. А. Н. Пасхаловою, ср. «Изв. А. Н.»).

* *
*

Плачъ Царицы по умершемъ Царѣ.

1.

(Москва).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго.
Изъ за горъ было высокіихъ,
Не ясно̀ солнце выката́лося,
Выходила тутъ благовѣрная Царица,
Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна,
По мосту̀-мосту̀ по калинову,
По сукну-сукну багрецовому;
Ужь какъ шла Царица благовѣрная,
Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна,
Приходила она къ церкви соборноей,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Ужь и есть ли у церкви церковнички?
«Отпирали бы церковь соборную,
«Что впущали бъ Царицу благовѣрную!»

Что входила Царица въ церковь соборную,
На̀ три сто́роны помолилася;
На четвёртую она только взо́зрѣла,
Какъ увидѣла гробницу бѣлу-каменную;
Закричала Царица громкимъ го́лосомъ:

---

1) «стоятъ попы, патріархи.»—2) «и читаютъ.»—*О.*

«Охъ ты гой еси, благовѣрный Царь,
«Благовѣрный Царь Иванъ Васильевичь!
«Что̀ ты спишь крѣпко—не про́снешься?
«Безъ тебя всё царство помутилося,
«Всѣ Стрѣльцы-бойцы взволновалися,
«Всѣхъ князей-бояръ во тына̀хъ рубютъ,
«А меня-то, Царицу, не слушаютъ!»
«« Ахъ ты гой еси, Царица благовѣрная,
«« Благовѣрная Царица Мареа Матвѣевна!
«« Ужь и мы-то тебя слушаемся.
«« Ужь и мы-то тебѣ повинуемся!»»

(Отъ мѣщанки Татьяны Андреевны, запис. 7 Сентября 1839 г.).

*

2.

(Тамъ же).

Что по сукну, по сукну ли багрецовому,
По тому ли сукну что по красному.
Ужь какъ шла тутъ Царица благовѣрная,
Благовѣрная Царица Мареа Матвѣевна,
Въ Успенскій соборъ Богу молитися,
Своему Царю поклонитися.

Подошла она къ гробницы бѣлой-аспидной,
Стала она плакать и рыдать,
И жалобно причитать.
«Встань ты—пробудись, Грозный Царь,
«[Грозный Царь] Иванъ Васильевичь!
«И ты што жь крѣпко спишь и не про́снешься?
«При тебѣ ли, при Царѣ, войны не было.
«Безъ тебя ли, Царя, учинилася:
«Стрѣльцы-бойцы подымаются,
«А меня ли, Царицу, не слушаются.»
Ужь стали унимать Царицу князья-бояры:
«« Ты не плачь, наша Царица благовѣрная,

«« Благовѣрная Царица Мареа Матвѣевна!
«« Ужь тебѣ ли горемъ поле не насѣяти,
«« Горючьми слезми море не наполнити:
«« Ужь Царя-та тебѣ не поднять будетъ,
«« Ужь какъ Грознаго Царя Ивана Васильевича!»»

(Отъ старика 70-ти лѣтъ, Московскаго мѣщанина).

*

3.

(Тульск. губ., Алексинск. уѣзда).

По крыльцу-то, по крыльцу-крыльцу Красному,
По сукну-то, по сукну-сукну багрецовому,
Шла-прошла наша матушка государыня,
Во соборную церковь молитися,
Ко святымъ мощамъ приложитися,
Государя Царя причитать стала:
« Охъ ты, Грозный Царь, Иванъ Васильевичь!
« Безъ тебя-то народъ взбунтовался,
« А на меня, Царицу, взъѣдался!»

*

4.

(Арханг. губ.).

Выходила Царица Мареа Михайловна
На крутой Красный крылецъ,
Шла по атласу, по бархату,
Приходила она ко соборной церкви,
Становилась она на паперти.
Не бѣлая лебедь воскликнула,
Что возговоритъ наша матушка,
Православная государыня:

«Еще есть ли у меня слуги вѣрные?
«Отпирали бъ церковь Божію!»

Она въ церковь входила,
Вошедъ Богу помолилася,
На всѣ стороны поклонилася,
Па праву руку становилася:
«Ахъ ты батюшка, православный Царь!
«Ничево-то ты не знаешь—не вѣдаешь,
«Что̀ у насъ въ Москвѣ учинилося:
«Стрѣльцы въ Москвѣ збунтовалися,
«Меня, Царицу, не слушаютъ!»
Унимаютъ её князья-бояра:
««Ты не плачь, не плачь, наша матушка:
««Ужь и такъ сердце надорвалося,
««Царя-государя не поднять будетъ!»»

(Доставлено адмирал. Кузьмищевымъ).

* *
*

Пла́чь войска.

1.

(Симбирск. губ.).

У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
У честно̀й-славной заутрени,
Молодой сержантъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Горючмѝ слезмѝ залѝвается:
«Ты возмой-возмой, туча грозная,
«Ты пролей-ка частъ-силенъ дождичекъ.
«Примочи-ка ты мать сыру̀ землю!
«Разступись-ка ты, мать сыра̀ земля,
«На четыре ты на всѣ сто̀роны!
«Раскройся-ка, гробова̀ доска,
«Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонко̀й саванъ,

«Ты возстань, возстань, православный Царь,
«Царь Иванъ Васильевичъ!
«Погляди-ка ты на свою силу:
«Твоя силушка утомлённая,
«Утомлённая, некормлёная,
«Твой любимый полкъ во походъ пошёлъ,
«Во походъ пошёлъ подъ Казань городъ [1]).»

Подъ Казанью мы подъ городомъ,
Мы стояли подъ нимъ восемъ лѣтъ,
А копали мы земляной подкопъ,
Земляной подкопъ ужь мы семь годовъ.
Ужь мы другъ дружку тутъ обманывали
Со Татарами мы незна́мыми.
Выходилъ-то изъ городу младъ Татарченокъ,
Онъ указывалъ, гдѣ подкопъ копать,
Гдѣ подкопъ копать подъ Казань рѣку́,
Подъ тоё казну подъ порхо́вую.
Подкопали мы подкопы подъ тѣ бо́чечки,
Подъ тѣ бочечки и подвалики,
Гдѣ стои́тъ у нихъ порхова̀ казна;
Мы закатывали подъ свой подкопъ
Сорокъ бочекъ ужь мы по́роху;
И хотѣли мы Татарченка повѣсить,
Мы за тѣ слова за глупыя;
Ужь мы думали, что Татарченокъ насъ обманываетъ;
Мы зажгли свѣчу воску яраго аршинную,
А фитиль зажгли на бочечкахъ поларшинный;
А Татарченокъ умаливалъ:
«Вы постойте-ка, не вѣшайте:
«Я вамъ сказывалъ правду-истину.»
Не успѣлъ онъ всѣхъ словъ сказать, Казань начало рвать:
Ужь и начали Татарченка казной жаловать.

(Язык.).

*

[1]) Отселѣ рѣчь сержанта переходитъ въ разсказъ пѣвца.—*О.*

2.

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень).

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Ужь ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь:
Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!

Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
У собора было у-во [1]) Спленскаго,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
Богу молится, самъ слезно плачетъ:
«Понесите съ горъ, буйны вѣтры,
«Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
«Разступись, матушка сыра земля,
«Вскройся, гробова доска,
«Распахнись-ка, бѣлъ-тонкой саванъ,
«Ты возстань, возстань, православный Царь,
«Православный нашъ Царь, Иванъ Васильевичь!
«Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
«Ужь всѣ-то полки во походъ пошли [2])
[«Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
«А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
«Третій пошелъ Петропавловскій.
«Ужь всѣ-то купцы перепугалися,
«На синее моречке разбѣжалися,
«На легкія лодочки побросалися [3])].»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенка).

Многочисленныя разноречія этой пѣсни, въ примѣненіи къ позднѣйшимъ царямъ и царицамъ, см. ниже въ другихъ выпускахъ.

Конецъ пѣсенъ 6-го выпуска.

[1]) Такъ исправляемъ вмѣсто явной опечатки: «у ко.»—[2]) Отселѣ слѣдуетъ прибавка изъ болѣе новыхъ пѣсень того же рода. —[3]) А это, о купцахъ, прибавка еще дальнѣйшая (изъ Былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соколѣ кораблѣ?).—*О.*

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1868.

Дозволено Цензурой. Москва, Августа 16–го, 168 г.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1865 года, Января 9-го, ССI засѣданіе, пунктъ 4. — Д. Ч. П. А. Безсоновъ прочелъ отчетъ по изданію первыхъ шести выпусковъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣевскаго и планъ дальнѣйшаго изданія этихъ пѣсень. При чемъ объявилъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Москвы въ Вильну и слѣдовательно не можетъ заниматься изданіемъ пѣсень. При этомъ онъ представилъ приготовленный имъ совершенно къ печати 7-й выпускъ пѣсень.... Опредѣлено: приготовленный къ изданію 7-й выпускъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣевскаго передать для печатанія Д. Ч. А. Н. Аѳанасьеву, съ просьбою принять на себя трудъ по означенному изданію.

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1865 года, Января 9-го, ССІ засѣданіе, пунктъ 4. — Д. Ч. П. А. Безсоновъ прочелъ отчетъ по изданію первыхъ шести выпусковъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣевскаго и планъ дальнѣйшаго изданія этихъ пѣсень. При чемъ объявилъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Москвы въ Вильну и слѣдовательно не можетъ заниматься изданіемъ пѣсень. При этомъ онъ представилъ приготовленный имъ совершенно къ печати 7-й выпускъ пѣсень.... Опредѣлено: приготовленный къ изданію 7-й выпускъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣевскаго передать для печатанія Д. Ч. А. Н. Аѳанасьеву, съ просьбою принять на себя трудъ по означенному изданію.

Убіеніе царевича Димитрія. Борисъ Годуновъ.

1.

Не вихрь [1]) крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летитъ [2]) поднебесью,
Зорко [3]) смотритъ онъ на Москву рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зелёные [4]),
На златой дворецъ стольна города,
Не лютая змѣя воздывалася,
Воздывался собака булатный ножъ,
Упалъ онъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрію;
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищи,
На Углищи на игрищи, [5])
Ужь какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой.
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами!
Ужь какъ тотъ орелъ Димитрій царевичъ [6]),
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь' годовъ [7]).
Не вихрь [8]) крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится,
То идетъ грозный Божій гнѣвъ [9])
За православную Русь [10]):

---

[1]) Что не вихрь. [2]) То летитъ орелъ. [3]) Быстро. [4]) На зеленые [5]) 8—15 *ст. нѣтъ.* [6]) Дмитрій русской царь. [7]) 20 — 21 *ст. нѣтъ.* [8]) Что не вихрь. [9]) То идетъ грозой православный царь. [10]) На святую Русь, свою отчину.

2

И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ [1],
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ.

(Два варіанта: 1-й присланъ В. И. Далемъ; 2-й г. Минаевымъ: 1-й принятъ за текстъ).

*

2.

(Тульской губ., Черск. у. селю Соколы́).

Охъ, было у насъ, братцы, въ ста́рые го́ды, въ да́вніе вѣ́ки,
Въ давніе вѣки, при ста̀рыихъ при царяхъ,
Было время злое, пагубное.
Ужь настало то время злое при старомъ при царѣ Өёдорѣ Ивановичѣ;
Какъ преставился-то нашъ православный царь Өёдоръ Ивановичъ,
Такъ досталась-то Россе́юшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.
Появилась-то изъ бояръ одна бу́йна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;
Ужь и этотъ Годунъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ.
Ужь и вздумалъ полоумный Россеюшкой управлять;
Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ.
Ужь досталъ онъ и царство смертію царя,
Смертію царя славнаго, свято́го Димитрія царевича.
Какъ собра́лъ-то себѣ разбойникъ Годуновъ сынъ,
Собра́лъ проклятыхъ людей, злыхъ разбойниковъ;
Собравши ихъ, прокляту рѣчь имъ взго́ворилъ:
«Вы, разбойнички, удалы́е молодцы́!
«Вы подите, вы убейте Дмитрія царя!
«Вы придите и скажите: убили-ли царя?
«Сослужите вы мнѣ эту службу, сослужу я вамъ златомъ-се́ребромъ.»

---

[1]) На своемъ гнѣздѣ.

Ужь пошли прокляты люди, злы разбойники,
Пошли во святое мѣсто въ Угличь славный градъ,
Ужь убили тамъ млáдаго царевича Дмитрія святóго;
Ужь пришли-то и сказали Борису Годуну́.
Какъ услышалъ-то Борисъ, злу возрадовался.
Ужь и царствовалъ Борисъ ровно пять годовъ;
Умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣ́йнымъ,
Ядомъ змѣ́йнымъ, кинжаломъ вострыимъ.

(Пѣла старушка, 1834 г.).

*

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

(Тульской г., Чернскаго у. с. Соколы).

Что у насъ было на святой Руси́,
На святой Руси, въ каменнóй Москвѣ,
Въ каменнóй Москвѣ, въ старомъ Симоновомъ монастырѣ:
Ужь и въ этомъ монастырѣ много братіи жилó,
Много братіи, всё монахи, Богу вѣрные.
Что не знали всѣ монахи, чтобъ случи́лось съ ними то:
Оказался между ними одинъ невѣрный монахъ.
Ужь и этотъ-то монахъ царю, Богу измѣнилъ,
Царю Богу измѣнилъ, свою душу въ адъ пустилъ;
Какъ и вздумалось монаху злое дѣло сотворити,
Злое дѣло сотворити, свою душу погубити.
Какъ и выгнали монаха изъ святóго монастыря:
«Ты поди, поди отъ насъ, недостоинъ жить у насъ!
«Поди вонъ изъ монастыря, и поди хочешь куды!»
Какъ и вышелъ-то Трепу́шкинъ изъ святóго-то жилья,
Какъ ходилъ-то Григорій по большому городу́,

Какъ и сказывалъ всему народу: Димитрій царь-атъ живъ,
Что Димитрій царь-атъ живъ, что онъ самъ-то онъ и былъ.
Обманувши весь народъ, боясь кóзни онъ отъ нихъ,
Удалился отъ Москвы во Польскія стороны́,
Во Польскія стороны́, ко вельможѣ къ сатаны́.
Ужь и взгóворитъ ему вельможа:
«Ты скажи, скажи дѣтина, отъ коей страны пришёлъ,
«Отъ коей страны, пришёлъ, чьего роду-племени?»
—Я пришёлъ отъ славной страны, отъ святой Руси́,
Отъ святой Руси́, у тебя пóмочи просить;
А родъ мой и племя Россійскій славный дворъ,
А отецъ мой былъ славный грозный царь Иванъ Васильевичь,
А матушка-то моя царица Настасья Романовна,
А я сынъ ихъ Димитрій, Россійскій князь. —
Какъ повѣрилъ-то вельможа его ложнымъ словамъ,
И признáлъ его вельможа Россійскимъ царёмъ,
И хотѣлъ отдать дочь свою Маринку замужъ за него,
И далъ ему вельможа въ помощь войска своегó.
Получивши-то Трепýшкинъ въ помощь войска отъ Полякъ,
Онъ вступилъ-то съ Польскимъ войскомъ во святую Русь;
А народъ-то безумный, устрашась войска его,
Устрашась войска его, признáлъ его своимъ царёмъ.
Ужь немного-то Трепýшкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ:
Образýмился народъ Московскій,
Сталъ искать себѣ настоящаго царя;
Сыскали настоящаго царя Василія Ивановича,
А разбойника Гришку стали мучить и казнить;
Мучили, казнили, буйну гóлову съ плечъ срубили.

2.

(Кирша Даниловъ).

Ты, Боже, Боже Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался —
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева;
Ужели онъ Разстрига на царство сѣлъ?
Называется Разстрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
Недолго Разстрига на царствѣ сидѣлъ,
Похотѣлъ Разстрига женитися;
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ Разстрига въ проклятой Литвѣ —
У Юрья пана Сендомірскаго
Дочь Маринку Юрьевну,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у Разстриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Князи и бояра пошли къ заутрени,
А Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой;
На Гришкѣ рубашка кисейная,
На Маринкѣ саянъ хрущатой камки.
А часъ-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра отъ заутрени,
А Гришка Разстрига изъ бани съ женой.
Выходитъ Разстрига на красный крылецъ,
Кричитъ-реветъ зычнымъ голосомъ:
«Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
«Приспѣвайте кушанье разное,
«А и постное и скоромное;
«Заутра ко мнѣ будетъ гость дорогой,
«Юрья панъ со паньею.»
А втапоры стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,

Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ:
«Царица ты, Марѳа Матвѣевна!
«Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
«Царевичь Димитрій Ивановичь?»
А втапоры царица Марѳа Матвѣевна заплакала,
И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
«А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
«Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
«На царствѣ у васъ сидитъ
«Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
«Потерянъ мой сынъ царевичь Димитрій Ивановичь
«На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ;
«Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
«У чудной Софіи премудрыя;
«У того-ли-то Ивана-Великаго
«Завсегда звонятъ во царь-колоколъ,
«Соборны попы собираются,
«За всякіе праздники совершаютъ панихиды,
«За память Царевича Димитрія Ивановича,
«А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда.»
Тутъ стрѣльцы догадалися,
Всѣ они собиралися,
Ко Красному царскому крыльцу металися,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка Разстрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается
И накрѣпко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася
И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.
А Гришка Разстрига втапоры догадливъ былъ,
Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя
Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
И тутъ ему такова смерть случилась.

Тоже и Михайло Скопинъ.

3.

(Осташковъ).

Быль́ у насъ въ Микол́у во пя́тницу
Во пя́тницу, во скоро́мный день,
Всѣ кня́зи, боя́ре къ обѣдни и́дуть
И думцы́ и подя́чіе,
Крѣпкіе воево́ды Моско́вскіе,
А Стри́жка-ярыпка у ба́ню идётъ
Съ сво́ей ли йонъ молодо́й жено́й,
Съ Мари́ною короле́вичной;
На Стри́жкѣ камзо́лъ да во сто́ рубле́й,
На Мари́шкѣ соро́чка во ты́сяцу.
Восхо́дилъ йонъ на высо́къ крыле́цъ,
Ускри́кивалъ гро́мкимъ го́лосомъ:
«А ой же вы, кня́зи, бо́яры!
«Запира́йте воро́та широ́кіи,
«Засыпа́йте песка́ми швырцо́выми!
«Въ семо́мъ цасу́, въ осьмо́й це́тьверти,
«Нава́литъ Литва́ нехресцо́ная,
«Побѣ́дитъ Москву́ просвѣсцо́ную
«И домъ пресвяты́я Богоро́дицы.»
Они Стри́жку-яры́жку не послу́хали,
Воро́тъ широ́кихъ не затво́рили,
Песка́ми швырцовыми не засы́пали.
Въ семо́мъ цасу́, въ осьмо́й це́тьверти,
Навали́ла Литва нехресцо́ная,
Побѣ́дила Москву просвѣсцоную
И домъ пресвятыя Богоро́дицы.
Миха́йло Скопи́нъ да Васи́льевиць
Онъ пьётъ да ѣсть, прохлажа́ется,
На себѣ бѣды́ не надѣ́ется.

Восходилъ йонъ на высокъ крылецъ,
Ускрикивалъ громкимъ голосомъ:
«А ой же Литва нехресцоная!
«Есть ли у васъ хоть одинъ такой,
«Кто выпьетъ мою винную цару,
«Кто выпьетъ мою пивную стопу?
«Винная цара полтора пуда,
«Пивная стопа полтретья пуда;
«Кто выпьетъ её за единый разъ,
«За единый разъ, не дыхаюци?»
Михайло Скопинъ да Васильевицъ
Выходилъ далеце въ цисто поле,
Садился на латырь на камушекъ,
Писалъ ярлыки скорописные;
Не перомъ писалъ, не цернилами,
Писалъ ярлыки горюцим' слезам',
Послалъ йонъ посылочку скорую:
«Бѣги, бѣги, посылоцка скорая!
«Бѣги день, бѣги ноцъ, не дыхаюци!
«Не пытай у воротъ приворотницковъ,
«Не пытай у дверей да придверницковъ,
«Мецись прямо королю во палатушки,
«Клади ярлыки на дубовый столъ.»
Король самъ ярлыки распецатывалъ,
Король самъ ярлыки переглядывалъ,
Королю ярлыки полюбилися:
«Михайло Скопинъ да Васильевицъ!
«Будь-ко ты мнѣ названый братъ,
«Названый братъ—луцше роднаго;
«Бери, бери силушки на-помоцъ,
«Сколько цебѣ силушки надобе!»
Михайло Скопинъ да Васильевицъ
Не дождался посылоцку скорую,
Усгрёбъ тесницку дубовую,
Поцалъ тесницкой помахивать:
Куды махнётъ—туды улица,
Куды отмахнётъ—переулоцикъ.

У три цасá, у трú цетьверти
Прибúлъ всю Литвý нехресцоную,
Оцúстилъ Москвý просвѣсцóную
И домъ пресвятыя Богорóдицы.

*

(Пѣли два нищихъ мальчика и одна дѣвочка отъ 10 до 12 лѣтъ; родина ихъ деревня *Гришино* при селѣ *Хúтичкахъ*, Осташковскаго уѣзда).

Смерть Скопина.

1.

Какъ у князя было у Владиміра, [1])
Пированьице было почестное, [2])
Честно, хвально, больно [3]) радошно;
Крестили они тутъ [4]) млада вьюноша, [5])
Того ли Алексѣя Алексѣича. [6])
Какъ кумъ-атъ былъ князь Михайло Скопинъ, [7])
А кума была подокстовая — [8])
Акулина княгиня дочь Малюткина,
Тово-ли же рода Шуйскаго-Воротынскаго. [9])
Они пили, ѣли, прохлажалися, [10])
Между собой [11]) похвалялися;
Сильный хвалится своей силою, [12])
А богатый хвалится богатствомъ своимъ, [13])

---

1) У Шуйскаго-Воротынскаго. 2) Случилося пированьице. 3) Очень. 4) Тутъ—*нѣтъ*. 5) Юношу. 6) *Эт. ст. нѣтъ* 7) А кумъ-то былъ князь Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичь. 8) Кума была подксталая. *Подокстовая*, т. е. подкрестовая, отъ *кстить, кстины*. 9) *Этого ст. нѣтъ*. 10) Пили, ѣли они, прохлаждалися. 11) Промежду себя. 12) *Эт. ст. нѣтъ*. 13). А *и* своимъ—*нѣтъ*.

После 13-го ст. этотъ вар. оканчивается такъ:

Князья-бояре своими вотчинами.
Одинъ изъ нихъ добрый молодецъ
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Про то про все лихо думаетъ.

Убогой хвалится божьей милостью,
Бояре хвалются крестьянами,
А купцы хвалются товарами.
Похваляется князь Михайло Скопинъ:
«Я Шуйской родъ весь въ полонъ возьму,
«Воротынской родъ весь выжгу-вырублю!»
На то ли кума осердилася,
Изъ бесѣды вонъ поднималася:
«Еще есть ли у меня лакеи, мои слуги вѣрные,
«Слуги вѣрные, сѣнны дѣвушки!

Какъ возговоритъ молодецъ
Таковую рѣчь:
«Вы слушайте-послушайте мою рѣчь:
«Когда Москва за Литвою была,
«Я въ то время подъ Литву подходилъ,
«Я въ то время всю Литву разорилъ,
«Я Шуйской родъ
«Воротынскаго хана
«Во полонъ къ себѣ взялъ.»
Кумѣ это не стерпѣлося,
За досаду это показалося,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, няньки мои-мамки!
«Вы берите поскорѣе
«Золотые ключи,
«Вы мечитесь въ новы выходы,
«Отпирайте вы нѣмецкіе замки,
«Наливайте вы зеленаго вина,
«Мѣшайте вы зелье лютое,
«Подносите вы моему куму!»
— Изволь, куманёкъ, пить,
Изволь выкушать! —
«Ты пей, кума, напередъ сама.»
— У насъ, куманёчекъ, такъ не водится! —
Какъ вынимаетъ кумъ саблю острую,
Онъ срубилъ кумѣ буйну голову.

«Вы берите скоро золоты ключи,
«Пойдемте со мной въ темны выходы.»
Брала кума меду сладкова,
Подбавляла она зелья лютова,
Подносила она своему куму подокстовому:
«Испей, кумонёкъ, изволь выкушать!»
—Испей-ка, кума, напередъ сама! —
«Коли кума́ прежде ку́ма пьетъ!»
Того ли кума́ испугалася,
Изъ рукъ чара выкаталася,
Отъ чары земля загоралася,
Въ огнѣ земля заметалася.
Вынимаетъ кумъ саблю вострую,
Снимаетъ съ кумы буйну голову.

Два варіанта: 1-й записанъ въ с. Яраклѣ Языковымъ, 2-й въ г. Симбирскѣ Д. А. Валуевымъ; 1-й принятъ за текстъ.)

2.

(Кирша Даниловъ).

Какъ-бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося:
Кругомъ сильна царства Московскаго
Литва облегла во всѣ четыре стороны,
И съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукша, со Люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти

Изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичь,
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещоному
И всей нашей земли свѣто-Русскія,
Что ясёнъ соколъ вонъ вылётывалъ,
Какъ-бы бѣлой кречетъ вонъ вырархивалъ;
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичь,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ Скопинъ на съѣзжій дворъ,
Походилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ-бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому королю Карлосу.
А отъ мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названый братъ,
«А ты Свицкой король Карлусъ!
«А и смилуйся, смилосердися,
«Смилосердися, покажи милость,
«А и дай мнѣ силы на подмочь;
«Наше сильно царство Московское
«Литва облегла со всѣ четыре стороны,
«Приступила Сорочина долгополая,
«А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
«А и тѣ Чукши со Люторами,
«И не можемъ мы съ ними управиться:
«Я закладываю три города Русскіе»
А съ ярлыками послалъ скораго почтаря,

Своего любимаго шурина —
А того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Ордѣ
У честна короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевской дворъ,
А ко Свицкому королю Карлосу;
Середи двора королевскаго
Скочилъ почтарь со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ почтарь ни замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши, король распечатываетъ,
Распечатавъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ:
«Отъ мудрости слово поставлено
«Отъ любимаго брата званаго,
«Скопина князя Михайлы Васильевича,
«Какъ проситъ силы на подмочь,
«Закладываетъ три города Русскіе.»
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправилъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы Школьскія —
Того ратнаго люду ученаго,
А не много, не мало — сорокъ тысячей.
Прибыла сила во Новгородъ,
Изъ Новагорода въ каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по утру рано-ранёшенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ—самъ въ походъ пошелъ,

Подымавши знаменье царское,
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли —
Прекрошили Черкесъ Пятигорскіихъ,
А немного дрались, скоро сами сдались,
А еще ноне тутъ Малороссія;
А на сѣверну сторону походомъ пошли —
Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
А на западну сторону и въ ночь пошли,
Прирубили Чукши со Люторами;
А кому будетъ божья помочь —
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу:
Онъ очистилъ царство Московское
И великое государство Россійское
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами,
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
И пиръ пошелъ и великой столъ
И (У?) Скопина князя Михайлу·Васильевича
Про весь православный міръ,
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Какъ-бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго —
Крестили младаго княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,

А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестный столъ,
Туто было много князей и бояръ и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкой столъ во полу-столѣ,
Какъ пьяненьки тутъ разхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатой хвастаетъ богатествомъ.
Скопинъ князь Михайло Васильевичь
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
«А вы глупый народъ, неразумные,
«А вы всѣ похваляетесь бездѣлицей!
«Я Скопинъ Михайло Васильевичь,
«Могу князь похвалитися,
«Что очистилъ царство Московское
«И велико государство Россійское;
«Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
«Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего.»
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!
«А и ты съѣла меня, кума крестовая,

«Малютина дочь Скурлатова;
«А знаючи мнѣ стаканъ со зельемъ подала —
«Съѣла ты меня змѣя подколодная!»
Голова съ плечь покатилася,
Онъ тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею скоро проститися,
И матушка ему пѣнять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
«Скопинъ князь Михайло Васильевичь!
«Я тебѣ приказывала,
«Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
«А и ты меня не послушался.
«Лишила тебя свѣту бѣлаго
«Кума твоя крестовая,
«Малютина дочь Скурлатова!»
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.

То старина, то и дѣянье,
Какъ-бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ-бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Василій Шуйскій.

(Рязанской г., Зарайскаго у. с. Зимёнки).

Какъ не изъ-за лѣсовъ-то дремучи́хъ стая вороновъ слеталася,
Соходился весь Московскій народъ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Ужь на той ли на высокой колокольнѣ
Въ большой колоколъ зво́нили.
Охъ, и братцы, что-то у насъ дѣлается,
Ужь не чудо ли какое совершается?
Во дворцѣ что-то всѣ взволновалися,
Всѣ лакеи, всѣ прислужнички взсуетилися!
Ужь не бояре ли взбунтовалися,
Ужь не злыя ли собаки повзбѣсилися,
Ужь и живъ ли нашъ православный царь,
Православный царь Василій Ивановичъ?
Ужь и что, братцы, во дворцѣ его не видно,
Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?
Какъ и взго́воритъ въ народѣ удалой молодецъ:
«Охъ, вы братцы, вы не знаете бѣды-горести,
«Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
«Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
«А ужь сдѣлали царемъ какова басурмана,
«Что Петрушку само́званца злаго бояринa!»
Ужь всѣ люди перьпугалися,
Въ разны стороны побросалися.

Прокопъ Ляпуновъ.

(Тульск. г., Черпск. у. с. Соколы).

Какъ бы́ло-то у насъ на свято́й Руси́,
На свято́й Руси́, въ каменно́й Москвѣ,
Бы́ло вре́мя вое́нное, вре́мячко мяте́жное,
Заполони́ла-то Москву́ пога́на Литва́,
Пога́на Литва́, прокля́та По́льска сторона́.
Какъ ужь жилъ тутъ пожива́лъ нечестивый Гужму́ндъ;

Жилъ онъ во святыихъ мѣстáхъ,
Во святыихъ мѣстáхъ, въ цáрскихъ Рýсскихъ теремáхъ.
Недóлго продолжáлась егó Москóвска весёлая жизнь,
Недóлго продолжáлась, тóлько мнóго гóря намъ накачáлось.
Мнóги Рýсскіе бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, отъ Христóвой вѣ́ры отреклись;
Ужь одинъ-то бояринъ, дýмный воевóдушко, крѣ́пко вѣ́ру защищалъ,
Крѣ́пко вѣ́ру защищáлъ, измѣ́нниковъ отгонáлъ:
Ужь какъ дýмный воевóда былъ Прокóфій Ляпуновъ.
Какъ Прокóфій-то Петрóвичь разослáлъ своихъ гонцóвъ,
Какъ Прокóфій Ляпунóвъ рóздалъ письмы гонцáмъ,
Рóздалъ письмы гонцáмъ, и приказъ имъ приказáлъ:
«Поѣзжáйте вы, гонцы́, на всѣ Рýсскіе концы́,
«На всѣ Рýсскіе концы́, во большіе городá!
«Вы просите воевóдъ идти съ вóйскомъ сюдá,
«Свободить гóродъ Москвý, защищáть вѣ́ру Христá.»
Какъ узнáлъ-то Гжмундъ отъ своихъ измѣ́нниковъ боя́ръ,
Что разослáлъ-то Ляпунóвъ гонцовъ въ городá,
Гонцовъ въ городá, просить воевóдъ съ вóйскомъ сюдá,
Разсердился, распалился нечестивый Гужмýндъ;
Распалившись, велѣ́лъ воевóдушку убить,
Тогó-ли воевóду Прокóфья Ляпунóва.
И убили злы измѣ́нники воевóдушку.
Какъ и двинулись дýмны воевóды со большихъ городóвъ:
Всѣ большіе городá — Казáнь, Нижній — пришли съ вóйскомъ сюдá,
Какъ и нáчали Русаки погáну Литвý колóть-рубить,
Погáну Литвý рубить, нечестиваго Гужмýнда верёвкой душить;
Удушили, все нечестивое плéмя изъ Москвы́ повыгнали (а).

(Пѣла старуха).

(а) Ср. *Націон. пѣснопѣніе*, ч. I, М., 1809 г., изд. Львовымъ, о битвѣ съ Литвою: «Ай ты безгодье, ты безгодье зло!»

Смутное время.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. у.)

Послѣ Покрова на первой недѣлѣ
Выпала пороша на талу землю;
По той по порошѣ ѣхала свадьба:
Семеро саней, по семеро въ са́няхъ,
Семеро верхами, всѣ съ бердышами,
Семеро пѣшками, всѣ съ палашами.
Встрѣчу той свадьбы шёлъ попъ Семёнъ —
Крестъ на ремени, полутора сажени.
«Богъ же вамъ въ помощь, духовные дѣти,
«Красть-воровать, на разбоѣ стоять!»

2.

Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
Какъ ѣхала свадьба на семерыхъ саняхъ,
На семерыхъ саняхъ, по семеро въ саняхъ.

Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
А попъ-атъ Емеля, крестъ у него на ремени,
Крестъ у него на ре́мени, въ полторы сажени;

Съ Дону...
Онъ по полю ѣдитъ, имъ благословляетъ,
Имъ благословляетъ, кнутомъ погоняетъ!

Съ Дону...
«Дѣти мои, дѣти, давай свадьбу пѣти,
«Давай свадьбу пѣти, ступай, тетка, въ клѣти!

Съ Дону...
«Коли Богъ поможетъ — меня не забудьте,
«Коли чортъ порушитъ — меня не клепите.»
Съ Дону...

(Зап. г. Селивановскимъ).

3.

(Г. Симбирскъ).

Выпала порошица
На талую землю.
Ой, съ Дону, съ Дону!

По той по порошицѣ
Ишелъ тутъ обозецъ
Ой, съ Дону, съ Дону!

Не малъ, не величекъ —
Да семеро саней,
Ой, съ Дону, съ Дону!

Да семеро саней,
По семеро въ саняхъ.
Ой, съ Дону, съ Дону!

Во первыхъ-то саняхъ —
Атаманы сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

Во вторыхъ-то саняхъ—
Есаулы сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ четвертыхъ саняхъ —
Разбойники сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ пятыхъ-то саняхъ —
Мошенники сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ шестыхъ-то саняхъ —
Дёрники сами.
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ седьмыхъ-то саняхъ—
Самъ попъ-атъ Емеля,
Ой, съ Дону, съ Дону!

Самъ попъ-атъ Емеля,
А крестъ на ремени,
Ой, съ Дону, съ Дону!

А крестъ на ремени,
Въ четыре сажени;
Ой, съ Дону, съ Дону!

Рукой бласловляетъ,
Крестомъ надѣляетъ:
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Охъ вы, дѣти, дѣти!
«Полѣзайте въ клѣти,
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Головы рубите,
«А душъ не губите.
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Если Богъ поможетъ,
«Попа не забудьте;
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Если-жъ чортъ обрушитъ,
«Двора мово не зна(ва)йте!»
Ой, съ Дону, съ Дону!

Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Освобожденье Москвы. Избраніе Михаила Ѳедоровича.

(Калужской губ., Боровскаго у. с. Слобода).

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.

Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удáлыхъ молодцовъ,
Изъ удáлыхъ молодцовъ Нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взгóворилъ:
«Охъ, вы гой еси товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы свои домы,
«Покидайте вашихъ жёнъ, дѣтей,
«Вы продайте все ваше злато-серебрó,
«Накупите себѣ вострыихъ копіёвъ,
«Вострыихъ копіёвъ, булатныхъ ножей,
«Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалóва молодца,
«Удалова молодца воеводушку;
«Пойдемъ-ко мы сражатися
«За матушку за родну землю,
«За родну землю, за славный городъ Москву:
«Ужь заполонили-то Москву проклятые народы Поля́ки злы!
«Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ.
«Самогó-то Сузмунда короля ихъ въ полóнъ возьмёмъ;
«Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ Жидовъ,
«Нечестивыхъ Жидовъ, Поля́ковъ злыхъ!»
Ужь какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалóва молодцá,
Удалóва молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Димитрія по прозванію Пожарскаго.
Ужь повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми Жидами-Поляками войной брáнитися.
Ужь привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко Московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У Московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ;

Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужь взговорилъ онъ своимъ храбрыимъ воинамъ:
«Охъ, вы гой еси храбрые солдатушки,
«Храбрые солдатушки, Нижегородскіе купцы!
«Помолимся мы на святыя на врата на Спаскія,
«На пречистый образъ Спасителя!»
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужь взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собралися всѣ князья, бояре Московскіе,
Собралися думу думати.
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы Московскіе:
«Вы скажите, вы бояре, кому царёмъ у насъ быть?»
Какъ и взговорютъ бояре, воеводы Московскіе:
«Выбираемъ мы себѣ въ цари
«Изъ бояръ боярина славнаго —
«Князя Дмитрія Пожарскаго сына.»
Какъ и взговоритъ къ боярамъ Пожарскій князь:
«Охъ, вы гой еси бояре, воеводы Московскіе!
«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
«Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
«Ужь скажу же вамъ, бояре, воеводы Московскіе:
«Ужь мы выберемъ себѣ въ православные цари
«Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
Михаила сына Ѳёдоровича.»
И выбрали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѳёдоровича.

(Пѣла 70-лѣтняя старуха).

Избраніе Михаила Θеодоровича Романова.

(Калужской губ., Боровскаго у.)

Что-же вы, ребя́тушки, призаду́малися,
Призаду́малися, прикручи́нилися?
Или вы, ребятушки, каку́ слышали печа́ль?
Какъ и взго́воритъ дѣти́на до́брый мо́лодецъ:
«Иль не зна́ешь ты, дѣти́на, горя нашего?
«Переста́вился во полу́ночи Василій царь,
«И не зна́емъ тope̍рь и не вѣ́даемъ — кому́ царемъ у насъ быть!»
Какъ взго́воритъ дѣти́на до́брый мо́лодецъ:
«Позабу́дьте, бра́тцы, горе о́бщее!
«Не возврати́ть намъ царя бѣ́лаго,
«Не оплакать его ду́шу до́брую!
«Но скажу́ вамъ, бра́тцы, вѣ́сточку но́вую:
«Ужь боя́ры воево́ды намъ вы́брали царя
«Изъ сла́внаго, бога́таго роду Рома́нова —
«Михайла сына Θёдоровича.»

Битва подъ Астраханью.

(Тамб. губ., Моршанск. у. с. Соколо́вка).

Снаряжался православный царь Михайло во дорожку,
Какъ во дальнюю дорожку въ Астраханску;
Снарядился онъ со воинствомъ,
Все съ полками со стрѣлецкими;
Распростился онъ съ царицею,
Благословилъ онъ малыхъ дѣтушекъ.
Распрощавшися, царица горько всплакала,
Всплакавши, слово молвила:
«Воротися, православный царь Михайло, поскорѣе!
«Привези свое здоровье малымъ дѣтушкамъ,
«Привези ты мнѣ царицѣ жизнь долговѣчную!»
Распростился царь Михайло со боярами,

Распростился со всѣмъ причетомъ,
И поѣхалъ православный царь Михайло на воеваньице,
Что къ тому-ли ко большому городу ко Астрахани.
Подъѣзжаетъ царь Михайло къ крѣпкимъ каменнымъ стѣнамъ,
Какъ увидѣлъ царь Михайло сила-рать больша́ стоитъ;
Посылаетъ царь Михайло въ силу ратную гонца:
«Ты ступай, гонецъ, въ силу ратную, узнай —
«Ужь и чьё это войско подъ стѣнами стоитъ?»
Воротился гонецъ со ратной стороны,
Какъ и взговоритъ гонецъ православному царю:
«Эта сила-рать недобрая.—
«Все злодѣи бунтовщики Буруцкіе.»
Какъ и двинулось войско православное;
Ужь какъ билися, рубилися трое суточекъ,
На четвертые они въ городъ взошли,
Свободили славный градъ отъ злыхъ буйныхъ враговъ,
Отъ злыхъ буйныхъ враговъ, все Буруцкихъ бунтовщиковъ.

Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій.

1.

(Тульск. губ.)

Подъ Конотоповымъ было городомъ,
За рѣкою было Переправою,
Не чорные вороны слетались, —
Татары поганые засвистали и захат(х)али,
И захватили, заполонили боярина Семена Романовича,
По прозванію Пожарскаго,
Воеводу Московскаго;
Сковали скорыя ноги въ желѣзы нѣмецкія,
Связали бѣлыя руки петлями шелковыми,
Очи ясныя завязали камкою г(х)рущатою,
Повезли боярина ко тому царю Крымскому

Ко ево шатру бѣлому.
Какъ взговоритъ Крымской царь, деревенской шишимора:
«Воръ, ой еси ты бояринъ князь Семенъ Романовичь!
«Послужи ты мнѣ вѣрою-правдою,
«Какъ царю къ бѣлому.»
Взговоритъ князь Семенъ Романовичь:
«Какъ у меня были скоро ноги не связаны
«И бѣлыя руки не скованыя,
«Какъ была у молодца въ рукахъ сабля вострая,
«Послужилъ я тебѣ вѣрою и правдою—
«На(дъ) твоею шеею толстою!»
Какъ возговоритъ Крымскій царь,
Деревенскій шишимора-воръ:
«Повезите боярина въ чистыя поля,
«Изрубите боярина на мелкія части, на куски пирожные,
«Размечите *морешма* по чистому полю!»

(К. Д. Кавелинъ).

2.

(Станишное, Симб. губ.)

Далече во чистомъ полѣ,
Что на дальныихъ на рубежахъ,
Полонили Пожарскаго Татары-Улавины:
Они взяли Пожарскаго за его руки бѣлыя,
За его руки бѣлыя, за перстни золо́тные;
Повели же Пожарскаго ко тому князю Крымскому.
Еще сталъ его Крымскій князь много спрашивать:
«Ты скажи мнѣ, мо́лодецъ, всею вѣрою-правдою,
«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу?
«Послужи ты мнѣ, мо́лодецъ, какъ служилъ царю бѣлому,
«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу!»

—Послужилъ бы я тебѣ мо́лодецъ всею вѣрою-правдою,
Кабы у меня мо́лодца была збруя вся цѣльная,
Ружьё было цѣльное, копье mержавецкое,
Еще бы у мо́лодца была сабелька вострая:
Я бы снёсъ съ собаки голову по твои могучй плеча!—
Закйдался, забросался собака Крымскій князь:
«Есть ли у меня у князя у воротъ приворотнички,
«У воротъ приворотнички, а у дверей придверничкн?
«Вы возьмите Пожарскаго за его руки бѣлыя,
«За его руки бѣлыя, за перстни золо́тные,
«Поведите Пожарскаго далече во чисто поле,
«Изрубите Пожарскаго въ кусочки пирожные,
«Раскидайте Пожарскаго по тому полю чистому,
«По тому полю чистому, по раздольямъ широкіимъ!»
Изъ-за лѣсу изъ тёмнаго, изъ-за горъ изъ высокіихъ,
Что не красное солнышко выката́лося,
Выѣзжали тутъ два братца, два князя Пожарскіе,
Собирали бѣло тѣло во камо́чку хруч(щ)атую;
Повезли тѣлое бѣлое во матушку каменну́ Москву;
Хоронили бѣло тѣло всѣ соборы Московскіе.

(А. М. Языковъ).

3.

(Кирша Даниловъ).

За рѣкою-переправою, за деревнею за Сосновкою,
Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣло-
каменной,
Въ лугахъ, лугахъ зеленыихъ,
Тутъ стоятъ полки царскіе,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянскія.
А изъ далеча изъ чиста поля,
Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
Кабы черные вороны табуномъ табунилися,

Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцами,
Напущались Татарове на полки государевы;
Они спрашиваютъ Татарове
Изъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку государева сопротивника
Не выбрали ни изъ стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцовъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарскій князь,
Князь Семенъ Романовичъ;
Онъ бояринъ большой словетъ — Пожарскій князь.
Выѣзжалъ онъ на вылазку
Сопротивъ Татарина и злодѣя-наѣздника;
А Татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
А славный Пожарскій князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слеталися,
А съѣзжалися въ чистомъ полѣ
Пожарскій бояринъ съ Татариномъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей острою онъ отводилъ остро копье Татарское,
И срубилъ ему голову, чтó Татарину-наѣзднику.
А злы-ли, злы Татарове поганые:
Убилъ у нихъ наѣздника, чтó ни славнаго Татарина!
А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго;
Падаетъ его окорачь добрый конь.
Воскричитъ Пожарскій князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобраные, вы стрѣльцы государевы!
«Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
«Увезите во полки государевы.»
Злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
А металися грудою, полонили князя Пожарскаго,
Увезли его во свои степи Крымскія
Къ самому хану Крымскому — деревенской шишиморѣ;
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,

«Князь Семенъ Романовичь!
«Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою-правдою,
«Заочью неизмѣнною;
«Еще какъ ты царю служилъ, да царю своему бѣлому,
«А и такъ-то ты мнѣ служи, самому хану Крымскому;
«Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
«Да и женки прелестными и душами красными дѣвицами.»
Отвѣчаетъ Пожарской князь самому хану Крымскому:
«А и гой еси, Крымской ханъ—деревенской шишимора!
«Я бы радъ тебѣ служить, самому хану Крымскому;
«Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
«Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
«Кабы мнѣ сабелька острая,
«Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
«Я (бъ) срубилъ тебѣ буйну голову.»
Скричитъ тутъ Крымской ханъ, деревенской шишимора:
«А и вы, Татары поганые!
«Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,
«Изрубите его бѣло тѣло во части во мелкія,
«Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю.»
Кабы чорные вороны закричали, загайкали,
Ухватили Татарове князя Семена Пожарскаго,
Повезли его Татарове они на гору высокую,
Сказнили Татарове князя Семена Пожарскаго,
Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мелкія,
Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю;
Они сами уѣхали къ самому хану Крымскому,
Они день-другой нейдутъ, никто не провѣдаетъ.
А изъ полку было государева козаки двое выбрались;
Эти двое козаки молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли туто на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы-то вѣдь тѣло Пожарскаго:
Голова его по себѣ лежитъ, руки-ноги разбросаны,

А его бѣло тѣло во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовый лубъ накрѣпко,
Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ и дьяконовъ
И церковныхъ причетниковъ,
И тѣмъ козакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склали его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто срасталося.
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому.

Московскій пожаръ.

1.

(Станишное, Симб. губ.)

Отъ чего, братцы, наша каменна Москва загоралася?
Загоралася отъ большихъ господъ,
Отъ большихъ господъ, отъ большихъ домовъ,
Отъ того ли господина Шереметева двора.
Выходила его вѣрна ключница въ темны выходы его,
Зажигала вѣрная ключница воску яраго свѣчу,
Заронила вѣрная ключница въ порохову его казну;
Отъ того наша каменна Москва загоралася.

(А. М. Языковъ).

2.

Что не дорого-то у хозяина пиво пьяное, [1])
Дорога его смиренная бесѣдушка. [2])
Во бесѣдушкѣ [3]) сидятъ люди добрые, [4])
Говорятъ они рѣчь хорошую: [5])
Отъ чего наша матушка
Каменна́ Москва загоралася? [6])
Отъ того она загоралася, [7])
Что жила-была у Шереметева
Вѣрна ключница; [8])
Ходила она въ нижни выходы, [9])

---

[1]) 2) Намъ не дорого, хозяинъ, твое пиво пьяное. 3) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное твое. 4) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное, и не дорого намъ зелено вино. 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

[2]) 2) Дорога-то намъ, хозяинъ, пиръ-бесѣдушка твоя. 3) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная твоя. 4) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная. 5) Прекрасная наша бесѣдушка.

[3]) 2) 3) 4) 5) Во бесѣдѣ.

[4]) 4) сидятъ люди-гости добрые. 5) добрые люди сидятъ.

[5]) 2) Они баютъ–разсуждаютъ, рѣчи хороши говорятъ. 3) рѣчь хорошу *вм.* рѣчи хороши, *какъ въ вар. второмъ.* 4) Они баютъ-разсуждаютъ рѣчь хорошую. 5) рѣчь хорошу говорятъ.

[6]) 2) Отъ чего-то у насъ, братцы, каменна Москва загоралась? 3) 4) Отъ чего, братцы, каменна Москва загоралася? 5) Отъ чего-же наша, братцы, каменна Москва загорѣлась?

[7]) 2) 3) 4) 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

[8]) *Вм. 8-го и 9 ст.* 2) Загорѣлась каменна Москва отъ большихъ господъ, Отъ большо̀ва-то боярина Шелеметева. 3) Загоралася Москва отъ большихъ господъ, Отъ большаго господина Шереметьева. 4) Загоралась каменна Москва отъ большихъ господъ Переметевыхъ. 5) Загорѣлася мать каменна Москва Отъ большихъ господъ, Отъ большаго господина Шереметева, Отъ его же отъ вѣрныя ключницы.

[9]) 2) Его вѣрная ключница зажигала воску яраго свѣчу, И ходила его ключница въ темные выходы. 3) Выходила вѣрна ключница въ темны выходы. 4) Выходила ихъ дѣвка, вѣрна ключница, въ темны выходы. 5) Ходила вѣрная ключница Во новые выходы.

Заронила она огню йскорку; [1])
Отъ того наша матушка
Каменнá Москва загоралася![2])

(Пять варiантовъ, записанныхъ въ Симбирской губ.: четыре А. М. Языковымъ и одинъ Д. Валуевымъ. Одинъ изъ Языковскихъ принятъ за текстъ.)

Царствованiе Алексѣя Михайловича. Стенька Разинъ.

1.

(Г. Симбирскъ).

Разливалася въ зеленыхъ лугахъ вода полая,
Потопляла у казачиньковъ теплы лагери.
Середи моря было Каспицкова
Стоялъ тутъ Лиманъ-островъ,
На этомъ на островѣ стоялъ воровской корабль,
На этомъ на корабличкѣ муравлинъ чердакъ,
Въ этомъ чердачкѣ золотой бунчукъ,
Въ этомъ бунчукѣ царски знамечки,
У этихъ у знамечковъ часовой стоитъ;
Передъ нимъ передъ молодцемъ раздвижной стулъ,
На стулу сидитъ воровской атаманъ,
По имени атаманушка Степанушка,
Па батюшкѣ Степанушка Тимоѳеевичь,
По великому по фамильицу Степанъ Разинъ.
Съ старшинами онъ думушку не думаетъ,
Къ казакамъ онъ Степанъ Разинъ въ кругъ не хаживаетъ;
Онъ думаетъ крѣпку думушку съ своей буйной головушкой.

(Записалъ. Д. А. Валуевъ).

---

[1]) 2) Зажигала его вѣрная ключница порховую казну. 3) Заронила огня искру въ порховую она казну. 4) Заронила отъ сальной свѣчи съ огнемъ искору 5) Заронила въ пороховую казну.

[2]) 2) Отъ того, братцы, загоралась каменная Москва. 3) Отъ того, братцы, каменна Москва и загоралася. 4) Она тлѣла и горѣла ровно три часа. 5) Отъ того наша мать каменна Москва загоралася, Отъ того господскiе дома разорилися.

2.

(Нов. П.)

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
Породился удалый добрый молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимоѳеевичь.
Во казачей кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами казаками думу не думывалъ;
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голудбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
«Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
«Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
«Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
«Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
«Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
«Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.»

3.

На маткѣ Волгѣ
Не бѣлымъ забѣлѣлось,
Не чернымъ зачернѣлось:
Зачернѣлись на Волгѣ,
Зачернѣлись на маткѣ
Черногорскіе стружечки;
Забѣлѣлись на Волгѣ,
Забѣлѣлись на маткѣ
Полотняны парусочки.
На стружечкахъ сидятъ ребята,
Удáлы дóбры мóлодцы;
Атаманомъ у нихъ Стенька,
По прозванью Степанъ Разинъ.
Возговоритъ Стенька,

10. «Ахъ вы гой еси, солдаты, слуги вѣрные мои!
«Вы подите-приведите удалаго молодца;
«Какъ мы станемъ его крѣпко спрашивати: [1])

своимъ. 4) Какъ случилося мнѣ ли молодцу Вдоль по городу пройдти; Вдоль по городу прошелъ, Во царевъ кабакъ зашелъ; Увидалъ же меня молодца губернаторъ изъ окна, Закричалъ же губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 5) Какъ увидѣлъ молодца воевода изъ окна, Закричалъ онъ больно шибко громкимъ голосомъ своимъ. 6) Увидалъ же его губернаторъ изъ высокаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ голосомъ. 7) Увидалъ же губернаторъ изъ высока терема, Изъ косящета окна, Скрозь французскаго стекла; Посылалъ же губернаторъ своихъ вѣрныхъ слуговъ. 8) Увидалъ его губернаторъ изъ косящетаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ вѣрнымъ слугамъ. 9) Какъ подходитъ дѣтинушка къ воеводскому двору; Какъ увидѣлъ дѣтину воевода изъ окна, Закричалъ воевода громкимъ голосомъ своимъ. 10) Гризетовый балахонъ на распашечку на немъ. Черной шляпою пухо́вой онъ помахиваетъ. Какъ увидѣлъ-усмотрѣлъ губернаторъ молодца́, Губерна́торъ молодца́ съ круглаго краснаго крыльца. 11) *Нѣтъ*. 12) Увидалъ Губернаторъ изъ окна молодца, Закричалъ губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 13) Увидалъ же молодца губернаторъ изъ окна.

[1]) 2) «Есть ли, братцы, слуги вѣрные при мнѣ?» «Вы подите приведите удалова молодца». — Взяли, подхватили удалова молодца, Повели жа молодца къ губернаторскому крыльцу. Ужь и сталъ жа губернаторъ крѣпко спрашивать ево. 3) «Да вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите-приведите, вы удалова молодца.» Какъ и взяли молодца во царевомъ кабакѣ, Приводили-жъ молодца къ губернатору на дворъ, Становили-жъ молодца супротивъ краснова крыльца. Выходилъ ли губернаторъ съ губернаторшей своей, Какъ и сталъ губернаторъ его спрашивати. 4) «Уже есть ли кто при мнѣ, Слуги вѣрные мои? Вы подите, приведите удалаго молодца Изъ царева кабака.» Ужь какъ взяли, подхватили Къ губернатору на дворъ. Становили молодца про́тивъ краснаго крыльца. Выходилъ же губернаторъ на новый красенъ крылецъ. 5) «Ужь вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите, приведите удалова молодца́!» Вотъ приводятъ молодца на парадное крыльцо, На парадное крыльцо, къ воеводѣ на лицо; Ужь и сталъ его воевода, сталъ выспрашивати. 6) «Охъ гой еси, ребята, мои вѣрные слуги! Вы подите, приведите удалаго молодца.» Они взяли, подхватили на высокой горѣ, На высокой на горѣ, во царевомъ кабакѣ, Приводили же дѣтинушку къ губернатору на дворъ. Выходилъ же губернаторъ на высокое крыльцо, И сталъ же губернаторъ дѣтинушку выспрашивати. 7) «Вы подите, приведите-ка ко мнѣ.» Выходили же слуги вѣрные его: Пойдемъ, добрый молодецъ къ губернатору во дворъ. Подходилъ же добрый моло-

Черна шляпа съ позументомъ на его русыхъ кудряхъ. [1])
Съ Астраханскими купцами онъ не знается,
Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ [2]).
Какъ увидѣлъ молодца губернаторъ со крыльца: [3])

[1]) 2) На немъ черной бархатный кафтанчикъ, Зеленъ сафьянъ сапожки, Черна шляпа со репьемъ и рукавички съ серебромъ. 3) На распашечку черный бархатный кафтанъ, Во бѣлыхъ рукахъ златъ Персидскій кушачокъ. 4) 7) 10) 12) *Эт. ст. нѣтъ.* 5) Черна шляпа пуховáя на русыхъ его кудряхъ, Черны бархатны сапожки на босую его ногу. 6) Смуръ кафтанчикъ, черной запанчикъ, на распаску гуляетъ, Платъ Персидскій кушачёкъ во правóй рукѣ несётъ, Черну шляпу съ прозументами на рýсыхъ кудряхъ, Вострой сабелькой булатной подпирается—идётъ. 8) Въ бархатномъ кафтанчикѣ на распасочку, А шелкову свою поясочку во правой рукѣ несетъ, Черна шляпа съ прозументомъ на русыхъ его кудряхъ, Касандревска рубашечка—косой былъ воротокъ, Во правой рукѣ тросточка камышевая; Онъ и тросточкой разудаленькій подпираётся — идётъ. 9) Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ на опашку въ немъ, Тонкой шелковой кушачекъ во рукахъ несетъ; Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ. 11) въ однѣмъ ситцевомъ халатѣ на распашечку. *Эт. ст. послѣ 8-го.* 13) На немъ бархатный кафтанчикъ, Персидскій кушачекъ; Во правой рукѣ несетъ Бѣлые чулочки сафьяные башмачки; Онъ идетъ улицей, не торопится.

[2]) 2) Онъ со штатами и съ офицерами не кланится, Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 3) Астраханскимъ купцамъ онъ не кланітся, офицерамъ господамъ онъ челомъ, челомъ не бьетъ, Астраханскому губернатору онъ подъ судъ ему нейдетъ. 4) Астраханскимъ обывателямъ не кланяется, Астраханскому... 5) *7-го ст. нѣтъ.* 6) 12) Никому этотъ [12) ни съ кѣмъ—то онъ] дѣтинушка не кланется, Ни штабамъ, ни офицерамъ челомъ не бьетъ, Къ [12) къ — *нѣтъ*] Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 7) Идетъ городомъ дѣтинушка—не кланятся ни съ кѣмъ, Онъ ни съ княземъ, ни съ бояриномъ челомъ, братцы, не бьётъ, Къ Астраханскому губернатору подъ судъ, братцы, нейдетъ. 8) Никому онъ добрый молодецъ не кланется, Онъ ни шефамъ, ни маіорамъ подъ судъ нейдетъ, Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ. 9) Онъ и штабамъ, офицерамъ не кланяется, генераламъ и фельдмаршаламъ челомъ не бьетъ. 10) Онъ и штапáмъ-офицерамъ мало кланяется, Астраханскому.... 11) Астраханскіимъ обывателямъ не кланяется.... Самому губернатору челомъ не бьетъ. 13) 7-го и 8-го *ст. нѣтъ.*

[3]) 2) Выходилъ жа губернаторъ на высокъ красенъ крылецъ, Воскричалъ жа губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 3) Какъ увидѣлъ губернаторъ изъ косащета окна, Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ

20. Ужь какъ внизъ-то было по Камѣ по рѣкѣ,
Какъ плыла тутъ-выплывала легка лодочка косна,

зачій сынокъ; Я со Камы со рѣки Стеньки Разина сынъ!» Тутъ взяли, подхватили удалова молодца, Посадили молодца ево въ темную тюрьму, Во засаду крѣпкую. 3) «Не тебѣ бы, губернаторъ, меня спрашивати, Не тебѣ ли было мнѣ сказывати! Со рѣки, рѣки Камышки Сеньки Разина я сынъ. Мой батюшка хотѣлъ въ гости побывать, Хотѣлъ въ гости побывать, ты умѣй его принять, Ты умѣй его принять, умѣй подчивати; Если умѣешь ты принять— куныо шубу подарю, а не умѣешь ты принять—на оброкъ посажу. Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои! Вы подите, отведите удалова молодца Въ бѣлу каменну тюрьму. Какъ и душечка-молодчикъ онъ посиживаетъ, Да частенько въ окошко онъ посматриваетъ, На рѣку, рѣку Камышку онъ поглядываетъ. 4) Я не съ Дону казакъ, Не казачій я сынокъ, Я со матушки со Камы Сеньки Разина сынъ! — «Отведите молодца Въ нову каменну тюрьму.» Тутъ сказалъ ему Иванъ: Погляди-ко, губернаторъ! 5) И не съ Дону я козакъ, и не съ Польши я Полякъ, Я не съ матушки Москвы, не купеческій сынокъ; А я съ матушки Алканки Стеньки Разина сынокъ.—Тутъ велѣлъ его губернаторъ во тюрьму посадить. «Ты послушай, губернаторъ, что я буду тебѣ говорять: Ужь какъ завтра на разсвѣтѣ родный батюшка придетъ; Ты умѣй его принять, умѣй подчивати, то я крѣпкую твою тюрьму по кирпичку размечу, А младу твою жену на воротахъ разстрѣлю, А тебя я воеводу на Алканку уведу. *Эт. вар. конч.* 6) Я не Питерскій, не Казанскій и не Астраханскій, Я со матушки рѣки Камы Сеньки Разина сынокъ. Ужь какъ ты, губернаторъ, меня смѣлъ спрашивати? Заутро мой батюшка къ тебѣ въ гости будетъ. 7) Ужь я города Камышенки Степана Разина сынокъ, А заутра мой батюшка къ губернатору въ гости придетъ, Мой батюшка по прозванью Степанъ Разинъ Тимофеевъ. *Эт. вар. конч.* 8) Я съ матушки Волги Сеньки Разина сынокъ; Хотѣлъ мой батюшка къ тебѣ въ гости побывать; еще чѣмъ ты моего батюшку будешь подчивати? «Есть у насъ пироги—въ Тулѣ печены, А есть сухари — въ Петербургѣ крошены, Въ Петербургѣ крошены, въ Москвѣ высушены, Есть легкая похлебочка — у солдата на бедрѣ: Рѣдко имъ падаютъ, низко кланяются, Изъ ружей палятъ—много силушки валятъ.» *Эт. вар. конч.* 9) Отвѣтъ держалъ дѣтинушка-незнамый человѣкъ: Я не съ Дону казакъ и не казачій сынъ, И не изъ матушки вашей каменной Москвы разудалый молодецъ; По Камышенкѣ рѣкѣ красна лодочка плыветъ, На этой на лодочкѣ пятьсотъ гребцовъ, Пятьсотъ гребцовъ, все удалыхъ молодцовъ; Надо всѣми-то я атаманщикъ былъ. *Эт. вар. конч.* 10) Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка и самъ въ гости пріидетъ. *Эт вар. кон.* 12) «Я изъ города изъ Камышенки Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка будетъ въ гости къ вамъ: Вы умѣйте его принять, умѣйте его уподчивать.» — Готовъ давно десертъ

Какъ во лодочкѣ во той немало людей
И немало-немного — пятьдесятъ человѣкъ;
Середи лодочки косной сидитъ нашъ воровской атаманъ; [1])
Онъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Онъ потупилъ очи ясныя во мать во сыру землю. [2])
Какъ не сѣрые (гуси?) привозгакнули,
Какъ возговорятъ-промолвятъ добры молодцы ему: [3])
«Ты не плачь-не тужи, нашъ воровской атаманъ!» [4])
—Ничево вы-то, братцы, не знаете, не)вѣдаете:
Какъ мой-атъ сынъ во поиминѣ (пойманьи) сидитъ —
Онъ во славномъ городѣ во Астраханѣ! [5])
«Ты не плачь, не тужи, нашъ казачій атаманъ!
«Ужь мы сына твоего мы выручимъ,

во всемъ городѣ ему! *Эт. вар. конч.* 13) Я и не царскій, я и не барскій, Я и не купеческій сынокъ. Ты изволилъ знать Стеньку Разина; Я его сынокъ. Осердился-жъ губернаторъ На такого молодца, Отсылаетъ Стеньку Разина Прочь отъ себя *Эт. вар. конч.*

[1]) 2) Только внизъ было ужь по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ, Тутъ плыветъ-выплываетъ съ верху лодочка на низъ, У лодочки снастычки всѣ шолковыя, Парусы на лодочкѣ коноватны, Посередъ лодки сидитъ воровской атаманъ, По нашестычкамъ сидятъ удалые молодцы. 3) По рѣкѣ, рѣкѣ Камышкѣ тамъ суденушко плыветъ. «Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка идетъ.» 4) Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ Косна лодочка плыветъ, Вь этой лодочкѣ косной Двѣсти двадцать сидитъ человѣкъ, Посреди лодки косной Сидитъ батюшка родной Семенъ Ѳедоровичъ. 6) По утру-то ранымъ-ранехонько сверху лодочка бѣжитъ, На той же же на лодочкѣ немного людей — На счетъ полтораста человѣкъ.

[2]) 2) 3) 4) 6) *этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.*

[3]) 2) Ужь не гуси гогочутъ, добры молодцы говорятъ, Говорятъ добры молодцы атаману своему. 3) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

[4]) 2) Что же ты, нашъ батюшка, не веселъ сидишь? 3) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

[5]) 2) Какъ-то мнѣ, ребятушки, веселому быть? Сынъ-атъ мой любезнай во засадушкѣ сидитъ, Во засадушкѣ сидитъ, онъ во темной во тюрьмѣ. 3) Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои! Вы не знаете, ребята, про несчастьице мое: какъ и мой дитя Ванюша въ бѣлой каменной тюрьмѣ. 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

«Астраханскаго губернатора мы выучимъ:
«Да гдѣ мы его найдемъ — тутъ въ огнѣ сожжемъ! ([1])

(13 варіантовъ: 1) Саратовской губ., Петровск. у. с. Даниловка, зап. С. П. Шевыревъ; 2) Симбирской губ. с. Станишное, зап. А. М. Языковъ; 3) Костромской губ.; 4) и 5) Московской губ. и у. село Коломенское; 6) 7) и 8 Симбирской губ., Сызрань, зап. А. М. Языковъ; 9) Тульской губ., Чорнск. у.; 10) Симб. губ.; 11) и 12) Орелъ; 13) Симбирскъ, записалъ Д. А. Валуевъ. Первый принятъ за текстъ).

5.

(Калужск. губ., Лихвинск. у., д. Андроновское).

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочики, лѣса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои—вы, мои братцы, станочки всѣ пы(о)разорены!
Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки, всѣ порублены;
Какъ и всѣ-то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены,
Какъ и всѣ-то мои, братцы, товарищи, всѣ половлены!
Какъ одинъ изъ насъ, братцы, товарищей не пойманный,
Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищь нашъ Стенька Разинъ сынъ;
Выходилъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ на Дунай-рѣку,

---

[1]) 2) Вы гребите, добры молодцы, изъ рукъ веселъ не пущай! Мы Саратовъ городочикъ поутру мы прогребемъ, А Царицынъ городочикъ ввечеру мы прогребемъ, Въ Астраханскую губерню ко бѣлу свѣту поспѣмъ, Чтобы Астраханскаго губернатора у заутрени застать, И съ живова кожу снять. 3) Мы до походу дойдемъ, до походу дойдемъ, Бѣлу каменну тюрьму мы по камню разберемъ, Съ самого ли губернатора мы шкуру сдерёмъ! 4) Какъ сказалъ же Семенъ Громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы грянь-ка-те, ребята, Вы гряньте молодцы! Подъ Астрахань подгребемъ, Всю Астрахань разобьемъ, Астраханскія тюрьмы По кирпичику разберемъ, Своего сынка Иванушку повыручимъ, Астраханскаго губернатора повыучимъ. 6 Приворачивайте-ка, ребята, къ городу Астрахани, Приколочки ударимъ пихтовыя, Причалимъ мы лодочку причалами шелковыми, Мы остроги и тюрьмы всѣ по камню разберемъ, Съ Астраханскаго губернатора съ живова кожу сдеремъ.

Закричалъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ и всѣ-то вы, мои братцы товарищи, всѣ половлены!
«Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лукъ,
«Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стри(ѣ)лу
«Прострилите-тко, братцы товарищи, грудь мою бѣбѣлую!»

6.

(Нов. П.)

На зарѣ-то было, братцы, на утренней,
На восходѣ краснаго солнышка,
На закатѣ свѣтлова мѣсяца,
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Ясаулъ гулялъ по насадику;
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Добрыхъ молодцевъ побуживалъ:
«Вы вставайте, добры молодцы,
«Пробужайтесь, козаки Донски!
«Нездорово на Дону у насъ,
«Помутился славной тихой Донъ,
«Со вершины до черна мо́ря
«До черна моря Азовскова,
«Помѣшался весь козачей кругъ;
«Атамана больше нѣтъ у насъ,
«Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
«По прозванью Стеньки Разина;
«Поимали добра молодца,
«Завязали руки бѣлыя,
«Повезли во каменну Москву,
«И на славной Красной площади
«Отрубили буйну голову.»

Сынъ Стеньки Разина.

(Тамбовской губ., Моршанскаго у. село Соколовка).

Какъ не буйные вѣтры въ чистомъ полѣ бушевали,
Бушевала бѣла грудь красной дѣвицы,
Раздиралось ретиво́ сердечко у молодушки,
Тосковала красна дѣвица по любовничку,
Возрыдала еще я, голубушка, по обманщику;
Въ возрыданьицѣ она рѣчи молвила:
«Ахъ, на что меня родители порбдили,
«А на что меня на свѣтъ пу́стили?
«Для того ли, чтобъ кручиниться,
«Для того ли, чтобъ мнѣ вѣкъ печалиться?
«Какъ и былъ у меня милъ сердечный другъ,
«Онъ любилъ меня и жаловалъ,
«Много злата, серебра обѣщивалъ,
«Онъ частёхонько говаривалъ:
«Я куплю тебѣ, дѣвица, цвѣтно платье,
«А на шею твою бѣлу жемчужны жере́лья,[1])
«На головушку твою золотой повойникъ,
«Я сострою тѐ ([2]), дѣвица, каменны палаты,
«Я поставлю во палатахъ кровать тесовую,
«На кроватку положу перину пуховую,
«Я покрою постелюшку одѣяломъ соболинымъ;
«Я частенько буду, дѣвица, къ тебѣ ёзжа́ти
«И со Волги со разбою буду отдыхати.
«А уѣхалъ злой разбойникъ — со мной не простился,
«Ужь и съ той поры злодѣй со мной не водился.
«И не вѣдала я дѣвица ровно десять лѣтъ,
«Гдѣ злодѣй живетъ, гдѣ разбойничаетъ?
«Услыхала я дѣвица на одинадсятый годъ,
«Что поймали разбойничка на большой Волгѣ рѣкѣ,

---

[1]) Ожерелья. — [2]) Тебѣ.

«Допросили разбойничка изъ какого роду-племени онъ былъ?
«Показалъ злодѣй-разбойникъ, что онъ Стеньки Разина былъ сынъ.»

Смерть стрѣлецкаго воеводы.

(Г. Симбирскъ).

Царя бѣлаго, царя Русскаго
Алексѣя Михайловича
Тридцать три полка стрѣльцовъ —
Въ барабаны бьютъ стрѣльцы
По унывному,
Они пѣсенки пропѣли
По веселому.
Во второмъ отрядѣ стрѣлеческомъ
Уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался у молодчиковъ —
Воевода ихъ померъ.
Воеводы конечка
Въ поводу вели,
А самаго-то воеводу
На головахъ несли —
На тѣ горы воеводу
На Сіонскія,
Къ синему морю.
Ужь вы ройте-ко могилу
Глубокую,
Въ головахъ-то поставьте
Часовеньку,
Во ногахъ-то вы поставьте
Дубовый столпъ,
Къ нему привяжите
Ворона коня.
Кто ни пройдетъ,

На конечка подивуется;
Кто ни пройдетъ,
На часовеньку поклонится.

(Зап. Д. А. Валуевъ).

Подъ Ригою.

(Кирша Даниловъ).

А подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою
Что́ стоялъ царь государь по три годы —
Еще бывшій Алексѣй царь Михайловичь.
Изволилъ царь государь наряжатися,
Наряжается царь государь въ каменну Москву
А и бывшій Алексѣй царь Михайловичь.
Что́ по утру было рано-ранёшенько,
Какъ на свѣтлой зарѣ на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
Какъ-бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:
«А свѣтъ-государь, благовѣрной царь,
«А и бывшій Алексѣй царь Михайловичь!
«Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву,
«Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою;
«Ужь и такъ намъ де Рига наскучила,
«Она скучила намъ Рига, напрокучила:
«Много холоду, голоду приняли,
«Наготы, босоты вдвое тѡго.»
Что́ злата труба подъ Ригою протрубила,
Прогласилъ государь благовѣрный царь:
«А и дѣтушки, вы солдаты новобраные!
«Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
«Самому мнѣ государю напроскучила;
«Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
«А забудемъ бѣдность, нужу великую,
«А и выставлю вамъ погребы царскіе,
«Что съ пивомъ, съ виномъ меды сладкіе.»

Смерть царя Алексѣя Михайловича.

1.

Не сами тутъ двери растворялися,
Ужь какъ шла тутъ царица со царевичемъ,
Со царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ;
Что плачетъ она, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ она, что́ волны бьются.
Ужь какъ возговоритъ царица:
«Охъ, ты гой еси, батюшка нашъ православный царь,
«Православный царь Алексѣй Михайловичь!
«На кого ты оставляешь свое величество?
«Кому ты вручаешь царство Московское?»
Въ головахъ тутъ стояли попы, дьяконы,
Не сами тутъ свѣчи загоралися,
Читали тутъ отходную;
Въ ногахъ стояли все бояра.
Ужь какъ взговоритъ православный царь
Алексѣй Михайловичь:
«Оставляю свое величество
«Я царевичу Петру Алексѣевичу,
«Вручаю я царство Московское
«Я боярину князю Голицыну.»
Ужь тутъ православный царь переставился.

2.

(Уралъ).

Во славной во старой во крѣпости, каменной Москвѣ,
Тутъ шли-прошли два игумена, два монаха;
Дивовалися они, сумнѣвалися:
Что за чудо въ каменной Москвѣ, что за диковина?
Пріуныли всѣ въ каменной Москвѣ князья и бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Знать-то у насъ въ каменной Москвѣ нездорово,

Точно у насъ въ каменной Москвѣ неблагополучно,
Знать-то у насъ государя царя въ живѣ нѣту!
Случилось имъ идти мимо дворца государева:
Съѣзжаются къ государю царю князья, бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Строютъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну,
По уголошкамъ кладутъ камни драгоцѣнны.
Въ унывный большой колоколъ зазвонили,
Понесли государя царя хранити;
Во передъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дьяки,
За попами идутъ архиреи,
За ними ведутъ милосерду государыню;
Подъ праву руку ведетъ большой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшой сынъ,
Утираетъ ей горючи слезы мила доченька.

(Дост. В. И. Даль).

3.

У насъ было, братцы, во святой Руси,
Во святой Руси въ каменной Москвѣ
Заунывные большіе колколы зазвонили;
У насъ знать-то въ каменной Москвѣ
Нездорово за стѣной, стѣной бѣлокаменной.
Ужь и дѣлаютъ драгуны гробницу золотую,
Багрецовыми сукнами укрывали,
Полужоными гвоздями убивали.
Бѣлокаменная палата отворялась:
Напередъ-то идутъ попы, дьяконы и архиреи,
За ними несутъ гробницу золотую,
За гробницей идетъ младой юноша царевичь,
Во слезахъ-то онъ слова не промолвитъ.

4.

(Стапишное, Симб. губ.)

Что это у насъ, братцы,
Въ каменной Москвѣ пріуныло,
Что это пріумолкло?
Заунывно зазвонили
У Ивана у Великаго въ большой колоколъ,
Языкъ-атъ увивали черным бархатомъ.
Всѣ князья, бояре догадались:
Они всѣ съ себя платье цвѣтное скидавали,
Наряжалися во платьице черное, печальное.
И что это у насъ, братцы,
Въ каменной Москвѣ пріумолкло?
Знать не стало у насъ въ каменной Москвѣ
Самодержавца батюшки царя бѣлаго.

(Зап. А. М. Языковъ).

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Терентій гость.

(Прибавления къ выпуску 5-му, къ былинамъ Новгородскимъ).

2 *).

(Симбирск. г, с. Головино).

Ой ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ ты—богатъ [1]) человѣкъ!
У тебя, дискать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна.

Ее съ вечера недуги берутъ,
Къ полуночи ее немочь бьетъ,
Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясетъ,
Немочь-то черная,

---

*) Мы отмѣчаемъ эту былину *второю*, послѣ *первой*, помѣщенной въ 5-мъ выпускѣ, стр. 54—60. Читатели не посѣтуютъ на насъ, что мы передаемъ имъ такую драгоцѣнность нѣсколько поздно, только что нашедши ее въ бумагахъ покойнаго П. В. К. Съ этимъ вмѣстѣ одинокой образецъ, извѣстный до сихъ поръ лишь изъ Кирши Данилова, дополняется превосходнымъ другимъ, въ которомъ мы получаемъ новое имя Терентьевой жены—*Олена Клементьевна-Дементьевна*, въ Новгородѣ «крестъ *Евстаѳійскій*» и т. п. черты, которыя благоволятъ читатели прибавить въ «Указатель», составленный для Новгорода при 5-мъ выпускѣ. — *О.*

[1]) Богатый гость, прозвище, званіе Терентья.

Лихорадка красная:
Пухотá, подживóтна скорбь. [1])
Тутъ возговоритъ жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Ой ты гой еси, Терентій гость,
«Ты славенъ-богатъ человѣкъ!
«Чтó ты мастерóвъ не спрашиваешь,
«Подмастерьевъ [2]), не допытываешь?»

Тута Терентій гость
Встаетъ п'утрý ранёхонько,
Обувается гладёхонько,
Умывается бѣлёхонько,
Надѣваетъ шубу новую;
Онъ пошелъ по Нову-городу,
Онъ сталъ протúво хреста,
Протú хреста, протúвъ чуднова,
Протú чудна Остаѳ[illegible]скова [3]).
На встрѣчу ему скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые;
Они взглянутся—улыбнутся,
А отвернутся—разсмѣхнутся.
Тутъ возговоритъ Терентій гость:
— Ой вы гой еси, скоморохи,
— Скоморохи, люди вѣжливые,
— Люди вѣжливы-очестливые!
— Вы много по землѣ ходокú,
— Вы много всѣмъ скорбáмъ знатокú,
— Вы скорби ухаживате,
— А недуги уговаривате:
— У меня, братцы, жена скорбнá», [4])
—Оленушка Клементьевна,

---

[1]) О смыслѣ этой болѣзни см. 5–й выпускъ. — [2]) «Мастеровъ, подмастерьевъ» — дохтуры, волхвы; ср. 5-й выпускъ. — *О*. [3]) См. 5-й выпускъ. — *О*. [4]) Больна — *О*.

— Клементьевна-Дементьевна;
— Ее съ вечера недуги берутъ,
— Въ полуночь черна немочь бьетъ,
— Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясётъ.
Инъ тута скоморохи
Сглянутся — улы́бнутся,
Отвернутся — разсмѣхнутся:
«Ой ты гой еси, Терентій гость,
«Славенъ-богатъ человѣкъ!
«Ты поди-ка во холщёвой рядъ,
«Купи холщёвой мѣхъ,
«Ты не дорого — три денежки дай,
«А мочалище [1]) полденежки:
«Стало — безъ полушки грошъ;
«Садися въ холщёвой мѣхъ!»
Пошли они къ Терентью старому,
Къ Оленушкѣ Клементьевнѣ,
Клементьевнѣ-Дементьевнѣ.

Встрѣчатъ ихъ молода жена
Оленушка Клементьевна:
«Ой вы гой еси, скоморохи,
«Скоморохи, люди вѣжливые,
«Люди вѣжливые-очестливые!
«Не видали ли немилаго мово́
«Терентья стараго,
«Терентья богатаго?»
И тутъ скоморохи
Взглянутся — улы́бнутся,
А отвернутся — разсмѣхнутся:
«Мы видѣли немилаго твово́
«Терентья стараго
«Противъ хреста, проти чуднова,
«Проти чудна Остаѳейскаго;
«Его вороны потаскиваютъ,

[1]) Которымъ завязать мѣшокъ.

«Черны́ кабелй поволакивають.»
Возговоритъ жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Избыла де я немйлаго своб
«Терентья стараго,
«Терентья богатаго,
«Нажила я свою волюшку!»

Тутъ возговорятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые:
«Ты слышишь ли, мѣшокъ,
«Ты слышишь ли, холщёвъ,
«Что пró тебя говорятъ,
«Про твою буйну головушку?»
Онъ сталъ въ мѣшкѣ потягиваться,
Сталъ поволакиваться;
Холстинушка разбрвалась,
А мочалище пóрвалось.
Встаетъ тутъ Терентій гость
На свои на рѣзвы́ ноги,
Онъ беретъ трость жимолосну,
Половина свинцу́ налита;
Онъ сталъ скорби ухаживати,
Сталъ недуги уговаривати.
Тутъ возгóворятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очéстливые:
«Ой ты гой еси, Терентій гость!
«Ты самъ скорби ухаживаешь,
«А недуги уговариваешь!»

(Достав. П. М. Языковымъ 1838 года, мая 25).

* *
*

II. (a).

У князя Володиміра,
У солнышка у числа-время, [1])
Было пированьице [2]) честное,
Честное и радошно,
И радошно и порядошно; [3])
Пили, ѣли прохлажалися,
Промежъ себя похвалялися:
Сильный хвалится силою,
А богатый хвалится богатствомъ, [4])
Молодецъ похвалился конемъ добрымъ:
«У меня, братцы, конь-добра лошадь; [5])
«Еще, братцы, молода жена—
«И умная, и разумная: [6])
«Спустя мужа, пиво варила,
«Пиво варила, вино курила,
«Звала гостей полюбимыихъ,
«Князей, бояръ — безъ боярыней, [7])
«Поповъ, дьяковъ—все безъ дьяконицъ.» [8])
Во глаза тутъ молодцу насмѣялися: [9])
«У тебя да молода жена
«Умная и разумная:
«Спустя мужа, пиво варила,
«Пиво варила, вино курила,
«Звала гостей полюбовныихъ:
«Князей, бояръ—безъ боярыней,
«Поповъ, дьяковъ—все безъ дьяконицъ!» [10])
За досаду молодцу показалося, [11])
Садился онъ [12]) на добра коня,

(а) Ср. выше кругъ пѣсень Владиміра.

[1]) *Этою ст. нѣтъ.* [2]) Пированьице было. [3]) Честнò, хвальнò, больно радошно. [4]) 9-й *ст. послѣ* 8-го. [5]) 10-го и 11-го *ст. нѣтъ.* [6]) Одинъ похваляется молодой женой: У меня братцы, жена умная, Умная—разумная. [7]) Звала въ гости князей бояръ-безъ боярышневъ. [8]) безъ дьяконицевъ. [9]) Тутъ въ глаза молодцы насмѣхалися. [10]) 20—26 *ст. нѣтъ.* [11]) *Послѣ* 27-го *ст.* Пошелъ молодецъ на конюшій дворъ, обратывалъ коня добраго. [12]) Молодецъ *вм.* онъ.

Во стремечью не ступаючи,
За сѣдельну луку не хватаючи; [1]
Поѣхалъ онъ со пиру домой; [2]
Подъѣзжаетъ къ своему широку двору, [3]
Пнулъ столбы своимъ чоботомъ — [4]
Столбики пошатилися,
Воротички растворилися. [5]
Встрѣчаетъ его молода жена
Среди своего широка двора. [6]
Вынимаетъ молодъ свою востру саблю, [7]
Онъ снёсъ съ неё буйну голову, [8]
Самъ пошелъ молодецъ по выходамъ,
По выходамъ и по погребамъ;
Всѣ выходы были заперты,
Погребицы запечатаны. [9]
Пошелъ молодецъ во свою горницу,
Свою горницу, во высокъ теремъ: [10]
Въ терему виситъ колыбелушка, [11]
Въ колыбелушкѣ родно дитятко, [12]
Родно дитятко, чадо милое.
Онъ сталъ качать-прибаюкивать:
«Баю, баю, родно дитятко, [13]
«Баю, баю, чадо милое! [14]
«Ушибъ-то я твою матушку,
«Себѣ возьму молоду жену,
«Тебѣ возьму лиху мачиху!» [15]

(Два варіанта, записаны въ Симб. г., въ с. Головинѣ А. М. Языковымъ).

---

[1]) 29-го и 30-го *ст. нѣтъ*. [2]) Поѣхалъ молодецъ вдоль по улицѣ. [3]) Подъѣзжалъ молодецъ къ широкому двору. [4]) Ткнулъ копье въ дубовы столбы. [5]) *Вм.* 34-го *и* 35-го *ст*: Дубовы столбы пошаталися, Сосновы доски разсыпалися. [6]) *Вм.* 37 *ст.* Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ, Въ одной сорочкѣ безъ понёвы. [7]) Беретъ молодецъ саблю вострую. [8]) Срубилъ женѣ одину голову, Покатилась головушка ея Къ коню подъ ноги, подъ копытечко, Подъ правое, подъ переднее. [9]) 35—38 *ст. нѣтъ*. [10]) *Вм.* 39-го и 40-го *ст.* Кинулся молодецъ въ палатушку, Въ палату бѣлокаменну. [11]) Въ палатушкѣ колыбель виситъ. [12]) Въ колыбели лежитъ чадо милое. [13]) Бау, бау, чадо милое! [14]) *Эт. ст. нѣтъ*. [15]) *Вм.* 47—49 *ст.* Не стало у тебя родной матушки, У меня молодца молодой жены! Хоть возьму молоду жену, И будетъ она тебѣ не родная мать, Не родная мать — лиха мачиха.

III. (а).

(Новгородъ).

Ты любовь, моя любовь, любовь дѣвушкина!
Ты когда, моя любовь, побываешь у меня?
— «Я бы рада побывать, дороженьки не спознать,
«Дороженьки не спознать, товарищей не созвать.
«Побываю у тебя, когда выростетъ трава,
«Когда выростетъ трава середи твоrб двора,
«Поразольется Нева со крутым' бережкам' ровна!»
По синю морю кораблицекъ бѣжитъ, таки бѣжитъ,
Къ Нову-городу кораблицекъ спѣшитъ, таки спѣшитъ;
По кораблику Васильюшко погуливаетъ,
Онъ во звонкія гусéльчики поигрываетъ:
«Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусéльчики мои,
«Заиграйте вы, гусли, при мнѣ, таки при мнѣ,
«При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ-молодцѣ,
«При Васильѣ-молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!»

Татарскія.

1.

(Симб. губ.)

Было во городѣ во Черниговѣ —
Воевали, бузовали три Татарченка,
Они били, разбивали нашъ Черниговъ-градъ,
Намного они брали золотой казны,
А еще того побольше чечью жемгуга;
Полонили они душу-ли красну дѣвицу,
Тоё ли они Шамельфу дочь Никитичну.
Выводили они собаки во чисто поле,
Разставляли собаки шатры бѣлые,

(а) Ср. выше кругъ пѣсенъ Новгородскихъ.

Разстилали они ковры шелковые,
Разсыпали они, собаки, казну на три вороха,
А чечуй жемчугъ на три жеребья,
А души красной дѣвицы жеребья нѣту.
Что возгóворитъ собака, младъ Татарченокъ:
«Охъ, вы гой еси два брата, два названые!
«Вы возьмите мой жеребій золоту казну,
«А въ замѣнъ отдайте душу красну дѣвицу.»
Злы Татарченка казнѣ обрадовалися,
И душой красной дѣвицей поступалися.
Онъ беретъ бусурманъ за праву руку,
И повелъ ее злодѣй въ особливъ шатёръ;
Онъ и сталъ надъ ней, собака, надругатися,
И сталъ надъ ней насмѣхатися:
Онъ взялъ ее, собака, за русу косу
И ударилъ ее бусурманъ о сыру землю.
Закричала же дѣвица громкимъ голосомъ:
«Охъ, вы гой еси братцы-рыболовщички!»
Услыхалъ же тó дородный добрый молодецъ,
Онъ и скачетъ ко бѣлу шатру полотняному,
Онъ снимаетъ съ собаки буйну голову,
А душу красну дѣвицу съ собой беретъ.

(Дост. Языковъ).

2.

(Рязанской губ.)

Не буйны вѣтры подымались,
Съ палатъ верхи посметало,
Въ теремахъ двери растворяло,
На столахъ кушанья расплескало;
За столомъ сидитъ злой лихой Татаринъ,
Передъ нимъ стоитъ красная дѣвица,
И не такъ дѣвка стоитъ:
Она стоитъ — слезно плачитъ.
Злой лихой Татаринъ дѣвку унималъ,

Платкомъ слезы утиралъ:
«Ты не плачь-кась, красная дѣвка,
«Русская бѣлополынянка!
«Я сошью тебѣ конью шубу.»

(Зап. г. Трубниковъ).

3.

(Симбирск. губ.)

Изъ Крыму было, Крыму, изъ Нагаю,
Бѣжалъ тутъ младъ невольничекъ изъ неволи,
Изъ той ли изъ Орды, братцы, изъ поганой.
Подходитъ младъ невольничекъ ко Дунаю,
Изыскивалъ песчанаго переходу.
Безсчастьицо на молодца приходило:
На тое время тихой Дунай становился,
Онъ тоненькимъ ледочкомъ покрывался,
Молоденькимъ снѣжечкомъ засыпался,
Лютыми морозами укрѣплялся.
Слѣзетъ молодецъ со добра коня,
Запѣлъ-то онъ съ горя пѣсню:
«Сторона-ль ты, моя сторонушка,
«Сторона-ль ты родимая,
«Родимая, прохладливая!
«Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
«Отца съ матерью не видати.»

(Зап. Языковъ).

4.

Какъ за рѣчкою,
Да за Дарьею,
Злы Татарове
Дуванъ дуванили.

На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю;

Какъ повезъ тещу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.

«Ну и вотъ, жена,
«Те́ работница —
«Съ Руси Русская
«Полоняночка.

«Ты заставь ее
«Три дѣлъ дѣлати:
«Ужь какъ первое —
«То куделю прясть,

«А другое дѣло —
«То гусей стеречь,
«А и третье дѣло
«То дитё качать.»

Ахъ, ручками я
Кудель пряду,
А глазками
Гусей стерегу,

А глазками
Гусей стерегу,
А ножками
Дитё колышу.

Охъ, качаю дитё,
Прибаюкиваю:
«Баю-баю,
«Боярскій сынъ!

«Ты по батюшкѣ
«Золъ Татарченокъ,
«А по матушкѣ
«Ты Русеночекъ,

«А по матушкѣ
«Ты Русеночекъ,
«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ,

«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ:
«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь,

«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь;
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята;

«На правой груди
«У ней родинка,
«На лѣвой ногѣ
«Нѣтъ мизинчика.

«Мнѣ и бить тебя —
«Такъ грѣхъ будетъ,
«А дитёй назвать —
«Мнѣ вѣра не та!»

Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:

«Государыня,
«Наша барыня,
«Наша барыня,
«Милосердная!

«Полоняночка
«Съ Руси Русская
«Качаетъ дитё,
«Прибаюкиваетъ:

«Баю-баю,
«Боярскій сынъ!
«Ты по батюшкѣ
«Золъ Татарченокъ,

«Ты по батюшкѣ
«Золъ Татарченокъ,
«А по матушкѣ
«Ты Русеночекъ,

«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ:
«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь,

«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь;
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята;

«На правой груди въ ней —
«У ней родинка,
«На лѣвой ногѣ
«Нѣтъ мизинчика.

«Мнѣ и бить тебя —
«Такъ грѣхъ будетъ,
«А дитёй назвать —
«Мнѣ вѣра не та!»

Охъ, стучитъ-гремитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ
И дрожма дрожитъ

Дочка къ матери;
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:

«Государыня,
«Моя матушка!
«Не спознала я
«Тебя, рóдная!

«Ты бери ключи,
«Ключи зóлоты,
«Отмыкай ларцы,
«Ларцы кóваны,

«Отмыкай ларцы,
«Ларцы кованы,
«Ты бери казны
«Сколько надобно;

«Ты поди, поди
«На конюшенку,
«Ты бери коня
«Что ни лучшаго,

«Ты бѣги, бѣги,
«Моя матушка,
«Моя рóдная,
«На святую Русь!»

— Охъ дитё-ль мое,
Мое милое!
Не поѣду я
На святую Русь,

Не поѣду я
На святую Русь;
Я съ тобой; мой другъ,
Не разстануся.

5.

(Елецкій у., Орловской губ.)

Ужь и чей это теремъ
Златымъ серебромъ украшенъ?

Подвилья,
Подвиль яблонь,
Направи́ли противъ-или на-филя́
Штра́филь-па́филь,
Подфиль Филимонъ,
Леба́да пале,
Приклонь яблонь
Прилегла. [1]

Ужь во то́мъ ли терему́
Убрана́ кровать стоитъ,

Ужь на той ли на кровати
Самъ турецкой царь лежитъ;

Передъ этимъ королемъ
Полоняночка стоитъ,

Полоняночка стоитъ
Красна дѣвица-душа

Изъ Россійской стороны,
Обливалася слезми.

«Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
«Не плачь, душечка моя!

«Я отдамъ тебя, дѣвица,
«За любимаго пажа.»

---

[1] Припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

— Не хочу я за пажа!
Отпусти меня домой,

Отпусти меня домой
Къ моей матушкѣ родной.

(Зап. М. А. Стаховичъ).

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

—1867 г. Января 13, CCXXIX засѣданіе, пунктъ 3.—Д. Ч. А. Н. Аѳанасьевъ напечаталъ, по переданнымъ ему рукописямъ, четыре листа, но долженъ былъ на этомъ остановиться, потому что дальнѣйшихъ рукописей Кирѣевскаго у него не было.—Общество постановило: просить Д. Ч. П. А. Безсонова (возвратившагося въ Москву) докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аѳанасьевымъ текстъ пѣсенъ своими примѣчаніями и выпустить оный.

—Во исполненіе протокола, изъ письма Г. Предсѣдателя Общества Н. В. Калачова къ Д. Чл. П. А. Безсонову отъ 16 Октября 1867 года: «М. Г. Общество Л. Р. Сл. въ засѣданіи 13 Января (ст. 3) опредѣлило просить Васъ, взять на себя трудъ докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аѳанасьевымъ текстъ 7-го выпуска Пѣсенъ Кирѣевскаго и дополнить оный Вашими примѣчаніями.... Сообщая Вамъ, М. Г., объ этихъ постановленіяхъ Общества и въ надеждѣ, что Вы не откажете въ дальнѣйшемъ содѣйствіи своемъ этому изданію, столь много уже Вамъ обязанному, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, увѣдомить меня предварительно о томъ, согласны ли Вы принять на себя означенный трудъ»... Отвѣтъ Г. Предсѣдателю Д. Чл. П. А. Безсонова отъ 19 Октября съ изъявленіемъ совершенной готовности.

---

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 7-му ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ,

И

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ ПЕРВЫМЪ ДВУМЪ ЧАСТЯМЪ ПѢСЕНЬ БЫЛЕВЫХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

При концѣ двухъ первыхъ частей предполагалось въ дополненіе напечатать все, что открыто въ томъ же родѣ послѣ ихъ появленія. Но по обстоятельствамъ, выше изложеннымъ, и происшедшему отсюда перерыву въ изданіи, предположеніе это выполняется здѣсь *вторичными* Приложеніями, въ порядкѣ, который уясненъ вполнѣ Оглавленіемъ на концѣ сего выпуска.

Часть I.

Выпускъ 1 и 4.

Илья Муромецъ.

1.

(Губ. Ворон., Землянск. у.).

Какъ то было за Днѣпромъ рѣкой:
Стояли застáвы не малыя,
Заставушки не малыя, великія;
Былъ на заставахъ: старой козакъ Илья Муромецъ,
Былъ Алеша Попович,
Еще были два брата родимые,
Лука да Матвей, Дѣти Боярскіе.
Утромъ то было раньимъ рано,
На зарѣ то было на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
На свои (балконы) широкіе;
Онъ смотрѣлъ во чисто поле
На всѣ четыре стороны:
Ничего нѣтъ въ полѣ хорошаго,
Ни худаго, ни добраго,
Все въ полѣ по старому,
Подъ востокомъ лишь морочить *) стало.

---

*) Меркнуть, заволакиват; по другимъ разнорѣчіямъ: увидалъ на полѣ вдали *черкизину*.

Спускается старой Илья Муромецъ
Къ быстру Днѣпру,
Изъ быстра Днѣпра умывается,
Шитой ширинкой утирается,
Самъ смотритъ во чисто поле.
Видитъ, ѣдетъ богатырь, торопится
Ко старому козаку Ильѣ Муромцу.
Ѣхалъ то Добрыня Никитичь младъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ Ильѣ Муромцу,
Говоритъ ему таковыя слова:
«Ой ты гой еси, старой Илья Муромецъ,
«Проѣхалъ богатырь мимо меня,
«Мимо меня, мимо моей заставы.
«Подъ нимъ добрый конь, что лютый звѣрь
«Самъ богатырь на конѣ храбро сидитъ,
«На правомъ плечѣ тяжка палица,
«На лѣвомъ плечѣ сидитъ бѣлъ кречетъ,
«По стреленью бѣгутъ сѣры выжлоки *).»
Говоритъ Добрынѣ Илья Муромецъ:
—Поѣзжай ты, Добрыня, за богатыремъ,
—Не бери съ собой тяжкой палицы,
—Не бери съ собой сабли вострыя,
—Сабли вострыя, копья мурзамецкаго;
—Спроси ты богатыря про дѣдину,
—Про дѣдину, про отчину,
—Коего города, какой земли.—

Ѣдетъ Добрыня Никитичь за богатыремъ,
Наѣзжаетъ Добрыня на богатыря,
Сталъ кричать ему зычнымъ голосомъ,
Говоритъ ему языкомъ Русскіимъ:
«Гой ты еси, добрый молодецъ,
«Сильный, могучій богатырь!
«Ты скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.

«Коего города, какой земли?»
Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь:
««Отлейся ты, какъ вода вешняя,
««Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
««Отлети, ворона перелéтная,
««Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
««Не хочу съ тобой слова гóворить.»»
Отворачивалъ Добрыня своего коня,
Ѣхалъ къ старому Ильѣ Муромцу,
Говорилъ ему Добрыня таковы слова:
«Богъ тебя суди, старой козакъ,
«Богъ тебя суди, Илья Муромецъ,
«Не велѣлъ ты мнѣ брать тяжку палицу,
«Сабли вострыя, копья мурзамецкаго;
«Обзывалъ меня богатырь:
««Отлейся ты, какъ вода вешняя,
««Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
««Отлетай, ворона перелетная,
««Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
««Не хочу съ тобой слова гóворить.»»
За бѣду стало старому Ильѣ Муромцу,
За великую досаду показалося,
Его сердце разгоралося,
Его кровь раскипалася,
Говорилъ Добрынѣ Илья Муромецъ:
—Ой ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
—Я поѣду за богатыремъ,
—Ты же поѣзжай въ стольный Кіевъ градъ
—На улочку на съѣзжую,
—На площадку на схожую;
—Ни къ чему ты коня не привязывай,
—Ни кому ты его не приказывай,
—Самъ ступай во Божій храмъ,
—Ко свѣтлой Христовой заутрени,
—Ставь свѣчи мѣстныя
—Іисусу Христу, Божьей Матери,

—Третью свѣчу Михаилу Архангелу,
—Стой, молися Богу милостивому,
—Клади поклоны до сырой земли,
—Проси у Бога милости:
—Когда свѣчи станутъ обливатися *),
—По ту пору стану я воеватися.—
Скрутно **) они тутъ сряжалися,
На добрыхъ коней садилися,
Другъ съ дружкой распростилися:
Добрыня поѣхалъ въ стольный Кіевъ градъ,
Илья Муромецъ во чистó поле.

Не стукъ стучитъ во чистóмъ полѣ,
Не громъ гремитъ во раздольицѣ,
Ѣдетъ старый Илья Муромецъ, торопится,
Его вѣрный конь разсержается,
По чисту полю разстилается,
Мелкіе лѣса промежду ногъ бросалъ,
Мелкія рѣчки-ручьи пескомъ засыпалъ.
Услыхалъ тутъ добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь,
Топоту конинаго, голосу богатырскаго,
Подъ нимъ добрый конь сталъ спотыкатися:
«Чтó ты, конь мой, спотыкаешься?
«Аль не слыхивалъ топоту конинаго,
«Аль не слыхивалъ голосу богатырскаго?»
Спускалъ добрый молодецъ
Съ лѣва плеча бѣла кречета:
«Полети, бѣлъ кречетъ, во чистó поле,
«Побѣгите, сѣры выжлоки, во темны лѣса,
«Мнѣ теперь не до васъ пришло.»
Наѣзжалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Съѣзжались они во чистомъ полѣ,

*) Пока порядочно уже сгорятъ.
**) Поспѣшно. *Прим. 1-го изд.* — Нарядно, какъ слѣдуетъ сряжаться, крутиться.

Стали биться-рубитися.
Долго билися богатыри,
Тяжки палицы поломалися,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ другой разъ,
Долго билися-рубилися,
Сабли вострыя призабилися,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ третій разъ,
Скочили съ добрыхъ коней
И схватилися въ рукопашную.
У богатыря была уловка не добрая:
Онъ бралъ Илью Муромца на косой носокъ *),
Бросалъ его на сырую землю,
Разстегалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище **), булатный ножъ,
И хотѣлъ вспороть его бѣлу грудь:
Какъ въ локтѣ рука застоялася;
Онъ заноситъ ее въ другой разъ,
Но въ локтѣ рука застоялася;
Онъ заноситъ ее въ третій разъ,
Но рука опять застоялася.
Говоритъ тутъ добрый молодецъ:
«Что жь это за диковина,
«Не могу я вспороть груди бѣлыя!
«Аль ты въ родствѣ, али въ племени?
«Скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
«Коего города, какой земли?»
Взговорилъ старой Илья Муромецъ:
—Охъ Ты, Боже мой милостивый,
—Іисусъ Христосъ, Матерь Божія!
—Я стоялъ всегда за вѣру православную.
—Православную Русь, христіанскую,

---

*) Въ борьбѣ «подъ ножку.»
**) См. прежніе выпуски.

—Былъ я на семи бояхъ,
—На семи бояхъ на семидесяти,
—Все мнѣ старому удавалося,
—А нынѣ Господь Богъ прогнѣвался:
— Сидитъ богатырь на моей груди
—И не можетъ вспороть груди бѣлыя!
—Когда бы я былъ на его грудяхъ,
—Не спросилъ бы про дѣдину и отчину.—
Спускались съ неба два ангела,
Шептали Ильѣ Муромцу во правое ухо:
««Встрепенись, встрепенись, старóй Илья Муромецъ,
««Какъ трепещется на синемъ морѣ сизóй орелъ!»»
Встрепенулся старой Илья Муромецъ,
Онъ сбрасывалъ богатыря съ бѣлóй груди,
Улеталъ богатырь выше дерева стоячаго;
Взбѣгалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Не разстегивалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище, булатный ножь,
Хватилъ богатыря во бѣлую грудь:
Но сгибался булатный ножь до черена.
Удивлялися тутъ, что жь это за диковина?
Разстегалъ у богатыря грудь бѣлую,
Увидалъ на немъ крестъ серебряный,
Сталъ спрашивать про дѣдину, про отчину:
—Ты скажи мнѣ, удалой молодецъ,
—Коего города, какой земли,
—Какого отца и матери?—
«Матери Польки *) я, отца Ильи Муромца.»
Бралъ старóй богатыря за бѣлы руки,
Становилъ его на ноги рѣзвыя,
Цѣловалъ въ уста сахарныя:
—Ужь ты здраствуй, дитя мое милое,
—Я отецъ твой Илья Муромецъ!—
Садились они тутъ на добрыхъ коней,

*) Это разнорѣчіе, неизвѣстное по другимъ образцамъ.

Ѣхали въ стольный Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко Владиміру.

Встрѣчалъ ихъ солнышко Владиміръ князь
Съ честію, радостію,
Выкатилъ, солнце, бочку вина сорокъ ведръ,
Наливалъ чашу въ полтора ведра,
Подносилъ ее (къ) Ильѣ Муромцу.
Были всѣ тутъ веселы, радостны,
Богатыри храбрые, поляница удалая,
Гуляли они, потѣшалися,
Не много, не мало, два мѣсяца.

(Со словъ крестьянина, ср. „Воронежск. Сборникъ" 1861 г., а въ I-й Части вып. 1, Разр. I №№ 1—6, Разр. IV №№ 1—2; вып. 4 №№ 2 и 3).

*

2.

(Сарат. губ.).

Какъ далече–далече во чистомъ полѣ,
Не ковыль–трава въ полѣ шатается,
Зашаталъ–загулялъ старъ–матёръ человѣкъ,
Старъ–матёръ человѣкъ, Илья Муромецъ,
На своемъ на добромъ конѣ,
На войлочкѣ на бумажнымъ *),
На сѣдельцѣ на черкасскимъ.
У старого денегъ не водилося,
Только было при немъ сорокъ тысячей,
А коню подъ нимъ цѣны не было:
Конь–то былъ подъ нимъ, что лютый звѣрь,

---

*) Войлочекъ—бумажный: противорѣчіе и безсмысленное сочетаніе.

А самъ онъ на конѣ, что ясенъ соколъ.
Какъ наѣхали на него станишнички,
По русскому сказать, воры-разбойнички,
Хотятъ они старого ограбити,
Хотятъ его добра молодца убить-срубить,
Убить-срубить, душу погубить.
Возговорилъ тутъ Илья Муромецъ:
«Ужь вы братцы мои станишнички!
«Убить вамъ меня, старого, не за что,
«А взять-то вамъ у меня нечего,—
«Только есть на мнѣ безсермяжечка *),
«Безсермяжечка—она въ сто рублёвъ,
«Кушакъ да штаны—пятьсотъ даны,
«Шапочка моя—во всю тысячу,
«А добру мому коню и цѣны нѣту:
«Отъ того мому коню цѣны нѣту,
«Что онъ броду не спрашиватъ,
«А котора рѣка и цѣла верста,
«Онъ скачетъ съ берегу на берегъ.»

Вынималъ тутъ Илья Муромецъ свой крѣпкій лукъ,
Накладалъ онъ калену стрѣлу,
Онъ стрѣлялъ по сыру дубу,—
Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
Исщепала дубъ въ черепья **) въ ножевыя.
А станишнички испужалися
Что того ли грому богатырскаго,
Всѣ съ добрыхъ коней попадали,
Безъ ума часовъ пять лежатъ.
А и стали станишники пробужатися:
Встаётъ Сёма, пересёмываетъ,
Встаётъ Спиря, поспириваетъ,

---

*) Обыкновенно, по другимъ образцамъ, сермяжечка: здѣсь, вѣроятно, принаровлено къ слову «бесерменъ» по сходству звуковъ.

**) Черенья.

Да и бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу:
««Ты старóй козакъ Илья Муромецъ,
««Илья Муромецъ, свѣтъ Ивановичъ!
««Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
««Станемъ тебѣ служить вѣрой–правдою
««Отнынѣ и до вѣку.»»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«Ужь вы гой есте, братцы станишнички!
«Вы ступайте во чисто поле,
«Вы скажите Олёшкѣ Поповичу,
«Что каковъ есть старой казакъ Илья Муромецъ.»

(Ср. „Лѣтоп. Р. Л. и Др." т. IV, изъ сборн. гг. Костомарова и Мордовцевой, гдѣ прибавлено еще нѣсколько разнорѣчій, а въ Части I-й вып. 1, отд. II, № 8-й, ближайше сходный).

*

Въ «Лѣтописяхъ Р. Литер. и Древн.,» изд. Н. С. Тихонравова, т. IV, 1862 г., изъ сборника гг. Костомарова и Мордовцевой, стр. 9—10, помѣщено ближайшее разнорѣчіе къ нашему изданію, Ч. I, вып. 1, отд. I, № 7, объ Ильѣ Муромцѣ на Соколѣ кораблѣ; другой «варіантъ,» тамъ же помѣщенный, взятъ изъ Пѣсенника Новиковскаго; а третій, объ Алёшѣ Поповичѣ на Соколѣ кораблѣ, ср. у насъ въ Ч. I, вып. 4-мъ, въ «Замѣткѣ,» съ образцемъ, помѣщеннымъ на стр. XXIII—XXVII.— Помѣщенная же въ сборн. гг. Костомарова и Мордовц. былина, яко бы изъ круга Владимірова, о Лукоянѣ Берендѣевичѣ, сочинена по тому же образцу, какъ Сахаровскія былевыя сказки (см. «Замѣтку при 5-мъ вып.) съ невозможными въ нашемъ народномъ творчествѣ выраженіями и небывалымъ языкомъ.

Выпускъ 2.

Добрыня Никитичъ.

1.

(Сарат. губ.).

Матушка Добрынюшкѣ наказывала:
«Ты Добрынюшка, добрый молодецъ!
«Не садися ты на добра коня,
«Не ѣзди гулять въ зелены луга,
«Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
«Не подъѣзживай, Добрынюшка, къ быстрой рѣкѣ,
«Не смахивай рубашечку миткалиновую,
«Не бросайся, Добрынюшка, во быстру рѣку.»

Добрынюшка матушки не послушался,
Осѣдловалъ Добрынюшка ворона коня,
Поѣхалъ же Добрынюшка въ зелены луга,
Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
Подъѣзжалъ Добрынюшка ко быстрой рѣкѣ,
И смахивалъ рубашечку миткалиновую,
Бросался купаться во быстру рѣку.
Онъ половину рѣки переплылъ,
А другую половину пернырнулъ,
Очутился Добрынюшка на той сторонѣ.
И сталъ Добрынюшка шуточки шутить,
Во круту гору камушки бросать.
Увидѣла же Змѣища-Горынища,
И бросилась на Добрынюшку.

Въ тѣ поры Добрынюшка не робокъ былъ,
Поймалъ же Добрынюшка Змѣищу за жабрища,
Ударилъ же Змѣищу объ сыру землю.
Тутъ-то Змѣища возмолилася,
Добрынюшка покорилася
И въ ноги ему поклонилася.

Ср. тамъ же, сборн. гг. Костом. и Морд., а у насъ Ч. I, вып. 2, отд. II, № 1 и Отд. III, №№ 1 и 5).

*

Въ «Лѣтоп. Р. Литер. и Др.» другая былина о Добрынѣ и женѣ его, вышедшей за Алёшу Поповича, составляетъ почти дословное повтореніе съ былиной, напечатанной у насъ Ч. I, вып. 2, Отд. 1, № 8, и записанной также въ Саратовѣ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ сборникѣ гг. Костомарова и Мордовцевой прибавлено въ концѣ:

Съѣзжался Добрыня со Поповичемъ на смертный бой,
И отсѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечь *).

Къ помѣщеннымъ въ Ч. I, вып. 3 и 4-мъ, былинамъ о Суровцѣ-Суздальцѣ, относится напечатанная въ «Лѣтоп. Р. Лит. и Др.» изъ сборника гг. Костомарова и Мордовцевой, V, стр. 12—14, съ замѣткою, что «списана отъ холщевника — верховаго мужика.» Она дословно сходна какъ съ помѣщенною въ Новиковскомъ Пѣсенникѣ, такъ и съ перепечатанною у насъ въ выпускѣ 3-мъ, стр. 110—112, № 2.

---

*) По всѣмъ былинамъ, доселѣ извѣстнымъ, Добрыня только наказалъ Алешу, но не убивалъ: смерть Алешѣ была другая. См. «Указатель» къ I-й Части при 4-мъ выпускѣ.

Былины, соотвѣтственныя I-й части Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, явились за тѣмъ въ отличномъ собраніи П. Н. Рыбникова, коего I-я и II-я Части изданы въ Москвѣ 1861 и 1862 года П. А. Безсоновымъ и Дм. А. Хомяковымъ, III-я самимъ Собирателемъ въ Петрозаводскѣ 1864-го и IV-я въ С.-Петербургѣ 1867 года г. О. Миллеромъ.—Тамъ помѣщены Былины, Побывальщины и Старины: Илья Муромецъ, Ч. I, №№ 9—22; II, 2, 3, 62—64; III, 4—14, 35, 36; IV, 2—4.— Добрыня Никитичь: Ч. I, 23—28; II, 4—9; III, 15—19.—Алёша Поповичь: I и II (см. Добрыню); III, 20.—Василій Казиміровичь или Игнатьевичь: I, 27, 29; II, 10, 11, 65; III, 37. — Иванъ Гостиный сынъ: III, 34; IV, 7. — Иванъ Годиновичь: I, 33, 34; II, 13, 14; III, 23. — Данило Игнатьевичь съ сыномъ: III, 22.—Дунай Ивановичь: I, 30, 31 (№ 32, Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичь); II, 12; III, 21; IV, 5. — Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь и Сорокъ каликъ со каликою: I, 35—40; II, 15—18; IV, 12.—Ставръ Годиновичь: I, 41, 42; II, 19—21; IV, 6.—Хотенъ Блудовичь: I, 43, 44; II, 22; III, 28; IV, 7 и 8.— Чурило Пленковичь: I, 45, 46; II, 23, 24 и (съ Шаркомъ великаномъ) 25; III, 24—27.—Дюкъ Степановичь: I, 47 — 52 (и съ Шаркомъ); II, 26—30; III, 29—31; IV, 9 и 10.—Соловей Будиміровичь: I, 53, 54; II, 31; III, 32 (въ печати ошибка 31), 33; IV, 11.—Аника Воинъ: I, 81; II, 48.—Кромѣ того, неизвѣстныя изъ собранія П. В. Кирѣевскаго, вновь открытыя, изъ времени до Владиміра, о лицахъ и богатыряхъ Старшихъ: Олегѣ или Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ, съ дочерьми Микуличнами, Суханѣ или Сухманѣ, Самсонѣ и Святогорѣ (съ переходомъ къ Ильѣ Муромцу), I, №№ 1—8; II, 1, 60, 61; III, 1, 2; IV, 1. — Равно внѣ времени Владимірова, изъ области Сказочной и древнѣйшаго былеваго творчества Черноморскаго и Придунайскаго: о Царѣ Саламанѣ, царицѣ Саламаніи и Васильѣ Акульевичѣ, о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ, I, 76; II, 52—55; III, 54 — 56; IV, 18; сф. III, 57, 58.—И нѣк. друг.

Часть II.

Выпускъ 5.

При изданіи былевыхъ пѣсень Новгородскихъ вышли уже I-я и II-я часть собранія П. Н. Рыбникова, а потому изъ сихъ послѣднихъ введены разнорѣчія въ «Указатель» при 5-мъ выпускѣ.—За тѣмъ, въ III-й и IV-й части Рыбникова помѣщены соотвѣтственныя былевыя пѣсни: о Васильѣ Буслаевѣ, III, №№ 39, 40; О Садкѣ, III, 41, 42; о Терентьѣ, III, 43.

На семъ мѣстѣ, какъ дополненіе къ былинамъ Новгородскимъ, о Васильѣ Буслаевѣ, въ отдѣлѣ II-мъ (5-й вып., стр. 23 и далѣе), должна бы помѣститься, напечатанная здѣсь выше, на стр. 54 (III), пѣсня, хотя перешедшая въ Безъимянныя Молодецкія, но записанная П. В. Кирѣевскимъ въ Новгородѣ, о кораблѣ, плывущемъ къ Новгороду, а на кораблѣ о «Васильѣ, Купеческомъ сынѣ,» конечно по отдаленной памяти Василья Буслаева. Дальнѣйшія, еще болѣе испорченныя, разнорѣчія ея таковы:

Къ Василью Буслаеву.

1.

(Самара).

Какъ по морю, по моречку,
Черной корабль плыветъ,
Гостиный сынъ Василій
По кораблю идетъ,
Во звончатые гусельцы
Поигрываетъ,
Подаетъ онъ голосокъ
(Сашѣ милой) въ теремокъ:

«Чтобы милая моя
«Не дремала, не спала,
«Не дремала, не спала,
«Дорога гостя ждала,
«Дорога дружка, дружечка,
«Дружка миленькаго.»

Какъ и солнце на закатѣ,
Свѣтелъ мѣсяцъ взошелъ:
Гостиный сынъ Василій
За охотою пошелъ,
За охотою такой,
За дѣвичьей красотой.
Увидала изъ окна
Его маменька родна:
—Полно, полно, сынъ Василій,
—Ты дурачить перестань,
—Прочь отъ дѣвицы отстань...—

(Ср. Сборн. Самар. В. Варенцова).

*

2.

(Холмогоры).

По морю корабличекъ бѣжалъ таки, бѣжалъ,
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ *),
Во кораблюшкѣ Василій гулялъ таки, гулялъ:
«Поиграйте, гусли-мысли, вы теперича при мнѣ,
«Вы теперича при мнѣ, при Васильѣ молодомъ **).»
Васильева мать Ирина таки рѣчи говоритъ:
—Полно, Вася, ты гулять, ко вдовушкѣ не бывай,

*) Такъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) По складу ожидается: «При Васильѣ молодомъ, при Купеческомъ (или Гостиномъ) сынкѣ.»

—У вдовушки дочь хорошая, люби таки, люби *). —
«Родимая мать, тебѣ меня не унять,
«Тебѣ меня не унять, за быстру рѣчку гулять,
«За быструрѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать,
«У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить:
«Брови соболины, очи соколины,
«Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина;
«Она баетъ-разсыпаетъ,—сверхъ погодой посыпаетъ **).»
Хоть погодой посыпаетъ, Васѣ ***) мать не потакаетъ.

(Запис. С. В. Максимовымъ, ср. „Р. пѣсни“ изд. Якушкина, 1865 г., стр. 208).

* *
*

Садко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Во славномъ во городѣ во Царѣ-градѣ *),
Во Царѣ-градѣ, во царскомъ кабакѣ,
Пьетъ-то Садко, напивается,
Во глупомъ-то хмѣлю похваляется:
«Какъ нѣту Садка богаче его,
«Богаче его, тороватѣй его,—
«Всю Россеюшку я повыкуплю,
«Чисто на́ чисто вѣничкомъ повымету!»
Да бѣда на Садка,—рядо́чки горшечные,
Скоро жгутъ да скорѣй того и дѣлаютъ **).

---

*) Очевидно подлинный складъ таковъ: «Полно, Вася, ты гулять,—У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить.»

**) Т. е. словно сверхъ погодой посыпаетъ.

***) Въ подлинникѣ ошибка: «Ванѣ.»

*) Вмѣсто: «во Новѣ-градѣ.»

**) Всѣ ряды съ товарами онъ выкупилъ, только бѣда ему съ рядами горшечными: скупилъ горшки, а ихъ еще скорѣй нажгутъ новыхъ.

Нагружаетъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и одинъ карабль.
Пущался Садко въ Океанъ-море,
Въ святое озеро Ялынское *).
Всѣ кораблики въ море пóплыли,
Но Садковъ-то корабль на морѣ становится,
Знать на камушку, знать на бѣлому **).
Воскричитъ-то Садко громкимъ голосомъ:
«Вы братцы мои, гости-корабельшички!
«Ну вы рѣжьте жеребочки кугинные ***),
«Пущайте ихъ въ сине море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ-то жеребъ какъ ключь ко дну.
Воскричитъ Садко громкимъ голосомъ:
«Вы друзья мои, гости-корабельнички!
«Не бранилъ ли изъ васъ кто отца-матери
«И не клялся ли изъ васъ кто родомъ-племенемъ?
«Ну, вы рѣжьте жеребы всѣ таволжаные ****),
«Вы пущайте ихъ въ Океанъ-море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ-то жеребъ какъ ключь ко дну.

(Ср. Сборн. А. Савельева, Спб. 1866, а у насъ въ Ч. II вып. 5-мъ 1-й отдѣлъ былинъ о Садкѣ).

* *
*

За симъ по порядку должна бы слѣдовать Побывальщина о Гостѣ Новгородскомъ Терентьѣ, отпечатанная выше на стр. 48—51, замѣчательная по рѣдкости образцовъ сего рода и по нѣкоторымъ подробностямъ, кои, вмѣстѣ съ отличіями Побывальщины Рыбниковской, слѣдуетъ прибавить къ «Указателю» при 5-мъ выпускѣ.

---

*) Не Хвалынское (Каспійское), а Ильменьское, Ильмень, какъ знаемъ по другимъ Новгородскимъ образцамъ. — **) На алатырѣ, чудодѣйномъ камнѣ.— ***) Чугунные; стальные, булатные. — ****) См. прежніе выпуски.

Послѣ появленія знаменитыхъ сборниковъ былинъ Кирши Данилова, П. В. Кирѣевскаго и П. Н. Рыбникова, изданныхъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, нами, гг. Рыбниковымъ и Миллеромъ, не менѣе важное открытіе, которое должно стать рядомъ со всѣми означенными и занять мѣсто въ ряду печатныхъ или почетныхъ «народныхъ памятниковъ,» представляетъ обширная статья г. Стасова «о происхожденіи Русскихъ былинъ,» помѣщенная въ трехъ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы» за сей 1868 годъ и еще продолжающаяся. Вотъ что между прочимъ говорится касательно содержанія былинъ о Садкѣ: «Во всемъ этомъ разсказѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, совершенно внѣшнихъ подробностей обстановки (напр. самый Новгородъ, Волховъ, Ильмень, и т. п.), нѣтъ ничего не только Новгородскаго, но даже вообще Русскаго, по коренному происхожденію и по деталямъ. Тутъ нечего искать ни Новгорода, ни Волхова, ни Русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей. Все чужое, все пришло въ нашу пѣсню съ Востока.» Все сочинитель находитъ въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, въ буддійскихъ пересказкахъ. «Пѣсня о Садкѣ создалалась не въ нашемъ отечествѣ, а на Востокѣ;» «она не оригинальное созданіе Русскаго народнаго творчества, она разсказъ древнихъ легендъ, издревле ходившихъ по Востоку въ разнообразныхъ видахъ и редакціяхъ. Нашъ Новгородскій купецъ Садко есть ничто иное, какъ являющійся въ русскихъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушака, тибетскій брахманъ Джинпа-Ченпо, тибетскій царевичь Гедонъ, индѣйскій монахъ Самгха-Ракшита.» За тѣмъ сочинитель видитъ уже разсказъ сей у дикихъ обитателей острова Борнео и наконецъ у прочихъ дикарей Америки. «Никола Можайскій русской былины— кормчій Дванглуна, брахманъ легенды о Самгхѣ-Ракшитѣ,» а у дикарей Борнео «человѣкъ, который подаетъ полезные совѣты.» О другихъ пѣсняхъ касательно Садки сочинитель прибавляетъ: «Имѣю въ рукахъ доказательства ихъ чужеземнаго, и вовсе *не мѣстнаго*, Новгородскаго происхожденія.» Это

оказывается Индѣйская легенда о купцѣ *Пурнѣ*. Садко строитъ церкви? «Церкви нашего разсказа выражаютъ собою не Новгородскія, не Русскія, даже не христіанскія церкви, а тѣ храмы, которые упоминаются въ восточныхъ первообразахъ.» «Гусли нашихъ сказокъ и пѣсенъ—это лютня и «вина» (родъ арфы) индѣйскихъ и тибетскихъ разсказовъ.»—Всѣ эти данныя очевидно составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ варіантовъ къ былинамъ Новгородскимъ и вообще къ былевому Россійскому пѣснотворчеству, а потому должны стоять въ ряду пѣсень и цѣликомъ войти въ «Указатель.»

Выпускъ 5.

Былины Княжескія.

Былины «Княжескія,» въ первые выдѣленныя нами въ сей особый отдѣлъ и даже первый разъ въ литературѣ названные такимъ именемъ, съ каждымъ шагомъ открытій въ дѣлѣ народнаго былеваго творчества и съ каждымъ новымъ пріемомъ изслѣдованія выигрываютъ себѣ всё болѣе обширную область и широкое значеніе. Сюда относятся, между прочимъ, изъ собранія П. Н. Рыбникова: Ч. I, №№ 72—75, о двухъ королевичахъ Краковскихъ, о двухъ братьяхъ, Литовскихъ королевичахъ или князькахъ, потомъ о нихъ же въ Ч. III. № 51 и въ Ч. IV № 17: то есть собственно о Литовскихъ древнихъ князьяхъ и судьбѣ ихъ при столкновеніи съ Романомъ, сперва, по исконному происхожденію былинъ, съ Романомъ Галицкимъ и Волынскимъ, потомъ позднѣе, по вліянію событій Московскихъ, съ Романомъ Московскимъ и даже съ любимымъ героемъ Московскихъ былинъ, Никитою Романовичемъ. Такимъ образомъ, это существенное, важнѣйшее пополненіе къ I-му отдѣлу былинъ о Князѣ Романѣ, помѣщенныхъ у насъ въ 5-мъ выпускѣ на стр. 92—99, подъ №№ 1 и 2-мъ.

Далѣе въ I-й Ч. собранія П. Н. Рыбникова № 79 былина, ближайше сходная съ нашей Княжеской о Князѣ Димитріѣ въ вып. 5-мъ стр. 63—65.

Еще болѣе былинъ о Князѣ Михайлѣ, соотвѣтственно нашимъ въ вып. 5-мъ на стр. 68—76 и далѣе: замѣчательное содержаніе ихъ послужило основою для художественнаго воспроизведенія Д. Чл. Общества Н. А. Чаева. У Рыбникова, съ именемъ Князя, въ Ч. II №№ 46, 47 и въ Ч. III № 64 (гдѣ подъ именемъ «княгини Михайловны» разумѣется «Михайловая, Михайлова,» жена Михайлы).—Вотъ еще тѣ же пѣсни, въ коихъ собственное имя постепенно переходитъ въ «королевича,» «козака» и простаго «молодца (въ вып. 5-мъ стр. 78—91):»

Князь Михайло.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ поѣхалъ Князь Михайло
Во царскую во службу,
Во царскую во службу,
На великую нужду.
Покидалъ свою Княгиню,
Молоду Катерину;
Онъ приказывалъ Княгинѣ,
Своей матушкѣ родной:
«Охъ ты матушка родна!
«Береги молодую Княгиню,
«Береги ты мою Княгиню,
«Молодую Катерину:
«Ты корми мою Княгиню
«Крупичатыми калачами,

«Ты пой мою Княгиню
«Сытóю медовóю.»

Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
Его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка
Свалилась,
Ужь какъ тутъ-то Князь Михайло
Онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли,
Горько Князь восплакнулъ:
«Ахти, дома у меня не здорово,
«Моей матушки родной не стало,
«Либо моей молодой Княгини,
«Молодой Княгини Катерины!»

Его матушка родная
Жарко банюшку топила,
Горючь камень разжигала,
Молодую Княгиню погубила:
Бѣлы груди ей разрѣзáла,
Молоденца вынимала,
На горючій камень клала.

Какъ пріѣхалъ Князь Михайло,
Его матушка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ:
«Ахъ ты матушка моя родима,
«Гдѣ моя молодая Княгиня?»
—Молодая твоя Княгиня
—Пошла Богу молиться.—

(Ср. Якушк. Спб., 1865, стр. 125, 126).

*

2.

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичь
На разгуляньице,
Оставилъ онъ Королевну
На гореваньице.

Пускалъ своего добра коня
Въ зеленые луга,
А самъ пошелъ Королевичь
На круту гору;
На крутенькой на горушкѣ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился спать Королевичь
Подъ бѣлымъ шатромъ.
Пригрезился Королевичу
Дивнехонекъ сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки
Соколикъ вылетѣлъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой
Сѣрая утушка.
«Пойду, пойду, Королевичь,
«Ко старушенькѣ:
«Скажи, скажи, старушенька,
«Про мой дивной сонъ?»
—Твоя жена Королевна
—Сына родила,
—На утренней на зорюшкѣ
—Сама померла.—

Ворочался Королевичь
Къ своему двору:
Не дошедши до своего двора,

Тяжело вздохнулъ;
Широкіе ворóтечки
Растворены стоятъ,
Щекольчаты *) окошечки
Повыставлены;
Всѣ (солдаты, офицеры)
Въ черномъ платьицѣ.
«Королевна, моя жена,
«Въ бѣломъ убрана.
«Пойду, пойду, Королевичь,
«Въ нову горенку,
«Вдарюсь, вдарюсь, Королевичь,
«Объ дубовый столъ:
«Бывало ты, дубовый столъ,
«Пріубранный стоишь,
«А нынѣ ты, дубовый столъ,
«Разубранный **) стоишь!»

*

3.

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичь
На полеваньице,
Оставилъ Королевну
На гореваньице.

Недоѣхавши Королевичь,
Ложился онъ спать;
Привидѣлся Корóлюшкѣ

---

*) Стекольчаты. —**) Разобранный?

Нерадостный сонъ:
Изъ-подъ правой толи
Изъ подъ рученьки
Сѣрая утица *).
Вставши-то, Королюшко
Къ старушенькѣ пошелъ:
«Бабка ты, отгадай ты,
«Мой сонъ отгадай?»
—Королюшко ты, батюшко,
—Твой сонъ нехорошъ;
—Поѣжай ты, Королюшко,
—Къ своему двору:
—Жена твоя, Марусенька,
—Сына родила,
—Породя сына, Марусенька,
—Сама померла.—

*

4.

(Малая Русь).

Ой поихавъ Королевичъ на погулянье,
Тай покинувъ Марусеньку на горёванье.

Взъихавъ Королевичъ на круту гору,
Пустивъ коня вороного въ шелкову траву.
Въ шелкову траву на попасанье,
Самъ лигъ Королевичъ на спочиванье.
Ой приснився Королевичу дивнесенькій сонъ:
Съ-пидъ правой-то рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пидъ ливой съ-пидъ билой сира утинка.

---

*) Вылетала.

Ой поихавъ Королевичъ до бабусеньки:
«Бабусенько, матусенько, скажи про сій сонъ,
«Съ-пидъ правой-то рученьки вылетивъ соколъ,
«Съ-пидъ ливой съ-пидъ билой сира утинка?»
—Скажу, скажу, Королевичу, скажу, не таюсь:
—Твоя жена Марусенька сына родила,
—Найшла мамку, найшла няньку, сама померла.—
Якъ пріихавъ Королевичъ до свого двора,
Пустивъ коня вороного въ ёго ставницю *),
А самъ пійшовъ Королевичъ въ нову свѣтлицю.
Сидять ёго сосидоньки вси по застилью **);
А на столи лежитъ мила, якъ бумага била.
Ударився й Королевичъ о дубовый столъ:
«Нижки мои ризвенькіи, чомъ ***) не выбигали?
«Очи мои каренькіи, чомъ не выглядали?
«Ручки мои бѣленькіи, чомъ не обнимали?
«Губки мои пышненькіи, чомъ не цалували?»

(Ср. „Воронежск. Бесѣду“ 1861 г., сообщ. Н. Ст. Кохановской).

*

5.

(Воронежск. и Курск. губ.).

Отъѣзжаетъ Козаченько на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.

Пустилъ свого ворона коня въ зелёны луга,
А самъ лежитъ въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.

---

*) Въ стайню, стойло, конюшню.
**) По застолью.
***) Къ чему, за чѣмъ.

Привидѣлся Козаченьку дивнёшенекъ сонъ:
Будто на его праву руку соколъ прилетѣлъ,
Улетала съ-подъ лѣвой сѣра утица.
На ту пору Марусенька сына родила,
На третій день Марусенька сама померла.

Подъѣжаетъ Козаченько къ своему двору:
Широкí его ворóтечки раствóреные,
Хрустальны стеколечки повыбитые.
Всходитъ Козаченько на высокъ теремъ:
Стоятъ попы и дьяконы, погребенье поютъ,
А дѣточки-малюточки какъ пчелки гудутъ,
А жену Марусеньку во гробѣ несутъ.
Ударится Козаченько о дубовый гробъ:
«Ой свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
«Бывало твои рѣзвы ноги устрѣнутъ меня,
«Бывало твои бѣлы руки обнимутъ меня,
«Уста твои сахарныя цалуютъ меня!»

(Ср. тамъ же).

* * *

Слѣдующія Молодецкія или Безъимянныя пѣсни, разложившіяся Побывальщины или Старины, изображая Мóлодца самого убійцею жены, хотя и невольнымъ, составляютъ переходъ отъ Князя Михайлы и сродныхъ ему былинъ ко II-му, помѣщенному у насъ 5-мъ выпускѣ, отдѣлу былинъ о Князѣ Романѣ, какъ онъ «жену терялъ:»

1.

(Орловск. губ., Малоархавг. у.).

Исходилъ я, Молодецъ, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживалъ,
Что нашолъ я—набрёлъ на рябинушку:
Что безъ вѣтру рябинушка мается,
Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.

Я пришелъ домой, сѣлъ на лавочку,
Ужь я сталъ своей матери разсказывать,
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
—Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
—Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую.—
Ужь я разъ сѣкнулъ,—руда *) пошла,
Другой сѣкнулъ,—она óхнула,
Ужь я третій сѣкнулъ,—слово молвила:
««Не рябинушку рубишь ты,—свою жену.»»
Я пришелъ-то домой, сѣлъ на лавочку:
«Охъ, ты съѣла меня, мать, погубила меня мать,
«Не рябинушку рубилъ я,—жену свою!»

(Запис. М. А. Стаховичемъ; ср. Якушк. 1865 г.).

*

2.

(Тамъ же).

Какъ у насъ было въ воскресенье-день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послалá во чистó поле:
—Ты стань, сноха, тамъ рябиною,
—Тамъ рябиною да кудрявою,
—Отростками малы дѣтушки.—

На ту пору мужь отъ службы шелъ,
Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
«Ужь и сколько я ни хаживалъ,
«Такой дивушки не нахаживалъ:

*) Кровь.

«Ужь и что это за рябинушка,
«За рябинушка за кудрявая,
«Что безъ вѣтру она да качается,
«Ко сырой землѣ приклоняется!»
—Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
—Ты возьми свою саблю острую,
—Сруби эту ты рябинушку.—

Онъ разъ сѣкнулъ,—она вздрогнула,
Онъ другой тюкнулъ,—кровь ли брызнула,
Онъ третій тюкнулъ,—слово молвила:
««Не рябину сѣчешь ты,—молоду жену,
««Не кудрявую,—съ малыми дѣтками.»»

Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?»
—Твоя жена, она гулять пошла.—
«А гдѣ мои малы дѣтушки?»
—Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла.—
«Не мать ты мнѣ, не рóдная,
«Змѣя ты мнѣ, змѣя лютая,
«Ты мышь ли, мышь подкопённая!»

(То же).

*

3.

(Малая Русь).

Женила удивонька своего сыночка,
Узяла невисточку не до любови,
Не билое личенько, ни чорніи брови.
Поихавъ сыночикъ у Крымъ у дорогу,
Послала невистку въ полѣ брать лёну:
—Не выберешь лёну, и не йды до дому,

—И не йды до дому, стань въ поли тополя.—
Пишла невистонька того лёну браты,
Брала—не добрала, тополею стала.

Ой прііхавъ сынъ же изъ Крыма-дороженьки,
Выйшла ёго маты ворить отчиняты *),
Винъ же своей матинки въ ниженьки склонивсь:
«Ой ты, моя матинка! Де я не бувавъ,
«Такои тополи нигдѣ не выдавъ,
«Що витеръ не віе,—колыхается,
«Солнечко не гріе,—сокрушается.»
—Ой нагостри, сыну, гострую сокиру,
—Изрубай же, сыну, у поли тополю.—

Пишовъ же сыночекъ тополи рубаты.
Тая тополя стала промовляты:
««Ой, не рубай мене, бо я твоя жинка,
««Оце-жъ твоя матинка такъ наробила,
««Шо насъ молодесенькихъ тай разлучила,
««Малесенькихъ диточекъ посиротила!»»

4.

(Такъ же).

Оженыла мати неволею сына,
Тай взяла невистку та не до любови,
Не билое личко, не чорніи брови.
Тай послала сына у путь у дорогу,
Молоду невистку въ полѣ браты лёну,
Та якъ посылала, та ще й приказала:
—Не выберешь лёну, тай не йды до дому.—
Не выбрала лёну,—не пишла до дому,
У чистому поли тай заночувала **),

---

*) Отворять ворота. — **) Въ подлинникѣ ошибка „заночувала.“

До билого свита тополею стала,
Тонка та высóка, та листомъ широка,
Безъ сонечка сьяе, безъ витроньку мае.

Ой вернувся жъ сыне изъ пути-дороги,
Вклонився матуси низéнько у ноги:
«Ой, ты жъ маты, маты! Щось маю казаты:
«Объиздивъ я, маты, усю Украйну,
«Не бачивъ я тополи якъ на нашомъ поли,
«Тонка та высока, та листомъ широка,
«Безъ сонечка сьяе, безъ витроньку мае.»
—Ой, возьми жъ ты, сыне, гострую сокиру,
—Тай зрубай тополю, що на нашимъ поли.—

Якъ ударивъ въ перше, вона захиталась,
Якъ ударивъ въ друге, вона похилилась,
А ударивъ въ трете, тай заголосила:
««Ой, не рубай, милый, бо я твоя мила,
««Се жъ твоя матуся намъ такъ наробила,
««Якъ тебя послала у путь у дорогу,
««А мене послала въ полѣ браты лену,
««Та якъ посылала, та ще й приказала:
««—Не выберешь лёну, тай не йды до дому.—
««Не выбрала лёну, не пишла до дому,
««У чистому поли тай заночувала,
««До билого свита тополею стала,
««Тонка та высока, та листомъ широка,
««Безъ сонечка сьяю, безъ витроньку маю.»»

(Ср. „Ворон. Бесѣду," записано Н. Ст. Кохановской).

Это знаменитая Малорусская *Тополя*.

Какъ о Князѣ Михайлѣ, и подобныя тому былины, по происхожденію Княжескія, принадлежатъ одинаково общей или Великой Руси и Руси Малой, такъ точно о Князѣ Романѣ, первоначально,, сказали мы, Галицкомъ и Волынскомъ. Потому разложившіяся былины о семъ послѣднемъ, какъ онъ жену терялъ, хотя и усвоены своеобразно Москвою, но въ ближайшихъ разнорѣчіяхъ своихъ сопоставляютъ Князя еще съ Южною или Юго-западною Русью, съ Владиміромъ и кругомъ былинъ Кіевскихъ. Такова именно Молодецкая или Безъимянная былина, изображающая вокругъ Владиміра бытъ Княжескій, и помѣщенная выше, по двумъ разнорѣчіямъ, на стр. 52 и 53, подъ числомъ II-мъ: ея подлинное мѣсто было бы здѣсь. Другія разнорѣчія, потерявъ уже имя, Княжескіе оттѣнки и черты Южной или Югозападной мѣстности, выводятъ опять простаго Молодца и Козака, но принадлежатъ также и общей Россіи, и части ея —Малой (вып. 5, Отд. II о Князѣ Романѣ, потомъ Козакѣ и Молодцѣ, стр. 100—127). Все это первоначально «Князь Романъ», а потомъ уже—

Донской Козакъ.

1.

(С. Мышенское).

Изъ-подъ камушка, изъ-подъ бѣлаго,
Течетъ рѣчушка, рѣчка быстрая.
На той рѣчушкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, набѣлилася,
Набѣлившись нарумянилась,
Нарумянивши на гору пошла,
На горѣ спать легла,

На горѣ легла, во снѣ снилося,
Какъ Донской Козакъ коней поилъ,
Коней вороныхъ поилъ, жену губилъ.

Задумалъ Козакъ свою жену губить,
А жена его догадалася:
«Не губи меня, мужь, съ вечера,
«А загуби меня, мужь, за полуночь,—
«Наши дѣти малыя спать полягутся,
«Они прóснутся и матушки спрóсятся:
««Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ умывается,
—Шелковы́мъ платкомъ утирается.—

Стали дѣти по матери плакать,
Отецъ сталъ дѣтей унимать:
—Не плачьте вы дѣтушки милыя,
—Я вотъ срублю горенку новую,
—Нагоню́ при́толки косны́ *),
—Собью дверь дубовую,
—Солью цѣпь золотую,
—Приведу вамъ мачиху младую.—
««Родной батюшка, родной батюшка!
««Зогорись наша горенка новая,
««И разскочись, наши при́толки косны́,
««Расколись, наша дверь дубовая,
««Расцѣпись, наша цѣпь золотая,
««Умри, наша мачиха младая,
««Встань, наша матушка родная!»»

(Запис. Петерсонъ).

*

*) Косящетыя, съ косяками.

2.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго,
Изъ-подъ кустика изъ-подъ ракитова,
Тамъ текла-текла рѣчка,
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Вышла, набѣлилася,
Набѣливши она нарумянилась,
Нарумянивши въ зеленъ лугъ пошла.
Въ зеленомъ лугу, тамъ Донской Козакъ,
Тамъ Донской Козакъ коня поилъ,
Напоивши коня сталъ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
—Охъ и какъ же мнѣ быть,
—Молоду жену сгубить?
—Загублю жену не рано, съ вечера,
—Схороню жену ближе кы полуночи.—

Его большая дочь рано просыпалася,
Къ батюшкѣ у ножки кидалася:
««Государь ты нашъ, родной батюшка,
««Родной батюшка, идѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Умывается ключевой водой,
—Утирается бранымъ полотномъ.—
««Государь нашъ батюшка! Не правда твоя:
««Наша матушка вы желтомъ песку,
««Въ новой горницѣ она закопана!»»

(Ср Якушк. стр. 107, 108).

* * *

Добрый Молодецъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ было на зорюшкѣ,
На зорѣ было на утренней,
На восходѣ было солнца ясняго,
На восходѣ денечка прекраснаго,
Случилося Младцу мимо саду ѣхати,
Мимо садику зеленаго, мимо терему высокаго,
Да случилось Младцу въ саду голосъ слышати,
Какъ мужь-то жену бранилъ,
Бранилъ и убить грозилъ,
Какъ жена-то мужа уговаривала:
«Ты мужь мой, мужь, ты законный другъ!
«Ты не бей меня рано съ вечера,
«Ты убей меня во глуху полночь,
«Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
«Ничего-то они не будутъ знать.»

По утру рано дѣточки проснулися,
Про родимую матушку встрѣнулися *):
««Наша матушка есть убитая,
««Гробовой доской есть закрытая!
««Найдите же, тучи грозныя,
««Гряньте же, громы громкіе,
««Разбейте вы гробову доску,
««Встань, проснись, родимая матушка!»»

(Ср. Сборн. Г. Савельева, Спб. 1866).

* * *

---

*) Спохватилися.

2.

(Губ. Орловской, Сабурово).

Летѣла пава черезъ три двора,
Уронила перо на подворьецо.
Мнѣ не жаль пера, а жаль Молодца,
Мнѣ и жаль Молодца,—одинъ сынъ въ отца *),
Одинъ сынъ въ отца, и тотъ въ службу идетъ.
Онъ и годъ служитъ и другой служитъ,
На третій годъ сынъ домой пришелъ.

Сустрѣла его мать середи поля,
Сестра встрѣла середи двора,
Жена встрѣла, сѣнцы отперла.
Повела его мать къ себѣ въ горницу,
Ну, и стала ему мать все разсказывать:
—Твоя жена распутная,
—Твоя жена шельма-пьяница,
—Меды-вины всѣ распропила,
—Коней твоихъ всѣхъ распродала,
—Соловей твоихъ всѣхъ распустила.—
Взялъ-то сынъ саблю вострую,
Срубилъ женѣ, женѣ голову.
Голова ль моя съ плечь свалилася,
Къ коню въ ноги покатилася.

Пошелъ-то сынъ у холодный погребъ:
Меды-вины всѣ цѣлы стоятъ.
Пошелъ-то сынъ ву конюшенку:
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ.

---

*) У отца.

Пошелъ-то сынъ во зеленый садъ:
Соловья сидять—вычищаются,
Женой его выхваляются.
Пошелъ-то сынъ къ сыну въ горницу:
«Молчи, баю, мое дитятко!
«Теперь у тебя матери нѣтути,
«У мене, Молодца, молодой жены;
«Только есть у тебе одна бабушка,
«Да и та змія, змія лютая.»

(Ср. Якушк. 1865 г.).

*

3.

(Губ. Харьк).

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павинó перо:
Ой, не жаль пера, жаль мнѣ павушки.
Ой, мнѣ жаль Младца, одинъ сынъ въ отца.
Одинъ сынъ въ отца, добрый Мóлодецъ,
Онъ на службу идетъ государеву.
Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ;
А на третій годъ ко двору идетъ.

Его мать встрѣла середи поля;
А сестра встрѣла середи села;
А жена встрѣла середи двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
—А твоя жена увесь домъ снесла,—
—Что коней твоихъ пораспродала,
—Соколовѣ твоихъ пораспустила,
—А меды твои поразвыпила.—
Вынулъ Молодецъ саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову:

Голова жены покатилася
Ворону коню подъ праву ногу.

Пошелъ Молодецъ во конюшенку:
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ;
Пошелъ Молодецъ во соколенку:
Соколы сидятъ, почищаются,
И меды стоятъ не починены *).
Пошелъ Молодецъ на новы̀ сѣни:
На новы̀хъ сѣняхъ колыбель виситъ,
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ.
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
«Ты, баю, баю, мое милое!
«У тебя, дитя, нѣту матери,
«У меня, Младца, молодой жены!»
Пошелъ Молодецъ на высокъ теремъ,
Какъ ударился о дубовый столъ:
«Что не мать ты мнѣ и не матушка,
«А змѣя же ты подколодная!»

(Ср. „Воронежск. Бес." Запис. Н. Ст. Кохановской).

Въ сихъ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ еще ближе видно переходное родство между былинами о Князѣ Михайлѣ и Князѣ Романѣ.

Къ помѣщеннымъ въ выпускѣ 5-мъ, стр. 128—163, отдѣламъ I—V, съ извѣстными уже намъ переходами разлагавшихся былинъ, нашлись еще разнорѣчія:

---

*) Не початы.

Князь Волконскій и Ваня Клюшничекъ.

1.

(Москва).

Какъ на улицѣ было, на улицѣ Дмитровкѣ,
Живетъ-поживаетъ, живетъ Волхонскій Князь.
Какъ въ его домѣ, въ его теремѣ
Живетъ-поживаетъ Ванька Клюшничекъ
Съ молодой его Княгиней, со его соперницей.
Онъ не годъ съ нею живетъ,
Живетъ—ужь другой пошелъ;
Какъ на третій годъ самъ Князь довѣдался,
Что отъ той ли дѣвушки, отъ той ли сѣнной,
Отъ той самой послѣдницы.
Побранилась она съ Ванькомъ Клюшничкомъ,
И взошла она ко Князю въ комнату,
И воспѣла громкимъ голосомъ:
««Ужь ты батюшка, Волхонскій Князь!
««Ты не знаешь и не вѣдаешь,
««Какъ живетъ твоя Княгиня съ Ванькой Клюшничкомъ,
««Ужь не годъ живетъ она, ужь другой пошелъ,
««Какъ на третій годъ Князю объясняю я.»»

Какъ вскочилъ Волхонскій Князь
Со креслеца своего любимаго,
Онъ скричалъ-згаркалъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите шельму Ваньку Клюшника.»

Какъ идетъ Ванюша, идетъ широкимъ дворомъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка новополотняная,
Какъ на Ванюшкѣ сапожки новые козловые,
Его кудри черные раздушоные и разчёсаные.

Тутъ сказалъ ему Волхонскій Князь:
«Ты скажи всеё правду мнѣ,
«Ты который годъ живешь со Княгинею?»
Отвѣчалъ ему:—Не знаю и не вѣдаю.—
Тутъ скричалъ опять самъ Волхонскій Князь
Громкимъ своимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы тешите и рубите столбики дубовые,
«Ужь вы ройте и копайте ямушки глубокія,
«Вы вяжите и плетите шнуры шелковые,
«Вы вдѣвайте и винтите колечки серебряны
«И вѣшайте поскорѣе шельму Ванька Клюшника.»

Какъ приводятъ Ванюшу нашего
Къ самому Князю, Князю Волхонскому,
Какъ надѣваютъ ему на́ шею петлю шелковую;
Тутъ воспѣлъ онъ громкимъ своимъ голосомъ:
—Ты позволь мнѣ, Князь, предъ послѣднимъ концомъ
—Всеё правду сказать?
—Много было въ твоемъ теремѣ
—Попито и поѣдено
—И на твоихъ добрыхъ коняхъ
—Много было поѣзжено.—

Захлеснули Ванюшѣ шелковы петли,
И виситъ Ванюша, виситъ–качается:
Молода Княжья жена во теремѣ кончается.

(Запис. отъ пѣвицы 1862 г. П. А. Г.).

*

Къ № 1-му, помѣщенному у насъ въ 5-мъ выпускѣ, слѣдуетъ прибавить важное разнорѣчіе, записанное въ Воронежѣ А. В. Кольцовымъ, гдѣ Князь постоянно называется «Русинскій» вмѣсто «Волконскій.»

Переходомъ къ другимъ разнорѣчіямъ служитъ слѣдующее, гдѣ Молодецъ называется еще Клюшничкомъ, но уже служитъ у Короля (разумѣется Литовскаго):

2.

(Харьк. губ.).

Ой, неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскимъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно;
Пойду я, Молодецъ, Королю служить.

Король Молодца любилъ-жаловалъ,
Съ одного блюда онъ пивалъ-ѣдалъ,
Съ одного плеча платье нашивалъ.

А сказали про Младца небывальщину,
Ой и складъ приложили—съ Королевою.
Король на Младца да прогнѣвался,
Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Пошлите мнѣ млада Клюшничка!»

Идетъ Клюшникъ на новы сѣни,—
Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ,
Черну шляпу во рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки натянуты,
Его русые кудри по плечамъ лежатъ,
Его ясныя очи огнемъ горятъ.
Идетъ Клюшникъ со новыхъ сѣней,
Зеленъ кафтанъ у рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки опущены,

Его русые кудри растрепаны,
Его ясныя очи заплаканы.

Закричалъ Король грознымъ голосомъ:
«Ой, вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Идите жь въ чисто поле,
«Ой и ройте вы двѣ ямы глубокія,
«Поставьте вы два столба высокіе,
«Перекладину положите кленовую,
«Ой и петельку придѣньте шелковую,
«Повѣсьте вы млада Клюшничка,
«Королевина полюбовничка!»

Ой и Клюшникъ во полѣ качается:
Королева во теремѣ кончается.

(Ср. „Ворон. Бес." Запис. Н. Ст. Кохановской).

* *

Отселѣ начинаются равно многочисленные образцы, помѣщенные у насъ въ 5-мъ выпускѣ стр. 164—178, въ отдѣлѣ VI-мъ, гдѣ то же самое содержаніе возводится къ Кіевскимъ былинамъ о Дунаѣ и гдѣ, съ другой стороны, идетъ дѣло уже у Короля Литовскаго, къ которому загулялъ Безъимянный Молодецъ, а Королева или Королевна въ замѣнъ того пріобрѣтаетъ опредѣленное имя Настасьи Литовской или Политовской. Сюда изъ собранія П. Н. Рыбникова относятся: въ Ч. І-й № 77 (собственно о Ванѣ Клюшничкѣ № 71) и въ Ч. ІІІ-й № 52. А за тѣмъ уже другія разнорѣчія:

Молодецъ у Короля въ службѣ.

1.

Охъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздольице широкое,
Ты крапива стрекучая!
Какъ гулялъ тутъ Добрый Молодецъ,
Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года:
Загулялъ онъ къ Королю въ Литву.

Король его любилъ-жаловалъ,
Цвѣтно платьице носили съ одного плеча,
На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.

Ужь и сталъ Молодецъ упиватися,
Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
—Какъ и нынѣшнюю ночку, Добрый Молодецъ,
—Я спалъ-ночевалъ у царя въ гостяхъ,
—У царя въ гостяхъ, во высокомъ терему,
—Во высокомъ терему съ красной дѣвицей,—
—Я ли спалъ, цаловалъ красну дѣвицу,
—Распрекрасную Елену Королевишну.—

Ужь какъ были на Молодца доносчики,
Донесли они Королю па Молодца,
А Король-то велѣлъ Молодца пожаловать,—
На высокихъ ременкахъ повѣсити.

Повели Молодца впереди дворца,
А Царевна Кричитъ:» «Не ведите Молодца,
««Не ведите Молодца впереди дворца,
««Поведите Молодца позади дворца,»»

Добрый Молодецъ на петелькѣ качается:
Красна дѣвица во теремѣ кончается.

(Запис. А. А. Григорьевымъ; ср. Якушк. 1865 г.).

* *

Вмѣстѣ съ симъ образцомъ, былина, разлагаясь въ Безъимянную Молодецкую, съ одной стороны перерождается въ такъ-называемую «О Добромъ Молодцѣ и Женѣ Неудачливой,» гдѣ виною гульбы Молодца первоначально представляется сама жена, но потомъ Молодецъ возвращается изъ гульбы въ нѣдра семейства; съ другой стороны, по мѣрѣ наступившей безличности, былина возвращается къ общимъ чертамъ древнѣйшаго, Черноморскаго или Придунайскаго пѣснотворчества, заимствуя оттуда и прадревнія, общеславянскія имена лицъ, Елены Прекрасной, Ивана, и т. п., въ связи со старшими нашими Былевыми Сказками. — Къ первому разряду относятся изъ собранія П. Н. Рыбникова въ Ч. І-й № 78, въ Ч. ІІ-й №№ 49 и 50, въ Ч. ІІІ-й № 53. — Ко второму разряду принадлежатъ оттуда же въ Ч. І о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и Царѣ Волшанѣ № 76, въ Ч. ІІ № 51 о Дворянинѣ Безсчастномъ (въ связи его съ Кіевомъ и Владиміромъ), въ Ч. ІІІ совершенно уже Сказочныя произведенія — Похожденія Ивана и Царство Подсолнечное (въ Сказкахъ — «Три Царства»), №№ 57 и 58.—Въ прежнихъ нашихъ «Замѣткахъ» къ изданію пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ и П. Н. Рыбниковымъ, мы имѣли уже случай пояснить, и даже, думаемъ, доказать, что въ близкой связи съ этими произведеніями стоитъ и нашъ знаменитый Данило Безсчастный или Заточникъ; а съ тѣмъ, и другимъ, и третьимъ близко еще старшее, простирающееся до Ветхаго Завѣта, но болѣе сосредоточенное и опредѣленное, сказаніе о Саламанѣ и Саламаніи, Китоврасѣ и Ивашкѣ Поваренномъ, которое, прошедши сотню разныхъ ступеней и вліяній, дошло до насъ со складомъ Былинъ, помѣщенныхъ также у П. Н. Рыбникова въ Ч. ІІ №№ 52—55, въ Ч. ІІІ №№ 54 — 56, въ Ч. IV № 18, и болѣе подробно разсмотрѣнныхъ нами въ «Замѣткѣ» ко ІІ-й Части Рыбниковскаго собранія.— Въ ІІІ-й Части сего послѣдняго, одна изъ Сказочныхъ Былинъ подъ № 58-мъ, О Подсолнечномъ Царствѣ, убѣждаетъ насъ, что творчество извѣстными путями своими успѣло примѣшать

сюда даже позднѣйшую, совершенно уже историческую, Былину о Грозномъ и покушеніи его на сына, благодаря между прочимъ имени самого «Ивана», матери его «Елены» и сына также «Ивана». — Наконецъ, есть ступень и еще, послѣдняя: судьбы блуждающаго горемыки и похожденія его по бѣлому свѣту, постепенно теряя черты личныя и мѣстныя, отвлекались уже въ общее представленіе о «Горѣ» и создали цѣльный, особый, разительный образъ, воспѣтый рядомъ совершенно особыхъ нашихъ Былинъ и Стиховъ «о Горѣ-Горюшкѣ Сѣромъ.» Превосходные образцы того предложены въ І-й и II-й Ч. собр. Рыбникова, въ «Горѣ-Злочастіи» и нами въ «Русской Бесѣдѣ:» они будутъ сопоставлены въ томъ мѣстѣ, гдѣ дойдетъ очередь до подобныхъ произведеній изъ собранія П. В. Кирѣевскаго. Пока же, продолжая изданіе памятниковъ народнаго творчества, мы стараемся не столько ихъ сближать и сводить (а тѣмъ менѣе смѣшивать и смѣшивая путать, какъ это случилось съ г. Стасовымъ въ знаменитыхъ статьяхъ его о происхожденіи Русскихъ былинъ), сколько по возможности различать, распредѣлять и разграничивать, указывая каждому своё мѣсто.—Потому и здѣсь прибавляемъ только «ближайшія» разнорѣчія, въ родѣ слѣдующаго, гдѣ Королевна Елена является спасительницей Молодца, высвобождаетъ его, а Король крутымъ поворотомъ творчества обращенъ въ суроваго отца горемыкѣ, подобно какъ это извѣстно въ помянутыхъ былинахъ о Саламанѣ, о Царствѣ Подсолнечномъ и о Грозномъ:

2.

(Холмогоры).

Вы морозы, морозы вы Крещенскіе,
Заморозили морозы Добра Молодца,
Стоючи у стѣны бѣлокаменной.
Караульщички, братцы, они крѣпко спятъ:
Не спала, не дремала красная дѣвица,

Распрекрасная Елена дочь Королева;
Что брала со стола золоты ключи,
Отпирала у города воротицы,
Выпускала Добраго Молодца вонь изъ города:
««Ты поди же, Добрый Молодецъ, потихоничку,
««Чтобъ не вслышалъ, не увидѣлъ родной батюшка.»»

Что отецъ-то на сына распрогнѣвался,
Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:
«Ты поди, сынъ, пройди жь чужу сторону,
«Какова есть на свѣтѣ чужа сторона.»

Что большая сестра коня вывела,
А середняя сестра сѣдло вынесла,
А меньшая плётку подала;
А большая сестра брата спрашивала:
««Ужь когда же ты, нашь братецъ, на 'боротъ будешь?»»
—Ужь тогда я къ вамъ на 'боротъ буду,—
—Есть у батюшки у матушки суха яблынька,—
—Ужь когда эта яблынька разцвѣтать будетъ,
—Ужь тогда я къ вамъ, сестры, на 'боротъ буду.—

(Запис. С. В. Максимовымъ, ср Якушк. 1865 г.).

Конецъ этой пѣсни связалъ ее со множествомъ мелкихъ Бытовыхъ, кои будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ этого у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 185—190, приведены или упомянуты былевыя пѣсни собственно о Князьяхъ, уже исторически извѣстныхъ и опредѣленныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ старину объ нихъ ходило въ народѣ много былинъ: но, такъ какъ здѣсь изображались болѣе или менѣе судьбы всё-таки частнаго, хотя и крупнаго, лица, то былинамъ

легко было разложиться на простыя Молодецкія и Безъимянныя. Разбирая внимательно сіи послѣднія (имъ будетъ свое мѣсто ниже), иногда очевидно весьма древнія по складу и содержанію, конечно представляется возможность возстановить ихъ Княжескій первообразъ, по крайности, въ воображеніи. Но здѣсь столь же необходима величайшая осторожность, дабы не попасть въ ошибку, подобно какъ это случилось съ даровитѣйшею Русскою писательницею Н. Ст. Кохановской, въ статьѣ ея о «Боярскихъ пѣсняхъ (Русская Бесѣда 1860, II, и потомъ отчасти Воронежская Бесѣда 1861 г.).» Безспорно, въ высшихъ слояхъ древне-русскаго общества, пока оно не измѣнило своему корню и не передѣлалось на иностранный ладъ, пѣсни пѣлись лучше, обработаннѣе, краше, отборнѣе языкомъ, отчасти богаче и содержаніемъ, согласно высшему образованію и лучшимъ, обильнѣйшимъ средствамъ, чему образцы—записанные своевременно для баккалавра Ричарда Джемса при Московскомъ Дворѣ (см. ихъ ниже). Понятно также, что, уцѣлѣвши нынѣ въ одномъ только *простомъ* народѣ, крестьянствѣ, слояхъ нисшихъ, пѣсни эти, если прошли сюда тѣ же или равнозначущія, измѣнились здѣсь, поиспортились, такъ сказать обѣдняли или, по древнему выраженію, захудали, но что есть же возможность отличить нѣкоторыя отборныя, лучшія, какія могли одинаково принадлежать въ старину общественному высшему слою, или прямо оттуда заняты, судя по извѣстнымъ признакамъ. Съ этой стороны мысль писательницы нашей весьма счастлива, плодотворна и одновременна съ нашей первой въ литературѣ попыткою—выдѣлить пѣсни «Княжескія.» Но дѣло въ томъ, что г-жа Кохановская, къ сожалѣнію, привела образцы почти исключительно изъ пѣсней «свадебныхъ:» а въ нихъ, какъ извѣстно, «боярами» и «боярскими дѣтьми» сплошь называются члены свадебнаго торжества и поѣзда, извѣстные сваты, а отчасти отсюда и женихъ, какъ главный членъ торжества и поѣзда (такъ что даже, на примѣръ, въ гадальной пѣсни «Не груздочекъ скачетъ, боярскій сынъ,»—значитъ просто женихъ).

Такимъ образомъ «боярскія» пѣсни г-жи Кохановской оказываются просто «свадебныя.» И нужно прибавить, что въ нихъ даже «Дворянство, Дворянинъ, Дворяночка, Дворянскій,»—все это не больше, какъ хозяинъ, хозяйскій сынъ, хозяйская дочь, о хозяйствѣ двухъ земскихъ дворовъ, между коими въ свадьбѣ происходитъ сочетаніе, а ужь никакъ не Дворъ Государевъ и не служилые при немъ люди.—Еще опаснѣе «Князь, Княгиня, Княжескій:» какъ извѣстно, это повсюду у насъ (и у Славянъ другихъ) значитъ жениха, невѣсту, свадебное торжество (откуда это названіе,—дѣло другое, болѣе древнее). И такъ вотъ какую опасность должны счастливо миновать мы, если хотимъ отдѣлять Пѣсни «Княжескія.» Потому мы рѣшаемся въ пополненіе ихъ привести здѣсь пока только *одну* пѣсню, и то съ оговоркою. Вторая половина ея видимо переходитъ въ простыя свадебныя и въ этомъ значеніи такъ или иначе поется. Но 1) дѣло идетъ «середь Царства Московскаго, Государства Россійскаго;» 2) герой—«государь» и опредѣленно «Семіонъ Ивановичъ;» 3) нравъ его «тяжелый,» снискавшій извѣстному Московскому Князю прозвище «Гордаго;» а главное, 4) о томъ же Князѣ именно мы имѣемъ уже другую Былину, или вѣрнѣе, Стихъ (Кир. вып. 5-й и «Калѣки Перехожіе» вып. 3). А потому рѣшаемся заглавить:

Князь Московскій Симеонъ Ивановичъ.

1.

(Москва).

Какъ середь Царства было Московскаго,
Государства Россійскаго,

Стояли палаты бѣло-каменны.
Во тѣхъ во палатахъ бѣло-каменныхъ
Наставлены столы всё дубовы,
Разостланы скатерти Нѣмецки,
Разставлены кушанья сахарны.

За тѣми за столами за дубовыми,
За тѣми кушаньями сахарными,
Сидѣлъ тутъ Семіонъ Государь:
Играетъ во цынбалы въ золотыя,
Выигрываетъ волю батюшкину,
Наигрываетъ нѣгу матушкину.

Подошедши Анна послушала,
Отошедши она заплакала:
«Какъ привыкати къ обычью Семіонову,
«Ко тяжелому нраву Ивановичеву!»

(Запис. П. В. Кир.).

*

За симъ слѣдуетъ выпускъ 6-й и съ нимъ начинаются Былины *Московскія*.

* * *

Выпускъ 6.

Помочь Грозному Царю подъ Казанью.

1.

(Земля Войска Донскаго).

«Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку:
«На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ,
«Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
«Разъѣзды имѣть будемъ дальніе,
«До того-то мѣстечка до урочнаго,
«До того-то кургана высокаго,
«Мы будемъ бить, братцы, куницъ-лисицъ,
«Куницъ-то, лисицъ и черныхъ соболей *).»

Погодя немножко на единый часъ,
Не буря шумитъ и не громъ гремитъ,
Отъ Царя къ Ермаку (курьеръ) бѣжитъ,
Прибѣгаетъ къ Ермаку Тимоѳеевичу,
Подаетъ онъ указы государевы.
Принималъ Ермакъ указы, самъ вычитывалъ,
Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
«Я тебя, посланничка, не слушаю,
«А я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду.»

Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу,
Подпоясываетъ сабельку булатную,
А шапочку вздѣваетъ, молодецъ, трухмёночку **).
Идетъ Ермакъ вдоль по улицѣ,

---

*) Это слова Ермака или вообще атамановъ въ козацкомъ кругу.
**) Передѣлано изъ древняго—мурманочку, мурмолку.

У куньей шубы полы развѣваются *),
Князья-то бояры удивляются,
Что хорошь-пригожь молодецъ уродился.
Тутъ сталъ государь его распрашивать:
—Не ты ли Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
—Не ты ли воровской Донской атаманушка?
—Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
—Не ты ли разбивалъ мои корабли?—
Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
«То-то я-то Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«То-то я-то казачій атаманушка,
«То-то я-то гулялъ по синю морю,
«То-то я-то разбивалъ корабли:
«Но корабли были не орлёные,
«Не орлёные были, не таврёные **),
«Не платили государю дани-пошлины.»
—За всѣ загадочки, за всѣ прошлыя,
—И за эту бѣду тебя Богъ проститъ:
—Заслужи ***) ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
—Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ!—

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г., а у насъ Отдѣлы I—III, стр. 23—35 и далѣе).

*

Былины сего рода тѣсно связаны со всѣми прочими былинами объ Ермакѣ и покореніи Сибири, какія слѣдуютъ у насъ въ 6-мъ выпускѣ со стр. 36 до 54-й въ 4-хъ отдѣлахъ: такое же разнорѣчіе у Рыбникова въ Ч. II № 38. Но, какъ самъ

*) Въ 1-мъ изд. «развиваются.»
**) Безъ царскаго орла и безъ всякой опредѣленной и таможенной мѣтки.
***) Конечно: «Сослужи.»

Ермакъ, сдѣлавшись любимымъ лицомъ пѣснотворчества у нашего народа, перенесенъ имъ во всѣ почти старшія былины, изображающія нашу борьбу съ Татарами и прочими Восточниками, а чрезъ это близко связанъ и съ Ильей Муромцемъ, и кругомъ Владиміра (ср. прежніе выпуски и собраніе П. Н. Рыбникова): такъ на оборотъ, спускаясь въ исторіи ниже и позднѣе, въ былины объ Ермакѣ обыкновенно вставляются неразлучно имена и прочихъ, дальнѣйшихъ удальцовъ, хотя бы и «воровскихъ» лицъ, запечатлѣнныхъ въ народной памяти изъ козацкаго круга,—Разина, Каина, Пугачева, даже Мазепы и т. п. Потому, какъ образъ Ермака можемъ встрѣтить еще и ниже, въ другихъ былинахъ изъ ряду Козацкихъ, такъ обратно судьбы Разина, Пугачева и подобныхъ описываются отчасти и въ Былинахъ Ермаковскихъ; выпускъ 7-й и дальнѣйшіе должны въ этомъ случаѣ возвращаться часто къ 6-му.

Съ покореніемъ Казани и пріобрѣтеніемъ Сибири, въ былевомъ народномъ изображеніи Грознаго, связывается постоянно, какъ послѣдующее, покушеніе Царя на убійство сына. Но поелику поводомъ къ тому выставляется закравшееся первое подозрѣніе въ измѣнѣ, то переходомъ промежуточнымъ служитъ народное сказаніе, помѣщенное у г. Рыбникова во II-й Части подъ № 39-мъ, о томъ, «Отчего на Руси завелась измѣна» и что самъ Царь былъ первой ея виною и образцемъ. Засимъ, соотвѣтственно 54—101 страницамъ нашего 6-го выпуска, помѣщены у Рыбникова о покушеніи на сына: Ч. I, №№ 65,—67; Ч. II, 34; Ч. IV, 14, а въ III-й, какъ помянуто выше, въ образцѣ подъ №№ 57, 58 и особенно подъ послѣднимъ 58—событіе это возведено въ сказочную область или въ область древнѣйшаго, Придунайскаго и Черноморскаго былеваго творчества, гдѣ и связано съ тамошними героями.

Былина, помѣщенная у насъ въ 6-мъ выпускѣ, Отд. VII-мъ, стр. 102—109, служитъ уже переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ изображается смерть первой супруги Грознаго, повтореніе же-

нитьбы и вмѣстѣ борьба Московскихъ борцовъ съ Царскимъ новымъ шуриномъ, Мамстрюкомъ Темрюковичемъ, который преобращенъ народомъ въ прихотливыя имена отъ «Кострюка» до «Севрука:» вып. 6, стр. 109—186. У Рыбникова: Ч. I, № 68; Ч. II, 35—37; Ч. Ш, 44; Ч. IV, 15 и 16. Вновь можемъ присоединить только слѣдующее разнорѣчіе:

Царь Грозный еще женится.
Кастрюкъ—Севрукъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ *)?
Севрукъ тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.

—А вы люди стародавніе **),
—А давно вы живете,
—Ничего не смыслите:
—Либо мнѣ хлѣба-соли ставьте,
—Либо мнѣ борцовъ дайте,

*) Начало это есть обобщеніе извѣстнаго начала Былинъ о Грозномъ Царѣ:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный Царь.

**) Это слова Севрука, а за тѣмъ Московскихъ людей и борцовъ.

—Либо мнѣ голову срубите.—
««Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
««И бойцы на дворѣ:
««А головушки не будемъ рубить.»»
Распился Северукъ,
Разгулялся Северукъ,
Семьсотъ казаковъ заборолъ,
Восемьсотъ Татариновъ,
Девятьсотъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.

Что идутъ-пройдутъ Донцы,
Добры-удалы молодцы,
На́ бокъ колпаки поскривляючи,
По́дъ бокъ кулаки зазымляючи *),
Своего Бога похваляючи:
««А дай намъ, Боже, Северука подолѣть
««И съ кореньями повывертѣть!»»
Пришли они, подивилися **),
За бѣлыя груди взялися:
Какъ подымутъ Северука
Вонъ повыше себя,
Какъ ударятъ Северука
Объ сыру землю,—
Северукъ глаза вытращилъ,
Северукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повыломались.

А Северукова мать
По новымъ сѣнцамъ похаживаетъ,
Бѣлыя ручки поламливаетъ:
—А скурвій сынъ,
—А проклятый сынъ!

*) Подпирая.
**) Посмотрѣли на Северука, другъ на друга.

—И на что было заводиться *),
—И на что было зазымливаться **)!—

Пошла слава по всему Сѣверу ***),
Очутилася и въ Кіеву.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

Разнорѣчія къ «Осадѣ Пскова,» перенесенныя къ осадѣ Волока, см. въ Дополненіяхъ къ слѣдующему 7-му выпуску.

Еще при изданіи II-й Части собранія П. Н. Рыбникова, замѣчено было, что былина, помѣщенная тамъ подъ № 42-мъ, хотя и отнесена пѣвцомъ къ Петру 1-му, «Объ удаломъ-добромъ молодцѣ и ограбленной имъ казнѣ,» но по складу и чистотѣ языка очевидно не подлаживается подъ такое опредѣленіе и восходитъ древнѣе: дѣйствительно, въ 6-мъ выпускѣ, стр. 194—201, приведены нами былины того же самаго рода, о «Правежѣ,» выставляющія Грознаго Царя Ивана Васильевича. Такимъ образомъ, хотя изъ времени Петра 1-го повторяется въ былинахъ тотъ же, близкій разсказъ (см. Ч. III, вып. 8), но всѣ разнорѣчія, пусть перешедшія въ Безъимянныя и Молодецкія, получаютъ основу старшую, куда мы и относимъ:

---

*) То же, что ссориться, старинное *вада*, *вазнь*, Серб. *завадити се*.
**) Подпираться, гордиться, набираться духу, надмеваться.
***) Здѣсь разумѣется извѣстная «Сивера,» промежутокъ между Русью Великой и Малой, съ Сѣверскимъ Козачествомъ.

Правежъ.

1.

(Самарскій край).

Изъ-подъ цвѣтика *) да каменнóй Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ мóлодца,
Ведутъ мóлодца да вѣдь ко вѣшанью.
Идетъ мóлодецъ—да самъ не ка́чнется,
Его буйная головушка не тря́хнется,
Его русые кудерки не шелóхнутся,
Во рукахъ-то онъ несетъ да воскову свѣчу,
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.

Какъ на встрѣчу ему да православный Царь **);
Еще сталъ государь его распрашивать:
«Ты скажи-ко, скажи мнѣ, добрый молодецъ,
«Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ,
«Съ кѣмъ разбой держалъ?»
—Ужь ты батюшка да благовѣрный царь!
—Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
—Воровали-то твои да Донски ка́заки,
—Донски ка́заки да все каза́ченьки,
—Все казаченьки дуванъ дуванили ***),
—Дуванъ дуванили да казну дѣлили,
—Казну дѣлили да казну-денежки;
—Ужь какъ я ли, молодецъ, при томъ случьѣ былъ,
—При томъ случьѣ былъ да все па́ю просилъ;

---

*) Безобразная обстановка, выродившаяся изъ выраженія старшихъ былинъ того же рода: «бѣла-горюча камени, колодичка, ключа,» и т. п.

**) Въ старшихъ Былинахъ къ этому прибавлено: «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.»

***) Полонили полонъ и дѣлили его.

—Ужь какъ мнѣ-то, молодцу, да паю не́ дали *)....
—Всѣ казаченьки да испугалися,
—По низкимъ мѣстамъ да разбѣжалися,
—По низкимъ мѣстамъ да по болотичкамъ:
—Одному-то мнѣ казна досталася.—

(Ср. сборн. г. Варенцова, Спб. 1862 г.).

Соотвѣтствующія сему Безъимянныя, Молодецкія пѣсни, кои см. ниже въ изданіи на своемъ мѣстѣ, развили отвѣтъ молодца съ особымъ лирическимъ характеромъ.

Отселѣ слѣдуетъ уже настоящій выпускъ 7-й, по обстоятельствамъ, изложеннымъ и не разъ помянутымъ выше, отпечатанный въ первыхъ четырехъ листахъ не съ тою полнотою, какъ предполагалось при его черновомъ изготовленіи. Ошибки, оказавшіяся на сихъ листахъ и перечисленныя ниже подробно въ Погрѣшностяхъ, нисколько не завися отъ печатавшаго, произошли большею частію отъ того, что, не имѣя подъ руками подлинныхъ листочковъ оригинала, онъ въ точности слѣдовалъ копіямъ, рукописи П. И. Якушкина, а у сего послѣдняго, какъ не разъ мы замѣчали и какъ теперь представляется во очію, при всѣхъ заслугахъ, оказанныхъ народу собираніемъ пѣсень по порученію и при пособіи П. В. Кирѣевскаго,—гдѣ только коснется дѣло дальше черновой тетрадки, записанной со словъ, нигдѣ уже нельзя достовѣрно положиться почти ни на одну строчку.—Потому мы теперь пойдемъ уже шагъ за шагомъ, страница по страницѣ, пополняя всюду опущенное на первыхъ четырехъ листахъ и разъясняя связь между отдѣльными образцами.

---

*) За симъ пропущено разсказанное въ старшихъ былинахъ, какъ обдѣленный и разсерженный молодецъ схватилъ вязъ или дубину и перепугалъ грабителей.

Выпускъ 7.

Ѳедоръ Ивановичь и Борисъ Годуновъ. Неудача Крымскаго царя.

1.

(Москва).

А не силная туча затучилася,
А не силніи громы грянули:
Кудѣ ѣдетъ собака Крымской царь?
А ко силнему царству Московскому *):
«А нынѣчи **) мы поѣдемъ къ каменнóй Москвѣ,
«А назадъ мы пойдемъ, Рѣзань возмемъ.»
А какъ будутъ онѣ (у) Оки рѣки,
А тутъ онѣ станутъ бѣлы шатры роставливать ***):
«А думайте вы думу съ цѣла́ ума ****),
«Кому у насъ сидѣть въ каменнóй Москвѣ,
«А кому у насъ въ Володимерѣ,
«А кому у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
«А кому у насъ держать Рѣзань старая *****),
«А кому у насъ въ Звенигородѣ,
«А кому у насъ сидѣть въ Новѣ-городѣ?»

---

*) За симъ слѣдуютъ слова и предположенія Крымскаго царя.

**) Въ другомъ спискѣ: «нѣнчи.»

***) Послѣ сего опять слова хана и одинаковый пріемъ, въ предположительномъ дѣленіи добычи, какъ въ былинѣ о Татарахъ и Князьяхъ Тверскихъ, у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 186—190.

****) Хорошенько.

*****) Обыкновенный въ пѣснотворчествѣ эпитетъ Рязани, соотвѣтственный и тому, что дѣйствительно позднѣе отстроилась Рязань Новая, на новомъ мѣстѣ, новый «городъ.»—Употребительный въ древности падежъ при неокончат. наклоненіи.

Выходитъ Диви-Мурзы сынъ Улановичь *):
—А еси государь нашъ, Крымской царь!
—А тобѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменно́й Москвѣ,
—А сыну твоему въ Володимерѣ,
—А племеннику **) твоему въ Суздалѣ,
—А сродичу въ Звенигородѣ,
—А бояриму конюшему держать Рѣзань Старая,
—А меня, государь, пожалуй Новымъ-городомъ:
—У меня лежатъ тамъ свѣтъ добрі-дни ***) батюшка,
—Диви-Мурза сынъ Улановичь.—

Прокличетъ съ небесъ Господень гласъ ****):
««Ино еси собака, Крымской царь!
««То ли тобѣ царство не свѣдомо?
««А еще есть на Москвѣ семьдесять Апостоловъ,
««Опришенно *****) Трехъ Святителей;
««Еще есть на Москвѣ православной царь!»»

Побѣжалъ еси, собака, Крымской царь,
Не путемъ еси ******)—не дорогою,
Не по знамени не по черному *******)!

(Изъ бумагъ Ричарда Джемса, записано въ Москвѣ 1619 года, привезено К. А. Коссовичемъ, отпечатано въ 1-мъ году Изв. А. Н. II отд.; ср. у насъ 7-й вып. стр. 1—3).

*

*) То есть одинъ изъ мурзъ и улановъ, совѣтниковъ и молодцовъ ополченія, называемыхъ у насъ по пѣснямъ собирательно «дивьи мурзы-улановья.» *Диви, дивій*,—осмыслено, дикой: но вѣроятно это *дели*, удалецъ.—По друг. списку: «улановы.»

**) По друг. списку: «племнику.»

***) Покойный, блаженной памяти (противоположно «злы-дни»): съ этимъ согласовано «лежатъ».

****) Прелесть и достоинство сихъ былинъ состоитъ именно въ этой мастерской краткости и во внезапности оборотовъ.

*****) Опричь, кромѣ еще.

******) Т. е. побѣжалъ.

*******) Не стройно, не въ рядахъ и не въ ротахъ подъ ихнимъ чернымъ знаменемъ.

Былины сіи, числомъ 5, и 6-я пѣсня о службѣ служилыхъ людей, составляющія истинные перлы нашего народнаго пѣснотворчества, въ то же время старше и важнѣе всѣхъ другихъ, какъ потому, что записаны отъ современниковъ тогдашнихъ (слѣдующій за тѣмъ Кирша Даниловъ позднѣе), по самой свѣжей памяти, тотчасъ послѣ событій, непосредственно за годами, въ кои были сложены, такъ и потому, что записаны на самомъ мѣстѣ событій. Записаны прежде, чѣмъ успѣли разойтись далеко по Русской землѣ и широко въ устномъ употребленіи, прежде, чѣмъ могли измѣниться или исказиться. Оксфордскій баккалавръ Ричардъ Джемсъ, священникъ при Англійскомъ посольствѣ, бывшемъ въ Россіи 1618—1620 гг., въ Москвѣ 1619 г., воспользовался досугомъ, чтобы ознакомиться съ Русскимъ языкомъ, и вывезъ съ собою книжечку означенныхъ пѣсень, конечно по его желанію записанныхъ для него въ Москвѣ. Открылъ въ Англіи Академикъ г. Гамель, списокъ его вмѣстѣ съ другимъ, вновь сдѣланнымъ, привезъ К. А. Коссовичь, получилъ и отпечаталъ въ «Извѣстіяхъ» Предсѣдательствовавшій во II-мъ Отд. А. Н. И. И. Давыдовъ.—Печатая ближайше и другія былины, мы дозволили себѣ только выставить ударенія, разставить стихи, приведенные сплошь, а при этомъ знаки препинанія.

Плачь Ксеніи.

1.

(Москва).

Сплачетца мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охте мнѣ молоды *) горевати!

---

*) Молодѣ: ы и и вм. ѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

«Хотять сырой дубъ зажигати,
«Мое гнѣздышко разорити,
«Мои малыи дѣти побити,
«Меня пелепелку поимати *).»

Сплачетца на Москвѣ Царевна:
«Охте мнѣ молоды́ горевати,
«Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
«Ино Гриша Отрепьевъ Ростригa,
«Что хочетъ меня полонити,
«А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
«Черническої чинъ наложити!

«Ино мнѣ постритчи ся не хочетъ **),
«Чернического чину не здержати:
«Отворити будетъ темна келья ***),
«На добрыхъ молодцовъ ****) посмотрити

«Ино охъ, милыи наши переходы *****)!
«А кому будетъ по васъ да ходити
«Послѣ царского нашего житья
«И послѣ Бориса Годунова?

«Ахъ, милыи наши теремы ******)!
«А кому будетъ въ васъ да сѣдѣти
«Послѣ царьского нашего житья
«И послѣ Бориса Годунова?»

(Оттуда же, запис. 1619 г.).

*

*) Сравнительное Вступленіе, съ коимъ сопоставлено положеніе Царевны: и вступленіе, и дальнѣйшіе пріемы въ описаніи горя имѣютъ сходство съ другими Великорусскими Заплачками, отчасти свадебными Причитаньями, а всего ближе съ Купальскими и нѣкоторыми древнѣйшими пѣснями Бѣлой Руси.

**) *Ся* относится къ обоимъ глаголамъ: не хочется постричься.

***) Древній падежъ при неокончательномъ.

****) Въ спискахъ «молотцовъ.»

*****) Галлереи, крытыя сѣни по бокамъ дома.

******) Вѣроятно «терёмы.»

2.

(Москва).

А сплачетца на Москвѣ Царевна *),
Борисова дочь Годунова:
«Ино Боже, Спасъ милосердой!
«За что наше царьство загибло,
«За батюшково **) ли согрѣшенье,
«За матюшкино ли немоленье?

«А свѣты вы, наши высокіе хоромы!
«Кому вами будетъ владѣти
«Послѣ нашего царьского житья?

«А свѣты, браныи убрусы ***)!
«Береза ли вами крутити ****)?
«А свѣты, золоты ширинки *****)!
«Лѣсы ли вами дарити?
«А свѣты, яхонты-сережки ******)!
«На сучье ли васъ задѣвати,—
«Послѣ царьского нашего житья,
«Послѣ батюшкова преставленья,
«А свѣта Бориса Годунова?

«А что ѣдетъ къ Москвѣ Рострига *******),
«Да хочетъ теремы ломати,

---

*) Это такое же продолженіе послѣ Вступленія, какъ въ предъидущемъ образцѣ со стиха 8-го: доказательство, что даже и тогда былина раздѣлялась уже на два разнорѣчія, изъ коихъ оба здѣсь записаны.

**) По друг. списку: «За батюшкино;» вѣроятно по вліянію сего ниже «матюшкино» вм. «матушкино.»

***) Полотенца.

****) Наряжать: падежъ при неокончательномъ какъ выше.

*****) Платки, ручники, вышитые золотомъ.

******) Въ спискѣ: «серешки.»

*******) Въ предъидущемъ образцѣ это мѣсто въ середкѣ былины.

«Меня хочеть, Царевну, поимати,
«А на Устюжну на Желѣзную отослати,
«Меня хочеть, Царевну, постритчи,
«А въ рѣшетчатой садъ засадити *).
«Ино охте мнѣ горевати:
«Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
«У игумени **) благословитца?!»

(Оттуда же, запис. 1619 г.).

*

Такъ какъ оба эти образца очевидно сложены (а тѣмъ болѣе записаны) уже *послѣ* совершившагося, оплаканнаго здѣсь событія, то есть, послѣ смерти Бориса, пріѣзда Лжедимитрія, поруганія Ксеніи и ссылки ея, то Плачь, исчисляя послѣдовательность событій, является не лирическимъ (женскимъ), какъ другія подобныя Заплачки и Причитанья, а дѣлается настоящею Былиной (подобно какъ выше, въ 6-мъ выпускѣ, Плачь Царицы и вообще Плачь по Царѣ; ср. и ниже). Отъ того же, по мотивамъ и складу, онъ близко сходится съ Купальниками, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ наитіемъ Купалы въ Купальскую ночь.

Отпечатанная у насъ, въ семъ выпускѣ, вслѣдъ за Годуновымъ, стр. 3—4, I-я былина о Лжедимитріѣ отличается, кромѣ спутанности, сильнымъ вліяніемъ книжности и письменнаго языка, такъ, какъ, замѣчательно, отличаются симъ весьма многія былины Московскія: ср. выше, въ 5-мъ вып., о Симеонѣ, Невскомъ, о Годуновѣ № 2, и т. д. Это даже болѣе Стихи, чѣмъ Былины. Собственно народная былина слѣдуетъ изъ

*) Въ засаду, заключеніе за рѣшоткой.
**) У игумены.

Кирши, № 2, стр. 5—6. Но прежде ея мы поставимъ здѣсь старшую, чрезвычайно драгоцѣнную и имѣющую полное право на мѣсто тотчасъ послѣ Джемсовыхъ и раньше Кирши: къ величайшему счастію, мы успѣли ее извлечь изъ бумагъ незабвеннаго К. Ѳ. Калайдовича (напечатавшаго и Киршу), разбирая сіи послѣднія. Она написана на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: «въ 196^{м} году въ 7^{и} тысяче,» то есть, 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше 1688 года и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ.

Мы печатаемъ ее вдвойнѣ: 1) точь въ точь съ рукописи, раздѣляя только на стихи, но соблюдая правописаніе (кромѣ надстрочныхъ знаковъ) и знаки препинанія, а вмѣстѣ, въ примѣчаніяхъ, упоминая, какія сдѣланы перемѣны рукою 1688 года; 2) съ бо́льшею свободой расположенія словъ и нынѣшняго правописанія, а вмѣстѣ съ добавочными разнорѣчіями изъ ближайшей былины у Кирши, что напечатана у насъ выше подъ № 2-мъ, обозначая ее буквой *а*), и изъ сходной былины, записанной въ Нижегородской губерніи, обозначая ее *б*). И такъ:

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

Ты боже мой боже спасъ милостивой,
владыко царю вседержителю [1]),
за что на насъ господь богъ прогневался,
какъ [2]) спустилъ на насъ великъ тяшкой грехъ [3]),

[1]) Болѣе поздней рукою поставлены ударенія: «Бо́же, Спа́съ, ца́рю, вседержителю.» — [2]) Зачеркнуто. — [3]) Исправлено въ два стиха: «Спустилъ на насъ господи, Великъ тяшкой грѣхъ.»

[1]) вора гришку ростригу атрепьева;
прелстилъ онъ воръ сабака три земли,
первого прелстилъ караля в литве,
другаго прелстилъ землю полскую,
третье силно царство московское.
не успелъ воръ сабака на царство сесть,
поизволилъ воръ сабака женитися [2]):
ни у князя онъ беретъ не у боярина:
не у насъ онъ беретъ в комянной москве,
беретъ воръ сабака в проклятой литвѣ:
проклятой литвѣ [3]), у юрья пана стредомирского [4]),
беретъ онъ маринку дочь юрьеву,
а свадба была на вешней праздникъ,
миколинъ день былъ в пятницу [5]),
а у гришки свадба в четвертокъ была:
стали благовестить к [6]) заутрине,
у святаго михайла архангела,
где кладутся цари благоверныя,
благоверныя [7]) благочестивыя,
бояра пошли ка [8]) заутринѣ,
ко святому михайлу архангелу:
а гришка рострига в баню пошелъ,
с своею маринкою дочь юрьевой [9]),
бояря идутъ от заутрини,
а гришка рострига из бани идетъ,
шуба на немъ сабалиная,
на маринке саянъ краснаго [10]) золота,
входитъ [11]) на крылечко на красное,
вскричитъ онъ взвопитъ громкимъ голосомъ [12]),

---

[1]) Прибавлено: «*тово ли* вора.» Ударенія: «во́ръ саба́ка.» — [2]) Ударенія: «во́ръ, жени́тися;» послѣ «воръ» поставлена запятая. — [3]) Оба слова зачеркнуты. — [4]) Исправлено: «сендомирского.» — [5]) Исправлено такъ: «На вешней праздникъ, Миколинъ день, Миколинъ день былъ въ пятницу.» — [6]) «Ко.» — [7]) Вставлено: «благоверныя цари благочестивыя.» — [8]) «Ко.» — [9]) Исправлено: «дочьей юрьевной.» — [10]) Зачеркнуто *го.* — [11]) Исправлено: «онъ возходитъ.» — [12]) Ударенія: «голосо́мъ», а выше «золота.»

есть ли у меня пушкари [1],
свезите снарядъ [2]) пушки за городъ,
за те ли вороты серпуховския [3]),
завтре у меня пиръ будетъ,
для ради тестя любимого,
какъ пошелъ на крылечко на заднѣе,
скрычитъ онъ возвопилъ громкимъ голосомъ,
есть ли у меня поворы [4]),
мои батюшковы приспешнички,
варите вы яству скоромную, и посную,
скоромную ества гуси лебеди,
а посную ества рыбу бѣлую,
завтре у меня пиръ будетъ,
ради тестя любимова,
про юрья пана стредомирскаго [5]),
скоромную ества самъ кушаетъ,
а посну ества роздачей даіотъ [6]),
а местные иконы под себя стелетъ,
а чюдны кресты под пяты кладетъ:
и тутже бояра домышлялися,
и думны дьяки догадалися.
брасалися кидалися в девичей монастырь:
ко иноке к марфе ивановнѣ,
ты свѣтъ наша матушка
інака марфа ивановна,
прямой ли царь на царстве сидитъ,
твое дитя рожденное [7]),
что дмитри царевичь углицкой,
только дѣлаетъ не по царскому,
скоромную ества самъ кушаетъ,
а посную ества в роздачи даіотъ,

---

[1]) Третьею, новою рукою, но только не Калайдовича, прибавлено: «и затинщики.» — [2])Исправлено: «нарядъ.»— [3]) Прибавлено: «*за* серпуховския.»— [4]) Т. е. повары, но исправлено не понявши: «поворы,» то есть, воры, которые поворовываютъ. — [5]) Оставлено неисправленнымъ. — [6]) Писавшій хотѣлъ выразить: «даетъ». — [7]) Исправлено: «порожденное.»

а местные иконы под себя стелеть [1]),
а чюдны кресты под пяты кладіоть,
что зговоритъ наша матушка,
инока марфа іівановна,
вы глупы бояря неразумные,
вестима богу [2]) всей земли,
что потерянъ князь дмитрей на угличе,
ево мощи лежатъ в комянной москвѣ,
у светаго михайла архангела,
гдѣ кладутца цари благоверные:
благоверныя благочестивыя,
что зговоритъ наша матушка,
что инока марфа ивановна,
приезжаетъ с угрозою,
привозитъ [3]) нагало саблю вострую,
велитъ называти своимъ сыномъ,
князем димитриемъ царевичемъ углицкимъ.
и тутже бояря догадалися,
и думныя дьяки домышлялися,
выбирали себе дьяка думнова:
того ли петрушку басманикова,
посылаютъ в полаты во царские,
велятъ говорить не с упаткою,
помнишли гришка спомятуешли,
вместе мы грамоте с тобой училися,
во томъ монастыре во чюдове,
ты былъ гришка чернымъ дьякономъ,
а я былъ на крылосе псаломщикомъ,
видитъ же гришка не минучею,
пошелъ в полаты во набережны,

---

[1]) Поставлены, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ударенія особенныя: «Кушáетъ, стелéтъ.» — [2]) Здѣсь перегибъ бумаги посередкѣ въ четверо, отъ того образовалась скважина и конечно вытерто: *и*. — [3]) «привозитъ.»

из набережныхъ на житной [1])
гдѣ онъ упалъ и самъ пропалъ,
отнынѣ и проклятъ до вѣку.

Конецъ.

*

Такимъ образомъ, очевидно, первая рука, главная, хотя не совсѣмъ грамотна, но совершенно народна и, судя по всему, писала со словъ, съ устнаго пѣнія или пересказа.—Вторая, исправлявшая, судя по мѣсту удареній, по видимому принадлежала Малоруссу или Бѣлоруссу, никакъ не Великоруссу и не Москвичу. Провѣрила ли она образецъ по своей собственной памяти, или по новымъ слышаннымъ образцамъ, или же прямо исправляла по собственному соображенію, во всякомъ случаѣ видно, что была знакома съ народнымъ творчествомъ, именно изъ повторяющихся концовъ стиха стремилась сложить новый цѣлый стихъ, или укорачивала его, или удлинняла по требованію размѣра; притомъ образованнѣе первой, какъ на примѣръ исправила «Сендомирскаго.»—Третья, новая, нашего вѣка, по видимому женская, пробы французскихъ словъ, а на полѣ: «Наталья Волк...,» Волкова или Волконская; вставка «и затинщики» обличаетъ знаніе; приписанный конецъ остается недостовѣренъ.—Теперь вотъ какъ возстановляемъ мы нынѣшними средствами:

---

[1]) Здѣсь кончается листочекъ; на слѣдующемъ конечно продолжалось: «дворъ.» За симъ напечатанное курсивомъ приписала уже третья, помянутая новая рука: списала ли она со слѣдующаго листочка конецъ былины, или придумала отъ себя, не можемъ рѣшить; по крайности она пропустила слово *дворъ*; а въ варіантѣ былины конецъ другой.

1.

Ты Боже мой, Боже, Спасъ милостивой,
Владыко Царю Вседержителю [1])!
За что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Какъ спустилъ на насъ великъ тяжкой грѣхъ,
а) Сослалъ намъ, Боже, прелестника [2]),
Вора Гришку Ростригу Отрепьева [3])?
Прелстилъ онъ, воръ-собака, три земли,
Первого прелстилъ Короля въ Литвѣ,
Другаго прелстилъ—землю Полскую,
Третье силно царство Московское [4]).

Не успѣлъ воръ-собака на царство сѣсть [5]),
Поизволилъ воръ-собака жениться:
Ни у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ онъ беретъ въ камянной Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ [6]),

---

[1]) Этотъ стихъ есть и въ б), имъ и начинается. — [2]) Этотъ стихъ варіанта а) не лишній; въ б) «послалъ намъ, Господи, прелесника.» — [3]) б) „*Тово ли* Гришку,“ доказательство, что вторая рука приписала это слово не даромъ.— [4]) Очевидно, на сколько хуже и позднѣе современный варіантъ б):

Онъ прельстилъ собака цѣлы три орды,
Перва орда—проклята Литва,
А друга орда—Хана Крымсково,
Третья орда—басурманы Запорожскіе.

Варіантъ а), тоже какъ болѣе поздній, нашелъ здѣсь уже нужду въ поясненіи:

Называется Разстрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.

[5]) Въ вар. а) это выражено уже двумя стихами: „Ужели онъ Разстрига на царство сѣлъ? Не долго Разстрига на царствѣ сидѣлъ.“ — [6]) Слѣдующіе стихи короче, какъ на примѣръ въ вар. а); то есть до настоящей мѣры должны быть пополнены концомъ предыдущихъ, какъ и есть у насъ въ главномъ текстѣ. Кромѣ того напѣвъ былины, сохраненный у Кирши, показываетъ, что конецъ стиха каждаго повторялся: этотъ повторяемый отрѣзокъ и есть въ настоящемъ случаѣ „проклятой Литвѣ.“

Проклятой Литвѣ, у Юрья пана Стредомірского [1]),
Беретъ онъ Маринку дочь Юрьеву.
А свадба была на вешней праздникъ,
а) На вешней праздникъ Миколинъ день [2]):
Миколинъ день былъ въ пятницу,
А у Гришки свадба въ четвертокъ была [3]);
Стали благовѣстить къ заутринѣ,
У святаго Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрныя,
Благовѣрныя, благочестивыя [4]),
Бояра пошли ко заутринѣ,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка Рострига въ баню пошелъ
Съ своею Маринкою дочь-Юрьевой [5]);
Бояря идутъ отъ заутрини,
А Гришка Рострига изъ бани идетъ,
Шуба на немъ соболиная [6]),
На Маринкѣ саянъ [7]) краснаго [8]) золота.

---

[1]) Осмыслено, подобно словамъ „середокрестный, средопостный;" показываетъ народное употребленіе былины; б) „Сендофорсково." — [2]) Это повтореніе, сохраненное варіантомъ а), непремѣнно было; но, какъ повтореніе, не записано въ нашемъ текстѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдующій стихъ опять начинается словами: „Миколинъ день." — Вар. б), какъ позднѣйшій, современный намъ, обобщилъ: „не въ удобной день." — [3]) Вар. а) обратно: „Въ четвергъ у Разстриги свадьба была, А въ пятницу праздникъ Николинъ день." — [4]) Всѣ эти мѣстныя черты объ Архангельскомъ соборѣ уже опущены въ вар. а), записанномъ вѣроятно въ Сибири, между сѣверовосточными украйнами, и въ вар. б), записанномъ въ Нижегородской губ. — [5]) Этотъ старый оборотъ, мы видѣли, уже въ концѣ XVII вѣка потребовалъ исправленія. — [6]) Вар. а) добавляетъ: „рубашка кисейная," особенность женственная, странная нашимъ предкамъ: барокъ накрахмаленный, тогда употреблявшійся въ Польщѣ и Литвѣ. — [7]) Обыкновенно объясняется словомъ восточнымъ: но мы убѣдились, по Бѣлорусскимъ и Польскимъ памятникамъ, что это отъ матеріи, привозившейся съ юга, Итальянская *Соя* или *Сая*, травчатая, шолковая; такъ и называлась у насъ одежа, обыкновенно женская, а самая матерія—извѣстная *камка*; отъ того въ вар. а), какъ и въ другихъ пѣсняхъ, „соянъ хрущатой камки," а у насъ „краснаго золота," протканая золотомъ; легче парчи, пополамъ съ шолкомъ, или легкая, не чисто-металлическая парча. Сравнительно

Входитъ на Крылечко на Красное,
Вскричитъ онъ—взвопитъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня пушкари!
«Свезите снарядъ-пушки [1]) за́ городъ,
«За тѣ ли вороты Серпуховскія:
«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,
«Для ради тестя любимого [2]).»
Какъ пошелъ на крылечко на заднее,
Скрычитъ онъ—возвопилъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня по́вары [3]),
«Мои батюшковы приспѣшнички!
«Варите вы яству скоромную и посную,
«Скоромную ѣству—гуси-лебеди,
«А посную ѣству—рыбу бѣлую:
«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,
«Ради тестя любимова,
«Про Юрья пана Стредомірскаго [4]).»
Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
А посну ѣству роздачей даётъ [5]);
А мѣстные иконы подъ себя стелетъ,
А чюдны кресты подъ пяты кладётъ [6]).

же съ прочими шолковыми матеріями, она была плотнѣе, хрустѣла, производила шелестъ, откуда названіе „хрущатой.“ Впослѣдствіи названіе перешло и на бумажныя матеріи, и шерстяныя травчатыя, а нынче это у простаго народа по нѣкоторымъ губерніямъ всякая исподница и крашенинный сарафанъ; вар. б) обобщаетъ: „рытово бархата.“ Восточное, извѣстное Сербамъ, „Диба и Кадиба.“ — [8]) Для размѣра, вторая рука исправила „красна.“

[1]) *Снарядъ*, *нарядъ*, техническое имя для древней артиллеріи. —[2]) Эти послѣднія подробности, извѣстныя изъ исторіи Лжедимитрія и знакомыя Москвичу, уже опущены въ вар. а) и б). — У насъ же, судя по слѣдующему, опущено дополненіе: „Про Юрья пана Стредомірскаго.“—[3]) Вар. б) счелъ уже полезнымъ прибавить и пояснить: „*кухари* и повары.“ — [4]) Вар. а) помнитъ еще, что „Юрья панъ — гость дорогой;“ а новый б) представляетъ его уже незванымъ: „незваной гость.“ — [5]) Прочимъ Русскимъ, за столомъ и на домъ въ жалованье. — [6]) Доказательство народнаго склада былины: такова была молва въ народѣ, распущенная сверху.

И тутъ же бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися [1]).
Бросалися–кидалися въ дѣвичей монастырь [2])
Ко инокѣ къ Маreѣ Ивановнѣ [3]):
««Ты свѣтъ наша матушка,
««Инока Мареа Ивановна!
««Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,
««Твое дитя рожденное,
««Что Дмитрій Царевичь Углицкой?
««Только дѣлаетъ не по царскому [4]):
««Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
««А посную ѣству въ роздачи даётъ,
««А мѣстные иконы подъ себя стелетъ,
««А чюдны кресты подъ пяты кладётъ.»»
Что зговоритъ наша матушка,
Инока Мареа Ивановна [5]):
—Вы глупы бояря—неразумные!
—Вѣстимо [6]) Богу (и) всей Земли,
—Что потерянъ [7]) князь Дмитрей на Угличѣ [8])

---

[1]) Опять доказательство современности и Московскаго мѣсторожденія нашей былины въ старшей редакціи: перечислены неподобныя дѣйствія Разстриги, и, какъ слѣдствіе, догадки бояръ и дьяковъ; въ вар. а) вмѣсто того уже „стрѣльцы,“ а въ б) „*князья* и бояря,“ притомъ опи испугались единственно *прiѣзда Юрьева*: „За *то-то слово* спохватилися;“ „всѣ князья и бояря *испужалися*.“—[2]) Опять: вар. а) поставилъ „Боголюбовъ,“ любимый, такъ сказать„ техническій“ въ нашихъ былинахъ; а б) еще хуже—„Чудовъ.“—[3]) Вар. а) „Мареа Матвѣевна,“ вар. б) „Олёна Михайловпа.“ — [4]) Вар. б) „А ведетъ сея не по царскому;“ подробности же, чѣмъ не по царскому, въ обоихъ варіантахъ уже затеряны. — [5]) Позднѣйшіе варіанты ввели уже черту мелодраматическую: „заплакала, горючи слезы, во слезахъ.“ — [6]) Слово, уцѣлѣвшее доселѣ въ простонародьѣ: вѣдомо, извѣстно. — [7]) Убитъ: „Князь Романъ жену *терялъ*.“ — [8]) Здѣсь кончается первая, старшая редакція былины, современная событію: дальнѣйшая прибавка о мощахъ въ соборѣ принадлежитъ уже эпохѣ послѣ Шуйскаго и потому вставлена нами въ скобки. Ту же прибавку вставляютъ оба варіанта а) и б), а вар. а), по отдаленности мѣста, гдѣ записана былина, предполагаетъ соборъ „у чудной Софіи Премудрыя,“ какъ въ Новгородѣ, и дополняетъ еще болѣе позднія подробности, распространившіяся въ народѣ,

(—Ево мощи лежать въ комянной Москвѣ,
—У светаго Михайла Архангела,
—Гдѣ кладутца цари благовѣрные,
—Благовѣрныя, благочестивыя).—
. . . . [1])
Что зговоритъ наша матушка,
Что инока Мареа Ивановна:
—Пріѣзжаетъ съ угрозою,
—Привозитъ наголо́ саблю вострую [2]),
—Велитъ называти своимъ сыномъ,
—Княземъ Димитріемъ Царевичемъ Углицкимъ.—

И тутъ же бояря [3]) догадалися
И думныя дьяки домышлялися.
Выбирали себѣ дьяка думнова,
Того ли Петрушку Басманикова [4]),
Посылаютъ въ полаты во царскіе,
Велятъ говорить не съ упадкою [5]):
—Помнишь ли, Гришка, спомятуешь ли,
—Вмѣстѣ мы грамотѣ съ тобой училися,

о томъ, что Царевичь потерянъ „отъ бояръ Годуновыихъ,“ о томъ, что въ соборѣ каждый праздникъ панихиды и Годуновымъ проклятія, столь долго, какъ извѣстно, длившіяся.

[1]) Тутъ очевидный перерывъ и пропускъ: въ вар. б) былина знаменательно здѣсь и кончается, а вар. а) пропускаетъ стихи, у насъ въ старшей редакціи еще уцѣлѣвшіе. Именно, въ ней уцѣлѣлъ еще отвѣтъ Мареы Ивановны, доказывающій, по былинѣ, что ее, послѣ признанія, естественно спрашивали: „За чѣмъ же прежде назвала ты его своимъ сыномъ?“ Но такая историческая подробность была уже слишкомъ тонка и мелка для памяти народнаго творчества: уцѣлѣлъ отрывочно только „отвѣтъ“ Мареы Ивановны, а слѣдующій по времени вар. а) потерялъ и самый отвѣтъ. — [2]) То есть: „Что же мнѣ было дѣлать, когда онъ прямо пріѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою, грозитъ вострой саблей, велитъ называть сыномъ,“ и т. д.? — [3]) Вар. а) опять „стрѣльцы.“ — [4]) Конечно вмѣсто „Басманинова,“ по недослышкѣ записавшаго былину или опискѣ. — [5]) Безъ страху, смѣло: обычное выраженіе въ нашихъ былинахъ.—Вся эта подробность совершенно потеряна въ вар. а). Но она, сколько мы знаемъ, неизвѣстна и въ исторіи по памятникамъ, а между

—Во томъ монастырѣ во Чюдовѣ [1])?
—Ты былъ, Гришка, чернымъ дьякономъ [2]),
—А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ [3])?—

Видитъ же Гришка (бѣду) неминучею [4]),
Пошелъ въ Полаты во На́бережны,
Изъ Набережныхъ на Житной (дворъ) [5])
. . . . [6])

*

тѣмъ необыкновенно важна. Съ одной стороны она свидѣтельствуетъ, что попала въ былину уже нѣсколько позднѣе, послѣ Шуйскаго и при Романовыхъ, когда второе по Самозванцѣ поколѣніе стало забывать, кто былъ Петръ Басмановъ; во вторыхъ ясно показываетъ, какіе слухи были пущены тогда въ народъ сверху. Это варіантъ къ извѣстному провозглашенію: „винится, самъ повинился!"

[1]) Выраженія и складъ сихъ трехъ стиховъ совершенно такіе же, какіе извѣстны по другимъ нашимъ Былинамъ и Стихамъ: а по содержанію, тотъ же мотивъ повторяется въ старшихъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и его училищномъ товарищѣ Калѣчищѣ, см. вып. 1 и 4. — [2]) Іеродіакономъ. — [3]) Независимо отъ сей вымышленной обстановки, нѣкоторыя основанія къ ней могли быть тѣ, что конечно Басмановъ могъ пѣвать на крылосѣ и—якобы—видать Гришку, и—якобы—потомъ уличить его. — [4]) Считаемъ себя совершенно въ правѣ вставить опущенное слово „бѣду," по смыслу и подобнымъ примѣрамъ другихъ былинъ. — [5]) Также очевидно, что за прерваннымъ листикомъ слѣдовало здѣсь „дворъ," нами и вставленное. — [6]) Ничто не замѣнитъ намъ отсутствія конца этой драгоцѣнной былины, хотя конечно нѣсколькихъ только словъ: новой приписки, нами выше помянутой, мы не признаёмъ достовѣрною, а варіантъ а), по отдаленности мѣста и времени, ударился въ образы совершенно произвольные; у него Гришка „въ верхни чердаки убирается и на крѣпко запирается," потомъ „*догадливъ былъ*, бросался онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя (вмѣсто „брошенъ")," а про Марину, какъ она обернулась въ сороку и вылетѣла, разсказано то же, что про знаменитую соблазнительницу Добрыни, и на оборотъ въ былины о Добрынѣ вставлена *Маринка* Сендомірская (см. у насъ вып. 2-й и Рыбниковское собраніе).

*

При всей той важности, какую мы придаемъ устному народному творчеству и памятникамъ его, уцѣлѣвшимъ въ устахъ досель, при всей самобытной и самостоятельной подлинности его, авторитетъ которой столь извѣстенъ и постоянно доказывается нашими изданіями, тѣмъ не менѣе и даже тѣмъ болѣе придаемъ мы важность, вѣроятно теперь очевидную и читателямъ, когда тѣ же памятники устнаго творчества *записаны* и уцѣлѣли до насъ въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе старинныхъ *рукописяхъ*, съ явными признаками времени ихъ, мѣста и происхожденія. Рукописи эти 1) убѣждаютъ насъ, что былины слагались въ народѣ, цѣломъ народѣ, непосредственно въ слѣдъ за событіями, тотчасъ же или близко къ нимъ, и столь же быстро распространялись: все равно, слагались ли въ слояхъ высшихъ,—отсюда шли по всѣмъ направленіямъ, и къ низшимъ слоямъ, по однородности народной жизни съ сими послѣдними, до самаго простанародья, которое въ старину отличалось лишь *степенью* образованія, развитія и средствъ; слагались ли внизу,—отпечатлѣвали въ себѣ всѣ черты и образы жизни, шедшей по видимому или, съ нашей точки зрѣнія, въ области высшей, въ области политической, государственной, привилегированной, крупной, рѣшавшей всѣ судьбы государства, судьбы общества, народа, быта. 2) Рядами послѣдовательныхъ рукописей и потомъ сравненіемъ съ современными памятниками въ устахъ народа, указывается путь, какъ и въ чемъ былины измѣнялись, смотря по отдаленности мѣста и времени, а съ другой стороны, какъ многое и сохранялось, сохранялось столь бережно, что на примѣръ, по приведеннымъ выше образцамъ, Сибирь прошлаго вѣка и Нижегородская область нашихъ дней повторяетъ точь въ точь многія слова и выраженія (не говоря уже о содержаніи и складѣ общемъ), имѣвшія мѣсто и записанныя въ Москвѣ лѣтъ за сто и за двѣсти. 3) Рукописи сего рода, опредѣленнаго времени, въ пособіе къ разъясненію нынѣ поющихся былинъ и прочихъ пѣсней, даютъ неопровер-

жимыя данныя *языка*, чтобы видѣть, какъ онъ—отчасти—измѣнялся, а гораздо еще болѣе, какъ онъ уцѣлѣлъ доселѣ почти цѣликомъ, видоизмѣняясь лишь по областнымъ нарѣчіямъ, а въ сущности, на нѣсколько сотъ лѣтъ, составляя единый, особенный *Эпическій* языкъ, языкъ Былеваго народнаго творчества, съ своеобразными пріемами, складомъ, формами, оборотами, даже удареніями слова. Тутъ конечно замѣтны послѣдовательныя эпохи, своего рода періоды: но именно *своего рода*, въ одномъ и томъ же эпическомъ, былевомъ или былинномъ языкѣ, и объ сихъ измѣненіяхъ мы отчасти упомянемъ вкратцѣ еще ниже. За то теперь столько уже данныхъ для науки, что всякій, чуть не ребенокъ, можетъ отличить языкъ древней Былины отъ позднѣшей, языкъ Былины и Стиха отъ другихъ Пѣсней, языкъ чисто-устнаго творчества отъ примѣси книжнаго, а тѣмъ болѣе подправки или поддѣлки въ родѣ конца прошлаго вѣка, въ родѣ Державинскихъ и Дмитріевскихъ, въ родѣ Макаровскихъ и Сахаровскихъ, вплоть до самаго Лукояна Берендѣевича и до извращенія въ Стихахъ и Сказаніяхъ Старообрядческихъ или вообще раскольничьихъ. Неопровержимыя данныя, о коихъ мы говоримъ, конечно послужатъ отрезвленіемъ и для тѣхъ нашихъ критиковъ, кои, сами нѣкогда издававши (хотя и съ ошибками, и опечатками) народные памятники, не усумнились голословно, въ печати или громкой рѣчи, заявлять, по мѣрѣ появленія изданій, что языкъ собранія Кирѣевскаго и Рыбникова измѣненъ, подправленъ и поддѣланъ, что такъ же ненадеженъ языкъ «Калѣкъ Перехожихъ,» что присочиненъ языкъ въ Толковомъ Словарѣ нашего ветерана В. И. Даля, что измѣненъ языкъ памятниковъ въ изданіяхъ О. М. Бодянскаго. Изъ одной и той же избы шли и идутъ онѣ, однѣ и тѣ же вѣсти: другіе издатели отвѣчали на нихъ столь же открытыми возраженіями и вызовами на указаніе фактовъ; мы полагаемъ, что даже признавать такія сомнѣнія серьёзными значило бы ронять собственное достоинство, и достоинство подлинниковъ, и достоинство сомнѣвающагося; просто—

такому языковѣду и ученому, по цѣху и привилегіи, должно быть стыдно передъ лицомъ науки.

Теперь приведемъ цѣликомъ помянутый выше варіантъ былины о Лжедимитріѣ изъ современнаго намъ устнаго употребленія:

1.

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Владыко Царю Вседержителю!
Да за што Ты на насъ, Госпо́ди, прогнѣви́лса,
Послалъ намъ, Господи, преле́сника,
Тово ли Гришку Отрепьева?
Онъ прельстилъ собака цѣлы три о́рды:
Перва о́рда—проклята́ Литва,
А друга о́рда—хана Крымсково,
Третья о́рда—басурма́ны Запорожскіе;
Онъ взмутилъ собака православну Русь.

Не успѣлъ онъ собака воцари́тиса,
Захотѣлъ собака женитиса:
Не у насъ-та онъ, братцы, беретъ въ каменно́й Москвѣ,
Онъ беретъ-же, братцы, въ проклято́й Литвѣ,
У тово ли у Юрья пана Сендофорсково,
Ту ли Маринку дочь Ю́рову.
Онъ и дѣлатъ сварьбу не въ удобной день,
На тотъ ли на празникъ на Николинъ день:
Всѣ князья-бо́яря къ заутренѣ пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;
Всѣ князья-бояря отъ заутрени идутъ,
А Гришка съ Маринкой изъ бани идётъ,
На Гришкѣ одёжа чёрново со́боля,

На Маринкѣ одёжа рытово бархата.
Онъ восходитъ собака на Красёнъ Крылецъ,
Онъ воскрикнетъ собака громкимъ голосомъ.
«Ишша есь ли у меня кухари и повары!
«Стряпали бы посно и скоромное:
«Пріѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
«Незваной гость, любимой тесть.»

Всѣ князья и бояря испужалиса,
Во Чудовъ монастырь набросалиса *)
Къ той ли нашой государынѣ:
««Ужь ты матушка наша государыня,
««Православная Олёна Михайловна!
««Твоя-тъ сынъ на Царство сѣлъ:
««А ведетъ сея не по царскому.»»
Тутъ заплакала государыня горючи слезы:
—Ужь вы глупые бояря—неразумные!
—Моя-тъ сынъ на Угличѣ убитъ,
—Лежатъ ёво мошши въ каменной Москвѣ,
—Въ тѣмъ ли соборѣ Михайла Арханьела.—

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. Изв. А. Н. т. I).

Ничто не вознаградитъ насъ за тотъ уронъ въ Русской литературѣ, что древнія наши Былины, преимущественно изъ круга Владимірова и области Кіевской, вообще Юго-западной, а также Новгородскія и отчасти древнѣйшія Княжескія, не записаны *современно* ихъ происхожденію, по крайности *благовременно*, по рукописямъ, и остались только въ современномъ устномъ употребленіи простаго народа нашихъ дней: знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ,» изложенное «по Былинамъ» то-

*) Вѣроятно опечатка вмѣсто „побросалиса."

го времени, все-таки есть *сочиненіе*, а не самыя Былины, и притомъ дошло къ намъ въ рукописи относительно младшей; «Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ» и всѣ «Слова» того же рода, возникшія на томъ же основаніи народнаго творчества, представляютъ еще болѣе книжную обработку; записанное Киршей Даниловымъ слишкомъ опоздало передъ этой до-Московской древностью. «Горе-Злочастіе» долею Стихъ, а что́ есть въ немъ мірскаго Былиннаго, служитъ родоначаліемъ конечно старшихъ, но всё же Безъимянныхъ или Молодецкихъ пѣсень, въ родѣ помянутыхъ нами выше Былинъ о Горѣ и Безвремянномъ Молодцѣ, притомъ носитъ на себѣ печать той же книжной обработки и уцѣлѣло въ рукописи XVII вѣка. Стихи духовные, между коими иные близки къ Былинамъ, записывались конечно въ бо́льшемъ обиліи, но также не раньше: намъ неизвѣстно сборника ихъ старше XVII вѣка по рукописи, а въ нашемъ частномъ собраніи сосредоточено все, что́ есть въ семъ отдѣлѣ самаго старшаго. Наконецъ изъ Владиміровыхъ, Богатырскихъ Былинъ напечатана нами въ 4-мъ выпускѣ, изъ «Памяти. старин. русск. литер.,» одна совершенно разрушившаяся въ Побывальщину и даже Сказку, а потому и названная «*Сказаніемъ* о седми русскихъ богатыряхъ,» по рукописи не старше конца XVII вѣка.

Итакъ, *рукописная* документальность выпала на долю лишь *Московскихъ*, сравнительно младшихъ, Былинъ: въ этомъ отношеніи онѣ всѣхъ счастливѣе.—Изъ нихъ немногіе отрывки до Грознаго относятся еще къ особому разряду Княжескихъ. Былины о Грозномъ, коими начинаются Московскія, напечатанныя въ нашемъ 6-мъ выпускѣ, дышатъ всею современностію сложенія ихъ, шагъ за шагомъ событія: но также еще ни однимъ образцемъ не записаны по рукописямъ XVI вѣка. Собственно первая Московская былина, здѣсь выше помѣщенная и документально записанная въ старой рукописи, о нашествіи Крымскаго хана, восходитъ по событію къ 1591-му, по времени рукописи къ 1619 или не дальше какъ 1620-му году. Распро-

страненіе ли книжности, или поспѣшность уберечь остатки народнаго творчества среди наступившаго и долго длившагося тогдашняго разгрома и переполоха, только отселѣ рукописи уже не покидаютъ народнаго былеваго творчества на превратности единственнаго устнаго употребленія. Послѣ рукописи Ричарда Джемса, вскорѣ намъ сберегается рукопись, съ коей печатали мы выше текстъ о Лжедимитріѣ, не моложе, по происхожденію, временъ Михаила Өедоровича. Она пересматривается, рукописно же, въ 1688 году. Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ жилъ конечно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра 1-го, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п. Рукопись его, съ которой печаталъ Якубовичь, потомъ К. Ө. Калайдовичь «Древнія Россійскія Стихотворенія,» по несчастнымъ судьбамъ нашей литературы, нынѣ всё-таки пропала (изъ Имп. Публ. Библіотеки, при директорствѣ, какъ говорятъ, незабвеннаго А. Х. Востокова). Мы можемъ предполагать съ вѣроятностью, что подлинникъ ея восходилъ къ концу XVII вѣка. Та, съ которой печаталось, отнесена самовидцемъ К. Ө. Калайдовичемъ къ половинѣ XVIII вѣка. Изъ нея-то впервые познакомилась образованная и изучающая Русь съ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ своего древнѣйшаго былеваго народнаго творчества: стало быть, по рукописи, съ половины XVIII, по печати съ 1804 и 1818 года, если не считать здѣсь нѣсколькихъ образцевъ въ старшихъ печатныхъ пѣсенникахъ. Такимъ образомъ, послѣ рукописи «о седми Русскихъ богатыряхъ,» для старшихъ своихъ Былинъ, Владиміровыхъ, Богатырскихъ, Кіевскихъ, Новгородскихъ и отчасти Княжескихъ (изъ сихъ послѣднихъ замѣтна основа и въ Сл. о П. И.), нынѣшняя Русь имѣетъ *рукописную* основу съ половины XVIII вѣка: Московскія Былины опять счастливѣе и старше своимъ *рукописнымъ* возрастомъ. Онѣ и у Кирши несравненно свѣжѣе, яснѣе чертами близкой современности, и даже опредѣленнѣе, ибо съ Грозна-

го идутъ шагъ за шагомъ до Петра 1-го и даже выражаютъ стремленіе творчества опредѣлить свою эпоху *годами*. Такъ въ былинѣ о Скопинѣ, напечатанной у насъ выше на стр. 11—16 изъ Кирши, хотя и ошибочно въ отношеніи лица Скопина, опредѣляется время—«во сто двадцать седьмомъ году осьмой тысячи,» 1619 года,—замѣчательно, того же самаго, съ котораго начинается Джемсова рукопись былинъ. Немаловажнымъ обстоятельствомъ служитъ и то, что въ рукописи Кирши, хотя бы она была и копія съ подлинника, впервые получили мы *ноты для* нашихъ Былинъ. Для Стиховъ есть старше, крюки XVII вѣка и даже собственноручная музыкальная рукопись знаменитаго знатока нашей древней музыки, Александра Мезенца (въ нашемъ собраніи; см. Предисловіе къ 6-му вып. «Калѣкъ Перехожихъ»). Но для Былинъ, для напѣва ихъ, опять первая данная въ рукописи Кирши, съ половины XVIII-го. И, хотя аккуратнѣйшій К. Ѳ. Калайдовичъ допустилъ, что въ печатномъ изданіи Шпревичъ «*исправилъ*» (!) азбучныя ошибки» подлинника, тѣмъ не менѣе главный характеръ напѣвовъ не оставляетъ сомнѣваться въ высокомъ достоинствѣ ихъ и глубокой древности, по крайности въ существенныхъ, *неисправленныхъ* частяхъ. Какъ бы то ни было, только въ слѣдъ за Рукописью собранія Кирши, тотчасъ же, съ половины же XVIII вѣка, начинаются у насъ уже Печатныя изданія Пѣсень, Чулкова, Трутовскаго, Новикова и т. д., притомъ также съ нотами, каковы пѣсенники Трутовскаго, Герстенберга, Прача (лучшіе и старшіе всѣ появились въ Петербургѣ, съ половины до конца прошлаго вѣка). Здѣсь, какъ извѣстно, отпечатано, и до второй четверти нашего вѣка неизмѣнно перепечатывалось, между прочимъ нѣсколько Былинъ: замѣчательно—не Кіевскихъ, не Новгородскихъ и Княжескихъ, а именно Суздальскихъ и Московскихъ, о Суровцѣ, Грозномъ и Скопинѣ, потомъ изъ временъ Алексѣя Михайловича, а съ Петра 1-го уже шагъ за шагомъ, въ слѣдъ за событіями. Этимъ доказывается, да и безъ того извѣстно, что собранія сіи, преданныя печати, составля-

лись именно въ Россіи срединной, Московской, Царственной и Императорской. Притомъ, какъ извѣстно, издатели всѣхъ первыхъ, старшихъ нашихъ печатныхъ пѣсенниковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ образцевъ, при случаѣ ими записанныхъ и вставленныхъ, сами изъ устъ народа не собирали, не добывали по разнымъ краямъ Россіи, а напротивъ печатали съ *готовыхъ рукописныхъ сборниковъ*, составленныхъ, несомнѣнно по всѣмъ признакамъ, въ срединной Россіи, особенно въ Москвѣ и, по радіусамъ ея вліянія, преимущественно въ окрестныхъ помѣстьяхъ. Такихъ рукописныхъ сборниковъ, изъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, дошло много и до насъ, хотя, правду сказать, противъ печатныхъ изданій, дѣлавшихся со многихъ рукописей, сборники сіи представляютъ мало особеннаго (они есть въ собраніи П. В. Кирѣевскаго, Н. С. Тихонравова и у насъ). Замѣчателенъ былъ, между прочимъ, рукописный сборникъ, конца прошлаго вѣка, *Сопиковскій*, отчасти давшій содержаніе 1-му изданію Сопиковскаго Пѣсенника, а потомъ затерянный, снова найденный С. А. Соболевскимъ, переданный имъ П. В. Кирѣевскому и въ библіотекѣ сего послѣдняго снова для насъ затерянный. Слѣдовательно и здѣсь опять, въ эпоху уже болѣе позднюю, счастіе послужило преимущественно, почти исключительно, Былинамъ Московскимъ: сберегло для нихъ рукописную и печатную документальность.— Такъ длилось до второй четверти нашего вѣка: съ тѣхъ поръ, въ обратномъ отношеніи къ громадному обилію печатныхъ изданій, пѣсенники наши, крайне бѣдные относительно содержанія, не подновлялись—и даже доселѣ не подновляются—ни заимствованіями изъ рукописей, ни новою запискою изъ устъ народа, изъ неподдѣльнаго (хотя конечно и измѣнчиваго) источника. Изданія Сахарова и Терещенки (послѣднее крайне почтенное) въ дѣлѣ Былеваго творчества или только перепечатали старое, или скрыли свои источники, то есть бумаги, мѣсто, лицъ записавшихъ и т. п., такъ что все это нынѣ исчезло безъ слѣда и—документальности нѣтъ. Новая же эпоха собира-

нія и записыванія,—говоримъ здѣсь преимущественно о памятникахъ Былеваго Творчества,—началась для Россіи со 2-й четверти нашего вѣка, съ трудовъ П. В. Кирѣевскаго. Его собраніе отличается тѣмъ, что 1) исключительно обратилось къ устному современному употребленію, записавъ только то, что́ сохранилось доселѣ въ устахъ народа; 2) совершено, черезъ самого собирателя или содѣйствовавшихъ лицъ, по всѣмъ главнымъ краямъ Россіи; 3) по тому самому между прочимъ вошли сюда по возможности всякого рода Былины, гдѣ либо уцѣлѣвшія, и Кіевскія, и Новгородскія, и Княжескія, что́ только разнесено было по разнымъ краямъ изъ главныхъ средоточій древней жизни. Московскія Былины, какъ можно видѣть изъ 6-го и 7-го выпуска, нашли здѣсь себѣ также важныя пополненія или дотолѣ неизвѣстные образцы. Послѣ явилось уже много собирателей въ томъ же родѣ, хотя и не столь счастливыхъ, или не столь обширнаго объема. Счастливѣе другихъ оказался новѣйшій, П. Н. Рыбниковъ: печальный, но благословенный случай перенесъ его въ уголокъ, невѣдомый Кирѣевскому, но въ коемъ именно, въ глуши, по мхамъ и болотамъ, уцѣлѣли перлы нашего древнѣйшаго Былеваго Творчества, Владимірова-Кіевскаго, Новгородскаго и Княжескаго. Московскія Былины по отдаленности потеряли тамъ много своихъ историческихъ подробностей, даже перешли, какъ помянуто, въ Сказки или связались съ отдаленнѣйшимъ, Черноморскимъ и Придунайскимъ эпосомъ: но за то, рядомъ съ симъ эпосомъ и другими старшими былинами, во многомъ уберегли древній характеръ Былеваго склада и стиха. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ прочихъ собраній, болѣе отрывочныхъ или не столь ясныхъ по способу изданія, собраніе Кирѣевскаго и Рыбникова, да еще собраніе, издаваемое неразрывно при сихъ обоихъ или же особо въ «Калѣкахъ перехожихъ,»—вотъ что нынѣ остается преимущественно документальнымъ: взятое прямо изъ устъ народа, оно бережется въ массѣ рукописей, кои, по мѣрѣ изданія, предназначаются или прямо переходятъ въ Музеи и другія публичныя учрежденія, гдѣ будутъ

во убѣжденіе всѣмъ и на глаза каждому храниться какъ письменный документъ народнаго устнаго творчества.

Изо всего этого должно быть ясно всякому, что Московскія Былины составляютъ нѣчто особое въ ряду другихъ: и по содержанію своему, и по относительно-позднѣйшему явленію, а потому и по близости къ событіямъ, ими воспѣтымъ, еще не такъ давнимъ для насъ самихъ; и по той послѣдовательности, съ какою сопровождаютъ онѣ теченіе нашей исторіи непрерывно шагъ за шагомъ; и по особенно-счастливымъ судьбамъ собиранія на собственномъ мѣстѣ ихъ происхожденія; и по документальности непрерывныхъ почти рукописей и печатныхъ изданій, въ коихъ уцѣлѣли онѣ или увѣковѣчены; и по срединности, общеизвѣстности, общепонятности и общеинтересности, какую имѣетъ Московское средоточіе для всей Россіи,—однимъ словомъ, по тѣмъ подробностямъ, кои слагаютъ характеръ въ подлинномъ смыслѣ *историческій*. П. В. Кирѣевскій называлъ еще «Историческими» всѣ вообще Былевыя пѣсни или Былины: мы достаточно имѣемъ данныхъ и образцовъ для сравненія, чтобы это названіе утвердить на всегда, какъ преимущество, за Былинами «Московскими.» Въ этомъ смыслѣ и ввели мы, и установили, и продолжаемъ поддерживать названіе,—всѣ другія произведенія Былеваго творчества, какъ старшія, Кіевскія, Новгородскія, Княжескія, такъ и младшія, Козацкія, Солдатскія, Безъимянныя, Молодецкія и т. п., именуя въ тѣсномъ смыслѣ *Былинами* или *Пѣснями Былевыми*, а Московскія именуя столь же тѣсно и собственно «Былинами *Историческими*» или «Пѣснями Былевыми—Историческими.»

Вмѣстѣ съ симъ главнымъ отличіемъ, историческимъ характеромъ, легко выступаютъ наружу и другія тѣсно связанныя отличія Московскихъ былинъ: послѣ первыхъ піесгь выпус-

ковъ, къ заключенію Московскихъ былинъ, именно мѣсто напомнить и вкратцѣ перечислить сіи отличія.—Здѣсь рукопись, спасшая отъ забвенія былину, стоитъ близко къ живому устному творчеству, съ коего снята какъ копія; устное творчество, по самому времени происхожденія, особенно близко къ воспѣтому событію; событіе сравнительно близко къ намъ, и оно же, какъ событіе срединной Русской жизни, Московской, одинаково близко всей Руси, еще многимъ памятно, а еслибы и нѣтъ, то живетъ во очью въ тысячѣ уцѣлѣвшихъ другихъ памятниковъ или продолжается доселѣ по своему вліянію и послѣдствіямъ. Уже этимъ самымъ установляется громадное отличіе отъ былинъ о событіяхъ и явленіяхъ, или отдаленныхъ по мѣсту и времени, или поглощенныхъ Московскою жизнію (которая много отшибла памяти у старины до-Московской), или слишкомъ отрывочныхъ и частныхъ, узко-мѣстныхъ или узко-личныхъ, а потому не столь общепонятныхъ, общедоступныхъ и общеинтересныхъ въ наше время. Судьбы эти конечно ближе всего отражаются на самомъ *языкѣ* Московскихъ былинъ. Старшая, до-Московская былина, хотя бы была записана со словъ сегодня и какъ бы ни была близка къ народу, всегда почти вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько словъ, выраженій и даже цѣлыхъ реченій или стиховъ, далекихъ отъ современнаго употребленія языка, мало понятныхъ или даже вовсе непонятныхъ, вообще требующихъ поясненія и примѣчанія. Какъ ни вѣрно преданіе, то есть послѣдовательная, бережная передача изъ устъ въ уста, но, по отдаленности времени, при случайно или невольно проникшей ошибкѣ, недомолвкѣ, перемолвкѣ, пропуску и излишеству, сама стойкость преданія заставляла часто поющаго съ косностью повторять непонятное, утратившее современный смыслъ, или же на оборотъ выходить изъ сей трудности крутымъ поворотомъ къ произвольной передѣлкѣ, къ рѣзкой вставкѣ, портящей старину. Совсѣмъ противуположное съ Московскими былинами. Какъ ни родственны онѣ со старшими, по одному и тому же въ сущности, былевому (эпическому) языку,

какъ, невольно или даже намѣренно, ни стараются поддержать сіе родство, а съ другой стороны, какъ ни окрашены идіотизмами нынѣшнихъ мѣстныхъ Русскихъ нарѣчій,—языкъ ихъ вообще такъ простъ, ясенъ и близокъ къ нашей современности, что легко и повторяется въ устахъ, не плодя ошибокъ, и доступенъ устамъ и уму каждаго современнаго Русскаго человѣка, лишь бы онъ былъ народенъ. Идіотизмы нарѣчія легко объясняются, вкравшіяся ошибки слишкомъ замѣтны, подлинность удобно и безъ особеннаго труда возстановляется. За то въ нихъ есть другая особенность: до-Московскія Былины сами въ себѣ не имѣютъ рѣшительно нигдѣ признаковъ и слѣдовъ стараго книжнаго языка, отчасти и потому, что древнѣйшая книжность не столько дѣлилась отъ господствовавшаго народнаго говора. Если онѣ записаны и вставлены въ *сочиненіе*, то замѣтно отъ него отдѣляются языкомъ, и сейчасъ вездѣ видно книжное вліяніе, какъ это случилось со Словомъ о полку Игоревѣ, а еще болѣе въ позднѣйшихъ, о Димитріѣ и Мамаѣ. Въ собственныхъ же Московскихъ Былинахъ, весьма во многихъ и притомъ *внутри* самихъ былинъ, хотя бы онѣ употреблялись нынѣ устно, весьма замѣтно вліяніе *языка книжнаго*, и даже именно языка Московскихъ лѣтописей. Помянутые образцы и весь почти предлежащій 7-й выпускъ до очевидности въ томъ убѣждаютъ. Тутъ безъ труда убѣждаемся, что Былина возникла *рядомъ* съ прочими письменными памятниками, легко могла составляться подъ вліяніемъ ихъ, еще легче переходить въ нихъ, и отъ того-то, почти съ самаго начала, эти былины записываются, переходятъ постепенно въ печать, и даже указываютъ намъ путь, какъ изъ нихъ могли выродиться позднѣйшія Военныя, Солдатскія, Петербургскія, съ вычурными книжными выраженіями, а наконецъ и произведенія отдѣльныхъ сочинителей въ этомъ родѣ. Вліяніе личности, съ ея образованіемъ, книжнымъ и письменнымъ, здѣсь вообще замѣтнѣе въ творчествѣ, по самому языку.—Это какъ нельзя соотвѣтственнѣе согласуется и съ *характеромъ* самого *содержанія*, съ воззрѣніемъ, его проникаю-

щимъ. Содержаніе ближе отвѣчаетъ лѣтописямъ, а вмѣстѣ съ ними извѣстному историческому ходу событій: здѣсь же весь тотъ характеръ, который отличаетъ рѣзко событія Московскія, все Московское и вмѣстѣ съ тѣмъ Обще-Русское, позднѣе Россійское и Всероссійское. Нѣтъ мѣста той кажущейся широтѣ Кіевскаго періода, которая, имѣя свои отличія и притязая на объединеніе Руси, не исключала однако такихъ особенностей, какъ Новгородскія и Суздальскія, рѣзко-мѣстныя. При Московскихъ былинахъ не мыслимы рядомъ мѣстные отдѣлы: все постепенно сливается къ общему единству; развѣ только Литва упоминается еще, и то не на долго, самостоятельнымъ цѣлымъ, противувѣсомъ Москвѣ. Современное Югозападное, послѣ общей Старой Руси Кіевской, отдѣляется какъ нѣчто особое, Малорусское, съ кругомъ своихъ козацкихъ пѣсень и съ особымъ нарѣчіемъ: то и другое не заходитъ въ Московскія былины. Но лишь только простерлось туда общее Московское объединеніе съ конца XVII вѣка,—и въ новомъ періодѣ Руси Малороссія является, по былинамъ Московскимъ, не какъ Малороссія, а какъ поприще явленій и поступательныхъ шаговъ Московскаго государства. Конечно уже не мыслимы древніе богатыри и представители старыхъ мѣстностей, стараго состава Руси: они смѣняются, не теряя героизма, лицами историческими, дѣятелями, сосредоточенными около Московскаго центра, со стороны ли его государства, общества или народа. Князья, давшіе намъ особый разрядъ былинъ Княжескихъ, также точно поглощаются постепенно въ государствѣ Московскомъ, и вотъ почему скоро потомъ затериваются въ Безъимянныхъ удальцахъ и молодцахъ. Однимъ словомъ, *государственность* на первомъ планѣ, съ Московскимъ царемъ и цѣлымъ царствомъ. Конечно при семъ не исчезаетъ народъ, ни общество и его отдѣльныя лица: но все это, и самый образъ ихъ, и даже драматизмъ, получаютъ свое значеніе и характеръ лишь по отношенію къ главному средоточію, къ господствующему воззрѣнію творчества. Прежде, въ Старшихъ былинахъ другихъ отдѣловъ, цѣ-

лый народъ извѣстной области можно созерцать и слѣдить по всѣмъ эпическимъ переходамъ независимо отъ Князя, свободно отъ Кіева, такъ что имя Князя, общее Владимірово, или имя Кіева является часто одной обстановкой, декораціей; столь же свободно и независимо тамъ проходитъ передъ нами явленіе извѣстнаго героическаго лица, со всею его былевой жизнію, иногда достигающей драматизма, но исключительно приковывающей къ себѣ наше вниманіе; въ Княжескихъ былинахъ еще болѣе мы въ состояніи забыть все внѣ положенія частныхъ, хотя и крупныхъ, лицъ; за Новгородскими готовы не видать остальной Руси. Въ Московскихъ же, явно, выиграна уже одна главная сфера, одна господствующая постановка, все къ себѣ привлекающая въ извѣстныя отношенія, все обусловливающая, на все кладущая свою единую печать. Пожалуй, здѣсь даже яснѣе распредѣляются разные слои общества, и даже что-то похожее на своего рода сословность, и земство, отличаемое отъ царства-государства, и народъ, близко совпадающій съ земствомъ, а скоро отдѣляемый въ простанародіе, и судьбы лицъ, отдѣльныхъ личностей: но именно, потому это и отдѣляется для взора, и распредѣляется, что въ основѣ выработано нѣчто общее, по Московскимъ воззрѣніямъ главное, государство съ его интересами. Только эта, государственная, централизующая сфера, опредѣлившись сама, дала возможность опредѣлять точнѣе и различать другія части Русскаго организма. Не мѣсто здѣсь судить, на сколько это было успѣшно, хорошо или худо. Только очевидно, что лишь въ эту эпоху наступила пора сознанія болѣе яснаго, распредѣленія и разграниченія сферъ, не разлучнаго съ окрѣпшимъ сознаніемъ общаго, политически связующаго начала. Можетъ быть и политическое еще далеко было да своего полнаго объединенія, можетъ быть и терпѣли отъ первыхъ наступательныхъ шаговъ его другія части организма: только ясно уже, что этого политическаго ничѣмъ теперь не заслонишь, а оно еще не успѣло заслонить собою область общественную, народ-

ную и личную. Это всего виднѣе по слѣдующему признаку: съ одной стороны явно, что начинается особый, второй послѣ Кіевскаго и Новгородскаго, эпическій періодъ; но онъ не дошелъ до исключительности, до того, чтобы поглотить въ себѣ другія проявленія творчества, или повиснуть надъ ними деспотической апоѳеозой. Нѣтъ прежней плодовитости, безграничной широты, расплывчивости, цвѣтистости, яркихъ юго-западныхъ картинъ, богатырскихъ образовъ, мѣстныхъ или индивидуальныхъ рѣзкостей, подобныхъ Новгородскимъ или Княжескимъ: однако не менѣе выразительности, не менѣе силы изображенія, величавыхъ подвиговъ, опредѣленно очерченныхъ лицъ. Довольно уже сказать, что не только не менѣе, а еще болѣе является здѣсь драматизма: прежнія былины, исключительнѣе выдерживающія отличія эпоса, даютъ конечно возможность *извлекать* изъ нихъ положенія, образы и черты драматическія; Московскія напротивъ сами *преисполнены* драматизма, дышатъ имъ, ихъ появленіе—первый рѣшительный шагъ изъ эпоса къ Русской драмѣ. И вотъ почему конечно всѣ наши нынѣшнія драмы, подъ перомъ Чаева, Островскаго и Толстаго, начинаютъ *отсюда*; вотъ объясненія превосходной попыткѣ Чаева, его *Пѣсни въ лицахъ* о Грозномъ царѣ и покушеніи на сына. Только отсюда мы начинаемъ пока свою драму, и только съ точки зрѣнія сей эпохи стали намъ раскрываться драматическія стороны въ эпохахъ старшихъ, въ родѣ Чаевской «Свекрови,» основанной на Княжескихъ былинахъ. Былины до-Московскія представляютъ богатое содержаніе Русской оперѣ, вообще сценической постановкѣ съ музыкой и пляскою: Московскія прямо приводятъ къ самостоятельной Русской драмѣ, готовятъ намъ на первый случай Еврипидовъ, и только на ихней почвѣ способны подготовить въ далекомъ будущемъ Софокловъ и Эсхиловъ, тѣхъ художниковъ, кои сочетаютъ драматизмъ съ эпическими обликами древнѣйшихъ богатырей. Нужно лишь помнить, что въ Московскихъ былинахъ драматизмъ *лицъ* есть всегда драматизмъ

не частнаго быта, не безграничной, неопредѣленной массы и не исключительной мѣстности, а всегда и вмѣстѣ—драматизмъ извѣстнаго *событія*, и притомъ событія *историческаго*, составляющаго звено въ ходѣ общей, центральной и главной, политической Русской исторіи. Одно лишь *Козачество*, начинающееся въ Московскихъ предѣлахъ и въ предѣлахъ Московскихъ былинъ собственно съ Грознаго и Ермака (см. 6-й выпускъ), какъ будто представляетъ что-то въ родѣ отдѣльной, самостоятельной области, отчасти даже несродной и враждебной съ главною. Но, стóитъ только сравнить сію область съ Малороссійскою, съ Былинами или Думами Малорусскими, чтобы видѣть все отличіе. Когда, по запустѣніи прежней Югозападной или Кіевской государственной области, обращенной въ становище Восточныхъ выходцевъ, старожилы, одного племени и языка съ общимъ Русскимъ или Великорусскимъ, ушли оттуда на всегда и размѣстились вокругъ занятаго уже Московскаго средоточія, по окраинамъ его, болѣе или менѣе отдаленнымъ, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода,—ихъ смѣнили новые поселенцы, того племени и нарѣчія, которое съ тѣхъ поръ понынѣ отличается болѣе узкимъ именованіемъ *Мало*-Русскаго. Подвинувшись въ старую область, по мѣрѣ ослабленія Восточниковъ, изъ Волыни и Подоліи, а еще далѣе изъ нынѣшней Галиціи и Карпатъ, они ничего не знали, какъ не знаютъ доселѣ, изъ былинъ о древнемъ Кіевскомъ періодѣ: ихъ Думы прямо начинаются съ *Козачества*, не старше его, не выше и не иначе, съ Козачества Малорусскаго, Украинскаго, потомъ Запорожскаго. Начало ихъ—не старше XVI вѣка, языкъ —нынѣшнее Малорусское нарѣчіе, содержаніе—подвиги Козачества, главные герои, около коихъ сосредоточены лучшія Думы;—герои того же козачества, гетманы, предводители полковъ. Главная идея, все проникающая,—конечно Русь и Вѣра Православная, но безъ опредѣленности политической или, лучше, съ одной опредѣленностью—Козаческою. Даже Земство, а съ нимъ собственно и Народъ, поглощаются Козачествомъ: это зем-

ство и народъ въ подвижномъ военномъ составѣ, въ формѣ дружинной, въ формѣ Краишниковъ или, что тоже, Козаковъ. Общества разумѣется нельзя и искать. Все сосредоточено на Козацкой *дружинѣ* и герояхъ ея, *лицахъ*. Бѣдствія или благо дружины, а чрезъ то бѣдствія или благо всѣхъ обитателей, борьба за Русскую народность, племенную и языковую, да за Вѣру, величавые образы главныхъ героевъ борьбы, со многими личными и частными ихъ особенностями, да богатыя картины богатой природы,—вотъ и все, хотя конечно совершенно достаточно и даже много для отдѣльной области, отрѣзавшейся въ Украйну или Краину, для нарѣчія, для пѣвцовъ на семъ нарѣчіи. Думы или былины сего рода отчасти повторяются и сберегаются понынѣ: общая, срединная, Великая Русь, какъ сказано, не принимаетъ въ нихъ участія, не вѣдаетъ ихъ, да и образованный слой узналъ объ нихъ сравнительно лишь недавно, черезъ печатныя собранія, съ начала нынѣшняго вѣка. То Козачество, нѣсколько болѣе позднее, которое, въ отличіе отъ Малорусскаго, слѣдуетъ вообще назвать Великорусскимъ или даже Московскимъ,—Донское, Яицкое и Гребенское, Сибирское, со всѣми его развѣтвленіями, конечно по происхожденію, а въ началѣ и характеромъ своимъ, довольно близко связывается съ Юго-Западнымъ, Малорусскимъ, и потому же сходны ихъ старшія Былины: такіе же подвиги дружинъ, выражающихъ или, по нуждѣ, смѣняющихъ мѣстное земство и народъ, по извѣстнымъ, требовавшимъ того, украйнамъ; тѣ же главные герои, атаманы, смѣнившіе гетмановъ, и около нихъ весь главный интересъ Былины; тѣ же картины круговъ, вольницы, вольнаго раздолья, степей, рѣкъ и моря; всего болѣе—тотъ же элементъ неопредѣленности, подвижности, расплывчивости, не совпадавшихъ ни съ государственнымъ средоточіемъ, ни съ интересами осѣлаго земства, ни съ выгодами развивающагося общества, и потому, сказали мы, въ творчествѣ нѣкоторая особенность отъ собственныхъ Московскихъ Былинъ, особенность, дѣлающая изъ Козацкихъ былинъ нѣсколько отличный отдѣлъ. Но за то въ семъ, Москов-

скомъ періодѣ, пріобрѣтено уже и вездѣ выражено главное средоточіе, а потому и Козачество, съ его Былинами, поставлено къ сему средоточію въ болѣе ясныя, а постепенно и совсѣмъ *опредѣленныя отношенія*: это оказываются то слуги и помощники, то рѣзкіе враги Московской исторіи, ея государства, общества, земства, народа. Самый первый представитель, Ермакъ, является, какъ мы видѣли въ 6-мъ выпускѣ, сперва врагомъ, загулявшимся и даже заворовавшимся удальцомъ, потомъ поставленъ творчествомъ въ услуги и пособіе Царю подъ Казанью, въ службу ему и въ покореніе ему цѣлаго новаго Края; въ смутное время Козачество разноситъ въ рознь Московскіе интересы; потомъ оно періодически покоряется, и Разинъ, сколько ни выражалъ собою подвижныхъ интересовъ мѣстныхъ,—относительно главнаго средоточія опредѣленно выставленъ врагомъ; за тѣмъ Флоръ Минаевъ снова выступаетъ пособникомъ, и съ нимъ, при началѣ Руси Новой, преобразованной, исчезаетъ почти всякая отдѣльность, независимость и такъ сказать прекословность Козачества, ибо остальные, позднѣйшіе, такъ называемые «бунты,» суть уже чисто «народныя мѣстныя возстанія,» только *связанныя* съ Козачествомъ. Потому и Былины Козацкія, доизвѣстнаго предѣла времени, видѣли мы и видимъ, дополняютъ собою прочія и главныя «Московскія,» привходятъ къ нимъ, вставляются какъ отдѣльныя части общаго «Московскаго» состава. Московскія Былины XVI вѣка не полны, даже не мыслимы безъ пополненія,— безъ былинъ объ Ермакѣ, XVII вѣка—безъ Былинъ о козацкихъ смутахъ, безъ повѣсти о Карамышевѣ, безъ Разина, а подъ конецъ безъ Флора; языкъ же ихъ, въ самомъ началѣ рѣзко отдѣлившійся отъ Малорусскаго нарѣчія, есть Обще-Русскій или Великорусскій, съ оттѣнками мѣстныхъ подрѣчій, и то вскорѣ теряющимися. Такимъ образомъ Московское Былевое или Историческое пѣснотворчество постепенно вобрало въ себя Козацкую область, до того предѣла, когда, съ Петра 1-го, совершенно уже разложило всѣ Козацкія особенности подъ одинъ общій уровень Русскихъ пѣсень. То

же, замѣтили мы, совершила Московская Русь, съ конца XVII вѣка вступивши державною стопою своею на Югозападъ: съ тѣхъ поръ, на тамошней почвѣ и мѣстности, въ Русскомъ языкѣ, а не въ Малорусскомъ нарѣчіи, движется содержаніе «Московскихъ Былинъ» со всею ихъ особенностью. Подвиги Петра 1-го и Полтава изображены на юго-западной почвѣ совершенно тѣми же чертами и тѣмъ же языкомъ, какъ прочія Московскія Былины. За этимъ-то господствомъ Москвы въ Былевомъ творчествѣ, стерлись въ Малороссіи старыя Козаческія, Гетманскія Думы, или снисшедши глубоко внизъ, къ слѣпымъ, нынѣ вымирающимъ пѣвцамъ, или отъ всего цвѣтущаго періода, по всѣмъ признакамъ обильнаго образцами творчества, оставивши намъ одни отрывки. Самостоятельное Былевое творчество съ тѣхъ поръ совершенно тамъ подорвано: Думы разложились на мелкія Козацкія пѣсни, отчасти еще Былевыя, но совершенно уже такія же, какъ у насъ Безъимянныя и Молодецкія, съ козаками и козачками безъ имени. Когда позднѣе такъ называемая Литва подверглась той же политической и общественной участи, Московская или Общая, Великая Русь не нашла уже тамъ Былинъ о древнемъ періодѣ самостоятельной жизни: ихъ гораздо болѣе уцѣлѣло частями въ нашемъ же, Княжескомъ и Московскомъ творчествѣ, гдѣ столько разъ видѣли мы и Литву вообще, и Литовскихъ Королевичей, Князьковъ и Королей, и Настасью Политовскую, и т. п. Нынѣ въ устномъ Былевомъ творчествѣ Сѣверозападный Бѣлорусскій Край представляетъ лишь размельчавшія «Козацкія пѣсни,» одинакія съ Малорусскими помянутыми и съ нашими Безъимянными или Молодецкими. Такимъ образомъ, съ прошлаго вѣка, весь сей послѣдній отдѣлъ совершенно сблизился, и въ Малорусскихъ, и Бѣлорусскихъ, и Великорусскихъ, образцахъ: вездѣ Безъимянный герой, Козакъ или Молодецъ. Тутъ еще можно, путемъ изслѣдованія, вскрывать черты и слѣды старыхъ атамановъ, гетмановъ, князей и даже богатырей; есть еще мелкія особенности, опредѣляющія отдѣлъ пѣсенъ «Быле-

выхъ,» и мы даже особенно поставимъ его послѣ Московскихъ Историческихъ: но все это уже образцы *разложившаюся* былаго творчества. А то, чтó ихъ разложило, а то, чтó продолжаетъ надъ ними господствовать, составляя для нихъ уясняющее средоточіе и опредѣленную мѣрку,—все это тѣ же Былины «Московскія,» о коихъ ведемъ мы рѣчь. Сюда же впослѣдствіи, изъ самой области Московской, перешли многіе, хотя поблѣднѣвшіе и потерявшіе имя образы Московскихъ Бояръ и Дворянъ, и здѣсь-то помянутые нами слѣды пѣсенъ «Боярскихъ». Итакъ, все сводится къ тому, что Московскія Былины начали, и опредѣлили, и создали совершенно отличный отъ прежняго періодъ Русскаго Былеваго Пѣснотворчества. Теченіе сего творчества располагается въ слѣдующей постепенности:

Отдаленнѣйшее начало нашего Былеваго Творчества, Эпосъ Черноморскій или Придунайскій, нѣкогда несомнѣнно весьма развитой, но, при нашимъ разселеніи въ нынѣшней мѣстности, отодвинувшійся въ памяти народа слишкомъ далеко, перешедшій въ область Сказочную, и оставившій намъ либо Сказочныя Былины, либо чисто-Сказки (см. о немъ выше и въ нашихъ «Замѣткахъ» къ прежнимъ выпускамъ, особенно же ко 2-й части собранія Рыбниковскаго).

Былины, или, лучше, одни скудные отрывки ихъ, связующіе помянутое начало съ Кіевомъ и Владиміромъ, какъ вступленіе къ симъ послѣднимъ: о богатыряхъ «Старшихъ,» стихійныхъ или космическихъ.

Въ *собственномъ* смыслѣ *Первый*, Старшій періодъ нашего Былеваго пѣснотворчества, неотъемлемый спутникъ и выразитель слагавшейся и сложившейся Руси въ нынѣшнемъ ея мѣстопребываніи, со складомъ, языкомъ, стихомъ и напѣвомъ, опредѣлившимъ все дальнѣйшее Эпическое теченіе Русскаго пѣснотворчества: собственно *Былины* (съ разложившимися Побывальщинами и Старинами), круга Владимірова, Богатырскія, Юго-западныя, Кіевскія (въ собирательномъ смыслѣ), рядомъ Новгородскія, начало Суздальскихъ и отчасти Княжескія.

Второй періодъ, Былины *Историческія*, Московскія (и собирательно, и въ тѣсномъ смыслѣ): періодъ, начинающійся съ Грознаго; неизмѣнно, хотя и съ поступательнымъ развитіемъ, продолжающійся до XVIII вѣка, а отчасти и понынѣ, ибо послѣ него еще ничего новаго не порождено въ области Былеваго, народнаго, устнаго, общерусскаго пѣснотворчества. Сюда, сказали мы, какъ неотъемлемая часть, входятъ и современныя двумъ вѣкамъ былины Козацкія, примыкающія къ «Московской» области творчества.

Былины Новой Руси, съ Петра 1-го, составляютъ или послѣдовательное ихъ продолженіе, или же, въ образцахъ Военныхъ и Солдатскихъ, постепенное искаженіе, мельчаніе и извращенія, до новаго, книжнаго уже сочиненія «поэмъ» и до произведеній искусства «посредственнаго,» до художественныхъ поэмъ въ родѣ «Полтавы.»

«Безъимянныя» или «Молодецкія» относятся къ обоимъ главнымъ періодамъ, какъ разложеніе Былинъ до простой *Пѣсни*, съ героемъ безъ имени и опредѣленной мѣстности, хотя и съ наслѣдованными отъ древности, былевыми чертами. Мѣсто имъ въ изданіи само собою указывается послѣ Историческихъ новѣйшихъ, Военныхъ и даже Солдатскихъ.

Малорусскія Думы стоятъ отъ сего теченія пѣснотворческой общерусской исторіи совершенно въ сторонѣ, какъ особнякъ: онѣ только роднятся позднѣе, когда, за одно съ Бѣлорусскими, входятъ въ общую область Русскихъ пѣсенъ Козацкихъ, Безъимянныхъ и Молодецкихъ, занимая съ сими послѣдними одно мѣсто.

Новый относительно перваго, Второй періодъ былинъ, Московскій, разумѣется долженъ былъ выразить и отпечатлѣть свои особенности въ самомъ *складѣ*, *стихѣ* и *напѣвѣ*.

Сколько можемъ судить по дошедшимъ къ намъ образцамъ, древнѣйшій, самый главный и лучшій нашъ Былевой или Былинный Складъ, согласно Сербскому творчеству, продолжающемуся доселѣ, основывался и покоился у насъ на *десяти*-

сложныхъ Стихахъ. Вотъ образцы изъ всѣхъ эпохъ творчества, даже до художественной, книжной поэзіи:

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидня́хъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Ужь ты батюшка, Ярославль городъ,
Ярославль городъ на красѣ стоитъ.

—

На Васильевскомъ славномъ островѣ.
Молодой матросъ корабли снастилъ.

—

Ужь какъ палъ туманъ на сине море.

—

Сяду я за столъ да подумаю.

—

Каждый такой стихъ видимо дѣлится на *двѣ половины* замѣтнымъ *переломомъ* (нѣсколько похожимъ на цезуру), по срединѣ, но совершенно свободно, при слогѣ съ удареніемъ или безъ ударенія (что́ равняется древнему, долгому и краткому, слогу), до того свободно, что переломъ допускаютъ на себя всѣ четыре середнихъ слога, и отъ того въ разныхъ стихахъ, иногда рядомъ, переломъ случается на любомъ изъ сихъ слоговъ, слѣдовательно движется по разнымъ мѣстамъ, а въ подвижности своей и бѣглости не рѣзокъ, расплывчивъ, едва слышимъ въ цѣломъ произведеніи. Цѣльность десятисложнаго стиха симъ ни сколько не надрѣзается, не надсѣкается: стихъ *единый*, не смотря на свои, иногда ровныя, иногда неровныя половины. Половины образуются въ 5+5, въ 4+6, въ 3+7 слоговъ: но въ каждой повышеніе голоса или удареніе (равное древней долготѣ) приходится непремѣнно на *третій* слогъ съ обоихъ концовъ, и это уравновѣшиваетъ ихъ, сдерживаетъ цѣльность стиха, не смотря на разное мѣсто перелома:

— ∪ — ∪ — | ∪ ∪ — ∪ ∪
∪ ∪ — ∪ ∪ | — ∪ — ∪ ∪
— ∪ — ∪ — | — — — ∪ — И т. п.

Всякое измѣненіе въ семъ основномъ складѣ есть, когда еще не нарушеніе, то по крайности колебаніе, волненіе Былеваго или Былиннаго покоя. Впрочемъ, еще не выходя изъ Былеваго Склада, творчество допускаетъ протяженіе или сокращеніе Стиха, до *опредѣленной* мѣры; еще любимымъ и законнымъ остается размѣръ съ одной стороны въ 9, съ другой въ 11 и *особенно въ тринадцать* слоговъ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая....

—

Что не бѣлая берёза къ землѣ клонится.

—

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?

—

Рѣже размѣръ въ 8, плохъ уже въ 15 слоговъ.

Но, при всякомъ удлинненномъ противу основнаго размѣрѣ, и, какъ водится, именно отъ того, что въ концѣ его образуется отрѣзокъ, слуху пѣвца и чутью слагателя представляющійся какъ бы излишнимъ противу основнаго размѣра въ 10 слоговъ, отрѣзокъ сей повторяется изъ конца предыдущаго стиха въ началѣ слѣдующаго. Образуются *повторенія*, впрочемъ еще не нарушающія главнаго типа:

Вы скажите мнѣ про старое,
Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца сынъ Ивановича.

По этому образцу, одному изъ тысячи, видно, что Повторенія, первоначально, какъ думаемъ, происшедшія изъ отрѣзковъ отъ стиха удлинненнаго, перешли потомъ и въ стихи сокращенные (противу основнаго склада), въ стихи по 9 и 8 сло-

говъ. Повторенія сіи привились къ Эпическому Складу: они сдѣлались принадлежностью Былеваго Стиха. Къ сожалѣнію, они же послужили ближайшимъ началомъ или явнымъ поводомъ къ разстройству склада и къ порчѣ стиха: по мѣрѣ ослабленія творчества и творческой силы, забвенія основныхъ пріемовъ и напѣвовъ, исчезанія былевыхъ (струнныхъ) инструментовъ, развитія пѣсень другаго разряда, бытовыхъ и женскихъ, по мѣрѣ всего этого, постепенно складъ портился, гармонія цѣлаго ослаблялась и подрывалась. Прибавка въ концѣ стиха слишкомъ удлинняла его; съ перенесеніемъ ея въ другой стихъ, трудно было соблюсти соразмѣрность; повтореніе оконечности предыдущаго стиха удлинняло и отягчало послѣдующій; изъ послѣдующаго приходилось переносить въ третій, изъ третьяго въ четвертый и такъ далѣе; отрѣзки плодились, то повтореніемъ прибавляясь къ началу слѣдующаго стиха, то занимая весь слѣдующій стихъ; стихи выходили неровные, одинъ въ 9, 10, 11, 13 слоговъ, другой короче или длиннѣе. Примѣровъ тому тысяча: это такъ называемая въ народномъ языкѣ, техническимъ терминомъ нашего пѣснотворчества, *Побывальщина*, гдѣ страдаетъ основной складъ, равенство стиховъ и однообразіе напѣва, примѣняющагося то къ длинному, то къ короткому стиху, а вмѣстѣ открывается широкое поле утратѣ старины, забвенію древнихъ частей и вставкамъ новымъ, для пополненія или по произволу.

Былъ еще другой путь измѣненія, конечно нарушавшій собою складъ основной, но за то дававшій начало образованію новыхъ видовъ творчества; это не одно уже разложеніе древней Былины: а вмѣстѣ и созиданіе новыхъ ея формъ, и приближеніе къ другимъ родамъ творчества.—Когда удлинненіе стиха совершалось въ одну мѣру, на примѣръ до 13, и отрѣзки приходились одинакіе, на примѣръ въ 4 или 5 слоговъ: тогда они могли не переноситься къ началу слѣдующаго стиха, не вызывали необходимыхъ повтореній, а просто *прибавлялись* къ каждому стиху. Однообразно являлся стихъ *главный*

съ неизмѣннымъ его переломомъ (цезурою) и двумя половинами, а рядомъ *добавочный*, какъ его продолженіе, болѣе краткій; главный, на примѣръ, въ 8 и 9, добавочный въ 5 и 4. Такіе стихи можно располагать и мы въ изданіи Кирѣевскаго, Рыбникова, Калѣкъ Перехожихъ, приняли за правило писать слѣдующимъ образомъ:

Какъ изъ да́леча дале́ча
    Изъ чиста́ поля,
Изъ того было раздольица
    Широкаго,
Что не грозная бы туча
    Накаталася,
Что не буйные бы вѣтры
    Подымалися:
На передъ-то выбѣгаетъ
    Лютой Скимень-звѣрь.

(Второй, добавочный стихъ можно печатать и малою, не заглавною буквой). Очевидно, здѣсь образуется уже такъ называемая *строфа*: одинъ стихъ, однообразно, болѣе длинный, другой, столь же однобразно, болѣе короткій. Однообразіе прибавки, слагая однообразную, но уже *новую* мѣрку, симъ самымъ, относительно *древняго* основнаго склада, пораждаетъ разнообразіе, появленіе *новыхъ* формъ творчества.

Новыя же формы разраждаются все болѣе и обильнѣе слѣдующимъ способомъ. *Напѣвъ* Былинъ, сколько мы знаемъ его по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, Былинъ старшихъ и лучшихъ, однообразенъ: изъ всѣхъ Русскихъ напѣвовъ сего рода можно извлечь развѣ только три–четыре главныхъ образца, а построже разбирать, даже какихъ ни будь два; у Сербовъ *для всѣхъ* Былинъ доселѣ *одинъ*. Разнообразіе допускалось лишь *внѣ* самой былины, во Вступленіи или (музыкально) въ Прелюдіи, да потомъ, когда, пропѣвши нѣсколько стиховъ до извѣстной точки, пѣвецъ и игрокъ вставлялъ варіаціи уже

безъ словъ, одною струнной игрой (такъ поютъ и играютъ доселѣ Малорусскіе бандуристы). Соотвѣтственно основному складу стиха, и въ напѣвѣ (мелодіи) есть *два колѣна*: но это, какъ и въ стихѣ, два колѣна *одного* ствола, одного цѣлаго, какъ «повышеніе» и «пониженіе» (греческое «протасисъ» и «апотасисъ»). Теперь же, когда къ двумъ половинамъ основнаго стиха прибавилась третья—добавка, то и напѣвъ наростаетъ: къ двумъ колѣнамъ прибавляется третье, обыкновенно какъ пониженіе обоихъ первыхъ, или новая варіація изъ обоихъ, или уже повтореніе послѣдняго колѣна. Вотъ начало такъ называемаго *Припѣва*: онъ выражается и въ стихѣ, какъ помянутая, удлинняющая, прибавка, или же повтореніе оконечности главнаго стиха; выражается и въ напѣвѣ, ибо къ одному главному напѣву въ его двухъ колѣнахъ присоединяется болѣе краткое третье колѣно или, иначе, второй *добавочный* напѣвъ, хотя бы только повторяющій собою второе колѣно. Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ,— *Изъ чиста поля, Широкаго, Накаталася*, и т. п., можно разсматривать какъ отдѣляющійся припѣвъ, можно напѣть—и обыкновенно напѣвается уже—особо. Еще болѣе видно это на другихъ, особенно «Московскихъ,» Былинахъ, гдѣ конецъ стиха повторяется, и повторяется съ тѣмъ же напѣвомъ, какъ второе колѣно главнаго стиха или какъ пониженіе обоихъ колѣнъ:

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый,
Милостивый,
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Прогнѣвался,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева,
Отрепьева?

Напечатанное курсивомъ—припѣвъ.—Еще шагъ,—и припѣвъ въ Былину можетъ вставляться *со стороны*, иной, какъ дѣй-

ствительно и видимъ нѣкоторыя Былины (см. прежніе выпуски и выше 7-й):

Здунинай, най!
или:
Съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю! и т. п.

Это уже вставка со стороны, припѣвъ въ *собственномъ* значеніи, который есть ничто иное, какъ отрѣзокъ отъ пѣсни, или сама коротенькая пѣсня, сложившаяся еще въ дѣтствѣ человѣка или народа, а потомъ вставляемая особо въ болѣе длинную, развитую и позднѣйшую (см. объ этихъ элементахъ въ нашемъ изданіи «Дѣтскихъ пѣсень»). Конечно, съ такими припѣвами Былины уже немногія и худшія: болѣе древнія, въ лучшемъ складѣ, далеко здѣсь не зашли. Но всё же и онѣ въ самихъ себѣ зародили уже возможность и показали путь къ формамъ инымъ. Это путь, сближающій Былины съ прочими *Пѣснями вообще*, путь разнообразія, но путь уже болѣе поздній, выводящій къ *иному* полю, и все дѣло въ томъ, далеко ли извѣстная Былина ушла по сему пути, гдѣ остановилась, еще не переставая быть Былиной.

Третій видъ измѣненія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ Былинъ, есть опять, какъ и первый, путь разложенія, а не созиданія. Именно, вмѣсто прежняго перелива или плавнаго перелома, не нарушающаго цѣлости, образуется переломъ рѣзкій, дѣлятся рѣзко двѣ половины и въ собственномъ смыслѣ является *цезура*, притомъ однообразная, въ одномъ мѣстѣ между двухъ одинакихъ половинъ, въ каждой же половинѣ болѣе или менѣе одинаково количество слоговъ. Это уже не прежній перегибъ, а скорѣе надломъ, даже *расколъ* стиха и склада. Впрочемъ сначала онъ еще держится однообразной мѣрки, и вотъ складъ, вотъ стихъ, который мы вездѣ въ изданіяхъ подъ нашей редакціей технически именовали *двойнымъ*. Можно такой стихъ писать и печатать сплошь, подъ рядъ, какъ одинъ:

Въ гридню идетъ незнамъ человѣкъ,
Шуба на немъ струйчатой камки.
—
Праведное солнце въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ, передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!»
и т. п.

Или же пополамъ, двумя стихами:

Въ гридню идетъ
Незнамъ человѣкъ,
Шуба на немъ
Струйчатой камки.
—
Праведное солнце
Въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ,
Передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю,
«Прекрасный мой раю!»

Но здѣсь, хоть и писать, и печатать порознь, единство цѣльнаго стиха еще не совсѣмъ утратилось, можетъ быть возстановлено, и самый напѣвъ держится еще одинъ, хотя въ двухъ уже расходящихся рѣзче колѣнахъ.

Можетъ быть еще ступень: когда единство утрачено безвозвратно, когда двухъ половинъ ни чѣмъ уже не склеишь въ одну, когда онѣ разной величины, потянули врозь, и нельзя ихъ ни пѣть, ни читать, ни писать, ни печатать иначе, какъ порознь. Это такъ называемая въ народѣ, технически, *Старина*, выродившаяся изъ Былины:

Какъ далече ли далеченько
Во чистомъ полѣ....
Какъ кланяется сынъ
Своей матери:
«Не прошу я у тебя
«Не злата и не серебра,
«Ты пожалуй мнѣ

«Великое благословеньицо,
«Как поѣду я, поищу
«Своего брата названаго,
«Как стараго казака,
«Илью Муромца»....

—

Напросили они
Душу красную дѣвицу,
Князей родную сестрицу.

—

Уѣзжал-то млад Щелкан
В дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты,
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесять,
С крестьян по пяти рублев.

—

При нынѣшних при царях,
При досюлѣшних королях,
При блаженныя памяти,
Царица-то Крымская,
Паленица удалая,
Татарка упалая,
С Кострюком сговорилася.

—

И пришла же купавушка,
И пришла же не Русская...
Со своим ли сынком
С Кострюком Бирюковичем,
Искать сопротивника
Поборотися...
Возговорил же Царь
Иван Васильевич

Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
«Ужь ты слуга мой,
«Вѣрный мой,
«Неизмѣнный мой!
«Ужь ты выйди
«На Красно крыльцо,
«Воструби же
«Во золоту трубу,
«Чтобы сбирались всѣ,
«Князья и бояре.»

—

Бесѣда ли, бесѣда,
Смиренная бесѣда,
Во той во бесѣдѣ
Сидѣли тутъ два брата,
Два брата родные,
Хвалились сестрою,
Своей сестрой родною.
И т. п.

Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о струнной игрѣ, ухо отвыкло отъ напѣва, напѣвъ оставалось бы приладить къ напѣву другихъ Пѣсень, не Былинъ: напѣвъ совершенно исчезаетъ, образуется скороговорка, лишь съ плавной интонаціей, похожей на сказочную. Былинѣ не переродиться въ иную пѣсню: остается ее забыть, утратить, какъ именно симъ путемъ и совершается, или остается перевести ее въ Сказку, сказывать,—какъ именно и сложились нами Былевыя Сказки изъ древнѣйшаго, Черноморскаго и Придунайскаго, Эпоса; или, наконецъ, является за симъ проза,—такъ называемыя «Сказанія,» каковы и есть о Мамаевомъ побоищѣ съ его товарищами. Это по видимому краше, какъ-то опредѣленнѣе спутанной Побывальщины: но въ самомъ дѣлѣ хуже, ибо утрачиваются самые слѣды древности въ складѣ и напѣвѣ, упраздняются да-

же повторенія, кои разлагаютъ цѣльную Былину, но въ разложившейся указываютъ еще на первобытныя черты и позволяютъ даже искусственно возсоздавать отдѣльныя части первообраза. Побывальщина еще напѣвается, а если уже сказывается, то все-таки больше мужчинами: Старина же переходитъ въ удѣлъ женщинъ, отъ того въ народѣ именуется *Бабьей*, и въ женскихъ-то устахъ, при другихъ любимыхъ «женскихъ» пѣсняхъ, совершенно исчезаетъ.

Вотъ главные періоды въ исторіи нашихъ Былинъ, относительно склада ихъ, стиха и напѣва, сколько позволило намъ коснуться того мѣсто и время, не входя подробно въ связь Былинъ съ другими Пѣснями и въ судьбы сихъ послѣднихъ. По всѣмъ означеннымъ путямъ, относительно Старшихъ нашихъ, до-Московскихъ Былинъ, слѣдуетъ замѣтить, что 1) многія изъ нихъ держатся еще основнаго, главнаго, древнѣйшаго состава и стиха, но, дошедши до насъ большею частію въ современномъ устномъ употребленіи, а не въ тогдашнихъ рукописяхъ, почти вездѣ представляютъ собою ослабленіе и паденіе основы своей; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе, онѣ разложились уже на Побывальщины и Старины; 3) крѣпче еще другихъ своимъ складомъ и стихомъ Кіевскія, круга Владимірова, потомъ Новгородскія: но Княжескія, по изложеннымъ выше причинамъ, почти всѣ уже разложились, и больше на Старины; 4) по мѣсту, уцѣлѣла болѣе основа ихъ по отдаленнымъ краямъ, въ захолустьѣ; 5) но, при видимыхъ судьбахъ разложенія, весьма рѣдки, почти незамѣтны пріемы того пути, который поставили мы вторымъ: то есть признаки, чтобы изъ древнихъ формъ переродились новыя, чтобы развился припѣвъ, чтобы явилась строфа, наступило разнообразіе. Отживаютъ или уже отжили онѣ вѣкъ свой безвозвратно, не оставивъ прямаго наслѣдія, которое продолжало бы ихъ дѣло *по тому* же самому способу. Судьба ихъ—гибнуть и исчезать: чтобъ переродиться во что ни будь иное, слишкомъ много въ нихъ неподдающейся упругости и однообразнаго своеобразія, недостаточно уступчивости, податливости и ковкости. Содер-

жаніе ихъ еще во многомъ вошло въ Пѣсни Безъимянныя, Молодецкія: но складъ и стихъ, можно сказать, совершенно и безслѣдно бы сгибъ, какъ сгибъ почти напѣвъ, еслибы на смѣну ихъ не явились Былины *Московскія*.

Какое же отношеніе сихъ послѣднихъ къ Старшимъ, какія особенности и отличія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ? Постараемся указать вкратцѣ: провѣрить наши указанія можно данными на лицо.

Глядя на Московскія Былины, начинающіяся Грознымъ, можно бы съ перваго раза сказать, что онѣ составляютъ неизмѣнное *продолженіе* Старшихъ и лучшихъ Кіевскихъ: такъ онѣ тѣсно примыкаютъ туда по складу и стиху, такъ цѣльны, полны и крѣпки составомъ. Но мы сейчасъ же должны вспомнить, что Московскія Былины, съ половины XVI вѣка, дѣлятся отъ Кіевскихъ и Владимірова круга по крайности двумя стами лѣтъ (ибо происхожденіе тѣхъ во всякомъ случаѣ приходится до господства Татарскаго). Новгородскія, слишкомъ исключительныя и мѣстныя, не могли служить образцомъ и посредствующимъ звѣномъ. Промежутокъ вѣковъ въ творчествѣ и зарожденіи Былинъ могъ наполняться только Былинами Княжескими: а мы знаемъ, еслибы имъ служили Московскія непосредственнымъ продолженіемъ, то это была бы лишь исторія крайняго разложенія и паденія. Между тѣмъ въ Московскихъ Былинахъ, даже изъ Смутнаго Времени, имѣемъ такіе превосходные, цѣльные образцы творчества, такая видна сила, такъ крѣпокъ еще основной стихъ въ 10 слоговъ съ двумя половинами, такъ своеобразны пріемы всѣ и языкъ, такъ далеко отъ Сказки и Сказанія, даже отъ Бабьей Старины (изъ времени Грознаго въ Старину разложились лишь Былины о Кастрюкѣ), что остается принять твердо одно: дѣйствительно, Московскій періодъ Былинъ есть *второй*, есть *новый* періодъ Былеваго общерусскаго творчества послѣ старшаго Владимірова; творчество не продолжалось только, а *воспрянуло* съ новыми силами и средствами; Москва явилась тѣмъ же, что́ для древ-

ности Кіевъ, Грозный своего рода Владиміромъ, а историческіе герои—наслѣдниками старыхъ богатырей.

Мало того, что творчество воспрянуло: оно облеклось *новыми* образами, оборотами и пріемами, пошло *далѣе*, открыло себѣ *новые* пути. Такъ, на примѣръ, Кіевскія всѣ широки, плодовиты, даже растянуты: посмотрите же на лучшія Московскія, на примѣръ записанныя для Ричарда Джемса или о Лжедимитріѣ,—неизвѣстная прежнему творчеству *краткость*, *точность* и *законченность*; въ этой сжатости и опредѣленности сжатая могучая сила; характеръ сей силы драматическій, блещущій драматизмомъ въ нѣдрѣ творчества еще эпическаго. Языкъ, складъ, стихъ, напѣвъ примѣняются къ симъ внутреннимъ свойствамъ. Лаконизмъ Новгородскихъ Лѣтописей не оправдался подобною краткостью и сжатостью въ Новгородскихъ Былинахъ: дѣло другое лаконизмъ обиходной рѣчи, дѣло другое краткость, точность, выразительность въ созданіи творческомъ. Былины Княжескія, большею частію Побывальщины и Старины, почти та же семейная и женская Пѣсня, бытовая дума: Былина Московская, являясь превосходнымъ и особымъ образцомъ Былины, зараждаетъ въ себѣ Драму, обильна движеніемъ, столкновеніемъ (конфликтомъ), завязкою и развязкой, хотя еще пока и связанной крѣпко эпическимъ узломъ.

Согласно тому, впервые является разнообразіе *напѣва*: чтó былина, то особый напѣвъ, и притомъ различный по характеру; впервые обозначается различіе напѣва протяжнаго и скораго, заунывнаго и веселаго. Является *припѣвъ*, какъ повтореніе оконечности стиха, или втораго колѣна, или даже припѣвъ *особый*, вставочный. А такъ какъ Старшія Былины изъ другихъ періодовъ дошли къ намъ большею частію черезъ руки Московской области, чрезъ потокъ Московскаго времени, то самое разнообразіе ихъ, если гдѣ замѣчаемъ въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ, вѣроятно есть дѣло главнымъ образомъ Московскаго вліянія.

Лучшія Старшія Былины дали основу сочиненію Слова о Полку Игоревѣ; Княжескія, ослабѣвшія, породили Сказанія, Ста-

рины и Слова о Димитріѣ и Мамаѣ; Новгородскія остались безъ слѣда въ книжныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ; иныя Былины выродили изъ себя Сказку, какъ на примѣръ объ Ильѣ Муромцѣ: Московскія Былины породили не Сказку, не книжныя Сказанія, а во первыхъ, въ той же художественной области, цѣлый рядъ Историческихъ Пѣсень, съ постепенными переходами Былеваго творчества, отъ Петровскихъ до Александровскихъ и даже Николаевскихъ; цѣлый рядъ Безъимянныхъ и Молодецкихъ; вообще цѣлый разрядъ всякихъ *Пѣсень*, болѣе или менѣе съ Былевыми чертами, съ разнообразіемъ формъ въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ, но вездѣ съ замѣтнымъ, заданнымъ однажды на всегда пошибомъ Московскимъ. Еще болѣе: онѣ послужили очевиднымъ переходомъ къ созданію *художественныхъ эпопей* новаго времени, къ *поэмамъ* искусства вторичнаго, посредственнаго. Онѣ-то, смѣло скажемъ, привели насъ къ Борису Годунову, Полтавѣ, даже къ Мертвымъ Душамъ. И онѣ же отчасти уже породили, а еще больше конечно породятъ Русскую народную *драму*.

Наконецъ, отличаясь общепонятностью, общедоступностью и такъ сказать обязательностью для всей Россіи, если она желаетъ исторически развиваться далѣе, Московскія Былины, со всѣми ихъ порожденіями, въ то же время, говоря нынѣшнимъ способомъ, чрезвычайно локальны, разумѣя подъ симъ, что онѣ запечатлѣны единымъ главнымъ характеромъ и налагаютъ свой типъ рѣзкою печатью. Вотъ почему, если онѣ заходятъ на отдаленныя края и тамъ отчасти забываются въ подробностяхъ, то не остается пѣвцамъ ничего болѣе, какъ восполнять пробѣлы чертами Старшихъ, Кіевскихъ Былинъ. Вотъ почему, возвращаясь къ прерванному, видимъ, что Былина о Лжедимитріѣ и Маринѣ въ окраинѣ Сибирской (у Кирши) перешла своимъ концомъ въ Былину о Добрынѣ, а у Рыбникова, въ двухъ сходныхъ образцахъ, въ Ч. I-й № 69 и въ Ч. III-й № 45, пѣвецъ прямо сознается въ своемъ невѣдѣніи по отдаленности поприща воспѣваемаго историческаго событія: «Скажутъ (говорятъ, есть слухъ), Дмитрія убили въ каменной Мо-

сквы, Его мощи схоронили подъ Божью церкву, Гришка Разстрижка въ тюрьмы сидитъ», и т. п. Но и при этомъ, историческія черты творчества такъ выразительны, обязательность ихъ столь сильна, что, не смотря на отдаленность, пѣвецъ Бутылка такъ опредѣлялъ въ Петрозаводскѣ г. Рыбникову эпоху Годунова, въ началѣ Былины о Лжедимитріѣ:

Во стѣ было во седьмомъ году,
Во седьмомъ году въ восьмой тысячѣ,
Не было въ Москвѣ содержатая,
Содержатая въ Москвѣ, сбережатая.

То есть въ 1599 году: спрашиваемъ, гдѣ, кромѣ Московскихъ Былинъ, возможна такая историческая опредѣленность?

Пойдемъ далѣе.—Былины о Скопинѣ, одномъ изъ любимѣйшихъ народныхъ героевъ Московскихъ, начинаютъ еще связью его съ исторіей Лжедимитрія: такова напечатанная выше, подъ № 3, стр. 7—9. Но гораздо обильнѣе Былины объ его трагической смерти. Изъ нихъ 1-я (стр. 9—11) имѣетъ при себѣ очень хорошее разнорѣчіе въ Новиковскомъ Пѣсенникѣ, въ части III-й:

Смерть Скопина.

1.

У князя было у Владиміра,
Было пированье почетное *),
Ой кстили дитя княженецкое.
Ахъ, кто кумъ-тотъ **) былъ, кто кума была?

---

*) Почетное.
**) Вѣроятно, какъ и ниже, „кумо-тъ.“

Ай кумо-тъ былъ князь Михайла Скопинъ,
Князь Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кума-та была дочь Скурлатова.
Они пили-ѣли, прохлажалися,
Пивши-ѣвши похвалялися.
Выходили на крылечко на красное,
Ужь какъ учели похвалу чинить князья-бояра:
Одинъ скажетъ, «У меня много чистаго серебра;»
Другой скажетъ, «У меня больше красна золота.»
А что взговоритъ князь Михайла Скопинъ,
Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ:
«Еще что вы, братцы, выхваляетесь?
«Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ:
«Я очистилъ Царство Московское,
«Я вывелъ вѣру поганскую,
«Я сталъ за вѣру христіянскую *).»

То слово кумѣ не показалося,
То крестовой не пондравилось:
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому.
Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ **):
Ему мнилось, она выпила,
А она во рукавъ вылила.
Наливала еще куму крестовому:
Какъ выпилъ князь Михайла Скопинъ,
Рѣзвы ***) ноги подломилися,
Бѣлы руки опустилися.
Ужь какъ брали ево слуги вѣрные,
Подхватили ево подъ бѣлы руки,
Повезли ево домой къ себѣ.

Какъ встрѣчала ево матушка:
—Дитя мое, чадо милое!

*) Эта похвала одинакова съ тою, какая влагается Грозному: см. 6-й выпускъ.
**) Потчивалъ, поднесъ.
***) Въ печати ошибочно: „Трезвы."

—Сколько ты по пирамъ не ѣживалъ,
—А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—
«Ахъ ты гой еси, моя мать родная!
«Сколько я по пирамъ не ѣживалъ,
«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
«Съѣла меня кума крестовая,
«Дочь Малюты Скурлатова!»

(Новик. пѣсен. изд. 2, М. 1783 г., ч. III, № 159).

Въ «Лѣтоп. Р. лит. и др.» т. IV, въ сборн. гг. Костомар. и Мордовц., этотъ образецъ, безъ замѣтки впрочемъ, откуда взятъ онъ, приведенъ въ качествѣ двухъ *варіантовъ*, а сама Былина возстановлена съ помощію того образца изъ Кирши Данилова, какой напечатанъ у насъ выше подъ № 2, стр. 11—16. Однако Былина такъ подробно и тщательно возстановлена сочинителями, что ее можно здѣсь привести изъ любопытства:

2.

У насъ было въ каменной Москвѣ,
У князя было Воротынскаго,
Было пированье великое,
Кстили дитя княженецкое.
Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичь,
А кумою была дочь Скурлатова.
Много было тутъ князей-бояръ,
Князей-бояръ, гостей званыихъ,
Они ѣли-пили, прохлажалися.
Напивалися гости до пьяна,
Выходили на красёнъ крылецъ,
И учали они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богачествомъ;

Одинъ скажетъ: «у меня много чи́ста се́ребра,»
Другой скажетъ: «у меня больше кра́сна золота.»
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичь
Онъ и не пилъ зелена́ вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго *),
Только пилъ одни меды сладкіе.
А и съ мёду князь захмѣлѣлъ **),
Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
«Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались!
«Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?
«А ужь я ли могу похвалитися:
«Я очистилъ Царство Московское,
«Я вывелъ вѣру поганскую,
«Я сталъ за вѣру христіанскую,
«И за то мнѣ князю слава до́ вѣку.»

И то слово кумѣ не полюбилося,
То слово крестовой не показалося.
Вта́поры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена́ вина,
Подсыпа́ла въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому.
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь, она выпила,
А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпа́ла въ стаканъ зелья лютаго,
Подносила куму крестовому.
Отъ мёду князь не отказывается,
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго:

*) Пиво называется у насъ не «крѣпкимъ,» а «пьянымъ.» Въ другихъ Былинахъ: «Только одно пиво пилъ и сладкой медъ.»

**) Въ другихъ, *народныхъ*, Былинахъ на оборотъ: „Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается.“ И ниже въ этомъ состоитъ трагизмъ противуположенія: мать сочла его хмѣльнымъ, когда онъ вовсе не былъ такимъ.

Какъ его тутъ рѣзвы ноженьки подломилися,
Его бѣлыя рученьки опустилися.
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрныѐ,
Подхватили подъ бѣлы руки,
Увозили князя къ себѣ домой.

Какъ встрѣчала его матушка:
—Дитя ты мое, чадо милое!
—Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,
—А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—
«Охъ ты гой еси, матушка моя родимая!
«Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
«Съѣла меня кума крестовая,
«Дочь Малюты Скурлатова!»

(„Лѣтоп. Р. л. и др.,“ сборн. Костомар. и Морд.)

Подобнымъ образомъ и Сахаровъ, перепечатывая означенную Былину изъ Кирши, искусился сдѣлать нѣкоторыя, по его мнѣнію и обычаю необходимыя, поправки и дополненія (означимъ ихъ курсивомъ):

Стихъ 11: «Какъ были *въ Москвѣ* припасы многіе.» — 18: «*Изъ* великаго государства Россійскаго.» — 22: «И всей нашей земли *свѣтло*-Русскія (вмѣсто «свѣто-Русскія,» «свето-Русскія,» т. е. «свято-Русскія»).» — 23: «*Какъ* (вмѣсто «Что») ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ.»—28: «во *Новѣгородѣ* (вм. «во Новѣградѣ»).» — 30: «*Входилъ* (вм. «Походилъ»).»—32, 33: «А и беретъ чернилицу золотую, *А и въ ней-то* (вм. «Какъ бы въ ней») перо лебединое.» — 36: «Во Свицкую землю, *заморскую* (вм. «Саксонскую»).»—42: «А и смилуйся, *смилосердуйся* (вм. «смилосердися»).»—53: «А съ ярлыками послалъ скораго *ямщика* (вм. «почтаря;» почтъ тогда, думалъ Сахаровъ, не было, это Нѣмецкое слово).»—55: «А того *Ивана Ивановича* (вм. «Митрофана Фунтосова;» Сахаровъ не понялъ искаженнаго имени Делагарди).»—56, 57:

«Какъ и будетъ *ямщикъ* (вм. «почтарь») *въ Свицкой земль*, У честна короля, честнаго Карлуса (вм. «въ Половецкой Ордѣ:» какая, дескать, тамъ Орда? Правильнѣе Швеція).»—81: «А третія силы *Шкодскія* (то есть, полагалъ И. П. Сахаровъ, Скоттскія, Шотландскія; онъ не догадался, что въ подлинникѣ «Школьскія» значитъ, по нашему древнему, «Стекольскія, Штокгольмскія»).»—89: «Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню *отслушалъ* (вм. «отслужилъ:» служатъ, дескать, попы, а Скопинъ былъ князь).»—101: «*Прекрашили* Черкесъ (перекрошили, вм. «прекротили», укротили, усмирили).»—Сказавши о Черкесахъ или Черкасахъ, Былина справедливо прибавила замѣчательный стихъ (103): «Еще нонѣ тутъ Малороссія»; Сахаровъ этотъ стихъ выпустилъ: какая, де, Малороссія у Черкесовъ на Кавказѣ?—106: «А на западну сторону *походомъ* пошли (вм. «и въ ночь», т. е. на сѣверъ: они, дескать, шли конечно днёмъ, къ чему же тутъ ночь?).»—126: «Крестили *млада княжевича* (вм. «младаго князевича;» стремленіе граматики Греча и забота о претвореніи звука).»—157, 158: «Она-то, кума его крестовая, Подносила стаканъ меду сладкаго (вм. «Она *знавши*», т. е. съ вѣдома, съ сознаніемъ, что это ядъ; эту замѣчательнѣйшую черту призналъ Сахаровъ неловкою по граматикѣ Греча).—160: «*Принимаетъ* (вм. *вульгарнаго* «примаетъ»).»—Стихъ 168 въ подлинникѣ: «Голова съ плечъ покатилася,» то есть отъ дѣйствія яду свалилась на грудь, повисла; И. П. Сахаровъ счелъ это за то, будто срубленная голова покатилась на землю: какая несообразность! Потому онъ исправилъ, и прекрасно: «Голова *на плечахъ зашаталася.*» Запрыгала на плечахъ, разгулялась!—172 въ подлинникѣ: «А только успѣлъ съ нею (матерью) скоро проститися,» какъ скоро, какъ только успѣлъ проститься,—«И матушка ему пѣнять стала.» Какъ, думалъ г. Сахаровъ, за чѣмъ онъ прощался *скоро*? Разумѣется, выпустилъ это слово.—Очевидно, эти поправки не такъ ловки, какъ въ сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц. при свѣтѣ *нынѣшней* науки.

Другое разнорѣчіе къ сей же Былинѣ, именно къ началу ея, гдѣ разсказывается о подвигахъ Скопина, представляется въ Сборникѣ Рыбникова, Ч. I, № 70, къ сожалѣнію безъ конца: какъ Скопинъ возведенъ во времена Владиміра, такъ здѣсь онъ отнесенъ къ эпохѣ Грознаго и поставленъ въ товарищахъ съ такимъ же любимымъ народнымъ героемъ, Никитою Романовичемъ.

Но перлъ народнаго нашего пѣснотворчества и лучшій образецъ Московскаго, съ особымъ складомъ въ 10 и 12 слоговъ стиха, съ необычайной художественной сжатостью, находимъ въ той же книжкѣ Ричарда Джемса, въ рукописи по горячимъ слѣдамъ событія:

3.

(Москва).

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося,
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили?
А росплачютца гости Москвичи *):
««А тепере наши головы загибли,
««Что не стало у насъ воеводы,
««Васильевича князя Михаила!»»

А съѣжалися князи-бояре супротиво къ нимъ,
Мьстисловской **) князь, Воротынской,
И межу собою онѣ слово говорили ***),

*) Торговцы, торговавшіе въ Москвѣ, мѣстные, приписные и заѣзжіе; но особенно тогда собранные съ разныхъ краевъ подъ предводительство Скопина.

**) Вмѣсто «Мьстиславской».

***) Стихи по происхожденію вѣроятно таковы:

А съѣзжалися князи-бояра.
Супротиво къ нимъ становилися,
Мьстиславской князь, Воротынской,
Межъ собою онѣ слово говорили.

А говорили слово, усмѣхнулися *):
««Высоко соколъ поднялся **),
««И о сыру-матеру землю ушибся!»»

А росплачютца Свѣцкіе ***) Нѣмцы:
««Что не стало у насъ воеводы,
««Васильевича князя Михаила!»»
Побѣжали Нѣмцы въ Новъ-городъ,
И въ Новѣ-городѣ заперлися,
И многой міръ-народъ погубили,
И въ Латынскую землю превратили ****).

(Изъ запис. Рич. Джемса, Изв. Ак. Н. Т. I).

* *

Былины о Скопинѣ замѣчательны еще въ тòмъ отношеніи, что подтверждаютъ еще разъ, какъ въ Москвѣ слагались тогда Былины тотчасъ за событіями, или, по техническому народному выраженію, документально идущему отъ Слова о Полку Игоревѣ, «пѣли *славу*» извѣстному героическому лицу, славили его Былиной о подвигахъ его, величали. Послѣ разсказа о подвигахъ Скопина, послѣ духовныхъ торжествъ Москвы, прибавлено, что тотчасъ «На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ — У Скопина князя Михайлу Васильевича—*и велику славу до вѣку* (таково опять техническое выраженіе,—Былину

*) Это, плохо сдержанная, радость бояръ-князей, изъ зависти къ Скопину, выражена и въ предыдущей Былинѣ, гдѣ заготовленіе яду приписывается имъ, а Екатерина является лишь орудіемъ: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало —они дѣло сдѣлали—подавали кумѣ его».

**) Стихъ въ 8 слоговъ совершенно соотвѣтствуетъ господствующему складу въ 10 и 12; таковъ же и стихъ 8-й; таковъ же долженъ быть 6-й:

Васильевича князь-Михаила.

***) Свейскіе, Шведскіе.

****) Отторгли къ западнымъ странамъ; стихъ долженъ быть:

И въ Латынску землю превратили.

слагаютъ, дабы увѣковѣчить событіе и подвиги) *поютъ* Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.» Этимъ же хвалится и самъ Скопинъ, перечисливши свои подвиги: «Еще ли мнѣ *славу поютъ до вѣку*, Отъ стараго до малаго (всѣ поющіе), Отъ малаго до вѣку моего (на всю мою жизнь).» Это же представляется и главной виной ненависти къ нему: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало.» Погибъ Скопинъ, и тотчасъ же опять сложена Былина, какъ предыдущая, сейчасъ приведенная, такъ и та самая, гдѣ упомянуто о «славѣ» въ честь Скопина; ее также пѣли пѣвцы, гусляры («веселые молодцы»), и также на пиру, что̀ явствуетъ изъ припѣвки въ концѣ:

То старина, то и дѣянье—
Еще намъ, Веселымъ Молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино:
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому (можетъ быть Скопину)
И хозяину своему (у кого на пиру пѣли) ласкову.

То же самое извѣстно о Ксеніи: по однимъ историческимъ извѣстіямъ прямо говорится объ ней, что она любила «воспѣваемые гласы (книжное выраженіе вмѣсто простаго—«пѣсни»);» по другимъ, она «причитала,» когда Шуйскій переносилъ тѣла Годуновыхъ; эти самыя «Причёты» и облечены въ форму, они-то, какъ Былины, съ разсказомъ о всей уже судьбѣ Ксеніи, и записаны въ 1619 году, они-то и приведены нами выше какъ памятникъ творчества.

Вѣроятно къ тѣмъ же подвигамъ, какъ Скопинскіе или Ляпуновскіе противу Литвы, или же къ осадѣ Волока (см. ниже), относится Былина, съ началомъ «Ай ты безгодье, безгодье зло,» напечатанная въ «Національномъ Пѣснопѣніи,» Ч. I: изданія этого, впрочемъ бывшаго нѣкогда у насъ въ собственности, но утраченнаго, къ сожалѣнію теперь не могли мы достать и не имѣли подъ руками. Конечно тамъ была книжная подправка.

Такой же, къ сожалѣнію, подправкою досужаго книжника конца прошлаго вѣка отличается занесенная въ наши пѣсенники Былина о Скопинѣ; гдѣ ему приписывается руководство первыми нашими покушеніями на Азовъ, подобно какъ, мы видѣли, отнесено его имя, въ качествѣ любимаго народнаго героя, и въ эпохѣ Грознаго, и даже Владиміра:

Первыя покушенія на Азовъ.

1.

У насъ было во Кремлѣ во городѣ,
У того у собора Успенскаго,
Соѣжжалися князья и бояра,
Всѣ сильные воеводы Московскіе.
Ужь какъ Царь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
«Охъ вы гой еси, князья-бояре!
«Какъ намъ, братцы, на приступъ итти,
«Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
«Азовъ городъ во крѣпи *) стоитъ,
«Нельзя къ нему подойти, ни подъѣхати.»
Какъ тутъ ли бояре испужалися,
Большой за меньшова хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать **).
Ахъ что взговоритъ Михайла Скопинъ:
—Охъ ты гой еси, грозный Царь!
—Благослови мнѣ слово молвити
—Или цѣлу рѣчь выговорить:
—Дѣлайте телѣжки бурмицкія ***),
—Убивайте телѣжки кунами собольими ****),

---

*) Укрѣпленъ, крѣпко.

**) И подавно не видать, не узнаешь.

***) Бурмистровскія, большія, въ какихъ ѣздятъ Головы.

****) Кунами-соболями.

—Сукнами багрецовыми и гвоздьми полужоными,
—Сажайте въ телѣжки по пяти человѣкъ,
—Я поѣду въ тотъ городъ—могучій гость *),
—Я возьму тотъ городъ во единъ **) часъ.—

Пріѣхали они къ синему морю,
Кричитъ онъ ***) перевозчикамъ:
—Перевезите гостя могучаго
—Что во тотъ ли во Азовъ городъ!—
Стали бурмистры и головы,
Стали пошлины спрашивати;
—Ахъ вы гой еси, бурмистры и головы!
—Погодите вы до утрія:
—Дамъ вамъ по таксѣ полную.—

Со полуночи до вечера могучій гость
Черезъ сине-море переправился,
Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
И донесъ Царю о возможности ****).

(Пѣсенникъ Новик. 2-е изд. 1783 г. ч. III, № 158, Кузнецовскій 1822 г. № 624 и друг.).

Если исключить отсюда вставленное имя Скопина, то происхожденіе Былины скорѣе можно отнести къ послѣдующему собору объ Азовѣ, и даже къ знаменитымъ Азовскимъ походамъ, а самый способъ соглядайства и приближенія къ городу, правильнѣе *на лодкахъ*, чѣмъ на телѣжкахъ, одинаково разсказывается въ другихъ Былинахъ и объ Астрахани, и объ разныхъ козацкихъ подвигахъ (см. ниже).—Прочія Былины объ Азовѣ, хотя по видимому и раньшія Петровскихъ, приведемъ при сихъ послѣднихъ, въ началѣ ихъ.

---

*) Поѣду туда какъ богатый гость, торговецъ.
**) Въ другихъ пѣсенникахъ: «во единый».
***) Въ другихъ: «Кричитъ онъ вопитъ».
****) Стихъ о возможности—невозможный въ устахъ народа.

Былина о Тушинскомъ Ворѣ извѣстна намъ только въ одномъ образцѣ, каковъ ни есть онъ:

Тушинскій Воръ.

(Саратовск. губ.).

Изъ-за Шведскія, изъ Литовскія изъ землюшки,
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ во чисто́ поле.
Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею въ славномъ Рубежѣ.
Онъ разставливатъ бѣлъ-тонко́й шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы,
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
«Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
«Ужь и много насъ жалованьемъ жалуютъ.»

Садился воръ-собачушка на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чисто́ поле,
Изъ чиста́ поля во царевъ дворецъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ,
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра́ коня,
Онъ свово коня не привязыватъ,
Не привязыватъ, никому не приказыватъ.
Восходилъ воръ-собачушка на красенъ крылецъ,
Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ,
Онъ самимъ боярамъ не кланятся
И самой государынѣ челомъ не бьетъ.
Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,
По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
«Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
«А съ самою царицею обвѣнчаюся.»

(„Лѣтоп. Р. Литер. и Др.," изъ Сборн. гг. Костомар. и Мордовц.).

Слѣдующія за тѣмъ и выше отпечатанныя, стр. 17, 18, Былины о Шуйскомъ и Ляпуновѣ, крайне драгоцѣнныя, весьма впрочемъ пострадали, испорчены и извѣстны доселѣ по одному лишь образцу. Гораздо болѣе сохранилось разнорѣчій изъ Смутнаго Времени о попѣ Емелѣ. Къ напечатаннымъ на стр. 19—21, подъ №№ 1—3, приведемъ слѣдующія:

Смутное Время. Попъ Емеля.

1.

(Тверск. губ.).

Ѣхала свадьба, семеры сани,
Семеры сани, по семеру въ са́няхъ,
Семеро пѣшками, а всё съ бердышками,
Семеро верхами, а всё съ мѣшками.
На ветрѣчу той свадьбѣ попо-тъ Емеля,
Попо-тъ Емеля, крестъ на реме́ни,
Крестъ на ремени полуторы сажени:
«А Боже *) вамъ въ помочь, духовныя дѣти,
«Духовныя дѣти, въ чужія-то клѣти,
«Въ чужія-то клѣти, молебны пѣти:
«Добро-то берите, а душъ не губите.»

(Запис. Турпнымъ).

2.

(Тверск. губ., Старицк. у.).

Какъ во полѣ-полѣ,
Во чисто́мъ во полѣ,
Ай ли, да ой ли,
Во чисто́мъ во полѣ,

*) А Богъ же.

Во чисто́мъ во полѣ
Сбиралися воры,

Ай ли да ой ли,
Сбиралися воры *),

Сбиралися воры,
Воры не чужіе,
Ближніе сосѣди.
Не много, не мало,
Ихъ семеро са́ней.
Во первыхъ-то саняхъ
Атаманы сами **).
Во седьмыхъ-то са́няхъ
Сидитъ попъ Емеля,
У попа Емели
Крестъ на реме́ни,
Крестъ на реме́ни
Въ полторы сажени.
Батька благословляетъ,
Крестомъ ограждаетъ:
«Поѣзжайте, дѣти,
«Во чужія клѣти,
«А что ни до будете,
«Попа не забудете.»
Попадья Олёна
На воду смотрѣла ***),
Ворамъ говорила:
—Не ѣздите, дѣти,
—Во чужія клѣти,—
—Будетъ вамъ невзгода,
—Будетъ непогода!—
Не слушались воры

---

*) Такъ идетъ припѣвъ и каждый слѣдующій стихъ поется трижды.

**) Далѣе перечисленіе саней и сѣдоковъ забыто.

***) Гаданья такого рода упоминаются въ Былинахъ Смутнаго Времени часто, и о Самозванцахъ, и Сигизмундѣ.

Попадьи Олёны,
Сѣли—засвистали,
Коней нахлыстали.

(Записано нами отъ А. А. Панина 1868 года).

На стр. 21—23, драгоцѣнная, по единственному образцу ея, Побывальщина о Мининѣ, Пожарскомъ, освобожденіи Москвы и избраніи Михаила, къ большому горю едва уцѣлѣла въ устахъ 70-лѣтней старухи и весьма разрушена.

Чтобы покончить со временемъ и событіями Смуты, съ битвами противу Поляковъ и Литвы, приведемъ здѣсь въ отрывкахъ уцѣлѣвшія Былины о нападеніи на Волокъ Ламскій. Въ 6-мъ выпускѣ, на стр. 187—190, приведена нами, еще прежде печатанная самимъ П. В. Кирѣевскимъ, Былина объ осадѣ Пскова, къ которой примѣшана осада Волока и вставлено имя Карамышева. Тогда же, послѣ подробныхъ замѣчаній о происхожденіи и составѣ Былины, обѣщали мы привести позднѣйшія ея разнорѣчія, что́ и исполняемъ:

Нападеніе на Волокъ Ламскій.

1.

(Симбирск. губ., с. Станишное).

Собирался Король на святую Русь,
Не дошедши Москвы остановился за пятьсотъ верстъ,
За пятнадцать верстъ городу Волоку,
Во уѣздѣ, селѣ Ѳедоровскимъ,
Во любимаимъ дворцѣ государевомъ.
Писалъ ерлыки скорописные,
Отсылалъ ерлыки въ каменну Москву
Ко тому ли къ воеводѣ Московскому,

Корамышину Семіону Костентиновичу:
«Охъ ты гой еси, воевода Царевъ,
«Корамышинъ Семіонъ Костентиновичъ!
«Ты отдай мнѣ Москву *) безъ бою,
«Безъ тово ли кроволитья великаго.»
Что отвѣтъ держитъ ему воевода Царевъ:
—Ты б..... сынъ, Король и съ Королевою!
—Не дошедши Москвы ты похваляться сталъ:
—Я силу твою конемъ потопчу,
—Кольчужниковъ и латниковъ всѣхъ въ полонъ возьму.—

За досаду Королю показалося,
Взволновался Король, самъ боемъ пошолъ:
Да на силу Король самъ-третѣй ушолъ.
Бѣгучи Король заклиналъ самъ себя:
«Не дай, Боже, ходить на святую Русь,
«Ни мнѣ Королю, ни брату мому!»
И еще этимъ Король обещестилъ самъ себя **).

Дворянамъ-боярамъ—имъ выслуга,
А служивымъ солдатамъ—имъ жалованье,
Донскимъ казакамъ сукна на ковтанъ,
А намъ, молодцамъ, по стакану пивца:
Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили,
Хозяина съ хозяюшкой проздравствовали!

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

2.

(Оттуда же):

Собирался Король на святую Русь,
Всѣмъ панамъ, всѣмъ пановичамъ ***),

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска: «Волокъ».

**) Отселѣ начинается припѣвка пѣвцовъ, величавшихъ Былиною воеводъ, служилыхъ людей и козаковъ, передъ слушающими хозяевами.

***) Со всѣмъ панамъ-пановичамъ: т. е. со всѣми панами-пановичами.

Со любезнымъ своимъ шуриномъ съ Вороновичемъ *).
По утру спать ложился,
Ко полуночи пробудился;
Онъ со вечера росою умывался,
Онъ кавтанною полою утирался,
А Московскому Чудотворцу, Богу молился,
И на всѣ четыре сторонки поклонился:
«Вы здорово ли, мои братцы, спали-ночевали?
«Одинъ-то я, доброй молодецъ, не здоровъ спалъ **):
«Будто я хожу, доброй молодецъ, по край синя моря,
«Я правою ногою въ море оступился,
«А лѣвою рукою за древо схватился,
«За скропкое ***) дерево, за крушину;
«Спасибо, мое скропкое дерево крушина,
«Да на томъ спасибо, что въ море не пустила!»

(Запис. тѣмъ же).

Эти Былины, о подступѣ къ Волоку, поются доселѣ въ Волоколамской области. См. описаніе Волоколамскаго уѣзда въ Моск. Губернск. Вѣдомостяхъ 50-хъ годовъ.

Послѣ прекрасной, хотя и немного книжной по языку, Былины о смерти Василія Шуйскаго и избраніи Михаила (стр. 24), наиболѣе замѣчательная слѣдуетъ о пріѣздѣ Филарета Никитича и Шеина. Она записана также для Ричарда Джемса въ 1619 году, слѣдовательно тотчасъ при самомъ событіи, на которое и сложена. Потому же она представляетъ какбы набросанный очеркъ, еще не успѣвшій развиться и разукраситься, а вмѣстѣ, какъ это бываетъ, и попортиться:

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска это имя воронаго коня: но кажется это передѣлано изъ «Хотеновича,» а послѣднее изъ «Ходкевича.»

**) И видѣлъ во снѣ...

***) Хрупкое, крушкое (откуда и имя крушины), что крошится и крушится (у Южныхъ Славянъ «крѣхко»).

Пріѣздъ Филарета Никитича и Шеина въ Москву.

1.

(Москва).

Зрадовалося Царство Московское
И вся земля свято-Руская:
Умолилъ государь, православной царь,
Князь великій Михайло Ѳедоровичь.
А что скажутъ, въѣхалъ батюшка *),
Государь Филаретъ Микитичь,
Изъ невѣрной земли изъ Литовской;
Съ собою онъ вывезъ много князей-бояръ,
Еще онъ вывезъ государева **) боярина,
Князя Михайла Борисовича Шеина.
Съѣжалися многіи князя-бояря,
(Князя-бояря) и многіе власти,
Ко силнему Царству Московскому:
Хотятъ встрѣчать Филарета Микитича.
Изъ славнаго града каменной Москвы,
Не красное солнце катилося,
Пошелъ государь православной царь;
Встрѣчати своего батюшка,
Государя Филарета Микитича;
Зъ государемъ пошелъ его дядушка ***),
(Его дядушка) Иванъ Микитичь бояринъ ****):
«Дай, Споди *****), здоровъ былъ государь мой батюшко,
«А батюшко государь Филаретъ Никитичь!»

---

*) А отъ того радость, тѣмъ умолилъ царь, что, говорятъ, пріѣхалъ его батюшка.

**) Вѣроятно «государь,» и тогда стихъ не нарушается въ размѣрѣ.

***) Дядюшка.

****) Слѣдуютъ привѣтственныя слова Михаила отцу.

*****) Господи.

А какъ будутъ онѣ въ каменной Москвѣ,
Не пошли онѣ въ хоромы въ царьскіе,
А пошли онѣ къ Пречистой соборной *),
А пѣти чесныхъ молебеновъ.
Благословлялъ своего чада милаго **):
—И дай Господи, здоровъ былъ православной царь,
—Князь великій Михаилъ Ѳедоровичь,
—А ему здержати Царство Московское
—И вся земля свято-Руская ***)!—

(Извѣст. Ак. Н. Т. I).

Текучій складъ Былины, только что сложенной и не успѣвшей ни окрѣпнуть, ни опредѣлиться, выразился тѣмъ, что стихи ея состоятъ то изъ 9, 11 и 13-ти, то изъ 10 и 12-ти слоговъ.

Былина на стр. 24, 25, о битвѣ подъ Астраханью, съ именемъ Царя Михаила, имѣетъ при себѣ еще другую, о взятіи Астрахани, которую однако считаемъ мы умѣстнѣе въ эпохѣ Разина, гдѣ и помѣстимъ ее.

—

На стр. 25—30, три Побывальщины о князѣ Пожарскомъ и о дѣлѣ подъ Конотопомъ должны бы, разумѣется, помѣститься ниже, а въ печати нашли себѣ теперешнее мѣсто по особому недоразумѣнію и обстоятельствамъ 7-го выпуска, о коихъ сказано выше. Но онѣ кромѣ того имѣютъ при себѣ довольно похожихъ произведеній о другихъ герояхъ, на примѣръ Краснощоковѣ и простыхъ, Безъимянныхъ Козакахъ.

Коротенькія, въ духѣ Московскомъ, Былины о Московскомъ пожарѣ, стр. 30—32, по древности склада своего отнесены

---

*) Въ Успенскій соборъ.

**) Слѣдуютъ слова благословлявшаго Филарета, при встрѣчѣ сына.

***) Извѣстный древній падежъ при неокончательномъ наклоненіи.

нами къ Московскимъ пожарамъ Романовской эпохи XVII вѣка, хотя не скроемъ, что случаи, увѣковѣченные Былиною, имѣли мѣсто и позднѣе, даже въ XVIII вѣкѣ, особенно съ домомъ Шереметева на Никольской улицѣ. При нихъ есть еще разнорѣчія:

Московскій пожаръ.

1.

(Тульск. губ.).

Ты хозяинъ, ты хозяинъ,
Своему дому ,господинъ!
Намъ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога намъ, хозяинъ,
Пиръ-бесѣдушка твоя *).

Во бесѣдѣ сидятъ люди,
Люди добрые сидятъ,
Они баютъ-разсуждаютъ,
Рѣчь разумну говорятъ:
««Отчего это, братцы,
««Каменна́ Москва загоралась?»»
Загоралась отъ князей отъ бояръ,
Отъ большаго господина
Шереметьева:
Ходила его вѣрная ключница
Вы новы́ подвалы,
Заронила она, заронила
Воску яраго свѣчу.
Отъ того каменна́ Москва
Загорѣлась.

*

*) Это запѣвъ, обращеніе пѣвцовъ къ хозяевамъ на пиру, какъ и въ предъидущихъ нѣкоторыхъ Былинахъ.

У Сахарова въ «Сказаніяхъ» еще нѣсколько иначе:

2.

Мнѣ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога мнѣ, хозяинъ,
Смиренная бесѣдушка твоя.

Во бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ-разсужаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
««Отчего наша каменна Москва
Загоралась?»»
Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большаго господина
Графа Шереметева:
Выходила его ключница
Во новые выхода,
Зоронила она искру
Воскояровой свѣчей.
Оттого у насъ каменна Москва
Загоралась.

За симъ у Сахарова непосредственно присоединяется совсѣмъ уже другая Былина изъ временъ Елисаветы.

Изъ эпохи Михаила Өедоровича, по Былинамъ, всего болѣе посчастливилось *Семену Константиновичу* (Ивану) *Карамышеву*. Это самое любимое, самое народное имя той поры, второй половины XVI и первой XVII вѣка. Народныя имена любимѣйшихъ героевъ, воспѣваемыя Московскими Былинами и вставляемыя при всякомъ удобномъ случаѣ, на перечетъ. Кромѣ государей и вообще царскихъ особъ, неизмѣнно привлекаю-

щихъ вниманіе сихъ Былинъ по ихъ особому, государственному или державному характеру, какъ-то *Грозный Царь Иванъ Васильевичь, Борисовая дочь Годунова, царь и князь великій Михайло Өедоровичь, православный царь Алексѣй Михайловичь* и *государь Петръ Алексѣевичь*, кромѣ сихъ, говоримъ, царственныхъ именъ, таковы въ Московскихъ Былинахъ всюду любимѣйшія народныя: *Никита Романовичь* и, какъ злодѣй, *Малюта Скурлатовъ сынъ*; *Ермакъ Тимоөеевичь* и, опять какъ злодѣй, но весьма привлекательный удалью, *Степанъ, Стенька Разинъ Тимоөеевичь*; *князь Скопинъ Михайло Васильевичь* и *злой Разстрига Гришка Отрепьевъ сынъ*; *князь Голицынъ* (Василій Васильевичь) и *графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ*; *Краснощоковъ* и *Чернышевъ Захаръ Григорьевичь*, наконецъ *Платовъ генералъ* и тому подобныя, менѣе важныя или болѣе новыя. Именно таковъ же точно *Карамышевъ Семёнъ Константиновичь* (всѣ имена сіи замѣтно укладываются въ стихъ съ большимъ удобствомъ, а иныя цѣликомъ составляютъ цѣлый стихъ и размѣромъ своимъ опредѣляютъ размѣръ въ теченіи всей Былины). Какъ скоро въ старшихъ Московскихъ Былинахъ, XVI и XVII вѣка, попадается выраженіе (и дѣйствующее лицо) «воевода Царёвъ» или «большой бояринъ,» такъ ужь всегда ожидайте, что пѣвецъ по привычкѣ прибавитъ имя — «Карамышевъ Семёнъ Константиновичь.» Онъ является какъ Персидскій (въ Персію) посолъ, убійство котораго послужило Ермаку и товарищамъ его поводомъ къ завоеванію Сибири; онъ же является Воеводой при осадѣ Пскова Баторіемъ (см. 6-й вып.); онъ же при подступѣ къ Волоку; онъ же наконецъ, историческій (Иванъ), при Михаилѣ Өедоровичѣ, какъ извѣстно, убитъ Донскими козаками. Можно полагать, что имя его (Семёна) перешло въ Московскія Былины еще изъ Княжескихъ, изъ исторіи Тверскихъ князей, Борисовичей, и унаслѣдовано еще съ тѣхъ поръ народной памятью. Московскихъ же Былинъ о немъ много, и всѣ онѣ, какъ сейчасъ убѣдимся, дѣлятся, въ разсказѣ объ убіеніи

его, на двѣ главныхъ редакціи: въ одной событіе передано точнѣе и опредѣленнѣе, съ ясными чертами лица и мѣстности; въ другой рѣзкіе признаки стерты, мѣстность, поприще событія передвигается, и на Камышенку, и Самару, и общѣе на Волгу, и подъ Астрахань. Первыя Былины явно объ историческомъ лицѣ и событіи 1630 года, на Дону; вторыя же, должно думать, связуются именно съ преданіями о старшемъ героѣ, Персидскомъ послѣ, а отчасти видимо переходятъ даже въ эпоху Разина, чему поводомъ вѣроятно была извѣстная судьба воеводы, сходнаго по имени, *Семена Беклемишева*. Разумѣется, мы сначала помѣстимъ 1-ю, потомъ 2-ю редакцію:

Убитъ Карамышевъ.

1.

Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ на Ивановичь гуляти.
Не доѣхавши онъ Тиха Дону становился:
Похвалялся онъ козаковъ всѣхъ тамъ перевѣшать.
Во единой кругъ козаки тотчасъ собирались,
Посередъ круга становился царевъ бояринъ:
Онъ началъ читать государевы для нихъ указы.
Дочитался онъ до царскаго только титула,
Козаки тотъ часъ всѣ шапки тутъ поснимали,
А большоя-тъ царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово-то всѣ козаки тотчасъ взволновались,
Разъярившись они на боярина вдругъ бросались,
Буйну голову отъ бѣла тѣла отрубили,
А бѣло тѣло во Тихой онѣ Донъ бросали;
А убивши, они ево тѣлу говорили:
««Почитай ты, большой бояринъ, государя,
««Не гордися ты передъ нимъ, бояринъ, и не славься!»»

Ко царю они съ повинною приходили:
««Ты гой еси, нашъ батюшка, православной царь!
««Ты суди, государь, насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ужь ты воленъ надъ нашими головами *).»»

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. II.; повторялась и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ).

*

2.

(Симбирск. губ.).

Подымался съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ Ивановичь гуляти.
Не доѣхавши Тиха Дона становился:
Похвалялся всѣхъ козаковъ перевѣшать.
Козаки, братцы, тотчасъ догадалися,
Во единой кругъ они собиралися,
Середи круга становился царевъ бояринъ:
Онъ сталъ читать государевы указы.
Дочитался онъ до царскаго титула,
Козаки всѣ шапки поснимали,
А большой царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово козаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну головуево срубили,
А бѣло тѣло въ Тихой Донъ бросили.
И убивши, тѣлу говорили:
««Почитай ты, баринъ, государя,
««Не гордись ты передъ нимъ и не славься.»»

---

*) Такъ, извѣстно исторически, козаки извиняли убіеніе Карамышева, съ своей точки зрѣнія; но могъ быть правъ съ своей стороны и Карамышевъ: при послѣ Андреѣ Савинѣ и Кантакузинѣ, онъ собственно былъ Воеводою царскаго войска, и слѣдовательно, какъ воевода, могъ оставаться въ шишакѣ.

Ко царю они съ повинной приходили:
««Ты гой еси, батюшка православной царь!
««Ты суди насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ты воленъ надъ нашими буйными головами.»»

(Запис. Языковъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ на концѣ есть книжная подправка издателей старшихъ нашихъ пѣсенниковъ: не зная хорошенько подлиннаго событія, они хотѣли и смягчить поступокъ козаковъ, и вывести нравственное поученіе касательно «гордости» Карамышева.

3.

Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Сопротивъ тово *) было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ, выплываетъ лёгкая лодочка,
Лёгкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка;
Хорошо больно лёгкая лодочка изукрашена,
Серебромъ-златомъ лёгкая лодочка изнасѣчена;
Посередъ стоитъ лёгкой лодочки знамя царское,
Что во лодочкѣ сидитъ младой посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сынъ **) Константиновичъ.
Во правой рукѣ держитъ онъ государевъ указъ,
Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
Приставаетъ ***) онъ ко крутому красному бережку,
Ко сыпучему ко крупному ли желту песку.

---

*) Разнорѣчіе: «Супротивъ-то.»
**) «сударь.»
***) «пристаетъ.»

Козаки всѣ собираются во единой кругъ,
Становится младъ посланничекъ середи *) круга,
Козакамъ читаетъ посланничекъ **) государевъ указъ.
Козаки всѣ для указа шапки посняли,
Младъ посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя.
Козаки тутъ всѣ въ минуту ***) взволновалися,
И со всею его гордостію изъ стану выгнали ****).

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. I.; разнорѣчія изъ 1-го изданія Прача 1791 г.; то же повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ пѣсенникахъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ еще болѣе стираются черты и, хоть удержано имя, но передвигается поприще событія, дѣло идетъ на лодкахъ, щекотливыя обстоятельства убіенія обойдены:

4.

(Симбирск. губ.).

Внизъ то было *) по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Супротивъ то была устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка;
Что въ лодонки **) сидитъ младъ посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сударь ***) Константиновичь,
Въ лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
А во правой рукѣ держитъ саблю острую.

---

*) «посреди.»
**) «Что читаетъ имъ посланникъ.»
***) «всѣ удалые.»
****) «И за его гордость изъ стану его выгнали.»
*) Разнор. «Ужь какъ внизъ-то было.»
**) «Что въ той лодочкѣ.»
***) «сударь» опущено.

Что по крутому, по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что *) ходили тутъ—гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
Все Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славны казаки, братцы **), Яицкіе.
Они думали крѣпку думушку за едино ***),
Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрушко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку:
Никого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

(Отъ Языкова; разноречь. изъ Кузнецовскаго пѣсенника 1822 года, то же есть и въ другихъ).

Другія того же рода Былины мы относимъ къ эпохѣ, къ которой вслѣдъ за симъ и переходимъ.

Ко времени царя Алексѣя Михайловича, кромѣ приведенныхъ выше Былинъ о Семенѣ Пожарскомъ, въ собраніи Рыбникова, Ч. II № 40 и III №№ 46 и 47 (въ печати ошибкою 42), относятся три замѣчательныхъ Былины о Земскомъ Соборѣ, держать ли за собою Смоленскъ. Хотя мы имѣли бы право относить ихъ къ царствованію Михаила, но въ семъ случаѣ слѣдуемъ опредѣленію, выраженному съ точностію въ самихъ Былинахъ.

---

*) «Какъ.»
**) «Еще славные козаки.»
***) «Они думали за едино крѣпку думушку.»

Главнымъ героемъ, занявшимъ народное вниманіе Былинъ, слѣдуетъ за симъ при Алексѣѣ Михайловичѣ Стенька Разинъ. Превосходная, извѣстная монографія г. Костомарова, «Бунтъ Стеньки Разина,» гдѣ расположено въ порядкѣ и нѣсколько Былинъ, сюда относящихся, можетъ служить хорошею нитью и помощью въ нашемъ собственномъ дѣлѣ. Нужно только прибавить, что сочинитель относитъ сюда нѣкоторыя Былины по догадкамъ, тогда какъ онѣ не имѣютъ при себѣ опредѣленнаго имени Разина или имя это вставилъ Сахаровъ. Потому здѣсь необходима въ пользованіи нѣкоторая осторожность. Исторія Козачества въ «Московской» области Былинъ начинается собственно съ Ермака: но мы имѣли случай уже достаточно убѣдиться, что многое тамъ, при Ермакѣ, покореніи Сибири и взятіи Казани (см. 6-й выпускъ), вставлено изъ эпохи Разина, даже имя сего послѣдняго. Очевидно также, что кое-что и изъ времени Ермака, и царствованія Михаила, перенесено потомъ на Разина, какъ мы упомянули при Карамышевѣ и еще увидимъ сейчасъ при разсказѣ о самыхъ первыхъ судьбахъ Разина. Съ другой стороны конечно и въ Безъимянныхъ Козацкихъ Былинахъ много дошло до насъ такого, что̀ собственно истекаетъ изъ эпохи Разина, хотя и потеряло его имя. Поэтому надежнѣйшій путь въ дѣлѣ изданія Былинъ представляется намъ слѣдующій: отъ Былинъ о Разинѣ читателямъ приходится непремѣнно и часто восходить за подробностями въ 6-й выпускъ и во все предыдущее сему въ выпускѣ 7-мъ; за тѣмъ Былины безъ имени и опредѣленнѣйшихъ признаковъ, хотя здѣсь и было бы много сходства съ Разинскими, приходится въ изданіи оставить и отложить до болѣе удобнаго, своего имъ мѣста, развѣ только кое-гдѣ прибѣгая къ сличенію; наконецъ, избирать въ настоящемъ случаѣ лишь тѣ Былины, гдѣ есть имя Разина и прочіе несомнѣнные его признаки, не выводя притомъ историческихъ выводовъ, кои составляютъ предметъ критикующаго историка, а болѣе слѣдуя воззрѣнію самого творчества, какъ оно понимаетъ и распредѣляетъ ту эпоху, какъ даетъ о ней свои собственныя показанія.

Плѣнъ въ Азовѣ, чѣмъ начинаетъ г. Костомаровъ преданія о Разинѣ, по Былинамъ относится къ Ермаку; назовемъ это просто

Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ.

1.

(Кирша Даниловъ).

А и по край было моря синяго,
Что на устьѣ *) Дону-то Тихаго,
На крутомъ-красномъ бережку,
На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
А стоитъ крѣпкой **) Азовъ городъ
Со стѣною бѣлокаменною,
Земляными розкатами и ровами глубокими,
И со башнями караульными ***).
Середи Азова города
Стоитъ темная ****) темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
И во той было темной темницѣ
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда;
А пробои были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь.

Мимо той да темной темницы
Лучилося царю итти, самому царю,
Тому Турецкому Салтану Салтановичу.

---

*) Разнорѣчіе: «А на усть.» — **) «тутъ славной.» — ***) «Со стѣной бѣлокаменной, И со башнями наугольными, И со рвами глубокими, Съ земляными роскатами, И съ рогатками желѣзными.» — ****) «Тутъ стоитъ темна.»

А кричитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь:
«А ты гой еси, Турецкой царь
«Салтанъ Салтановичь!
«Прикажи ты меня поить-кормить,
«Либо казнить, либо на волю пустить.»
Постоялся *) Турецкой царь
Салтанъ Салтановичь:
—А мурзы, вы, улановья!
—А вы згаркайте изъ темницы
—Того тюремнаго старосту.—
А и мурзы-улановья металися черезъ голову,
Привели его, улановья они, старосту тюремнаго;
И сталъ онъ, Турецкой царь,
У тюремнаго старосты спрашивать:
—Еще что за человѣкъ сидитъ?—
Ему староста разсказываетъ:
««А и ты гой еси, Турецкой царь
««Салтанъ Салтановичь!
««Что сидитъ у насъ Донской козакъ
««Ермакъ Тимоѳеевичь.»»
И приказалъ скоро Турецкой царь:
—Вы мурзы-улановья!
—Ведите Донскаго козака
—Ко палатамъ моимъ царскіимъ.—

Еще втапоры Турецкой царь
Напоилъ-накормилъ добраго молодца
И тожно **) сталъ его спрашивати:
—А ты гой еси, Донской козакъ!
—Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?—
Разсказалъ ему Донской козакъ:
«А и я посланъ изъ каменной Москвы
«Къ тебѣ, царю, въ Азовъ городъ,

*) Остановился.
**) Въ слѣдъ за тѣмъ.

«А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
«И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ:
«А на заставахъ твоихъ меня всего ограбили,
«И мурзы-улановья моихъ товарищей
«Разсадили, добрыхъ молодцовъ,
«И по разнымъ темнымъ темницамъ.»
Еще втапоры Турецкой царь
Приказалъ мурзы-улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцовъ,
Ермаковыхъ товарищей.
Отпущаетъ добрыхъ молодцовъ,
Ермака въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Ермака Тимоѳеевича,
Наградилъ златомъ-серебромъ,
Еще питьями заморскими.

Отлучился Донской козакъ отъ Азова города,
Загулялся Донской козакъ
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не явился въ каменну Москву.

*

Рукопись Кирши Данилова оканчивалась началомъ такой же Былины (откуда мы выше привели разнорѣчія), со словъ «А и по край» до «Тутъ стоитъ темна темница.» Было ли въ рукописи при ней заглавіе, или отъ себя, К. Ѳ. Калайдовичь замѣтилъ, что это «начало пѣсни *о Стенькѣ Разинѣ.*» Вѣроятно на семъ основаніи, исправивъ, какъ водится, Былину, перепечаталъ ее въ «Сказаніяхъ» г. Сахаровъ, поставивши вездѣ вмѣсто «Ермакъ Тимоѳеевичь» имя «Степанъ Тимоѳеевичь.» Это подѣйствовано и на г. Костомарова. Но такія же точно Былины являются о другихъ, Безъимянныхъ Козакахъ, и даже о Краснощоковѣ, о Чернышевѣ, при чемъ вмѣсто Султана Прусскій Король, а вмѣсто Азова Кистринъ или Берлинъ (см. ихъ ниже). Потому собственно началомъ Былинъ о Разинѣ мы

признаемъ только тѣ, кои и напечатаны у насъ выше, на стр 32, 33, подъ №№ 1 и 2-мъ, о томъ, какъ породился, проявился и къ другимъ козакамъ относился Разинъ. Ко 2-й изъ нихъ маленькія разнорѣчія у г. Костомарова.

Слѣдующая за тѣмъ у г. Костомарова, Былина о переходѣ на Волгу, не имѣетъ при себѣ имени Разина и относится вообще ко всѣмъ прочимъ Козацкимъ.

Былина, отнесенная г. Костомаровымъ къ возвращенію Разина изъ Персіи на Волгу, опять не всегда имѣетъ при себѣ имя сего послѣдняго, напротивъ ставитъ старше имя Ермака, отсюда ведетъ его на помощь Грозному Царю подъ Казань, а также вставляетъ всевозможныя козацкія имена. Нѣсколько образцовъ ея уже напечатано нами въ выпускѣ 6-мъ, стр. 23—35, потомъ 36 и 39. Впрочемъ мы прибавимъ здѣсь разнорѣчіе Костомаровское (въ Сборн. пѣс. Самарскаго края, 1862 года, приведенъ варіантъ одинаковый съ нашимъ въ 6-мъ вып. стр. 29, № 4, съ именемъ *Ивана* Тимоѳеева):

Стенька Разинъ.
Переходъ на Волгу.

1.

Какъ далеченько-далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскомъ,
Собиралась музуры *), добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
««Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
««Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?

---

*) См. вып. 6-й.

««Атаманомъ быть Степану Тимоѳеевичу,
««Есауломъ быть Василью Никитичу.»»
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ:
«Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
«Что на матушку на Волгу на быстру рѣку?»

*

Гораздо дѣйствительнѣе выводъ г. Костомарова, что извѣстная Былина о Соколѣораблѣ, а на немъ о Разинѣ съ Ильею Муромцемъ (она напечатана у насъ по нѣсколькимъ разнорѣчіямъ въ вып. 1-мъ, 1-го и 2-го изд., стр. 22, 23, № 7), имѣетъ очевидное отношеніе къ исторіи Разина, ибо, извѣстно, корабль его носилъ имя Сокола, а врагами являются Восточные народы (противъ Разина Персіяне). Варіантъ, который при семъ приводитъ г. Костомаровъ, есть тотъ самый, что напечатанъ въ «Лѣтопис. Р. Литер. и др.» изъ сборник. гг. Костомар. и Мордовц., подъ № 1-мъ, и уже помянутъ нами выше, въ Приложеніяхъ стр. 9. Къ сожалѣнію только, во всѣхъ образцахъ сей Былины врагами Сокола являются «Татары съ *Калмыками,*»—такъ и по сборнику г. Костомарова въ «Лѣтопис.»: а въ монографіи о бунтѣ Стеньки Разина совершенно неожиданно явились вмѣсто того «Татары съ *Персіянами.*» Признавая всѣ права за симъ варіантомъ, подходящимъ къ исторіи Разина, мы въ замѣнъ того имѣемъ право прибавить, что въ лучшихъ, очевидно старшихъ, образцахъ, вмѣсто Разина стоитъ Святогоръ и Полканъ, что главная роль во всей Былинѣ отдана Ильѣ, а не Разину, что, независимо отъ Разина, есть особыя преданія о подвигахъ Ильи на Соколѣ, а на Соколѣ же является и другая, древнѣйшая героиня, Настасья Никулична (см. Приложенія къ нашему 1-му вып. стр. 34 и во II-й части собр. Рыбникова стр. 317, 318, № 61). О ошибкѣ же Сокола съ Орломъ см. ниже.

Присутствіе Настасьи Никуличны на Соколѣ кораблѣ могло бы послужить для монографовъ выгоднымъ поводомъ къ объясненію, что здѣсь разумѣется Персіянка, извѣстная любовница Разина, имъ послѣ убитая. И вѣроятно изслѣдователямъ неизвѣстно, что у насъ есть цѣлая куча, конечно Безъимянныхъ и позднѣйшихъ, Былинъ, гдѣ именно, въ плаваніи, при атаманѣ выставляется дѣвушка любовница, которая то горюетъ, то кается въ разбояхъ, то пророчитъ другу своему спасеніе отъ бѣды, то сама спасаетъ его, или же, наконецъ, варварски убита имъ. Не отрицаемъ, что сюда вѣроятно проникли нѣкоторыя черты изъ судебъ Разина: но, зная, что это все обычно бывало и у другихъ козаковъ, особенно атамановъ, и притомъ не имѣя нигдѣ прямаго *имени Разина,* мы всѣ такіе образцы отлагаемъ до будущаго, къ Безъимяннымъ.

Въ теченіе всѣхъ переходовъ Разина, съ Волги къ Персіи и оттуда обратно, извѣстны разныя затруднительныя стоянки его на островахъ и даже зимовка. Къ сей конечно эпохѣ относится Былина, неизвѣстная г. Костомарову:

Стоянка Разина.

1.

Тихохонько сине море становилося,
Ничѣмъ наше Каспійское не шевельнулося,
Что осеннимъ ледочкомъ покрывалося:
Замерзъ-то нашъ воровской стружокъ.
Что на томъ ли на стружкѣ атаманъ сидитъ,
Что по имени Стёпанъ Тимоѳеевичь,
По прозванью Стенька Разинъ сынъ.
Онъ рѣчь говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ:
«Ахъ вы гой еси, удалы-добры молодцы!
«Вы берите еловчатыя *) веселечки,
«Вы бейте-пробивайте тонкой осенней ледъ:
«Ахъ, какъ бы намъ добиться до тихихъ мѣстъ,

*) Испорчено вм. яровчатыя, яворчатыя, изъ явора (обычное прозваніе гуслей.)

«Что до той ли до проточинки Червонныя,
«Что до славнаго до острова Кавалерскаго!
«Ахъ, тамъ ли вамъ, братцы, дуванъ *) дѣлить,
«Намъ отласу и бархату по размѣру всѣмъ,
«Золотой парчи по достоинствамъ,
«Жемчугу по молодечествамъ,
«А золотой казны сколько надобно.»

(Ср. Новиковскій пѣсенникъ, ч. III).

*

Первоначальныя отношенія Разина къ Астрахани и искушенія или опасности, коимъ онъ подвергался съ сей стороны, прекрасно изображены въ Былинѣ, которую приводитъ г. Костомаровъ:

Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани.

1.

Ужь вы горы мои, горы!
Прикажите-ка, вы, горы,
Подъ собой намъ постояти:
Намъ не годъ-то годовати,
Не недѣлюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Во глуху полночь проѣхать,
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.

---

*) Полонъ, добычу.

Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:
«Ваши пушки меня *) не во́зьмутъ,
«Легки ружьица не про́ймутъ;
«Ужь какъ во́зьметъ ли, не во́зьметъ,
«Астраханска дѣвка Маша.»

По бережку Маша ходитъ,
Шелко́вымъ платкомъ машетъ;
Шелковы́мъ платкомъ махала,
Стеньку Разина прельщала:
Стѐньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убра́нъ столъ посадила,
Пивомъ-медомъ угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.

Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку:
Три дни по Астрахани возили,
Три дни съ голоду мори́ли.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться:

*) Судя по складу, въ пѣсни должно стоять «насъ,» и это совершенно согласуется со всею пѣснею, очевидно пѣтою отъ лица козаковъ.

Онъ во клѣткѣ окатился—
И на Волгѣ очутился.

*

Начало сей Былины сходно съ помѣщенною у насъ выше на стр. 33, 34, подъ № 3: она кончается именно тѣмъ, что Астраханскій воевода узналъ подступившаго Разина.

Но съ нею тѣсно связана другая, гдѣ изображается судьба подосланнаго Разинымъ въ Астрахань передоваго человѣка, агента или шпіона, какъ полагаютъ историки, *сына,*—какъ единогласно увѣряютъ народныя Былины. Если въ самомъ дѣлѣ у Разина не было такого сына, то онъ могъ явиться въ Былинахъ, полагаемъ, вслѣдствіе частаго повторенія одного и того же выраженія—«Стенька Разинъ *сынъ,*» «Стеньки Разина *сына,*» откуда не трудно было уже сдѣлаться «сыну Стеньки Разина.» Первая Былина, которую о немъ приводитъ г. Костомаровъ, одинакова съ нашею, помѣщенною выше подъ № 4-мъ на стр. 34—40, по многимъ варіантамъ; развѣ только остается замѣтить отличія: «Да во нанковомъ халатѣ на распашечку;» «Астраханскимъ купчишкамъ (!) онъ не кланяется, Господамъ ли да боярамъ онъ челомъ не бьетъ;» «Увидалъ же воевода со параднаго крыльца, Приказалъ же воевода къ себѣ его привести;» «Вы подите, поймайте;» «Поймали, соковали удалова молодца, Привели ко воеводѣ незнамова на глаза (!);» «Ужь и чей такой дѣтинка, чей удалой молодецъ? Ты какого поведенья (!), чьего матери-отца?»—Къ тому же самому, на первую половину приведенной у насъ Былины, помѣщенъ весьма близкій варіантъ у Рыбникова въ Ч. III, стр. 273, № 49.—Вторая половина нашей Былины, начинающаяся со стиха 20-го (стр. 38), представляетъ сборы Разина въ Астрахань, какъ послѣдствіе задержки сына и желаніе отмстить воеводѣ. Эта половина отдѣлена у г. Костомарова какъ особая Былина и мы приведемъ ее какъ разнорѣчіе къ нашей:

Сборы Разина въ Астрахань.

1.

Какъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыветъ,
Какъ во лодочкѣ гребцовъ ровно тридцать молодцовъ,
Посередь лодки сидитъ Стенька Разинъ самъ *).
Какъ возговоритъ онъ, Стенька, ко товарищамъ своимъ:
«Ужь и что-й-то это, братцы, мнѣ тошнымъ тошнó,
«Мнѣ сегодняшній денечекъ да грустнехонько?
«Какъ и знать-то мой сынокъ во неволюшку попалъ!
«Ужь я въ Астрахань зайду,—выжгу-вырублю,
«Астраханскаго воеводу я подъ судъ возьму.»

(Стихъ двойнаго склада: можетъ быть дѣлимъ и на двѣ половины, впрочемъ вторая половина нѣсколько меньше и отдѣляется какъ припѣвъ. Этотъ складъ—самый употребительный въ Былинахъ о Разинѣ).

Другая Былина того же содержанія, приведенная у г. Костомарова, весьма испорченная, представляетъ сбивчивое смѣшеніе той же исторіи Разинова сына съ судьбою прочихъ козаковъ, проникавшихъ въ Астрахань:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Изъ славнаго изъ устьица синя моря,
Тутъ плыветъ-выплываетъ нова выкладна **),
Хорошо кладна **) изукрашена.
Она плыветъ-подплываетъ къ Астрахани,
Къ тому ли царству Астраханскому.
Добры молодцы въ городѣ во Астрахани

*) Стихъ дуренъ.
**) Расшива, верховое судно.

Погуляли, поцарствовали,
Попили-поѣли, на отвалъ пошли.

Увидали молодцы воеводу изъ окна *),
Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
«Заловите, поймайте добрыхъ молодцовъ!»
Добрый молодецъ **) противности не чинилъ,
Во дворецъ самъ подскочилъ.
Сталъ воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
«Не утай самъ себя.»
—Я самъ тебѣ разскажу, всею правду объявлю:
—Я со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынъ.
—Заутра хотѣлъ къ тебѣ батюшка въ гости побывать;
—Чѣмъ будешь батюшку потчивать?—
«Я пивушка не кушаю, винца въ ротъ не беру;
«Есть у меня наготовлены сухари,
«Они въ Москвѣ крошены, въ Казани сушены:
«То я встрѣчу его, буду потчивать.»
Испугался добрый молодецъ,
Отъ него прочь бѣжалъ.

И подбѣгаетъ къ своей выкладной,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
—Охъ братцы мои, товарищи!
—Приграньте ко мнѣ выкладну,
—Не оставьте меня при бѣдности:
—На насъ воевода осердился ***).—
Добры молодцы ужаснулися,
Заторопились, отгрянули ко крутому берегу ****).

(Къ сожалѣнію не замѣчено, гдѣ и изъ какого источника взята или записана сія Былина).

*

*) Конечно на оборотъ: воевода увидалъ молодцовъ.

**) Крутой поворотъ отъ молодцовъ къ молодцу.

***) Хоть бы «прогнѣвался?» Былина замѣтно сложена изъ двухъ частей: одна о козакахъ вообще, въ другую хотѣли прилѣпить Разина, самого или сына.

****) Эти два послѣднихъ стиха вовсе не народны и никуда не годятся.

Наконецъ помянутое отношеніе любовницы къ атаману изложено въ формѣ особой Былины, напечатанной у насъ выше на стр. 42, 43, гдѣ опять выведенъ «Сынъ Стеньки Разина.»

Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ Астраханской катастрофѣ, упомянемъ еще одинъ эпизодъ. Извѣстно, что Разинъ, ѣздившій на *Соколѣ*, сжегъ *Орла*, старшее наше судно: сопоставленіе само по себѣ разительное и вызывающее поэтическіе образы. Съ другой стороны, можетъ быть не безъ вліянія сего случая, существуютъ преданія о плаваніи Ильи Муромца на Соколѣ и также сшибкѣ съ Орломъ, отъ коего на силу ушли (см. конецъ нашего 1-го выпуска). Именно все это конечно и возбудило И. П. Сахарова, вообще склоннаго къ передѣлкѣ пѣсень по разнымъ тенденціямъ, составить и помѣстить въ «Сказаніяхъ» слѣдующую драматическую сцену:

Соколъ и Орелъ.

(№ первый и послѣдній).

Дотолѣва [1]) про окіанъ море не слыхано,
А нынѣ на окіанъ море собираются [2]):
Собирался на окіанъ море Новоторженинъ [3]),
Убиралъ [4]) онъ тридцать кораблей безъ единаго [5]),
Украшалъ себѣ Соколъ корабль:
Ужь онъ деревцы [6]) становилъ кипарисовы,
Снасточки, бичевочки [7]) шелковыя,

---

[1]) Якобы народное: по смыслу нужно «доселѣва.» — [2]) Сочинитель предполагалъ, что это не проза, а народная поэзія. — [3]) Взятъ изъ Новгородскихъ Былинъ, потому что управлялъ кораблемъ Буслаева: но зачѣмъ попалъ на Каспійское море, неизвѣстно. — [4]) По народному «снаряжалъ.» — [5]) Это въ пѣсняхъ употребляется потому, что тридцатый обыкновенно—самого героя или хозяина: а здѣсь всего 29. — [6]) Какіе это Божьи «деревцы» и за чѣмъ? — [7]) Бичевокъ шелковыхъ не слыхано.

О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Бѣлыхъ, полотняныхъ [1]).
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина [2]).
Отваливали они Соколъ корабль
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку сыпучаго,
Отъ камышку [3]) зеленаго.
Плыли они по синю морю,
И несчастьице случилося [4]):
Билъ ихъ Соколъ корабль
Сизой Орелъ [5]), и отъ духу его
Соколъ корабль чуть не залился [6]).
Стенька Разинъ возговоритъ:
«Ужь ты общій [7]) большой братъ,
«Илья Муромецъ!
«Ты подай-ко мнѣ лукъ [8])
«Во пятнадцать пудъ.»
Натягивалъ Степанушка
Свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
Убивалъ сиза Орла
Во право крыло, въ ретиво сердце [9]).

Это такая мастерская Былина, что ее не помѣстилъ при своемъ изслѣдованіи даже г. Костомаровъ.

*

[1]) Изъ пѣсни: «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ.» — [2]) Молодецъ Новоторженинъ, купеческій сынъ, является хозяиномъ надъ Ильею и Разинымъ, какъ мальчиками. — [3]) Это по народному значитъ то же, что *камешку* сочинитель вѣроятно хотѣлъ выразить *камышь*, *камышикъ*, *камышиичекъ*. — [4]) Обычное по ловкости выраженіе въ словарѣ г. Сахарова. — [5]) У народа это значило бы — безъ смысла, или что пловцовъ билъ собою корабль Соколъ, онъ же Орелъ; у Сахарова это значитъ, что ихній корабль Соколъ былъ битъ Орломъ. — [6]) Отъ чьего-то *духу* чуть не захлебнулся: у сочинителя предъ взоромъ носится образъ парящаго державнаго орла. — [7]) Илья почему-то сдѣлался *общимъ* (gemein) и посаженъ, чтобъ подать лукъ Стенькѣ. — [8]) Въ эпоху Стеньки стрѣляютъ изъ лука. — [9]) Выходитъ сердце подъ *правымъ* крыломъ.

Астраханское дѣло Разина и убіеніе Прозоровскаго, съ замѣчательными подробностями о *раскатѣ* и судьбѣ *дѣтей*, изображено въ слѣдующей Былинѣ, къ сожалѣнію неизвѣстной г. Костомарову и примыкающей, какъ заключеніе, къ помѣщеннымъ нами выше:

Буйство въ Астрахани.
Убитъ Прозоровскій.

1.

Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернымъ да зачернѣлось.
Не чернымъ да зачернѣлось, не бѣлымъ да забѣлѣлось,
Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки,
Забѣлѣлися на мачтахъ тонкіе-бѣлые парусочки.
Что не черной воронъ гаркнулъ, что возговоритъ Стенька Разинъ:
«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
«Вы гребите не робѣйте, бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
«Намъ бы Астрахань городъ ополноче бы пробѣжати,
«Черноярской городочикъ что на утренней на зорѣ,
«Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никто бы не услышалъ.»

Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ и одинъ, братцы, услышалъ,
Господинъ большой бояринъ, Черноярской Воевода:
Шолъ отъ раннія отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити,
Велѣлъ въ колоколъ звонити во большой во набатной,
Чтобъ стрѣльцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.
Што возговоритъ Стенька Разинъ городскому да Воеводѣ:
—И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте,
—Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возметъ.—

Что метался Стенька Разинъ на угольную на башню,
Со великова раскату Воеводу долой збросилъ,
Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. III: въ другихъ эта Былина не повторялась).

*

Вмѣсто Астрахани поставленъ здѣсь Черный Яръ конечно потому, что и онъ игралъ во всемъ тогдашнемъ дѣлѣ важную роль. Вообще, какъ извѣстно, по всѣмъ сосѣднимъ мѣстностямъ, крупныхъ жертвъ падало не мало, то обесчещенныхъ, то мученныхъ, Унковскій, Тургеневъ, Семенъ Беклемишевъ, Семенъ Львовъ, и т. д. Вотъ почему, какъ, выше мы видѣли, черты Разинскихъ дѣлъ связались съ исторіей Карамышева, такъ сюда же примыкаютъ и другія убійства, помянутыя Былинами, хотя бы имена, въ нихъ вставленныя, были изъ другихъ эпохъ, или обстоятельства были только *похожи* на Разинскія.

Чтобъ не возвращаться послѣ для сравненій, мы кстати приведемъ здѣсь сіи Былины:

Убитъ Астраханскій Воевода (Губернаторъ).

1.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала рѣка матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку.
Какъ по той ли рѣкѣ матушкѣ Камышенкѣ
Выплываютъ ли стружечки есаульскіе.
На стружечкахъ тѣхъ сидятъ гребцы бурлацкіе:
Все бурлаки, все молодчики Заволжскіе.
Хорошо всѣ удальцы были наряжены:
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатны;
На камкѣ *) у нихъ кафтаны однорядочны;

*) «Изъ камки» или «на плечахъ.»

Канаватные *) бешметы въ нитку строчены;
Галуномъ рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всѣхъ на молодцахъ сафьяновы;
Они веслами гребли да пѣли пѣсенки.
Къ островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали Губернатора,
Губернатора ли ждали Астраханскаго.
Какъ возговорятъ бурлаки тутъ удалые:
««Еще что́ то на водѣ у насъ бѣлѣется?
««Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторски:
««Кого ждали-поджидали, того лядъ **) несетъ.»»
Астраханскій Губернаторъ догадался тутъ:
—Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
—Вы берите золотой казны, что надобно,
—Вы берите цвѣтно платье губернаторско,
—Вы берите всѣ диковинки заморскія,
—Вы берите всѣ вещицы Астраханскія.—
Какъ возговорятъ удалы люди, вольные:
««Какъ твоя не дорога намъ золота казна;
««Намъ не дорого ни платье губернаторско;
««Намъ не дороги диковинки заморскія;
««Намъ не дороги вещицы Астраханскія:
««Дорога намъ твоя буйная головушка.»»
Буйну голову срубили съ Губернатора,
Они бросили головку въ Волгу матушку;
Сами молодцы ему тутъ насмѣхалися:
««Ты добрѣ, вѣдь, Губернаторъ, къ намъ строгонекъ былъ,
««Ты, вѣдь, билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссылывалъ,
««На воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ!»»

(Обстоятельнѣе напечатано, съ напѣвомъ, у Кашина, ч. II. изд. 1-е 1834 г.; перепечатано Бернардомъ и другими).

*

---

*) Старая узорочная ткань: κάνναβος, cannabus, наше конопъ, конопель (а не шелковая, какъ въ Словарѣ В. И. Даля).

**) Пустой, кромѣшный (то же, что «чортъ,» но по употребленію нѣсколько мягче). «Лядъ его возьми,»—то же, что «пусто ему!»

Эту-то Былину, не допечатавъ конца, какъ помянуто выше, привелъ г. Костомаровъ о первомъ переходѣ Разина на Волгу: конецъ ея показываетъ другое, прямое примѣненіе къ Астраханскому дѣлу.

Такова же и слѣдующая:

2.

(Кирша Даниловъ).

Промежь было Казанью, промежь Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Изъ тоя ли было нагорной сторонушки,
Какъ бы прошла-протекла Камышевка рѣка,
Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ
Выгребали-выплывали пятдесятъ легкихъ струговъ,
(Пятдесятъ легкихъ струговъ) воровскіихъ козаковъ;
А на всякомъ стружечку по пятдесятъ *) гребцовъ,
По пятдесятъ гребцовъ, воровскіихъ козаковъ.
Заплывали-загребали въ Коловинскіе острова,
Становились молодцы во тихихъ заводяхъ,
Выгулять **) они на зеленые луга.
Разставили майданы ***) Терскіе,
И раздернули ковры Сорочинскіе;
А играли козаки золотыми они тавлеями,
Кто, де, костью, кто, де, картами, всѣ удалы молодцы.

Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,—
Какъ бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,

*) Стихъ требуетъ: «по пятидесятъ.»—Передъ симъ «стужечку:» конечно опечатка.

**) Выходили, вышли гулять: вѣроятно опечатка.

***) Сборныя палатки, крытыя площадки (собственно майданъ—наше «поле»).

А идутъ гребные изъ Астрахани.
Дожидалисъ козаки, удалые молодцы,
Губернатора изъ Астрахани Репнина,
Князя Данилу Александровича:
А на что душа рождена, того Богъ и далъ.
Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
И бросали козаки они потѣхи всѣ,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися козаки на гребные струги,
Они всѣ *) туто торговыхъ перещупали,
Они спрашиваютъ Губернатора изъ Астрахани:
««А то коли онъ съ вами, покажите его намъ,
««А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ.»»
Потаили купцы Губернатора,
У себя они спрятывали подъ товары подъ свои.
Говорили молодцы, воровскіе козаки:
««А вы сами себѣ враги, за что его спрятывали!»»
Обыскали подъ товарами Губернатора,
Репнина князя Данилу Александровича:
Изрубили его во части мелкія,
Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми дѣтушками,
Они всѣ *) молодцы, воровскіе козаки, помиловали;
А купцовъ-молодцовъ ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевкѣ рѣкѣ.

(Ср. Др. Росс. Стихотвор.).

* *

Путь Разина къ Симбирску изображенъ у г. Костомарова отрывкомъ той же Былины, которая напечатана у насъ по нѣ-

*) Всѣхъ?

сколькимъ образцамъ въ 6-мъ выпускѣ (стр. 25—35 и далѣе), относится по старшимъ образцамъ къ помощи Грозному подъ Казанью и дѣйствительно кончается, какъ и у г. Костомарова, Казанью. Не споримъ, что въ ней могутъ быть и черты Разинскія, какъ мы уже и говорили объ ней выше: но по крайности въ приведенномъ у г. Костомарова и въ сродныхъ, у насъ напечатанныхъ, образцахъ, говорится, что Астрахань «пройдутъ мимо» и притомъ тихонько, а это уже не было нужно послѣ завладѣнія Астраханью, и самъ г. Костомаровъ вынужденъ замѣтить здѣсь анахронизмы.

—

По мѣрѣ распространенія шаекъ и сообщниковъ Разина, у нихъ должны были непремѣнно сложиться *свои*, Круговыя или Хоровыя пѣсни, объ ихъ собственныхъ выгодахъ или подвигахъ, помимо Разина, имя коего только вставлялось для цвѣту и являлось на второмъ планѣ. Вообще у вольницы, козаковъ, это обычай, и конечно многія изъ помянутыхъ Былинъ сего же происхожденія, такъ что черты самого Разина попадали въ нихъ только вставкою. Такова Былина, или, лучше, помянутая Пѣсня Круговая, средоточіе которой составляетъ «построеніе церкви,» обстоятельство, именно въ Черкасскѣ, не безъизвѣстное изъ исторіи Разина. У г. Костомарова напечатанъ прекрасный образецъ того:

Пѣсня Разинцевъ.

1.

(Не извѣстно, гдѣ записана).

Ахъ туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,

Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь *)!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, часть-крупенъ дождикъ,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички, братцы, разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися.
Во дубравушкѣ во зелененькой **)
Ночевали тутъ добры молодцы,
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
««Ты взойди; взойди, красно солнышко,
««Надъ горой взойди надъ высокою,
««Надъ дубравушкой надъ зеленою,
««Надъ урочищемъ добра молодца,
««Что Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
««По прозванью Стеньки Разина ***).
««Ты взойди, взойди, красно солнышко,
««Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
««Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ:
««Мы не воры, не разбойнички,
««Стеньки Разина мы работнички,
««Есауловы все помощнички.
««Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
««Кистенемъ махнемъ—корованъ собьемъ,
««Мы рукой ****) махнемъ—дѣвицу возмемъ.»»

*

Покойный М. А. Стаховичъ записалъ эту пѣсню не мудрствуя; она отличается необычайно широкимъ, характеристическимъ напѣвомъ; вотъ она:

---

*) Послѣдніе три стиха не считаемъ мы принадлежностью сей пѣсни: потому, что 1) они черезъ чуръ элегичны; 2) подлаживаются къ сочиненной пѣснѣ „Ужь какъ палъ туманъ;" 3) послѣдніе два стиха не согласуются ни со складомъ, ни съ извѣстнымъ напѣвомъ пѣсни; 4) вносятъ необычное удареніе „отъ ретѝва" и т. п. —**) Эти сосѣдніе два стиха не ладятся и усильно сопоставлены.—***) Отсюда-то и начинается за симъ собственно пѣсня, на сколько мы знаемъ ея подлинность. — ****) Вымышлено и прозаично.

2.

(Орловск. губ.).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою *),
надъ высокою;
Надъ дубравою надъ зеленою,
Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!
Освѣти ты насъ, добрыхъ молодцевъ:
Мы не воры да не разбойнички,
не разбойнички,
Мы не воры да не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички,
мы помощнички.
Какъ мы строили церковь славную,
Церковь славную, седмиглавную,
седмиглавную...

(Записано М. А. Стаховичемъ, потомъ напечатано имъ съ варіантами и съ музыкою въ „Собр. Р. нар. пѣсень,“ 1854 г.).

Та же самая пѣсня помѣщена въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, Ч. III, а покойнымъ А. В. Кольцовымъ записана въ Воронежѣ и отдана для изданія Бѣлинскому. Но въ обоихъ сихъ образцахъ, послѣ того же, и прекрасно развитаго, начала, изображается атаманова любовница, то въ кручинѣ по родныхъ, то какъ убійца ихъ, особенно брата. Это, повторяемъ, хотя и безъ имени Разина, весьма подходитъ къ образу его любовницы Персіанки (она была невольною виною убійства брата): однако, по принятому правилу, мы помѣстимъ ее, съ другими сродными образцами, ниже, въ Козацкихъ, Безъимянныхъ, Молодецкихъ.

* *

*) Послѣднее слово въ каждомъ изъ двухъ стиховъ сперва надламывается напѣвомъ по поламъ, а потомъ выпѣвается цѣликомъ уже въ припѣвѣ.

Г. Костомаровъ приводитъ пѣсню, которую, говоритъ, по преданію, Стенька сложилъ сидя въ темницѣ· «Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ» и т. д. Но это только отрывокъ, и въ семъ видѣ онъ извѣстенъ изстари до новѣйшаго времени въ устахъ всѣхъ Козаковъ и Безъимянныхъ Молодцевъ. Ежели здѣсь и стоитъ въ концѣ имя Разина, то это *прибавлено* къ общей пѣснѣ, или же Разинъ примѣнилъ къ себѣ опять эту *общую* пѣсню. По образцамъ болѣе достовѣрнымъ, изъ губерній Пермской, Симбирской, Калужской, и другихъ, ближайшихъ къ поприщу дѣйствій Разина, пѣснею его собственно нужно счесть ту, которая напечатана у насъ выше на стр. 40, 41, подъ № 5-мъ, и начинается словами «Вы лѣса ль мои, лѣсочки.» Въ ней, напротивъ, и естественно, Разинъ выставляется еще «не пойманнымъ,» на волѣ, и оплакиваетъ гибель своихъ товарищей, своего всего дѣла. Тогда-то конечно онъ и сложилъ ее, при отчаянномъ исходѣ подвиговъ, но во всякомъ случаѣ до тюрьмы и заключенія, ибо иначе кто же въ тюрьмѣ, за грозными сторожами, подслушалъ бы, запомнилъ и распространилъ пѣсню? Изображая конецъ всего дѣла, Разинъ могъ пѣть о себѣ и въ третьемъ лицѣ. Вотъ еще разнорѣчія сей пѣсни:

Пѣсня Разина

Гибель его товарищей и его самого.

1.

(Симбирск. губ.).

Не рябинушка со березенькой совивается,
А не травенька съ травенькой сплетается:
Какъ не мы ли, добрые молодцы, совыкалися.
Какъ лѣса ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы куста ли мои, кусточки, кустики таловые *),

---

*) Изъ таволги.

Вы станы ли мои, станочки, вы станы мои Теплые!
И еще ли вы, мои лѣсочки, всѣ порубленые,
Всѣ куста мои, кусточки, всѣ поломаные,
Всѣ дружья мои, братцы-товарищи, переловленые,
По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженые:
Оставался одинъ товарищъ, Стенька Разинъ сынъ.

*

2.

(Оттуда же).

Вы лѣса наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе *),
Вы станы ли наши, станочки, станы наши Теплые,
Вы дружья ли наши, братцы-товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А куста наши всѣ поломаны,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ дружья наши товарищи переловлены,
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки:
Ни куды-то намъ **), добрымъ молодцамъ, ни ходу, ны выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.

(Запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія" 1859 г.).

*

Такимъ образомъ необходимо раздѣлить слѣдующее: 1) Пѣсню самого Разина; 2) ту же пѣсню, гдѣ говоритъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; 3) ту же пѣсню, когда она пѣлась уже его, оставшимися, товарищами и послѣдователями, и конечно уже

*) Тутъ, вѣроятно, опечатка.

**) Здѣсь уже очевидно пѣсня *Разина* пѣта оставшимися въ живыхъ *его товарищами и послѣдователями*.

отъ *лица ихъ*, а объ Разинѣ въ третьемъ лицѣ; наконецъ 4), когда уже казнь и смерть совершилась, а дѣло стало прошлымъ, наступила возможность сложить изъ пѣсни и разсказа, или лучше изъ всего теченія событій, цѣлую Былину, подобно какъ, мы видѣли, Плачь *самой* Ксеніи, сложенный и пѣтый сначала ею самою, обращенъ послѣ нея въ Былину, съ разсказомъ о судьбѣ героини. Въ этомъ отношеніи крайне замѣчательна Былина, напечатанная нами во II-й части собранія П. Н. Рыбникова, стр. 239, 240, № 41, записанная въ Пермской губерніи. Она только одна, изъ сего разряда, и заслуживаетъ имя *Былины* въ собственномъ смыслѣ, а не простой Пѣсни, ибо послѣдовательно передаетъ теченіе *событій*, а вмѣстѣ вскрываетъ передъ нами способъ, какъ слагаются въ народѣ произведенія сего рода. Нужды нѣтъ, что тутъ, какъ и въ собраніи Кирѣевскаго, въ напечатанномъ выше образцѣ, черты нѣсколько разукрашены, вставленъ *Дунай* и т. п.: дѣло само очень ясно.

Былина начинается именно 1) Пѣснею Разина; 2) потомъ разсказывается о подвигахъ Разина, отъ лица его самого; 3) далѣе его Завѣщаніе, приведенное, какъ говорили мы выше, г. Костомаровымъ; 4) за тѣмъ Плачь товарищей надъ могилой и погребеніе; наконецъ 5) ихъ распрощанье между собою и рѣшеніе разойтиться. Впрочемъ мы обязаны цѣликомъ привести здѣсь этотъ замѣчательный образецъ:

3.

(Пермск. губ., Екатеринб. уѣзда).

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые!
Ужь какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ,
По прозваньицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ, я не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
«Перевезите-ка́ меня, добра молодца,
«На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»

На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
«Ахъ вы милые сотоварищи!
«Похороните меня, добра молодца,
«Промежду трехъ дорогъ, первой [Питерской],
«Другой Владимірской, третьей Кіевской.
«Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
«Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
«Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
«Вовъ ногахъ поставьте ворона́ коня.
«Кто ни йдетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
«Мимо молодца, всякъ помолится:
«—Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
«—Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ!—

Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину покланялися:
—Ужь ты выстынь-ка, сотоварищъ нашъ,
—Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
—Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
—Ты ударь-ка буйной палицей
—По бедрамъ нашимъ широкіимъ *)!
—Кабы знали мы ужь вѣдали,
—Выручили бы съ бѣла́ камня́,

*) За то, что не спохватились и не выручили Стеньки Разина.

—Съ бѣла камня, со Дунай-рѣки,
—Со Дунай-рѣки, со широконькой.
—Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
—Златы латы тутъ серпентинныя!—

Погрузили во Дунай-рѣку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати;
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу покланялися:
—Ужь мы, братцы, разойдемтесь-ка,
—Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!—

(Отъ крестьянина; ср. II ч. собр. П. Н. Рыбникова).

* *

Что касается до *пѣсни*, которую г. Костомаровъ ставитъ при разсказѣ о заключеніи Разинова брата *Флора*, какъ будто ему принадлежащей, то она, еще болѣе Разинскаго *завѣщанія*, принадлежитъ одинаково любому Флору и Лавру, рѣшительно всѣмъ Безъимяннымъ Молодцамъ и Козакамъ, а поется вообще какъ олицетвореніе тюремнаго заключенія и пѣсня о подвигахъ заключеннаго, въ сотнѣ видовъ и редакцій

Теперь идетъ уже *воспоминаніе* о Разинѣ, въ видѣ столь знакомаго намъ *Плача*, какъ поютъ его, на примѣръ, о смерти всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, съ Ивана Грознаго до Александра I-го, и какъ могутъ видѣть читатели всюду у насъ, начиная съ 6-го выпуска. Въ настоящемъ 7-мъ выше напечатанъ у насъ образецъ (стр 41, № 6) изъ Новиковскаго пѣсенника, съ замѣтною книжною придѣлкою на концѣ: «И на славной Красной площади Отрубили буйну голову.» То же, короче, изъ другихъ пѣсенниковъ напечатано и у г. Костомарова, съ началомъ:

Помутился славный-тихій Донъ
От̀ Черкаска до Чернаго моря,
Помѣшался весь козачій кругъ, и т. д.

* *

Какъ взятіе Казани, какъ Астрахань при Михаилѣ (ср. выше), такъ конечно не могло миновать народнаго вниманія последовавшее взятіе и очищеніе Астрахани послѣ Разина. Вѣроятно событіе это отозвалось въ слѣдующей Былинѣ, хотя не скрываемъ, что она можетъ относиться и къ другимъ завоеваніямъ, и не только Астрахани, а даже и другихъ городовъ, какъ, на примѣръ, весьма сходно поется о взятіи Азова (ср. похожій пріемъ обмана при взятіи его выше, о Скопинѣ). Мы считаемъ не лишнимъ привести эту Былину здѣсь, въ старшемъ для нея по времени мѣстѣ; имя *Никиты Ѳедоровича* согласовалось съ тѣмъ, что послѣ Милославскаго прибылъ въ Астрахань Яковъ Никитичь *Одоевскій*, а въ исторіи Одоевскихъ народу особенно памятно имя *Никиты*.

Взятіе Астрахани.

1.

(Задонскій уѣздъ).

Собирался князь Никита
Сынъ Ѳеодоровичь,
Онъ во путь во дороженьку,
Въ Астрахань городъ.
Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки
Астраханскія,
А не мало и не много—
Сорокъ восемь тысячь.
Обивалъ онъ телѣжки
Дорогимъ сукномъ,
Дорогимъ такимъ *) сукномъ,
Чернымъ бархатомъ.

---

*) Тонкимъ?

Онъ сажалъ на тѣ телѣжки
По семи человѣкъ,
По восьмому онъ сажалъ
По кучеру,
По девятому онъ сажалъ
Кашевapoмy,
По десятому онъ сажалъ
Провожатому.
Напередъ онъ послалъ
Своего гонца:
«Ты гони, гони, гонецъ,
Въ Астрахань-городъ!
«Ты воскликни, ты возгаркни
Громкимъ голосомъ:
«—Ужь вы гой-еси, купцы
Астраханскіе!
«—Отворяйте-ка ворота
Вы широкіе,
«—Мы пріѣхали къ вамъ, купцы
Черноморскіе,
«—Привезли мы вамъ товары
Все заморскіе:
«—Черныхъ соболей
Со куницами,
«—Съ чернобурыми
Со лисицами.—»

Отворяли имъ купцы
Свои ворота,
Становили купцы гонца
Во гостинницу.
Но тамъ гонецъ
Не уставился;
Очищали для гонца
Три площади,
Просили со гонца
Три пошлины:

—Заплачу́ я вамъ, братцы,
Всѣ три пошлины.—
Какъ съ перваго часу,
Со полуночи,
Выходилъ нашъ гонецъ
На высокъ балконъ,
Онъ воскликнулъ-возгаркнулъ
Громкимъ голосомъ:
—Ты вставай, вставай,
Живой товаръ!
—Ты съ перваго конца
Жги-пали,
—А съ другаго конца
Сѣки-руби,
—А съ третьяго конца
Во полонъ бери,
—На каждаго молодца
Цѣпь тяжелую клади!—
Закричали купцы, купцы
Астраханскіе:
««Какъ ни честь, ни хвала
Царю Бѣлому,—
««Какъ не взяли Астрахань
Городъ въ тридцать лѣтъ,
««А теперь взяли его
Ровно въ три часа!»»

(Ср. Воронежск. Бесѣду 1861 г.).

Кстати, говоря о Былинахъ, оплакивающихъ смерть народныхъ героевъ, благодѣтелей или враговъ, укажемъ на Былину у Кирши Данилова о смерти *Михайлы Черкашенина*. Не ручаемся, чтобы она была сложена именно для этого лица: она похожа на весьма многія такія же Безъимянныя. Но по крайности мы имѣемъ здѣсь *имяни* образецъ того, какъ и съ какого времени Московское пѣснотворчество обратилось съ учас-

тіемъ къ представителямъ и событіямъ козачества. «Можетъ быть» даже и сложена она современно, въ одну эпоху съ Ермакомъ. Тогда мы для XVI и XVII вѣка Московскихъ Былинъ получаемъ *Ермака*, *Михайлу*, *Стеньку*, и *Флора Минаева*, съ ними Донъ, Волгу и Сибирь, Казань, Астрахань и Азовъ, однимъ словомъ главныя лица, поприща дѣйствія, черты и событія тогдашняго, «не-Малорусскаго» козачества.

Смерть Михайлы Черкашенина.

1.

(Кирша Даниловъ).

За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою,
Изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана Польскаго,
Атамана Польскаго, а по имени Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются:
Еще плачутъ малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;
Съ высокаго терема зазрѣла молодая жена,
А плачетъ-убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ,
Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:
«Козачья вольная *) по здорову пріѣхали,
«Тебя, свѣта моего, привезли убитаго,
«Привезли убитаго атамана Польскаго,
«А по имени Михайла Черкашенина!»

*) Вольница, козаки вольные, отчего и согласовано во множественномъ числѣ.

За Козачествомъ Московскаго періода Былинъ ближайше важное мѣсто принадлежитъ Былинѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря: по тремъ образцамъ она напечатана нами въ изданіи «Калѣкъ Перехожихъ,» вып. 3, стр. 675—680, № 157 и далѣе.

Съ симъ связаны: судьба стрѣльцовъ, переживавшихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ послѣднюю годину, и первыя волненія въ средѣ ихъ; но у насъ выше, на стр. 43, 44, напечатана Былина о смерти Стрѣлецкаго Воеводы, *одна*, ибо одна съ именемъ Алексія. Другія же, собственно о возстаніяхъ и гибели, хотя несомнѣнно по многимъ частямъ своимъ истекаютъ изъ эпохи того же царствованія, но, или именемъ вѣнценосца, или общимъ характеромъ прямѣе принадлежатъ времени Петра I-го, гдѣ читатели и найдутъ ихъ, даже съ развѣтвленіемъ Безъимянныхъ.

Былина «подъ Ригою,» помѣщенная у насъ выше на стр. 44, представляетъ собою уже начало простыхъ Пѣсней, такъ называемыхъ Военныхъ или Служилыхъ: такого же рода, хотя безъ всякихъ именъ, помянутая пѣсня о зимовой и весновой службѣ, № 5 въ тетради Ричарда Джемса. Это даже начало, хотя и отдаленное, послѣдующихъ пѣсень *Солдатскихъ*, Руси Новой.—Она же перепечатана въ сборникѣ г.г. Костомарова и Мордовцевой, стр. 27, 28, подъ буквою *В*, съ нѣсколькими, не совсѣмъ удачными, перемѣнами словъ. Другой тамошній варіантъ, на стр. 27, подъ буквою *А*, по своимъ *солдатскимъ* оборотамъ и *фельдмаршалу*, какъ пѣсня Безъимянная, находитъ непремѣнное мѣсто въ Новой Россіи, гдѣ и можетъ свободно воспѣвать о любыхъ сборахъ подъ Ригу,—много, много, если въ эпоху Петра. Почтеннымъ собирателямъ *показалась* эта пѣсня *началомъ* той, которая напечатана подъ буквою *В*, и вотъ почему конечно сочли они нужнымъ замѣтить, что «нѣкоторыя (женщины?) поютъ, послѣ «православный царь,»—«бывшій царь Алексѣй Михайловичь.»»

За симъ, на стр. 45—47, помѣщены у насъ послѣднія Былины Древней Россіи, о смерти Алексѣя Михайловича, въ 4-хъ нумерахъ, изъ коихъ 1-й съ именемъ, три съ подходящими чертами: собственно повтореніе, съ малымъ разнообразіемъ, того же, что̀ начинается въ Московскихъ Былинахъ съ Грознаго и нѣсколько разъ еще повторится предъ читателями въ дальнѣйшихъ выпускахъ, о послѣдующихъ государяхъ и государыняхъ.

Остается намъ сказать о тѣхъ, уже не столько Былинахъ, сколько простыхъ Пѣсняхъ, кои напечатаны въ первыхъ «Прибавленіяхъ» сего выпуска, на стр. 54—62, въ 5-ти образцахъ, и названы *Татарскими*. Ихъ нельзя обойти при заключеніи *Древней* Руси, и мы можемъ здѣсь еще прибавить къ нимъ нѣсколько любопытныхъ образцовъ или разнорѣчій.

Но прежде считаемъ нужнымъ напомнить то, что̀ говорили уже не разъ въ «Замѣткахъ» къ разнымъ выпускамъ, при разныхъ собраніяхъ Пѣсень и Стиховъ нашего изданія. — Съ самыхъ первыхъ годовъ Русской исторіи, а потому и съ первыхъ Былинъ, огласившихъ начало и развитіе Руси въ ея государствѣ и земствѣ, Восточные выходцы, вторгаясь въ наши предѣлы, жизнь и исторію, на промежуточномъ пути между Азіей и Западной Европой, конечно должны были, хотя подъ разными именами и въ разной обстановкѣ, войти эпизодически въ народное пѣснотворчество, какъ лица, обстоятельства и единичныя части *въ содержаніи* Былинъ. Послѣдующее, сравнительно сильнѣйшее, преобладаніе полчищь Татарскихъ сообщило и всѣмъ старшимъ Восточникамъ, и позднѣйшимъ развѣтвленіямъ ихъ, по преимуществу оклнкъ, характеръ и колоритъ *Татарскій*. Съ этой только стороны можно и пѣсни, гдѣ они встрѣчаются, именовать, въ узкомъ смыслѣ, *Татарскими*: и только. На само творчество наше, на складъ, стихъ, напѣвъ, пріемъ, языкъ и т. п., Татарскаго